

**ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ
И СТРАНЫ АТР
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

PACIFIC RUSSIA AND THE PACIFIC RIM COUNTRIES IN CHANGING WORLD

Collection of Articles

Vladivostok
Dalnauka
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ И СТРАНЫ АТР В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сборник статей

Владивосток
Дальнаука
2009

Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире: сборник статей / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. — Владивосток: Дальнаука, 2009. — 480 с.
ISBN 978-5-8044-1013-2

Сборник включает статьи по материалам XI международной научной конференции молодых историков «Дальний Восток России и страны АТР в изменяющемся мире» (Владивосток, 12—15 мая 2008 г.) — студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей России, Китая и Японии, посвященные широкому спектру проблем современных исторических, археологических и этнологических исследований. Особое внимание уделено трансформационным процессам в дальневосточном и сопредельных регионах в древности и в современный период. Такая постановка вопроса позволяет перейти от традиционного исследования структур истории к изучению её процессов, а также дать оценку роли и места региона в контексте глобального развития.

Для специалистов, студентов и аспирантов, а также более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории Дальнего Востока России и стран — соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону, рекомендуется эта книга.

Ключевые слова: молодые историки, страны АТР, международные отношения, Дальний Восток России, история, археология, этнография

Pacific Russia and the Pacific Rim Countries in Changing World: Collection of articles / Ed. by V.L. Larin, Yu.V. Latushko, I.V. Stavrov. — Vladivostok: Dalnauka, 2009. — 480 p.
ISBN 978-5-8044-1013-2

The collection of articles contains materials of the XI international conference of young scholars «Russian Far East and the Pacific Rim Countries In Changing World» (Vladivostok, May 12—15, 2008) — students, postgraduate students, tutors of Russia, China, Japan. It deals with different problems of modern historical, archaeological and ethnological studies. In spotlight of the XI conference is the rapidly changing world that demands the analysis of transformation processes in Far Eastern region in past and present with great attention.

For specialists, students and postgraduate students and readers, who interested in history and anthropology of Russian Far East and the Pacific Rim Countries.

Key words: young scholars, Russian Far East, Pacific Rim Countries, international relations, history, archaeology, ethnography.

Редакционная коллегия

В.Л. Ларин, д-р ист. наук, проф. (главный редактор), *Ю.В. Латушко*, канд. ист. наук, *И.В. Ставров*, канд. ист. наук (ответственные редакторы), *С.В. Березницкий*, д-р ист. наук, проф., *Г.П. Белоглазов*, канд. ист. наук, *А.Л. Ивлиев*, канд. ист. наук, *С.Г. Коваленко*, канд. ист. наук

Рецензенты

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, проф.
Д.В. Лихаров, д-р ист. наук, проф.

Утверждено к печати учёным советом Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке грантов РФНФ,
проект № 08-01-03404г/р и Президиума ДВО РАН, проект № 07-III-Г-11-122

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

І. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ АТР

Мун А.В. Предпосылки и истоки формирования концепции «восточного общества» у раннего К. Виттфогеля	11
Симоненко Е.С. Становление канадских военно-морских сил накануне первой мировой войны	22
Фролова Е.А. Концессионная политика как фактор российско-американских отношений на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.)	32
Юрченко Е.С. Политическое будущее России сквозь призму «сибирского фактора». Политика правительства США в отношении партий и движений в России в годы Гражданской войны и интервенции	41
Стапран Н.В. Трансформация японских внешнеполитических доктрин в отношении Азии (1945—2008 гг.)	51
Филиппов М.В. Япония и Россия: конфликт интересов	58
Пасмурцев В.А. Политика Русского государства и империи Цин на сопредельных территориях Приамурья во второй половине XVII в.: основные тенденции и факторы	63
Макитрюк Е.В. Проблема подданства нижнеамурских гольдов (нанайцев) после заключения Пекинского договора (1860 г.)	72
Лю Сяньчжун. Китайско-советский конфликт на КВЖД 1929 г.	78
Головачёв В.Ц. «Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция»: судьба книги и автора	82
Като М. Россия и АТЭС: Внешние и внутренние проблемы России и её участие в Азиатско-Тихоокеанской интеграции	90
Задерей Н.В. Дальневосточное измерение Шанхайской организации сотрудничества: поиск общих координат	97

Козлов Л.Е. Китай в мировой политике: современные германские исследования	107
Ван Чао. Состояние и перспективы культурного обмена между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России	117
Кудинова Е.В. Год России в Китае и Год Китая в России: приграничные регионы РФ и КНР в реализации программы Национальных Годов ...	122
Цун Ляньли. Анализ проблем образования в России и Китае	129
Олейников И.В. Китайско-новозеландские торгово-экономические отношения в начале XXI в.	132
Ши Чуньян. Вступление китайско-российских отношений в новый этап развития	139
Цзян Фэн. Анализ состояния и перспектив развития китайско-российского сотрудничества в области информационных технологий	146
Лю Сю. Текущий этап переговоров о нефтепроводе «Сковородино — граница Китая»: срок прокладки, объём и цена нефти	149
Иванов С.А. Тенденции и проблемы социально-экономического развития китайского приграничного пояса в контексте межрегиональной интеграции России и Китая (начало XXI в.).....	158
Зыков А.А. Потенциал трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России и стран Северо-Восточной Азии.....	166
Ставров И.В. Проблемы реализации политики КПК в области культуры неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (1978—2007 гг.).....	175
Кондратенко Г.В. Система социального обеспечения в современной КНР (на примере провинции Ляонин)	188
Кузнецов Д.В. Проблема Северной Кореи и общественное мнение	191

II. РОЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Гамерман Е.В. Функциональные обязанности и деятельность служащих органов общей полиции российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в.	205
Авилов Р.С. История создания регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869—1903 гг.).....	214
Асада Масафуми. Разгром Морского пароходства Общества КВЖД: ещё одна трагедия в русско-японской войне	225
Юкимура Сакон. Экономическое положение Дальнего Востока в начале XX в. и проблемы введения земского самоуправления.....	236

Тригуб Г.Я. Политическая деятельность органов местного самоуправления в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (июнь 1918 г. — октябрь 1922 г.)	240
Заколотная А.С. История изучения переселения на Дальний Восток России на современном этапе	253
Сергеева М. Г.Ф. Миллер о перспективах экономического развития первых городов Сибири на примере Енисейска и Красноярска	263
Корновенко С.В. Н. Махно и махновское движение на Украине в оценке современной украинской историографии: краткий обзор	268
Арнаутов Н.Б. Концепция политической борьбы на страницах «Краткого курса истории ВКП(б)»	276
Хошек М. Международный аспект вопроса о транзите чехословацких легионеров по Китайско-Восточной железной дороге в начале союзнической интервенции	285
Егоров Н.А. Подрывная деятельность белоэмигрантских организаций против советского Дальнего Востока в 1922—1941 гг.	293
Савчук А.А. Советская брачная политика и проституция на Дальнем Востоке в 1922 — 1929 гг.	301
Минаков А.С. Губернаторы на Дальнем Востоке: кадровая политика и правительственный контроль: (Исторический опыт в стратегической перспективе)	308
Савченко А.Е. Дальневосточный регион России в конце XX в. в контексте теорий революции	314
Ложкина А.И. Проблемы культурной политики в законодательных документах Российской Федерации	319
Тао Ли. Анализ состояния и рыночного потенциала одежды в России	327

III. ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН АТР

Баженова Ж.М. Меньшинства Японии	330
Чертушкина Е.В. Проблема социального затворничества среди японской молодежи	343
Давлетшин А.И. Мориори — охотники на морского зверя и линную птицу в Полинезии: опыт изучения адаптивной вариативности в культуре	353
Латушко Ю.В. Политика родства: модели трансформации социо-политических систем полинезийцев	364
Лебедева А.А. «Остров духов» в микронезийском навигационном искусстве: историографический и этнографический аспекты	372

Гвоздев Р.В. Элементы военных знаний в национальных играх тунгусо-маньчжуров и нивхов (XIX—XX вв.)	378
Фадеева Е.В. Женщины коренных народов Нижнего Амура в условиях освоения региона (вторая половина XIX—XX в.)	386
Татаренкова Н.А. Результаты опроса алеутов Командорских островов в рамках проекта PSP о традиционном использовании двустворчатых моллюсков	394
Поповкина Г.С. Лечение детей народными средствами у современного восточнославянского городского населения на юге Дальнего Востока России	412
Краюшкина Т.В. Группа мотивов особых телесных состояний: типы и функции (на материале регионального сказочного фольклора)	420
Поповкин А.В. Сопоставление форм осмысления индивидуально-личностного начала человека в христианской и нехристианских культурах: к вопросу о перспективах личностно-центрированного подхода ...	429

IV. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Васильева Л.Е. Исследование древнего поселения Клерк-5 в бухте Бойсмана	437
Асташенкова Е.В., Пискарёва Я.Е. Результаты археологической разведки в Анучинском районе Приморского края в 2007 г.	441
Саранцева С.Е. Морфология чжурчжэньской черепицы: проблемы датирования	452
Зверев С.А., Полищук Т.В. Применение электрометрии и георадиолокации для исследования культурного слоя	461
Никитин Е.Ю. Государство Бохай как часть мир-системы Восточной Азии	466

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что такое Тихоокеанская Россия? Каким образом изменяется мир? Куда он идёт? И откуда?

Такие вопросы чаще всего задаёт молодёжь, которая не так ещё много знает, но более любопытна и дерзновенна, чем старшее поколение. Любопытство и дерзость особенно востребованы сегодня на тихоокеанском побережье Евразии, когда Россия не только в очередной раз декларировала своё намерение стать Азиатско-Тихоокеанской державой, но предпринимает реальные шаги в этом направлении. А на пути — шаблоны и стереотипы, заскорузлые догмы и авторитеты. Где, как не на встречах с себе подобными, эти авторитеты можно ниспровергать, дать волю фантазии, доказывать недоказуемое.

Любая молодёжная научная конференция привлекательна своей непредсказуемостью и диапазоном докладов, а молодёжная международная — соседством различных, иногда противоположных философий, концепций, школ, взглядов на мир и его реалии, политических пристрастий и ещё не оформившихся убеждений. Участники конференции с большим вниманием, чем их умудрённые знаниями старшие коллеги, выслушивают доклады и высказываются по темам, далёким от сферы их собственных интересов.

Поэтому под широкой «крышей» «Тихоокеанской России в изменяющемся мире» уживаются сюжеты, посвящённые канадским военноморским силам в начале XX в. (Е. Симоненко) и проблемам современного образования в России и КНР (Цун Ляньли), махновскому движению на Украине (С. Корновенко) и перспективам участия России в Азиатско-Тихоокеанской интеграции (М. Като), применению электрометрии

и георадиолокации в археологических исследованиях (С. Зверев, Т. Полищук) и национальным играм тунгусо-маньчжуров и нивхов (Р. Гвоздев).

Нет необходимости, предваряя знакомство читателя с докладами, говорить об их достоинствах и недостатках. Все они по-своему интересны и достойны того, чтобы быть прочитанными, тем более редколлегия провела достаточно строгий отбор представленных докладов. Важно, что эти доклады демонстрируют лицо молодой исторической науки не только Дальнего Востока, но и России в целом и её восточных соседей — Китая и Японии.

Молодёжные научные конференции, уже много лет проводимые Институтом истории, дали пропуск в большую науку многим исследователям. Хочется верить, что для всех авторов, особенно для тех, чьи научные работы публикуются впервые, XI конференция молодых историков и этот сборник будут важным рубежом в становлении их как учёных. А читатели получают не только новые знания, но и импульс к поиску, творчеству, открытиям.

*В.Л. Ларин,
директор ИИАЭ ДВО РАН,
доктор исторических наук,
профессор*

I ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ АТР

А.В. Мун
г. Уссурийск

ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА» У РАННЕГО К. ВИТТФОГЕЛЯ

Карл Виттфогель известен в отечественной историографии как автор знаменитой книги «Восточная деспотия»¹ (1957), благодаря которой он прослыл как еретик и ренегат среди ортодоксальных марксистов². В этой книге представлена законченная концепция «агробюрократического», или «гидротехнического общества» позднего Виттфогеля, дано обоснование единой природы советского строя в России и строя восточных деспотий, в которых бюрократия, опирающаяся на мощь государства, выступает в качестве правящего и эксплуатирующего класса, и дана пессимистическая оценка роли России в мировой истории как «родины социализма». Гораздо меньше у нас известен ранний Виттфогель, несмотря на то, что в 1920-х гг. на русский язык были переведены три его работы: «Наука в буржуазном обществе» (1924), «Пробуждающийся Китай» (1926) и «Геополитика, географический детерминизм и марксизм» (1929)³. Между тем истоки оригинальной виттфогелевской концепции «восточного общества» берут начало именно в 20-х гг.

Свою научную карьеру К. Виттфогель начинал будучи активным участником молодёжного социалистического движения, а затем и членом компартии Германии (с 1920 г.) с критики буржуазного общества и буржуазной науки, которая перекликалась с пессимистическими послевоенными настроениями интеллектуальной элиты, писавшей об «упадке Запада» и «пробуждении Востока» под влиянием революций в России. На волне растущего интереса к Востоку и его религиям Виттфогель стал изучать историю Китая (с 1919 г. при участии Эдуарда Эркеса), увлекался

буддизмом, затем даосизмом. С военных лет и вплоть до 1925 г. научная деятельность Виттфогеля была тесно связана с Лейпцигом. Благодаря деятельности историка К. Лампрехта Лейпциг в то время превратился в главный, если не единственный, центр позитивизма в Германии. Лампрехт основал Институт истории культуры, центр междисциплинарных исследований в социальных науках и был знаком с марксизмом. Интерес Виттфогеля к научной методологии марксизма вряд ли инспирирован Лампрехтом (в 1919 г. Виттфогель читал 1-й том «Капитала» Маркса, затем «Происхождение семьи» Энгельса). Всё же именно от него Виттфогель унаследовал положительную оценку роли позитивизма в становлении «науки об обществе» (нехарактерную для ортодоксального марксизма) и негативное отношение к неокантианской методологии агностицизма.

До 1925 г. молодой Виттфогель пытался комбинировать позитивистскую методологию с поверхностно освоенными подходами Маркса и Вебера, которые трудно совместить. Итогом усилий была его работа «Пробуждающийся Китай», написанная в 1925 г. во Франкфурте. В ней он комбинирует идеи Маркса о сущности «восточной деспотии» с идеями Вебера о роли «могущественной гидротехнической бюрократии». Странно, но Вебер никогда не связывал бюрократию и деспотию, а Маркс так и не указал, кто является «правлящим классом» в восточной деспотии. Виттфогель заявил, что правящим классом являются чиновники, контролирующие средства производства и присваивающие прибавочный продукт, и ввёл новое понятие «класс-государство». Он впервые использовал понятие «азиатский способ производства», почерпнутое в 3-м томе «Капитала» Маркса⁴.

Во франкфуртский период при активной поддержке своего наставника Карла Грюнберга ранний Виттфогель превращается в зрелого марксиста. Как директор Института социальных исследований Грюнберг считал, что необходимо изучение социально-экономического развития общества с позиций марксизма как научной методологии (а не партийно-политической позиции). Этот тезис Виттфогель отстаивал на протяжении всей жизни.

Уже была написана книга «Пробуждающийся Китай», когда Виттфогель познакомился с подборкой работ «Маркс о Китае и Индии», опубликованной Д. Рязановым в Москве (1925)⁵. Особенно важной представлялась идея Маркса связать застойность Востока с особенностями автаркичных восточных общин, соединяющих земледелие с домашним ремеслом и составляющих основу восточных деспотий. Разрушить эту общину в Индии оказался способен лишь британский капитализм.

В 1928 г. Виттфогель посетил Москву, где встречался с главными защитниками концепции азиатского способа производства в Советском Союзе Л. Мадьяром и Е. Варгой. Кроме того, Рязанов познакомил его с ценной подборкой новых текстов Маркса об азиатском способе производства.

Виттфогель привёз с собой в Советский Союз первую часть работы, посвящённой изучению роли естественных факторов в истории, «Геополитика, географический детерминизм и марксизм» опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» в 1929 г. Вторая часть, сданная в типографский набор в 1930 г., была, однако, отвергнута редакцией по идеологическим мотивам, ибо к этому времени не только функционалистские идеи неокантианца Вебера, но и Марксова концепция азиатского способа производства стали подвергаться резкой критике в Советском Союзе. Однако книга была опубликована в Германии под названием «Естественные причины в экономической истории» (1932)⁶.

В этих двух объёмных изданиях, раскрывающих характер взаимосвязей между природой, экономикой, обществом и историей, Виттфогель предпринял глубокий и всесторонний анализ взглядов Маркса, дал одно из лучших изложений сути исторического материализма в марксистской литературе и заложил теоретические основы собственного подхода, в котором подчёркивалась роль естественного фактора в истории. Исторический материализм, синтезирующий материализм и диалектику, являлся для него ключом в прояснении роли естественного фактора. Но верным был и обратный тезис, что естественный фактор является ключом к правильному пониманию исторического материализма. В действительности, «фундаментальным отношением» являлось именно отношение между человеком и природой, все другие (между природой и экономикой, экономикой и обществом, обществом и историей) вытекали из этого отношения.

Отправной точкой для Виттфогеля был раздел о Фейербахе в «Немецкой идеологии». Виттфогель понимал материалистическую концепцию истории Маркса, что между человеком и природой не существует противоречия, поскольку «человек является частью природы». Человеческий труд, по сути, не разрушает естественный субстрат, а только изменяет его форму. Отношение человека к природе, таким образом, есть активное отношение, и человеческий труд играет решающую роль в эволюции человека. Экономика и общество вырастают из «опосредующей» роли труда в отношениях между человеком и природой, человеком и средствами производства. Отсюда вытекает первостепенное значение роли «естественной окружающей среды». С одной стороны, человек и его труд,

природа и её материалы, с другой — вместе они образуют «неизменные естественные условия человеческой жизни».

Виттфогель поддерживал тезис Маркса о том, что «субъективный» фактор изменяется вместе с объективными условиями. Вся история есть процесс изменения объективных и субъективных условий в ходе человеческой деятельности. Человек имеет «историческую природу». Но история также есть процесс прогрессивного изменения человеческой природы. Изменяя окружающую природу посредством труда, человек изменяет свою собственную природу. Позже Виттфогель разглядел в этой концепции природы как историцистские, так и релятивистские налёты и критиковал её с гуманистической точки зрения. В то же время он был увлечён диалектикой Марксовой концепции природы человека, особенно её объективной стороной.

Подчёркивая важную роль естественного фактора в истории с позиций исторического материализма, Виттфогель одновременно подверг критике взгляды видных представителей «геополитики» и «географического детерминизма» за то, что они «сгребали в кучу» многочисленные данные о роли климата, почв, рек и других естественных условий среды без детального анализа их конкретного взаимодействия и учёта особенностей исторического развития. По его мнению, даже такие великие мыслители, как Д. Рикардо, А. Смит и Гегель, не смогли адекватно раскрыть роль объективных условий труда и их естественной основы. Только Маркс сумел ясно показать роль «опосредствующих факторов» между человеком и природой, обнаружить «внутренний порядок» в процессе производства и в историческом развитии. Тем не менее Виттфогель отмечал, что Маркс не завершил теоретической разработки своей материалистической концепции истории и не успел применить её в систематическом виде к мировой истории. Только в рукописи о Фейербахе предпринята попытка разработать концептуальный аппарат исторического материализма, и в первом томе «Капитала» есть попытка его применить. Но этот подход полностью осуществлён только в отношении раннего капитализма. В остальном Маркс оставил лишь гениальные налёты, допускающие самое широкое толкование. В этом направлении Виттфогелю удалось пойти дальше Маркса.

Как убедительно показал в своей книге Ульман, Виттфогель к 1930 г. гораздо более эффективно использовал аналитические возможности фундаментального Марксова понятия «способа производства», чем такие выдающиеся марксисты, как Каутский, Плеханов, Кунов и Бухарин⁷. Сверх того, он использовал это понятие более последовательно, чем сам Маркс. Маркс колебался в вопросе о том, чему придать большее значе-

ние — «способу производства» или «производственным отношениям». Иногда понятие «собственности» или «отношения собственности» играло роль ключевого критерия в его анализе, как это было в знаменитом «Gründrisse» 1857/58 гг. Виттфогель никогда не проявлял колебаний в отношении первостепенной важности способа производства, кроме того, он признавал, что данный способ производства может быть совместим более чем с одной формой собственности. В этом отношении (особенно это касается азиатских обществ) его анализ собственности и собственности-ческих отношений развит более систематично, чем у Маркса.

Виттфогель определял «способ производства» как «действительный процесс производства» или совокупность существенных элементов в обмене веществ между человеком и природой под влиянием материальной стороны процесса. При этом центральное место в понятии «способа производства» занимает социально обусловленное отношение трудящегося человека к природе. В более широком смысле способ производства есть единство естественных и социальных производительных сил в совокупном процессе производства в данной социально-исторической эпохе.

Способ производства проявляется в производственных отношениях. Если отношение человека к природе занимает центральное место в понятии способа производства, то его социальный аспект занимает центральное место в понятии производственных отношений. По Виттфогелю, решающая формулировка Маркса имеет дело, прежде всего, с социально обусловленным отношением трудящегося человека к природе, а затем уже с социально обусловленным отношением к своим братьям. Совокупность этих отношений составляет общество. О взаимозависимости способа производства и производственных отношений свидетельствует тот факт, что изменение способа производства вызывает изменения во всех социальных отношениях. В Виттфогелевском понимании Марксова подхода к науке об обществе существенную роль играет идея о том, что великие исторические эпохи производства различаются по способам производства, а не по производственным отношениям. Виттфогель подчёркивал, что «техническая организация труда» является материальным основанием особой эпохи. Отсюда вырастает основная структура общества. Сначала необходимо определить способ производства, и определив его, можно установить и подвергнуть анализу естественно обусловленные производительные силы. Только при таком подходе можно приступить к созданию научной социально-экономической истории человечества.

Виттфогель подчёркивал, что способ производства определяет «средствами производства». Этот аспект материалистического подхода Маркса общеизвестен. Но одни средства производства имеют

естественное происхождение (естественно обусловленные), а другие созданы человеком (обусловлены социально). Этот аспект материалистического подхода Маркса часто упускают из виду. Именно здесь Виттфогель предпринял детальный анализ и пришёл к выводу, что своеобразие этих двух типов «средств производства» и способов их сочленения определяет различие способов производства.

Хотя Виттфогель и знал о решающей роли организационных аспектов (разделение и кооперация труда) для формирования азиатского способа производства, в анализируемых работах он вслед за Марксом больше подчёркивал роль материальных средств производства как решающего фактора развития общества, особенно значение средств производства, изготовленных человеком (орудий). Однако в работе «Экономика и общество в Китае»⁸, завершающей творчество раннего Виттфогеля, он начинает уделять всё большее внимание таким субъективным факторам, как организация труда, развитие науки и возможности практического применения её достижений.

Анализ Маркса шёл от промышленности к сельскому хозяйству, анализ Виттфогеля — от сельского хозяйства к промышленности. В этом отношении геологические, орогидрографические, климатические и другие природные элементы принимают на себя важную роль. Снова следуя за Марксом, Виттфогель подчёркивает, что важно не плодородие само по себе, а тот путь, в котором сочетаются почва и другие природные агенты. Среди таких природных агентов вода, по мнению Виттфогеля, является главным средством производства и таким средством производства, которое при некоторых метеорологических условиях приобретает первостепенное значение. Этот факт является решающим для различия «азиатской» и «неазиатской» систем производства⁹.

Виттфогель начертил схему универсальной истории развития человечества, основанную на концепции способа производства и «производительных силах», которая охарактеризовала главные социально-экономические виды и подвиды. Своей задачей он видел разделить концептуально и эмпирически, а также с экологической точки зрения разные исторические образцы. Что отличало его метод — он делал ударение на естественные производительные силы так же, как на социальные. Несколько идей, которые впервые осмысленно возникают в его статьях, затем появляются вновь в поздних работах в более разработанной форме. В первой работе Виттфогель даёт типологию ирригационных обществ в Азии. Он проводит различие между «египетским типом», который включал Китай, Древний Вавилон и Персию, и «японским и индийским типом». Первый (египетский тип) — большого масштаба, с межрегиональными водными работами, обеспечивающими иррига-

цию и паводковый контроль, и с правящим чиновничеством — представлял «чистую» форму азиатской деспотии. Второй — с более мелкими размерами ирригации и/или маленькими размерами паводкового контроля — представлял тип «военно-феодальной» формы с правящим военным классом. Третий (индийский тип), как он тогда думал, находится посередине между первым и вторым¹⁰.

Социально-исторический анализ Виттфогеля вытекает из основы, данной в его книге «История буржуазного общества»¹¹ (1924) (примитивный коммунизм, примитивное сельское хозяйство, античность, азиатский способ производства, феодализм и капитализм). «Диалектика географического месторасположения» по Виттфогелю играла разную роль в трёх великих классовых обществах: древнем, азиатском и феодальном. Естественный фактор играл более доминирующую роль в формировании азиатского способа производства, чем при античной и феодальной формациях, у двух последних была, по сути, схожая естественно-экономическая база.

Книга «Экономика и общество Китая» (1931) характеризует Виттфогеля как оригинального мыслителя, глубоко знающего марксиста с коммунистическим мировоззрением. Изначально книга была запланирована — описать материальную историю и социальную структуру Китая. Её название отображает намерение Маркса рассматривать экономику и общество как целое; ссылка в названии на магнум опус Вебера («Экономика и общество») отражает намерение Виттфогеля скомбинировать концепции Маркса о способе производства и общественных формациях с концепцией Вебера о бюрократии и власти. Таким образом, комбинация Маркса с Вебером составляет основу теории Виттфогеля. Как можно было ожидать, Виттфогель сопоставил азиатский способ производства с капиталистическим. И Маркс, и Вебер развивали кризисные теории капитализма и буржуазного общества. У Маркса кризис исходил из капиталистического способа производства, у Вебера — из бюрократизации буржуазного общества. В «Экономике и обществе в Китае» Виттфогель развил кризисную теорию азиатского общества. Этот кризис происходил и из способа производства и из бюрократической властной структуры общества.

В предисловии Виттфогель отметил, что азиатское общество Китая не было «кристально прочным», поэтому в нём не только были возможны перемены, но оно реально менялось. В книге он разворачивает детальный системный анализ хода китайской истории: он описывает китайские естественные условия, идентифицирует и различает геологические, метеорологические, гидрологические и климатические факторы наряду с экологически обусловленными аспектами аграрной

культивации. И делает выводы о том, что особые экологические условия в Китае стали причиной особой структуры сельскохозяйственного производства. В главе о социальных производительных силах в добавление к исследованию таких явлений, как формы труда в китайской деревне, китайский «характер» и традиционализм, он называет необходимость для китайского аграрного производства широкомасштабной ирригации и организации.

Для рассмотрения стадии китайской культуры Виттфогель проанализировал техническую сторону аграрного производства в Китае и её ирригационную систему, так как для него судьба китайской экономики и общества связана с вопросом «слишком много или слишком мало воды». Сельское хозяйство — «структурное ядро» китайской экономической системы, а каждое естественное аграрное условие имело «территориальное ядро (core-area)». С точки зрения производства, это «территориальное ядро» было важно не только в отношении экономики, но и политики. Виттфогель настаивал на том, что так называемый «культурный центр», или «экономико-политическое территориальное ядро», Китая никак не фиксировалось, поэтому оно перемещалось несколько раз в течение периода, когда Китай был преимущественно аграрным¹².

Виттфогель считал, что надо рассматривать социально-политические явления с точки зрения объективно-технических форм процесса производства. Он подчёркивал объективно-техническую сторону азиатского способа производства и рассматривал её как особую форму китайской ирригационной системы, созданной человеком, которая дала подъём особому типу деревенского сельскохозяйственного производства. Ирригация для китайского (азиатского) общества была тем, чем были уголь и железо для английского (капиталистического) индустриального общества.

Следуя за Марксом, Виттфогель заявлял, что для эффективного производства в аграрных обществах восточного типа контроль над водой требовал крупномасштабной кооперации труда и развития руководящих центров организации и администрации. Подойдя к каждой провинции Китая как к естественной аграрной зоне, он определил, где и в какой степени была необходима ирригация и где и в какой степени она обеспечена. Он сделал вывод, что функции ирригации отличаются при различных экологических условиях. В книге «Экономика и общество в Китае» он ясно показал, что ирригационное сельское хозяйство не превалировало по всему Китаю. Главный вопрос заключается в том, была ли в такой смешанной ситуации преобладающей геоинституциональная сила, которая вопреки различиям в экологии принесла особый аграрный строй. Ответом было чётко выраженное «да», этому способствова-

ла его концепция «экономико-политического территориального ядра»: из-за преобладающего влияния такого района ирригация стала опорой китайского земледелия и китайского аграрного общества.

Виттфогель уяснил проблему слишком маленького и слишком большого количества воды в Китае путём различия, как думал Маркс, между «ирригацией», которой необходимо строительство каналов и дамб, и «мелиорацией», которая требовала строительства плотин для предотвращения наводнений. Но Маркс переоценил первое, а последнее упомянул мимоходом. Виттфогель показал, что обе формы водного контроля и по отдельности, и в соединении играли главные роли в китайском аграрном производстве. Он использовал понятие *Wasserbau* (конструкции, связанные с водой) для обозначения «устройств для снабжения водой» (*Wasserzuführanlagen*) при ирригации и для обозначения «устройств для предотвращения паводков» (*Wasserabwehranlagen*). Анализируя «эксцентрические» и «концентрические» отношения двух аспектов, он указал на их различный вес в китайских экономико-политических территориальных центрах и в стране в целом¹³.

По мнению Виттфогеля, китайская культура зародилась в маленьких долинах рек Северо-Запада, распространилась на Великую Равнину Северо-Востока и по долинам больших рек Центрального и Южного Китая. Эти географические перемещения китайских экономико-политических территориальных центров в указанном порядке совпали с тремя основными стадиями китайской истории до современности. Легендарная династия Ся обозначила переход ко второй эпохе китайской истории, которая длилась до конца династии Чжоу. Экспансия на Великую Равнину в течение второй эпохи продолжалась согласно анализу Виттфогеля «скачками и в зигзагообразной манере». Но когда эта эпоха закончилась, китайское общество приняло новое и радикально отличающееся качество, обусловленное возрастающим размером и распространением устройств, связанных с водой.

В первую эпоху ирригационные проекты в основном были местного уровня, а техника строительства плотин и каналов мало развита. Во вторую эпоху гидротехнические технологии, развитые на Северо-Западе, были распространены на Великую Равнину, где для аграрного производства возможны и полезны крупномасштабные взаимосвязанные водные работы. С развитием этой обширной сети район достигал экономико-административного и культурного единства. С конца династии Чжоу нарастающе важными становились функции по ведению водных работ различных правительственных департаментов. Организация массового принудительного труда для строительства гидротехнических сооружений стала задачей Министерства общественных работ.

В третью эпоху был построен Великий канал. К этому времени несколько рек были связаны комплексом ирригационных и транспортных каналов, а южные протоки Великого канала обеспечивали этому комплексу что-то вроде гидротехнического «хребта». Систематически изучив все главные провинции, Виттфогель сделал вывод, что в конце династии Чжоу были выполнены все условия, которые Маркс назвал характеризующими «азиатские» земли¹⁴.

В главе о государстве как о «доминирующем агенте» аграрного производства Виттфогель предполагает, что посредством регулирования гидротехнических сооружений государство активно принимало участие в процессе производства¹⁵. Здесь, пожалуй, в самом значительном своём прозрении Виттфогель бросает вызов ортодоксальному марксистскому тезису, что между экономическим «базисом» общества и его политической «надстройкой» существует абсолютная дихотомия.

Книга Виттфогеля «Экономика и общество в Китае» бросила вызов официальной коммунистической интерпретации основания азиатского общества и марксистско-ленинской концепции социалистической государственной власти. С этой книгой Виттфогель стал «еретиком» в марксистско-коммунистическом мире.

В заключение можно сказать, что система Виттфогеля развивалась в двустороннем процессе — поворота от капиталистического способа производства и «буржуазного общества» к азиатскому способу производства и «гидротехническому обществу» — объединения наследий Маркса и Вебера. Более того, последнее было бы невозможным без первого — только в противопоставлении с «азиатским обществом» ясно обнаруживаются скрытые научные и политические подтексты концепции Маркса и Вебера о «буржуазном обществе».

---

¹ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

² Никифоров В.Н. Место Карла Августа Виттфогеля в истории больших дискуссий // Народы Азии и Африки. М., 1990. № 5. С. 77—87.

³ Виттфогель К.А. Наука в буржуазном обществе. Петроград, 1924; он же. Пробуждающийся Китай. Л., 1926; Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма. М., 1929. № 2—3, 6—8.

⁴ Виттфогель К.А. Пробуждающийся Китай. С. 16.

⁵ Рязанов Д. Карл Маркс о Китае и Индии // Под знаменем марксизма. М., 1925. № 7.

⁶ Цит. по: Ulmen G.L. The science of society. Toward an understanding of the life and work of Karl August Wittfogel. Hague, 1978. P. 89.

⁷ Ulmen G.L. The science of society. Toward an understanding of the life and work of Karl August Wittfogel. Hague, 1978. P. 93.

⁸ Wittfogel K.A. Wirtschaft und Gesellschaft Chinas. Leipzig, 1931.

⁹ Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма. М., 1929. № 7—8. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Wittfogel K.A. Geschichte der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1924.

¹² Цит. по: Ulmen G.L. The science of society. Toward an understanding of the life and work of Karl August Wittfogel. Hague, 1978. P. 110.

¹³ Ibid. P. 111.

¹⁴ Ibid. P. 113.

¹⁵ Ibid. P. 117.

A. V. Mun

Ussuriisk

PREMISES AND ORIGINS OF THE "ORIENTAL SOCIETY" CONCEPT OF EARLY K. WITTFOGEL

Karl Wittfogel is well known all over the world for his book «Oriental despotism» (1957). This famous book represents the "Oriental (hydraulic, or agro-managerial) society" conception of mature Wittfogel. However, the conception takes roots long earlier, in 1920th. So the article deals with the origins of "hydraulic society" conception in early Wittfogel's works.

Young Wittfogel was influenced by positivism of Leipzig historian Karl Lamprecht and rejected neo-Kantism for its agnosticism. He became mature Marxist in Frankfurt, while studying social and economic history under Karl Grünberg (since 1925). In his early works, Wittfogel tried to combine Marx' ideas of "Oriental society" and the "Asiatic mode of production" with Weber's ideas of "mighty hydraulic bureaucracy". While revealing the bureaucracy to be the "ruling and exploiting class" in oriental society. He carefully criticized Marx and entered his "class-state" concept.

СТАНОВЛЕНИЕ КАНАДСКИХ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Канада — молодое государство, возникшее на базе британских колоний в Северной Америке в 1931 г., в настоящее время является одной из крупнейших стран АТР и всего мирового сообщества. За сравнительно короткий исторический период она превратилась не только в полноправного, но ведущего члена современного общецивилизационного процесса, являясь одним из участников Большой восьмёрки. Одним из аспектов становления Канады как сильного самостоятельного государства является политика, проводимая в области морской обороны, в частности организация военно-морских сил.

Процесс становления канадского флота имеет свою специфику, обусловленную тем, что длительное время Канада находилась в составе Британской империи и Королевский флот являлся достаточной гарантией безопасности всего имперского пространства. Мощь флота усиливалась значительным военным присутствием британских военных гарнизонов на периферийных территориях империи. Такое положение дел существовало вплоть до середины XIX в., когда угроза французского вторжения на территорию Соединённого Королевства (в связи со строительством военно-морской базы в порту Шербур) вынудила британские власти изменить стратегию имперской обороны. Первым этапом в этом направлении стал вывод британских гарнизонов с территории Североамериканского доминиона. Вторым — сокращение эскадр, базирующихся в неевропейских водах. В результате перераспределения флота в Англии был принят «Акт о колониальной обороне» 1865 г. В соответствии с ним Канада и другие подконтрольные территории империи могли содержать военные корабли, укомплектованные местными добровольцами, однако формально они находились на службе в Королевском флоте. Закон оставлял право правительству доминиона издать свои военно-морские инструкции, действовавшие в пределах колонии. Между тем Канада, которую устраивала политика «дешёвого самоуправления», отказалась принимать региональное законодательство на основании закона 1865 г.¹ и корабли не строить.

К концу XIX в. экономический и стратегический потенциал Канады, а также успешное участие канадских воинских контингентов в суданской кампании и англо-бурской войне показали администраторам империи высокого ранга, что привлечение Североамериканского доминиона

к участию в обороне империи может принести пользу, несоизмеримую с пользой от любого другого государства империи. На колониальной конференции 1887 г. метрополия впервые предложила Канаде вносить регулярные денежные субсидии на содержание Королевского флота. Британское морское ведомство заявило, что «не существует возможности локализовать военно-морские силы, потому что проблема безопасности Британской империи не связана с локальной обороной»². Фактически такое заявление аннулировало действие «Акта о колониальной обороне» от 1865 г. Формально статус автономии не позволял Канаде отказываться от обязательств, налагаемых со стороны метрополии. Однако на практике Британия в силу сложившейся традиции не могла использовать тактику давления из опасения, что такая акция стимулирует центробежные тенденции в доминионе. Поэтому, когда Канада прямо не отреагировала на предложение, Британия не стала настаивать.

Ситуация повторилась на колониальной конференции 1902 г. Однако к этому времени участие Канады в имперской обороне стало насущной необходимостью для Британии, которая была связана с возникновением англо-германской конфронтации, вылившейся помимо всего прочего в военно-морское соперничество. В ходе конференции британское военно-морское ведомство настаивало на том, что в случае морской войны с Германией основной задачей британской морской стратегии должно стать сохранение системы централизованного контроля над флотом. Такой цели полностью удовлетворяла политика регулярных денежных субсидий. Между тем пришедший к власти в 1896 г. премьер-министр Уилфрид Лорье «...никоим образом не считал доминион обязанным активно поддерживать метрополию в локальных конфликтах, не затрагивающих канадских интересов»³. Следуя этой политической установке, премьер считал неоправданной политику субсидирования Королевского флота. «Тратить средства на военные цели, когда у страны имелся огромный объём «общественных работ» (различных нерешённых задач, связанных главным образом с развитием инфраструктуры) было, с его точки зрения, подобно самоубийству»⁴. Лорье информировал британское военно-морское ведомство о том, что правительство рассматривает вопрос организации канадского флота⁵. Стремление автономии строить собственный флот расценивалось британскими властями как попытка нарушения имперского баланса сил и несвоевременная мера по обеспечению коллективной безопасности, которые привели бы к возникновению центробежных тенденций в империи.

Неудача на колониальной конференции 1902 г. не заставила канадское правительство отказаться от идеи строительства флота. Спустя год генерал-губернатор Канады лорд Минто дошёл до сведения британских

властей, что в доминионе продолжает обсуждаться вопрос организации местного флота. В частности, канадский министр мореплавания и рыболовства Дж. Префонтейн был готов обсудить предложение имперских властей о создании системы учебных судов в морских провинциях Канады, на основе которой должен быть в будущем создан имперский военно-морской резерв. А так как в доминионе не было достаточных средств для организации отдельного военно-морского ведомства, контроль над морским соединением предлагалось возложить на существующий департамент мореплавания и рыболовства. Дж. Префонтейн заявил, что небольшая сумма в размере 25 тыс. фунтов стерлингов уже направлена департаментом на эти цели⁶. На пост командующего ВМС министр мореплавания и рыболовства предложил назначить канадского «офицера, совершенно пробритански настроенного и глубоко преданного британскому родству»⁷. Однако генерал-губернатор настоятельно рекомендовал, чтобы командующий канадскими ВМС был имперским офицером, назначаемым генерал-губернатором по совету Адмиралтейства⁸. Предложение руководителя канадского морского ведомства было оставлено без ответа.

Тем временем изменение стратегической ситуации в Западной Атлантике (рост американских ВМС, жёсткость, проявленная США в венецуэльском пограничном вопросе и испано-американской войне) активизировало планирование в области военно-морской обороны Канады. В январе 1905 г. британская морская разведка получила информацию о том, что канадский министр мореплавания и рыболовства собирается посетить Англию с целью выработки конкретного плана морской обороны Канады. Дж. Префонтейн предложил, чтобы старые и бесполезные суда канадской рыболовной флотилии были заменены военными кораблями подходящего типа из списка кораблей Королевского флота, которые планировалось отправить на слом в соответствии с реформой Дж. Фишера. Корабли должны были располагаться в районе г. Монреаль, чтобы в случае ухудшения отношений с США они немедленно могли быть продвинуты на оз. Онтарио.

Действительно, присутствие флотилии торпедных судов и субмарин в устье Святого Лаврентия имело бы большую ценность для обороны автономии, желавшей защиты. К 1905 г. Канада имела только рыболовный флот, который был укомплектован случайными, наспех подобранными командами. Зимой и летом большая его часть была выведена из строя. За исключением небольшого крейсера, построенного в 1904 г., и нескольких судов, базирующихся на оз. Эри, ни одно из судов не имело боевой ценности. Флотилия состояла из 16 малотоннажных судов, которые канадское правительство фактически содержало для выполнения

полицейских функций и гидрографических исследований, а также для защиты островного рыболовства от американских браконьеров⁹. В ответном меморандуме Адмиралтейство признавало, что отправка кораблей на Великие озёра и комплектование их личным составом увеличивали существующую диспропорцию вкладов британских и канадских налогоплательщиков¹⁰.

Между тем углубление англо-германской конфронтации привело к тому, что на колониальной конференции 1907 г. британская администрация пошла навстречу пожеланиям Канады о строительстве местного флота. Первый лорд Адмиралтейства Эдвард Туидмаут предложил строить небольшие суда, типа миноносцев, и обеспечить доки и угольные ресурсы для Королевского флота. Кроме того, он отметил важность строительства подводных лодок как эффективного оружия будущего¹¹ и заявил, что британское Адмиралтейство больше нуждается в кораблях, чем в персонале, так как в Великобритании существует в 6 раз больше специалистов, чем требовалось Королевскому флоту¹². Главным пунктом схемы было сохранение единого флота под централизованным командованием. В мирное время флот доминиона должен был находиться под контролем местного правительства. Однако в случае, если корабли окажутся за пределами территориальных вод своего государства или войдут в иностранный порт, они должны действовать от имени имперского правительства. К названию канадского флота добавлялась приставка «королевский». Эта оговорка объяснялась тем фактом, что создание местного флота не должно быть интерпретировано как выражение желания владений Короны отделиться от британского содружества. Британское знамя на кораблях доминиона являлось бы символом власти Короны¹³. Премьер Лорье заявил, что Канада не примет имперское предложение, так как оно, во-первых, угрожает автономному статусу доминиона, а во-вторых, нет оснований полагать, что англо-германские отношения настолько ухудшились, чтобы перерасти в открытое вооружённое противостояние. Таким образом, позиция канадской делегации показала, что доктрина «одна империя, один флаг, один флот» ещё окончательно не устарела.

В 1909 г. в Англии разразился политический кризис, получивший название «морской паники». Он был связан с усилением мощностей германской судостроительной промышленности, что в ближайшем будущем грозило Великобритании потерей превосходства на морях. За месяц до начала паники видный член консервативной партии Канады Джордж Форстер предложил канадскому парламенту двухступенчатую программу по военно-морскому вопросу. В соответствии с ней доминион должен был строить собственный флот. Однако Дж. Форстер осознавал, что

«военно-морская служба будет иметь скромные начала... и полностью зависеть от британской поддержки»¹⁴ и в течение нескольких последующих лет не сможет оказать никакой значительной помощи имперскому флоту. По этой причине, прежде чем строить собственный флот, он предлагал инвестировать средства на строительство дредноутов для Королевского флота. Фактически политика сводилась к предоставлению денег, так как не существовало возможности строить корабли в Канаде. Жест Дж. Фостера не произвёл особого впечатления в Палате общин. Его значение было осмыслено некоторое время спустя после речи, произнесённой в марте 1909 г. премьер-министром Великобритании Г. Асквитом и морским министром Р. Маккенной. Они предложили ассигновать дополнительные средства в бюджете 1909—1910 гг. на закладку новых кораблей для Королевского флота. Этот призыв явно свидетельствовал о кризисе в морской политике Великобритании, что всколыхнуло общественное мнение доминионов. Новозеландский премьер-министр Джозеф Уорд предложил профинансировать строительство одного дредноута и предоставить его Британии в качестве «дара». Это предложение вызвало активную поддержку Австралии, а в Канаде Лорье решительно отверг идею «дара». Он вновь заявил, что Североамериканский доминион будет участвовать в обороне империи не путём финансирования строительства дредноутов для Британии, а путём реализации комплекса «общественных работ» внутри страны. «Ввод в эксплуатацию одной трансконтинентальной железной дороги является более значительным вкладом в имперскую оборону, нежели строительство 10 дредноутов»¹⁵, — заявил канадский премьер в разговоре с генерал-губернатором Канады лордом А. Греем весной 1909 года. «С их помощью у английского правительства появится возможность перебрасывать свои войска из Европы на Дальний Восток гораздо быстрее, чем привычным путём через Суэцкий канал»¹⁶. Кроме того, Лорье предложил Палате общин «одобрить любые необходимые расходы, предназначенные для организации военно-морской службы в сотрудничестве и в тесных взаимоотношениях с Британским флотом»¹⁷. Премьер призвал действовать в духе предложений лорда Э. Туидмаута, сделанных на имперской конференции 1907 г. Контроль над флотом должен был осуществляться властями доминиона, но под руководством и наблюдением имперских властей.

Отказ канадского руководства финансировать британский флот вынудил Адмиралтейство предложить план организации небольшого флотского соединения, состоящего из одного бронированного крейсера дредноутного типа «Индомитейбл», трёх небронированных крейсеров «Бристоль» класса, а также шести эскадренных миноносцев и трёх подводных лодок¹⁸. По замыслу Адмиралтейства канадское соединение вме-

сте с австралийской, восточноиндийской и китайской эскадрами должно было сформировать полноценный Восточный флот. В военное время он мог участвовать во вспомогательных операциях в составе Королевского флота. Адмиралтейство оставляло за собой право централизованного контроля над объединённым имперским флотом во время войны и передавало канадскому правительству право контроля над собственным флотом в мирное время. Флот доминиона предполагалось поместить на тихоокеанском побережье, чтобы компенсировать отвод английского флота в Северное море. Примерная смета расходов на строительство канадской эскадры по британским ставкам оплаты предполагала сумму приблизительно 3 млн. 700 тыс. фунтов стерлингов плюс стоимость содержания и обслуживания флота в размере 600 тыс. фунтов стерлингов ежегодно¹⁹. Особое внимание британская администрация обратила на необходимость соблюдения единого стандарта в судостроении, вооружениях, строительстве военных складов, в обучении и дисциплине как в мирное, так и в военное время, чтобы в любой момент канадский флот мог стать составной частью британского флота.

План британского Адмиралтейства вызвал возражения с канадской стороны. Военный министр Фредерик Борден заметил, что правительство доминиона не может согласиться на строительство дредноута. Он аргументировал свой отказ тем, что «большинство населения Канады проживало в западных провинциях Канады, и если расположить «Индомитейбл» на тихоокеанском побережье, как и предполагалось, сразу же возникнет необходимость второго такого корабля для атлантического побережья»²⁰. По тем же причинам невозможно было расположить флот на тихоокеанском побережье. Было политически неприемлемо сконцентрировать весь флот на одном побережье и пренебречь другим, учитывая, что большая часть населения морских провинций желала видеть флот на атлантическом побережье²¹. Под нажимом канадской стороны Адмиралтейство согласилось выработать новый план с учётом пожеланий доминиона. Были предложены две схемы организации флота, которые различались количеством кораблей и размером ассигнований на их строительство. В соответствии с первым планом Адмиралтейство предлагало построить 4 крейсера усовершенствованного «Бристоль» класса, один крейсер класса «Боадисия» и 6 эскадренных миноносцев усовершенствованного речного класса. Смета на строительство составляла 600 тыс. фунтов стерлингов. Следуя второму плану, Адмиралтейство предлагало исключить из первого варианта по одному крейсеру из классов «Бристоль» и «Боадисия» и 2 эскадренных миноносца. Смета на строительство составила 400 тыс. фунтов стерлингов²². Флот предполагалось расположить на обоих побережьях.

В Канаде реакция на решение британских и канадских властей оказалась далеко не однозначной. Острые разногласия в кругах канадской политической элиты были обусловлены, с одной стороны, двухнациональностью канадского государства, с другой — принадлежностью граждан английского и французского происхождения к основным политическим партиям в стране, что обусловило сложный национал-партийный характер противоречий по морскому вопросу.

Как обычно бывает с компромиссами, решение премьер-министра получило поддержку от умеренно настроенных политиков, средств массовой информации, общественности и атаковалось экстремистами с обеих сторон. Так, большинство членов либеральной партии Канады как английского, так и французского происхождения выступали за строительство самостоятельного канадского флота. Разногласия были сосредоточены главным образом во французской Канаде, где лишь небольшой процент жителей одобрил принятие обязательств в сфере имперской обороны. Остальные активно выражали враждебность идеям вклада и строительства отдельного флота.

В июле 1910 г. Анри Бурасса, лидер радикального националистического течения во французской Канаде, писал, что «первое дело, которое сделает Лорье, достигнув ворот Рая, предложит честный компромисс между Богом и Дьяволом»²³, дав понять, что компромисс с франко-канадскими националистами по военно-морскому вопросу невозможен. Таким образом, франкоговорящие националисты, а также консерваторы и часть либералов будучи сторонниками автономии доминиона в составе империи выступали за сохранение англоцентрической модели отношений с метрополией, в соответствии с которой все мероприятия по обеспечению безопасности имперского пространства были возложены на Англию. Третье общественно-политическое течение включало англоговорящих консерваторов и часть либералов, которые будучи сторонниками имперской централизации поддерживали имперскую стратегию, основанную на принципе постоянно увеличивавшихся вкладов в имперское Казначейство на нужды Королевского флота.

В условиях жёсткого национал-партийного противостояния 12 января 1910 г. Лорье внёс на рассмотрение Палаты общин законопроект о военно-морской службе, который был одобрен большинством голосов. В соответствии с новым законом Канада обязалась строить двухокеанский флот, который должен был находиться под командованием властей доминиона. В «Акте о военно-морской службе» содержалась важная оговорка: впредь участие канадского флота в имперских войнах на стороне Англии должно подтверждаться парламентской санкцией. Это свидетельствовало о стремлении премьер-министра Лорье построить не про-

сто соединение имперского флота, но полноценный канадский флот, который расценивался как средство превращения Канады в сильное самостоятельное государство, активно участвующее в современном общезивилизационном процессе.

Между тем франко-канадские националисты и большая часть консерваторов осудили новый закон, что вынудило главу консерваторов Роберта Бордена принять сторону оппозиции, дабы сохранить единство в партии. Недовольство вылилось в массовые протесты, в результате которых Лорье потерпел поражение на парламентских выборах 1911 г. Его правительство столкнулось с интенсивным политическим противостоянием по вопросу организации канадского флота не только со стороны консервативной оппозиции. Многие рядовые канадцы считали флот символом возрождения империализма и восстановления чемберленизма. Страна оказалась неподготовленной к самостоятельной морской политике. Более того, Канада испытывала недостаток в морских традициях. Недовольство канадской политической элиты и общественности было обусловлено и другими не менее важными факторами: внешнеполитическим, материальным и этическим.

Растущий флот США и доктрина Монро, провозглашённая в 1823 г., эффективно защищала канадскую территорию от любого возможного вторжения. Действенность доктрины Монро была подтверждена на практике в 1901—1902 гг. в ходе Венесуэльского конфликта. В то же время строительство доминионом собственного флота могло быть расценено как угроза американскому господству на американском континенте. В случае англо-американской войны судьба империи была предрешена. Кроме того, строительство флота требовало огромных финансовых затрат. Существовало несколько способов изыскания средств: поднять налогообложение, сделать заём, увеличивая и без того растущий национальный долг, отозвать часть средств из сферы «общественных работ» или промышленности. Каждый из них был ударом по национальному благосостоянию страны. И, наконец, строительство флота нарушило бы старую и уважаемую традицию пацифизма, укоренившуюся в Североамериканском доминионе с тех пор, когда «тысячи переселенцев выбрали эту страну в качестве убежища от царской и габсбургской воинской повинности»²⁴.

С приходом к власти консерваторов правительственная политика по вопросу о флоте претерпела существенные изменения. Новый премьер-министр Роберт Борден провозгласил политику имперского сотрудничества в области обороны, предложив после консультации с британским морским министром Уинстоном Черчиллем, ассигновать сумму в размере 35 млн. канадских долларов на нужды Королевского флота в обмен

на участие доминиона во внешней политике империи на партнёрских началах. В схеме Бордена присутствовала важная оговорка: если Канада в будущем пожелает организовать свой флот, канадские дредноуты должны быть отозваны из состава Королевского флота, чтобы сформировать часть Королевского канадского флота. Лорье высмеял предложение Бордена: «Если эти суда будут просто предоставлены в займы британским властям, как говорится в законопроекте, то Джордж Бернард Шоу прав, когда пишет, что Канада производит свои суда, чтобы задобрить британский флот и британского налогоплательщика, пока не придёт время отозвать их, чтобы формировать независимый флот доминиона»²⁵. В сущности, спор был о том, отдать дредноуты Англии, как хотели консерваторы, или оставить дредноуты в Канаде и создать канадский флот, который будет помогать Англии, как хотели либералы.

Между тем законопроект, предложенный консерваторами, так и не стал законом. В мае 1913 г. он был подвергнут обструкции со стороны канадского Сената, состоявшего из оппозиционного либерального большинства. Военно-морской законопроект был возвращён в Палату общин с припиской, гласившей, что одобрение Сената не будет получено без референдума. Однако Борден не был готов представить законопроект на обсуждение канадского народа, понимая, что его политика будет столь же непопулярной в народе, как и в своё время закон о флоте. Не желая нарушать данное Англии обещание, консервативный премьер предложил британским властям начать строительство дополнительных кораблей для Королевского флота, гарантируя обеспечить выплаты в будущем. Британское правительство отказалось принять его предложение из опасения критики в обеих странах, а также в связи с отсутствием гарантий позитивного решения со стороны канадского парламента.

Таким образом, к началу Первой мировой войны флот Канады состоял из двух старых крейсеров «Ниобе» и «Рейнбоу», закупленных в Англии из списка судов, отправленных британским Адмиралтейством на слом. Собственно канадские суда не строились, персонал не вербовался. «Акт о военно-морской службе» 1910 г. остался в книге законодательных актов парламента. Когда в 1914 г. началась война, оборона канадских побережий была возложена на британские, австралийские и японские суда.

---

¹ Keith A.B. *Imperial Unity and the Dominion*. Oxford, 1916. P.312, 314.

² *The Collective Naval Defense of Empire 1900—1940* / ed. by N. Tracy. London, 1997. № 4. P.4 (далее CNDE).

³ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX — первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С.102.

⁴ Там же. С.103.

- ⁵ Brebner J.B. North Atlantic Triangle. The Interplay of Canada, the United States and Great Britain. Toronto, 1966. P.271.
- ⁶ CNDE. № 14. P.22.
- ⁷ Там же. P.23.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ CNDE. № 24. P.35—37.
- ¹⁰ Там же. P.37—38.
- ¹¹ Ewart J.S. The Kingdom of Canada Imperial Federation, the Colonial Conferences, the Alaska Boundary and Others Essays. Toronto, 1908. P.197.
- ¹² Dewey A. The Dominion and Diplomacy. The Canadian Contribution. Vol.1. London, 1929. P.246.
- ¹³ Curtis L. The Problem of the Commonwealth. Toronto, 1917. P.85—88.
- ¹⁴ Stacey C.D. Canada and the Age of Conflict. A History of Canadian External Policies. Vol.1. Toronto, 1977. P.128
- ¹⁵ CNDE. № 65. P.99.
- ¹⁶ Грудзинский В.В. На повороте судьбы... С.103.
- ¹⁷ Stacey C.D. Op. cit. P.128.
- ¹⁸ The Genesis of the Royal Australian Navy / a Compilation by G.L. Macandie. Sydney, 1949. P.239.
- ¹⁹ Conference with Representatives of the Self-governing Dominions on the Naval and Military Defense of the Empire. Ottawa, 1909. P.20—23.
- ²⁰ Ollivier M. The Colonial and Imperial Conferences from 1887 — to 1937. Vol.2. Ottawa, 1954. P.14.
- ²¹ CNDE. № 68. P.105.
- ²² Ibid.
- ²³ Bennet P.W. Years of Promise 1896—1911. Toronto, 1986. P.98.
- ²⁴ Morton D. A Military History of Canada. Edmonton, 1990. P.124.
- ²⁵ Hall W. Empire into Commonwealth. Thirty Years of British Imperial History. London, 1928. P.156.

E.S. Simonenko

Ussuriisk

BECOMING OF THE CANADIAN NAVIES BEFORE THE FIRST WORLD WAR

In article process of becoming of the Canadian Navies before the First world war in a context of system of collective naval defense of British Empire in conditions of the English-German naval rivalry is analyzed. In article the complex approach when imperial and Canadian “vision” of a problem are connected in a single whole is used. The given approach to a problem has allowed the author to draw a conclusion, before the First world war Canada has saved up the certain potential to spend if not independent, but the policy distinct from Britain in the field of sea defense. Therefore the problem of construction of the Canadian fleet during complex multistage imperial consultations has not reached the positive decision.

КОНЦЕССИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1917—1922 гг.)

Череда революций в России положила начало коренным изменениям в экономике, политике, идеологии, во всех сферах государственной и общественной жизни. Она породила новые отношения с внешним миром, зарубежными государствами, с их экономическими и политическими институтами. В этой сложной международной обстановке от советского правительства и правящей партии требовалось найти наиболее рациональный путь к установлению разумных отношений с внешним миром, или, как тогда нередко говорилось, с капиталистическим окружением.

В начале 20-х гг. XX в. во внешнеполитической линии Советской России большую роль играл «фактор США». Поскольку советское правительство видело в нём противовес японской политике на Дальнем Востоке, то, соответственно, искало всевозможные средства для осуществления дипломатической игры, в том числе и предоставление концессий на разработку и добычу природных богатств страны. Это вызывалось рядом причин: во-первых, необходимостью использования капиталов, опыта и кадров иностранных предпринимателей для возрождения российской экономики; во-вторых, попыткой выйти из дипломатической блокады¹. Наряду с концессиями допускались создание смешанных обществ, сдача в аренду предприятий, при этом в смешанных обществах доля государства во владении средствами производства должна была составлять не менее 50% (в отличие от концессий, где это требование не выдвигалось).

14 мая 1918 г. В.И. Ленин направил американскому полковнику Раймонду Робинсу, руководителю миссии Американского Красного Креста, предварительный план развития торгово-экономических отношений с США, разработанный по инициативе главы правительства в ВСНХ. Одним из его пунктов была выражена готовность советского правительства предоставить США наряду с другими странами концессии². Тогда же началась разработка концессионной программы. Общее руководство работой концессионных предприятий возлагалось на ВСНХ. В этой связи был создан Комитет концессионной политики, который представил юридические условия деятельности концессий на территории России, включая разработку самих концессионных проектов, вопроса о взаимных гарантиях, а также труда, взаиморасчётов и страхования. Кро-

ме того, были чётко определены объекты и субъекты концессионной деятельности. Наиболее сложным в работе комитета оказался вопрос о требовании концессионеров возместить убытки, причинённые национализацией их имущества в России³.

Гражданская война и военная интервенция иностранных держав на время отодвинули дальнейшие действия советского правительства в этой области. Лишь 29 марта 1921 г. СНК утвердил «Основные принципы концессионных договоров»⁴. Одной из принципиальных установок в осуществлении концессионной политики было требование не сдавать в концессию производственные объекты, находящиеся недалеко от государственной границы. Подобное решение было принято Политбюро ЦК РКП(б) 24 ноября 1921 г.⁵

Отношения Советской России с США складывались непросто. Однако глава советского правительства, несмотря на участие США в иностранной военной интервенции против новой России, продолжал высказываться за налаживание экономических отношений с США. В интервью американской прессе в октябре 1918 г. он заявил: «Мы решительно за экономическую договорённость с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой»⁶.

Комиссия по внешней торговле ВСНХ в мае 1918 г. разработала и представила в Совнарком «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединёнными Штатами Америки». Советское правительство, внося в него ряд уточнений, выразило своё согласие. Однако администрация президента Вильсона его отвергла. Антисоветская позиция руководящих кругов США оказывала своё сдерживающее воздействие на развитие экономических и политических отношений между двумя государствами. С подачи госсекретаря США Гардинга, согласно сообщению из Копенгагена М.М. Литвинова на имя В. Чичерина от 19 июня 1921 г. конгресс отклонил предложение в пользу возобновления торговли с Россией.

Тем не менее, отношения налаживались, хотя и с трудом. Одним из первых американских концессионеров в стране Советов стал Арманд Хаммер. На основании концессионного договора от 29 октября 1921 г., утверждённого СНК РСФСР, и специального договора с Наркомвнешторгом он открыл в Москве отделение Объединённой американской компании «Аламерико»-«Allied American Corporation» (её главная контора находилась в Нью-Йорке). Компания получила асбестовую концессию под Алапаевском (Свердловская область). В июле 1925 г. срок договора истёк и не возобновлялся. Контора Хаммера находилась в Москве⁷.

Одним из наиболее важных направлений концессионной политики Советской России было дальневосточное. Во-первых, регион привлекал

своими природными ресурсами, во-вторых, хотя создание ДВР снимало с повестки дня угрозу советско-японского вооружённого конфликта, эта проблема не имела военного решения, так как армия ДВР была слаба и не могла вести наступательные операции против японских войск, численность которых в период 1920—1922 гг. колебалась от 70 000 до 100 000 чел. К тому же японская интервенция могла затянуться на неопределённое время, если бы тому благоприятствовала международная ситуация.

Соединённые Штаты были единственной державой, решительно и недвусмысленно осудившей японскую политику по отношению к России. Весьма негативно они отнеслись и к японской оккупации Северного Сахалина. Позиция США определялась их заинтересованностью в том, чтобы Россия выступила в роли противовеса Японии на Дальнем Востоке, что было напрямую связано с опасным усилением в начале 20-х гг. XX в. американо-японских противоречий. Интересы этих держав сталкивались в Китае, где японские экспансионистские устремления препятствовали проведению американской политики «открытых дверей и равных возможностей»; усиливалось и их военно-морское соперничество. Развернувшаяся гонка вооружений могла привести к военному конфликту, и такое развитие событий в АТР не могло пройти мимо внимания Москвы. На это указывал ответственный советский работник, член РКП(б) Дмитрий Киселёв в письме «О японо-американском соперничестве на Дальнем Востоке» заведующему отделом Востока НКВД РСФСР П.С. Духовскому⁸.

Советское государство, со своей стороны, видело в Соединённых Штатах главного потенциального партнёра в борьбе с Японией. Как отмечалось в одном из докладов НКВД, «...в случае столкновения Америки с Японией, победа Японии будет означать для России предрешение вопроса о потере Россией всего Дальнего Востока. Победа Америки России ничем не угрожает. А поэтому интересы России на Дальнем Востоке совпадают с интересами Америки»⁹. Данные аргументы были ясны и японской стороне, которая, по информации, поступавшей из различных источников, в том числе из японской прессы, была категорически против «близких» отношений США и России¹⁰.

В феврале 1920 г. глава НКВД Чичерин направил американскому правительству ноту с предложением безотлагательно начать мирные переговоры. Активную агитацию в пользу признания Советского государства развернул представитель НКВД в США Мартенс. Однако усилия советской стороны не принесли желаемых результатов, что, в первую очередь, объяснялось ярко выраженной идеологизированностью американской политики по отношению к Советской России, во многом пе-

рекрывавшей фактор объективного совпадения геополитических интересов обеих стран. Таким образом, хотя США и хотели сохранить Россию в дальневосточном балансе сил, они в то же время не собирались взаимодействовать с Советским государством на антияпонской основе.

Такая позиция Вашингтона сужала возможности использования американского фактора в советской политике, но не исключала их полностью. Главный акцент был сделан на поиск взаимопонимания с теми влиятельными деловыми кругами США, для которых идеологические соображения не были препятствием, способным помешать экономическому сотрудничеству с большевиками. Советский же замысел состоял в том, чтобы столкнуть интересы японского и американского капитала на российском Дальнем Востоке путём предоставления последнему выгодных концессий и тем самым разжечь японо-американские противоречия, а также добиться официального признания РСФСР со стороны Вашингтона. Эта линия, наметившаяся в начале 1918 г., в период 1920—1922 гг. получила дальнейшее развитие и нашла отражение в двух беспрецедентных концессионных договорах, заключённых с синдикатом Вандерлипа и компанией Синклера, которые предоставляли корпорациям исключительные возможности по эксплуатации природных богатств российского Дальнего Востока, а также в ряде неофициальных переговоров по другим концессионным и экономическим вопросам.

Летом 1920 г. банкир и промышленник В.Б. Вандерлип, глава крупного американского синдиката, выступивший от имени 12 ведущих компаний Западного побережья США, предпринял зондаж относительно возможностей получения концессий в Советской России. Предложения Вандерлипа вызвали живой интерес у советского руководства. Он был приглашён в Москву, где в сентябре — октябре 1920 г. вёл переговоры с Лениным и Чичериным.

В ноябре 1920 г. был подписан концессионный договор между правительством РСФСР и синдикатом Вандерлипа, согласно которому синдикат получал в аренду сроком на 50 лет обширные территории на Камчатке с целью эксплуатации нефтяных и угольных месторождений полуострова. Договор оговаривал право РСФСР вести разработку месторождений поочерёдно с синдикатом, безвозмездно получать часть добываемого им сырья, а также досрочно выкупить концессию по истечении 35-летнего срока. План создания американской базы в Приморье был отклонён, но оговаривалась возможность создания такой базы в Авачинской губе, что должно было стать предметом прямых переговоров РСФСР с официальным Вашингтоном. Синдикат брал на себя обязательство предоставить РСФСР огромный кредит в 1 млрд. дол. для

закупок товаров в США и ходатайствовать перед американским правительством об официальном признании Советской России. Договор мог вступить в силу, только если признание РСФСР произойдёт до 1 июля 1921 г.¹¹ Концессия Вандерлипа рассматривалась в Москве как важный стимул для скорейшего признания Советской России, а также как фактор обострения японо-американских противоречий.

Наряду с переговорами РСФСР с Вандерлипом ДВР вела в 1920 г. переговоры с другой американской компанией «Синклер консолидейтед корпорейшен» о сдаче ей в аренду Северного Сахалина. Конечной целью переговоров было установление официальных отношений между ДВР и США посредством предоставления американцам крупных экономических льгот. Ход переговоров согласовывался с Москвой. 14 мая 1921 г. был подписан предварительный концессионный договор между ДВР и Синклеровской компанией¹². Его условия были аналогичны с договором Вандерлипа. Северный Сахалин, предмет концессионной сделки, был оккупирован Японией. Синклеровская компания, таким образом, была кровно заинтересована в том, чтобы США оказали давление на Японию с целью эвакуации её войск с Северного Сахалина. Оба концессионных договора имели, в первую очередь, политическую подоплёку, о чём заявил 21 декабря 1920 г. В.И. Ленин в речи на заседании фракции VIII съезда Советов¹³.

Кроме концессий Вандерлипа и Синклера обсуждались и другие концессионные договоры. В 1922 г. от управляющего делами Дальревкома Степанова в НКВД поступил ряд телеграмм, в которых указывалось, что «кроме сахалинской концессии имеется концессия с американским гражданином Винт на аренду золотых приисков реки Семертак Амурской области для разработки дружинным способом на 20 лет. Договор был подписан 31 марта 1922 года...»¹⁴ Предпринимателю были предоставлены в аренду восемь отводов, расположенных по р. Семертак, притоку р. Селемджи и часть долины Семертак на протяжении двух вёрст выше отводов исключительно для постановки на означенных площадях дражной разработки золота. Срок концессии не должен превышать 20 лет. За право разработки площадей Винт кроме подесятинной платы в размере одного рубля золотом в год с десятины, должен был уплачивать в доход государства 5% натурой с валовой добычи золота. Ежегодная минимальная производительность согласно договору должна была составлять не менее 7500 куб. сажен за лето (операции) или 50 куб. сажен в сутки. По окончании срока концессии всё дражное оборудование, постройки и техническое имущество должно было перейти в собственность государства¹⁵. С этим же предпринимателем Миннархоз ДВР подписал второй договор, по которому предоставлялись в аренду десять от-

водов по р. Большой Ольдой, притоку Амура, для добычи золота. Срок аренды площадей составлял 20 лет. Точное выполнение договора концессионером обеспечивалось залогом в 25 000 золотых рублей. По окончании срока аренды всё техническое имущество должно было безвозмездно перейти в собственность государства¹⁶.

Обзор дальневосточной прессы за 1921 г., в частности газета «Дальневосточная трибуна» (№ 5 от 29 января 1921 г.), указывает, что «некий американец Вуд получил право разработки золота в амурском районе, причём, согласно контракту, 70% добычи поступает в пользу правительства, 30% — в пользу концессионера, а необходимые для предприятия капиталы предоставлены в Пекине китайско-американским банком»¹⁷.

16 августа 1921 г. народному комиссару иностранных дел РСФСР Чичерину была передана телеграмма от начальника информационного агентства «Дальта» Колко, в которой говорилось, что «транспортно-торговая промышленная американско-сибирская компания в городе Сिएтле, в Америке, обратилась к правительству ДВР с ходатайством о предоставлении ей участков для поисков и добычи золота, угля, нефти, других ископаемых на территории ДВР, торговли с предприятиями, связанными с промышленностью, постройкой заводов, дорог...»¹⁸

Немаловажное значение в свете японо-американских противоречий имел вопрос о рыболовецких концессиях. И японцы, и американцы были заинтересованы в рыбалках на Камчатке и Сахалине, о чём неоднократно правительство ДВР сообщало в Москву. Точка зрения Москвы чётко выражена в телеграмме замнаркоминдел Карахана Краснощёкову от 11 марта 1921 г.: «Вопросу о рыбалках Наркоминдел Наркомвнешторг предлагают производить торги отдельно на рыбалки РСФСР. Полномочия производства торгов на рыбалки, принадлежащие РСФСР, в том числе Камчатские, поручаются Гроссману. К торгам нужно привлечь американцев. Находящийся в настоящее время в Москве Вандерлип примет участие в торгах рыбалки РСФСР, также ДВР. Считаем крайне желательным, чтобы рыбалки остались если не за русскими, то за американцами, в частности Вандерлипом, которому мы, безусловно, предоставим возможность делать максимальные предложения с целью закрепить рыбалки формально за американцами в противовес захвату их японцами»¹⁹.

Поскольку в обозначенный период на Дальнем Востоке существовало несколько правительств, то каждое из них пыталось использовать природные богатства региона в своих целях. В этой связи интересным моментом стало также обсуждение вопроса о радиостанции на острове Русский в районе Владивостока. В августе 1921 г. министр иностранных дел ДВР Янсон сообщил в Москву, что «...представители американской

фирмы «Кнап и Бёкстер» сделали предложение о сдаче Америке в аренду Владивостокской радиостанции, построенной на Русском острове ещё в царское время, работавшей и при нас и захваченной американцами во время переворота...»²⁰ Эта мощная военно-морская радиостанция была отдана в аренду американскому правительству правительством Колчака. Переговоры длились около полугода, в результате после подписания предварительного договора 8 октября 1918 г. во Владивостоке состоялся акт её передачи США для использования в военных целях²¹. При совместном обсуждении правительством ДВР и правительством РСФСР был сделан вывод, что «станция для Америки имеет статистическое значение, для нас значение связи. Опасна долгосрочность аренды, также мало материальных выгод»²². В результате контракт не был заключён.

Необходимо отметить, что помимо колчаковского правительства свою концессионную политику проводили и белогвардейское Временное Приамурское правительство Меркуловых, и промонархический режим генерала Дитерихса. Эта политика характеризовалась колоссальными уступками иностранцам, которые фактически вели к разграблению российских природных ресурсов. В 1922 г. С.Д. Меркулов надеялся заключить договор с банками США о финансировании снабжения войск в обмен на лесные, золотопромышленные концессии и пушные промыслы²³.

Отсутствие единого правительства в регионе, а также сложная ситуация связанная с Гражданской войной в России, и как следствие — отсутствие чёткой концессионной политики приводили к незаконным действиям со стороны американцев. Все отрасли, которые подпадали под концессионные проекты, зачастую попросту грабились американскими предпринимателями. Фактически установив контроль над железными дорогами края, они захватили и главную «кочегарку Дальнего Востока» — каменноугольный Сучан, монополизировали выкачку из края золота, пушнины, кожевенного сырья²⁴. О размерах разграбления Чукотки говорит пушной аукцион в Сент-Луисе (США), куда шла значительная часть пушнины, вывезенной с русского севера. Например, американское общество «Фунстен братья и Ко» на сентябрьском (1919) и февральском (1920) пушных аукционах продало до пяти миллионов русских белок, большое количество соболей и множество другой пушнины²⁵.

Таким образом, российские правительства на Дальнем Востоке путём предоставления концессий пытались наладить отношения с Соединёнными Штатами. В итоге советское правительство более других сумело привлечь внимание американского капитала, однако успех советской «концессионной дипломатии» был неполным. Гардинг будучи сенатором зондировал почву для контактов с большевиками через Вандерлипа, после вступления в должность Президента не захотел взаимодейст-

водить с РСФСР на антияпонской основе, считая, что этот курс крайне непопулярен как внутри страны, так и за её пределами. К лету 1921 г. у США созрел альтернативный план урегулирования международных противоречий в АТР с участием всех великих держав за исключением Советской России, который реализовался в созыве Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.

---

¹ Понятие «концессия» происходит от латинского слова «сонсеэзю», что означает дозволение, позволение, согласие, разрешение, уступка. Концессии в условиях Советской республики означали предоставление государством во временное пользование иностранным предпринимателям лесных, водных или земельных участков для хозяйственного использования с правом привлечения рабочей силы (как местной, так и зарубежной). Концессионер становился арендатором части государственной собственности по договору, на определённый срок, но не собственником. Собственность оставалась за государством. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 226, 249.

² Там же. Т. 50. С. 74—75, 427.

³ РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 5, л. 9—10.

⁴ ДВП. Т. 4. М., 1960. С. 36—37.

⁵ Цит. по: Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР М., 2006. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Текст концессионного договора см.: Россия и США. Торгово-экономические отношения 1900—1930: сб. док. М., 2001.

⁸ Советско-американские отношения годы... непризнания 1918—1926. М., 2002.

⁹ АВП РФ. Ф. 04, оп. 8, д. 134, л. 12.

¹⁰ Там же. Оп. 51, д. 54769, л. 56.

¹¹ Цит. по: Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1985. С. 307—308.

¹² Там же. Оп. 51, д. 54805.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 95—96.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04, оп. 318, д. 54797, л. 54. Полный текст договора см.: ГАХК. Ф. Р-266, оп. 1, д. 340, л. 20.

¹⁵ ГАХК. Ф. Р-266, оп. 1, д. 340, л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 21

¹⁷ АВП РФ. Ф. 08, оп. 4, п. 2, д. 10.

¹⁸ Там же. Ф. 04, оп. 51, п. 319, д. 54800, л. 113.

¹⁹ Там же. П. 318, д. 54791, л. 2.

²⁰ Там же. П. 318, д. 54797, л. 28.

²¹ ГАХК. Ф. Р-266, оп. 1, д. 339, л. 21—26.

²² АВП РФ. Ф. 04, оп. 318, д. 54797, л. 28.

²³ Ципкин Ю.Н. Внешняя политика белых правительств на Дальнем Востоке в 1921—1922 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 151.

²⁴ ГАХК. Ф. Р-266, оп. 1, д. 343, л. 15.

²⁵ Там же.

*E. Frolova**Khabarovsk***THE CONCESSION POLITIC AS THE FACTOR OF RUSSIAN
AND AMERICAN RELATIONS AT THE FAR EAST (1917—1922)**

The Russian and American international relationships became more complicated after the revolutions had been stopped in Soviet Russia. The leaders of the new Soviet Republic felt necessity in the close connection with the USA because of its aspiration for the restoration of the force balance in the Pacific Region by the stop of the Japanese intervention in the Far East. Then there were the necessity in the diplomatic recognition of the USA and some economic reasons. To resolve these problems was used the “the diplomacy of the granting concessions”, that gave its positive results and became one of the main factors in the formation and future development of the Russian and American international relationships in the Far East.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ «СИБИРСКОГО ФАКТОРА»

Политика правительства США в отношении партий и движений в России в годы Гражданской войны и интервенции

Экономическая и политическая глобализация, ставшая в последние десятилетия основной тенденцией развития международных отношений как в АТР, так и во всём мире, привела к развитию во внешнеполитических доктринах правительства США положений откровенного неокOLONиализма. Недавнее предложение администрации Дж. Буша об интернационализации богатых природными ресурсами слабозаселённых территорий тех государств, которые не могут самостоятельно обеспечить «полноценное» хозяйственное освоение таких перспективных регионов (как, например, Сибирь), в сочетании с борьбой американского правительства за расширение зоны «свободного рынка, демократии и мира» удивительно созвучны политике основателя американского гегемонизма Вудро Вильсона.

Как в российской, так и в зарубежной историографии исследователей интересовало, какое значение для реализации экономических и политических планов США в первой четверти XX в. имели российский Дальний Восток и Сибирь¹. Однако, как внешнеполитические доктрины Вильсона о политическом будущем России и какое влияние на выработку решений президента по «русскому вопросу» оказывал ход иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, ответить стало возможным только после ознакомления с обширными фондами документов по американской внешней политике, ставшими доступными для исследования только в последние годы². На основе этих документов можно отчётливо проследить, как развитие политической ситуации в Сибири отражалось на отношении правительства Соединённых Штатов к противоборствующим группировкам в России. Очевидно, что при всей стихийности и непоследовательности политика США в отношении России в 1917—1920 гг. (сохранение американского присутствия в Сибири и Дальнем Востоке) посредством проведения в жизнь политики «открытых дверей и равных возможностей» становится основополагающим фактором во взаимоотношениях между правительством Вильсона и антибольшевистскими силами. После того как центр антибольшевистского движения сместился в Сибирь, вопрос о политическом будущем

России для Вильсона и его окружения был, в первую очередь, вопросом о политическом будущем Сибири. Показательным фактом является, что в переговорах с союзниками об участии американских войск в интервенции в России в 1918 г. выражение «политическое будущее России» почти полностью вытесняется выражением «политическое будущее Сибири».

Сибирь с её богатыми природными ресурсами, географической удалённостью от политического центра страны, отсутствием помещиков и развитыми традициями автономизма являлась регионом, в котором реализация принципа «открытых дверей и равных возможностей» имела максимальные шансы на успех. Повышенный интерес американских представителей к земскому и кооперативному движению в Сибири, обозначившийся в 1917 г., способствовал проникновению американского капитала в регион. Соглашение с Временным правительством России об оказании помощи в реорганизации Сибирской железной дороги и работы железнодорожной миссии Стивенса укрепили американские позиции в азиатской части России и стали этапом на пути создания единого транспортного коридора Сиэтл — Владивосток. Преобладание в земском и кооперативном движении Сибири правых эсеров, большинство из которых ещё до Октября 1917 г. отстаивали идею превращения Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока в единый регион, наделённый правами полноправного субъекта федерации, и считали США идеалом федерализма, создавало благоприятные условия для реализации американских интересов в Сибири³. Октябрьский переворот свёл на нет все полученные американцами благодаря влиянию на Временное правительство преимущества. Однако приход к власти большевиков стал стимулом для развития областнического движения в Сибири. Съезды, проходившие в Томске в октябре и декабре 1917 г., должны были провозгласить автономную сибирскую власть. «Сибирь... планирует создание сепаратного правительства, — сообщал посол США в России Д. Фрэнсис. — Следует послать нашего представителя на заседания Сибирского Учредительного собрания»⁴. Но разрозненное областническое движение не могло оказать вооружённого сопротивления большевикам и сформировать устойчивые органы власти. Военную силу в Сибири и на Дальнем Востоке в тот период представляло лишь казачество, консолидировавшееся вокруг атаманов Калмыкова и Семёнова. Правительство США в начале 1918 г., прилагавшее максимум усилий для того, чтобы предотвратить подписание правительством Ленина сепаратного мира с Германией, старалось официально дистанцироваться от многочисленных антибольшевистских группировок. Гражданская война в Сибири ещё не приобрела того масштаба, который позволил бы надеяться на скорое свержение советской власти в регионе.

Представители Советского правительства всячески демонстрировали готовность пойти на соглашение с союзниками, особенно с Соединёнными Штатами, спекулируя на американско-японских противоречиях. 23 апреля 1918 г. британское посольство в Вашингтоне передало отчёт британского посла в России о переговорах с Лениным, который выразил надежду, что только США смогут предотвратить японскую оккупацию Дальнего Востока⁵. 9 мая 1918 г. Государственный департамент телеграфировал послу Фрэнсису в Вологду, выразив дружественные намерения по отношению к русскому народу и заявил, что расположение правительства США будет сохраняться до тех пор, пока русские не будут принимать власть центральных держав⁶.

Но в мае 1918 г. Советское правительство разработало план сотрудничества с Америкой, предусматривавший предоставление концессий, аренды угольных шахт, участие американских фирм в железнодорожном строительстве в Сибири, эксплуатации природных ресурсов региона и строительстве электростанций, правительство США проигнорировало эти предложения⁷. Причиной послужила консолидация антибольшевистских сил на Дальнем Востоке и поддержка их со стороны союзников.

В середине января 1918 г. атаман Семёнов установил контакты с союзными представителями в Харбине. Правительства Англии и Франции высказались в поддержку Семёнова. Английские представители поддержали и разработанный в феврале план выступления уссурийских казаков под началом атамана Калмыкова с целью захвата Южного Приморья с последующим образованием там сепаратного режима⁸. Правительство Японии вынашивало план создания силами «умеренных» антибольшевистских элементов на русском Дальнем Востоке «автономного режима». Семёновскому движению были выделены деньги и оружие. Госсекретарь США Лансинг в конце мая 1918 г. рекомендовал президенту семёновское движение как «самое законное и популярное обнадёживающее движение в Сибири против Германии». В своём меморандуме он заверил Вильсона, что «семёновская политика — держать открытыми сибирские железные дороги и выгнать большевиков». Но одновременно госсекретарь предупредил, что «любая открытая поддержка Семёнова будет прелюдией к открытому разрыву с большевиками, усилению Гражданской войны и занятию центральной части страны немцами». Поэтому Лансинг рекомендовал использовать чехословаков для поддержки семёновского движения⁹.

Союзники аргументировали необходимость поддержки антибольшевистских сил в Сибири тем, что при интервенции эти силы смогут стать ядром нового фронта против Германии на Востоке России. Осознавая, что в отличие от Японии США не смогут участвовать в полномасштабной

вооружённой интервенции, американское правительство выступило с критикой планов вооружённой интервенции в Россию. Вильсон заявлял, что «открытие в России фронта против Германии — это способ использовать её, а не помочь ей»¹⁰. В официальном меморандуме в июне 1918 г. было отмечено, что «восстановление Восточного фронта путём военной экспедиции, даже с привлечением большого количества японских войск, невозможно»¹¹.

Бывший посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев предупреждал Колчака, присоединившегося к созданному в Харбине Дальневосточному комитету активной защиты Родины и Учредительному собранию во главе с Хорватом, что «американцы не станут вмешиваться, пока не будет очевидным, что движение носит национальный характер», и рекомендовал сделать заявления, в которых чётко прослеживалась бы антигерманская направленность и «исключалась бы возможность подозрения в политической односторонности»¹².

Пытаясь повлиять на позицию американского президента по вопросу интервенции, союзники настаивали на том, что центром объединения антибольшевистских сил и основных действий союзников должна стать именно Сибирь. В июне 1918 г. британский премьер отправил послу в Вашингтоне меморандум: «Пока не начнётся союзная интервенция в Сибири, у нас нет шансов стать безоговорочными победителями и сохранится риск проиграть войну». Ллойд Джордж выражал уверенность, что если «...интервенция в Сибири начнётся сейчас, то к весне 1919 г. союзные силы могут воссоединиться с элементами законности и порядка в России, которые были бы в состоянии восстановить демократическую Россию как военную силу... Это даст союзникам реальный шанс достичь военного успеха в 1919 г.»¹³ По мнению министра иностранных дел «из-за особой важности силы, которые будут задействованы в Сибири, станут экономическими хозяевами центральной России»¹⁴. Однако американский президент своего мнения не изменил. В беседе с французским представителем Жаном Жусерандом (Jusserand) 6 июня президент заявил, что задача борьбы с Германией на западном фронте остаётся первоочередной»¹⁵.

Образование в июне 1918 г. Временного правительства автономной Сибири, в котором преобладали проамерикански настроенные эсеры и меньшевики, оставляло надежду, что подчинение этому правительству Хорвата и Колчака позволит консолидировать антибольшевистское движение, предотвратит дальнейшее развитие казачьего сепаратизма и обеспечит эсерам необходимую военную поддержку для утверждения своей власти в Сибири. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Колчак не смог взять под контроль атамана Семёнова. Борьба за власть

между ВПАС и Харбинским комитетом завершилась разрывом Комитета с эсерами-автономистами. Это окончательно настроило Вашингтон против Хорвата. Комментируя позицию правительства США по отношению к Хорвату и его соратникам, посол Бахметев в конце августа 1918 г. в письме Маклакову заметил: «...Хорват с его опрометчивым величественным тоном диктатора не вызывает здесь ни симпатий, ни веры в его способность выражать настроение России и ответить на её насущные желания. Пока нет также речи о признании какого бы то ни было антибольшевистского правительства, хотя бы в качестве местного автономного центра, как составной части единой России»¹⁶. В ответ на многочисленные запросы Хорвата и эмиссаров ВПАС о признании союзниками их организации российские заграничные представители неизменно отвечали, что союзники не согласятся поддерживать одну политическую группировку в ущерб другим и что междоусобицы, начавшиеся на Востоке, могут препятствовать союзной интервенции. Посол в Париже Маклаков рекомендовал Хорвату «не претендуя на роль общерусской власти ждать создания власти после интервенции»¹⁷. Однако антибольшевистские силы продолжали добиваться признания и поддержки союзников, используя эту поддержку как средство междоусобной борьбы. После формирования Уфимской Директории в сентябре 1918 г. незамедлительно последовало обращение к союзникам о помощи и признании. Однако правительство США не желало связывать себя обязательствами с нежизнеспособными политическими группировками. По свидетельству председателя правительства Уфимской Директории П.В. Вологодского, во время его встречи с американским послом Моррисом во Владивостоке тот «...очень резко предупредил о своём нежелании беседовать на тему о признании или непризнании Сибирского правительства за границей»¹⁸. Бахметев после консультаций с госсекретарём Лансингом резюмировал: «Американский МИД выражает симпатии Директории, но признавать её не спешит, что не означает, что помогать им не будут»¹⁹.

Попытки эсеров и меньшевиков на практике осуществить государственное строительство в Сибири окончились полным провалом. Угроза захвата большевиками Сибири, возникшая из-за неспособности эсеров и меньшевиков консолидировать антибольшевистское движение, обеспечить обороноспособность армии и наладить эффективное управление, объективно заставляла администрацию Белого дома опираться на силы в Сибири, которые смогут справиться с этими задачами.

В Сибири необходим был режим, который гарантировал бы США экономическое и военно-стратегическое доминирование в регионе без участия в вооружённых столкновениях. Поэтому американская администрация лояльно отнеслась к смене власти в Сибири и формированию

правительства Колчака в ноябре 1918 г. Несмотря на явно реакционный характер нового правительства, оно имело поддержку в армии и могло стать сдерживающим фактором японской экспансии, могло также предотвратить захват Сибири большевиками и стать гарантом проведения в жизнь политики «открытых дверей и равных возможностей» в Сибири. Дав своим военным указание не вмешиваться во внутривосточную борьбу между противоборствующими группировками и провозгласив целью американского военного присутствия в Сибири охрану железных дорог и помощь чехословацкому корпусу, правительство США приступило к реализации мероприятий по контролю над железными дорогами. Переговоры с союзниками закончились в январе 1919 г. подписанием соглашения об установлении межсоюзного контроля над железными дорогами Сибири и Дальнего Востока²⁰. Это соглашение не соответствовало целям и задачам администрации США, поскольку не позволяло установить единоличный контроль над железными дорогами в Сибири. Кроме того, к началу 1919 г. развитие политической ситуации в России имело тенденцию к утверждению реакции. Был сформирован авторитарный террористический военный режим, который не мог сдерживать подогреваемый Японией казачий сепаратизм.

В условиях активной подготовки правительства США к началу Парижской мирной конференции, на которой американский президент предполагал внести коренные изменения в существующую систему международных отношений, возникала угроза стать пособниками реставрации. Это шло вразрез с декларациями Вильсона о мессианском предназначении Америки — быть проводником демократии в мире. Не желая сохранять военный контингент в России и не принимая в серьёз возможность победы антибольшевистских сил в Гражданской войне, правительство США искало пути решения «русского вопроса» в новом подходе ко всей системе международных отношений, предусматривавшем отказ от раздела колониального мира на сферы влияния и переход к регулированию всех аспектов международных отношений через надгосударственную организацию с широкими полномочиями. Президент Вильсон активно выступал в январе — феврале 1919 г. за сохранение территориальной целостности России, вывод союзных войск и решение всех связанных с Россией вопросов через Лигу Наций. Однако при этом проблема железных дорог в Сибири выделялась в самостоятельную тему, не связанную с вопросом будущего политического устройства России и её территориальной целостности. 2 февраля 1919 г. в инструкциях своему заместителю Полку относительно обсуждения «русского вопроса» в конгрессе госсекретарь США Лансинг писал: «...это дело может быть полностью отделено от общей русской проблемы как независимо от того, какой может быть

наша политика в отношении России, так и независимо от будущего российского развития. Существенно, — подчёркивал Лансинг, — что мы поддерживаем политику открытых дверей относительно Сибирской и в частности Китайской восточной железной дороги»²¹.

В мае 1919 г., когда колчаковское движение добилось максимальных военных успехов, американская администрация готова была рассмотреть возможность его признания в качестве де-факто правительства, но не всей России, а только Сибири. 7 мая 1919 г. на заседании Совета Четырёх Вильсон заявил, что от Колчака должна быть затребована программа реформ и необходимо настоять, что продолжение поддержки будет зависеть от одобрения этой программы. 8 мая с одобрения президента было опубликовано послание американской администрации, в котором говорилось, что правительство США не будет признавать никакого правительства в России, если оно не получит власть из рук народа добровольно, однако, признавая невозможность проведения выборов в условиях Гражданской войны, правительство США «готово рассматривать правительство как де-факто на подконтрольной ему территории»²².

Тогда же американская дипломатия стала добиваться создания в Сибири коалиционного правительства, в котором ведущую роль снова стали бы играть меньшевики и эсеры. Старательно избегая упоминать названия этих партий в многочисленных дискуссиях с главами союзных миссий на Парижской конференции, американские представители, тем не менее, стали использовать термин «демократические силы», характеризуя членов антиколчаковской оппозиции и термин «реакционеры» в отношении самого Колчака и его окружения (вместо использовавшегося ранее термина «лояльные силы закона и порядка»).

Статус Верховного правителя России, которым наделили Колчака лидеры антибольшевистских сил, должен был, по мнению американской администрации, трансформироваться в должность военного командующего, не вмешивающегося в дела гражданского управления. Колчак, выполнивший свои функции, должен был покинуть политическую сцену²³. В итоге американский президент настоял, чтобы обращение союзных держав к Колчаку 26 мая содержало лишь условия дальнейшего предоставления помощи. Переоценив военные достижения колчаковских армий, правительство Вильсона добилось не только того, что вопрос о дипломатическом признании правительства Колчака был снят с повестки дня работы Парижской мирной конференции, но и было отложено предоставление помощи антибольшевистским силам в момент их наступления.

Поражения колчаковских армий и обращение Омского правительства за помощью к Японии, основному конкуренту США в регионе Сибири

и Дальнего Востока, заставили американского президента принимать срочные меры. В Сибирь был направлен посол США в Японии Г. Моррис, чей визит в Омск в июле 1919 г. должен был продемонстрировать готовность правительства США отстаивать свои интересы в Сибири и поддерживать Колчака в том, что политика американской администрации по отношению к антибольшевистским силам изменится в ближайшее время. В инструкциях для Морриса Вильсон особо подчеркнул цель визита — «чтобы продемонстрировать Японскому правительству огромный интерес к ситуации в Сибири, намерение правительства США принять определённую политику, которая будет включать принцип «открытых дверей» в России, свободной от японского доминирования»²⁴. Посетив Сибирь, Моррис подтвердил, что Япония не отказалась от намерения «...занять КВЖД и Транссиб до Читы и доминировать в Восточной Сибири и Северной Маньчжурии, Японское правительство продолжает пусть и менее очевидно действовать через казачьи организации, которые являются единственной поддержкой Колчака на востоке Китая»²⁵. За два месяца ситуация в Сибири изменилась таким образом, что американское правительство было поставлено перед необходимостью поддержать Колчака или отдать Сибирь и Дальний Восток большевикам и японцам. Однако, даже получив подробный отчёт от посла, в котором сообщалось, что лишь немедленное признание и активная помощь союзников может спасти Колчака от разгрома, Вильсон и его окружение оказались не способными принять решительные меры, самоустранившись от влияния на дальнейший ход событий в Сибири. В этих условиях Колчак был готов заключить соглашение с любой иностранной силой, которая могла бы уберечь его от разгрома на любых условиях. Но для администрации Белого дома вопрос о политическом будущем правительства Колчака был решён уже в октябре 1919 г.

Провал внешнеполитических планов американского президента на Парижской мирной конференции способствовал росту изоляционистских настроений в стране и конгрессе. Отсутствие каких бы то ни было положительных результатов от участия американских солдат в вооружённой интервенции в России обострило противоречия в самом правительстве по вопросу о перспективах дальнейшего пребывания военного контингента в России. Антибольшевистское движение в Сибири захлебнулось. Попытки американских представителей в России найти опору в антиколчаковской оппозиции и меры, предпринятые правыми эсерами после свержения Колчака, привлечь правительство США к реализации проекта по созданию в Сибири независимого буферного государства не нашли поддержки ни у президента Вильсона, ни у членов его правительства²⁶. Лансинг объяснял неудачи американской политики в Сиби-

ри тем, что правительство США не могло отправлять в Россию большие воинские контингенты из-за противодействия конгресса, к тому же формально США не были в состоянии войны с большевиками и не имели права поддерживать одну политическую группировку в ущерб другой. Стремление союзников взять под контроль Транссиб, по словам госсекретаря, было направлено на создание плацдарма для антибольшевистских сил и должно было способствовать укреплению положения армии Колчака. Лансинг подчёркивал, что «не отсутствие симпатий не позволило разместить в Сибири крупные воинские формирования, а развитие событий попросту исключило такую возможность»²⁷.

Сибирь, являвшаяся объектом геополитических интересов США, в период Гражданской войны и интервенции стала центром консолидации антибольшевистского движения. Американская администрация, делавшая ставку на расширение своего влияния в Сибири за счёт проведения в жизнь экономической политики «открытых дверей и равных возможностей», оказалась не готовой к выработке чёткой позиции по отношению к противоборствующим в России группировкам и активному участию в Гражданской войне.

¹ См.: Гвишиани Л. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970; Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000; Шмелёв А.В. Внешняя политика адмирала Колчака (1918—1919): автореф. ... канд. ист. наук. М., 1995; Иванян Э.А. У истоков советско-американских отношений. М., 2007; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983; Кожевников В.А. Лозунг «автономии Сибири в деятельности антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 5—6; Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны и интервенции (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2005.

² Большое значение для исследования этой проблемы имеют документы Гуверовского института войны, революции и мира, содержащие обширную переписку российских заграничных представительств в период Гражданской войны и интервенции; сборник документов Принстонского университета «От царя до комиссаров» о деятельности американских дипломатических ведомств на территории России; многотомное издание «Бумаги Вильсона», позволяющее подробно ознакомиться с процессом выработки основных внешнеполитических решений правительства Вильсона.

³ См.: Кожевников В.А. Лозунг...

⁴ Цит. по: Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983. С. 11.

⁵ Wilson Papers. Princeton, 1985. Vol. 48. P. 39.

⁶ Ibid. P. 104—106.

- ⁷ Гвишиани Л. Советская Россия и США... С. 67.
- ⁸ См.: Светачев М.И. Империалистическая интервенция...
- ⁹ Wilson Papers. P. 104—106.
- ¹⁰ Ibid. P. 625.
- ¹¹ Ibid. P. 542.
- ¹² ГАРФ. Ф. 10003, к. 93, р. 1.
- ¹³ Wilson Papers. P. 378—379.
- ¹⁴ Ibid. P. 379—380.
- ¹⁵ Ibid. P. 254—255.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 10003, к. 96, р. 7.
- ¹⁷ Там же. К. 86, р. 1.
- ¹⁸ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Док. и материалы. Владивосток, 1995. С. 22.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 100003, л. 861. Бахметев-послу Вашингтон. 23 окт. 1918 г.
- ²⁰ См.: Светачев М.И. Империалистическая интервенция...
- ²¹ Wilson Papers. P. 38—39.
- ²² Ibid. Vol. 59. P. 188.
- ²³ Осенью 1919 г. во время наступления армии Юденича на Петроград американская администрация выступит с требованием немедленно после занятия города передать власть гражданским лицам.
- ²⁴ Wilson Papers. Princeton, 1989. Vol. 61. P. 130—131.
- ²⁵ Ibid. P. 571—573.
- ²⁶ См.: Юрченко Е.С. Позиция правительства США по вопросу о дипломатическом признании режима Колчака // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 2007. С. 104.
- ²⁷ Цит. по: Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 370—371.

K. Yurchenko
Khabarovsk

**POLITICAL FUTURE OF RUSSIA
AND THE «SIBERIAN FACTOR».
US GOVERNMENT POLICY TOWARD RUSSIAN
ADVERSARIAL POLITICAL GROUPS WITHIN CIVIL WAR**

The article is devoted to the USA government policy toward Russian adversarial political groups within Civil war. It includes analysis of the US Siberian strategy. Decision making process and W. Wilson point of view of political future of Siberia. Wait-and-see attitude of the Wilson's administration to the Russian events 1918—1919. And it's decision not to recognize ant Bolsheviks governments in spite of their political platforms. Factors which had an influence on such position. The cause of American failure in Siberia and it's results.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН В ОТНОШЕНИИ АЗИИ (1945—2008 гг.)

Регион Юго-Восточной Азии традиционно рассматривался во внешней политике Японии как сфера особых интересов. Японская политическая элита довоенного времени считала его объектом колониальной эксплуатации, который «по недоразумению» достался странам Запада. С конца XIX в. и до 1945 г. усилия японской дипломатии, подкреплённые военными захватами и экономической экспансией, были направлены на укрепление позиций страны в регионе, но этим планам не суждено было сбыться, поскольку Япония приняла безоговорочную капитуляцию 2 сентября 1945 г.

В первые послевоенные десятилетия интерес страны к региону ЮВА восстанавливался и возрастал параллельно с ростом экономического потенциала, а затем со стремлением к поиску собственной роли в региональной и глобальной политике. Создание Сан-Францисской мирной системы, обретение полного суверенитета, возвращение Японии в мировое сообщество поставили перед её правительством необходимость выработки собственной стратегии действий в Азии. Однако подписание японо-американского договора безопасности (1951) на долгие годы определило зависимость страны от внешнеполитического курса США, в частности, внешняя политика кабинетов С. Ёсида (1946—1954).

В сложной обстановке в азиатском регионе в послевоенные годы такие страны, как Индия, Индонезия, Бирма, несмотря на экономическую отсталость, начали обретать влияние в мире, активно выступая за нейтралитет, мирное сосуществование, против неоколониализма и сколачивания военных блоков, за разрядку международной напряжённости. Именно в это время в Азии начинает складываться так называемая «третья сила», которая опиралась на десять принципов мира, принятых на Бандунгской конференции¹. Однако, следуя стратегии США по сдерживанию проникновения коммунизма в регион, Япония не признала эти принципы.

Первая попытка возвращения Японии в Азию была предпринята премьер-министром Н. Киси (1957—1960), позиция которого в отношении США отличалась некоторой самостоятельностью. В это время приобретает популярность формулировка «Япония — часть Азии». Н. Киси впервые в послевоенной истории Японии совершил турне по странам Азии. В течение одного только 1957 г. он посетил пятнадцать азиатских

стран, пропагандируя свой «план развития Юго-Восточной Азии». Одним из важнейших направлений деятельности кабинета Н. Киси стали нормализация отношений со многими странами Азии, разрешение проблемы репараций и обеспечения условий для широкомасштабного проникновения на рынки региона. С этого времени и на долгие десятилетия одной из задач японской дипломатии становится восстановление «доброго имиджа Японии» в странах Азии, ущерб которому нанесла политика военных лет.

Соединённые Штаты видели в лице Японии надёжного помощника в осуществлении своей стратегии в АТР, и некоторая активность японской дипломатии в регионе настораживала США. Именно из-за их вмешательства план Н. Киси так и не был в полной мере реализован. США пока не были готовы поверить в «невинность» намерений Н. Киси, который был министром торговли и промышленности в довоенном правительстве Х. Тодзио. Очевидно, не случайно беспрецедентное в то время турне Киси язвительно сравнивали с инспекционной поездкой Тодзио по завоёванным азиатским странам.

В 1950—60-е гг. роль Японии в АТР ограничивалась реализацией чисто экономических задач. Постепенно страна нормализовала отношения с Бирмой (современная Мьянма), Индонезией, Филиппинами, Южным Вьетнамом, Таиландом (в 1963 г.). Репарации этим государствам в основном имели характер экспортных кредитов, а импорт обеспечивал поступление сырья для быстро развивавшейся японской промышленности. В дальнейшем рост торговли с этими странами шёл параллельно с укреплением экономического сотрудничества в форме предоставления займов, экспортных кредитов на условиях рассрочки платежей, а также инвестиций.

Восстановлению позиций Японии в регионе особенно способствовало присоединение её в декабре 1954 г. к английскому «плану Коломбо» (экономическое восстановление Южной и Юго-Восточной Азии²) и участие в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.).

В конце 60-х гг. Япония стала искать свои «корни», вполне естественно находя их в Азии, началась частичная реанимация идей паназиатизма. В начале 60-х годов в Японии появился план создания «азиатского общего рынка», задуманного как средство для усиления позиций в конкурентной борьбе с США и странами Европейского экономического сообщества (современного Евросоюза). Однако и США, чьё участие в этой закрытой группировке на первом этапе даже не предусматривалось, и страны Азии, помнившие японские планы создания «великой восточноазиатской сферы совместного процветания», отнеслись к этому плану без большого энтузиазма.

В соответствии с идеями формирования подконтрольного Японии «тихоокеанского сообщества» были разработаны региональные доктрины «Тихоокеанского объединения» (автор И. Коно, 1959 г.), Тихоокеанской зоны свободной торговли (1965 г.), «Пан-Азии» (доктрина премьер-министра Э. Сато, 1969 г.). Большинство из них основывались на так называемом «азиатском национализме» и даже на антиамериканизме (особенно доктрина «Пан-Азии» Э. Сато). Тем не менее «зона мира и стабильности» для Японии в 60-е гг. была ограничена регионом Дальнего Востока.

Явный масштабный поворот Японии к Азии наметился в начале 1970-х гг., но ему предшествовала долгая подготовительная работа. Привнесение политического элемента в региональную политику Японии началось под воздействием «послевьетнамского» кризиса американской политики в конце 1970-х гг. С одной стороны, ответом на поражение во Вьетнаме стало ужесточение американской внешней политики. США отказались от запланированного сокращения вооружённых сил на территории Южной Кореи и Японии, не исключалась возможность применения ядерного оружия для урегулирования военных конфликтов, затягивалась нормализация отношений с Китаем. С другой стороны, становилось всё яснее, что, несмотря на многочисленные американские декларации, подтверждавшие особую роль США в АТР, возможности их реализации оказывались довольно ограниченными. США начали поиск новых способов влияния в регионе. Происходила переоценка сил и возможностей союзников, в первую очередь повышалась роль Японии в американской военно-стратегической системе.

Япония в свою очередь также осознавала общее ослабление американских позиций в регионе. В этих условиях перед японской дипломатией ставилась задача активизации собственной политической роли, что в сочетании с её мощной экономикой должно было содействовать превращению страны в регионального лидера. На этом фоне кабинет Т. Мики (1974—1976) разработал «Стратегию Японии в XXI веке», которая ориентировалась на создание Тихоокеанского сообщества как региональной экономической подсистемы. Концепция «азиатско-тихоокеанской сферы сотрудничества» предусматривала активное содействие экономическому развитию капиталистических стран Азии, создание разного рода международных организаций, в которых Японии отводилась лидирующая роль в соответствии с её экономическим вкладом. Это нашло своё развитие в «доктрине Фукуда» (1977), которая имела ярко выраженную региональную (азиатскую) ориентацию и предполагала отказ Японии от попыток стать военной державой. На первый план выдвигалось создание конструктивных связей с Ассоциацией стран

Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и содействие сотрудничеству государств в ней. В «доктрине Фукуды» заложены три основных принципа: Япония не станет военной державой, установит добрососедские отношения со странами ЮВА, предоставит им помощь как равный партнёр. Она заложила основу для дальнейшего развития отношений со странами этого региона. Согласно точке зрения политических лидеров страны «зона мира и стабильности» включала уже весь АТР.

В начале 1980-х гг. премьер-министр Дз. Судзуки окончательно сформулировал концепцию «тихоокеанского сообщества». Планируемая группировка предусматривала интеграцию США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пяти стран АСЕАН. При этом речь шла не только об экономическом сотрудничестве, но и о «превращении всякого сотрудничества в региональную солидарность» на основе пяти принципов: Тихий океан должен быть океаном мира, свободы, многообразия, взаимной выгоды и открытых возможностей для всех стран. Это означало, что союзники во главе с Японией будут обеспечивать безопасность региона (мир), в котором не доминирует протекционизм (свобода), преодолены межнациональные барьеры (многообразие), сотрудничество отвечает интересам всех сторон (взаимная выгода) и региональное развитие ведёт к миру и благосостоянию (открытые возможности).

«Доктрина Судзуки» ясно демонстрировала стремление Японии найти путь к укреплению собственных позиций в регионе и попытку смягчить экономические противоречия с США, которым наравне с Японией предлагалась лидирующая роль в планируемом сообществе. Однако, как показала практика, любые попытки институционализации сотрудничества азиатских стран не приносили желаемых результатов, поскольку в отличие от европейских стран они были ещё слишком далеки друг от друга, прежде всего, по уровню экономического развития. Кроме всего прочего, ни США, ни Япония не хотели уступать друг другу права возглавить эту группировку. Хотя США и принимали участие в региональных экономических организациях, японская идея создания «тихоокеанского сообщества» не находила никакого позитивного отклика в Вашингтоне. Только в середине 80-х гг. XX в. США начали пересматривать свои позиции в регионе и своё отношение к японским предложениям по созданию подобной организации. К этому их подтолкнули претензии Токио на лидерство, имевшие серьёзное экономическое подкрепление.

В 1979—80-х гг. в условиях нового обострения противостояния по линии СССР — Запад в Японии впервые была разработана доктрина Комплексного обеспечения национальной безопасности (КОНБ). Национальная доктрина Японии в рамках КОНБ основывалась на принципах «глобальности» и «неделимости» безопасности «свободного мира» перед

лицом советской угрозы. Эта доктрина состояла из трёх компонентов. На первый план была поставлена политическая безопасность, основывающаяся на концепции «трёхсторонности» и формирования большого треугольника «США—Япония—Европа», который для Азии дополнялся малым треугольником «США—Япония—Китай». Другими словами, Япония «расширяла» «зону мира и стабильности», присоединяя к АТР ещё США и Западную Европу.

В экономической сфере основной целью признавалась необходимость решения противоречий Запад—Восток (дихотомия) и Север—Юг (разрыв между развитыми и развивающимися странами). Практически это означало, что Япония будет стремиться к совершенствованию международных экономических механизмов, предоставляя им помощь, перераспределяя долги и вклад в международные институты, ориентируясь на содействие американской политике. В военной сфере сохранялась жёсткая ориентация на совместную с США оборону Японских островов, кроме того, вводилась так называемая 1000-мильная зона обороны. С 1980 г. текущие планы обороны были переименованы в среднесрочные программы, направленные на создание «базовых сил обороны».

Премьер-министр Я. Накаоне (1982—1987) в своей политике делал упор на военно-политические аспекты и рост военной мощи Японии. В целом, придерживаясь идеи о необходимости тихоокеанского сообщества, он перекладывал ответственность за его формирование на государства АСЕАН и частные предпринимательские структуры, чтобы не спровоцировать роста антияпонских настроений в АТР.

Доктрина КОНБ исчерпала себя к началу 90-х гг. с распадом СССР, который рассматривался как основная военная угроза Японии. Часто сменявшие друг друга кабинеты (Н. Такэсита (1987—1989), Т. Кайфу (1989—1991), К. Миядзава (1991—1993), М. Хосокава (1993—1994), Т. Мураяма (1994—1995), Р. Хасимото (1995—1998), К. Обути (1998—2000), Ё. Мори (2000—2001), а также кризис правящей либерально-демократической партии обусловили не только отсутствие целостной концепции, но и ситуативность и субъективность определения роли Японии в мире. Эти факторы предопределили фактическое копирование японскими официальными институтами стратегий национальной безопасности США в 1990-е гг.

Ярким примером такого копирования стала «доктрина Кайфу», основанная на американской доктрине нового мирового порядка Дж. Буша. Согласно «доктрине Кайфу» Япония ставит цели: гарантировать мир и безопасность; уважать свободу и демократию; обеспечить безопасность и процветание в мире в рамках открытой рыночной экономики; защитить окружающую среду и гуманитарные стандарты; обеспечить

стабильные международные отношения на основе диалога и сотрудничества. В 1991 г. премьер-министр Т. Кайфу совершил турне по пяти азиатским странам (Малайзия, Бруней, Таиланд, Сингапур, Филиппины), в ходе которого призывал их к новым формам сотрудничества.

Премьер-министр К. Миядзава добавил к вышеперечисленным целям большее сотрудничество со странами АСЕАН и более активную роль Японии в формировании мира и безопасности в Восточной Азии. Правительство Т. Мураяма предложило концепцию национальной безопасности, которая базируется на универсальных ценностях — «демократия, свобода, уважение прав человека». К ним подключались три «столпа» политики национальной безопасности: японо-американские отношения, укрепление отношений с АТР, участие в решении глобальных проблем (нераспространение оружия массового поражения, гуманитарная помощь и т.д.).

Относительную стройность японская внешнеполитическая стратегия приобрела в годы пребывания у власти премьер-министра Р. Хасимото (1996—1998). Политика национальной безопасности в трактовке его кабинета опиралась на «фундаментальные ценности и идеалы: свободу, демократию и рынок». Миссия Японии формулировалась как «выполнение творческой роли в создании нового международного порядка», что предполагало глобализацию политики страны, направленной на достижение стабильности во всём мире, экономический рост развивающихся стран, благосостояние каждого гражданина глобального общества. Основой внешнего поведения Японии признавалось соблюдение трёх неядерных принципов, отказ от милитаризации, открытость, глобализация и взаимозависимость.

За 1990-е гг. Япония оказала странам ЮВА большую финансовую поддержку, много импортировала из этого региона, что ускорило развитие его экономики. Однако из-за отсутствия достаточного доверия к перспективам политики и экономики АСЕАН существенное сотрудничество Японии со странами региона шло медленнее желаемого. Медлительность была особенно заметна на фоне активной политики Китая в отношении стран ЮВА. Пекин пошёл довольно далеко, заявив в ноябре 2001 г. о создании зоны свободной торговли с группировкой АСЕАН в течение 10 лет. Стоит отметить, что японское правительство подверглось масштабной критике в стране за внешнеполитическое отставание от КНР.

В ответ на эту критику в своей программной речи в Сингапуре в январе 2002 г. японский премьер-министр Дз. Коидзуми (2001—2006) озвучил основные направления концепции «восточно-азиатского сообщества». В своём выступлении Дз. Коидзуми назвал множество сфер сотрудничества как в политической (демократизация, энергетическая

безопасность, борьба с терроризмом, инфекционными заболеваниями, нарко- и работорговлей, забота об экологии и др.), так и в экономической области (был выдвинут ряд инициатив по развитию «всеобъемлющего экономического сотрудничества между Японией и АСЕАН»). Сама концепция не связывалась напрямую с обеспечением военно-политической безопасности, она лежала в русле общего подхода Токио к обеспечению стабильности в регионе через углубление экономической интеграции и политического взаимодействия, развитие многосторонних региональных институтов (АРФ, АТЭС, АСЕМ и др.) и содействие ответственному и конструктивному поведению стран Восточной Азии. Дз. Коидзуми был видным, амбициозным и активным политиком, который пользовался поддержкой и доверием общества на протяжении 6 лет. Именно ему удалось последовательно провести в жизнь сухие слова деклараций и лозунгов, достичь реальных результатов. Политики, пришедшие ему на смену (С. Абэ 2006, Я. Фукуда 2007) продолжили его внешнеполитическую линию в отношении Азии, избегая радикальных действий и громких заявлений.

-
- ¹ Конференция (1955 г.) была посвящена обсуждению проблем экономического и культурного сотрудничества между странами, разоружения и урегулирования всех споров мирными средствами. Участвовало 29 стран Азии и Африки.
  - ² План Колombo был принят по инициативе английского правительства в 1950 г. для укрепления позиций Великобритании и для ослабления национально-освободительного движения в Южной и Юго-Восточной Азии. К началу 1972 г. в нём участвовали 24 страны: 6 стран-кредиторов (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США и Япония) и 18 стран-получателей: Афганистан, Бутан, Бирма, Индия, Индонезия, Иран, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланка, сайгонский и южнокорейский режимы.

N. Stapran
Moscow

TRANSFORMATION OF JAPANESE FOREIGN POLICY TOWARDS ASIA (1945—2008)

Asia-Pacific region traditionally was very important for Japan. After the end of the Second World War Japanese foreign policy towards Asia was impressively influenced by the American position in this region. The most appropriate instrument for Japan in 1970—80-s was economic assistance to the region. In 1990-ies after the end of Cold War Japan tries to act more independently, especially in political integration issues.

ЯПОНИЯ И РОССИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

На протяжении российско-японских отношений происходили различные конфликты, которые приводили к напряжённости между двумя странами. Мы попытаемся рассмотреть причины возникновения и характер этих конфликтов и определить, какую роль играл этот фактор во взаимоотношениях между Россией и Японией и выделить несколько этапов.

I. 1855—1890. Вплоть до второй половины XIX в. российско-японские контакты носили случайный характер. Симодский трактат 1855 г. обозначил интересы двух стран на начальном этапе. Если у Японии при заключении договора доминировал территориальный интерес, то у России был давний стратегический план использования японских портов в качестве перевалочных пунктов на пути к своим американским территориям, что ускорило бы их развитие. Россия в территориальном отношении требовала признания своих прав на о-в Сахалин и Курилы. Договором 1855 г. Россия признала за Японией южную часть Курильских островов (к югу от о-ва Уруп), а о-в Сахалин — «неразделённым между Россией и Японией»¹.

Из-за неблагоприятной обстановки на Балканах основное внимание российской дипломатии было устремлено на Ближний Восток и Среднюю Азию. Правительство Александра II, опасаясь оставлять неопределёнными свои позиции с Японией на случай нового обострения отношений с Англией, пошло на подписание Петербургского трактата 1875 г., согласно которому остальные восемнадцать Курильских островов в обмен на признание Сахалина русской территорией переходили к Японии². Для России на тот момент более важным было поддержание с Японией политических и торгово-экономических связей, чем обострение их из-за территориального спора. Причиной подписания этого трактата стало также военное и экономическое истощение страны после войны, что послужило принятию решения о временном приостановлении освоения тихоокеанской части России. Этому событию предшествовала потеря Аляски.

II. 1890—1917. К началу 90-х годов XIX в. Россия стала предпринимать шаги для формирования эффективной защиты своих национальных интересов на Дальнем Востоке. Стало налаживаться экономическое сотрудничество с Китаем и Кореей³. Японская экономика развивалась за счёт наращивания темпов внешней торговли, поэтому она весьма болезненно реагировала на приход России на рынки Китая и Кореи, так как считала их объектами исключительно своей торговли⁴. Поняв, что в регионе появился конкурент, способный в дальнейшем помешать планам по его ос-

воению, Япония начала активно готовиться к войне с Россией⁵. На этот раз конфликт интересов произошёл из-за сфер влияния на материке.

С одной стороны, Россия для Японии была нежелательным фактором в проведении колониальной политики в Восточной Азии, с другой — Япония для России представляла угрозу безопасности её дальневосточным владениям. Япония являлась восточноазиатским протеем колониальной политики таких стран, как Германия, Великобритания, Франция и др. Интересы США совпадали на тот момент с японскими. «Именно тогда впервые в новейшей истории наиболее последовательную помощь в борьбе с российским влиянием на Дальнем Востоке японское правительство получило от Соединённых Штатов Америки»⁶. При помощи Японии Америка хотела расчистить себе путь в Китай, Корею и дальневосточные владения России. Но, овладев после русско-японской войны Южной Маньчжурией, Япония отказалась от американской поддержки, не желая ни с кем делить свои приоритеты в регионе. (До войны Япония поддерживала США в проведении политики принудительной «открытости Западу» по отношению к Китайской империи)⁷.

В дальнейшем правительство Японии подчёркивало свои исключительные интересы в Маньчжурии и Корее на внешнеполитической арене. Россия, хотя и понесла ущерб в войне (1904—1905 гг.), потеряв стратегические плацдармы в Китае и Корее, её присутствие в регионе всё ещё являлось важным фактором, который Япония не могла оставить без внимания. Ситуация нашла своё временное разрешение 30 июля 1907 г., когда была заключена российско-японская конвенция, в соответствии с которой России удалось отстоять ряд своих внешнеполитических позиций⁸. На этот раз конфликт разрешился в результате нежелания обеих стран допускать в этот регион третьи страны. Таким образом, интересы двух стран временно совпали.

III. 1917—1955. Этот период можно охарактеризовать как обновление (перелом) отношений между СССР и Японией и попытку перевести их на новый уровень. Перелом в истории взаимоотношений России и Японии пришёлся на период бурных революционных событий 1917 г., Гражданской войны, которая повлекла за собой радикальную трансформацию всех структур российского общества, ломку общественного сознания и многих общепринятых стереотипов⁹. Начался период новых интересов Японии в отношении России, в основном империалистического характера: расширение зоны влияния и использование ресурсов российского Дальнего Востока. Это привело к вторжению японских войск на территорию Дальнего Востока.

Японское правительство не хотело сдавать свои позиции в ДВР, что говорило о его намерении и дальше продолжить свою политику

аннексии в погоне за новыми ресурсами¹⁰. «Но оно понимало, что если оно и дальше будет сохранять отношения с СССР в замороженном состоянии, то СССР предложит руку дружбы Китаю. Таким образом, российско-японское отчуждение будет на руку китайцам и американцам, находящимся в Китае, что соответственно будет невыгодно для Японии»¹¹. В результате изменившихся планов Японии и некоторого совпадения с интересами Советского Союза, нуждавшегося в улучшении отношений с Японией, после нескольких лет отчуждения была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (Пекинский договор). После окончания Гражданской войны и интервенции обострились англо-американо-японские и русские противоречия, впоследствии переросшие в «тихоокеанскую проблему»¹², что привело к экономическому столкновению на базе рыболовства.

С начала 30-х гг. в связи с появлением фашистских и профашистских государств ситуация на международной арене стала обостряться¹³. США и Великобритания начали терять свои позиции на Дальнем Востоке и надеялись исправить это путём столкновения двух основных акторов в регионе. Однако с началом тихоокеанской войны на повестку дня у США и Великобритании встал вопрос о вступлении СССР в войну против Японии для сокращения возможных потерь союзных войск. СССР тоже имел свои территориальные и политические интересы в регионе, поэтому он присоединился к военным действиям на Тихом океане против Японии.

На переговорах по восстановлению японо-советских дипломатических отношений в 1955 г. японская сторона подняла территориальный вопрос, хотя главным её интересом было вступление в ООН, чего нельзя было сделать без согласия СССР, и отношения двух стран сосредоточились вокруг этой проблемы. Япония не желала вступать в тесные взаимоотношения с Советским Союзом, так как известно, что её политическая направленность приняла проамериканский характер. Таким образом, несоответствие интересов внешней политики двух стран стало причиной длительного застоя в их отношениях.

Всё же после войны у Японии и СССР был один общий интерес — это восстановление своих практически полностью разрушенных экономик. В 1956 г. были восстановлены японо-советские отношения и принята совместная декларация о передаче двух островов Японии после подписания мирного договора. Но в силу известных обстоятельств обе стороны не смогли придти к заключению мирного договора.

IV. 1955—1990. В период с 1960 по 1975 г. наблюдалась тенденция улучшения отношений между странами, велись поиски возможных сфер сотрудничества. Несмотря на политическую отчуждённость обеих стран, экономическое сотрудничество набирало быстрые темпы. Эконо-

мика СССР нуждалась в японских технологиях, потребительских товарах и капитале. Япония была заинтересована в советских природных ресурсах. В январе 1966 г. были подписаны пятилетнее торговое соглашение и соглашение по гражданской авиации. К 1979 г. объём торговли составил 4,4 млрд. дол., что делало Японию самым важным экономическим партнёром Советского Союза из несоциалистических стран¹⁴.

70-е гг. в Японии прошли под теми же принципами, что и предыдущие десятилетия, но с пересмотром взглядов на безопасность в регионе и её возможной роли в нём. Политические взаимоотношения между СССР и Японией по общим позициям оставались на прежнем уровне: в основном всё сводилось к обсуждению мирного договора. Подписание китайско-японского договора в середине 1978 г. отрицательно сказалось на отношениях Японии с Советским Союзом. Москва увидела в нём антисоветскую направленность, и в японо-советских отношениях наступило отчуждение и беспокойство¹⁵.

С 80-х гг. XX в. Япония набирает экономическую мощь и претендует на новую роль в регионе. СССР потерял привлекательность в качестве экономического партнёра на тот момент, а на первый план снова вышел интерес политический — территориальный вопрос. Япония с позиций мощной экономической державы пыталась добиться его решения.

V. 1990—XXI в. После распада Советского Союза и устранения идеологического фактора в двусторонних отношениях японское правительство и бизнесмены увидели новые возможности во взаимоотношениях с Россией. Последняя рассматривала Японию как крупного инвестора для своей экономики, а первая видела перспективу разрешения территориальной проблемы с Россией. Снова налицо несовпадение интересов. Надежды Японии на новое сотрудничество обернулись крахом из-за постоянных перемен в российском правительстве и не сбавляющего темпов экономического кризиса. А это вызывало жёсткость нового руководства России в территориальном вопросе, так как оно, по всей видимости, боялось потерять единственный рычаг давления на Японию.

Из вышесказанного можно выделить основные проблемы, по которым возникали конфликты между государствами: это борьба за влияние в регионе, рыболовная и территориальная проблемы, идеологический конфликт. С конца XIX в. стали проявляться моменты, которые можно рассматривать как столкновение национальных интересов двух стран. Эти конфликты не всегда носили двусторонний характер, так как зачастую затрагивали интересы западных держав в тихоокеанском регионе. С началом «холодной войны» весь мир поделился на два полюса, и конфликт интересов между СССР и Японией принял биполярную окраску. Но со временем влияние США в Восточной Азии уменьшилось,

и отношения Японии с Россией приняли самостоятельный характер. Сейчас наблюдается тенденция осознания двумя странами реальных причин, по которым возникают те самые конфликты интересов.

Таким образом, на протяжении истории взаимоотношений России и Японии спорные интересы или их несоответствия играли ключевую роль в российско-японских связях и очень редко они совпадали. В этом случае отношения развивались по нарастающей, но чаще были в противоречии, что вызывало напряжённость между странами.

-
- ¹ Большая Советская Энциклопедия. Русско-японские договоры и соглашения // <http://bse.sci-lib.com/article098309.html>
  - ² Хорин В. Правда о Курилах // Россия молодая. 1992. № 3. С. 44.
  - ³ Remer G.F. Foreign investments in China. New York, 1933. P. 429.
  - ⁴ Фудзимару Тору. Киндайнихон кэйдзайси. Киндайнихон кэйдзай-но тэнкан (История экономики современной Японии. Поворотный момент в экономике современной Японии). Токио, 1956. С. 53.
  - ⁵ Балакин В.И. Причины и последствия русско-японской войны 1904—1905 годов // Новая и новейшая история. 2004. № 6.
  - ⁶ Там же.
  - ⁷ Там же.
  - ⁸ Там же.
  - ⁹ Беляева К. Факторы формирования представлений о Японии в Советской России (1917—1925) // <http://mmj.ru/japan.html?&article=146&cHash=e204cf4504>
  - ¹⁰ Фудзимото Вакио. Пекинская конвенция 1925 года и общественное мнение // <http://www.forum.orientalica.com/index.php?showtopic=122>
  - ¹¹ Там же.
  - ¹² Мандрик А.Т. Развитие рыбной промышленности Дальнего Востока России в 1917 — октябре 1922 гг. // <http://www.fegi.ru/primorye/fish/hist2.htm>
  - ¹³ Яковлев Н.Н. США и Англия во Второй мировой войне / Москва: Учпедгиз. 1961. Возникновение очага войны на Дальнем Востоке // <http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000025/st003.shtml>
  - ¹⁴ Wikipedia: Japanese—Soviet relations. 1960s—1975: Improving relations // http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese-Soviet_relations
  - ¹⁵ Wikipedia: Japanese—Soviet relations. 1975—1990: Strains on relations // http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese-Soviet_relations

M. Filippov
Vladivostok

JAPAN AND RUSSIA: CONFLICT OF THE INTERESTS

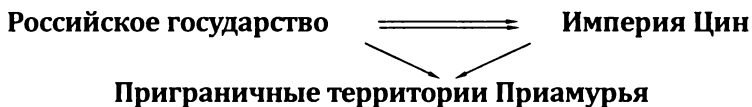
During the whole history of Russian-Japanese relations, different conflicts of the interests had been taking place, which caused tension between two countries. The purpose of this report is to show the reasons, and specific features of these conflicts, and to determine the role that factor played during the history of Russian-Japanese relationships.

ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ ЦИН НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРИАМУРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ

В XVII в. в Северо-Восточной Азии развернулись события, положившие начало трансформации политического, экономического, этнического и культурного статуса региона. Толчком для этих изменений стало расширение территорий и начало интенсивных военно-политических и дипломатических контактов между двумя крупнейшими державами — Российским государством и империей Цин, а географической ареной этих событий стало Приамурье.

Системный подход к изучению процессов, которые происходили в интересующем нас регионе во второй половине XVII в., позволяет выделить три основных культурно-цивилизационных комплекса, определявших структуру трансформации. При этом Россия и Цинский Китай являлись субъектами, а приграничная территория (Приамурье) — объектом этого процесса. Схема их взаимодействия похожа на треугольник, где, как мы видим, отношения между Россией и Цинским Китаем носили преимущественно «субъект-субъектный» характер, а влияние политики обеих держав на Приамурье строилось по схеме «субъект-объект».

Исходя из вышесказанного, можно выделить три вектора трансформационных процессов в зоне российско-китайского контакта во второй половине XVII в.:

1. Освоение Российским государством Приамурья.
2. Расширение северо-восточных границ империи Цин.
3. Российско-китайские контакты и взаимодействие.

В рамках этих трёх векторов рассмотрим основные тенденции и группы факторов трансформационных процессов. Контактная зона двух держав представляла собой достаточно автономный и даже автаркичный ареал. Природные условия региона определили низкую плотность населения и господство натурального хозяйства. В первой половине XVII в.

в Приамурье проживали немногочисленные независимые племена дауров (монгольская лингвистическая ветвь), дючеров (тунгусо-маньчжурская ветвь), предков нанайцев и ульчей (тунгусо-маньчжурская ветвь), нивхов и близких к тунгусам орочей и удэгейцев. Как Российское государство, так и империя Цин стремились включить территории проживания племён в общий процесс государственного строительства. При этом интересы сторон часто не совпадали, как не всегда освоение территорий двумя крупными державами отвечало интересам местного населения. Взаимодействие различных интересов, обусловленных несхожими факторами, определило своеобразную картину межцивилизационного контакта.

Говоря о роли политико-географических факторов в освоении Россией Дальнего Востока, необходимо указать важную особенность территориально-политического устройства России, которая проявлялась на всём протяжении истории нашей страны. Исследователи отмечают наличие хорошо организованного «ядра» Российского государства и достаточно рыхлой периферии¹. Русь/Россия всегда создавала систему «буферных зон», которые ограждали страну от внешней угрозы. Особенно это было характерно для азиатского направления её внешней политики. Ещё во времена Киевской Руси князья организовывали военные поселения на южных и юго-восточных границах, чтобы оградить русские земли от набегов степняков. При этом, как свидетельствует Б.А. Рыбаков, к несению службы привлекались не только русичи, но и некоторые кочевые племена — тюрки, берендеи, печенеги².

В дальнейшем функцию обороны границ несло казачество, олицетворявшее сплав кочевых и земледельческих военных традиций. Причём казачество выступало не только в роли служилого сословия, инкорпорированного в военную организацию Российского государства («городовые казаки»). Не менее важна была роль «гулящих людей», казачьей вольницы, которая формально не подчинялась русской администрации, но имела прочные военные, ментальные, культурные, хозяйственные связи с Российским государством.

Высокая степень проницаемости южных и восточных границ создавала постоянную угрозу безопасности России. Поэтому московская администрация стремилась следовать за общим движением мигрантов, чтобы распространить свой суверенитет на вновь освоенные территории. Но, поскольку эффективность государственного аппарата была недостаточно высока, «государственное» освоение периферии всегда запаздывало по сравнению со «стихийным». Однако сочетание стихийной и государственной колонизации предопределило поэтапность освоения, которая

выразилась в наличии «волн колонизации». А.В. Ремнев в рамках концепции географии власти выделяет этапы региональной динамики.

1. Первоначальное освоение («первооткрыватели», обеспечивающие «историческое» право на данную территорию), создание опорных военно-промышленных пунктов и установление периметра (зоны, рубежа) внешней границы... создание оборонительных рубежей, размещение вдоль границы вооружённой силы (регулярных и иррегулярных войск, казачьих линий, военно-морских баз). Высокая степень частной инициативы, координируемая и направляемая государством, симбиоз военно-хозяйственных функций и создание квазиадминистративных институтов (частные компании, экспедиции).

2. Стремление «оцентризовать» новую территорию путём установления региональных центров государственной власти (на первых порах превалировали военно-административные и фискальные интересы, а затем уже собственно экономические). Начало хозяйственной колонизации регионального тыла (часто процесс идёт от границ региона в глубь территории, а не наоборот).

3. Определение административно-политического статуса региона (наместничество, генерал-губернаторство, губерния, область), поиск оптимальной модели взаимоотношений региональной власти и центра (сочетание принципов централизации, децентрализации и децентрализации).

4. Имперское «поглощение» региона путём создания унифицированных управленческих структур: административно-территориальное деление (включая специальные ведомственные административно-территориальные образования: военные, судебные, горные и т.п. округа), специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда, сокращение сферы действия традиционных институтов, усовершенствование системы управленческой коммуникации. «Обрусение» территории путём её интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, экономическая и социокультурная модернизация³.

Исследуя влияние геополитических факторов применительно к истории Китая, нужно отметить: на огромной протяжённости своих западных и северных границ Китайское государство в течение двух тысячелетий соседствовало с весьма малочисленными народами, однако очень агрессивными. Они неоднократно завоёвывали Китай или создавали серьёзную угрозу не только его безопасности, но и самому существованию государства, что было отмечено Л.Н. Гумилёвым⁴. Это наложило

отпечаток и на массовое сознание ханьцев (и этносы, находившиеся под их культурным влиянием). И появление первых малочисленных отрядов русских именно с этого направления было крайне настороженно встречено цинской администрацией.

Кроме того, одним из важнейших факторов, определявших политику династии Цин в Приамурье, была чужеродность маньчжурской династии для ханьского (т.е. собственно китайского) этноса и неустойчивое положение завоевателей в континентальном Китае. Завоевательная кампания, начавшаяся в 1644 г., а также подавление национальных повстанческих движений продолжалось более 40 лет, что ставило перед цинами первоочерёдную задачу укрепления власти и уничтожения оппозиции.

В этих условиях исконное местообитание маньчжуров оказалось в крайнем запустении. В начале XVII в. походы маньчжурских ханов Нурхацы и Абахая привели к объединению племён Северо-Востока и складыванию военно-административной системы «знамённого войска». На практике это означало насильственное рекрутирование местного населения в знамённую армию. А уход большей части войск во Внутренний Китай привёл к тому, что северо-восточные рубежи Цинской империи оказались бы беззащитны в случае появления сильного и активного противника. Об этом цинскому двору неоднократно докладывали местные чиновники. Так, например, мукденский правитель Чжан Шансянь отмечал в своём докладе, что внешние земли могут стать оплотом мятежников или пиратов, нападение которых будет трудно отразить⁵. Учитывая, что на территории Мукденской провинции в период правления императора Шуньжи (1644—1662), по данным китайской статистики, осталось всего 11 018 знамённых солдат, которые были разбросаны по нескольким гарнизонам, эти опасения были весьма обоснованы⁶.

Кроме того, нельзя забывать, что Маньчжурия считалась священной прародиной династии Цин (не случайно миграция китайского населения в эти регионы долгое время сдерживалась). Впрочем, гораздо более важным фактором было то, что территория Маньчжурии воспринималась цинами как направление стратегического отступления в случае неудачи завоевательной кампании в Китае. Говоря о взаимодействии Российского государства и Цинской империи, нужно отметить серьёзные различия в политических, правовых и дипломатических традициях, в идеологии, менталитете государствообразующих этносов.

Долгое время Россия находилась на периферии таких великих культурных ареалов, как римско-католическое христианство, византийская цивилизация, исламский мир, татаро-монгольская и китайская цивилизации, при этом не попадая под господство ни одного из них. Для визан-

тийской, татаро-монгольской и китайской модели дипломатии характерна иерархическая система отношений, а дипломатия западного типа предполагает равные отношения между равными по силе странами⁷. Но, поскольку Россия занимала срединное положение по отношению к этим ареалам, ей приходилось строить дипломатические отношения с соседями на разных уровнях. И если на западном направлении широко применялись нормы западноевропейского права, то по отношению к восточным соседям Россия традиционно выступала в роли сюзерена, т.е. более высокого элемента иерархии, вела активную политику завоевания и присоединения новых земель.

Неудивительно, что казачьи экспедиции, действовавшие на Дальнем Востоке, традиционно получали указы привести местное население в подданство «Белого царя». Весьма показателен, с точки зрения «инертности мышления», следующий факт. Когда в 1650 г. экспедиция В. Пояркова сообщила о том, что далеко за Амуром простираются владения «князя Богдоя», под которым местные народы, очевидно, подразумевали маньчжурского хана, якутский воевода Д.А. Францбеков наказывал Е.П. Хабарову привести «князя Богдоя» в русское подданство. Если же Богдой откажется — «смирить его ратным боем»⁸.

Что касается внешнеполитической доктрины Китая, «инертность мышления» здесь формировалась под влиянием тысячелетнего опыта внешних сношений. На протяжении большей части своей истории китайская цивилизация развивалась в относительной изоляции, не имея близких контактов с цивилизациями, сопоставимыми по уровню развития. Уникальность древней культуры, огромные территория и население предопределили ощущение культурного превосходства ханьцев⁹.

С древнейших времён формировалась идея о центральном положении Китая, что нашло отражение и в его названии — Срединное государство. Китай считался центром Поднебесной, а его правитель являлся проводником воли Неба, обладателем «небесного мандата», дарующего ему право повелевать всеми народами земли. «Варвары четырёх сторон света» рассматривались китайскими правителями исключительно как объект влияния. Разумеется, в истории Китая было немало случаев захвата власти чужеземцами. Однако, как говорил Мэн-цзы: «Я слышал, что варвары изменялись [под влиянием] Китая, но я ещё не слышал, чтобы варвары изменяли [что-либо] в Китае»¹⁰.

Слова древнего философа оказались пророческими — маньчжуры в числе прочих завоевателей в конечном итоге восприняли традиционное мироощущение ханьцев. И это отвечало прежде всего интересам сохранения власти — не случайно цинские императоры во всех

официальных документах декларировали свою приверженность традиционным ценностям и выступали в роли «умиротворителей». Так, в обращении цинского императора Канси через ведомство Лифань-юань («Палата по делам зависимых территорий») к гарнизону Албазинского острога говорилось: «Я, будучи единодержавным владыкой Поднебесной, без различия, в Китае ли то или вне его, о всех людях, живущих во всех странах, забочусь, как о самых маленьких детях и желаю, чтобы каждый благоденствовал по своему и каждый в своём месте жил покойно»¹¹.

При этом весьма примечателен тот факт, что все сношения с русскими велись через структуру, ведающую «внешними владениями» Цинской империи. И даже после того, как русские посольские миссии И. Перфильева и С. Аблина отказались выполнить обряд «коуту» (девять поклонов до земли в знак признания вассалитета), цины по-прежнему строили отношения с Российским государством в рамках традиционной схемы «Китай — варвары»¹². В результате взаимное непонимание, помноженное на разность интересов двух держав, породило серьёзную конфронтацию, в которой российская сторона временно уступила.

Оценивая роль экономико-географических факторов в истории России, необходимо отметить следующий факт. Сегодня территория нашей страны занимает одну девятую часть суши, между тем в XV в. территория Московской Руси хоть и была сравнима с крупными европейскими государствами, но явно несопоставима с Китайским государством. В связи с этим можно привести слова историка В.О. Ключевского, заложившего основы отечественной теории колонизации. «Переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдалённой связи стояли все другие её факты... Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны... Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке...»¹³

Красноречивым примером освоения восточных рубежей России является стремительное расширение пределов Российского государства в XVI—XVII вв., присоединение к нему Западной и Восточной Сибири, выход русских землепроходцев к Тихому океану. Как отмечается в трудах В.В. Покшишевского, особое место в этом процессе сыграли реки и города¹⁴. Действительно, лучшим примером быстрого распространения российского влияния на Дальнем Востоке, в частности в Приамурье, являются даты основания крепостей, острогов и зимовий¹⁵. Сеть укреп-

лённых населённых пунктов по берегам рек не только позволяла наладить сбор и отправку ясака в метрополию, но и обеспечивала мобильность казачьих отрядов, что во многом обусловило успех столкновений с маньчжурскими войсками в первый период российско-маньчжурской конфронтации.

Однако, как отмечал исследователь, «русские первопроходцы подошли к Тихому океану с его наиболее «негостеприимного северного крыльца». При этом он отметил преобладание в колонизационном процессе «северо-пушного стиля освоения», в результате которого именно северо-восточные территории оказались ранее изученными и освоенными русскими землепроходцами¹⁶. Этот факт обусловил важнейшее значение территорий Приамурья для русской колонизации Дальнего Востока. Как отмечают исследователи, его русским насельникам не хватало продовольствия, и потому Амурские земли, благоприятные для хлебопашества, могли создать необходимую базу для закрепления российского влияния в регионе и вовлечение его в общее хозяйственное развитие страны¹⁷.

Говоря о специфике китайской политики в регионе, необходимо отметить, что имперский Китай (со времени династии Хань) всегда был страной с огромной территорией и огромным многоэтничным населением. Такая ситуация на протяжении веков определила чрезвычайную важность обеспечения продовольственной безопасности страны. Чтобы обеспечить продовольствием огромное и постоянно растущее население, был необходим высокий уровень государственного контроля над экономикой. Отсюда традиционное преобладание сельского хозяйства и второстепенная роль ремесленно-промышленного производства и торговли, что отражено в традиционной формуле «укрепления ствола и ослабления ветвей»¹⁸.

Значение экономических факторов довольно чётко проявилось с началом завоевательных походов маньчжуров во Внутренний Китай. Так, уже упомянутый мукденский чиновник Чжан Шансянь, в докладе правительству писал: «Что касается внутренних земель, то в Восточной части хотя и имеется много городов и укреплений, но все они брошены. Только в трёх местах — в Мукдене, Ляояне и Хэйчэне — ещё до некоторой степени поддерживаются порядки, установленные для окружающих городов. На Ляодунском полуострове и морском побережье нет городов и населённых пунктов; в Гайчжоу, г. Фэнхуане и Цзиньчжоу численность населения не превышает нескольких сот человек. В Телине и Фушуне имеются ссыльные. Они не могут возделывать землю и не имеют никаких средств к существованию. Большая часть одиноких ссыльных бежала;

обременённым же семьями остаётся только погибать... Тучные земли тянутся на тысячи ли; имеются поля, но нет земледельцев; абсолютно не на кого опереться»¹⁹.

Упадок земледелия вёл к сокращению доходов казны, деградации пахотных земель. Меры, принятые маньчжурской администрацией, носили непоследовательный характер. Использовать в качестве рабочей силы депортированных из центральных областей Китая крестьян в больших объёмах цины не решались. Малочисленность населения Северо-Востока и заброшенность сельскохозяйственных земель повлекла бы за собой концентрацию земель в руках китайских колонистов и потерю земельной собственности знаменитых маньчжуров²⁰.

В ходе конфронтации между Цинской империей и Российским государством в Приамурье результаты хозяйственного запустения Северо-Востока проявились со всей очевидностью. Маньчжурские военные отряды испытывали серьёзные трудности со снабжением, что в совокупности с их низкой боеспособностью послужило причиной поражения в столкновениях с немногочисленными отрядами казаков.

Оценивая политику Российского государства и империи Цин в Приамурье, важно обратиться к статистическим данным. В.М. Кабузан определяет общее население региона в XVII в. в 40,7 тыс. чел., в том числе в Приамурье — 32,3, в Приморье — 4,0 и на о-ве Сахалин — 4,4 тыс. человек. Однако, как отмечают исследователи, соперничество Российской и Цинской администраций за влияние в регионе (были и вооружённые столкновения) привело к деградации земледелия в Приамурье и резкому сокращению населения более чем вдвое²¹. Впоследствии на протяжении 200 лет Приамурье практически не осваивалось ни самими маньчжурами, ни русскими. Российско-китайская конфронтация второй половины XVII в. и увенчавший этот период истории двух государств Нерчинский договор 1689 г. не только отложили решение проблемы о принадлежности спорных территорий, но и серьёзно замедлили хозяйственное развитие региона.

---

¹ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 394—395.

² http://lib.ru/HISTORY/R/RYBAKOW_B_A/russ.txt

³ Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3—4. С. 343—358.

⁴ <http://www.kulichki.com/~gumilev/HIC/hic00.htm>

⁵ Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (17 в.). М., 1974. С. 89—90.

- ⁶ Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII — первая треть XX в.). Владивосток, 2007. С. 12.
- ⁷ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. Хабаровск, 1997. С. 14—16.
- ⁸ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск, 1987. С. 93—94.
- ⁹ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии... С. 400—401.
- ¹⁰ Древнекитайская философия: собрание текстов. М., 1972. Т. 1. С. 239.
- ¹¹ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680—1700/Manc_rus_kit/text.htm
- ¹² Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии... С. 402.
- ¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории: Лекция 2 // Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. М., 1987. Т. 1. С. 51.
- ¹⁴ Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII — начала XVIII в. Владивосток, 2003. С. 20.
- ¹⁵ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. М., 1985. С. 34—35.
- ¹⁶ Покшишевский В.В. Заселение Сибири: историко-географический очерк. М., 1951, С. 44.
- ¹⁷ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 35; Покшишевский В.В. Заселение Сибири... С. 45.
- ¹⁸ <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Nefedov/Science/China/China1.htm>
- ¹⁹ Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура... С. 12.
- ²⁰ Там же. С. 13.
- ²¹ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 32—36.

V. Pasmurtsev
Khabarovsk

QING'S AND RUSSIAN POLITICS IN ADJOINING TERRITORIES IN 17 c. MAIN TENDENCIES AND FACTORS

More then 300 years ago in North-Est Asia begun processes, which determined transformation of political, economic, cultural and ethnic range of region. A main event of this process took place on Amur territories and was caused by inclusion adjoining region in Russian and Qing's influence. Collision of different interests both states and sum of heterogeneous, but stable factors created verified interaction structure. It seriously determinate following Russia and China contacts, main problems and reciprocity models of this states.

ПРОБЛЕМА ПОДДАНСТВА НИЖНЕАМУРСКИХ ГОЛЬДОВ (НАНАЙЦЕВ) ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕКИНСКОГО ДОГОВОРА (1860 г.)

На протяжении всей истории русско-китайских отношений пограничный вопрос остаётся ключевым во взаимоотношениях двух государств. Являясь продолжением внешнеполитического курса, политика держав в приграничных районах строится на принципах взаимного сотрудничества и определяется во многом личными качествами руководства местной администрации.

Заключение Нерчинского договора в 1689 г., казалось, должно было разрешить проблему разграничения России и Китая на Дальнем Востоке, но принятое решение о заключении границы до впадения р. Горбицы в Шилку (при активном исследовании и освоении восточных территорий русскими) вновь поставило вопрос об окончательном разграничении и закреплении за Россией Приамурья и Приморья. На решение этой проблемы и были направлены Айгуньский (1858) и Пекинский (1860) договоры, которые являлись судьбоносными для российского Дальнего Востока. Но, несмотря на чёткую проработку вопросов взаимной торговли, пограничных участков и условий проживания китайских подданных, в договоре не определялся правовой статус местного аборигенного населения, в частности нижеамурских нанайцев (гольдов). Как русское, так и китайское правительства не владели точной информацией о количестве населения, проживавшего на пограничных территориях. Это видно из текста Пекинского договора: «Если бы в вышеозначенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами»¹.

Исследование Приамурья и Приморья началось в середине 50-х гг. XIX в.² Сведения ограничены и довольно скудны. Так, в конце XIX в. в журнале «Природа и люди» вышло приложение «Амур (Природа и люди Амурского края)», где автор Ф. Волгин сообщает: «...путешественники больше работали в доступных сравнительно местностях: по берегам Амура и в низовьях его главнейших притоков...»³ Таким образом, Россия и Китай имели крайне слабое представление о количестве населения на разграничиваемых территориях⁴. Учёные определяли область расселения гольдов в низовьях р. Сунгари до впадения в Амур и далее по обоим

берегам реки до южных границ ульчей⁵ и выделили три группы гольдов: уссурийскую, сунгарийскую и нижеамурскую.

Нет единого мнения о подданстве гольдов к моменту разграничения территорий. Так, Г.И. Невельской сообщает: «На всём пространстве по берегам Амура и до каменных гор (Хингана) нет ни одного китайского или маньчжурского поста. Все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру, Уссури, до моря не подвластны китайскому правительству и ясака не платят...»⁶ Подобного мнения придерживается современный исследователь В.М. Кабузан, сообщая, что гольды не являлись китайскими подданными, а вносимые соболиные шкуры в г.Саньсин на р.Сунгари — плата за возможность вести торговлю⁷. Противоположной точки зрения придерживались такие видные исследователи Амура, как Л.И. Шренк, И.А. Лопатин. Они утверждали, что все гольды были подданными Китая, приводя основной аргумент: уплата ясака⁸.

Таким образом, среди исследователей нет конкретной точки зрения по вопросу о подданстве гольдов. Исходя из характера распространения гольдов, неоднородности их состава, различной степени взаимодействия с маньчжурами, нельзя абсолютно утверждать, являлись ли гольды цинскими подданными или нет. Правомерно говорить о сильной зависимости сунгарийской и уссурийской группы гольдов и менее выраженной — нижеамурской.

К моменту заключения русско-китайских пограничных договоров гольды выплачивали ежегодно приезжавшим маньчжурским нойонам (чиновникам) в начале лета по одному лян серебра с человека, при этом каждый нанаец получал около 30 кг буды (крупы). Сборщики приезжали и в конце лета и собирали ещё по 3 лян серебра, выдавая около 30 кг буды⁹. Кроме того, для меновой торговли гольды приезжали в ближайший маньчжурский город Саньсин (современный г. Илань пров. Хэйлунцзян). Там уплачивался ясак, который означал разрешение на право розничной торговли. «После чего маньчжурский чиновник приказывал садиться гольдам за столы и угощал свиным мясом, лепёшками, кашей и водкой»¹⁰. Дальше проходил ритуал, в ходе которого гольды трижды кланялись в сторону Пекина. Таким образом, к гольдскому населению применялся тот же церемониал, что и в отношении дипломатических миссий к маньчжурскому двору.

При рассмотрении вопроса о подданстве гольдов необходимо отметить, что основным постулатом цинской внешней политики являлась зависимость всех народов от императора. Его власть распространялась и на приграничные земли, так называемый «буфер», разграничивавший Китай с остальными странами. Население буфера составляли

зависимые или полузависимые народы, чья зависимость определялась лишь выплатой дани маньчжурам. При этом на них не распространялось цинское законодательство, а территория проживания не входила в состав империи.

Заключение договора в 1860 г., по мнению русского правительства, должно было оградить русскоподданных гольдов от маньчжурских чиновников, но в июле 1862 г. в пост Хабаровка прибыли цинские чиновники для сбора ясака с гольдов, на что военный губернатор Приморской области дал отказ, мотивируя статьями договора¹¹. Причина этого заключалась в разных точках зрения китайской и русской сторон на вопрос подданства аборигенов. Петербург, следуя нормам европейской дипломатии, стоял на позиции русского подданства тех групп аборигенов, которые в результате Пекинского договора проживали на русской территории. Пекин продолжал следовать традиционной модели во взаимоотношениях с гольдами и после разграничения территорий.

Законы, запрещавшие покупать на верхнем и среднем Амуре соболей, а также добывать небольшое количество этого зверя, подталкивали маньчжуров в русские пределы¹². Нижнеамурские аборигены являлись основными поставщиками соболиных мехов пекинскому двору, а потому маньчжуры всячески ограждали эту территорию от ханьских торговцев. Установленный пост на устье Сунгари препятствовал «посещению верховьев Амура» аборигенами низовьев реки, право на это имели лишь сунгарийские гольды¹³. Подобное ограничение позволяет говорить о цинском подданстве только в отношении аборигенов, проживавших на р. Сунгари.

Современная китайская историография именует систему сбора дани с аборигенов Амура как «поднесение в дань соболей и пожалования улиня»¹⁴, где «улинь» означает имущество, имение, добро, дорогие вещи и деньги, богатство¹⁵. При этом аборигены именуются «данниками». Прекращение системы «поднесения в дань соболей и пожалования улиня» связано с «захватом царской Россией» обширных земель в нижнем течении Амура, к востоку от Уссури и о-ва Сахалин. Система действовала, по словам Ван Дэхоу, до 1873 г., что свидетельствует о сильных традициях, а также экономической обоснованности. Гольды получали от маньчжуров жизненно необходимые товары и продукты, которые они не могли приобрести у русских (ханьшин, буда, табак, порох и свинец).

Именно «подарки» приехал раздавать маньчжурский чиновник жителям Амура в 1862 г.¹⁶ Апеллируя статьями Айгуньского и Пекинского договоров, цинское правительство сообщало российскому уполномоченному в Пекине Л. Баллгозеку, что русские и китайцы имеют право

заниматься торговлей и плавать на судах по Амуру, Уссури и Сунгари. Цинское правительство сообщало «о стеснении в мехах, которые получало отсюда (с нижнего Амура. — Е.М.)¹⁷. Для решения этой проблемы, а также ограждения гольдов от сбора ясака маньчжурами разрешалось с 1862 г. покупать у проживавших на русской территории аборигенов соболей. Но, как отмечал Л. Баллгозек, «китайское правительство может под видом торговцев вновь послать своих людей для сбора дани с жителей Амура ниже впадения р. Уссури»¹⁸. Маньчжурские чиновники использовали подобное разрешение в своих целях, угрожая гольдам, торговали с выгодой для себя¹⁹. Искоренить подобное русская администрация была не в силах ввиду своей малочисленности, а также труднодоступности и отдалённости гольдских деревень. Это стимулировалось полным отсутствием налогообложения с амурских аборигенов, которые с вхождением в состав Российского государства были объявлены русскими подданными и прекратили уплачивать дань в пользу Китая (не было её и в пользу России). С предложением рассмотреть вариант установления налогообложения «хотя бы минимального» в январе 1863 г. обратился представитель генерал-губернатора Восточной Сибири, так как с «пла-тежом дани связано понятие подданства»²⁰.

Маньчжурское правительство использовало все возможные способы вернуть на прежнее место систему «поднесения в дань соболей и пожалования улиня», так как это обеспечивало потребности и несло минимум затрат. Для этого цинские чиновники прибегали к статьям русско-китайских пограничных договоров, где разрешалось торговать по Амуру, Уссури и Сунгари, но последней они обозначали Нижний Амур от впадения в него Сунгари. Утверждая, что «торговля дозволена только по нижнему течению р. Сунгари», маньчжуры противоречили сами себе²¹. Следующим шагом было нарушение запрета собирать ясак с гольдов на русской территории. В 1869 г. в Софийском округе маньчжурские чиновники собирали ясак: «1 хороший соболь или 4 рубля серебряной монетой или по 7 фунтов калужьего хрящу». И раздавали «подарки»: «на юрту 1 пуд буды, 2 папушки табаку и 10 чашек ханьшины всего на 90 коп. серебром, тогда как соболи стоили каждый по 8 руб.»²². Зная о запрещении уплачивать ясак, гольды всё равно отдавали меха, так как всё необходимое аборигены могли достать только в Китае, чего русские торговцы не привозили для продажи. С того же, кто не уплатил ясак, по прибытии в китайский город (чаще всего Саньсин) обязательно удерживали все долги. Ограничение въезда цинских чиновников на российский берег видоизменило способ выплаты дани. В начале 80-х гг. один из гольдских старшин Софийского округа собирал дань и отвозил её в г. Саньсин²³.

Гольды, привыкшие выплачивать маньчжурским нойонам ясак, продолжали вносить его, хотя он стал производиться в форме товарообмена. Изменение формы преподнесения дани цинскому императору не изменило её сути. Вопрос о подданстве гольдов не раз поднимался русским посланником в Пекине и маньчжурским правительством, но так и не был решён. Сами аборигены утверждали, что для русского правительства собирается с них ясак или выменивается на товары²⁴.

Таким образом, отсутствие единого положения в пограничном договоре вместе с экономической зависимостью и сложившимися историческими традициями китайского и гольдского населения обнажило русско-китайские противоречия. Не работали механизмы управления местным населением, что способствовало неопределённости положения гольдского населения. Попытки законодательно запретить сбор ясака маньчжурами с нижеамурских аборигенов вело к эволюции формы, но не её отмене. Сложившаяся сильная экономическая зависимость гольдов могла быть разрешена только с введением русских государственных субсидий для удешевления торговли с аборигенным населением, и такие попытки появились лишь в последней четверти XIX в.

---

¹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. М., 2005. С.258.

² Экспедиции Ф. Миддендорфа, Р. Маака, Амурская экспедиция (1849—1855 гг.).

³ Волгин Ф. Амур (Природа и люди Амурского края) / Прил. к журн. «Природа и люди». СПб., 1896. С. 31.

⁴ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII—начале XX вв. (1640—1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 51.

⁵ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 28.

⁶ Невельской Г.И. Подвиги морских русских офицеров на крайнем Востоке России (1848—1855 г.). М., 1945. С. 121.

⁷ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII—XX вв... С. 53.

⁸ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. С. 30; Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1922. С. 14; Брылкин А. Краткий очерк о туземцах Уссурийского края // Записки Сибирского отделения ИРГО. Кн. 7. Иркутск, 1861. С. 4.

⁹ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. С. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАИО. Ф. 24, оп. 11/1, д. 130, л. 1—1об.

¹² Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. СПб., 1828. Т. 2. С. 262; Маак Р.К. Путешествие на Амур. СПб., 1855. С. 307.

¹³ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. С. 35.

¹⁴ Ван Дэхоу. О торговле в местности Саньсин в эпоху Цин // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Владивосток, 1998. Т. 3. С. 89—106.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ ГАИО. Ф. 24, оп. 11/1, д. 130, л. 3—3об.

¹⁷ Там же. Л. 3об.—4.

¹⁸ Там же. Л. 4об.

¹⁹ Там же. Л. 25—25об.

²⁰ Там же. Л. 20—20об.

²¹ Там же. Л. 198—198об.

²² Там же. Л. 194—195.

²³ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.): исторический опыт: дис... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 64.

²⁴ ГАИО. Ф. 24, оп. 11/1, д. 130, л. 208.

E. Makitryuk
Blagoveschensk

LOWER AMUR RIVER GOLDS (NANAICI) CITIZENSHIP ISSUE AFTER BEIJING TREATY (1860)

Russian-Chinese relations upon lower Amur river Golds (Nanaici) citizenship issue after Beijing treaty in 1860 are examined. In conclusion it is summarized that lower Amur river Golds (Nanaici) citizenship issue was based on a difference of citizenship defined by Russians and Chinese. Borderline treaty of 1860, economical and historical relationships between Chinese and native population of the lower Amur river are also analyzed.

КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ НА КВЖД 1929 г.

Причиной китайско-советского конфликта в 1929 г. стал вооружённый захват Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) властью Особого района трёх Северо-Восточных провинций Китая (ОРВП), осуществлённый вопреки китайско-советским соглашениям 1924 г. Захват КВЖД являлся результатом таких факторов, как невыполнение СССР положений китайско-советского соглашения 1924 г., поддержка коммунистической партией Советского Союза революционного движения в Китае и слухи о продаже КВЖД СССР. Однако попытка китайской стороны решить проблему КВЖД вооружённым путём, не только не принесла ей успеха, но повлекла большие потери с обеих сторон. Выигрыш от китайско-советского конфликта 1929 г. получила лишь Япония, которая в 1931 г. оккупировала Маньчжурию.

Причины конфликта. Во-первых, его глубокие корни заключались в неадекватном отношении СССР к КВЖД: СССР долгое время не выполнял китайско-советские соглашения 1924 г.

В решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1926 г. отмечалось: «...везде и всюду проводить линию, основанную на величайшем внимании к правам Китая, на подчёркивании его суверенитета и при строгом сохранении действительного аппарата КВЖД в руках Советской власти, что только и может оградить на ближайший период дорогу от захвата её империалистами. Необходимо сейчас же предпринять широкие меры культурно-политического характера для китаизации дороги»¹. Несмотря на это, в течение долгого времени советская сторона не уступала в вопросах о правах управляющего дорогой, паритете и прибыли дороги в соответствии с совместным управлением КВЖД.

Проблема равенства прав сторон в управлении КВЖД. В соответствии с китайско-советским соглашением 1924 г., которое признали обе стороны, КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая, но управляющий дорогой с советской стороны был наделён фактически неограниченными правами, управляющий дорогой с китайской стороны таких прав не имел. 31 декабря 1928 г. Карахан сообщил Сталину о ситуации в Китае и отметил необходимость отказа от фактически неограниченных прав, которыми наделена советская сторона. Однако его предложение оставили без внимания. Советская сторона продолжала поддерживать неограниченное право владения КВЖД. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 марта 1929 г. было подчёркнуто: «...никакого ограничения фактических прав управляющего дорогой не допускать. Пойти на внешнюю уступку в том смысле, что распоряжения управляю-

щего даются за подписями управляющего и одного из его помощников, китайца или русского, причём помощник остаётся подчинённым управляющему дорогой и никакое право вето не должно быть допущено»².

Проблема паритетного управления КВЖД. Советская сторона не воспринимала всерьёз принципа о паритете. Только в ноябре 1926 г. отношение Советского Союза по этой проблеме смягчилось, но вплоть до конфликта в 1929 г. китайцы среди служащих КВЖД продолжали составлять абсолютное меньшинство. К 1930 г. в управлении дорогой работали 719 китайских и 1190 российских служащих, непосредственно на линиях железной дороги соответственно 959 и 3709 чел.³

Проблема раздела прибыли от эксплуатации дороги. КВЖД имела не только важное стратегическое значение, но и большую экономическую выгоду. В многочисленных публикациях китайских историков отмечается, что советская сторона присваивала большую часть прибыли, приносимой КВЖД. Это вызывало недовольство китайской стороны и стало одной из побудительных причин конфликта. Однако за пять лет совместного управления китайская сторона получила 48,5 млн. золотых рублей прибыли⁴, отмечали некоторые китайские исследователи. К тому же советская сторона постоянно шла на уступки при разделе прибыли. По существу, недовольство китайской стороны было вызвано не объёмами получаемой прибыли, а неравенством возможностей в управлении прибылью. Несмотря на то, что КВЖД находилась в совместном управлении, тем не менее практическое участие, разделение и пользование прибылью сосредоточивалось только в руках советской стороны. И хотя СССР обещал Китаю удовлетворить некоторые его просьбы по разделу прибыли, однако право её раздела и использования по-прежнему оставалось в руках советской администрации, о чём Карахан сообщал Сталину 31 декабря 1928 г.⁵

Несмотря на то, что советская сторона подписала соглашение 1924 г., де-факто она не уступила в вопросе о правах управляющего дорогой, паритетном управлении КВЖД и равноправном участии в дележе прибыли, полученной от эксплуатации дороги, нарушая таким образом суверенитет китайской стороны на КВЖД.

Во-вторых, СССР экспортировал революцию в Китай, и это дало повод для конфликта на КВЖД. Русский учёный С.И. Мякинков считал, что «победа над Русско-Азиатским банком в 1924 г. обернулась для советской стороны постоянными конфликтами на КВЖД с Китаем, в том числе и вооружённым 1929 г. Изменение формально «частного» статуса дороги, проходящей по территории иностранного государства, на государственный не могло не привести к тому, что с китайской стороны рано или поздно должны были быть выдвинуты обвинения в «нарушении суверенитета». В условиях борьбы Китая за объединение страны,

стремления покончить со всеми формами полуколониальной зависимости КВЖД рано или поздно должна была приобрести значение символа, только «красного»⁶. Эта точка зрения имеет основание. В 1926 г. Н.И. Бухарин подчеркнул, что железнодорожная линия «...является главной стратегической жилой», «...нашим революционным пальцем, запущенным в Китай»⁷.

В-третьих, в конце 1928 г. и в начале 1929 г. некоторые японские газеты поместили информацию о том, что СССР собирается продать свои права и бизнес на КВЖД третьей стороне в обход Китая и китайцы якобы уже решили бороться за КВЖД. Аналогичная информация получила распространение среди китайцев и вызвала негативную реакцию с их стороны⁸.

Таким образом, повод для вооружённого конфликта 1929 г. дала советская сторона, которая несерьёзно отнеслась к выполнению положений китайско-советского соглашения 1924 г. о совместном управлении на КВЖД, что значительно нарушало суверенитет управления китайской стороны на КВЖД и привело к тому, что противоречия между Китаем и СССР обострились. К тому же, экспорт революции из СССР и разные слухи о продаже КВЖД, в конце концов, помогли Чжан Сюэляну предпринять шаги по захвату КВЖД.

Последствия. Подчёркивание советского фактора в конфликте вовсе не означает, что я считаю китайскую сторону невиновной в его разжигании. Непосредственным инициатором китайско-советского вооружённого конфликта был начальник Особого района трёх Северо-Восточных провинций Китая Чжан Сюэлян, который вопреки китайско-советским соглашениям 1924 г., плохо зная СССР, принял ошибочное решение, которое принесло большие потери обеим сторонам и выгоду Японии в Маньчжурии.

Китайской стороне конфликт на КВЖД принёс одни только убытки и никакой пользы. Более того, она горько поплатилась за этот конфликт, так как дипломатические отношения между Китаем и СССР были свёрнуты и китайско-советские отношения серьёзно ухудшились. Из-за этого китайско-советское совместное противодействие Японии ослабло, что дало ей возможность развязать против Китая агрессию. Наиболее дальновидные китайские политики предсказывали такой неблагоприятный для Китая поворот событий, но на бурной волне национально-патриотических и антисоветских настроений их мнение тогда не принималось во внимание. Кроме того, вооружённый конфликт на КВЖД спровоцировал в России репрессии против китайцев, сопряжённые с угрозой для их жизни и серьёзными имущественными убытками, которые составили 281 170,96 рублей.⁹

Китайская сторона так и не смогла решить проблему суверенитета на КВЖД с помощью военной силы. В конце концов, обе стороны верну-

лись к изначальному положению, существовавшему до конфликта; на переговорах о покупке дороги китайская сторона занимала пассивное положение.

СССР через конфликт удалось сохранить на КВЖД свои преимущества, продемонстрировав своё военное превосходство над китайской стороной, что произвело впечатление на Японию и повысило престиж СССР на международной арене. Конечно, конфликт также принёс СССР большие экономические и человеческие потери и создал угрозу жизни и имуществу советских граждан, находившихся в Китае. Больше всех от конфликта выиграла Япония. Она перестала сомневаться, развязывать ей агрессию или нет против Китая, и через СССР успешно защитила свои интересы в Маньчжурии. В целом победа СССР над Китаем в конфликте на КВЖД способствовала укреплению позиций Японии в Северо-Восточном Китае без каких-либо серьёзных усилий с её стороны.

¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 3, л. 40—41.

² Там же. Д. 7, л. 49—51.

³ Чжундунлу цзи чжун-э вайцзяо гэсян цзяньи (КВЖД и китайско-российские внешние связи). Т. 3 (24 дек. 1930—7 марта 1934) // Тайваньский государственный исторический архив: МИД. Ф. 303000000В, оп. 0624.20/5050.04-03, л. 0716.

⁴ Документы внешней политики СССР М., 1967. Т. 12. С. 490.

⁵ См.: АВП РФ. Ф. 0100, оп. 13, п. 156, д. 5, л. 1—6; См.: Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 78.

⁶ См.: Мякинников С. И. Послеоктябрьская судьба КВЖД: поиски решения (1922—1924) // Восток. 2004. № 5. С. 41.

⁷ Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 112.

⁸ Чжундунлу цзи чжун-э вайцзяо гэсян цзяньи (КВЖД и китайско-российские внешние связи). Т. 3. Оп. 0624.20/4412.01-01, л. 0526, 0528, 0530, 0537.

⁹ Чжундунлу шицзянь (Хроника событий на КВЖД). Т. 1. Ч. 2 (19 июля 1929—20 ноября 1933). Тайваньский государственный исторический архив, МИД. Ф. 303000000В, оп. 0624.20/5050.02-01, л. 1457—1458.

Liu Xianzhong
Beijing

CHINESE-SOVIET CONFLICT ON CHINESE-EASTERN RAILROAD IN 1929

The origin and consequences of Chinese-Soviet conflict on Chinese-Eastern railroad are discussed at the Liu Xianzhong article. The author supposed that was not parity between USSR and Republic of China in management and profits of usage this railroad. Researcher also laid the responsibility for this conflict on China partially, but first of all on USSR.

«УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ СУНЬ ЯТСЕНА В МОСКВЕ И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: СУДЬБА КНИГИ И АВТОРА

*Памяти Шэн Юэ (1907—2007),
выпускника Университета трудящихся Китая
имени Сунь Ятсена*

В марте 2007 г. в г. Пало Алто (США, Калифорния) скончался Шэн Юэ, один из последних остававшихся в живых студентов Коммунистического университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве (сокращённо — КУТК, а до 1928 г. — УТК). Большинству китаеведов Шэн Юэ (Шэн Чжунлян, Мицкевич Ф.А.) известен как автор воспоминаний об этом учебном заведении, созданном, как и Военная школа Вампу, при активном участии Советской России, ВКП(б) и Коминтерна.

Постсоветские времена подарили нам долгожданную возможность открыть многие малоизвестные страницы новейшей истории. Книга Шэн Юэ, представляющая собой и мемуары, и ценный научный труд, раскрывает одну из таких прежде строго засекреченных страниц. Она повествует о том, как в 20—30-х гг. XX в. власти СССР готовили кадры для китайской революции. С этой целью в 1925 г. в Москве был специально создан Университет трудящихся Китая (УТК) имени Сунь Ятсена, названный в честь первого президента Китайской Республики, основателя Национальной партии (Гоминьдан), активного сторонника сотрудничества Китая с СССР в революционной борьбе против монархии и империализма.

Курс обучения в УТК имени Сунь Ятсена длился всего два года, но власти ещё не воспрянувшей после Гражданской войны России создали все условия для интенсивной подготовки будущих китайских подпольщиков, политических и военных руководителей. Выпускники университета занимали впоследствии ключевые посты в высшем партийном, государственном и военном руководстве Китая: четыре генсека ЦК КПК (Ван Мин, Цинь Бансянь, Чжан Вэньтянь, Дэн Сяопин), председатель КНР (Ян Шанкунь), заместитель председателя КНР (Лань Ифу), лидер Гоминьдана и президент Тайваня Цзян Цзинго, а также маршалы (Е Цзяньин), министры, видные дипломаты, учёные и парламентарии.

Как одноклассник названных лиц, современник, свидетель и прямой участник многих политических событий в СССР и Китае Шэн Юэ поведал о них в своей книге «Университет им. Сунь Ятсена в Москве

и китайская революция: личные воспоминания», изданной в 1971 г. на английском языке в США, через 40 лет после закрытия УТК (4). Живя вдали от Китая и СССР, вне поля жестоких политико-идеологических баталий времён «холодной войны», маоистской «культурной революции» и советско-китайских конфликтов, автор воссоздал в доступной ему мере вполне достоверную, хотя и не лишённую личных эмоций и пристрастий картину событий и судеб людей, с которыми ему довелось жить, учиться и работать в стенах УТК. Книга написана на основе воспоминаний Шэн Юэ и некоторых из его однокашников, дополненных известными в те годы источниками и исследованиями.

Безусловно, время наложило отпечаток на судьбу самой книги. В КНР и СССР она была упрятана в спецхраны «для служебного пользования» и долго не могла найти путь к широкому читателю. Правда, в Китае, быстро возрождающемся после потрясений «культурной революции» и меняющем отношение к прошлому, книга Шэн Юэ дважды издавалась небольшими тиражами (ДСП) в 1980 и 2004 гг. (5) в основном в научной периодике.

С начала 1990-х гг. московские архивы Коминтерна и УТК также стали предметом растущего внимания со стороны учёных из Европы, США, КНР и Тайваня. Отдельные документы и сведения об этом университете публикуются и в России. Внимание учёных и читателей всего мира привлекают два великих деятеля, окончивших УТК в Москве. В конце 1970-х гг. бывшие однокашники оказались во главе двух враждующих частей Китая, разорванных революцией и гражданской войной. Один из них — Дэн Сяопин стал лидером КНР, а Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, встал у руля власти на Тайване. В своё время немало надежд на новое объединение нации «в пределах жизни одного поколения» зиждилось именно на памяти об учёбе в СССР, которая связывала обоих лидеров и других лиц из их окружения. Но скорого объединения не произошло, и «фактор общего русского прошлого» в отношениях двух сторон Тайваньского пролива, по-видимому, исчерпан.

В России книга Шэн Юэ была доступна лишь в библиотеках, в оригинале на английском языке. При этом мало кто из читателей кроме специалистов знает о её существовании. Тема подготовки кадров китайской

Шэн Юэ (Шэн Чжунлян, Мицкевич) будущий студент УТК. Шанхай, ноябрь 1926 г. (РГАСПИ)

Шэн Юэ — на службе в армии
Гоминьдан (1935)

революции в СССР всё ещё слабо освещена в российской научной и популярной литературе. А судьба УТК — это глубоко драматичные страницы истории не только Китая, но и России, перипетий её внешней и внутренней политики, обусловленных борьбой за власть в руководстве СССР.

Досконально воссоздав на страницах книги картину жизни УТК им. Сунь Ятсена в Москве, Шэн Юэ привёл в ней лишь отрывочную информацию о своей дальнейшей жизни и деятельности на советском Дальнем Востоке и в Китае. Сведения о жизни автора после его ареста в Шанхае и выхода из КПК в 1935 г. были до недавнего времени неизвестны даже специалистам. К счастью, сегодня, когда покровы секретности, на которые грустно сетовал автор, наконец, пали, бесценные архивы УТК стали доступны учёным всего мира. В этих архивах сохранилось и личное дело Шэн Юэ, в том числе его юношеские фотографии и ряд важных документов, таких как учебные, партий-

ные и рабочие характеристики, несколько автобиографий, заявление о переводе из рядов КПК в ВКП(б), анкеты, докладные записки, протоколы собраний по чистке в партии, прошения, командировочные удостоверения, секретные донесения из Китая и многие другие материалы. Благодаря этим документам из архивов УТК, Коминтерна и МИД Китайской Республики, а также помощи детей Шэн Юэ, наконец, появился шанс отдать должное автору и предложить читателям его краткую биографию.

Шэн Юэ, в молодости носивший имя Шэн Чжунлян 盛忠亮, родился 19 июля 1907 г. в деревне Сяньян, уезда Шимэнь провинции Хунань. Мать его была домохозяйкой, а отец — учителем (служащим) и «мелким помещиком», владевшим 45—50 му земли, на которых выращивались рис, чай и хлопок. В 1922 г. окончив среднюю школу, Шэн Юэ (тогда он носил имя Шэн Чжунлян) проучился полгода в торговом институте в г. Чанша. Но учёба в этом институте не понравилась юноше, поэтому он уехал в Пекин и поступил на курс политологии Государст-

венного Пекинского юридического университета, где проучился 3 года. Подобно многим молодым людям своего времени Шэн Юэ принял активное участие в студенческом движении. В 1922 г. он вступил в Социалистический союз молодёжи Китая, в 1923 г. — в китайский комсомол (преподавал в вечерней школе КСМ для детей бедняков южного пригорода Пекина), зимой 1924 г. стал членом организации «Новая армия», объединявшей левых гоминьдановцев, но руководимой коммунистами. Был избран членом исполкома этой организации и ответственным редактором полулегального печатного органа «Новое общество». В конце 1924 г. Шэн Юэ вступил в КПК, стал заместителем секретаря партийной организации университета, вёл агитационную, переводческую и кадровую работу, был членом комиссии партпросвещения при городском комитете партии. (1, оп.225, д.2984, л.32). Будучи коммунистом в 1925 г. Шэн вступил в Гоминьдан и, судя по автобиографии, устроил массовое вооружённое нападение на министра Чжан Сычао (? — В. Г.), «во время которого был ранен» (1, оп.225, д.2984, л.39).

В октябре 1926 г., так и не окончив юридический университет, Шэн отправился (по направлению) из Пекина в Москву. Путь в Россию лежал через Шанхай, откуда Шэн, вместе с группой товарищей на советском пароходе прибыл во Владивосток и затем выехал на поезде в Москву. В декабре Шэн поступил в Университет им. Сунь Ятсена, чтобы «побольше изучить теорию ленинизма и его практику — партийное строительство, советское управление и пр.» (1, оп.225, д.2984, л.37). Получив «русское» имя Мицкевич и студенческий билет № 527, Шэн Юэ приступил к учёбе и партийной работе. Уже через 7—8 месяцев он овладел русским языком настолько, что стал переводчиком лекций и заседаний бюро партийной организации, получая за это зарплату. В 1928 г. Шэн был переведён из КПК кандидатом в члены ВКП(б), принимал участие в «чистке партии» и, судя по партийной характеристике, «...активно боролся за линию Коминтерна по вопросам китайской революции, дрался против китайских троцкистов, правых оппортунистов» [1, оп.225, д.2984, л.19].

В августе 1930 г. после двух лет учёбы и работы переводчиком в КУТК, Шэн Юэ послали на Дальний Восток, где работал в Дальневосточном Краевом Комитете ВКП(б)) членом Приморской пропгруппы ЦК (до 1931 г.), потом — оргинструктором среди китайских рабочих во владивостокском горкоме. В этой должности Шэн тесно сотрудничал с местной Ленинской школой для китайских рабочих (ректор и все преподаватели школы были бывшими студентами УТК), а также был членом советского Дальневосточного комитета содействия латинизации китайского письма.

Согласно характеристике «...тов. МИЦКЕВИЧ... работая во Владивостоке, пользовался большим авторитетом среди китайских рабочих. За время его работы ядро китайских коммунистов значительно выросло, Тов. Мицкевич пользуется авторитетом как у китайских, так и у русских работников» [1, оп.225, д.2984, л.19].

Судя по скупым строкам автобиографии, в этот период произошли важные перемены и в личной жизни Шэн Юэ — он женился на местной работнице швейной фабрики, кандидате ВКП(б) с 1931 г., отец и брат которой были «швейники тоже» (1, оп.225, д.2984, л.25—26). В 1932 г. Мицкевич стал членом ВКП(б) и работал ответственным секретарём краевой китайской газеты «Рабочий путь» — органа крайкома ВКП(б) в Хабаровске. Наконец, 19 июля 1932 г. Шэн был откомандирован приказом ЦК ВКП(б) в распоряжение ИККИ. Прибыв в Москву в августе 1932 г., он сдал на хранение свой партбилет и в конце того же года отбыл на родину.

По возвращении в Китай в январе 1933 г. Шэн Юэ работал главой отдела пропаганды, а затем и.о. секретаря подпольного Партбюро ЦК КПК в Шанхае, отвечая, в частности, за отбор кандидатов для отправки на учёбу в Россию, а также за связь с Отделом международных связей Коминтерна, представителем Профинтерна и сотрудниками IV управления советской военной разведки (1, оп.74, д.299, л.7; 3, с.284). По заданию партии он провёл важную тайную встречу с Сун Цинлин, вдовой Сунь Ятсена. Но 5 октября 1934 г. Шэна арестовали на конспиративной квартире, в ходе ареста агенты Гоминьдана захватили радиостанцию, обеспечивавшую связь между ЦК КПК, Дальбюро и ИККИ.

Незадолго до ареста Шэна была схвачена его жена Цинь Маньюнь (Авилова, 1909—2001), тоже выпускница КУТК, заведовавшая в то время секретариатом и бухгалтерией ЦК КПК в Шанхае (1, оп.184, д.47, л.198—199; 2, с.390; 3, с.272—275). Попытки спасти жену стали, видимо, одной из причин провала самого Шэн Юэ. По некоторым данным, незадолго до своего ареста Шэн встречался с неким членом руководства Гоминьдана, возможно, однокашником по УТК, или даже с самой Сун Цинлин, с которой он имел подпольную встречу в Шанхае*.

Благодаря усилиям друзей Шэн и Цинь были выпущены из тюремных застенков. Но платой за спасение, по обычной в те годы практике гоминьдановских спецслужб, стало их «добровольное» самоотречение от коммунистических взглядов, выход из КПК и участие в перевербовке других схваченных коммунистов. После выхода на свободу Шэн Юэ

* Возможность такой встречи с Сун Цинлин для спасения Цинь Маньюнь предполагает дочь Шэн Юэ.

Шэн Юэ и его супруга Цинь Мэйин (Цинь Маньюнь) в годы послевоенной дипломатической службы

навсегда оставил революционную работу и вернулся с женой и появившейся в 1935 г. на свет старшей дочерью в свою родную деревню. Он зарабатывал на жизнь как нештатный политобозреватель газеты «Наньцзин жибао» (Nanking Daily), а потом издавал с друзьями журнал-ежемесячник.

Что касается китайских коммунистов, то любой попавший в те годы в тюремные застенки, вышедший из партии и после этого прекративший революционную борьбу партиец становился для них заведомым предателем. В особом списке «изменников партии», поступившем в 1939 г. в распоряжение ИККИ от Дэн Инчао (жены Чжоу Эньлая), Шэн Юэ и Цинь Маньюнь, тесно контактировавшая с Дэном до отъезда из Шанхая, были официально названы изменниками и предателями (1, оп. 225, д. 2984, л. 15, 18, д. 1069, л. 4). Согласно секретному донесению из Китая от 19 марта 1943 г. выйдя на свободу, Шэн «...сначала выполнял антикоммунистическую работу в системе СС (Чэнь Лифу). После начала антияпонской освободительной войны стало известно, что он работал на особой службе в системе Ван Пен-шэнь в должности его секретаря

и руководил информ. группой при комитете партийных дел ГМД. Между системой особой службы Ван Пен-шэнь и системой службы Дай Ли существует тесная связь» (1, оп. 225, д. 2984, л. 16).

По воспоминаниям родных, с началом антияпонской войны (1937—1945) Шэн Юэ поступил на службу в армию и был направлен на работу в Комитет по делам ВВС, поскольку отлично владел русским языком. Шэн Юэ стал работать связным офицером на авиабазе Ланьчжоу (провинция Ганьсу), служившей пунктом дозаправки и отдыха для советских лётчиков-добровольцев, воевавших в Китае. После событий 1941 г. в Пёрл-Харбор Шэн получил звание генерал-майора, а с 1943 г. служил руководящим политработником в Новой 1-й армии — китайских экспедиционных силах на индо-бирманском театре военных действий.

В 1946 г. Шэн, наконец, воссоединился с семьёй в г. Нанкине (к тому времени родилось четверо из пяти его детей), поступил на службу в МИД Китайской Республики, работал в составе делегаций при ООН, возглавлял миссии на Ближнем Востоке (Ирак, 1950—1955) и в Латинской Америке (Уругвай, 1960—1962). С 1955 по 1960 г., живя на Тайване, он работал главой департамента по делам Западной Азии, ведавшего связями с СССР и странами Ближнего Востока. Оставив дипломатическую службу в 1963 г., Шэн Юэ поселился в США и занимался научной работой в Университете Канзаса и Гуверовском институте Стэнфордского университета. В 1970 г. Шэн и его супруга поселились в городке Пало Алто, штат Калифорния. Только в 1984 г. автор книги и члены его семьи получили долгожданную возможность посетить КНР по личному приглашению однокашника по КУТК Ян Шанкуня.

В 2000 г. по инициативе Шэн Юэ в его родном уезде Шимэнь был учреждён «Образовательный фонд семейства Шэн для помощи школьникам», ежегодно оказывающий денежную помощь местным школьникам из бедных семей. К 2006 г. 70 стипендиатов этого фонда успешно окончили среднюю школу высшей ступени, а ещё 10 студентов завершили учёбу в университете.

29 марта 2007 г. Шэн Юэ ушёл из жизни, не дожив лишь пять месяцев до своего столетия. Согласно завещанию 23 августа 2007 г. его прах вместе с прахом верной супруги был опущен в воды Тихого океана у берегов Санта Круз (Калифорния). «После выдающейся жизни море стало их последним пристанищем. После столь многих жизненных потрясений в день их похорон погода была ясной, а море спокойным. Они навсегда упокоились, и море приняло их в свои объятия»*.

* Строки из письма дочери Шэн Сяолун, любезно предоставившей значительную часть публикуемых здесь сведений о своих родителях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. РГАСПИ. Ф.495, оп.225, 184, 74, д.47, 299, 1069, 2984.
2. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С.390.
3. Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 30-е годы XX века. М., 2007. С.272—274.
4. Yueh Sheng. Sun Yat-sen University in Moscow and Chinese Revolution. A Personal account. — Lawrence: University of Kansas, 1971.
5. 盛岳著. 莫斯科中山大学和中国革命 // 现代稀见史料书系 (内部发行仅供研究). 北京: 东方出版社, 2004.
6. 《石门文史》2005,第二期

V. Golovachov
Moscow

“SUN YAT-SEN UNIVERSITY IN MOSCOW AND THE CHINESE REVOLUTION” — THE FATE OF THE BOOK AND THE AUTHOR

Post-Soviet times provided us with the unique chance to reopen many blank pages of modern history. Yueh Sheng's "Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A personal account" — is both a study and memoirs about the school in the USSR that Chinese radicals attended in 1925-1930s, about the activities of these radicals who played a great role in history of China later in XX c. Suffice it to say, that there were four CCP general secretaries and two national leaders (CCK and Deng Xiao-ping) among nearly 1200 alumni of this university.

The author Yueh Sheng (1907—2007) attended the SYS University in 1926—1929, worked as a member of the CPSU propaganda group in Vladivostok and Khabarovsk in 1929—1932. As for the fate of the book, it was confined to "special repositories" in USSR and PRC for decades. While it was translated into Chinese and published in PRC twice in 1980 and 2004, in Russia the original edition of the book is available at academic libraries, but remains unknown to general readers. Published in 1971, it is still the most comprehensive and reliable source of information on SYS University, invaluable to professional and general readers. The first Russian language edition of the "Sun Yat-sen University in Moscow" is scheduled for publication in 2008.

РОССИЯ И АТЭС: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И ЕЁ УЧАСТИЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются мотивы, внешние и внутренние проблемы России в ходе интеграции в АТР, на примере организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)¹. Автор рассматривает этапы российского участия в АТЭС с позиции трёх моментов: значения АТЭС для СССР и России, международного положения и двусторонних отношений России со странами АТЭС и, наконец, оценка участия и деятельности России в АТЭС.

В 1998 г. Россия вступила в АТЭС как полноправный член, в 2008 г. исполняется 10 лет её участия в работе организации. Сегодня в АТЭС входит 21 экономика. В странах — участницах АТЭС проживает 41% населения мира, сосредоточено 55% мирового ВВП и 49% общего объёма мировой торговли². В 1994 г. на саммите лидеров в Богоре была поставлена стратегическая цель: создать к 2020 г. зону свободной и открытой торговли и инвестиций в АТР³, причём развитые страны должны устранить торговые и инвестиционные барьеры к 2010 г., а развивающиеся — к 2020 г. Специфические особенности АТЭС состоят, во-первых, в том, что эта организация не принадлежит к числу официально зарегистрированных в ООН; во-вторых, в добровольности исполнения принятых решений; в-третьих, все решения принимаются на консенсусальной основе. Если кто-то из лидеров не согласен с тем или иным документом, документ не принимается.

1. ЗНАЧЕНИЕ АТЭС ДЛЯ СССР И РОССИИ

Первым руководителем СССР, который придал сотрудничеству значение большее, чем противостояние в отношениях со странами АТР, стал М.С. Горбачёв. В июле 1986 г. в своей речи во Владивостоке он заявил о необходимости активизации двусторонних связей со странами АТР, участия в Совете по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС) и создания Тихоокеанского совета, который использует опыт Хельсинкской конференции. В мае 1988 г. Горбачёв организовал Советский национальный комитет по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СНКАТЭС). Цель комитета — содействовать развитию торгово-экономических и научно-технических связей СССР со

странами АТР, способствовать созданию на Дальнем Востоке высоко-развитого народнохозяйственного комплекса. Советский национальный комитет сформировался по принципу «трёхзвенного представительства», как и национальные комитеты стран, входящих в СТЭС. Его конкретной задачей было участие в СТЭС и ТЭС (Тихоокеанский экономический совет), чтобы поддерживать Россию в АТЭС, так как при разработке документов многие вспомогательные функции, в частности работа по анализу экономической ситуации в регионе, выполнялись и продолжают выполняться неправительственной организацией СТЭС⁴.

В ноябре 1991 г. на сеульском саммите в состав АТЭС вошли Китай, Тайвань и Гонконг. Надо отметить, что участие Китая в АТЭС было важным для СССР⁵: во-первых, Китай, исповедующий социалистические ценности, участвовал как полноправный член экономической организации, капиталистической по концепции и практике; во-вторых, представители Пекина и Тайбэя сели за один стол как равноправные партнёры; в-третьих, в Сеуле прошла встреча Цянь Цичэня с госсекретарём США Дж. Бейкером. Это означало, что после вооружённого подавления восстания на площади Тяньаньмэнь осложнившиеся китайско-американские отношения вернулись к прежнему уровню. Наконец, визит министра иностранных дел Китая в Сеул способствовал установлению дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей⁶. Итак, АТЭС стал не только форумом экономических консультаций, но и ареной реформирования международных отношений в АТР.

После распада СССР в августе 1992 г. СНКТЭС был переименован в Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС). Председатель РНКТЭС — А.Г. Гранберг⁷ с августа 1992 по май 1999 г. и с мая 1999 г. — губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев. В сентябре 1992 г. РНКТЭС был принят в СТЭС и в мае 1994 г. стал полноправным членом ТЭС⁸. СТЭС имеет статус наблюдателя АТЭС с самого начала, что даёт определённые права и для национальных комитетов, включая российский. И СТЭС, и ТЭС поддерживают принципиальные документы АТЭС, в том числе Богорскую декларацию 1994 г.

Во время первого визита в Азию, Республику Корея Президент Ельцин в Национальном собрании заговорил о намерении участвовать в АТЭС. Впрочем, с точки зрения критериев, «...участие в АТЭС будет в принципе открыто для тех экономик Азиатско-Тихоокеанского региона», которые имеют сильные экономические связи в регионе и принимают цели и принципы АТЭС⁹. На товарооборот внешней торговли России с членами АТЭС пришлось только 0,4% оборота внутри АТЭС даже в 1997 г. Тем не менее, чтобы ограничить чрезмерное расширение и стабилизировать число участников форума, в рамках АТЭС практиковалось

введение мораториев на принятие новых участников с 1993 по 1996 г.¹⁰ Эта мера означала, что Россия не была нужна для укрепления экономического сотрудничества в рамках АТЭС в середине 1990-х гг.

Кроме того, сначала США игнорировали роль АТЭС, но с 1993 г. Вашингтон начал превращать АТЭС в орудие тихоокеанского господства. В результате противодействия этому со стороны азиатских членов АТЭС наметился компромисс, начал работать ежегодный «неофициальный» саммит глав государств. В то время Россия ещё не участвовала в «восьмёрке» и не подписала основных документов с ЕС и НАТО, ей предстояло преодолеть серьёзную изоляцию не только на Западе, но и на Востоке.

2. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РОССИИ В АТЭС

С точки зрения международных отношений, решение о принятии России в АТЭС расценивалось как компенсация за согласие Москвы на расширение НАТО на Восток¹¹. Вашингтон хотел использовать АТЭС и участие России в нём как механизм контроля за действиями своего бывшего противника. США вели переговоры по расширению НАТО на Восточную Европу, одновременно в Северо-Восточной Азии они исключали Россию из процесса решения ядерной проблемы на Корейском полуострове. Получение билета в АТЭС можно расценивать как результат борьбы за договорённость между Россией и США. Впрочем, необходимо рассматривать этот дискурс и в ином свете — с точки зрения политических и экономических отношений между Россией и странами Восточной Азии. Со второй половины 1990-х гг. Москва стала разрабатывать направления и стратегию для АТР. Для многих стран Азии было неожиданным российское приближение к Востоку и привязанность к лозунгу создания многополярного мира и формирования нового международного порядка по сравнению с презрением к странам АТР в начале 1990-х гг.

По мнению В.В. Михеева, в то время Москва в поисках партнёров по антинатовской дипломатии смотрела на отношения с дальневосточными государствами сквозь призму конфронтации с НАТО. Россия была готова предоставить экономическое содействие и политическую поддержку странам региона в обмен на поддержку антинатовских усилий Москвы¹². При этом Москва, с одной стороны, подписала «Российско-Китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка» в апреле 1997 г. на двустороннем уровне, с другой — активизировала многостороннее сотрудничество со странами Азии. В первой Концепции национальной безопасности РФ

1997 г. была объяснена новая стратегия России по отношению к Азии: она заинтересована в полноправном участии в мировых, европейских и азиатских экономических и политических структурах, поэтому, стремясь к взаимовыгодному сотрудничеству, будет продолжать развитие конструктивного партнёрства с США, Европейским Союзом, Китаем, Японией, Индией и другими государствами. Это отвечает политическим и экономическим интересам РФ и обеспечивает возможность полномасштабного включения её во все организации и институты коллективного управления глобальными политическими процессами¹³. Таким образом, под руководством министра иностранных дел Е.М. Примакова был определён принцип российской внешней политики — «сбалансированный внешнеполитический курс». В этом контексте в связи с планом привлечения в Сибирь и на Дальний Восток зарубежных капиталов, Москва считает, что Россия может влиять на своих потенциальных партнёров через АТЭС и другие международные форумы.

3. ФАКТОР ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР

В ноябре 1997 г. Россия приняла полноправное участие в министерской встрече АТЭС в Ванкувере. Торгово-экономические интересы РФ в регионе были лишь поводом для вступления России в АТЭС, с самого начала её принятие основывалось на политических решениях великих держав Северо-Восточной Азии (Китай, США и Япония).

Принятие России в АТЭС расценивалось политологами как «вступление с чёрного хода». Во-первых, Пекин стремится улучшить отношения с Москвой и получить в её лице союзника в противодействии доминированию Вашингтона в АТЭС. По мнению М. Потапова, позиция Китая в отношении участия России в процессах экономической интеграции в АТР претерпела за последнее время заметную эволюцию. В начале 1990-х гг. преобладал осторожно-негативный подход, когда делались ссылки на неопределённое кризисное состояние политического и экономического положения России, «объективную необходимость» сосредоточения России на проблемах СНГ, её недостаточный потенциал для инвестиционной деятельности и развития торговли в АТР. Начиная с середины 1990-х гг., учитывая реальный поворот российской дипломатии на Восток, её твёрдую линию на вступление в АТЭС, наладившееся сотрудничество между двумя странами на международной арене и поступательный характер развития российско-китайских отношений, Китай перешёл на позицию официальной политической поддержки намерения России активно участвовать в деятельности АТЭС¹⁴. Во многом благодаря

поддержке со стороны Китая на саммите АТЭС в Ванкувере в 1997 г. было принято решение о приёме России в состав участников форума¹⁵.

Япония была и остаётся противником принятия России в СТЭС, АТЭС и в настоящее время в Азиатский банк развития. Японская реакция на российскую просьбу поддержать её вступление в АТЭС в значительной степени опиралась на застаревшие переговоры с Россией по территориальной проблеме¹⁶.

Премьер-министр Японии Р. Хасимото (с января 1996 г. до июля 1998 г.) отодвинул «евразийскую дипломатию» и стремился улучшать отношения с Россией настойчивым подчёркиванием экономического сотрудничества. Хотя это ни в коем случае не означает забвения территориальной проблемы, это стало качественным изменением японской дипломатии в отношении к России. В Токио рассчитывали, что дальнейшая нормализация отношений с Россией будет способствовать возврату части Курильских островов Японии и доступу к сырьевым источникам Сибири и Дальнего Востока в плане диверсификации поставок нефти и газа¹⁷.

По информации газеты «Известия», глава МИД КНР Цянь Цичэнь первым предложил принять Россию в эти организации¹⁸, его поддержал японский министр Кейдзо Обути, отметивший важность сотрудничества со столь сильной и крупной страной. Однако средние державы — Австралия, Сингапур и Филиппины — выступили против, указывая на весьма слабые экономические связи России со странами региона. Совершенно неожиданно их поддержали Мексика и Чили. Эта группа выразила протест против «особого подхода к большой державе», с другой стороны, никто не возразил против принятия в АТЭС Перу и Вьетнама.

Как было сказано, участие России в качестве полноправного члена АТЭС стало результатом работы федерального правительства, поддержанного на межгосударственном уровне мировыми державами (Китай, США и Япония). Вступление в АТЭС России было необходимо для её участия в процессе интеграции в АТР, обеспечивая национальную безопасность и территориальную целостность. После распада СССР Россия, перешедшая на рыночный путь развития экономики, стремилась к вступлению в АТЭС по экономическим причинам, хотя для членов АТЭС вступление России было традиционной политической проблемой. Участие РФ рассматривалось некоторыми развивающимися странами как снижение эффективности работы форума в целях ослабления влияния США. Однако деятельность России в рабочей группе, ежегодные выступления на саммитах и министерских встречах показали, что российское сближение со странами АТР основывается на экономических интересах и интересах безопасности. В АТЭС Россия взяла инициативу в «индустриальном диалоге по цветным металлам», а также в 2006 г. она внесла

предложение по «защите от терроризма критически значимых элементов энергетической инфраструктуры» и «развитию межцивилизационного диалога»¹⁹.

Стоит отметить и решение провести во Владивостоке саммита АТЭС в 2012 г. В сентябре 2007 г. президент Путин подписал указ об организационных мероприятиях, связанных с обеспечением председательства России в 2012 г. на форуме АТЭС²⁰. Через 5 лет участников форума АТЭС будет принимать Владивосток.

Как пишет А.Г. Гранберг, председатель Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС), с 1992 по 1997 г. была единственная организация в России, имевшая международнопризнанный статус представителя РФ в экономических организациях АТР, действовавших вне системы ООН²¹. Имея два офиса (в МИД и Хабаровске), комитет защищал в основном интересы региона. В 1997 г. Россия вступила в АТЭС и была признана членами данной организации, в процессе интеграции РФ в АТР федеральное правительство полностью взяло инициативу, и эта ситуация сохраняется. Предположительно проблема «центр—регионы» 1990-х гг. в настоящее время трансформировалась в «локально-региональную» проблему. У Москвы есть серьезные опасения, что выделенные средства на федеральные программы исчезнут²², поэтому необходимо разрабатывать механизм контроля за инвестициями из Центра. Вместе с тем Владивостоку необходим конкретный план строительства объектов форума и реконструкции городской инфраструктуры. Успех саммита 2012 г. зависит от координации работы центральной и региональной власти.

---

¹ АТЭС была организована в 1989 г. по инициативе правительств Австралии и Японии. С момента вступления в 1998 г. в АТЭС Россия постепенно наращивает активное участие в её работе. В 2012 г. Владивосток станет столицей форума АТЭС. В настоящее время членами форума являются Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Чили, Япония.

² http://www.apec.org/apec/about_apec.html (23.05.2008 г.).

³ Богорская декларация АТЭС 1994 г.: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html (23.05.2008 г.).

⁴ Веремеев Н.В. Международно-правовой статус форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 119.

⁵ Известия. 1991. 13 нояб. С. 5.

⁶ В августе 1992 г. установлены дипломатические отношения между Китаем и Южной Кореей.

- ⁷ С 1992 по декабрь 1993 г. Гранберг был советником Президента РФ по экономическим и социальным проблемам СНГ.
- ⁸ В 2003 г. РНКТЭС вышел из СТЭС из-за отсутствия интереса к работе СТЭС среди членов Комитета. <http://www.rnpcpec.fareast.ru/index.htm> (28. 04. 2008 г.).
- ⁹ http://www.apec.org/apec/ministerial_statements/annual_ministerial/1991_3th_apec_ministerial/annex_b__seoul_apec.html (28. 04. 2008 г.).
- ¹⁰ http://www.apec.org/apec/ministerial_statements/annual_ministerial/1993_5th_apec_ministerial.html (28. 04. 2008 г.) На самом деле эта мера продолжает действовать до сих пор.
- ¹¹ John Ravenhill. APEC and the construction of Pacific Rim Regionalism. N.-Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 207; Мотохиде Сайто. Россия на гаико сэисаку (Внешняя политика России). Токио: Кэйсоцубо, 2005. С. 12.
- ¹² Михеев В.В. Гамбит «анти-НАТО» и политика России на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 42.
- ¹³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002. М., 2002. Т. 4. С. 68.
- ¹⁴ Потапов М.А. Опыт участия КНР в АТЭС: уроки для России // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 80—86.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См. подробно в книге: Tsuyoshi Hasegawa. The Northern Territories Disputes and Russo-Japanese relations. California: University of California, 1998. 2 vol.
- ¹⁷ John Ravenhill. APEC and the construction of Pacific Rim Regionalism. N. Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 207.
- ¹⁸ Головин В. Россия закрепляется на Тихом океане // Известия. 1997. 27 нояб.
- ¹⁹ Интервью В.Н. Добровольского, посла по особым поручениям АТЭС // Азия и Африка сегодня. 2008. № 1. С. 61.
- ²⁰ Указ Президента Российской Федерации (12 сентября 2007 г., № 1189) «Об организационных мероприятиях, связанных с обеспечением председательства Российской Федерации в форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество»»: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041487> (27. 02. 2008 г.).
- ²¹ Гранберг А.Г. Деятельность и задачи Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 5.
- ²² Двойнова Т. «Чёрная дыра» российской геополитики // Независимая газета. 2008. 11 февр.

Kato Mihoko

Sapporo

RUSSIA AND APEC: EXTERNAL AND INTERNAL PROBLEMS OF RUSSIA AND ITS PARTNERSHIP IN ASIAN-PACIFIC INTEGRATION

The article of M. Kato concerned the problem of Russian role in Asia-Pacific integration. Also discussed international situation and relations between the Russian federal and regional governments in connection with integration in Asian-Pacific region.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПОИСК ОБЩИХ КООРДИНАТ

В современном мире много говорится о формирующейся многополярности, рассредоточении центров управления по разным регионам планеты. Для многих исследователей становится всё более очевидным нарастание кризисных явлений в лоне западной цивилизации, сопровождающееся развалом старого миропорядка и активизацией противоборства разнородных сил за лидерство.

Две тенденции — «однополярность» и «многополярность» современного мира — вступают в конкурентные взаимоотношения, сосуществуют на современном этапе. Соединённые Штаты Америки по-прежнему выступают в качестве основного разработчика новых контуров мировой политики, но их авторитет как единственной сверхдержавы стремительно падает. Вместе с тем, по мнению Збигнева Бжезинского, бывшего советника президента США по национальной безопасности Дж. Картера, многие государства ряда регионов мира (Восточной Азии, Европы, Латинской Америки) стремятся к созданию региональных альянсов, менее привязанных к существующим схемам сотрудничества с Соединёнными Штатами. С другой стороны, один из ведущих политиков в Азии, генеральный секретарь ЦК Компартии Китая, председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая с отчётным докладом на XVII съезде КПК, подчеркнул, что «многополярность мира стала необратимой»¹.

Таким образом, регионализация стала одним из символов мировой политики конца XX — начала XXI в. ЕС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР, ШОС и др. — это не исключительные примеры в мировом политическом процессе, а общая тенденция, подталкивающая теоретиков интеграции к поиску всё более эффективных форм региональных объединений.

По мнению Волтера Миньоло, профессора антропологии Университета Дьюк (США), мы являемся участниками и свидетелями эпохи постколониализма. В отличие от традиционной колониальной системы, когда метрополии непосредственно или через своих представителей осуществляли контроль над своими колониями, поддерживая стабильность такой системы преимущественно военными методами, современная эпоха отличается многообразием форм и методов, как правило, опосредованного воздействия. Это включает меры кредитно-финансового,

гуманитарного характера, названные «глобализацией культуры и знания». Если в середине 90-х годов прошлого века, наблюдая за качественным технологическим прорывом в области телекоммуникаций, политологи предупреждали об информационных войнах, то сейчас противостояние между различными акторами международных отношений идёт на уровне символов и смыслов.

В этом международном контексте Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) выглядит как достаточно нетривиальное интеграционное объединение. С точки зрения состава её участников это первая организация в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в число учредителей и членов которой не вошли США и Япония, одна из важных в экономическом отношении стран региона и мира.

ШОС, созданная в июне 2001 г., представляет собой межправительственную международную организацию, членами которой являются 6 государств: КНР, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан. Статус наблюдателя имеют Монголия, Индия, Пакистан, Иран. Ещё на заре становления ШОС её участники определили в качестве основной задачи совместное противодействие государствам-членам трём видам зла — терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях. Дальнейшая деятельность организации по части реализации уставных целей и задач во многом остаётся направленной на то, чтобы создать благоприятный политический климат в регионе, способствующий росту экономик стран — членов ШОС, их взаимодополняемости, становлению независимой геополитической статусности евразийского континентального блока стран в рамках многополярного мира.

После запуска в работу основных институций организации, таких как Секретариат ШОС в Пекине, Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте, Деловой совет ШОС в Москве, актуально встал вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития. Некоторые идеологи Шанхайской организации предлагают обратиться к европейской теории и опыту, где залогом успешной интеграции стал алгоритм, разработанный французским общественным деятелем Жаном Моне, согласно которому экономическая интеграция должна предшествовать политическому объединению (снизу вверх, а не наоборот). Другой теоретик, представитель «британской школы» структурализма Барри Бузан рассматривал региональные системы как промежуточные между глобальной международной и государственной. Важной особенностью региональных систем является, с его точки зрения, комплекс безопасности. Государства-соседи оказываются столь тесно связанными друг с другом в вопросах безопасности, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности других². Поэто-

му согласно его концепции региональные союзы должны отдавать приоритет решению вопросов безопасности.

По мнению китайского эксперта по ШОС Чжао Хуашэна, Шанхайская организация обладает рядом характерных черт, не свойственных другим региональным интеграционным организациям, следовательно, траектория её развития не будет похожа на модель Евросоюза или АСЕАН³. Поэтому на основании доступных теоретических схем интеграции идеологи ШОС определили два «стержнеобразующих направления» сотрудничества — безопасность и экономику. Обогащённые «гуманитарной составляющей», они представляют триаду слагаемых успеха ШОС.

Что касается символической составляющей организации, без которой сейчас не обходится ни один более-менее жизнеспособный проект в сфере политики, то она заключена в понятии «шанхайский дух». Его ядро составляют 20 иероглифов, означающие «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию». Концепция «шанхайского духа» стала закономерным следствием воплощения в жизнь наработок трёх поколений лидеров КНР в области международных отношений, в частности «международного стратегического мышления» Дэн Сяопина, «теории трёх представительств» Цзян Цзэминя. В 2001 г. на учредительном саммите ШОС председатель КНР Цзян Цзэминь обобщил пятилетний опыт развития Шанхайской пятёрки и впервые выдвинул принцип следования «шанхайскому духу» в том виде, как он вошёл в основополагающие документы ШОС.

Каждое понятие, включённое в основание «шанхайского духа», имеет глубокий и лаконичный смысл. Первые восемь иероглифов «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации» легли в основу так называемой «новой модели безопасности». **«Взаимное доверие»** предполагает искренние отношения, находящиеся над различиями в общественном строе или в форме общественного сознания, строящиеся на основе приверженности данному слову, взаимопониманию, соблюдению международных договоров и обязательств, приверженности общепризнанным принципам международного права. Это отношения, в которых нет необходимости искусственно создавать себе мнимых врагов, условно враждебные государства или специально выдумывать повод для вражды. Принцип **«взаимной выгоды»** — это необходимость учитывать интересы всех сторон, безопасность собственной страны, неотделимой от безопасности других государств, стремление гарантировать обоюдные интересы. **«Равенство»** субъектов международных отношений подразумевает равный статус в мировом сообществе независимо от размера территории, благосостояния, государственной

мощи. Все имеют равное право на мир и спокойствие, защиту собственных интересов, противодействие гегемонистским устремлениям отдельных держав. Исполненные духом **«сотрудничества»** субъекты не образуют союзов, направленных против третьей стороны, посредством мирного диалога и консультаций устраняют скрытые угрозы, разрешают спорные вопросы, предупреждают вооружённые столкновения, укрепляя разностороннее сотрудничество.

Следующие 12 иероглифов **«уважение многообразия культур»** — это признание разнообразия культур и цивилизаций в современном мире, уважения истории и культуры каждого государства, самостоятельного выбора каждого народа своего общественного строя, модели развития. Страны и народы вне зависимости от своей «цивилизационной» принадлежности могут мирно сосуществовать. **«Стремление к совместному развитию»** предполагает желание заимствовать у других субъектов международных отношений всё положительное в процессе конкурентной борьбы, стремление к взаимному процветанию, чтобы уменьшить диспропорцию между «Севером» и «Югом», решить проблему расслоения общества⁴.

Теория «шанхайского духа» придала новое звучание **пяти принципам мирного сосуществования**, впервые выдвинутым китайским руководством в 1954 г. Она отчётливо формулирует, что мир неоднороден, и без учёта его многополярности, цивилизационной самобытности отдельных регионов конфликты неизбежны. Поэтому в международных делах надо отказаться от навязывания собственных моделей политического и общественного устройства. Тем более, что Шанхайская организация, по мнению её создателей и многих экспертов, образована в пространстве «Великого шёлкового пути», который в современную эпоху оказался в «сейсмически опасной зоне» на стыке конфуцианской, православно-христианской, индуистской и исламской цивилизаций.

Следует подчеркнуть, что краеугольным камнем, определяющим эффективность и перспективность ШОС, является сотрудничество между державами регионального, если не глобального уровня значимости, — Китаем и Россией. Объединённая воля к «соразвитию» политического руководства этих стран будет способствовать экономической и политической стабильности не только непосредственно в Центральной Азии, где сконцентрирована основная деятельность ШОС, но и во всей Восточной Евразии как макрорегионе.

В настоящее время проектирование и организация новых регионов глобального значения становятся политическим феноменом, оказывающим влияние на мировую политику. Многие отечественные и зарубежные учёные ведут исследования в области регионалистики. Из наиболее

известных российских представителей можно отметить Н.П. Медведева, Р.Ф. Туровского, И.М. Буслыгину. Очертить необходимые концептуальные грани многозначного понятия «регион» оказывается довольно сложно. В частности, как пишет И.М. Буслыгина, «...существует гео- и внешнеполитическое понимание региона, когда этот термин относится к целой геополитической зоне, то есть группе стран, которые по ряду параметров больше связаны друг с другом, нежели с иными странами... Возможна культурно-философская трактовка региона... когда регион понимается как особый микрокосм с нечёткими границами, жители которого обладают особым менталитетом. Можно подходить к региону географически, ставя во главу угла однородность физической среды. Наконец, существует и административно-юридическая трактовка региона»⁵.

Стратификация мира, лишь отчасти обусловленная глобализацией, становится всё более целенаправленной политикой, преследующей цели реализации собственных замыслов. Показательной в этом отношении является деятельность Соединённых Штатов Америки, которые для отстаивания своих стратегических интересов в мировой политике выделяют и продвигают в качестве «естественных географических феноменов» новые пространственные конфигурации, такие как Большой Средний Восток, Большая Центральная Азия, Большой Черноморский регион⁶.

Возможно, похожим подходом руководствовались и авторы подготовленного недавно по личному указанию Президента РФ В.В. Путина документа под названием «Концепция долгосрочного социально-экономического развития России»⁷, согласно которому Россия позиционирует себя как **лидер и организатор большого евразийского экономического пространства**. Она является связующим звеном между Европой и Азией. Для укрепления своих позиций в мировом сообществе Россия должна встать на «инновационный социально-ориентированный путь развития», который предполагает многополярное развитие территории страны и формирование новых региональных и межрегиональных зон опережающего развития⁸.

С точки зрения американского подхода к стратификации больших пространств, Дальний Восток РФ представляет собой «естественный географический феномен», который способен, используя своё выгодное геостратегическое положение, занять уникальную позицию в сложной архитектонике современного мира. В стратегических работах МЭРТ и других учреждений и ведомств Дальний Восток также фигурирует в числе первоочередных приоритетов по созданию перспективных зон опережающего развития. О потенциале Дальнего Востока как формирующегося трансграничного региона уже неоднократно заявляли учёные и публицисты. Как всегда, проблема заключается в адекватном

соотнесении целей и средств, поиске эффективных решений и механизмов по части реализации разработанных стратегий.

Для рассматриваемой темы очень важно понятие «трансграничный регион». Под ним понимается достаточно обширная территория, обладающая определённым культурно-историческим единством (общность культурной и политической истории, сходство культурных ландшафтов, экономическое взаимодействие) и в то же время концентрирующая максимально возможное число переходных зон (культурных, политических, социально-экономических)⁹. Швейцарский философ, основоположник концепции «Европа регионов» Дени де Ружмон, дополняет это определение тем, что трансграничный регион (ТГР) — это «потенциальный регион», который, несмотря на видимое единство, разбит на части суверенитетом правительств, управляющих по обеим сторонам границы¹⁰.

Согласно этому определению Дальний Восток как трансграничный регион — это не только территория Дальневосточного федерального округа РФ (ДФО), но и потенциально целостная геополитическая и хозяйственная единица, находящаяся на стыке России, Китая, обеих Корей, Японии, взаимодействующих посредством наземных путей и в акватории Охотского и Японского морей. И этот регион находится ещё в самом начале своего становления.

По опыту интеграции в Европе толчком к развитию трансграничного регионального сотрудничества послужила его институализация. Речь идёт о подписании Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей¹¹. В настоящее время конвенцию подписали и ратифицировали 34 государства Европы, в том числе и Россия. В русле этой конвенции ведут работу и ряд институтов, административным и финансовым ресурсом укрепляющих скрепы региональной интеграции, координирующие инициативы, исходящие «снизу». Это Комитет Регионов (ЕС), Конгресс местных и региональных властей (СЕ), различные НПО.

Как показывает практика регионального строительства, создать и реализовать подобный проект можно при участии и под эгидой государства или союза государств. Шанхайская организация сотрудничества со своими теоретическими и практическими наработками в области создания «новой модели международных отношений», «новой концепции безопасности», «новой модели регионального развития», связанными вместе скрепами «шанхайского духа», может выступить с инициативой интеграции Дальнего Востока России в евразийские транспортные, энергетические, образовательные, военно-стратегические проекты.

В настоящее время основная деятельность ШОС сосредоточена в направлении Центральной Азии. Четыре из шести государств — членов

Шанхайской организации находятся именно там. Вместе с тем полученный опыт по отработке механизмов регионального сотрудничества используется Китаем и на южном направлении. С 1999 г. ежегодно проходят форумы участников так называемой «Куньминской инициативы», или Форума региональной экономической кооперации БКИМ¹². Продолжительное сотрудничество в формате этого межрегионального четырёхугольника позволило Китаю активнее развивать инфраструктуру своих юго-западных и западных районов, расширить товарное производство и экспорт, поскольку транспортировка продукции китайской провинции Юньнань к побережью Индийского, а не Тихого океана обходится значительно дешевле.

Эксперты Индии и Китая выделяют много общего в схеме сотрудничества в Центральноазиатском регионе (ЦАР) в рамках ШОС и в Южной Азии в рамках Куньминского форума. Так, учёный Института исследований Китая (ИИК) в Нью-Дели Равни Тхакур в своей работе, посвящённой анализу Куньминского форума, пишет, что «роль «моста» в Центральную Азию выполняет Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), а «южный шёлковый путь» берёт своё начало в китайской провинции Юньнань»¹³.

Очевидно, что пространственно-динамическая структура на двух опорах будет менее устойчива, чем на трёх. Тем более в век роста хаотичной «многовекторности» внешнеполитических ориентиров у большинства стран, идущих по пути догоняющей модернизации, надо не пытаться искоренить её (это представляется крайне сложным и неоправданным предприятием), а поставить так называемую «многовекторность» на службу своим коренным национальным интересам. Поэтому нам представляется целесообразным предложить спроектировать северо-восточный вектор трансграничного сотрудничества в рамках ШОС в дополнение к южному вектору и северо-западному.

Разработка и принятие дальневосточной стратегии Шанхайской организации сотрудничества создаст дополнительный импульс развитию дальневосточного региона, послужит удобной площадкой для решения накопившихся в ходе исторического процесса проблем, которые являются камнем преткновения для реализации российско-китайских политических, военно-политических, торгово-экономических и гуманитарных инициатив. Дальневосточное измерение ШОС сделает и саму организацию более целостным, интегрированным, устойчивым проектом, позволит перевести её в новую «весовую категорию», сформирует как действительно альтернативный полюс мироустройства общемирового значения.

Работа над указанной стратегией могла бы стать одним из ключевых направлений взаимодействия в период председательства России

в Шанхайской организации в 2008—2009 гг. Она потребуют взаимных консультаций в соответствии с «шанхайским духом» для согласования ключевых понятий и приоритетов Дальневосточной стратегии ШОС, определения общих интересов и коллективной ответственности. В ходе переговоров необходимо сделать акцент на стратегической необходимости перехода к экологически устойчивому развитию (тем более, что такие цели озвучивались в ходе выступлений главы КНР на XVII съезде КПК в октябре 2007 г.), на взаимозависимости климата и водных систем приграничных районов, на стратегической значимости лесных массивов Сибири и Дальнего Востока как для перехода к новому качеству жизни в России, так и для комфортной жизнедеятельности на территории Китая, говорить о необходимости восполнения утраченных лесных площадей как об отдельном проекте в рамках ШОС.

В рамках Дальневосточной стратегии ШОС можно прописать механизм взаимодействия членов Шанхайского объединения с Японией, которая является одним из ведущих игроков Азиатско-Тихоокеанского региона. В уставных документах ШОС зафиксированы три основные формы участия в деятельности объединения: это членство, статус наблюдателя и статус ассоциированного члена. Последним вариантом до сих пор ещё не одно из государств не воспользовалось. На данный момент в организации пока всерьёз не обсуждается вопрос о расширении состава участников. Отчасти это происходит из-за боязни, что расширенное представительство привнесёт в молодую организацию дополнительный клубок проблем, новую предметную повестку дня, с которой она не сможет справиться эффективным образом, а также это приведёт к распылению финансовых ресурсов ШОС. Например, принятие Ирана может усилить антагонизм США по отношению к ШОС, привести к новой волне обвинений в создании «НАТО Востока». Принятие Индии и/или Пакистана внесёт в зону ответственности ШОС проблему Кашмира и спорный вопрос о китайско-индийской границе. Принятие Афганистана, обсуждаемое рядом экспертов, повлечёт увеличение объёмов помощи афганскому правительству и поставит создание антинаркотического кордона в разряд приоритетных целей ШОС.

С другой стороны, Япония, проявляла интерес к участию в Шанхайском объединении. На начальном этапе взаимоотношений ШОС+Япония можно было бы апробировать статус «ассоциированного члена», создать рабочую группу, курирующую проекты и обмен информацией в этом формате. Участие Японии в деятельности ШОС в рамках реализации Дальневосточной стратегии представляется нам крайне важным фактором создания стабильной системы снабжения энергоресурсами в Восточной Евразии как макрорегионе. Принятие решения об ассоциирован-

ном членстве будет дополнительно свидетельствовать об открытости ШОС, а инвестиции этого экономически развитого государства помогут решить проблему недостаточных финансовых фондов для расширения энергетического сотрудничества, воплотить на практике идеи по созданию Энергетического клуба ШОС.

В настоящее время особенно актуально стоит вопрос о выборе и воплощении конкретных проектов ШОС, которым может считаться лишь проект с участием минимум трёх стран — членов ШОС. Как показала практика, члены организации, несмотря на беспрецедентно высокий уровень официальных отношений, до сих пор воспринимают друг друга в качестве конкурентов, а не в качестве партнёров и союзников.

Подводя итог, можно говорить, что именно дальневосточное измерение включает в себе пространство общих координат для существующих членов ШОС. Таким образом, Россия при интеграции в повестку дня ШОС в качестве дополнительного направления взаимодействия дальневосточной проблематики получает значимую международную арену для отстаивания своих национальных интересов и приоритетов на Дальнем Востоке. Для успешной реализации отдельных положений Стратегии социально-экономического развития РФ по части создания новых центров инновационного роста, опирающихся на концентрацию человеческого и технологического потенциала¹⁴, появляется возможность уравновесить растущее экономическое лобби КНР в ШОС.

Китай сможет показать миру «новизну» новой модели регионально-го сотрудничества, построенной не на идеологии временщиков, а на ответственном обращении с природными ресурсами, своими действиями способствовать реализации внутривосточной цели построения гармоничного общества, придерживаясь экологически устойчивого развития. Центральнаяазиатские страны в рамках договорённостей по «дальневосточному измерению ШОС» получают льготный доступ к портам на Тихом океане, смогут диверсифицировать структуру и маршруты собственного экспорта и конечных реципиентов, а также дополнительные инвестиции с Востока для освоения, добычи и транспортировки собственных нефтяных и газовых ресурсов.

¹ Указанный тезис прозвучал 17 октября 2007 г. на 17-м съезде КПК <http://www.blokedinstvo.ru/2007/10/17/print:page,1,gensek-kpk-khu-czintao-odnopoljarnogo.html>

² Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006. С. 129—130.

³ Чжао Хуашэн. ШОС: оценки деятельности и проблемы развития // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2005. № 5.

⁴ Пань Гуан, Ху Цзянь. Первая региональная организация сотрудничества нового типа в 21 веке // Шанхайская организация сотрудничества под углом синтетического исследования. Пекин: Издательство ЦК КПК, 2006. С. 197—202.

- ⁵ Буслыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / под ред. И.М. Буслыгиной, Р.Ф. Иванова, И.М. Супоницкой. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 7.
- ⁶ Крупнов Ю.В. Солнце России восходит с Востока. М.: Молодая гвардия, 2006.
- ⁷ Концепция, подготовленная Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации (МЭРТ), датирована 12 марта 2008 г. и находится на согласовании в министерствах и ведомствах РФ. Документ посвящён анализу динамики экономического развития России 2008—2020 гг.
- ⁸ Полный текст проекта концепции может быть найден: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/pressservice/eventschonicle/doc1205746881772>
- ⁹ Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока. <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159>
- ¹⁰ De Rougemont D. L'avenir est notre affaire. Цит. По: Council of Europe. Paris, 2000. P. 9.
- ¹¹ Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей СДСЕ № 106. Текст доступен на сайте <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm> (Дата обращения 25.02.2007)
- ¹² Участниками неформальной «четвёрки» являются Бангладеш, Китай, Индия, Мьянма.
- ¹³ Ravni Thakur. The Chinese perspective on the BCIM Initiative: a review of recently published literature /Institute of Chinese Studies. New Delhi, 2006. P. 1—4.
- ¹⁴ По мнению Л.В. Смирнягина, Дальний Восток имеет все шансы стать одним из полюсов роста в условиях нарастания значимости социальных, гуманитарных задач по сравнению с чисто экономическими. Смирнягин Л.В. Дальний Восток: новые подходы к старым проблемам // Независимая газета. 23 янв. 2008.

N. Zaderey
Moscow

FAR EAST DIMENSION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: IN SEARCH OF COMMON COORDINATES

In the framework of the recent changes in the globalizing world, the creation of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) by the initiative of the two great powers (Russia, China) is a tentative to consolidate strategic resources, and to surpass American influence in becoming an alternative pole of regional and, in the perspective, global governance. SCO enriched and strengthened by the "Far East dimension", which can be introduced during the Russian presidency in the SCO, will attribute more potential to the Organization itself, as well as foster the development of the Far East region as a transborder region.

КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРМАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Китай, несмотря на географическую удалённость от Европы, привлекает пристальное внимание немецкой науки. Актуальность китаеведения для Германии обусловлена её лидирующим положением среди ведущих стран-экспортёров. Экономический рост Китая включает в себе как вызов германскому бизнесу, так и потенциал кооперации в борьбе с третьими конкурентами на мировом рынке. В предлагаемом докладе анализируются институциональные основы и обобщаются результаты исследований международно-политической роли Китая, проводившихся в Германии за последнее десятилетие¹. Международное положение Китая углублённо изучается несколькими востоковедческими центрами Германии. Ряд специалистов исследуют развитие современного Китая в составе традиционных кафедр политологии и международных отношений. Основным научным объединением, в состав которого входят китаеведы-международники, является Немецкое общество азиеведения.

Кузницей востоковедческих кадров Германии следует назвать Институт азиатских исследований. Основанный в 1956 г. в Гамбурге, он вошёл в состав фонда «Немецкий заморский институт», финансировавшегося федеральным правительством совместно с правительством Гамбурга. В 2006 г. фонд был реформирован на американский образец и переименован в «German Institute of Global and Area studies» (GIGA). Его сотрудники сосредоточены на научных исследованиях, а не на преподавании, консультировании или публичных выступлениях. Поэтому на Институт исследований Азии приходится основная масса германской научной литературы о современном Китае. В основном она издаётся в серии «Сообщений Института азиеведения» (прежнее название института), каковых к 2008 г. вышло более 400. Тематически среди них преобладают политологические, социологические и экономические труды, географический же акцент работы института со времён конфликта Хрущёва и Мао приходится на Китай.

Старейшим и самым популярным у подписчиков журналом из числа тех, что издаются Институтом азиатских исследований, является «Актуально о Китае» («China aktuell»). В течение года выходит шесть номеров журнала, форматом А5 и объёмом около 150—160 страниц. Статьи публикуются на немецком или английском языках. Каждый номер обычно содержит три-четыре развёрнутых статьи, а также рецензии, дайджест

новостей, подборку документов и другую информацию. Тематика статей обычно — внутренняя политика, экономическое развитие и внешнеэкономические связи, социальные проблемы. Статьи о международных отношениях публикуются практически в каждом номере, кроме них, имеется раздел внешнеполитических новостей в дайджесте. Основное место отводится специфическим вопросам европейско-азиатских отношений в политике и экономике, более интересные немецкому читателю. Освещаются только современные темы, поэтому публикации больше обзорного, чем аналитического характера. Один из двух соредакторов журнала доктор Карстен Гизе отвечает за исследования внешней и оборонной политики Китая.

Немецкий институт международной политики и безопасности, относящийся структурно к Фонду науки и политики (Stiftung Wissenschaft und Politik), занимается научным консультированием федерального правительства и парламента. В 2001 г. он был переведён из Баварии в Берлин. В число восьми регионоведческих подразделений института (около восьми сотрудников в каждой) входит Азиатская группа под руководством доктора Гудрун Ваккера, китаеведа. Внешней политике Китая посвятил многие свои работы доктор Кай Мёллер, сотрудник института, преждевременно скончавшийся в 2007 г. Оформление научных результатов в виде развёрнутых изданий не стоит во главе угла деятельности института (в первую очередь эти результаты направляются в правительство и парламент). Брошюры (SWP-Studie), обзоры зарубежных научных журналов (в том числе китайских), обзоры актуальных событий мировой политики и дискуссионные материалы находятся в свободном доступе на веб-сайте института.

Немецкое общество внешней политики, поддерживающее тесные связи с МИД Германии, занимается главным образом публикацией документов, организацией докладов ведущих мировых политиков, разработкой стратегических рекомендаций для органов власти Германии и Евросоюза и т.п. Общество издаёт научно-публицистический журнал «Международная политика», переводимый на русский язык и доступный на сайте посольства Германии в России. Ввиду малого числа постоянных сотрудников непосредственно научная деятельность отходит на второй план, монографии сотрудников в основном обзорные или полемические. В составе научного общества действует китаеведческая секция, руководит которой директор института профессор Эберхард Зандшнайдер (другой известный китаевед общества — доктор Франк Умбах).

Институт восточноазиатских исследований университета Дуйсбург-Эссен координирует в качестве межфакультетской структуры работу ка-

федр политологии, социологии, экономики, географии, биологии, социолингвистики. Кафедрой политологии со специализацией на политике Восточной Азии заведует профессор Томас Хеберер. Он в большей мере изучает внутривластическое развитие Китая (политическое представительство, национальную политику, местное самоуправление и т.п.), но периодически откликается статьями на острые вопросы, имеющие мировой резонанс (например, обострение ситуации вокруг Тибета в 2008 г.), а также преподаёт несколько учебных курсов по международной политике в АТР. Институт располагает собственным отделением в университетской библиотеке, насчитывающим более чем 23 000 книг и 200 журналов, включая большое количество изданий на китайском языке.

В составе факультета восточноазиатских исследований Рурского университета Бохума действует кафедра политики Восточной Азии, которую возглавляет уроженец Китая профессор Сю Ву Гу [Гу Сюэу — *отв. ред.*], специалист по теории международных отношений, международной политике на Дальнем Востоке, идейно-политической истории КНР.

Центр восточноазиатских и тихоокеанских исследований университета Трира координирует в качестве межфакультетской структуры работу отделений этнологии, японоведения, китаеведения, политологии. Кафедрой международных отношений и внешней политики заведует профессор Ханс Вернер Мауль. В круг его интересов входит, прежде всего, внешняя политика Японии, а также структуры безопасности, региональные конфликты и кооперация в Восточной Азии, международные экономические отношения в АТР, европейско-азиатские отношения. Руководитель Центра, профессор Себастиан Хайльман специализируется на внутренней политике Китая. Отделение политологии университета Трира располагает большим архивом материалов по китайской политике, начиная с 1994 г.

В составе Восточноазиатского семинара Берлинского Свободного университета работает секция китаеведения под руководством профессора Мехтхильд Лёйтнер, специалиста по истории международных отношений Китая, современные международные отношения Китая преподают молодые доценты. С 2006 г. при университете действует первый в Германии Институт Конфуция.

Мюнхенский университет (известный востоковедческими традициями) сегодня занимается преимущественно классической синологией; эпизодически обращается к международным отношениям на Дальнем Востоке университетский Центр прикладной политологии. Однако ещё в конце 1990-х гг. публиковал труды о внешней политике Китая работавший в Мюнхене профессор Петер Опиц, признанный авторитет прежнего

поколения немецких китаеведов. Известные своими политологическими исследованиями Китая, но не занимающиеся его внешней политикой напрямую заведующий кафедрой исследований Большого Китая университета Тюбингена профессор Гунтер Шуберт и директор Восточно-азиатского семинара университета Кёльна профессор Томас Шарпинг. К числу популярных немецкоязычных китаеведов-международников относится профессор Герд Камински, с 1978 г. возглавляющий венский Институт исследований Китая и Юго-Восточной Азии им. Больцмана и выступающий советником МИД Австрии в китайских делах.

Необходимо отметить публикации, типичные, на наш взгляд, для германских исследований международно-политической роли Китая и отражающие текущее состояние китаеведения. В коллективной монографии «Вхождение Китая в мировую политику» рассмотрены особенности разработки и реализации внешней политики Китая на примере Евросоюза, Кореи и Ближнего Востока². Отношения Китая с Евросоюзом проанализированы сквозь «призму» китайской «Стратегии в отношении ЕС» от 2003 г. Подчёркнуто, что Китай видит в Евросоюзе участника мировой политики, который так же, как и он, отвергает становление нового миропорядка вооружёнными методами. В справедливости данной оценки и в обоснованности китайского расчёта на Евросоюз как на возможный полюс мировой политики авторы сомневаются. В другой главе в историческом контексте рассмотрено стремление китайского руководства к партнёрству с Европой. Отмечены асимметрия и противоречия в нынешних отношениях, наличествующие с обеих сторон, незначительность средств влияния друг на друга.

В главе о позиции Китая в решении корейской ядерной проблемы определены расхождения ценностных систем Китая, США и КНДР — главных участников переговорного процесса. В качестве новации внешней политики Китая отмечено его миротворческое позиционирование на международной арене: шестисторонние переговоры в Пекине и другие процессы 1990-х годов способствовали заметному сближению Китая и Южной Кореи. Последняя глава посвящена позиции Китая в Совете безопасности ООН относительно первой и второй войн в Персидском заливе. Китай редко выступает в одиночку с правом вето во избежание ухудшения своих международных позиций. Но авторы заявляют, что в последние годы опасения Китая по поводу американского политического доминирования становятся для него более значимыми, чем получаемая от торговли с США коммерческая выгода.

В сборнике «Региональная политическая и экономическая интеграция в Азии» рассмотрены такие темы, как кооперация в борьбе против

терроризма в Восточной Азии, конкуренция стран региона за доступ к энергоносителям, хозяйственная интеграция Китая и Юго-Восточной Азии, перспективы азиатского валютного союза, расцвет двусторонних соглашений о свободной торговле в АТР, значимость региональной кооперации для авторов китайской внешней политики, индийская внешняя политика в свете региональной кооперации в Восточной и Юго-Восточной Азии, возможности АСЕАН как институционального центра азиатской кооперации, итоги первого Восточноазиатского саммита 2005 г. в Куала-Лумпуре³. Характерным свойством политической и экономической интеграции в регионе названа асимметрия межгосударственных отношений, вызванная явным превосходством Китая.

В брошюре «Роль Китая в международной политике» подчёркнуто, что внешняя политика КНР обуславливается внутривнутриполитическими обстоятельствами в гораздо в большей степени, чем это имеет место в западных странах⁴. Отсюда Т. Хеберер и А.Д. Зенц вывели четыре важнейших следствия для китайской внешней политики: 1) развитие (модернизация) Китая является верховным национальным интересом; 2) Китай до сих пор переживает процессы трансформации, оказывающие влияние на внешнюю политику страны; 3) Китай проявлял себя в последние два десятилетия как «учащееся государство», и сегодня перенятые у западных стран заимствования начинают отражаться на его внешней политике; 4) в интересах Европы предотвращать и чрезмерное усиление, и внутреннюю дестабилизацию Китая. В заключении авторы определили общие сферы интересов Китая и Евросоюза. До сих пор для Китая и Европы двусторонние отношения с США оставались в критические моменты мировой политики приоритетом. Однако Китай рассматривает Евросоюз как более гибкого, чем США, партнёра и как возможный противовес американскому влиянию на мировой арене. Потенциальным партнёрством с Россией китайское правительство, по мнению авторов, интересуется на случай возможного обострения отношений с Японией и США.

В сборнике материалов «круглого стола» Института международной политики и безопасности «Подъём Китая: возвращение геополитики?» рассмотрены энергетическая политика Китая, торговое и технологическое влияние в мире, оборонный потенциал, внешнеполитическая активность в Средней Азии, Африке, Латинской Америке, отношения с США и Европейским Союзом, концептуальное формулирование внешнеполитических задач⁵. В докладе Г. Ваккер «Китайская «Большая стратегия» стратегическим фактором внешней политики КНР названа хозяйственная модернизация в совокупности с внутренней стабильностью.

Отмечено, что в последние десятилетия руководство Китая значительно изменило средства решения главной внешнеполитической задачи, а именно, утверждение в кругу великих держав. В докладе выделены два обстоятельства, особенно повлиявшие на формирование современной внешнеполитической стратегии Китая: опасения других стран по поводу непрекращающегося подъёма китайской экономики и крах ожиданий многополярного мира ввиду утверждения США в качестве единственной сверхдержавы. Основными элементами внешнеполитического консенсуса элиты Китая названы нежелательность конфронтации с Америкой и противодействие формированию антикитайского альянса среди ведущих стран мира.

Статья «Пекинский блеф — Внешняя политика Китая» была призвана опровергнуть мнение о том, что возвышение Китая есть свершившийся факт⁶. К. Мёллер доказывал, что Китай страдает системными слабостями и должен приниматься в расчёт не как один из столпов нового миропорядка, но и как сила, несущая хаос. В частности, по мнению автора, можно говорить лишь о повышении китайского влияния в Африке и Латинской Америке, но не о завоевании КНР каких-то решающих позиций в этих частях света. Подвергнут сомнению тезис о наращивании Китаем т.н. «мягкой силы», поскольку страна не демонстрирует приверженности ценностям, привлекательным для остального мира. Страх руководства КПК перед внешней открытостью страны обрекает китайское общество на отсутствие современных знаний, инновационной экономики и на вечно догоняющее развитие.

В полемической статье «Руководство по уходу за драконом» Э. Зандшнайдер сделал акцент на контрастах внутреннего политического и экономического развития Китая, подчеркнув равную вероятность как его дальнейшего усиления в мировой политике, так и хозяйственного и социального коллапса⁷. В сфере внешней политики положительно оценены прагматизм и настойчивость китайского руководства, использующего весь потенциал имеющихся у него средств влияния на зарубежных партнёров. Политика Китая в адрес Европы названа «кооперационной и завлекающей». Под официальными заявлениями Китая о многополярном мире усмотрено, прежде всего, гибкое преследование собственных националистических интересов. Политика Запада в адрес Китая раскритикована за плохую координацию и неверную направленность: несколько десятилетий Запад видел в Китае исключительно инвестиционный рынок, не замечая у страны глобальных политических амбиций. Несмотря на наличие у Евросоюза официальной стратегии по развитию отношений с Китаем, в реальности, по мнению автора, эта политика меж-

ду европейскими странами никогда не координировалась. Попытки же влиять на Китай, например в сфере защиты прав человека, носят для европейских политиков скорее ритуальный характер.

В коллективной монографии «Энергетическая политика в Восточной Азии» подняты проблемы, приобретшие сегодня в германском политологическом Китаеведении особую популярность, а именно: конкуренция национальных азиатских экономик за энергетические (и другие природные) ресурсы и последствия для мировой политики экологических трудностей Китая⁸. В монографии произведено сравнение национальных энергетических стратегий Китая, Японии, Южной Кореи, КНДР, Тайваня, а также исследованы роль энергетических ресурсов в развитии конфликтности и кооперации в Восточной Азии, потенциал существующих и строящихся в регионе транснациональных трубопроводов, роль нетрадиционных источников энергии, воздействие США на энергетическую безопасность региона.

Обладая малыми запасами разведанных энергоресурсов, Восточная Азия наращивает их потребление в среднем на 7% в год; особенно большой вклад в это вносит китайская экономика. Автор главы об энергетической политике Китая М. Майер считает, что нарастающее вмешательство Китая в дела самых разных регионов мира и его становление как актора глобальной политики обусловлены необходимостью удовлетворения потребностей в энергии. Несмотря на предпринятую диверсификацию поставок энергоносителей, решающее значение для Китая сохраняет Персидский залив. Автор ожидает от Китая попыток укрепить свой контроль над морским путём из Персидского залива в Восточную Азию, что может спровоцировать конфронтацию с другими великими державами.

В статье «Воздействие политики Запада в сфере прав человека на ситуацию с правами человека в Китае» Ф. Крумбайн указал на усиление интереса западной общественности к проблемам Китая после объявления Пекина столицей Олимпиады 2008 г.⁹ Автором рассмотрена ситуация в КНР с правами на свободу слова и вероисповедания, а также применение пыток и смертной казни. Наибольшим успехом западной политики названо признание КНР международных норм по правам человека и возросшей кооперации с институтами ООН, а также освобождения отдельных политзаключённых, что, впрочем, оценено как тактический расчёт Китая, а не его готовность последовательно применять такие нормы.

Качественных улучшений по сравнению с 1989 г. (разгон студенческих выступлений в Пекине) не выявлено. Причинами этого названы отсутствие согласованной линии западных держав, приоритетность

вопросов экономики и безопасности в китайской политике Запада, ослабление авторитета США как защитника прав человека после принятия Патриотического акта, наращивание Китаем военной и экономической силы, искусная демагогия правительства, разработавшего собственную концепцию прав человека. Кроме того, острота общественной критики была снижена посредством перевода диалога о правах человека за закрытые двери, где встречаются высокопоставленные чиновники Китая и западных держав (кроме США), но не правозащитники. Участники подобных диалогов — Евросоюз, Канада, Австралия, Норвегия — больше не вносят резолюций против КНР в Комиссию по правам человека ООН.

В статье «Партнёрство по расчёту — Об отношениях Китая и России» Р. Банкен оценил связи Москвы и Пекина как самые прочные из тех, в адрес которых китайское правительство применяет термин «стратегическое партнёрство», которое Россия и Китай строят на отвержении гегемонизма и обоюдной ответственности за многополярный мир. Обе страны регулярно занимают общие позиции по важнейшим вопросам мировой политики, договорная база отношений является весьма разветвлённой. Отмечена поддержка сторонами друг друга в вопросах, которые вызывают критику Запада: сепаратизм Тибета и Чечни, статус Тайваня, соблюдение прав человека и т.п. Главный интерес Китая в отношении России, по мнению автора, состоит в том, чтобы не допустить вовлечения нашей страны в американо-японский блок на Дальнем Востоке. При этом Россия в данном партнёрстве постепенно занимает положение младшего брата.

Ежегодно в Германии издаётся большое количество литературы по Китаю в целом и его международным отношениям, в частности. Главный вопрос, поднимаемый немецкими китаеводами-международниками, — это потенциальное лидерство КНР в мировой политике и экономике в обозримом будущем. Спрос на китаеведческие труды обусловлен не только объективными обстоятельствами: субъективный подъём общественного интереса к Китаю во многом был спровоцирован европейскими политиками и журналистами в последние годы. Нередко появляются полемические издания, ориентированные на широкую публику, которые демонизируют Китай как потенциального агрессора и дестабилизатора международной обстановки. Однако и сугубо научные труды, опирающиеся на прочную источниковую базу, в Германии представлены широко.

Господствующие в немецкой науке представления о международной роли Китая можно свести к следующему. С одной стороны, страна имеет большой потенциал экономического и политического роста, с другой — эйфория от подобных оценок препятствует осознанию её серьёзнейших

внутренних трудностей, способных в среднесрочной перспективе привести к кризису и упадку (причём оба варианта не являются для Германии благоприятными). Основными прогнозами развития мировой политики немецкие специалисты называют глобальную конкуренцию США и Китая (в которой Германия будет выступать на американской стороне) либо глобальный хаос в результате экономического коллапса Китая.

Специфическими вопросами, дискутируемыми немецкой наукой, о которых в России публикуется мало информации, являются отношения Германии и Евросоюза с Китаем. Возможное мировое лидерство Китая воспринимается в тревожном свете, поскольку страна называется однозначно авторитарной. Как поясняли немецкие коллеги в частных беседах, претензии европейцев к состоянию российской демократии означают, что Россия представляется им, по крайней мере, частично демократическим государством, Китай же дискуссии в подобном ключе вообще не достаивается. При этом внешняя политика Германии немецкими китаеводами оценивается в основном критически по причине чрезмерного увлечения её разработчиков риторикой в духе демократии и прав человека.

Хотя в 1970—1980-е гг. в Германии выходило достаточно много работ по советско-китайским отношениям, современные российско-китайские отношения дискутируются лишь в связи с отдельными моментами: поставки энергоресурсов и вооружений в Китай, считающаяся в Европе потенциально антизападной Шанхайская организация сотрудничества, переговоры Пекинской шестёрки по корейскому урегулированию. Немецкие карты Восточной Азии, как правило, в северной их части останавливаются на российско-китайской границе. О жизни китайских регионов, пограничных с Россией, немецкие специалисты осведомлены мало. Единичные контакты с российскими коллегами ограничены Москвой и Санкт-Петербургом, о традициях китаеведения во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске немецким коллегам почти ничего не известно.

---

¹ Доклад основан на материалах, собранных в ходе стажировки при университете Дуйсбург-Эссен в 2007 г. (программа DAAD и Минобрнауки РФ «Иммануил Кант», проект РНП.2.2.2.3.10225).

² Chinas Eintritt in die Weltpolitik. Außenpolitisches Handeln am Beispiel Europas, Koreas und des Nahen Ostens / Angela Schottenhammer (Hrsg.). Hamburg: IFA, 2006. (Mitteilungen des Instituts für Asienkunde; Nr. 396).

³ Regionale politische und wirtschaftliche Kooperation in Asien / hrsg. von Christine Berg und Günter Schucher. Hamburg: IFA, 2006. (Mitteilungen des Instituts für Asienkunde; Nr. 397).

- ⁴ Heberer Thomas. Die Rolle Chinas in der internationalen Politik. Innen- und außenpolitische Entwicklungen und Handlungspotenziale / Thomas Heberer; Anja D. Senz. — Bonn: Dt. Inst. für Entwicklungspolitik, 2007.
- ⁵ Chinas Aufstieg: Rückkehr der Geopolitik? / Gudrun Wacker (Hg.); Stiftung Wissenschaft und Politik; Deutsches Institut für internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2006. (SWP-Studie).
- ⁶ Möller Kay. Der Beijing-Bluff — Chinas Außenpolitik // WeltTrends. Jg. 14, Nr. 53. Potsdam, 2007. P. 11.
- ⁷ Sandschneider Eberhard. Anleitung zur Drachenpflege. Vom Umgang des Westens mit dem schwierigen Partner China // Internationale Politik. Berlin, 2005. Nr. 12. P. 6—13.
- ⁸ Die Energiepolitik Ostasiens. Bedarf, Ressourcen und Konflikte in globaler Perspektive / Xuewu Gu; Kristin Kupfer (Hg.). Frankfurt a.M.; New York: Campus, 2006.
- ⁹ Krumbein Frédéric. Die Auswirkungen der westlichen Menschenrechtspolitik auf die Menschenrechtslage in China // China aktuell. Hamburg, 2007. Nr. 5. P. 115—134; Banken Roland. Partnerschaft mit Kalkül — Zum Verhältnis Chinas und Russlands // WeltTrends. Jg. 14, Nr. 53. Potsdam, 2007. P. 45—59.

L. Kozlov

Vladivostok

CHINA IN THE WORLD POLICY: CONTEMPORARY STUDIES IN GERMANY

Institutional structure of contemporary German research activities into the China's international relations are considered. The latest German literature concerning the China's role in the world policy are generalized and systematized. The basic approaches of the German political science to Chinese studies are expounded. The paper based on the information, which was collected during a research stay at the University of Duisburg-Essen / the Institute of East Asian Studies.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМИ ПРОВИНЦИЯМИ КИТАЯ И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ РОССИИ

Китай и Россия являются странами с самой большой протяжённостью сухопутных границ, их народы сформировали культуры, уникальные и длительные по времени существования. Культурный обмен между Китаем и Россией является стимулом в развитии двусторонних отношений. В современном мире российско-китайские межрегиональные и пограничные связи являются важным фактором в стимулировании экономического сотрудничества сопредельных регионов. В межгосударственных отношениях необходимо активизировать совместные усилия по углублению координации в процессе осуществления стратегии развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая.

История культурного обмена между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России. Контакты между северо-восточными регионами Китая и Дальним Востоком России имеют длительную историю. Первый этап межрегиональных отношений начался в Российской империи. В середине XIX в. в результате подписанных договоров правительствами двух стран сформировался Хэйлунцзянский регион, и культурные связи сопредельных территорий начали развиваться, хотя и медленно, так как отсутствовал механизм обмена. Одновременно происходил стихийный процесс взаимодействия народов, проживавших на приграничной территории.

Второй этап — это советская эпоха. Пиковая фаза в развитии культурных связей между Китаем и Россией пришлось на XX век. После Октябрьской революции главным содержанием культурного обмена стало распространение новой литературы, искусства среди граждан Китая. В Москву направлялись студенты, корреспонденты и деятели культуры. Кроме того, Китай стал территорией массового переселения российских эмигрантов, большая часть которых проживала в Харбине, главном городе пров. Хэйлунцзян, которая стала центром русской культуры в Китае. Силами русских эмигрантов была организована разнообразная культурная и просветительская деятельность.

В годы первой пятилетки (1953—1957) в Китае с помощью СССР были построены 156 крупных объектов, большая часть из них расположена в северо-восточных провинциях. С 1949 по 1959 г. тысячи советских специалистов приезжали в Китай, помогая реализовывать намеченные проекты. Можно отметить их исключительную роль в развитии региона. В отношениях двух стран были и изгибы, однако позитивный тренд получил своё продолжение полвека спустя.

Третий этап относится к постсоветской России. После распада Советского Союза в условиях успешного развития политических отношений между Китаем и Россией советская культура занимала достаточно сильные позиции в Китае, и культурный обмен между странами можно расценивать как хорошие. Во время правления президента Б.Н. Ельцина между нашими странами был создан механизм взаимодействия в этой области. С возобновлением и развитием пограничной торговли крепились культурные связи сопредельных регионов двух стран.

В начале XXI в. китайско-российские отношения вступили в новый этап развития. Культурному обмену стало уделяться больше внимания со стороны правительств обеих стран, совершенствуются механизмы взаимодействия, расширяются культурные контакты, многогранными стали каналы обменов и сотрудничества между Китаем и Россией. На государственном уровне в рамках системы регулярных встреч глав правительств в области образования, культуры, здравоохранения и спорта учреждены подкомиссии и группы по сотрудничеству средств массовой информации и кинематографии. Ежегодно проводятся совещания, подводятся итоги сотрудничества, выдвигаются новые задачи по осуществлению обмена. В частности, большинство мероприятий в рамках национальных годов Китая и России в 2006 и 2007 гг. относится к сфере культурных обменов. В настоящее время между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России происходят контакты в таких областях, как литература, искусство, образование, туризм, научно-техническое сотрудничество, издание книг китайских и российских авторов.

В соответствии с концепциями приграничного сотрудничества, утверждёнными правительствами, взаимодействие с сопредельными регионами осуществляется на основе заключённых долгосрочных планов, двусторонних договоров, соглашений в области музейного, библиотечного дела, профессионального и самодеятельного искусства, а также осуществляется обмен делегациями, результатами научных исследований, организуются выставки. Наши страны с 2001 г. ежегодно обмениваются делегациями в составе 100 лучших представителей молодёжи,

и 2004 год стал Годом дружбы китайской и российской молодёжи. Поэтому обе стороны организовали форум молодых учёных, конкурс журналистов, взаимные визиты молодых предпринимателей и другие мероприятия.

Кроме того, неправительственные культурные обмены между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России находятся в разгаре. Каждый год по приглашению в Россию приезжают многочисленные китайские деятели искусств, а российские — в Китай, активизировалось дружественное сотрудничество между соседними регионами в сфере культуры, искусства, научно-технических связей и др.

Таким образом обмены в культурной сфере между Китаем и Россией развиваются на разных уровнях и вовлекают в число участников представителей разных слоёв общества. Несмотря на достигнутые успехи, между странами обнаруживается немало проблем, что проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, в настоящее время масштабы культурного обмена неадекватны нуждам развития политических и экономических отношений двух стран. Практически отсутствуют контакты среди учащейся молодёжи, роль культурного обмена в качестве стимула развития экономики не полностью осознаётся. Например, представления о «жёлтой угрозе» возникли давно, и причины их в том, что народы двух стран недостаточно знают друг друга. Считаю, что углубление знаний об истории и традициях Китая среди россиян приведёт к росту взаимодоверия.

Во-вторых, культурный обмен можно охарактеризовать как несбалансированный. Необходимо констатировать, что художественная литература в обеих странах переводится и издаётся крайне недостаточно. Китайские зрители очень редко видят современные фильмы российского кинематографа, недостаточно знакомы с российской музыкой. В то же время знание российских зрителей в области китайского киноискусства ограничивается боевиками; российское телевидение не демонстрирует современные китайские телефильмы. Сложившаяся ситуация крайне неблагоприятно влияет на коммуникацию молодёжи двух стран, отсутствует эффективная связь между её представителями.

В-третьих, культурный обмен в приграничных регионах, к сожалению, не получил пока должного внимания и развития в связи с тем, что региональные власти вкладывают незначительные капиталы в эту сферу. Для китайских приграничных провинций дальневосточные регионы являются важными экономическими партнёрами, но на развитие культурного сотрудничества накладывает ограничения политический фактор.

В-четвёртых, недостаточное количество специалистов, владеющих иностранными языками, сказывается на активности и качестве российско-китайского сотрудничества. В связи с этим в пров. Хэйлунцзян, традиционно славящейся изучением русского языка, активно расширяется подготовка специалистов. Тем не менее, несмотря на активную работу в этой области, проблема нехватки квалифицированных кадров, владеющих русским и другими иностранными языками, остаётся нерешённой.

Русская культура вызывает большой интерес в Китае. Китай и Россия являются великими цивилизациями, они обладают богатыми и разнообразными творениями искусства и культуры. Поэтому обмены в культурной области по масштабу, количественным показателям, глубине и разнообразию сфер влияния имеют огромный потенциал для дальнейшего расширения. Инициативы председателя КНР Ху Цзиньтао и президента РФ Владимира Путина по углублению двусторонних отношений, безусловно, сыграют важную роль в дальнейшем развитии межгосударственного и межрегионального сотрудничества в области культуры, которые, несомненно, будет расширяться и углубляться между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России. Следует открыто смотреть на конкретные проблемы в ходе обоюдного культурного обмена и применять эффективные меры для их постепенного решения.

Во-первых, необходимо расширять интеллектуальное и творческое сотрудничество в области науки и культуры, делая ставку на научно-техническое и образовательное сотрудничество. На основе достигнутых успехов в сфере научно-технического сотрудничества необходимо обсуждать стратегические планы и прогнозы, вносить предложения по совершенствованию механизмов научно-технических межрегиональных связей Китая и России.

Во-вторых, необходимо проводить различные форумы и мероприятия, ориентированные в основном на учащуюся молодёжь, особенно на студентов вузов, чтобы расширить каналы обмена молодёжью, способствовать взаимопониманию и коммуникации. Например, открытие китайского и российского центров культуры в сопредельных городах сыграет важную роль в укреплении и углублении культурных обменов, создаст базу для расширения визитов между редакциями СМИ. Надо усиливать связь между СМИ обеих стран, наращивать взаимопонимание и доверие, активнее давать объективную информацию друг о друге. Необходимо налаживать сотрудничество в сфере туризма, с его помощью распространять знания о наших странах, их богатой и своеобразной культуре.

В-третьих, на наш взгляд, по возможности надо активнее привлекать капитал в развитие культурного сотрудничества, активизировать деятельность общественных организаций в создании благоприятных условий для визитов и выступлений художественных коллективов.

И наконец, в вузах наращивать подготовку специалистов по иностранным языкам, совершенствовать систему их обучения. Следует уделять больше внимания изучению китайского и русского языков — трансляторов культуры, расширять их преподавание и изучение, прививать молодым людям интерес к культуре обеих стран.

Словом, целесообразно мобилизовать и укреплять культурное сотрудничество между соседними регионами, чтобы они стали аванпостами обмена в культурной деятельности. Народы Китая и России поэтапно углубляют взаимопонимание на основе долгосрочных совместных усилий, что является общественным и моральным фундаментом для развития всестороннего сотрудничества и укрепления дружбы великих стран.

Wang Chao
Kharbing

CULTURAL EXCHANGE BETWEEN NORTH-EAST CHINA AND RUSSIAN FAR EAST: PRESENT DAY AND PERSPECTIVES

This article devoted to history and modern situation with transboundary cultural exchange between Russian Far East and North-East China. The level of Russia-China collaboration within this sphere is not so high as it could be.

ГОД РОССИИ В КИТАЕ И ГОД КИТАЯ В РОССИИ: ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РФ И КНР В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОДОВ*

В ноябре 2007 г. прошла официальная церемония закрытия Года Китая в России, таким образом, завершилось проведение беспрецедентного по своей масштабности проекта в истории российско-китайских отношений «Национальные Годы России и Китая 2006—2007». В течение двух лет было организовано около шестисот разнообразных мероприятий, которые проходили на различных уровнях — государственном, региональном, правительственном и неправительственном.

В чём же заключается уникальность Национальных Годов, обозначенных премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао на церемонии закрытия как два года, которые «войдут в историю российско-китайских отношений яркой страницей». Проведённые мероприятия имеют несколько особенностей, которые делают их уникальными.

1. Беспрецедентность. Россия неоднократно проводила Национальные годы со странами СНГ, но Китай стал первым из дальнего зарубежья, совместно с которым был реализован крупномасштабный проект. Мероприятия, которые проводились между Россией и Китаем ранее ограничивались определённой сферой, не затрагивая всех аспектов сотрудничества. Например, в 2003 г. прошли дни культуры России в КНР, а в Санкт-Петербурге состоялась «Неделя Китая», приуроченная к 300-летию юбилею города. В апреле 2004 г. состоялись Дни культуры Китая в России. 2004 год был отмечен проведением «Года дружбы молодёжи Китайской Народной Республики и Российской Федерации». Естественно, проводимые ранее мероприятия не могут сравниться по масштабности с Национальными годами, так как их сроки и число участников были строго ограничены. Таким образом, проведение Национальных годов стало действительно уникальной акцией не только в истории отношений России и КНР, но и китайско-советских отношений.

2. Активное участие высшего руководства двух государств. Решение о проведении Национальных годов было зафиксировано в Совместной декларации, принятой в Пекине 14 октября 2004 г. Президентом России В.В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао, и отражено в плане действий по реализации положений российско-китайского «До-

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке Гранта ректора ДВГУ.

говора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» на 2005—2008 гг. В. Путин и Ху Цзиньтао принимали участие в церемониях открытия Года России в Китае и Года Китая в России и неоднократно встречались в течение 2006—2007 гг.; организационный комитет возглавили вице-премьер РФ Дмитрий Медведев и вице-премьер Госсовета КНР У И. Кроме того, прошли дружественные обмены между молодыми парламентариями Всекитайского собрания народных представителей и законодательных органов России, симпозиум руководителей центральных и региональных органов законодательной власти России и Китая, а также Форум женщин России и Китая. Всего в 2007 г. в России побывало 19 делегаций высшего руководства КНР (уровня вице-преьера и члена Политбюро ЦК КПК) и около 450 — уровня заместителя министра и выше, что указывает на важное политическое значение таких мероприятий.

3. Преобладание гуманитарной составляющей. Негативным моментом, который может повлиять на дальнейшее развитие российско-китайских отношений, является взаимное недопонимание, обусловленное ограниченными знаниями друг о друге. По данным социологических опросов, россияне и китайцы имеют довольно ограниченные и смутные представления друг о друге. Знания китайцев в основном сводятся к стереотипам об СССР полувековой давности. Это подтверждают данные сравнительного исследования общественного мнения, проведённого в 2004 г. холдингом Romir Monitoring и Horizon Research Group в России и Китае. Среди прочих вопросов китайским респондентам было предложено оценить свои знания о нашей стране. При примерно равных показателях вариантов «знаю» (27%) и «имею общее представление» (28%) почти половина (43%) чётко определились с ответом «не знаю». Выводы, следующие из интервью россиян, позволяют констатировать, что наши соотечественники также в большинстве своём не в высокой степени осведомлены о Китае¹. Одной из целей, которые поставила перед собой программа национальных годов, стало **наращивание взаимопонимания и углубление дружбы между народами**, поэтому большая часть запланированных мероприятий проходила именно в сфере культуры, образования и науки. И тот факт, что 21% россиян в целом и 29% опрошенных на Дальнем Востоке считают Китай самой дружественной страной², а 69% китайцев оценивают своё отношение к России как позитивное³, можно считать результатом успешно проведённых мероприятий Национальных годов.

4. Географический охват. Если рассматривать географию российско-китайских отношений в общем, то в своём большинстве они концентрируются в двух направлениях: так называемый Центр—Центр

и приграничное сотрудничество. Под понятием Центр подразумевается направление Москва — Санкт-Петербург и Пекин — Шанхай, т.е. интересы китайского бизнеса в основном направлены на центральные районы России, куда поступает большинство китайских инвестиций, так же как и российский бизнес предпочитает работать через Пекин и Шанхай. Подобное ограниченное взаимодействие не соответствует стандартам и тону российско-китайского сотрудничества, которые были заданы правительствами двух государств. Одной из главных целей проведения Национальных годов стало **расширение межрегионального сотрудничества**, и примерно 1/3 всех мероприятий Годов была реализована регионами⁴. В процессе реализации программы «Год России в Китае» более 40 субъектов РФ организовали презентации своих территорий в КНР. В Китае побывали пять из семи полпредов Президента РФ и 65 губернаторов. Соответственно в течение 2007 г. в России побывало более 20 руководителей провинций КНР, проведены отдельные презентации 15 китайских провинций, 4 городов центрального подчинения, 2 автономных районов, а также специального административного района Китая — Гонконга. Таким образом, представители большинства административно-территориальных единиц РФ и КНР имели возможность рассказать о себе⁵.

Взаимодействие приграничных регионов играет особую роль в российско-китайских связях: протяжённая граница, географическая близость, удалённость от наиболее экономически развитых регионов выделяют приграничное сотрудничество на общем фоне межрегиональных отношений России и Китая. Естественно, в ходе Национальных годов очень большое количество мероприятий пришлось именно на приграничные территории.

Мероприятия, организованные китайской стороной в Год России, отличались массовостью, масштабом, привлечением СМИ, но оригинальными эти мероприятия назвать нельзя. В северо-восточных провинциях (особенно в пров. Хэйлунцзян) регулярно проводились различные праздники, фестивали, ярмарки, и по случаю Года России в Китае в рамках некоторых из этих мероприятий особое внимание было уделено российской тематике. Например, на Харбинской международной торгово-экономической ярмарке российская делегация являлась почётным участником и ей была выделена самая большая выставочная площадь; во время праздника Бинсюэ (Праздник льда и снега) организовано 11 спортивных мероприятий, среди участников соревнований были представители Москвы, Благовещенска, Владивостока, а также китайских городов⁶. В ходе 2-го фестиваля «Хэйлунцзянская зима культуры и искусства», который проводится один раз в два года, кроме основных организовано

7 мероприятий, связанных с российской тематикой⁷. Наиболее интересным крупномасштабным мероприятием, продлившимся с 1 мая по сентябрь, стал 1-й Фестиваль российской культуры, организованный на Центральном проспекте (Чжунян Дацзе) г. Харбина⁸. В рамках фестиваля организованы Российско-китайская художественная фотовыставка, выступления артистов и коллективов, исполнявших русские-народные песни и танцы; ретроспектива советских фильмов, показ которых проходил в кинотеатре под открытым небом, и другие мероприятия. В Харбине состоялись две выставки государственного уровня: «Парад народов» и фотовыставка «История китайско-российских отношений».

География проводимых в пров. Хэйлунцзян мероприятий не ограничилась административным центром. Приграничный город Хэган совместно с ЕАО провёл три крупномасштабных мероприятия, включающих в себя 35 более мелких: Выставка-продажа, открытие Года России в Китае; 3-й китайско-российский приграничный фестиваль молодёжи; Неделя культуры ЕАО и др.⁹ В Цицикаре состоялась 1-я Олимпиада на знание китайского языка среди студентов 9 российских вузов, победительницей в которой стала студентка Дальневосточной государственной социально-культурной академии¹⁰. В Цзиси после торжественного открытия Года России в Китае состоялись мероприятия: 3-я китайско-российская Неделя культурного взаимодействия; 2-й форум китайско-российского регионального сотрудничества¹¹. Хэйхэ и Амурская область провели 5 мероприятий на уровне местных администраций, несколько научно-практических конференций «Рука об руку к общему процветанию», «Финансы и налогообложение» и т.д., 6 торгово-экономических встреч с участием представителей российского и китайского бизнеса¹².

На территории российского приграничья наиболее ярким, по мнению местных СМИ, был праздник «Город китайских фонарей», организованный правительством г. Суйфэньхэ. Программа Года Китая в России не баловала дальневосточников обилием ярких мероприятий, большинство из них проходили в центральных регионах России. Нехватка массовых мероприятий компенсировалась информационным обеспечением: местные СМИ опубликовали десятки статей по страноведению, транслировались телепередачи о КНР, в течение 2006 г. российскими и китайскими СМИ на тему Национальных годов было опубликовано примерно 21 тыс. сообщений.

В 2007 г. была озвучена особенность проводимых мероприятий, а именно — **«укрепляя связи с соседями, осваивать внутренние районы»**¹³, т.е. основное внимание уделялось соседним территориям, поездки в более удалённые от границы регионы носили ознакомительный характер. Хотя это заявление было сделано китайской стороной во второй

половине проведения Национальных Годов, можно сказать, что и российское приграничье при составлении программы руководствовалось этим же принципом. План мероприятий, утверждённый оргкомитетом Дальнего Востока по вопросам проведения Года России в Китае, включал 67 пунктов¹⁴. Несмотря на то, что в программе их было заявлено больше в области культуры, науки и образования, особое внимание в ходе работы комитета уделялось торгово-экономическому сотрудничеству, в частности, проведению 17-й Харбинской торгово-экономической ярмарки, Национальной выставке России и Российско-китайскому форуму по инвестициям и сотрудничеству.

Для регионов Дальнего Востока проведение Национальных Годов являлось прежде всего средством для развития и укрепления сотрудничества в области торговли, инвестиций и т.п. Например, губернатор Приморского края Сергей Дарькин говорил о заинтересованности Приморья в расширении инвестиционного сотрудничества с акцентом на инфраструктурные объекты: порты, пограничные переходы, строительство приграничных торгово-производственных комплексов, создание транспортно-логистических и информационно-консалтинговых центров. На приток китайских инвестиций надеется и Амурская область, в частности, на презентации в Пекине китайской стороне были предложены проекты, касающиеся туристического бизнеса, сельского хозяйства и разработки полезных ископаемых. В провинциях Шаньдун и Фуцзянь делегация из Амурской области и г. Хэйхэ представила потенциал совместного развития двух территорий в рамках концепции «Два государства — один город»¹⁵.

Мероприятия, организованные северо-восточными провинциями в приграничных российских районах, имели конкретные задачи и заранее определённые темы переговоров, которые сводились к обсуждению вопросов торгово-экономического сотрудничества, глубокой переработки леса, добычи природных ископаемых; были подписаны протоколы о намерениях и оговорены дальнейшие перспективы. В частности, в ходе визита секретаря Хэйлунцзянского парткома Цянь Юньлу в Приморский край была достигнута договорённость оказывать поддержку предприятиям каждой из сторон, участвующим в программах развития Дальнего Востока России и проекте возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, создавать благоприятные условия для инвесторов, обеспечивать соблюдение правовых гарантий бизнеса и т.д. Теперь, по словам экс-посла России в КНР Игоря Рогачёва, — «Главное, чтобы контакты переросли в контракты».

Практически все регионы ДФО в той или иной степени приняли участие в реализации мероприятий, организованных в рамках Националь-

ных Годов. Степень вовлечённости зависела от ранее наработанных связей, поэтому наиболее активны были приграничные районы Дальнего Востока РФ и пров. Хэйлунцзян, между которыми традиционно сильны торгово-экономические и политико-административные контакты. Количество мероприятий, проведённых на приграничных территориях Китая и России, показало, что за пятнадцатилетнюю историю сотрудничества между этими регионами успела сформироваться основа для дальнейшего его расширения.

Как уже говорилось, одной из целей проведения Национальных Годов являлось укрепление взаимопонимания и дружбы между народами России и Китая, однако в обоих государствах осознают тот факт, что за два года кардинально изменить устоявшиеся стереотипы невозможно. На формирование нового имиджа России в Китае и образа Китая в России потребуется не один год активных действий, направленных на укрепление не только политических, экономических, военно-стратегических, но и гуманитарных и региональных связей. Уже достигнута договорённость о проведении поочерёдно в наших странах Фестивалей национальных культур, Дней взаимодействия в области образования, Дней молодёжных обменов, Студенческих фестивалей искусств, Фестивалей кино, 2009 и 2010 гг. объявлены соответственно Годом русского языка в Китае и Годом китайского языка в России¹⁶, прорабатывается вопрос о переходе на системную основу мероприятий и в других сферах.

---

¹ Год России в Китае: организация и содержание // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 6—9.

² Данные ВЦИОМ, опубликованные 30 августа 2007 г. (Наиболее дружественные/враждебные отношения в ближайшие 10—15 лет будут складываться с Китаем (21% / 3%), Белоруссией (12% / 2%), Германией (12%), США (10% / 24%), Японией (7% / 3%), Кореей (2%)) <http://wciom.ru/>

³ Россия стала более популярной в мире / http://www.ng.ru/world/2008-04-03/9_rating.html (Данные опроса Всемирной службы БиБиСи опубликованы 2.04.2008).

⁴ Внуков К. Успешный опыт Национальных годов России и Китая будет использован в политической, экономической, военной и других областях // http://interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11942688

⁵ Внуков К. Российский медведь и китайская панда: два года вместе // Россия — Китай. XXI век. 2007. Октябрь. С. 11—13.

⁶ <http://heilongjiang.northeast.cn/system/2006/01/01/050226429.shtml>

⁷ www.chinaneast.xinhuanet.com/2006-03/16/content_6487630.htm

⁸ http://www.chinaneast.xinhuanet.com/2006-04/27/content_6853841 (Для развития российско-китайской дружбы в Харбине открывается 1-й Фестиваль русской культуры 1 Мая).

- ⁹ <http://heilongjiang.northeast.cn/system/2006/05/17/050394468.shtm> (Хэган и ЕАО намереваются укрепить сотрудничество в торгово-экономической и гуманитарной сферах).
- ¹⁰ http://news.xinhuanet.com/2006russia/2006-06/29/content_4764381.htm (В пров. Хэйлунцзян проводится 1-я олимпиада по китайскому языку среди студентов российских вузов).
- ¹¹ <http://jixi.northeast.cn/system/2006/02/22050264509.shtml> (В Цзиси начался «Год России в Китае»).
- ¹² http://www.heihe.gov.cn/html/tzgg/2007-6/11/2007_06_08_417.html
- ¹³ Цюй Цзин. В «Год Китая в России» провинция Хэйлунцзян проведёт 8 мероприятий в России // Партнёры. 2007. № 55. С. 14—15.
- ¹⁴ Полный текст плана см.: http://www.kamchatka.gov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=329&Itemid=14
- ¹⁵ Завершилась совместная поездка делегаций Амурской области и г. Хэйхэ по китайским провинциям Шаньдун и Фуцзянь / <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1881&n=1412&rn=4>
- ¹⁶ Огромные успехи Года Китая в России // Китай. 2007. Декабрь. С. 8—9.

E. Kudinova

Vladivostok

**THE YEAR OF RUSSIA IN CHINA AND THE YEAR OF CHINA
IN RUSSIA: PARTICIPATION OF RUSSIAN AND CHINESE
BOUNDARY REGIONS IN THE NATIONAL YEARS**

The article deals with the Year of Russia in China (2006) and the Year of China in Russia (2007). The 1st part of the article is about National Year's events in common, where the most important features of the events (such as originality, participation of the states' leaders, prevalence of the cultural events and geographic scale) are described. The 2nd part is dedicated to the participation of boundary regions in the National Years events, the forms of the organization, tasks and results of the cross — border events.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

Человек — это основа социального развития. В нынешнее время проблемы жизни народов занимают важное место в обществе, они имеют огромное значение и для России, и для Китая. Образование — это база жизни народов. Общественное развитие и образование имеют тесные связи.

1. Проблемы образования в России. В современной России относительно остро стоит проблема коррупции в образовании. По данным ЮНЕСКО, за 2007 г. сумма взяток в системе российского высшего образования достигла 520 млн. дол. Случаи вымогательства в российских вузах фиксируются с завидным постоянством. «При поступлении в высшее учебное заведение преподаватель сам нередко предлагает абитуриенту или его родителям «помощь за деньги», — рассказал пресс-секретарь Департамента экономической безопасности МВД РФ Андрей Пилипчук. — Сумма взятки варьируется в зависимости от региона и престижности вуза. Скажем, в депрессивных регионах за поступление в университет и дальнейшее «сопровождение» студента могут запросить около 100 тыс. рублей. В то время как в экономически развитых центрах цена за место может доходить до 25 тыс. долларов».

Только с начала 2008 г. подразделения экономической безопасности МВД России выявили 1,3 тыс. преступлений, связанных с получением взятки. Немалая их часть приходится на учебные заведения, многие из которых уже давно прослыли самыми коррумпированными организациями.

Коррупция приводит к снижению качества подготовки выпускников, а также к падению престижа российского образования. Снижению коррупции в системе образования должно способствовать введение Единого государственного экзамена с 2009 г. (2 февраля 2007 г. Госдума приняла законопроект о введении ЕГЭ). Результаты экзамена будут одновременно итоговой аттестацией и вступительными испытаниями в вузы. По плану реформы, в программе вступительных экзаменов в вузы субъективная часть вопросов будет заменена объективной, а устный экзамен снят. Результаты экзамена станет проверять компьютер, и никто не сможет исправить итоговую оценку, что приведёт к снижению взяточничества.

По мнению экспертов, из-за тотальной коррупции в системе образования работодателям приходится иметь дело с плохими специалистами.

«Взятки в вузах будет трудно искоренить до тех пор, пока студенты учатся не для того, чтобы получить знания, а ради корочки, — пояснил председатель комиссии по образованию Мосгордумы Евгений Бунимович. — Поэтому взяточничество процветает как в коммерческих, так и государственных учебных заведениях. До 1990-х годов взять плату со студента за оценку считалось недостойным, но менталитет изменился и скорее не из-за низких зарплат, а потому что вся система образования стала другой. И вернуть старые добрые порядки сегодня вряд ли удастся».

Для борьбы с коррупцией нужно разработать чёткие инструкции по распределению средств, выделенных на образование, усовершенствовать систему отчётности, повысить оплату труда преподавателей и усилить общественный контроль.

2. Проблемы образования в Китае. По мнению китайских специалистов, главными проблемами в образовательной отрасли страны являются слишком высокая плата за обучение, особенно на уровне высшей школы, и отсутствие равных возможностей в доступе к образованию представителей разных социальных слоёв китайского общества. Всё это ведёт к углубляющемуся разрыву в образовательных уровнях населения по линии «бедные — богатые» и потенциально чревато социальными потрясениями.

Высокая плата за обучение является одной из самых острых проблем, с которой сталкивается сегодня система китайского образования. Например, на уровне бакалавриата оплата составляет около 6—7 тыс. юаней в год (порядка 800 дол. США) в зависимости от выбранной специальности. Кроме взносов за обучение студенты должны платить за питание и учебные пособия. За счёт госбюджетного финансирования покрывается 53% денежных средств, необходимых для нормального функционирования образовательной системы. Остальные 47% поступают в виде платы за обучение и разнообразных добровольных взносов.

Согласно исследованиям Академии общественных наук КНР расходы на обучение детей (на всех уровнях — от начальной школы до университета) могут составлять для семьи со средним или низким достатком от трети до двух третей семейного бюджета. А таких семей в Китае около 80%. Многим деревенским детям именно по этой причине приходится прерывать обучение. Но эта проблема в поле зрения центрального руководства Китая. В «Докладе о работе правительства» премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао говорится: «Продолжать обеспечивать приоритетное развитие образования. Здесь нужно будет вводить по всей стране, как в городе, так и в деревне, бесплатное обязательное обучение. Про-

должать при этом увеличивать субсидирование общих расходов обязательного сельского образования и повышать его гарантийный уровень. Целесообразно увеличивать нормы бытовых пособий сельским школьникам из бедных семей, живущим в школах-интернатах. Серьёзно претворять в жизнь меры по гарантированию равноправного обязательного обучения детей из нуждающихся семей и детей лиц, приезжающих на заработки в город. С осени нынешнего года на основе точечного экспериментирования предстоит полностью отменить все школьные расходы в городах на стадии обязательного обучения».

В нынешнем году вложения из центрального бюджета на нужды образования возрастут до 156,2 млрд. юаней против прошлогодних 107,6 млрд., увеличатся и местные бюджетные вложения. Без всенародного образования и повышения его уровня о модернизации страны и её будущем не может быть и речи. Нужно, чтобы дети ходили в школу, чтобы народ был доволен нашим образованием и чтобы качество всей нации повысилось. Проблемы образования тесно связаны с каждой семьёй, эффективное образование — это основа устойчивого развития общества, и мы надеемся, что они будут решены как в России, так и в Китае.

Cong Lianli
Changchung

ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL SITUATION IN RUSSIA AND CHINA

Education carries much kudos in Russia. Russian are proud of their national education, from 17-18th centuries under Peter the Great till to the era of the former Soviet Union, as well as the period of since the Soviet Union collapsed. Federal governments is actively promoting the reform of education systems in order to alleviate the financial hardship and reduce the risks of the operation of the educational institutions, meanwhile facilitate plans of commercialization and market-oriented of the education, as well as the privatization. To meet state's comprehensive development strategy, Russia will make major reform in educational system.

КИТАЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI в.

Между КНР и Новой Зеландией существуют длительные двусторонние отношения, характеризующиеся регулярными контактами, переговорами на высшем уровне, диверсифицированными торговыми и экономическими потоками в обоих направлениях. Необходимо отметить, что рассматриваемый вопрос практически не освещён в российской исторической науке. Представляется необходимым проанализировать недавние изменения в двусторонней торговле и экономических отношениях между странами, а также дать оценку развитию торговли между Китаем и Новой Зеландией.

К началу XXI в. Новая Зеландия во многом благодаря проведению либеральных реформ в середине 1980-х гг. становится одним из наиболее активных акторов международных отношений как в АТР, так и среди островных государств Тихого океана. В свою очередь КНР превратилась в крупного конкурента стран Запада и всё более жёстко теснит их на рынках региона¹. В настоящее время Китай находится на новой стадии экономического роста, которая началась вскоре после его вступления в ВТО в 2001 г. Именно на этом этапе руководство страны решило начать процесс заключения серии соглашений о свободной торговле с развитыми странами. Такое решение основано на постулате, что торговля — это важный стимул устойчивого развития государства и общества. Став активным членом международной экономической системы, Китай сможет получить существенные выгоды как политического, так и экономического характера. Таким образом, подписание Соглашения о свободной торговле между Китаем и Новой Зеландией 7 апреля 2008 г. стало историческим событием в их 35-летних отношениях и итогом более чем трёхлетней работы, в ходе которой стороны провели 15 раундов переговоров.

В декабре 2007 г. участники процесса провели заключительный 15-й раунд переговоров, которые начались в ноябре 2004 г. и поочерёдно проходили в Китае и Новой Зеландии. В ходе переговоров для китайской стороны наиболее острыми вопросами являлись определение роли правительства КНР, а также конкурентная политика. Представители Новой Зеландии настаивали на обеспечении высоких стандартов и требований к торговым процедурам для защиты новозеландского бизнеса на

территории КНР. Точками преткновения были также вопросы выхода на товарные рынки и унификация стандартов в области услуг и инвестиций. 24 января 2008 г. спикер Министерства коммерции КНР Ван Синьпэй на одной из пресс-конференций отметил, что стороны достигли консенсуса по вышеобозначенным вопросам переговоров и передали своим правительствам положения окончательного варианта Соглашения на рассмотрение и утверждение. Правительство КНР прорабатывает в настоящее время возможность заключения подобных соглашений с Австралией и Чили.

Отношения с Новой Зеландией — неотъемлемый компонент пекинской стратегии многополярного мира. Принимая во внимание США как державу, стремящуюся к гегемонии во всемирном масштабе, Китай выдвигает задачу создания нового справедливого международного экономического порядка в качестве одного из своих главных внешнеэкономических приоритетов. В то же время отношения с Новой Зеландией отвечают насущным потребностям развития экономики КНР. Взаимодействие со страной с развитой экономикой, основу которой составляют сельское, лесное хозяйство и скотоводство, рассматривается Пекином как важный фактор успешного роста Китая. Новая Зеландия также активный сторонник торговых и инвестиционных процессов либерализации в АТЭС².

Со своей стороны, Новая Зеландия заинтересована в технико-экономическом сотрудничестве с Китаем, взаимовыгодном торговом обмене, импорте товаров лёгкой промышленности, привлечении китайских туристов. Китай как постоянный член Совета Безопасности ООН, значимый участник ВТО и АТЭС, основной источник мигрантов, студентов и туристов необходим Новой Зеландии как двусторонний и региональный партнёр.

Экономики стран явно отличаются друг от друга по размеру и находятся на разных уровнях развития. КНР обладает одной из мощнейших и наиболее динамично развивающихся экономик мира. Новая Зеландия — развитое государство, которое после десятилетия замедления экономического роста в 1970-х гг. испытывает подъём во всех отраслях промышленности и сферы услуг.

Китай производит обширный ряд товаров, интересующих новозеландских производителей и потребителей. Значительно меньший размер экономики Новой Зеландии означает, что её общий экспорт охватывает меньше секторов, чем экспорт Китая. Вместе с тем в обоих случаях облегчённый доступ к товарам и услугам друг друга несёт потенциальную выгоду внутренним потребителям и производителям.

Между Китаем и Новой Зеландией постоянно расширялись каналы взаимодействия по торговым и экономическим вопросам. Правительства государств регулярно проводили экономические и торговые переговоры. Так, ещё в 1988 г. между Новой Зеландией и Китаем было подписано Соглашение по стимулированию и защите инвестиций³. В ноябре 2001 г. стороны подписали Меморандум взаимопонимания, который определил механизмы для диалога и сотрудничества в сферах сельского и лесного хозяйства. Кроме этого, была создана специальная совместная комиссия министров как совещательный орган для регулярных торгово-экономических консультаций.

Торговые и экономические отношения вышли на новый уровень сотрудничества в октябре 2003 г. во время визита Президента КНР Ху Цзиньтао в Новую Зеландию для переговоров с премьер-министром Хелен Кларк. Лидер КНР по итогам переговоров отметил: «С момента установления дипотношений, особенно в последние годы, сотрудничество между двумя нашими странами постоянно продвигается вперёд. Расширению сотрудничества способствует также то, что Китай и Новая Зеландия уважают друг друга и всегда стремятся преодолевать разногласия путём диалога, видят друг в друге партнёров и сотрудничают на взаимовыгодной основе, придают серьёзное значение обменов в гуманитарной сфере»⁴. В ходе переговоров была достигнута договорённость о начале работы над Рамочным соглашением о торговом и экономическом сотрудничестве, а также подписано пять экономических соглашений (два — об экспорте новозеландского мяса в Китай, обновлённое соглашение о науке и технологиях и договорённость о взаимном признании академических степеней в сфере высшего образования). Окончательный вариант Рамочного соглашения подписали министр коммерции КНР Бо Силай и министром торговли Новой Зеландии Джим Саттон 28 мая 2004 г. В нём стороны договорились предпринять серию консультаций по двустороннему Соглашению о свободной торговле и начать переговоры в 2005 г.⁵

В настоящее время регулярно проводятся встречи правительственных делегаций и бизнес-элит обоих государств для снятия барьеров в сфере торговли, которые включают ограничительные тарифы в различных секторах экономики, квоты и ряд нетарифных мер. Торговлю услугами между Китаем и Новой Зеландией существенно сдерживают такие факторы, как ограничение доступа к рынкам и деятельности иностранных компаний по предоставлению услуг, требования к первоначальному капиталу, различия в государственных стандартах, отсутствие единого свода правил для иностранных поставщиков услуг. Ликвидация таможенных пошлин и прочих барьеров как закономерный итог

подписания Соглашения о свободной торговле позволит потребителям обеих стран приобретать товары и услуги по более низким ценам, расширит возможности доступа на рынки для экспортёров и существенно повысит инвестиционную и экономическую активность.

Экономический рост Китая за последние два десятилетия предоставляет широкие возможности для экспортёров из Новой Зеландии. В структуре товаров, импортируемых Китаем, традиционно преобладает шерсть, но в последнее время наблюдается резкое увеличение импорта круглого леса, пиломатериалов, молочных продуктов (сухого молока, казеина, масла и сыворотки), морепродуктов (лобстеров, мидий), сельскохозяйственных продуктов (яблок, киви, баранины, а также выделанных и невыделанных кож и шкур), крупного и мелкого рогатого скота, топлива (метанол) и высокотехнологичной продукции (телекоммуникационное оборудование). Новозеландский импорт из КНР за последние годы также значительно возрос. Основная его часть приходится на продукцию лёгкой промышленности (текстиль, одежда, обувь, бытовая электроника), электрооборудование. Наиболее устойчивый рост в последнее время пришёлся на импорт компьютерного оборудования и мобильных телефонов, хотя Китай продолжает оставаться основным источником традиционно импортируемой одежды и обуви.

Расширяется и торговля услугами между Китаем и Новой Зеландией. Туризм и образование — наиболее динамично развивающиеся секторы двусторонней торговли услугами в настоящее время. По данным китайского Агентства национального туризма, количество туристов из Новой Зеландии с 1999 по 2002 г. выросло на 33,5%. В 2002 г. Китай посетили 50 тыс. новозеландских туристов⁶.

Образование — один из быстрорастущих секторов сферы услуг Новой Зеландии. С 1998 г. наблюдается стремительный рост количества китайских студентов, приезжающих в Новую Зеландию для изучения английского языка либо для получения второго высшего образования. Так, в 2003—2004 гг. в Новой Зеландии обучалось около 65 тыс. китайских студентов, которые составляют большую часть иностранных студентов, обучающихся в Новой Зеландии.

Необходимо отметить, что в двусторонней торговле услугами преобладают туризм и образование, но растёт интерес к торговле другими видами услуг. Сферами такого интереса являются бизнес-услуги, архитектура и дизайн, строительство и инженерия.

Инвестиции также являются важной областью экономических взаимоотношений. За последние несколько лет резко возросли китайские инвестиции в экономику Новой Зеландии, в основном в виде совместных

предприятий в сферах лесоперерабатывающей, обрабатывающей промышленности и строительства. Для мелких китайских инвесторов привлекательны также такие секторы новозеландской экономики, как лёгкая промышленность, гостиничный бизнес, рыбоводство. Согласно официальной новозеландской статистике по состоянию на 31 декабря 2003 г. китайские инвестиции в целом составили 915 млн. дол. США⁷.

В 2003 г. капитализация новозеландских прямых инвестиций в Китай достигла 812 млн. дол. Целевыми областями новозеландских инвестиций стали сельское и лесное хозяйство, металлургия, био- и информационные технологии. В настоящее время стороны реализуют 740 совместных инвестиционных проектов. Инвестиции в Китай рассматриваются новозеландскими компаниями в качестве защитных мер для сохранения перспективного рынка для новозеландских товаров и продуктов.

Либерализация, которая последовала за вступлением КНР во ВТО, повлияла на увеличение иностранных инвестиций в экономику КНР. Новая Зеландия последовательно направляет инвестиции в развитие сельского хозяйства в провинциях Ганьсу и Юньнань, Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете. На региональном уровне Новая Зеландия и КНР являются членами АТЭС, что облегчает развитие торговли.

Тесное сотрудничество между Китаем и Новой Зеландией в рамках ВТО во многом определяется тем, что в августе 1997 г. Новая Зеландия стала первым из государств-членов ВТО, которое завершило двусторонние переговоры, связанные со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию, а также первым из государств Запада, признавшим Китай как государство с рыночной экономикой. Помимо ВТО Новая Зеландия и Китай проводят совместные консультации по торгово-экономическим вопросам в ряде других международных организаций: Всемирной Организации по защите прав интеллектуальной собственности, Международной организации труда, Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Программе развития ООН, Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), а также Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

Для поступательного развития китайско-новозеландских отношений на современном этапе важна ратификация Соглашения о свободной торговле, которая запланирована на октябрь 2008 г.⁸ Ратифицированное Соглашение предоставит Китаю и Новой Зеландии дополнительные экономические выгоды в виде расширения ассортимента экспортируемых и импортируемых товаров. Для Китая Соглашение о свободной торговле — это первое мероприятие с развитым государством Запада, которое позволяет ему более уверенно позиционировать свои интересы на миро-

вой арене. Для Новой Зеландии подписание Соглашения является крупнейшим прорывом новозеландской торговли. Экономическое развитие усилится за счёт облегчения доступа новозеландских и китайских экспортёров к рынкам, сокращения общих издержек для новозеландских производителей, расширения доступа китайских и новозеландских потребителей к большому количеству товаров и услуг. Ожидается, что в течение первого года после заключения Соглашения китайский экспорт в Новую Зеландию увеличится на 10,9%, а новозеландский в Китай — на 39%. С 2007 по 2027 г. китайский экспорт в Новую Зеландию должен расти в среднем на 40—70 млн. дол. в год. Однако эффект от подписания Соглашения о свободной торговле может иметь и обратное действие на определённые группы производителей. Учитывая это, правительства КНР и Новой Зеландии согласились снижать тарифы постепенно, чтобы нивелировать возможные негативные последствия.

Таким образом, можно констатировать, что в начале XXI в. торгово-экономические отношения между Новой Зеландией и Китаем находятся в фазе подъёма. Этому способствует укрепление экономики КНР, которое делает Китай одним из важнейших рынков сбыта новозеландской продукции. Новая Зеландия, в свою очередь, важна для Китая как ключевой партнёр в южной части Тихого океана. В последнее десятилетие произошла модернизация торгово-экономических отношений между Новой Зеландией и Китаем во многом благодаря открытости и либерализации новозеландской экономики. Если в 70—80-х гг. XX в. в отношениях сторон превалировал межгосударственный характер, то теперь самостоятельная роль стала предоставляться частным предприятиям и компаниям КНР. Пекин активно стимулирует и поощряет их торговое и инвестиционное сотрудничество с новозеландскими партнёрами. Помимо того, в современном международном окружении, которое стремится к экономическому доминированию на региональных рынках, КНР и Новой Зеландии необходимо использовать любую возможность, чтобы улучшить свою конкурентоспособность, создать эффективное партнёрство, которое усилит их позиции в глобальной экономике и поддержит дальнейшее развитие отношений.

¹ China, New Zealand Set Timetable For Free Trade Talks [Электронный ресурс] Asia Pulse News. — Режим доступа: http://www.accessmylibrary.com/comsite5/bin/aml_landing_tt.pl?purchase_type=ITM&item_id=0286-14800627&action=print&page=aml_article_print (19.01.2008).

² См.: Goff P. New Zealand — China Relations [Электронный ресурс] / P. Goff. — Режим доступа: <http://www.beehive.govt.nz/Print/PrintDocument.aspx?DocumentID=21317> (25.02.2008).

- ³ China: Joint Trade Commission // New Zealand Foreign Affairs Review, Vol. 38. No. 1. 1988. P. 31.
- ⁴ Clark H. Inside The New China: Updating Challenges for New Zealand [Электронный ресурс] / H. Clark. — Режим доступа: <http://www.beehive.govt.nz/speech/inside+new+china+updating+challenges+new+Zealand> (14.12.2007).
- ⁵ Trade and Economic Cooperation Framework between New Zealand and the People's Republic of China — 28 May 2004 [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. — Режим доступа: <http://www.mfat.govt.nz/Trade-and-Economic-Relations/0-Trade-archive/0-Trade-agreements/China/0-tecfmay04.php> (16.04.08).
- ⁶ Ibid. (16.04.08).
- ⁷ См.: Kember J. China and New Zealand: a thriving relationship thirty years on / J. Kember, P. Clark. — Auckland: New Zealand Asia Institute, 2003. P. 125—131.
- ⁸ China — Free Trade Agreement [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ChinaFTA.govt.nz> (05.04.08).

I. Oleynikov
Irkutsk

CHINA-NEW ZEALAND TRADE AND ECONOMIC RELATIONS AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY

This article describes bilateral trade and economic relations between China and New Zealand at the beginning of XXI century. New Zealand and China are open and dynamic market economies, that extremely depends on development of international trade for stimulating economic growth. Strong global connections and improved access to markets are fundamental to the economic and political strategies of both countries.

ВСТУПЛЕНИЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

В последние годы в отношениях между КНР и РФ сохраняется благоприятная тенденция развития, политическое взаимодоверие непрерывно укрепляется, сотрудничество в области экономики и торговли приносит заметные плоды, а партнёрские отношения стратегического взаимодействия, имея под собой прочную основу, вступили в новый этап развития.

Политика: лучший период в истории китайско-российских отношений. Китайско-российские отношения, как отметили руководители двух стран, находятся на наилучшей в истории фазе развития. Во-первых, наступление нового этапа в китайско-российских партнёрских отношениях стратегического взаимодействия. На протяжении последних десяти с лишним лет Китай и Россия, продолжая дружественные традиции, обобщая исторический опыт, в ногу с актуальной ситуацией непрерывно выводили двусторонние отношения на новую ступень. В 1992 г. две страны «рассматривали друг друга как дружественные государства», а в 1994 г. установили «отношения конструктивного партнёрства» и в 1996 г. — «равноправные и доверительные партнёрские отношения стратегического взаимодействия, ориентированные на XXI в.». Китайско-российский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный главами двух государств в июле 2001 г., в договорно-правовой форме зафиксировал мирную идею «вечно дружить и никогда не враждовать между собой», заложил правовую основу для долгосрочного и стабильного развития межгосударственных отношений стратегического взаимодействия и партнёрства в новом столетии.

В 2003 г. во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Россию было подписано Совместное заявление Китая и России. Это ознаменовало наступление нового этапа в развитии китайско-российских партнёрских отношений стратегического взаимодействия. Сегодня учащаются взаимные визиты на высоком уровне и активизируются контакты и обмен на всех уровнях. Главы государств двух стран ежегодно встречаются, премьер-министры правительств и руководители парламентов и МИД совершают частые взаимные визиты, а связи между неправительственными организациями и различными районами Китая и России с каждым днём расширяются.

Во-вторых, непрерывно углубляется взаимное доверие в политическом плане, широко открываются перспективы стратегического

взаимодействия на международной арене. На сегодняшний день очень многие политические проблемы решены, в частности пограничный вопрос между двумя странами. Подписанное 14 октября 2004 г. Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на её Восточной части вместе с Соглашением о советско-китайской государственной границе на её Восточной части от 16 мая 1991 г. и Соглашением о российско-китайской государственной границе на её Западной части от 3 сентября 1994 г. полностью определили линию прохождения российско-китайской границы на всём её протяжении (более 4300 километров), создали надёжную гарантию добрососедства, сотрудничества и дружбы.

В августе 2005 г. проводилось первое китайско-российское совместное военное учение «Мирная миссия 2005» с целью углубления взаимного доверия в военной области, усиления сотрудничества и координации между армиями двух стран, повышения способности борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом и сообща реагировать на новые вызовы и угрозы. Это военное учение не имеет аналогов в истории, знаменует новый уровень отношений между странами.

После подписания главами двух стран в 1997 г. Совместной декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации о становлении многополюсного мироустройства и создании нового международного порядка в июле 2005 г. была подписана Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI в. Это показывает, что двустороннее взаимодействие на международной арене неуклонно расширяется и углубляется, Китай и Россия имеют общие интересы по международным вопросам. Стороны проводят тесное сотрудничество в сфере повышения авторитета и эффективности ООН, борьбы с террористической угрозой, решения «горячих вопросов», а также по сохранению безопасности и стабильности в Средней и Северо-Восточной Азии, с которыми тесно связаны интересы двух стран. Китай и Россия выступают за взаимоуважение и полное равноправие между разными странами, за создание многополярного мира и сосуществование различных культур, также поддерживают друг друга в важных вопросах, касающихся государственного суверенитета, территориальной целостности и безопасности. Российская сторона неизменно поддерживает позицию Китая по вопросам Тибета, Тайваня и прав человека, китайская — российские усилия по борьбе с терроризмом и сепаратизмом в Чечне, защите государственной безопасности и стабильности.

В-третьих, взаимное проведение Национальных Годов — торжественное событие в истории китайско-российских отношений. В целях со-

действия долгосрочному и стабильному развитию китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнёрства в 2006 г. в Китае прошёл Год России, в 2007 г. в России — Год Китая. В течение двух лет в рамках Национальных Годов китайская и российская стороны в полном взаимодействии, совместными усилиями успешно провели свыше 500 мероприятий, которые дали плоды. Они ещё более углубили взаимопонимание и традиционную дружбу между народами двух стран, повысили уровень стратегического взаимодоверия, расширили деловое сотрудничество, упрочили социальную и материальную основу китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнёрства. Практика подтвердила правильность решения о взаимном проведении Национальных Годов. В результате их проведения участились контакты двух стран на высоком уровне, расширились культурные обмены, оживляется межрегиональное сотрудничество, укрепилось стратегическое взаимодействие в важных международных и региональных делах. В области экономики Китай и Россия на основе взаимодополнения стимулировали развитие двусторонней торговли, ещё раз показали пример, как жить в мире и дружбе, сотрудничества и общей выгоды государств. Взаимное проведение Национальных Годов — новое явление в истории китайско-российских отношений, стороны будут со всей тщательностью обобщать опыт и прилагать совместные усилия для открытия новой страницы дружественных отношений между двумя странами.

Экономика: заметные успехи и актуальные задачи. Торгово-экономическое сотрудничество служит материальной основой для добрососедских и дружественных отношений между Китаем и Россией, являясь важным содержанием китайско-российского партнёрства и стратегического взаимодействия. Оно служит фактором, который гарантирует продолжительную жизненность хороших отношений двух стран. Благодаря совместным усилиям обеих сторон были достигнуты большие сдвиги в развитии торгово-экономического сотрудничества. Двусторонний товарооборот растёт уже девять лет подряд, стимулированный успешным проведением «национальных годов стран-партнёров» в Китае и России. В настоящее время Китай стал третьим крупным торговым партнёром РФ, а Россия — восьмым основным торговым партнёром Китая. В последние два года непрерывно улучшалась структура двусторонней торговли, расширялся объём взаимного инвестирования.

Торгово-экономическое сотрудничество между соседними регионами является важной составной частью взаимодействия двух стран. Сегодня бурно развиваются межрегиональные связи и индивидуальные поездки граждан, активизируется как никогда пограничная торговля. В частности, стремительно развивается сотрудничество Дальнего

Востока и Сибири с Китаем, которое стало новым источником роста объёмов торговли. В настоящее время около 70 субъектов РФ имеют прямые контакты с китайскими регионами. На межрегиональные и приграничные связи приходится около четверти всего российско-китайского товарооборота. По данным ГТУ КНР, суммарный объём внешней торговли северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), а также Автономного района Внутренняя Монголия с Россией в 2006 г. равнялся 13,28 млрд. дол. США, что составляет 39,8% от двухстороннего товарооборота. Наивысший показатель достигнут в пров. Хэйлунцзян — 9,13 млрд. дол., или 27,4% всей российско-китайской торговли. Объём приграничной торговли по данным ГТУ КНР был равен 6,97 млрд. дол., в том числе экспорт в Россию — 3,29 млрд. дол., импорт — 3,68 млрд. дол.

Приграничные регионы России и Китая в настоящее время решают сходные по своему характеру масштабные задачи в рамках осуществляемых региональных программ. В этой связи своевременной и полезной явилась договорённость о координации стратегии развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири с возрождением старых промышленных баз Северо-Востока Китая, подтверждённая в ходе бесед В.В. Путина с Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г. в Москве и 8 июня 2007 г. в Хайлигендамме. В настоящее время стороны готовы приступить к подготовке комплексного совместного плана сотрудничества в данной области.

Предприятия обеих стран установили дружественные и деловые связи, неустанно углубляя их в торгово-экономической, научно-технической и культурной сферах. Функционирует ряд объектов сотрудничества в отраслях лесозаготовки и обработки леса, освоения полезных ископаемых, строительстве объектов науки и техники, и т.д.

В последние несколько лет китайско-российская торговля показала тренд бурного развития, но достигнутые результаты не отражают всех потенциальных возможностей двустороннего торгово-экономического взаимодействия, в целом оно всё ещё находится на низком уровне. Несмотря на то, что в 2007 г. товарооборот двух стран достиг 481,65 млрд. дол., в китайской и российской доле внешней торговли занимает всего 2,2% и 7,3%. Связи в экономической области в десятки раз меньше, чем у Китая с США или Евросоюзом. В торговле между двумя странами преобладают товары с низкой добавленной стоимостью. Редки примеры сотрудничества в производстве техники, также мала доля инвестиций. К тому же не усовершенствованы режим торговли и система обслуживания экономики и торговли в соответствии с международными правилами.

Существуют большие возможности для обоюдного развития экономики в нескольких областях. Во-первых, переоборудование промышленных предприятий Северо-Восточного Китая, так как именно там расположено большинство промышленных гигантов, построенных с советской помощью. И было бы логично, чтобы Россия участвовала в их переоборудовании и развитии. Во-вторых, создание российско-китайских совместных предприятий, которые использовали бы российские технологические разработки и китайскую промышленную и маркетинговую инфраструктуру для быстрого запуска в массовое производство. В России имеется много интересных научно-технологических находок, которые не доходят до фазы промышленного внедрения. И наконец, создание крупных совместных проектов в области высоких технологий: строительство гидроэлектростанций, АЭС, покупка российских самолётов.

Обе стороны должны прилагать общие усилия к тому, чтобы оптимизировать торговую структуру, регламентировать порядок торговли, расширять её масштабы, путём дружественных консультаций своевременно решать проблемы, чтобы возвести торгово-экономическое сотрудничество на уровень, соответствующий политическим отношениям.

Проблемы и вызовы китайско-российских отношений. Китайско-российские отношения и стратегическое партнёрство оказались перед лицом суровых вызовов. Во-первых, они строятся «на двух колёсах» — экономическом и политическом, причём политическое сотрудничество превалирует над экономическим. Такая ситуация в значительной степени тормозит развитие китайско-российских отношений и стратегического партнёрства. Во-вторых, в России бытуют представления о «китайской угрозе», существует беспокойство по поводу быстрого развития Китая. Некоторые считают, что оно может вызвать дисбаланс в геополитике и приведёт к изменению в соотношении сил в Восточной Азии не в пользу России. Есть мнения, что Россия станет ресурсным придатком Китая, многие беспокоятся о демографическом балансе между Китаем и Россией.

В последние десять с лишним лет взаимные поездки граждан постепенно увеличиваются и учащаются, что играет активную роль в углублении взаимопонимания и традиционной дружбы, а также в экономическом развитии обеих стран. В то же время не секрет, что иные граждане КНР остаются в России незаконно, кое-кто из них использует Россию в качестве промежуточного пункта для дальнейшего переезда на Запад. Китайское правительство уделяет этой проблеме большое внимание и выступает против нелегальной миграции.

Недавно Министерство общественной безопасности КНР совместно с семью другими ведомствами приняло специальные меры против посредников, организующих незаконное пересечение границы. Следует отметить, что благодаря усилиям китайской стороны количество граждан Китая, незаконно остающихся в России, сокращается. Китайская сторона намерена совместно с российской бороться с незаконной миграцией и одновременно обеспечить благоприятные условия для нормального общения граждан двух стран. Министерства иностранных дел Китая и России проводят ежегодные консульские консультации, которые, в частности, затрагивают и этот вопрос. Обе страны готовятся к созданию совместной рабочей группы по решению вопросов миграции.

В 2003 г. между Китаем и Россией подписаны контракты на трудовую деятельность, строительные подряды, проектирование и консультации на сумму 279 млн. дол., из них практически освоено 205 млн. По контрактам из Китая в Россию выезжало 11 915 чел. О количестве китайских граждан, проживающих в России, помощник президента РФ Сергей Приходько заявил: «По достоверным статистическим данным, количество китайских граждан, постоянно проживающих в России, не превышает 150—200 тысяч; согласно результатам переписи населения их ещё меньше — 35 тысяч». Поэтому иногда звучащие слова о «китайской демографической экспансии в Россию» беспочвенны. Подобные односторонние преувеличения лишь наносят ущерб насущным интересам обеих стран и неблагоприятно влияют на развитие сотрудничества во многих сферах.

В-третьих, хотя Россия и Китай развиваются одинаково стремительно, народы, прежде всего молодёжь, мало знают друг о друге, что способствует сохранению негативных стереотипов.

Укрепление обменов и контактов между молодёжью России и Китая имеет актуальное значение для развития российско-китайских отношений в будущем. Гуляя по улицам российских городов, можно часто увидеть афиши американских кинофильмов. Российская молодёжь предпочитает ездить на иномарках и проводить время в «Макдоналдсе». Для многих молодых россиян Китай — это лишь Брюс Ли и Джеки Чан, они мало знают, как живут их китайские сверстники. Даже сейчас в России есть люди и СМИ, которых беспокоит пресловутая «китайская угроза». Вполне возможно, что они и не задумываются, что мир — высшая ценность, а близкий сосед лучше дальнего родственника (эти народные мудрости одни из самых популярных в Китае). У многих китайцев среднего и старшего поколений сохранились особые чувства к российской культуре и литературе: «Подмосковные вечера», «Москва-Пекин», «Как закалялась сталь», «А зори здесь тихие...» — эти явления российской

культуры тесно связаны с их молодостью и жизнью. Однако ситуация в среде молодого поколения иная: как показало обследование, проведённое Центральным комитетом Коммунистического союза молодёжи Китая и университетом «Цинхуа», 64,5% китайских студентов уделяют серьёзное внимание России, но многие из них мало знают об этой сопредельной стране. «Пока наши общие впечатления друг о друге основываются в значительной степени на опыте прошлого. Вот почему так важно ближе познакомить общественность двух стран с жизнью новой России и нового Китая», — отметил Владимир Путин.

Между народами двух стран существует глубокая традиционная дружба. Деятели различных кругов обеих сторон должны наращивать обмены, чаще общаться друг с другом, углублять взаимное понимание, чтобы укрепить социальную основу двусторонних связей. Надлежит развернуть роль китайско-российского Комитета дружбы, мира и развития, расширять общественные контакты, усиливать обмены между молодёжью. Молодёжь — будущее двух стран, продолжатели двусторонних отношений. Налаживание работы среди молодёжи является важной гарантией передачи китайско-российской дружбы из поколения в поколение.

Развитие отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией отвечает коренным интересам обеих стран, является общим чаянием и требованием наших народов. Китайско-российские отношения партнёрства и стратегического взаимодействия должны обеспечить себе прекрасное будущее.

Shi Chunyang
Shenyang

NEW STAGE OF CHINESE-RUSSIAN RELATION

In recent years China and Russia hold a good relationship and their partnership in strategic cooperation stepped into a new section of development. This essay puts forward the problems and challenges between the two countries by clarifying their best political relationship in history and the achievements and problems in economy. The development of their partnership in strategic cooperation is consistent with mutual benefits and it is their common expectation and desire. Though there are some problems in Sino-Russian relationship, we look forward to a better future.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1. Развитие информационных технологий в Китае. В последние годы интенсивно развиваются информационные технологии, увеличивается масштаб продукции, повышаются их самостоятельность и обновляемость, положительный результат получила структура производства, усиливаются комплексная способность и интернациональная конкуренция. Вышеуказанные моменты имеют большое влияние на развитие информационного строения и гармонии общественной экономики в Китае.

В КНР быстро развивается связь, масштабы использования Интернета расширяются. В 2007 г. общая прибыль от профиля связи составила 1900 млрд. юаней, количество потребителей телефонной связи достигло 900 млн., потребителей электроэнергии — 210 млн. Вклад устойчивого капитала в профиль связи составил 230 млрд., который сравнительно с прошлым годом возрос на 4,3%. В 2007 г. прибыль от производства электронных продуктов — 5600 млрд. юаней. Рост китайского ИТ-рынка составляет 54%, причём активно развиваются ИТ-парки, ориентированные на внешний и внутренний рынки, импорт и экспорт продукции достиг 37% от общей суммы прибыли внешней торговли. В последние годы информационные технологии развиваются положительно и быстрыми темпами обновляются, вносят важный вклад в развитие экономики, которая переходит на новый этап при конкуренции с партнёрами по мировому сообществу.

2. Развитие информационных технологий в России. В последние годы экономика России вошла в новую стадию. В 2006 г. её ВВП увеличился на 6,8%, внешний долг государства сократился. Внешнеторговый оборот быстро растёт, расширяется структура инвестиций. За последние пять лет стали интенсивно развиваться информационные технологии, для которых правительство России приняло ряд программ: в 2002 г. вступила в действие «Программа развития информационных технологий России»; 28 января 2002 г. принята ФЦП «Электронная Россия (2002—2010 гг.)»; 20 марта этого же года — «Программа развития России в области науки и техники (до 2010 г.)»; а в 2005 г. — «Закон об особых экономических зонах России». «Проект о развитии информаци-

онных технологий в России» пока ещё не принят. Информационные технологии благодаря поддержке государства быстро развиваются.

3. Сотрудничество в сфере информационных технологий между Китаем и Россией имеет большие перспективы, благодаря географическому положению двух стран, в приграничных областях которых реализуются программы «Возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая» и «Социального и экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья».

В августе 2005 г. в КНР и России началось планирование ИТ-зоны, состоящей из трёх частей, в том числе в городах Харбине и Муданьцзяне (пров. Хэйлунцзян). По проекту ИТ-зоны занимают площадь 11 кв. км, в Харбине — 5 кв. км, в Муданьцзяне — 3 кв. км, на Дальнем Востоке — 3 кв. км. В строительство объектов китайская сторона вложила 6,1 млрд. юаней. Планируемый доход должен составить примерно 150 млрд. юаней, а сумма экспорта в Россию — 10 млрд. дол.

У каждой зоны свои задачи: в Харбине — производство связи, компьютеров, масштабного ИМС, деталей и т.д., в Муданьцзяне — производство бытовой техники и электронных устройств. На Дальнем Востоке сосредоточены линии по сборке деталей. Строительство зоны планируется закончить к 2010 г.

4. Перспективы сотрудничества Китая и России в сфере информационных технологий.

1). *Построение китайско-российской электронной платформы информационного обмена.* Благодаря постоянным заседаниям Подкомиссии по связи и информационным технологиям укрепляется информационный обмен двух стран. Стороны должны осуществить многоуровневое сотрудничество между правительственными руководящими отраслевыми структурами, соответствующими отраслевыми ассоциациями и другими общественными объединениями и организациями, а также между предприятиями электронной и информационной отрасли в целях совместного продвижения развития в отраслях информационных технологий Китая и России.

2). *Создать ИТ-зоны в Китае и России, ускорить их организацию в Приморском крае и льготный режим функционирования.* В развитие китайской информационной индустрии за последний год включаются следующие аспекты: разработка ключевых технологий, как ПО и интегрированные микросхемы, обзор инвестиций в производство продукции, новая политика в отношении услуг, а также достигнутые результаты приложения максимальных сил к внедрению информационных технологий с целью стимулирования развития народного хозяйства, общественного прогресса и повышения качества жизни людей.

3). *Сотрудничество в области защиты интеллектуальной собственности.* Укреплять сотрудничество в области защиты интеллектуальной собственности в информационной индустрии. Надо провести дальнейшее исследование и обсуждение в отношении конкретного содержания сотрудничества в вышеуказанной области, сделать основной упор на защиту интересов владельцев прав интеллектуальной собственности, развивать и обновлять сотрудничество в области информационных технологий.

4). *Сотрудничество в обучении специалистов.* В области информационных технологий требуются высококачественные специалисты. Информационные технологии являются не только базой развития основных производств, но и новейшей техники. Китайская и российская стороны должны активно обмениваться специалистами и высококачественно обучать их для развития информационных технологий.

5). *Укрепление сотрудничества в области реализации информационных продуктов.* В обеих странах информационные технологии имеют свои особенности. Их экономика быстро развивается, поэтому Китаю и России необходимо сотрудничать в области производства с возможностью выхода на рынки третьих стран. Российская сторона обратила особое внимание на такие области, как информационная безопасность, совместные разработки с использованием встроенных программных продуктов, цифровая обработка сигналов, аудио- и мультимедийные приложения.

Jiang Feng
Changchun

ANALYSIS OF CURRENT COOPERATION STAGE AND DEVELOPMENT TREND OF INFORMATION INDUSTRY BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Information industry has been becoming one of the important ones in economic development with its proportion grew in national income in most of countries. It is pointed out the development trend and concrete measures of information industry in this article.

ТЕКУЩИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ О НЕФТЕПРОВОДЕ «СКОВОРОДИНО — ГРАНИЦА КИТАЯ»: СРОК ПРОКЛАДКИ, ОБЪЁМ И ЦЕНА НЕФТИ

В последние 15 лет в Китае и России на правительственном и деловом уровнях обсуждается вопрос о прокладке нефтепровода, с помощью которого российская нефть будет поставляться на китайский рынок. Сейчас таким нефтепроводом считается ответвление от строящегося нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), т.е. нефтепровод «Сковородино — граница Китая». Тем не менее обе стороны никак не могут достичь единого мнения по вопросу строительства этого объекта, заявляя, что только после подписания договора о поставке и покупке нефти между предприятиями из двух стран могут начаться работы по его прокладке¹. Самая важная часть договора о поставке и покупке нефти — это её объём и по какой цене будет поставляться в Китай. По этому вопросу Китай и Россия расходятся во мнениях.

Разное значение нефтепровода для Китая и России. Строительство нефтепровода «Сковородино — граница Китая» имеет большое значение для китайской энергетической безопасности. В 1993 г. Китай стал нетто-импортёром нефти. В 2007 г. он уже импортировал около 163,2 млн. т нефти, прирост составил 12,4% по сравнению с 2006 г. Из этого объёма около 80,7% (в том числе 44,6% из Ближнего Востока, 32,5% из Африки, 3,6% из России, Великобритании и Норвегии) транспортировалось по водному корридору через Малаккский пролив, где существует опасность возникновения аварий танкеров и атак пиратов, представляющая потенциальную угрозу безопасной транспортировке углеводородов в Китай. В таком случае Китай активно и серьёзно рассматривает некоторые проекты для импорта нефти по сухопутному маршруту, в которые включается строительство ответвления от нефтепровода ВСТО на Дацин (табл. 1).

В последние 5 лет каждый год около 2/3 объёма российской нефти поставляется в Китай по железной дороге через Забайкальск и Наушки. В том числе Chinaoil (аффилированный трейдер CNPC) импортирует российскую нефть через Забайкальск, а Uniprec (аффилированный трейдер Sinopec) — через Наушки и Малаккский пролив по танкеру вместе с другими китайскими трейдерами (например, Sinochem), часто

Таблица 1

Объём импорта нефти в Китай по регионам

Годы		2002	2003	2004	2005	2006	2007
Объём импорта, тыс. т.		69,408	91,126	112,816	127,083	145,180	163,176
По регионам, %	Ближний Восток	49,6	50,9	45,4	45,2	47,2	44,6
	Африка	22,8	24,3	28,7	31,5	30,3	32,5
	Россия	4,4	5,8	8,8	11,0	10,1	8,9
	Казахстан	1,5	1,3	1,1	1,9	1,0	3,7
	Южная Америка	0,0	1,1	2,6	6,7	3,4	5,6
	АТР	17,1	15,2	11,5	3,6	7,6	3,5
	Прочие	4,8	1,4	1,9	0,0	0,4	1,2

Источник: Таможенная статистика Китая в 2002—2007 гг.

по контракту на 1 год с европейскими трейдерами (например, Mercuria и Litasco). Тем не менее объёмы импорта нефти по железной дороге ограничены и транспортный тариф здесь выше, чем по нефтепроводу. Более того, добыча нефти на основных месторождениях Северо-Восточного Китая в последние годы падает. Учитывая возможность расширения импорта российской нефти по сухопутным маршрутам и развития нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслей в Северо-Восточном Китае, КНР обращает большое внимание на проект о нефтепроводе «Скворородино — граница Китая» и активно побуждает российскую сторону к его реализации.

Таблица 2

Объём экспорта нефти из России в Китай, тыс. т.

		2004	2005	2006	2007
По сухопутному маршруту*	Всего	6,045	7,981	10,264	8,992
В том числе	Через Забайкальск	3,093	5,203	8,896	8,942
	Наушки	2,952	2,778	1,368	0,050
По водному маршруту**	Малаккаский пролив	4,732	4,795	5,702	5,538
Всего**		10,777	12,776	15,966	14,526

Источник: * по данным ВСЖД; ** Таможенная статистика Китая в 2004—2007 гг.

В настоящее время Россия прикладывает меньше усилий для строительства нефтепровода в Китай, чем 10 лет назад, когда российская экономика находилась в кризисе и доходы от экспорта нефти являлись одним из важных источников государственных доходов. Но в последние

годы российская экономика существенно улучшилась, вследствие чего внутренний спрос на нефть и нефтепродукты значительно расширился. В то же время пошлины на экспорт нефти выше, чем на нефтепродукты. В этих условиях сейчас для российских нефтяных компаний перерабатывать нефть в нефтепродукты и поставлять их на внутренний или внешний рынок выгоднее, чем непосредственно экспортировать нефть.

Нефтепровод «Сковородино — граница Китая» с его продлением до китайского города Дацина предоставит России новый маршрут для экспорта нефти в Китай, но он не единственный, потому что транспортировка нефти может осуществляться танкерами из строящегося нефтяного порта Козьмино с началом эксплуатации нефтепровода ВСТО. С помощью нефтепровода «Сковородино — граница Китая» Россия получит монополию на продажу нефти, экспортируя её из Козьмино, если её не устроят условия, представленные китайскими покупателями.

Срок прокладки и объём нефти по нефтепроводу «Сковородино — граница Китая». Точные детали о сроках прокладки и объёме перевозки нефти по нефтепроводу «Сковородино — граница Китая» пока не известны. В марте 2006 г. CNPC и «Транснефть» подписали меморандум о совместной подготовке технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта прокладки нефтепровода, согласно которому расходы на ТЭО и его прокладку будут возложены на китайскую сторону². В апреле 2007 г. Ростехнадзор одобрил заключение экологической экспертизы проекта нефтепровода «Сковородино — граница Китая»³, срок действия которого — 3 года. В июле в Пекине CNPC и «Транснефть» подписали протокол о строительстве нефтепровода «Сковородино — граница Китая», после чего на пресс-конференции глава Минпромэнерго Виктор Христенко заявил, что по контракту проектные работы по строительству этого нефтепровода будут завершены по истечении 208 суток после поступления первого платежа с китайской стороны. Первый транш поступил в июне, значит, строительство может быть начато в январе 2008 г.⁴ Но оно до сих пор не началось, поскольку Китай и Россия пока не определили, по какой цене должна поставляться нефть в Китай, и без решения этой проблемы строить нефтепровод не имеет никакого смысла.

В энергетической стратегии России на период до 2020 г., утверждённой в 2003 г., отмечено, что в начальном эксплуатационном этапе нефтепровода ВСТО будет поставляться 30 млн. т нефти, в том числе 20 млн. т в Китай по его ответвлению на Дацин, а 10 млн. т — в дальневосточные нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) или экспортироваться из порта. Тем не менее ситуация изменилась в 2006 г., когда

владельцы дальневосточных НПЗ объявили о планах по реконструкции и расширении производства⁵. В ноябре 2006 г. в Пекине высокопоставленные представители «Роснефти» и «Транснефти» выразили намерение сократить экспортный объем нефти по этому трубопроводу с 20 млн. т на 15 млн. т в год⁶. Вместе с тем в августе 2007 г. во время встречи с президентом РФ В.В. Путиным тогдашний президент Транснефти С. Вайншток сообщал, что будет поставлять Китаю по нефтепроводу только 14 млн. т в год⁷.

Цена нефти с поставкой в Китай по железной дороге. Контрактная цена нефти — самый важный фактор для принятия решения о строительстве нефтепровода «Сковородино — граница Китая». Переговоры по этой проблеме проводят CNPC и «Роснефть». На данный момент «Роснефть» поставляет нефть по железной дороге через Забайкальск в адрес CNPC по подписанному в 2004 г. долгосрочному контракту на 6 лет (с 2005 г.). Тогда формула цены предполагала дисконт 3 дол. за баррель к средневзвешенной стоимости нефти марки Brent в Лондоне в месячную поставку⁸. По этой формуле в 2005 и 2006 гг. цена с поставкой в Китай была соответственно 2,67 дол. и 2,44 дол., т.е. выше, чем среднерыночная цена Urals. Тем не менее в 2007 г. цена Urals уже превысила цену с поставкой в Китай на 1,30 дол. Вследствие этого «Роснефть» подала в CNPC заявку о пересмотре контрактной цены. В ноябре 2007 г. CNPC договорилась с «Роснефтью» о повышении цены на 0,675 дол. за баррель, но «Роснефть» предусматривает увеличение ещё на 1 дол.

Таблица 3

Цена экспортной нефти России, дол./баррель

	2005	2006	2007
Urals (U)*	50,20	60,89	69,43
Brent (B)**	54,44	65,16	72,55
Поставка в Китай по ж/д через Забайкальск (C)***	52,87	63,33	68,13
C — U	2,67	2,44	-1,30
B — U	4,24	4,27	3,12

Примечание: 1 т = 7,317 баррелей.

Источник: *По данным, опубликованным МЭРТом в «Российской газете»; ** OPEC Annual Statistical Bulletin 2006; OPEC Monthly Oil Market Report, Jan 2008; *** по данным Маньчжурской таможенной службы.

Но на самом деле, для российских компаний поставка нефти в Китай по железной дороге была не выгодна (чем в Европу) в 2005 и 2006 гг., поскольку транспортный тариф в Китай по маршруту Западная Сибирь —

Ангарск — Забайкальск значительно выше, чем по нефтепроводу в Европу. В 2007 г. разница в тарифах достигла до 7,70 (1,50+0,91+8,91–3,62) дол. за баррель, а в 2008 г. может достичь 7,47 (1,79+1,09+8,91–4,32) дол. за баррель из-за повышения нефтепроводного тарифа на 19,4%. Эта ситуация мешает увеличению объёма нефтяной торговли между Китаем и Россией и приводит к тому, что в настоящее время ни одна из крупнейших российских нефтяных компаний, кроме «Роснефти», не осуществляет поставок в Китай по указанному маршруту.

Цена нефти с поставкой в Китай по нефтепроводу. Согласно анализу при определении контрактной цены нефти с поставкой в Китай надо рассчитать и среднерыночную ценовую меру, и расходы на транспорт. Особенно с учётом того, что для Китая поставщик по нефтепроводу ВСТО и его ответвлению «Сковородино — граница Китая» только один — Россия. Но Россия может свободно поставлять нефть либо в Китай, либо на Дальневосточные НПЗ, либо в другие страны АТР через порт Козьмино, значит, имеет статус монополии при определении цены и может перекладывать транспортные расходы на китайского покупателя — CNPC.

Российские поставщики могут экспортировать нефть в Китай только в том случае, когда выручка (экспортная цена минус тариф) с поставкой в Китай станет равной выручке с поставкой в Европу или через порт Козьмино. Здесь экспортная цена с поставкой в Европу будет равняться среднерыночной цене Urals, а экспортная цена в порту Козьмино пока не известна. Нефтепроводный тариф с Тайшета до Сковородино равняется тарифу до Козьмино и составляет 5,30 дол./баррель (38,8 дол./т). При таких условиях транспортный тариф на поставку в Китай из Западной Сибири понизится с 11,79 (1,79+1,09+8,91) дол. за баррель до 7,09 (1,79+5,30) дол. — уровень 2008 г. Для нефтедобывающих компаний в Западной Сибири удовлетворительная цена будет Urals — 4,32 + 7,09 = **Urals + 2,77**, а для производителей в Восточной Сибири удовлетворительная цена составит Urals — 4,32 — 1,79 + 5,30 = **Urals — 0,81**.

Тем не менее транспортный тариф по нефтепроводу ВСТО пока не определён. 5,30 дол./баррель, это цена, которую предлагала «Транснефть» ещё в 2004 г., когда расходы на строительство ВСТО-1 (до Сковородино, включая строительство нефтепорта Козьмино) составляли 6,6 млрд. дол. В 2007 г. из-за изменения маршрута на север (увеличился приблизительно на 500 км) и постоянного повышения стоимости труб и оборудования, а также понижения курса доллара проектные расходы на ВСТО-1 увеличивались до 13 млрд. дол.⁹ По словам главы Минпромэнерго В. Христенко, только с учётом падения курса доллара тариф превратился (приблизился? — **отв. ред.**), наверное, в 50 дол./т. (6,83 дол./баррель)¹⁰. В этом

случае для нефтяных производителей в Западной Сибири удовлетворительная цена будет $Urals - 4,32 + 1,79 + 6,83 = \text{Urals} + 4,30$, а для производителей в Восточной Сибири ($Urals - 4,32 - 1,79 + 6,83 = \text{Urals} + 0,72$).

Но напрашивается вопрос, кто оплатит расходы на железную дорогу со Сковородино до порта Козьмино перед завершением строительства ВСТО-2: «Транснефть» или нефтяные компании? По мнению В. Христеко, тариф до Сковородино должен равняться тарифу до бухты Козьмино, значит, «Транснефть» должна взять расходы на железную дорогу на себя, которые будут составлять 3,28 дол./баррель (24 дол./т) по расчёту компании¹¹. Но с учётом резкого повышения проектных расходов на ВСТО, чтобы провести представленную тарифную политику, у «Транснефти» только два пути: во-первых, потребовать субсидии от правительства, во-вторых, повысить время окупаемости.

При определении цены нефти с поставкой в Китай надо учесть ещё один фактор — качество нефти, поставляемой по нефтепроводу ВСТО. На данный момент «Роснефть» поставляет западносибирскую нефть в Китай по железной дороге, но нефтепровод ВСТО должен прикачивать

Транспортный тариф для экспорта нефти России, дол./баррель

Примечание: * тариф в 2007 г.; ** тариф в 2008 г.

Источник: по данным «Транснефти», ВСЖД, ФСТ и Министерства по железно-дорожным делам Китая.

новый сорт нефти — смесь ВСТО (ESPL Blend), которая представляет собой смесь западносибирской нефти с восточносибирской. По мнению экспертов, качество такого сорта нефти будет выше, чем Urals, поэтому её цена должна быть выше¹². Учитывая этот факт, производителям нефти в Восточной Сибири выгоднее поставлять её по нефтепроводу ВСТО в Китай и другие страны АТР, чем на запад, так как возможно избежать её смешения с маркой Urals. Но цена этого сорта нефти на свободном рынке пока не ясна.

Что надо делать китайским покупателям. В 2007 г. CNPC импортировал около 8,9 млн. т нефти железной дорогой по цене 68,13 дол. за баррель. Это на 1,30 дол. меньше, чем среднерыночная цена Urals (см. табл. 3). Российская нефть поставляется через Забайкальск до Дацина, где перевозится на НПЗ по нефтепроводу. Тариф по железной дороге Забайкальск — Дацин составляет 1,28 дол./баррель, а тариф нефтепроводом «Сковородино — граница Китая» с его продлением до Дацина предполагается 0,64 дол./баррель. Поэтому для CNPC удовлетворительная контрактная цена будет Brent — $3 + 0.675 + (1.28 - 0.64) = \text{Brent} - 1,685$.

С учётом того, что в 2007 г. дисконт цены Urals к Brent достиг 3,12 дол./баррель (табл. 3), данная формула превратится в $\text{Urals} + 3.12 - 1,685 = \text{Urals} + 1,435$.

Но о таком уровне контрактной цены вряд ли CNPC договорится с западносибирскими производителями нефти, поскольку они будут требовать больше ($\text{Urals} + 2.77$).

На данный момент китайские покупатели, которые намерены импортировать российскую нефть по нефтепроводу ВСТО и его ответвлению, сталкиваются с ситуацией, что им приходится платить за нефть по среднерыночной цене и взять часть транспортных расходов на себя. В Китае появляется недовольство таким российским импортом. Надо заметить, что это, с одной стороны, оправдано, но с другой — не совсем оправдано.

Устроить контрактную цену на рыночном уровне — универсальный принцип при свободной международной нефтяной торговле. Когда ситуация на рынке изменяется, надо пересмотреть контракт и добавить соответственные справки. В последние 3 года дисконт цены Urals к Brent уже сократился с 4,24 до 3,12 дол./баррель в 2007 г. Это, конечно, не плохо для китайских покупателей, которые импортируют российскую нефть по железной дороге и предполагают её цену на основе Brent, а не Urals, так как для России экспортировать нефть в Европу стало выгоднее, чем в Китай. В этом смысле при усмотрении контрактной

цены «смесь ВСТО» с поставкой в Китай надо учитывать цену не на Brent и Urals, а на новую марку нефти, имеющую схожее качество.

Как единственный поставщик нефти по нефтепроводу и его ответвлению в Китай Россия может получить монопольный статус при определении контрактной цены. Тем не менее обременить Китай расходами на транспортировку нефти нерационально, особенно, пока не одобрена тарифная политика с поставкой нефти по нефтепроводу ВСТО-1 с его железнодорожным продлением до порта Козьмино. Тариф на нефтепровод ВСТО до Сковородино равняется тарифу до Козьмино или нет, потребителям российской нефти в Северно-Восточном Китае надо готовиться покупать её и по нефтепроводу, и по танкеру из порта Козьмино, чтобы хеджировать ценовой риск с учётом расходов на транспортировку.

Выводы. Переговоры о строительстве нефтепровода для поставки российской нефти в Китай продолжаются больше 15 лет. Предмет переговоров изменился с нефтепровода «Ангарск — Дацин» на нефтепровод «Сковородино — граница Китая», т.е. ответвление ВСТО с его продлением до Дацина. Тем не менее в настоящее время надо признать, что этот нефтепровод не так важен для России, как для Китая. Вследствие этого Россия получает относительно сильный статус при переговорах с Китаем.

Самая важная часть переговоров — о контрактной цене нефти. Она должна основываться на условиях рынка. Вместе с тем при определении логичной ценовой формулы надо учитывать ещё два фактора: качество нефти, поставляемой по нефтепроводу ВСТО; тариф на нефтепровод ВСТО. Но обсуждение пока продолжается и не может решиться в ближайшее время; чтобы Китай и Россия договорились о строительстве нефтепровода «Сковородино — граница Китая», нужно время.

Необходимо заметить, что строительство нефтепровода «Сковородино — граница Китая» — только одна тема нефтяного сотрудничества между Китаем и Россией. На данный момент компании обеих стран сотрудничают в Удмуртии, Восточной Сибири, на Сахалине и Севере Китая в нефтедобыче и нефтепереработке. А.Г. Коржубаев отметил, что активное сотрудничество с Китаем в нефтегазовой сфере, несомненно, является важнейшим направлением усиления экономических и геополитических позиций России в мире, диверсификации экспорта, повышения структурной и территориальной сбалансированности нефтегазового комплекса, обеспечения экономической безопасности страны¹³. При переговорах о строительстве нефтепровода «Сковородино — граница Китая» следует учитывать государственные интересы, интересы нефтяных компаний и населения обеих стран.

- ¹ РБК Daily. 2007. 15 нояб.; Ведомости. 2008. 28 апр.
- ² Nefte Compass. 2006. 23 May.
- ³ Russia & CIS Oil and Gas Weekly. 2007. 11 Apr.
- ⁴ Russia & CIS Oil and Gas Weekly. 2007. 11 Jul.
- ⁵ В 2006 г. «Роснефть» рассчитывала увеличить перерабатывающую мощность Комсомольского НПЗ до 700 млн. т в год на 2009 г. (International Oil Daily. 2006. 26 Dec.) В 2007 г. группа «Альянс» анонсировала план модернизации и реконструкции Хабаровского НПЗ мощностью 4,35 млн. т нефти в год (РБК Daily. 2007. 21 Aug.).
- ⁶ РБК Daily, 2006. 24 нояб.
- ⁷ Russia & CIS Oil and Gas Weekly. 2007. 29 Aug.
- ⁸ Ведомости. 2008. 29 янв.
- ⁹ Russia & CIS Oil and Gas Weekly. 2007. 14 Feb.
- ¹⁰ Ведомости. 2008. 28 апр.
- ¹¹ Коммерсантъ. 2007. 13 марта. Согласно расчёту автора по данным РЖД тариф должен быть 8,35 дол. за баррель (61,08 дол./т).
- ¹² Коммерсантъ. 2007. 27 июля.
- ¹³ Коржубаев А.Г. Сотрудничество с Китаем в нефтегазовой сфере // Российский экономический журнал. 2007. № 9. С. 77.

Liu Xiu

Sapporo

**CURRENT STATUS OF THE NEGOTIATION OVER
THE SKOVORODINO — CHINESE BORDER OIL PIPELINE:
PERIOD OF CONSTRUCTION, OIL VOLUME AND PRICE**

Collaboration between Russia and China within oil and gas sphere became more significant in recent years. The success of negotiation process strongly depended on oil price acceptability by both countries. And here there are some problems that can be only resolved by taking into account different interests of governments, oil companies and our peoples.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО ПОЯСА В КОНТЕКСТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ И КИТАЯ (НАЧАЛО XXI в.)

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. приграничные территории России и Китая будучи депрессивными районами стремились стимулировать своё развитие и решить насущные социально-экономические проблемы через взаимное сотрудничество. К началу XXI в. китайский приграничный пояс, состоящий более чем из 20 портовых городов и уездов, накопил достаточный потенциал для расширения сотрудничества с российскими территориями не только в области торговли, но и в инвестиционной, транспортной, туристической и других сферах.

Близость к России играет определяющую роль в развитии приграничных территорий Китая. Она стала доминирующим фактором в привлечении государственных инвестиций, направленных на укрепление экономического состояния северной границы. Социально-экономическое развитие 19 приграничных уездов и городов пров. Хэйлунцзян заметно превышает средние показатели по провинции, в том числе в связи с тем, что 80% их финансово-бюджетных доходов поступает от торговли с Россией¹ (хотя стоит отметить, что основную роль в ускоренном развитии данных территорий, по мнению специалистов, играли государственные инвестиции). Суйфэньхэ в течение последних четырёх лет (с 2004 по 2007 г.) занимает первое место среди городов и уездов по основным социально-экономическим показателям; в первую десятку в своих провинциях входят также г. Маньжоули (г. Маньчжурия, Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) и уезд Дуннин пров. Хэйлунцзян).

Приграничные города выполняют немаловажную роль в торговле Китая с Россией. Так, по данным пров. Хэйлунцзян, в 2007 г. мелкая приграничная торговля с Россией, которая осуществлялась только через приграничные города и уезды, составила 5,4 млрд. дол., 50% от торговли всей провинции с Россией², или более 8% российско-китайской торговли. Практически все крупнейшие торгово-экономические компании пров. Хэйлунцзян, осуществляющие сотрудничество с Россией, также сосредоточены в приграничной зоне³.

В то же время бессистемная неконтролируемая конкуренция между приграничными территориями за государственные инвестиции и проекты в отношении России, неразвитая транспортная инфраструктура и несовершенное информационное обслуживание в определённой степени привели к необоснованному расходованию средств⁴. Для решения проблем центральные и провинциальные власти Китая стали прорабатывать стратегию «открытости приграничных районов». В 2006 г. в г. Харбине состоялось устраиваемое Министерством коммерции КНР Собрание по вопросам стратегии приграничной открытости, где руководители центральных, провинциальных и местных властей обсуждали вопросы общей стратегии приграничных районов в отношении России⁵. В 2007 г. в г. Маньчжоули состоялся первый форум мэров приграничных городов Китая, на котором обсуждались вопросы социально-экономического развития с учётом выгодного географического положения (следующий форум пройдёт в 2008 г. в Суйфэньхэ).

Уже сейчас можно выделить основные тенденции в формировании социально-экономического развития приграничных территорий Китая, которое ориентировано на взаимодействие с российской стороной. Наряду с совершенствованием традиционных секторов экономики, которые связаны с туризмом и торговлей, происходит ускоренная индустриализация приграничного пояса, при этом развивается промышленность, которая ориентирована на Россию. К 2004 г. валовой региональный продукт промышленного сектора г. Хэйхэ на 10% был сформирован производством, ориентированным на импорт сырья из России и экспорт готовой продукции⁷. В 2007 г. в промышленный сектор г. Суйфэньхэ было вложено более 1,86 млрд. юаней, что составляет 70,6% всех инвестиций в город⁸. В начале XXI в. в приграничном поясе провинций Хэйлунцзян, Цилинь и АРВМ образуется ряд районов экспортной обрабатывающей промышленности. В 2005 г. руководство пров. Хэйлунцзян приняло проект по созданию пяти «баз экспортной обрабатывающей промышленности, ориентированной на Россию», три из которых сосредоточены в приграничной зоне (г. Хэйхэ, уезд Дуннин, г. Суйфэньхэ)⁹. В целях создания инфраструктуры подобных баз, обычно включающих несколько районов разной специализации, провинциальное правительство выделило 102 млн. юаней¹⁰, не меньшие суммы поступают посредством банковских кредитов и частных инвестиций. К концу 2007 г. в пров. Хэйлунцзян было создано 96 районов экспортной обрабатывающей промышленности, значительная часть которых расположена в приграничной зоне¹¹. Основной их специализацией является производство электрооборудования, текстиля, строительных материалов, сельскохозяйственной продукции и т.д. При этом происходит привлечение крупных китайских

компаний в подобные зоны. Например, в г. Суйфэньхэ строят свои мощности одна из крупнейших деревообрабатывающих компаний Китая «Дая», крупнейший производитель электротехники — компания «Ланчао» и др. Крупные приграничные города, например Суйфэньхэ, Хэйхэ, Маньчжоули, проводят активную выставочную деятельность в экономических центрах Китая (Гонконг, Шанхай и т.д.), рекламируя возможности российско-китайского сотрудничества для крупного бизнеса через приграничные территории. Таким образом, они стремятся взять на себя роль посредника в торгово-экономическом сотрудничестве развитых восточных районов КНР с Россией.

Наряду с индустриализацией приграничного с Россией пояса происходит его расширение вглубь. По заявлению руководителя департамента коммерции пров. Хэйлунцзян пояс приграничной открытости должен опираться на города и уезды, в которых расположены пропускные пункты, и замыкаться на крупных внутренних городах — Муданьцзян, Цзямусы, Цзиси и т.д.¹² Уже сейчас запущен крупный проект по созданию ориентированного на Россию «экономического пояса Харбин — Муданьцзян — Суйфэньхэ (Дуннин)». За 9 месяцев 2007 г. в данный пояс было вложено 1,23 млрд. юаней в 65 крупных проектов, заявленная стоимость которых оценивается в 12 млрд. юаней¹³. Подобная ситуация характерна и для других приграничных городов и уездов: г. Тунцзян всё больше интегрируется в экономическое пространство г. Цзямусы, а г. Хуньчунь постепенно срачивается с административным центром г. Яньцзи.

Наблюдается превращение приграничного пояса Северо-Востока Китая в крупный транспортный узел Северо-Восточной Азии. В соответствии с «Программой возрождения Северо-Восточных районов» на 11-ю пятилетку запланировано и уже началось строительство высокоскоростной магистрали Суйфэньхэ — Маньчжоули, Цзилинь — Хэйхэ и т.д.¹⁴ Совсем недавно китайские СМИ заявили о формировании альтернативного дальневосточному отрезку Транссибирской магистрали пути перевозки грузов в Европу посредством мощного транспортного коридора Далянь — Маньчжоули с выходом на Транссиб, при этом он короче Транссиба (по времени) на 10 дней¹⁵.

Экономическая интеграция приграничных территорий Северо-Востока Китая происходит не только вглубь, но и в пределах узловых центров самого пояса. Отстающие в развитии волости и уезды приграничной зоны включаются в общее экономическое пространство развитых приграничных городов и уездов. Так, в начале 2008 г. было принято решение о совместном развитии г. Суйфэньхэ с несколькими волостями г. Мулинь¹⁶. Подобные проекты существуют в отношении близлежащих территорий г. Хэйхэ и уезда Дуннин. Немаловажным фактором внутрен-

него развития является стремление китайских приграничных городов и уездов включить российские территории в своё экономическое пространство. Оно проявляется не только в превращении территорий Дальнего Востока и Забайкалья в рынок сбыта, но и в создании на российской территории промышленных зон с китайскими инвестициями.

Несколько подобных проектов реализует на территории Забайкальского края г. Маньчжоули¹⁷. Один из крупнейших инвестиционных проектов, реализуемых уездом Дуннин в Приморском крае, является создание торгово-экономического сотрудничества «Канцзи» в г. Уссурийске (началось в сентябре 2006 г.). Через год (2007 г.) в зону было вложено 260 млн. юаней (35 млн. дол. США) на сооружение инфраструктурных объектов¹⁸, а общий объём планируемых инвестиций должен составить 2 млрд. юаней. Подобное сотрудничество происходило в Октябрьском районе¹⁹, а промышленный комплекс в Михайловском районе Приморского края создал г. Суйфэньхэ. Экономическая эффективность таких районов для российских территорий сомнительна. Их основными инвесторами выступают крупнейшие компании китайских приграничных городов, которые развивают производство у себя, поэтому в экономическом плане их может интересовать только создание сборочных производств для ввозимых из Китая комплектующих или мощностей по грубой переработке российского сырья с целью ухода от высоких таможенных пошлин на вывоз в Россию готовой продукции и ввоз сырья, что отмечает и сама китайская сторона. Хозяйственная деятельность большинства компаний в подобных районах связана с производством обуви и текстиля, а также с деревообработкой, однако информация о привлечении в районы высокотехнологичных производств отсутствует.

Другой формой экономического проникновения приграничных территорий КНР в Россию является создание общих интеграционных образований на границе. Ещё в начале 90-х гг. правительство пров. Цзилинь предложило создать на базе г. Хуньчунь и приграничных территорий РФ и КНДР особую зону Туманган, которая бы открыла Северо-Востоку Китая альтернативный даляньскому направлению выход к морю, однако эта инициатива не нашла поддержки у российской и северокорейской сторон. Однако г. Хуньчунь видит своё дальнейшее развитие экономических отношений с российской стороной через реализацию проекта по освоению бассейна р. Туманган, в основе которого лежит открытие порта Зарубино для китайских грузов²⁰.

В 2005 г. правительство г. Хэйхэ предложило модель совместного экономического развития приграничных территорий — «Два государства — один город» с целью «создания единой городской платформы и способствования совместному развитию приграничных городов»²¹.

Интеграционная модель г. Суйфэньхэ — Приграничный торгово-экономический комплекс «Пограничный — Суйфэньхэ» (ПТЭК) была рассчитана на безвизовый въезд граждан и транспорта двух стран в зону с упрощённой процедурой прохождения границы для ведения коммерческой деятельности и шоппинга. Строительство комплекса началось в 2004 г., полное завершение запланировано на 2010 г. Обе стороны вложили 1,4 млрд. дол. (основную часть китайская), в июне и августе 2006 г. российская и китайская стороны ПТЭК объявили о введении его в эксплуатацию²². Однако посещение комплекса гражданами двух стран затруднено, так как отсутствует правовая основа для его функционирования (прежде всего с российской стороны), не определены конечные цели и задачи²³. Подобный проект прорабатывается в г. Маньчжоули, однако по вышеуказанным причинам он не запущен²⁴.

Реализация подобных проектов в приграничной зоне России и Китая подчинена не только активизации сотрудничества с российской стороной. Основные узлы приграничного пояса Хуньчунь, Хэйхэ, Суйфэньхэ позиционируют себя в качестве возможного плацдарма для вхождения Китая в Северо-Восточную Азию и во внутренние районы России.

В то же время наряду с достигнутыми успехами существует целый ряд проблем, сдерживающих социально-экономическое развитие китайского приграничного пояса. Во-первых, наблюдается невозможность его равномерного развития, во многом это связано с проблемами во взаимодействии с российской стороной (ограниченность дальневосточного и сибирского рынка товаров и услуг, слаборазвитая инфраструктура и другие факторы), при которых только узловые центры приграничного пояса могут пользоваться преимуществом близости к России. Слаборазвитая инфраструктура и отказ от её совместного совершенствования, например строительство мостов через р. Амур в районе городов Хэйхэ и Тунцзян, ограничивают экономические возможности приграничных территорий КНР. Во-вторых, отсутствие специализации приграничных с Россией городов и уездов приводит к тому, что, вкладывая инвестиции в развитие одинаковых отраслей, они невольно вступают в конкуренцию между собой. Например, Хуньчунь и Дуннин вкладывают немало средств в развитие торговых площадей, однако им трудно оттянуть на свои направления туристский поток из России, который в основном ориентирован на Суйфэньхэ. Так, за первый квартал 2008 г. Хуньчунь посетило 14,5 тыс. туристов²⁵, уезд Дуннин — 59 тыс., а Суйфэньхэ — 352 тыс. россиян, что говорит о явном преимуществе суйфэньхэского направления. В-третьих, неспособность, а иногда и нежелание российской стороны участвовать в совместных экономических проектах, предлагаемых китайскими приграничными территориями, а также непред-

сказуемость российского законодательства оказывают отрицательный эффект на привлечение крупных китайских и иностранных инвесторов в приграничную зону. Характерным подтверждением этого служит строительство комплекса «Пограничный — Суйфэньхэ», куда одна из крупнейших в Китае строительных компаний «Шимао» вложила значительные инвестиции. Однако из-за преград, поставленных российской стороной, комплекс фактически не функционирует и компания терпит значительные убытки. Под вопросом продолжения своей хозяйственной деятельности оказались деревообрабатывающие компании в китайской приграничной зоне после решения правительства России о повышении таможенных пошлин на вывоз сырьевой древесины. В Дуннине, например, некоторым крупным деревоперерабатывающим предприятиям пришлось временно остановить работу²⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что существующие тенденции социально-экономического развития китайских приграничных территорий во многом усилят их позиции в российско-китайском взаимодействии. Развитие собственного промышленного производства и интеграция с внутренними районами создаёт новые возможности для приграничных городов и уездов по завоеванию рынков сбыта как в России, так и в третьих странах. Общая стратегия социально-экономического развития приграничного пояса Китая, к выработке которой в последнее время активно приступили китайские власти разных уровней, позволит максимально эффективно использовать выгодное пограничное положение многих городов и уездов.

---

¹ Дуй э маои хэцзо яньи шэнцзибань. 2007 нянь маои чао 100 и мэйюань (Торгово-экономическое сотрудничество с Россией достигло нового уровня: в 2007 г. торговый оборот превысил 10 млрд. долларов США) // <http://heilongjiang.mofcom.gov.cn/aarticle/sjgongzuody/200712/20071205296311.html>

² Объём мелкой приграничной торговли между Хэйлунцзяном и Россией в 2007 г. превысил 5 млрд. дол. // <http://russian.northeast.cn/system/2008/02/04/000034885.shtml>

³ «Шиу» шици хэйлунцзяншэн дуй э цзинмао фачжань яньцзю баогао (Исследование по вопросам развития торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией в период реализации 10-го пятилетнего плана) // <http://www.hl-doftec.gov.cn/public/AA/index.jsp?TemplateName=AA&TemplateXMLName=1&CNumberN=1847&ArticleTitleN=853>

⁴ Чжуаньцзя: гоуцзянь кайфандай ладун яньбянь сяньюй куай фачжань (Эксперт: создание пояса открытости будет способствовать ускоренному развитию приграничных районов и уездов) // <http://shenyang.gov.cn/2006-9/200692093120.htm>

⁵ Шанубу яньбянь кайфан чжаньлюе цзотаньхуй цзай хаербинь чжаокай (Совещание Министерства коммерции по вопросам стратегии приграничной открытости в Харбине) // <http://heilongjiang.northeast.cn/system/2006/09/19/050553590.shtml>

- 6 Шоу цзе бяньцзин коуань чэнши шичжан луньтань цзи ди сань цзе чжу-
нэ цюйюй хэцзо луньтань 7 юэ 9 жи чжи 11 жи чжаокай (первый Форум мэ-
ров приграничных городов и третий Китайско-российский форум регио-
нального сотрудничества пройдут 9—11 июля) // <http://www.manzhouli.gov.cn/2007—6/2007625113221.htm>
- 7 Хэйхэши хумаоцой фачжань цзунти гуйхуа (2004 нянь суйгайгао) (План комплекс-
ного развития зоны взаимной торговли г. Хэйхэ (вариант, исправленный в 2004 г.)) // http://122.156.184.2:8080/wwwfzgh/ClassInfo/ClassInfoDis.asp?Entry_id=50&pageno=2
- 8 Гуне тоуцзи лайши мэн. Цзинцзи цэнчжан чэн ляндянь (Стремительное увеличе-
ние инвестиций в промышленность и экономический рост стали важными фак-
торами развития) // <http://www.suifenhe.gov.cn/Chinese/txtlstvw.aspx?LstID=60429c0e-601e-4927-88c6-91e258c79adf&k=经济>
- 9 Хэйлунцзяншэн жэньминь чжэнфу гуаньюй туйцзинь дуй э цзинмао кэцзи хэцзо
чжаньлюе шэнцзи дэ ицзянь (Предложения Народного Правительства провин-
ции Хэйлунцзян по реализации усовершенствованной стратегии научно-техни-
ческого и торгово-экономического сотрудничества с Россией) // http://www.hlj.gov.cn/jltz/zfwj/t20050530_17102.htm
- 10 Хэйлунцзян тоужу 1 и дуо юань цзыцзинь дацзао дуй э цзиньчукоу цзягун юань-
цой (Провинция Хэйлунцзян вкладывает более 100 млн. юаней в создание рай-
онов экспортной обрабатывающей промышленности) // http://chinaneast.xinhuanet.com/2005-03/23/content_3928394.htm
- 11 Хэйлунцзян дуй э маои тупо бай и мэйюань ваньчэн ди и цзедуань чжаньлюе му-
бэо (Торговля провинции Хэйлунцзян с Россией превысила 10 млрд. долларов
США: стратегические задачи первого этапа выполнены) // http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-12/19/content_11980767.htm
- 12 Дацзао яньбянь кайфандай цуцзинь цюйюй цзинцзи фачжань (Создание при-
граничного пояса открытости активизирует региональное экономическое раз-
витие) // http://www.hljic.gov.cn/zehz/zelt/t20080226_261769.htm
- 13 Чжун юаньцой цзинсян фачжань. Цзинцидаи луншэнь тусянь (Развитие рай-
онов происходит в конкурентной среде, обнажая мощные очертания экономи-
ческого пояса) // <http://www.mdjprojects.gov.cn/ArticleContent.asp?ID=1428>
- 14 Дунбэй дицой цзяотун гунчэн гуйхуа сяну (Объекты Программы развития
транспортной инфраструктуры Северо-Востока) // http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-08/24/content_10948068.htm
- 15 Даляньган кайсин чжи элосы гоцзин баньле чэн яоу луцяо юньшу синь цидянь
(Даляньский порт открывает регулярное трансграничное железнодорожное со-
общение с Россией — новая отправная точка евразийского сухопутного пути) // http://chinaneast.xinhuanet.com/2008-03/01/content_12584663.htm
- 16 Лян ши ляншоу шисянь шуанин (Два города совместно реализуют взаимо-
выгодное сотрудничество) // http://www.hljxxw.gov.cn/zehz/hdemy/hljybjjs/t20080424_297673.htm
- 17 Ван Сигуй цзюйчжан цзай цюаньши шану гунцзо хуйи шан дэ цзянхуа (Вы-
ступление руководителя отдела Ван Сигуя на общегородском рабочем засе-
дании по вопросам коммерции) // <http://manzhouli.mofcom.gov.cn/aarticle/ldjh/200804/20080405487888.html>
- 18 Во го цзай э усулисыкэ шоу цзянь цзинмао хэцзоцой (Китай строит первую зону
торгово-экономического сотрудничества «Канцзи» в Уссурийске) // http://www.hljxxw.gov.cn/zehz/hdemy/hljdeyqjs/t20080328_281914.htm

- ¹⁹ Чжуаньфан: Дуннинсянь жэньминь чжэнфу сяньчжан Сунь Юнсянь (Эксклюзивное интервью с главой Народного Правительства уезда Дуннин) // http://www.hlj.gov.cn/visit/templet_subjectreview.asp?id=147
- ²⁰ Цилиньшэн жэньминь чжэнфу гуаньюй цзякуай туйцзинь тумэньцзян цюйюй кайфан кайфа дэ ицзянь (Предложения Народного Правительства провинции Цилинь по активизации развития и открытости бассейна р. Туманган) // www.jl.gov.cn/zwx/zfwj/szfw/t20070226_219230.html
- ²¹ Ван Фэн: Активизация реализации концепции «Два государства — один город» способна усилить конкурентоспособность и взаимодополняемость Хэйхэ и Благовещенска // Материалы конференции «Российско-китайское приграничье в интеграционных процессах в СВА: проблемы и перспективы». Благовещенск, 2007. С.113—118.
- ²² <http://www.shimaogroup.com/project/sfh.trade/index.htm>
- ²³ Чжунэ бяньцзин дицзюй да сяньму хэцзо чжун дэ вэньти юй цзяньи — и «Суй-Бо маои цзунхэти» вэй ли (Проблемы и предложения по реализации крупных проектов сотрудничества приграничных территорий России и Китая — на примере «Приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный — Суйфэньхэ») // <http://sfh.ds.smehlj.gov.cn/site/sites/sfh/2269632603286/content.fdp?contentId=2381854852633>
- ²⁴ Ван Сигуй цзюйчжан... // <http://manzhouli.mofcom.gov.cn/aarticle/ldjh/200804/20080405487888.html>
- ²⁵ Хуньчуньши 2008 нянь э жуцзин люйю шисянь кай мэньхун (В 2008 г. положено успешное начало приграничному туризму г. Хуньчунь с Россией) // http://long-jing.yanbian.gov.cn/yanbian/board.php?board=zhenxingdongbei&act=view&no=221&page=1&search_mode=&search_word=&cid=2
- ²⁶ Дуннин муцай цзягун цие индуй цзинькоу юаньму чжанцзя вэйцзи (Деревообрабатывающие предприятия г. Дуннин противостоят угрозе повышения цен на импортную древесину) // <http://www.dongning.gov.cn/article.asp?articleId=3550>

S. Ivanov
Vladivostok

**TRENDS AND PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF CHINA'S FRONTIER TERRITORIES
IN TRANSBOUNDARY INTEGRATION OF RUSSIA AND CHINA
(IN THE BEGINNING OF 21ST CENTURY)**

The article deals with present socio-economic development of China's frontier territories and shows how the main trend of this development can change or influence on the future of sino-russian frontier relations. Accelerated industrialization, huge amount of capital investment and integration with country's inner territories create new opportunities for border areas to capture markets of Russia and other countries. The evidences of these are Chinese industrial zones on Russian territory and new integration formations that have been recently offered by Suifenhe and Heihe.

ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Современная глобализация показывает, что с конца XX в. для России дальневосточный азимут внешней политики на перспективу становится не менее важным, чем евро-атлантический. Тем более что характерной чертой современного этапа развития стран Азии являются не только высокие темпы экономического роста, но и динамика интеграционных процессов. Расширение взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии (СВА) является одним из ключевых средств для включения Дальнего Востока в процессы трансграничного сотрудничества. Это обеспечение экономического роста российской стороны и благосостояния населения этих территорий, а следовательно, стабилизация политического статуса России на международной арене при постепенном отходе в прошлое приоритета её военного потенциала.

Географически проекты, о которых пойдёт речь, дислоцированы на Дальнем Востоке. Применяя концепцию «прямого соседства», создаются трансграничные институты в приграничных регионах, например соприкосновения Евросоюза и Российской Федерации, или российско-китайская граница. Однако приграничный регион имеет специфику, связанную с институтом внешних границ. Поэтому международное сотрудничество в приграничных регионах рассматривается с доминирующим учётом факторов безопасности и геополитики¹ (общероссийской внешнеполитической стратегии).

Дальневосточная геостратегия России направлена на сбалансирование внешней политики в отношении стран СВА, что сопряжено с определёнными сложностями, продиктованными разнообразием идеологических, социально-политических и экономических систем. Остаются региональные геополитические проблемы, например разделённые государства, нерешённые территориальные вопросы.

В целом можно признать справедливым вывод о том, что в международных процессах СВА доминируют политические отношения при высоком потенциале связей. КНДР («камень преткновения» рассматриваемого геополитического региона) с помощью ядерного шантажа США и трёх своих ближайших соседей (Республика Корея, КНР, Япония) давно наловчилась решать экономические и продовольственные проблемы.

До сих пор значимыми игроками остаются США и Япония, однако всё больший вес набирают Китай, Республика Корея. Именно расстановка

сил обуславливает состав союзов между государствами в Азии, в том числе и объединений интеграционного характера. Глубокое политическое понимание и доверие со стороны государств всё ещё является целью развития, но не в коем случае нельзя отрицать высокой мотивированности государств США в развитии тесных экономических связей. Свою сбалансированную стратегию в этой части мира Россия должна строить, учитывая непростые сложившиеся взаимоотношения стран региона. Некоторые политические претензии соседствующих стран к России способствуют выведению этих отношений на совершенно новый уровень трансграничного сотрудничества. Например с Японией, до сих пор не заключён мирный договор, поставивший формальную точку Второй мировой войне, а также имеются нерешённые территориальные притязания в отношении Малой (Южной) гряды Курильских островов. Геополитическое значение Южно-Курильской гряды велико, особенно для обеспечения национальной безопасности РФ в новых условиях. Однако это совсем не означает разрыва торгово-экономических и гуманитарных связей между Россией и Японией. И даже наоборот, благодаря объявленной Японией политики «широкого сотрудничества» высокая политика была отделена от сфер сотрудничества, что даёт шанс на будущее — при помощи взаимовыгодного сотрудничества нормализовать вопросы высокой политики.

Углубление экономической взаимозависимости (Россия и Япония рассматриваются только в категории вероятного и желаемого потенциала, пока не отражённого в политико-экономических реалиях) способно определить пределы ухудшения двусторонних отношений, как произошло с Японией, Китаем и США, связанными крепкими торговыми партнёрскими отношениями, разрыв которых может привести к глобальному экономическому кризису и геополитическому дисбалансу на всём мирополитическом пространстве.

Несмотря на указанную взаимозависимость, Китай согласно своей внешнеполитической стратегии в качестве потенциального врага рассматривает США из-за их стремления к глобальному доминированию и несколько насторожённо относится к попыткам локального доминирования своих соседей — Японии, Индии и России. При этом следует заметить, что в отличие от Японии и Индии к России каких-либо официальных претензий Китай не имеет. Отсутствие внешнеполитических противоречий и претензий (в октябре 2004 г. были урегулированы последние территориальные споры с Китаем — переданы острова Большой Уссурийский и Тарабаров возле Хабаровска) приносит свои политические дивиденды — солидарность стран в отношении глобальной политики и защиты внутреннего суверенитета стран (Косово, Тайвань, Тибет, Ирак, Чечня); совместный проект в Средней Азии (ШОС). Однако

это не снижает настороженности российских властей в отношении паритетности развития сопредельных территорий и изменения соотношения мирового статуса (снижение мирового влияния России), что заставляет задуматься о потенциале будущих противоречий.

В целом внешнеполитические приоритеты Китая направлены на решение двух первостепенных задач: во-первых, обеспечение благоприятных международных условий для проведения китайских реформ и политики открытости: поддержание мирных отношений с глобальными лидерами и нормализация отношений с ближайшими соседями Китая. Во-вторых, «затаиться на время», действовать на основе компромисса, «спрятать голову и воспитывать в себе униженность», чтобы выиграть время, накопить «комплексную государственную мощь» и затем претендовать на роль мирового лидера². Это не мешает Китаю принимать участие в региональной политике и являться центральным участником большинства (если не всех) существующих в регионе международных организаций и клубов, а его активная экономическая политика направлена на интеграцию экономик соседствующих стран. В целом региональную политику КНР в СВА можно охарактеризовать как стремление к балансу сил среди геополитических акторов этой части мира: стратегическое сотрудничество с РФ как противовес позициям США и Японии; выравнивание отношений с обеими Кореями при активизации культурного и экономического сближения трёх стран.

Корейский полуостров остаётся центральным объектом внимания в СВА, который выступает в роли своеобразного институционального фактора, собирающего основных акторов региональной политики для решения глобальной проблемы денуклеаризации региона и статуса КНДР в современном миропорядке. России предстоит восстановить свой статус-кво в многостороннем диалоге вокруг проблем, связанных с межкорейскими отношениями, и обоснованием международного положения Северной Кореи, занесённой Соединёнными Штатами в чёрный список стран «оси зла». При этом для России наиболее предпочтительно было бы соблюдать баланс интересов в области добрососедских отношений и всестороннего сотрудничества с обоими корейскими государствами³.

На рубеже тысячелетий Россией были решены некоторые противоречия со странами Корейского полуострова, обусловленные старыми идеологическими факторами — «осколок холодной войны»: в 1992 г. Россия заключила договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Республикой Корея (налажены дипломатические отношения), 9 февраля 2000 г. РФ и КНДР подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Период «прозападного радикализма» российской внешней политики с 1991 по 1993 г. принёс много вреда нашему государст-

ву особенно на восточном направлении. В начале 1990-х гг. либеральная элита России была против развития отношений с диктаторским режимом КНДР, считая, что с наступлением третьей волны демократизации крах «последнего оплота сталинизма» неминуем, а объединение Корейского полуострова под южнокорейским руководством необратимо. Однако КНДР доказала свою жизнеспособность даже в условиях агрессивной внешней среды, а следовательно, и ошибочность дальневосточной политики Москвы. И только с визитом Президента РФ В.В. Путина в июле 2000 г. в Пхеньян Россия политически вернулась в Северную Корею как серьёзный и перспективный для Пхеньяна партнёр, одновременно повысив свой «рейтинг» на Юге полуострова, да и в целом укрепив свои позиции в СВА. Россия стремится развивать всесторонние отношения с Республикой Корея и укреплять восстановленные отношения с Северной Кореей в рамках своей дипломатии «равных расстояний».

На сегодняшний день реализация стремления российского руководства сбалансировать отношения с каждой из стран СВА создаёт благоприятный климат для налаживания полноценного трансграничного сотрудничества. Особое значение при этом имеет энергетический потенциал России, в первую очередь её проект трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО). По масштабам и значению такие проекты являются стратегическими и имеют государственную правовую и финансово-экономическую поддержку, в них участвуют крупные компании нерегионального масштаба, которые действуют в рамках межгосударственных договорённостей. Результаты таких проектов могут изменить ситуацию в АТР.

Основная роль в энергетическом сотрудничестве России со странами СВА отводится Восточной Сибири и Дальнему Востоку, что придаёт этим взаимоотношениям трансграничный характер, так как основная часть «свежих» нефтегазовых ресурсов расположена в этих частях страны и целесообразно ориентировать их разработку на потребности и инвестиции ближайших стран-соседей⁴. Помимо геополитической конкуренции мощных мировых экономик за влияние в регионе Япония заинтересована в диверсификации собственного рынка поставщиков энергоресурсов. Крупные японские капиталовложения в дальневосточном регионе России представляют собой вложения в большие инвестиционные проекты в виде кредитов, долей в многосторонних партнёрствах (консорциумах и др.) и прямых инвестиций (в меньшей степени), сосредоточенных главным образом в топливно-энергетическом и транспортном комплексах.

Для Китая вопрос энергообеспечения жизненно важен для стабильного экономического роста, в случае его снижения социально-экономические осложнения создадут внутривнутриполитическую напряжённость

в стране, а при глобальных масштабах китайской экономики такие тенденции будут иметь негативные последствия для всего мира.

Учитывая жёсткую конкуренцию мировых акторов за российский экспорт энергоресурсов и возможное развитие зависимости от основных потребителей России, необходима диверсификация географии энергетического экспорта. Южная Корея, занимая 3-е место в СВА по потреблению энергоресурсов, вполне способна стать (учитывая её финансовые, экономические и технологические возможности) своего рода балансом, регулирующим оптимальный спрос на российскую энергию со стороны Китая и Японии.

Основной загвоздкой, мешающей интенсивному развитию топливно-энергетических проектов в этой части мира, является Северная Корея. Несмотря на то, что для России КНДР не имеет самостоятельного значения как потребитель энергоресурсов в силу своей неплатёжеспособности и относительно небольшого спроса, она интересует российских энергетиков как транзитный коридор для экспорта энергоресурсов в Южную Корею и как объект международной энергетической помощи в обмен на отказ Пхеньяна от ядерных амбиций. Существуют проекты, направленные на обход транзитного посредника через экспорт нефти и газа морским путём с Сахалина и Приморья после реализации проекта ВСТО, они экономически целесообразны, но не отвечают потребностям развития интеграционных структур СВА. Энергетическая инфраструктура (нефтегазопровод и энергетические сети) должна охватить большую часть СВА. И на сегодняшний день разрабатывается концепция энергетической сети с участием России, Республики Корея, КНДР, КНР и Монголии⁵. Создание электросети, связывающей Приморье с РК через КНДР, могло бы послужить основой для дальнейшей энергетической интеграции в СВА, активным сторонником которой является Сеул.

Для России Китай, Япония, Южная Корея, а в перспективе и другие страны Восточной Азии становятся весьма привлекательным и надёжным рынком сбыта нефти, газа и др. В целом по мере расширения областей сотрудничества можно ожидать и общего развития региона. Анализируя современные процессы регионализации мировой политической и экономической систем, можно констатировать, что усиливается значение регионального уровня сотрудничества, которое оказывает существенное влияние на международное сотрудничество государств через предоставление права регионам осуществлять международные связи, а также объединяться в межрегиональные структуры, создавать межгосударственные союзы, выходящие за рамки государств, — трансграничные регионы⁶.

Дальневосточные регионы способны выступать в качестве субъектов международных процессов (не выходя за рамки внешней полити-

ки федерального центра), тем более что центр тяжести в двусторонних и многосторонних экономических отношениях со странами СВА приходится на российский Дальний Восток. Также стоит учитывать, что для наших восточноазиатских соседей именно эти территории являются географическим приоритетом в отношении с Россией. Например, Китай в развитии своих северо-восточных провинций ориентируется на расширение сотрудничества с Дальним Востоком России и в целом на расширение внешней открытости. Для этого специально правительством разработан документ (№ 36), по которому будет реализован целый ряд больших проектов с участием иностранных инвестиций (в том числе российских). Китай делает ставку на взаимозависимость развития Дальнего Востока с восстановлением старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая. По мнению китайской стороны, предложенное направление, доработанное в стратегическую программу, будет стимулировать создание полноценной зоны свободной торговли между странами и ускорит процесс регионального сотрудничества⁷. Показательно намерение Китая создать международную экономическую зону на о-ве Большой Уссурийский после завершения демаркации границы. В перспективе это может оказаться самым большим проектом трансграничного сотрудничества регионов, способным образовать единое экономическое пространство.

Дальний Восток занимает особое положение в отношениях России с Японией, что объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, — это фактор географической близости, важный для обеих стран и включающий в себя целый ряд аспектов — от экономии на транспортных издержках до развития добрососедских, в том числе побратимских связей, поэтому и в советский период Дальний Восток был основным субъектом взаимодействия с Японией. Во-вторых, именно Дальний Восток обладал и обладает тем экспортным потенциалом (минеральные и биоресурсы), который важен для Японии. В-третьих, интерес со стороны Японии именно к этому региону России обусловлен наличием постоянно действующего политического фактора. И, наконец, большую роль играют геополитические и геоэкономические факторы⁸.

Для Корейского полуострова Дальний Восток не является важным фактором межрегиональных отношений. Здесь большую роль играет именно военно-политическая составляющая взаимоотношений, отдающая предпочтения межгосударственному уровню отношений. Хотя Южная Корея считает Россию (и в частности Приморье) одним из приоритетных направлений своей внешнеэкономической деятельности, многие корейские фирмы отдают предпочтение прямым контактам с восточными территориями России. В рамках межрегиональных программ прорабатываются проекты комплексного освоения и переработки

океанического сырья, строительства объектов соцкультбыта, транспорта и инфраструктуры. Сотрудничество в экономическом развитии регионов строится на основе межправительственных соглашений, заключаемых между Россией и Республикой Корея.

Региональные связи с КНДР находятся не в лучшем состоянии из-за дисбаланса торговых отношений, развивающихся только за счёт российского экспорта. Кризисное состояние северокорейской экономики и нерешённые проблемы уплаты северокорейского долга на ближайшее время лишают перспектив развития этих отношений. Учитывая политический режим этой страны, вряд ли можно говорить о развитии регионального трансграничного сотрудничества. Существующие проекты свободных экономических и промышленных зон (Кэсон, Синыйчжу, Раджин-Сонбон и др.) рассчитаны либо на будущее, либо на экономическую помощь, активно оказываемую под видом взаимовыгодного инвестирования Республикой Корея и КНР (в меньших объёмах).

Значение России для Восточной Азии в большей степени обусловлено огромным ресурсным потенциалом, который способен стать генератором экономического продвижения страны в этот регион, и в свою очередь катализатором ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока. Большой потенциал развития Востока России определяется следующими параметрами:

- ресурсным потенциалом территорий Дальнего Востока, включающим в себя углеводороды, гидроресурсы, руды, лесные ресурсы, плодородные почвы (в зоне, пригодной для ведения интенсивного сельского хозяйства), рыбные ресурсы и ландшафтно-рекреационные возможности территорий;
- наличием конкурентоспособных производств;
- сформированной системой расселения, развитым инфраструктурным хозяйством;
- выгодным геоэкономическим и геополитическим положением региона, его близостью к одному из главных и наиболее быстро развивающихся макрорегионов мира.

Позитивные изменения политического климата в СВА создают благоприятные условия для реализации многостороннего подхода в разработке и транспортировке российской нефти и газа как получателям внутри страны, так и за рубеж. Эта модель соответствует интересам России, так как может обеспечить практическое разрешение наиболее принципиальных проблем в энергетическом секторе. Стратегия включения России в СВА и реализация имеющихся возможностей должны базироваться не только на ресурсных, инфраструктурных и институциональных возможностях, но и на инновационных проектах.

Руководство страны теперь тяготеет к восстановлению рычагов управления над отдалёнными дальневосточными регионами, хотя предполагало добиться этого политическими методами, избежав финансовых затрат из федерального бюджета. «Финансирование на паях» — частично из федерального бюджета, частично из бюджета регионов ведёт к конфликту между интересами московских политиков и дальневосточных властно-экономических элит⁹. Следует выделить проблемы на пути становления и развития трансграничного сотрудничества и собственно самих дальневосточных территорий:

- отсутствие консолидированного единого интереса российских акторов тормозит развитие Дальнего Востока и ослабляет влияние России на внешние рынки СВА и АТР;
- несогласованность российских акторов между собой и их нездоровая конкуренция друг с другом; неспособность российской стороны выявить у себя хотя бы одно государственное звено, могущее принять ответственное решение;
- проблема соотношения самоидентификации единого государственного пространства и его регионов, что условно можно обозначить как «пространство власти»; расхождение интересов регионов и центра приводит к росту сепаратистских настроений на местах;
- отсутствие мотивации развития в дальневосточных приграничных районах и городах, которая наличествует в китайских приграничных провинциях и городах (распределение доходов построено таким образом, что территории прямо заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией).

Определение продуктивной региональной стратегии в современных условиях России становится жизненно важным, ибо это система наиболее значимых целей и решений государства, позволяющих обеспечить баланс отношений «центр — регионы» на обозримую перспективу. Но и **регионы должны мыслить общенациональными масштабами**, исходя из своих возможностей. Соблюдение баланса интересов (осознанная необходимость исправления ошибок прошлых лет), нужное также и на глобальном уровне развития жизненных циклов России. Российский Дальний Восток является органической частью СВА, и при условии обострения внутренних проблем создаётся необходимость *антикризисного политического управления пространством* России (особенно её окраинных/приграничных территорий).

В отношении развития трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России и стран СВА складывается уникальная ситуация, когда географическое положение и все возможные ресурсы благоприятствуют становлению этого типа регионального взаимодействия, а нехватка

инициативы национальной элиты России их тормозит. От того, как мы используем свой лимит времени (30—40 лет) и ресурсов, найдём ли общий язык, зависит будущее не только приграничного/трансграничного сотрудничества, но и всей России.

- ¹ Каримова А. Регионы в современном мире // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 37.
- ² Пак Ки Чан. Новая роль Китая в СВА и военная безопасность в регионе // Китай в мировой и региональной политике: (история и современность) / отв. ред. Е.И. Сафронова. М: ИДВ РАН, 2007. С. 146.
- ³ Панченко М.Ю. Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР. М.: Научная книга, 2004. С. 67.
- ⁴ Колчин С.В. Западный и восточный векторы в российской нефтегазовой политике: взаимодополнение или конкуренция? // Россия и мир в XXI веке. 2007. № 4. С. 53.
- ⁵ Стеклов М.М. Энергетические проекты в треугольнике РФ—РК—КНДР // Корейский полуостров и вызовы глобализации: Доклады X научной конференции корееведов России и стран СНГ. М., 2006. С. 145.
- ⁶ Дубинина О.Ю. Влияние регионализации на международные связи регионов Российской Федерации (1991—2007): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 16.
- ⁷ Инь Цзяньпин. Базисное условие экономического сотрудничества и совместного развития Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 72.
- ⁸ Тимонина И.Л. Дальний Восток России — Япония: грани экономического сотрудничества // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии / рук. проекта Э.В. Молодякова. М: АИРО—XX, 2004. С. 139.
- ⁹ Шинковский М.Ю. Российские регионы: методологический аспект политологического анализа // Российский Дальний Восток в АТР на рубеже веков: политика, экономика, безопасность. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.

A. Zykov
Vladivostok

THE POTENTIAL OF TRANSBOUNDARY COOPERATION BETWEEN RUSSIAN FAR EAST AND NORTH-EAST ASIA COUNTRIES

In work the basic changes in structure of the international economic relations of Northeast Asia are analyzed. Foreign policy strategy of Russia on East Asia a direction, problems of domestic practice of transboundary and frontier cooperation in a context of last tendencies of globalization is shined. The special attention is given to a role of the Russian Far East in regional integration processes in Northeast Asia and to prospects of construction of effective regional strategy of the remote regions of Russia. The modern situation understands region, problems and the forecast of spatial development of Russia for the near future.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ КПК В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НЕХАНЬСКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (1978—2007 гг.)

Развитие культуры национальных меньшинств является одним из компонентов социального прогресса. Руководство КНР с самого основания новой власти выработало комплекс мероприятий, направленных на поднятие культурного уровня неханьских народов, которые прошли через этапы позитивного строительства, «левацких» перегибов эпохи «большого скачка», разрушения «культурной революции» и возвращения к нормальному развитию этнических меньшинств.

В период реформ партийно-государственное руководство относилось с большим вниманием к развитию культуры в стране. На XII Всекитайском съезде КПК Ху Яобан отметил: «Под культурным строительством имеется ввиду развитие таких областей культуры, как просвещение, наука, литература и искусство, пресса и печать, радиовещание и телевидение, здравоохранение, физкультура и спорт, библиотечное и музейное дело, а также повышение общеобразовательного уровня народных масс»¹. Эти мероприятия, направленные на создание социалистической духовной культуры, наряду с материальной были необходимым компонентом общественного прогресса.

Применительно к национальным районам политика в области культуры имела некоторые особенности. Большинство этнических меньшинств в повседневной жизни использовали язык своей национальности, что ставило задачу распространения печатных изданий, теле- и радиовещания на разных языках. Но далеко не все неханьские народы обладали собственной письменностью, которая, как известно, является фактором сохранения национальной культуры.

Другой аспект был связан с разным уровнем социально-экономического и культурного развития неханьцев. К моменту образования КНР многие некитайские народы находились на стадии разложения родоплеменных отношений. Соответственно, эти особенности предопределили различные подходы к культурному строительству в национальных районах страны. Первые мероприятия в данной сфере были

направлены на развитие национальных языков и создание письменности для народов, её не имеющих.

В 1949 г. в «Общей программе НПКСК» было провозглашено право использования и развития своих национальных языков и письменностей (ст. 53)². В «Основных принципах осуществления районной национальной автономии в КНР» закреплялось право на использование письменности, «общепринятой в данном национальном районе» (ст. 15).

В документе указывалось, что «в целях развития культуры и образования различных национальностей органы самоуправления... должны применять свой родной национальный язык и свою письменность» (ст. 16)³. Это положение было закреплено в Конституции КНР 1954 г. (ст. 71)⁴.

На Северо-Востоке Китая на момент образования КНР письменностью обладали корейцы, маньчжуры и монголы, но степень её использования была различной. На корейском и монгольском языках регулярно выходили различные периодические издания, преподавание в школах и вузах (применительно к корейцам) велось на родном языке. Маньчжуры использовали в основном китайскую письменность.

Сибо заимствовали письменность у маньчжуров, при этом ею пользовались лишь проживающие в Синьцзяне, а дунбэйские перешли на китайский язык. Дагуры ещё в XVIII в. адаптировали маньчжурский алфавит. В 20-е годы XX в. были попытки создания алфавита на латинской графике, но ни один из названных алфавитов не получил распространения и ныне вовсе не используется. Такие народы, как хэчжэ, эвенки и орочны, не имели своего письменного языка⁵.

С образованием первых районов национальной автономии некоторые народы Северо-Восточного Китая (СВК), например орочны, направляли ходатайства для решения вопроса о создании письменности. В связи с этим в июле 1952 г. в районы их проживания прибыла ознакомительная делегация, в составе которой находились языковеды. Тем не менее для этого народа письменность так и не появилась.

Попытки создания письменности для дагуров на кириллической графике по примеру монгольской (имеется ввиду МНР) стали предприниматься в начале 1950-х гг. Но официального признания она не получила, поэтому дагуры ходатайствовали о письменности на основе латинского алфавита. Лишь в мае 1956 г. на совещании в г. Хух-Хото, столице Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ), было решено создавать самостоятельную дагурскую письменность, а в декабре 1956 г. на специальной конференции её представители обсудили и приняли дагурский алфавит на кириллической графической основе⁶. Тем не менее новый

курс китайского руководства, начатый в 1957 г. с кампании «исправления стиля» (чжэнфэн), не позволил использовать новую дагурскую графику. Поэтому до настоящего времени этот народ остаётся бесписьменным. В отношении эвенков и хэчжэ никаких мер по созданию родного языка не предпринималось.

Наиболее активно процесс использования национальной письменности происходил в Яньбянь-Корейском автономном округе (ЯКАО). В 1953 г. в г. Яньцзи стал издаваться ассоциацией корейских писателей⁷ журнал на корейском языке «Яньбянь муньё» («Литература Яньбяня») и выходили две газеты «Енбен ильбо» и «Хынренкан ильбо»⁸. Делопроизводство в органах самоуправления и обучение в школах также осуществлялось на корейском языке.

В период маоистских кампаний конца 50-х — середины 70-х годов XX в. многие достижения в национально-языковом строительстве были свёрнуты. Проводился курс на слияние и вытеснение языков неханьских национальностей китайским. Неудивительно, что в Конституции 1975 г. нет упоминаний об использовании языков и письменностей этнических меньшинств.

Благодаря переходу к политике реформ прежние «левацкие» перегибы стали изживаться. В принятой в 1982 г. Конституции и «Законе о районной национальной автономии» отмечен возврат к прежним положениям о статусе национальных языков. Изменение курса китайских властей нашло отражение и в местном законодательстве. Так, в Положении об автономии ЯКАО в ст. 18 и 19 определялся статус корейского языка как официального в рамках автономного округа⁹. В национальных волостях пров. Хэйлунцзян также согласно Положению о национальных волостях этой провинции гарантировано свободное использование национальных языков¹⁰.

В 1980-е гг. обсуждался вопрос о создании письменности для этнических меньшинств. Китайские учёные поднимали вопрос о целесообразности такой работы, ведь некоторые неханьские национальности столь малочисленны, что обеспечить использование письменности практически невозможно. Старейший антрополог Китая Фэй Сяотун высказал мнение, что для создания письменности народности необходимо иметь определённую базу и условия, чего у некоторых малочисленных народов (хэчжэ, эвенки и ороконы) нет¹¹. Таким образом, все попытки создания национальной письменности для неханьских меньшинств СВК так и не были реализованы.

Несмотря на отсутствие письменности, в школах Дунбэя нашли возможность преподавания на родных языках. Так, в сёлах хэчжэ с начала

1987 г. обучение велось на родном языке, его передают с помощью китайской транскрипционной письменности пиньинь, основанной на латинской графике. Была составлена хрестоматия с параллельными (китайским и нанайским) текстами, объёмом 10 тыс. знаков. Появление такого издания, как сообщалось, воспринято хэжжэ с большим удовлетворением¹². С 1980-х гг. налаживалась работа по выпуску периодических изданий. Например, в ЯКАО издавалось 11 журналов, в них публиковались научно-популярные статьи, художественные произведения, практические рекомендации по ведению сельского хозяйства и т.п.¹³

В настоящее время виден определённый прогресс в данной сфере. В пров. Цзилинь в 2003 г. на национальных языках стали выходить разные журналы (21 ж., тираж 740 тыс. экз.), 12 газет (тираж 36,140 млн. экз.); издано 1854 наименований различной литературы тиражом в 34,580 млн. экз. В пров. Ляонин издавались только газеты (всего 5, но тираж 7,670 млн. экз.). К сожалению, в пров. Хэйлунцзян издания на национальных языках отсутствовали, но некоторые представители этнических меньшинств этой провинции использовали литературу, издававшуюся в соседних регионах (например, монголы и корейцы)¹⁴.

В этот период уделялось большое внимание научно-организационной деятельности по изучению национальных языков. В 1983 г. в пров. Хэйлунцзян учреждён Институт маньчжурского языка, основано Общество истории, языка и литературы дагуров¹⁵.

Другое направление культурного развития неханьских национальностей — выпуск литературы на китайском языке. Среди наиболее известных писателей-некитайцев — маньчжур Лао Шэ, многие его произведения переведены на русский язык. Сам автор погиб в период «культурной революции», но до сих пор его труды переиздаются¹⁶.

Получила развитие корейская литература, представленная несколькими жанрами: «литература шрамов», философский роман, социалистический реализм и литература реформ и др.¹⁷ Издавались корейские романы, повести, сборники песен. Создавались специализированные организации, которые объединяли деятелей литературы. Так, образованное Яньбяньское отделение Союза писателей Китая в 1953 г. возобновило свою деятельность после «культурной революции» в 1978 г.¹⁸ В феврале 1979 г. корейскими литераторами основано литературно-художественное исследовательское бюро.

Регулярно публиковались в Китае сборники фольклора и устного народного творчества, произведения профессиональных авторов национальных меньшинств. В 1981 г. в Шанхае издан пятитомник «Литература национальных меньшинств Китая: Избранные произведения». В нём

представлены произведения всех неханьских национальностей страны, в каждом томе есть подборка материалов определённого региона. Первый том антологии посвящён СВК, содержит произведения семи национальностей (монголов, корейцев, маньчжуров, дагуров, эвенков, орочонов и хэчжэ)¹⁹.

В настоящее время публикации произведений национальной литературы продолжаются. Так, в 1997 г. в Муданьцзяне вышел сборник на-найских народных песен и мелодий²⁰. С 1990-х гг. началась реализация проекта по изданию различного рода литературных произведений народов Китая: «Сборник народного песенного творчества Китая», «Сборник произведений музыкальной драмы Китая», «Сборник национальных рассказов Китая», «Сборник песенного фольклора Китая» и др. (должно быть издано в КНР и на Тайване 310 томов в 450 частях). Проект планировалось завершить в 2003 г.²¹

На территории СВК создана сеть музеев. В Дунбэе 13 апреля 1982 г. образован Музей народных обычаев в Лунцзине (ЯКАО). Экспозиция музея, посвящённая вкладу корейцев в развитие региона в XIX—XX вв., включает 3532 предмета; деятельности корейцев в Лунцзине посвящена выставка, размещённая в отдельном зале (679 единиц хранения)²².

В г. Яньцзи 10 июня 1983 г. открыл свои двери для посетителей краеведческий музей ЯКАО (площадь экспозиций более 650 кв. м, размещено 4000 предметов). В музее есть залы, посвящённые истории, культуре, общественной жизни округа²³. В настоящее время его планируется расширить и реконструировать²⁴.

В пров. Хэйлунцзян действуют два музея: музей национальностей пров. Хэйлунцзян (открыт 26 февраля 1985 г.), его экспозиции рассказывают об истории и культуре, современном развитии восьми неханьских национальностей (хэчжэ, орочоны, дагуры, эвенки, корейцы, сибо, маньчжуры и монголы) и орочонский национальный музей (основан 18 июля 1991 г.). Материалы выставки посвящены различным сторонам жизни орочонов: религии, историческому процессу развития, взаимоотношениям с другими национальностями²⁵.

Стали появляться в СВК заведения, посвящённые маньчжурам. В октябре 1986 г. в пров. Цилинь открылся музей, его экспозиции рассказывают об истории маньчжуров в период империи Цин, а также в послесинский и современный периоды, культуре и религии народа и т.п.²⁶ В пров. Ляонин в г. Фушунь (Синьбинь-Маньчжурский автономный уезд) в 2003 г. начал работу музей обычаев маньчжуров. Он состоит из 8 павильонов, в которых расположено более 600 экспонатов. В выставочных залах представлен материал о маньчжурах, их появлении на

исторической арене и расселении, о создании государства — империи Цин; экспонируются образцы одежды, макеты традиционных видов жилых построек, предметы быта, религии, литературы, искусства, керамических и фарфоровых изделий, изготовленных в национальном стиле²⁷.

В районе г. Шэньяна в 1998 г. реализован проект — создание музея под открытым небом в национальной маньчжурской деревне. Работы по организации экспозиций заняли 6 лет. В музее воссозданы типичные формы построек, организация пространства поселения, характерного национальному маньчжурскому стилю. Помимо современных реконструкций выставлены различные каменные стелы с записанными императорскими указами, предметы культа и т.п. Посетитель может составить представление о многих особенностях культуры и быта маньчжуров²⁸. Власти пров. Ляонин уделяют внимание культуре неханьских национальностей. Так, в августе 2003 г. в г. Шэньяне приступили к реконструкции единственного в Китае храма предков национальности сибо. Когда-то территория храма составляла 12,4 тыс. кв. м, а архитектурный ансамбль включал несколько павильонов, но до наших дней сохранился лишь один — центральный²⁹.

С 1992 г. в Китае по инициативе государства началась реализация проекта по созданию «культурной галереи окраинных народов, протяжённостью 10 тысяч ли»: в 9 провинциях и 4 автономных районах должны быть созданы объекты культурной инфраструктуры «...с тем, чтобы обогатить культурную жизнь местного населения». Отдельные элементы этой «галереи» сооружаются в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь³⁰. На территории СВК возникли и учреждения культуры малых народов, — театры, художественные и музыкальные школы, библиотеки, дома культуры и т.п. В 2003 г. число таких учреждений достигло 366 (см. табл. 1).

Таблица 1

**Учреждения культуры в районах национальной автономии
Северо-Восточного Китая (2003 г.)**

Провинция	Художественные галереи	Центры и дома культуры	Библиотеки	Музеи	Театры
Ляонин	—	180	8	2	6
Цзилинь	1	128	12	6	10
Хэйлунцзян	—	11	1	1	0
Итого	1	319	21	9	16

Примечание. Таблица составлена автором на основе Чжунго миньцзу тунцзиняньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004). Пекин, 2004. С. 442, 444, 446.

В районах национальной автономии действует сеть теле- и радиостанций, создание их началось ещё в 1950-е гг., но с развитием техники и средств массовой информации деятельность телевидения и радиовещания получила новый импульс. В 2003 г. на территории национально-территориальных образований СВК работали 40 теле- и радиостанций. По вполне понятным причинам, наибольшая их численность сосредоточена в пров. Цзилинь — 31 станция, в пров. Ляонин — 8, а в пров. Хэйлунцзян — всего одна. Выходят радиопрограммы на национальных языках: в пров. Цзилинь — 6, в остальных провинциях Дунбэя — по одной. Радиопередачи ведутся на корейском (5 передач) в пров. Цзилинь и на монгольском языках во всех территориальных единицах Дунбэя (по одной передаче в каждой)³¹.

Благодаря созданию учреждений культуры этнические меньшинства активно развивают традиционные и новые виды культуры и искусства. В домах культуры проходят выступления местных коллективов, некоторые из них выступали на различных смотрах и конкурсах провинциального уровня, а также принимали участие в фестивалях национальностей, проводимых в Пекине и других регионах страны.

Фестивали национальностей — особая форма презентации культуры неханьских народов Китая. Такие мероприятия начали активно проводиться с начала 80-х годов XX в. Один из первых фестивалей состоялся в Пекине с 20 сентября по 20 октября 1980 г. Всего участвовало 1200 чел. из всех этнических меньшинств страны, а также 600 артистов ханьской национальности, работающих в национальных районах; программа фестиваля состояла из 477 номеров. В ней приняли активное участие представители неханьских национальностей СВК³².

Этот фестиваль послужил толчком для проведения смотров народных талантов ежегодно в масштабах провинций и автономных районов. Так, в декабре 1983 г. в пров. Хэйлунцзян впервые был проведён подобный фестиваль. На этот смотр приехали представители 16 национальностей провинции (маньчжуры, монголы, корейцы, эвенки, дагуры, сибо и др.). В конкурсе приняли участие 400 чел., исполнялись песни («Орочоны поют о партии», «Горы и реки в сердце дагура»), танцы («Весна пришла», «Богатая добыча», «Утро Лалиньбила»), игра на народных инструментах («Воспеваем новую жизнь», «Весна в дозоре»). По замыслу организаторов такие мероприятия должны крепить единство национальностей³³.

Традиции проведения фестивалей неханьских народов сохранились. В пров. Хэйлунцзян в настоящее время знаменит фестиваль национальности хэчжэ, проводимый в г. Тунцзян. На втором фестивале 8 августа

2002 г. присутствовало более 10 тыс. гостей из Китая и России. На смотре проходили лодочные соревнования, спортивные выступления, выставка культуры национальности хэчжэ; состоялась экскурсия по этнографической деревне. Проведение фестивалей в этом районе обусловлено расположением г. Тунцзяна на берегу р. Амура, что способствует привлечению туристов с сопредельных регионов России³⁴. В 2001 г. район проживания хэчжэ посетили более 30 тыс. туристов³⁵.

Организация фестивалей неханьских национальностей способствует сохранению культурного наследия. Происходит развитие традиционных промыслов, искусства этнических меньшинств. Тем не менее существуют и некоторые негативные элементы. Если в 1980-е гг. фестивали несли идеологическую и просветительскую нагрузку, то теперь идёт коммерциализация традиционной культуры, что постепенно приводит к выхолащиванию национальной сути. Фактически происходят явления, схожие с положением аборигенов о-ва Гавайи, которые полностью переняли повседневные привычки американцев, а различные элементы традиционной культуры воспроизводятся с целью привлечения туристов.

В конце XX в. возобновились культурные контакты между хэчжэ и нанайцами, китайскими и российскими эвенками, прерванные в середине XX в. СВК и Дальний Восток России в этнокультурном плане представляют собой единый регион, поэтому на территориях двух государств проживают представители одних и тех же народов, в досоветский период связи между ними были весьма интенсивными. Но к концу 1950-х гг. установился жесткий пограничный режим, и контакты приграничного населения прекратились³⁶.

В 1980-е гг. происходил процесс нормализации советско-китайских отношений: восстанавливались торгово-экономические связи, обмен делегациями деятелей культуры и науки, в этом участвовали и представители коренных народов Дальнего Востока России и СВК. В 1991 г. впервые в истории этнокультурных связей нанайцев и хэчжэ был подписан «Договор о связях Нанайского района Хабаровского края и города Тунцзяна Китайской Народной Республики», в котором содержались положения об обмене делегациями, туристскими группами, концертными и спортивными коллективами³⁷. В 2002 г. между нанайцами и хэчжэ подписан договор о сотрудничестве в сохранении и развитии национальной культуры и обычаев, начался интенсивный обмен делегациями, выставками народных промыслов, новинками литературы³⁸.

Представительная делегация хэчжэ побывала 8—9 июля 2006 г. в национальном нанайском селе Кондон Солнечного района Хабаровского края. В эти дни там проходили торжественные мероприятия, по-

свящённые 355-летию со дня первого упоминания нанайского поселения Кондон, 90-летию со дня рождения нанайского поэта Акима Самара, 75-летию рыболовецкого национального колхоза «Сикау Покто» («Светлый Путь»)³⁹. Большую часть расходов взяли на себя администрация Хабаровского края и районные власти. Местные жители продемонстрировали старинные шаманские церемонии, свадебный обряд, угостили сородичей традиционными блюдами из сырой рыбы, черемши и папоротника. Хэчжэ ответили концертом национального творчества⁴⁰.

Подобные встречи стали проводиться между эвенками пров. Хэйлунцзян и Амурской области, Эвенкийского автономного хошуна АРВМ и Республики Бурятия. Творческие коллективы российских и китайских эвенков встречались 23—27 августа 2006 г. в Харбине на Международном фестивале культуры и искусства народов России и Китая⁴¹. Власти КНР уделяют внимание развитию национальных обычаев, хотя отношение руководства КПК к национальным обычаям с образованием КНР менялось неоднократно. В 1950-е гг. заявлялось, что правительство не вмешивается в эту область. В период «культурной революции» национальные обычаи и нравы подвергались искоренению, в 80-е гг. КПК возвратилась к идее уважения их, однако, по мнению идеологов, «отсталые» обычаи необходимо реформировать, приводить в соответствие с социалистической системой и современным развитием страны⁴².

Китайские исследователи выделяют три типа национальных обычаев и нравов. К первому относятся «хорошие» обычаи — они воспитывают трудолюбие, патриотизм, единство национальностей. Второй тип — это обычаи, от которых нет пользы, но нет и вреда. И третий тип — относят «вредные» обычаи: расточительность на свадьбах и похоронах, отсталые формы землепользования и т.п.⁴³ Главным образом последние нуждаются в реформировании.

На Северо-Востоке КНР политика КПК в вопросе национальных нравов и обычаев постепенно сказывалась на изменении образа жизни неханьских национальностей. Например, в 1950-е годы среди оро-чонов проводился «курс: охота — главное, (но кроме того) охрана леса от пожаров, постепенное развёртывание многоотраслевого хозяйства». В дальнейшем кроме главной сферы традиционной экономики необходимо было заниматься развитием сельского хозяйства и промышленности. В самом начале политики реформ сформулирован новый курс: «Лесное и скотоводческое хозяйство — главное, соединить сельское хозяйство и охоту, развивать многоотраслевое хозяйство»⁴⁴. Частое изменение курса правящей партии в отношении обычаев вызвало негативные явления в социально-культурном развитии народа. Быстрая ломка

национальных обычаев привела население к своеобразному культурному «стрессу», в результате которого начался рост асоциальных явлений среди орочонов (проблема алкоголизма).

По сообщению китайского информационного агентства «Синьхуа», хэчжэ, проживающие в районе г. Тунцзян (пров. Хэйлунцзян), меняли уклад традиционной экономической жизни. Если представители этого народа издревле занимались охотой и рыболовством, то в начале XXI в. — сельским хозяйством, скотоводством, туризмом и лесопосадками. По мнению авторов, такие изменения в экономической жизни хэчжэ являются «историческим скачком», в результате чего поднялся уровень доходов местных жителей (в 1999 г. среднегодовые доходы составили 2500 юаней)⁴⁵. Ухудшение экологической ситуации в регионе повлияло на занятия малых народов. Так, активная вырубка лесов привела к обезлесеванию, что в свою очередь сказалось на охотничьем промысле. Строительство крупных промышленных предприятий вдоль рек вызвало серьёзное загрязнение водного бассейна и падение объёмов улова.

Политика КПК по реформированию обычаев этнических меньшинств способствовала ускоренной их ассимиляции ханьцами. Например, по сообщению электронной газеты «Время новостей», побывавшие на празднике в селе Кондон хэчжэ исполнили несколько танцев и песен. По мнению российских нанайцев, эти выступления «...больше соответствуют китайским обычаям, чем традициям коренных народов Приамурья»⁴⁶.

Другой пример связан с распространением межэтнических браков среди коренных народов СВК. В середине 1990-х годов в этом регионе проводилось обследование, и оказалось, что у эвенков АРВМ в 80-е гг. смешанные браки составляли 24,39% (с монголами, дагурами, орочонами, корейцами и ханьцами), а в 90-е гг. доля таких браков возросла до 47,92%, при этом смешанные браки эвенков с ханьцами составляли 52,18%, среди орочонов АРВМ и пров. Хэйлунцзян — 46,57%, а у хэчжэ — 70,4%. С точки зрения китайских исследователей, наличие таких браков — свидетельство консолидационных процессов внутри китайской нации⁴⁷.

Несмотря на изменения в образе жизни неханьских национальностей, отдельные группы представителей некоторых из них до сих пор сохраняют традиционный уклад жизни. В первую очередь это эвенки, которые живут в лесах Большого Хингана и ведут полукочевой образ жизни⁴⁸.

Образование и культура — важные показатели социального развития, отношение к данным сферам общественной жизни неханьских национальностей изменялось неоднократно. В современный период вла-

сти Китая стали уделять повышенное внимание развитию образования и культуры среди всех национальностей страны.

В вопросе культурного строительства на Северо-Востоке также произошли значительные изменения. В национальных районах создана и функционирует сеть учреждений культуры, таких как театры, библиотеки, Дома культуры, музеи и т.п. Налажен выпуск разнообразной литературы на языках неханьских национальностей, что в целом способствует повышению уровня образования и культуры среди этнических меньшинств. Тем не менее, до сих пор нерешённой остаётся проблема создания письменности для малочисленных народов, что тормозит развитие национальной культуры. Даже среди национальностей, обладающих письменностью, функционирование языка и письменности далеко не одинаковое (имеется в виду маньчжурский язык).

Большой вклад в поддержание традиционной культуры неханьских национальностей вносят различные смотры, конкурсы и фестивали. В настоящее время в этих мероприятиях участвуют и представители народов, проживающих в России. Тем не менее всё более усиливается коммерциализация традиционной культуры, что приводит к отрыву её от народа, усиливаются ассимиляционные процессы. Но, несмотря на некоторые негативные процессы, невозможно не заметить значительные достижения в сфере культуры с образованием КНР.

---

¹ XII Всекитайский съезд КПК. Пекин, 1982. С. 44; Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации КНР (1978—2002 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4; Он же. Проблемы реализации национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.). Владивосток, 2007. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 60344 от 18.07.2007 г.

² Образование Китайской Народной Республики: документы и материалы. М., 1950. С. 47.

³ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955. С. 100.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Москалёв А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949—1978). М., 1981. С. 33—39.

⁶ Сердюченко Г.П. К вопросу о классификации народов и языков Китая // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 119.

⁷ Lee Chae-jin. China's Korean minority: the Politics of Ethnic Education. Boulder and London, 1986. P. 70.

⁸ Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965. С. 695.

⁹ Яньбянь Чаосяньцзу цзычжи чжу цзычжи тяоли (Положение об автономии ЯКАО) // Чжунго фалюй няньцзянь (Китайский юридический ежегодник). Пекин, 1986. С. 480.

- ¹⁰ Хэйлунцзян шэн миньцзу сянь тяоли (Положение о национальных волостях пров. Хэйлунцзян) // Чжунго фалюй няньцзянь (Китайский юридический ежегодник). [Б.м.], 1990. С.374—375.
- ¹¹ См.: Москалёв А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М., 1992. С.45—51.
- ¹² Жэньминь жибао. 1987. 3 окт.
- ¹³ Москалёв А.А. Национально-языковое строительство в КНР... С.115, 117; См. также: Peng Jianqun. Publishing in Minority Languages // China Reconstructs. 1983. N 9. P.38—41.
- ¹⁴ Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004). Пекин, 2004. С.456.
- ¹⁵ Москалёв А.А. Национально-языковое строительство в КНР... С.126—129.
- ¹⁶ Миньцзу туаньцзе. 1999. № 5. С.25—26.
- ¹⁷ Zhao Chengri. An Overview of Contemporary Korean Literature in China // Koreans in China. Honolulu, 1990. P.156—159.
- ¹⁸ Lee Chae-jin. China's Korean minority... P. 70.
- ¹⁹ Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ цзоминь сюань (Литература национальных меньшинств Китая: Избранные произведения). Шанхай, 1981. Т.1.
- ²⁰ Чжан Чжицюань. Хэчжэцзу миньгэ, гэцуюцзи (Сборник нанайских народных песен и мелодий). Муданьцзян, 1997.
- ²¹ [Ли Фэнлинь]. Китай: политика национальной районной автономии. Интервью посла КНР в Российской Федерации Ли Фэнлиня журналу «Жизнь национальностей» // Жизнь национальностей. 1996. № 3. С.24.
- ²² Эрши шицзи Чжунго шаошу миньцзу юй цзяюй: Лилунь чжэнцэ юй шицзянь (Национальные меньшинства в Китае в XX в. и вопросы образования). Пекин, 2001. С.423.
- ²³ Там же.
- ²⁴ http://www.saga.ua/44_archives_news_37580.html [Дата обращения 27.07.2006].
- ²⁵ Эрши шицзи Чжунго шаошу миньцзу юй цзяюй... С.424.
- ²⁶ Там же. С.422.
- ²⁷ <http://www.ru.ruschina.net/news/culture/myzei/bvnb/> [Дата обращения 01.03.2004].
- ²⁸ Шэньян маньцзу миньсуцунь сюньлань (Экскурсия по национальной маньчжурской деревне Шэньяна). Шэньян, 2004.
- ²⁹ <http://www.china.kulichki.net/news/2004/00052.shtml> [Дата обращения 08.06.2004].
- ³⁰ Политика и практика Китая в вопросе нацменьшинств. Пекин, 1999. С.68.
- ³¹ Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь — 2004... С.448—450.
- ³² National Minority Art Festival // Beijing Review. 1980. N 44. P.28—29.
- ³³ Фань Юймэй. Вого шаошу миньцзу дэ цзежи (Праздники национальных меньшинств Китая) // Шэхуй кэсюе чжаньсянь. 1983. № 3. С.21; Об искусстве и фольклоре ороочонов см.: Xu Yixi. Folk Arts of the Oroqen // China Reconstructs. 1982. N 2. P.56—57.
- ³⁴ http://www.russian.people.com.cn/200208/09/rus20020809_64153.html [Дата обращения 26.10.2004].
- ³⁵ <http://www.asiatimes.narod.ru/news2001/1001/0099.htm> [Дата обращения 29.02.2004].

- ³⁶ Подробнее об этнокультурных связях народов Дальнего Востока России и СВК см.: Хасанова М.М. Проблема контактов населения Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая // Евразия: этнос, культура, ландшафт. СПб., 2001. С. 280—325.
- ³⁷ Мы — единый народ: о десятилетии восстановления этнических связей нанайцев России и Китая. Хабаровск, 2002. С. 71.
- ³⁸ <http://www.news.khb.ru/news.php3?news=4048> [Дата обращения 21.01.2005].
- ³⁹ <http://www.khabkrai.ru/printversion.html&type=news&id=4372> [Дата обращения 27.07.2006].
- ⁴⁰ <http://www.vremya.ru/print/156520.html> [Дата обращения 27.07.2006].
- ⁴¹ http://www.kramur.ru/text/31_07_03/4.html [Дата обращения 21.01.2005].
- ⁴² Москалёв А.А. и др. Национальный вопрос в КНР. М., 1996. Ч. 2. С. 129.
- ⁴³ Там же. С. 134.
- ⁴⁴ Ван Юй. Дуй олунычунь миньцзу шэнчань чжуаньсян вэньти дэ таньтао (К проблеме производственных изменений у ороchonской нации) // Чжунго шаошу миньцзу. 1992. № 4. С. 69—71.
- ⁴⁵ <http://www.asiatimes.narod.ru/news2001/1001/0099.htm> [Дата обращения 29.02.2004].
- ⁴⁶ <http://www.vremya.ru/print/156520.html> [Дата обращения 27.07.2006].
- ⁴⁷ Китайская Народная Республика в 1995—1996 гг. М., 1997. С. 199.
- ⁴⁸ Сунь Чжицзян. Путешествие в страну эвенков // Партнёры. Харбин, 2002. № 3. С. 30—33.

I. Stavrov

Vladivostok

**THE PROBLEMS OF REALIZATION CULTURE POLICY
TOWARD ETHNIC MINORITY OF NORTH-EAST CHINA
(1978—2007)**

This article devoted to realization of cultural policy in ethnic minority areas of North-East China. Author determine some problems of cultural development of non-han nationality.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КНР (на примере провинции Ляонин)

Социальная сфера в Китае в последние годы становится одной из главных, откуда исходят основные угрозы не только перспективам развития страны, но и самому существованию китайского общества как единого и устойчивого целого. До недавнего времени причина заключалась в отсутствии у государства целенаправленной социальной политики, которая отвечала бы современным условиям и смягчала неравномерность экономического развития страны. Но уже в начале XXI в. китайское правительство озаботилось решением важных социальных проблем.

В июле 2001 г. оно объявило о постепенном введении новой системы социального обеспечения в стране. По решению Госсовета КНР она прошла трёхлетнюю апробацию в северо-восточной провинции Ляонин. Эта провинция в качестве экспериментального участка была выбрана неслучайно. Во-первых, на её территории расположено каждое десятое крупное предприятие Китая, здесь решаются все типичные и характерные проблемы, которые связаны с обеспечением населения как работающего, так и не имеющего работы. Во-вторых, из трёх провинций Северо-Востока, которые стали приоритетом регионального развития КНР, в начале XXI в. только пров. Ляонин смогла сохранить высокие темпы экономического роста и регионального производства на душу населения (выше на 9 пунктов общенационального), в том числе за счёт стабильного роста внешнеэкономических связей и притока иностранных инвестиций. И в-третьих, провинция получает больше средств из государственного бюджета КНР, так как Ляонин включена в две программы регионального развития (Северо-Востока и Бохайского района), куда входят такие крупные города, как Пекин, Тяньцзинь и Далинь.

Главной целью нововведений стало создание системы социального обеспечения, независимой от государственных и коммерческих предприятий. Её финансирование осуществляется из нескольких источников, причём большую часть затрат взяло на себя государство. В ходе эксперимента апробировались новые системы страхования по старости, а также медицинского для рабочих и служащих в городах, были введены выплаты страховых пособий по безработице. Основной акцент сделан на решение проблемы безработицы, которая стала одной из главных китайского общества. Рост безработицы связан с рядом факторов: структурными переменами в экономике, техническим прогрессом, повышением производительности труда, реформой государственных предприятий,

превращением скрытой безработицы в открытую. Но главная причина заключается в том, что создание новых рабочих мест намного отстаёт от потребностей в трудоустройстве. В настоящее время Китай вступил в период наивысшего прироста численности населения в трудоспособном возрасте, который продлится 8—10 лет. В 2003 г. прирост численности этой возрастной категории превысил в целом по стране 13 млн. человек. Одновременно возрастает переток рабочей силы из деревни в город, особенно в провинциях Северо-Востока, которые отличаются высоким уровнем урбанизации¹. В 2000 г. пров. Ляонин занимала первое место в стране по безработице, уровень которой превысил 17%. В целом по стране согласно официальной статистике — 4—5%. И при этом только 88% безработных были охвачены системой социального обеспечения, по этому показателю провинция занимала 10-е место. Местное правительство разработало уникальную для Китая систему «трёх выплат»: выплаты пособий по безработице, медицинских страховок и выходного пособия при увольнении (так называемые компенсационные выплаты).

В 2002 г. впервые был проведён эксперимент по массовому трудоустройству молодёжи, в нём участвовало 1517 предприятий сферы услуг, которые представили ряд вакансий для выпускников вузов. Благодаря им было трудоустроено более 100 тыс. чел. по всей провинции, что позволило сэкономить средства в размере 90 млн. юаней и обеспечить прожиточный минимум населения. В 2001 г. на это было потрачено только 60 млн. юаней, а в 2002 г. по системе «трёх выплат» затраты на пособия по безработице из бюджета провинции составили 700 млн. юаней (из них в городах — 500 млн., в сельской местности — 200 млн. юаней), из средств предприятий на эти цели выделено 200 млн., из общественных фондов — 100 млн. юаней. Благодаря сокращению числа безработных снизился уровень выплаты пособий по этой категории до 31,8%. Кроме того, была создана система всеобщего обязательного медицинского страхования, которая предусматривает выплаты как по больничным листам, так и компенсационные выплаты работникам, получившим травму на рабочем месте. В 2002—2003 гг. из бюджета провинции и средств предприятий на эти цели потрачено более 1,5 млрд. юаней².

Ещё одним вопросом для пров. Ляонин стала существенная разница структуры спроса и предложения на рынке труда. Избыток малоквалифицированной рабочей силы, представленной в первую очередь выходцами из деревни, сосуществует с нехваткой высококвалифицированных кадров, при этом профессиональная подготовка специалистов в высшей школе часто не соответствует требованиям рынка. Из университетов больше всего выходят «белые воротнички» (управленцы и научные работники), а провинции в связи с программой восстановления старой промышленной базы нужен инженерно-технический персонал. Поэтому многие выпускники вузов не могут найти работу по специальности.

Для решения проблемы местное правительство создало специальный фонд, который формируется из бюджета провинции и отчислений средств предприятий, заинтересованных в приёме на работу молодёжи инженерно-технических специальностей. На деньги этого фонда реализуются программы переподготовки безработных и подготовки молодёжи, закончившей высшие школы. Кроме того, на базе Ляонинского университета создана система полугодовых курсов, позволяющих студентам ещё в период обучения получить работу на предприятиях сферы услуг³.

Подводя итоги эксперимента по введению новой системы социального обеспечения в пров. Ляонин, можно обозначить ряд положительных и отрицательных моментов. Безусловно, она подтвердила свою жизнеспособность и стала ответом на возрастающую угрозу китайскому обществу. Созданные основы социального обеспечения в будущем могут стать гарантией стабильности. В пров. Ляонин сокращён уровень безработицы (по данным всекитайской экономической переписи 2006 г. — на 8,5%), кроме того, апробированы новые методы образования рабочих мест и утвердилась система конструктивного сотрудничества государства и частных предприятий. К отрицательным последствиям многие эксперты относят несовершенство механизмов её реализации, увеличение расходов местных бюджетов, которое при дальнейшем росте социальных выплат может отрицательно сказаться на финансово-бюджетной системе регионов. Тем не менее результаты внедрения новой системы социального обеспечения признаны положительными, а Госсовет КНР рекомендовал распространить её на всю страну.

¹ Лаоненьжэнь джаоляо дэ чжичжэн наньдянь (Трудности поддержки пожилых людей) // Шэхуй сюэ. 2007. № 6. С. 4.

² Лю Сяонань. Ляонин шэн шэхуй баосень юдянь гунцзо гэнь сянь яньдью (Пров. Ляонин как экспериментальный участок введения системы социального обеспечения) // Шэхуй кэсюэ цзикань. 2003. № 1. С. 53.

³ Ян Туан. Чжунго шэхуй чжэнцэ яндин, цзяодянь юй дяньгоу (Правительственный курс на строительство китайского общества) // Шэхуй сюэ. 2007. № 3. С. 17.

G. Kondratenko

Vladivostok

THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN MODERN PRC (LIAONING PROVINCE)

The experiment on approbation of new system of social security in China on the basis of a province Liaoning in 2001—2003 is examined in given article. In work are analyzed some steps on realization of new system, in particular — introduction of "system of three payments" and the projects directed on reduction of unemployment. Results of this experiment have been recognized by State Council of PRC as a whole by satisfactory and its experience has been decided to extend all over the country.

ПРОБЛЕМА СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Долгое время северокорейская проблема, связанная с попытками КНДР разрабатывать собственную ядерную программу, фактически определяла развитие ситуации в Восточной Азии. Руководство Северной Кореи всё-таки пошло на компромисс с представителями международного сообщества, достигнутые 13 февраля 2007 г. в рамках шестисторонних переговоров договорённости реализуются, что свидетельствует о качественном сдвиге в решении северокорейской проблемы.

В статье рассматривается северокорейская проблема в нетрадиционном аспекте — сквозь призму такого феномена, как общественное мнение. Используя данные, извлечённые из многочисленных опросов, проведённых в 2000—2008 гг. в США, странах Западной Европы и соседних с КНДР — Южной Корее, Японии, Китае и России, мы попытаемся максимально широко представить существующую картину. В последние годы особую активность в связи с северокорейской проблемой проявляют **США**, исключительный интерес представляют данные опросов, проведённых в этой стране. С приходом к власти в 2001 г. администрации Дж. Буша-мл. политика США в отношении КНДР изменилась. 29 января 2002 г. в своём выступлении, сделанном в Конгрессе США, Дж. Буш-мл. указал на Северную Корею как на одну из составляющих так называемой «оси зла», объявив, что она намеренно продолжает разрабатывать собственную ядерную программу с возможностью получения ядерного оружия¹. Американцы в целом разделяли мнение руководства США, что Северная Корея осуществляет программу по созданию оружия массового уничтожения². Американцы видели в этом достаточно серьёзную угрозу, и стремление ликвидировать её проявилось со всей очевидностью³.

В январе — феврале 2003 г. сложился кризис, в ходе которого Северная Корея заявила о своём выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)⁴. Многочисленные опросы с целью выявления общественного мнения, проведённые тогда в США, зафиксировали тенденции, которые получили своё развитие.

Прежде всего, события, разворачивавшиеся вокруг Северной Кореи, американцы отнесли к числу важнейших проблем внешней политики, с которыми столкнулись США. Оценивая северокорейскую проблему как «значительную»⁵, американцы считали, что сама КНДР несёт серьёзную угрозу для США. 16 апреля 2003 г. на вопрос «Как Вы считаете, Северная

Корея представляет угрозу для США?» были получены следующие ответы: «Да» — 79%, «Нет» — 18%, «Затрудняюсь ответить» — 3%⁶. При этом многие заявили, что со стороны этой страны, исходит долгосрочная угроза для США: в среднем на это указали 2/3 опрошенных лиц (рис. 1).

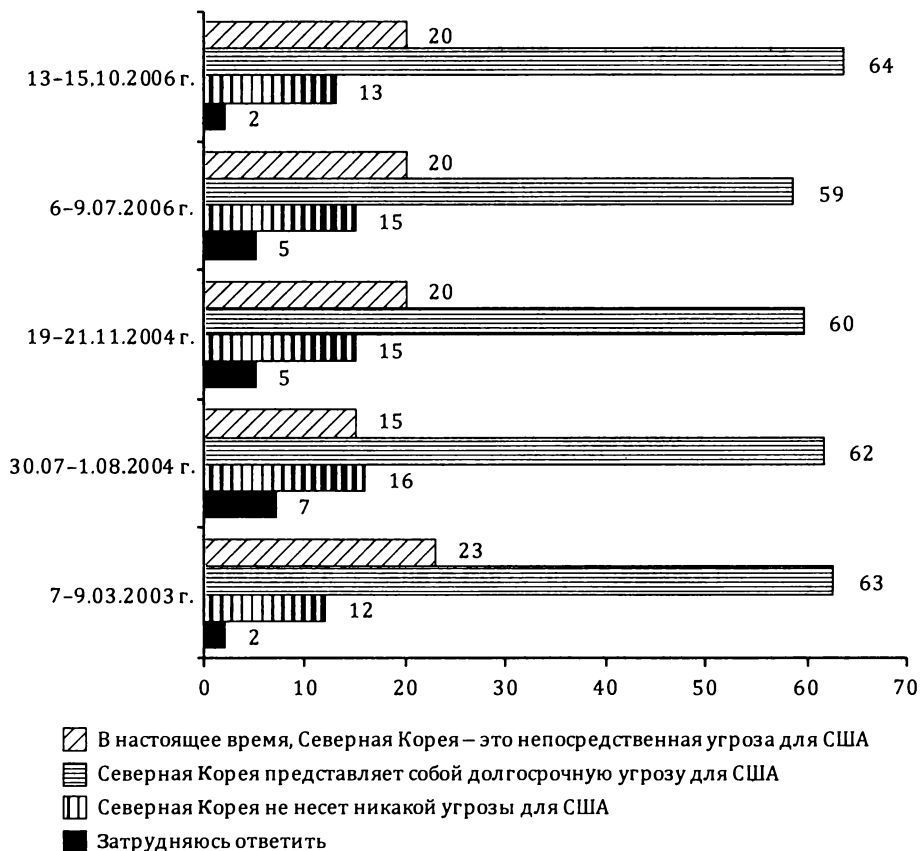

Рис. 1. Оценка американцами характера угрозы, исходящей от Северной Кореи в адрес США

Источник: CNN/USA Today/Gallup Poll.

Примечание. Вопрос, который был задан американцам, звучал так: «Как Вы можете оценить характер угрозы, исходящей от Северной Кореи в адрес США?»

Важно подчеркнуть, что указанная точка зрения практически до сих пор разделяется американскими СМИ, что, в свою очередь, способствует её укоренению в массовом сознании американцев. В связи с этим до настоящего момента соответствующим является и отношение американцев к Северной Корее. Оно, как видно (рис. 2) исключительно критическое, причём количество занимающих эту позицию, неизменно является значительным.

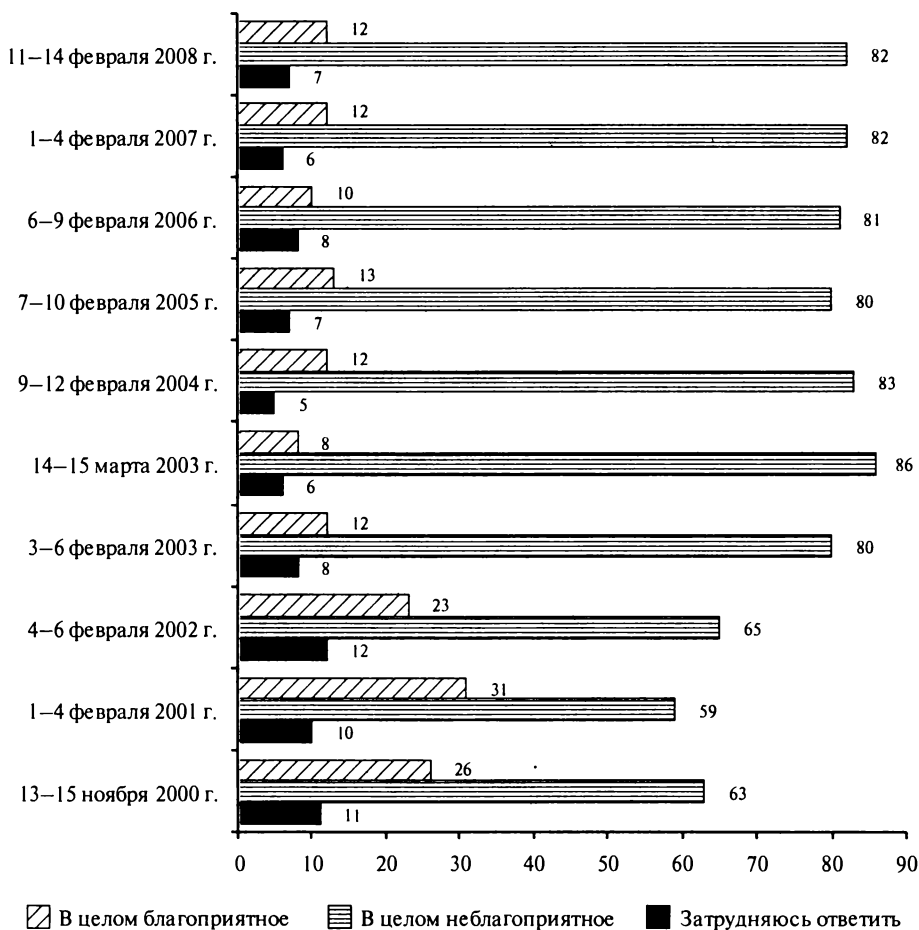

Рис. 2. Отношение американцев к Северной Корее.

Источник: Gallup Poll. — <http://www.galluppoll.com/>.

Примечание. Вопрос, который был задан американцам, звучал так: «Как вы можете оценить своё отношение к Северной Корее?».

С другой стороны, важно подчеркнуть, что, несмотря на исключительно критическое отношение к КНДР, американцы независимо от их политических предпочтений вовсе не настроены на использование военно-силовых методов. Так, например, в 2006 г. «Против» военно-силовой акции в отношении этой страны выступало 60%⁷ опрошенных, «За» — 35%. Аналогичное соотношение между сторонниками и противниками подобных мер существовало и в 2007 г. Однако отношение менялось на противоположное, когда был задан вопрос с иной формулировкой:

«Если Северная Корея продолжит свои работы по созданию ядерного оружия, должны ли мы, используя возможности ООН, нанести удар по этой стране с целью уничтожения её потенциала?»⁸ Другими словами, американцы только тогда положительно относились к военно-силовым методам, когда, с одной стороны, речь шла о неудачах в области дипломатии, а с другой — вероятные решительные действия были бы осуществлены на многосторонней основе, в первую очередь с использованием потенциала ООН. В результате, в том случае, если бы Совет Безопасности ООН дал разрешение на использование силы в отношении страны, не имеющей ядерного оружия, но стремящейся к её обладанию, американцы поддержали бы его (76% против 19%)⁹.

Серьёзную озабоченность американцы проявили в связи с серией испытательных запусков ракет (*Nodong-2* и *Taepodong-2*), осуществлённых КНДР 5 июля 2006 г.¹⁰, расценивая (62% против 31%) случившееся как реальную угрозу национальным интересам США и их безопасности¹¹. Правда, американские СМИ, обращая внимание на неудачные, с их точки зрения, испытания, попытались тут же успокоить американцев. *The New York Times* в статье «Провал Северной Кореи», высказывая предположение, что «однажды Северная Корея сумеет создать ракету, способную преодолеть Тихий океан», подчеркнула: «Всеобщие долгосрочные интересы связаны с возрождением дипломатии, которая зашла в тупик... Тем не менее возвращение к этим переговорам в более сдержанной форме послужит собственным интересам Америки...»¹² Последнее было полностью созвучно с настроениями, которые царили в американском обществе. Американцы в своём подавляющем большинстве (более 2/3) по-прежнему настаивали на том, чтобы в отношении Северной Кореи в качестве мер воздействия должны использоваться средства дипломатии¹³.

Таким образом, в 2000—2008 гг. выбор американцев, причём это касалось обеих составляющих их общественного мнения (элита и массы), между двумя вариантами поведения США в ответ на действия КНДР очевиден¹⁴. Однако, когда речь шла о перспективах этих вариантов, возникал своеобразный раскол между американцами. Вера в то, что Северную Корею от дальнейшей разработки собственной ядерной программы остановят дипломатические средства, и военная операция оценивались, соответственно 32% и 27%, тогда как 30% опрошенных американцев и вовсе не верили, что это удастся сделать¹⁵.

Между тем после относительно успешных испытательных запусков ракет Северная Корея 9 октября 2006 г., согласно многочисленным сообщениям информационных агентств¹⁶, осуществила испытания ядерного оружия. Этот шаг вызвал тревогу со стороны американцев¹⁷. Их обес-

покоенность по поводу того, что КНДР может использовать ядерное оружие против США, возросла: «В целом обеспокоен» — 69%, «В целом не обеспокоен» — 29%, «Затрудняюсь ответить» — 2%. Американские СМИ высказали тогда опасения не только в связи с тем, что испытания подвергают напряжению созданную ранее с помощью ДНЯО систему нераспространения ядерного оружия¹⁸, но и по поводу вероятной передачи ядерного оружия в руки террористов.

Тем не менее, даже несмотря на атмосферу, периодически нагнетаемую американскими СМИ, приверженность американцев к дипломатии как к главному средству, с помощью которого можно урегулировать кризис, связанный с северокорейской ядерной программой, сохранилась на прежнем уровне. 13—15 октября 2006 г. большинство американцев (60% против 35% при 5%, выбравших ответ «Затрудняюсь ответить») подчеркнуло, что выход из сложившейся ситуации возможен только посредством дипломатических мер¹⁹, тогда как их отношение к различным вариантам военно-силовой акции против Северной Кореи по-прежнему оставалось критическим (см. табл. 1).

Таблица 1

**Различные варианты военно-силовой акции против Северной Кореи
(мнение американцев)**

«Вы одобряете или не одобряете представленные ниже варианты возможной военной операции США против Северной Кореи, если эта страна продолжит действия по разработке ядерного оружия?»	Одобряю	Не одобряю	Затрудняюсь ответить
Поиск объектов, находящихся на территории Северной Кореи, где располагаются отдельные компоненты ядерного оружия	70	23	7
Нанесение посредством проведения воздушной операции ракетно-бомбовых ударов по ядерным объектам, а также другим подозрительным местам в Северной Корее	35	58	7
Осуществление сухопутной операции: высадка войск и ликвидация действующего режима в Северной Корее	14	80	6

Источник: Newsweek Poll conducted by Princeton Survey Research Associates International. October 19—20, 2006.

В связи с этим, естественно, возникает вопрос, почему американцы, ранее столь решительно настроенные против Афганистана и Ирака, в отношении Северной Кореи и её планов проявляли сдержанность. Американский политолог Ричард К. Эйкенберг, проведя анализ общественного мнения по результатам опросов, посвящённых КНДР, а также сравнив полученные данные, пришёл к выводу, что поддержка со стороны

американцев относительно использования военной силы против Северной Кореи традиционно находится на низком уровне, особенно, если речь идёт об односторонних действиях США. Однако она увеличивается, когда появляется вероятность многосторонних усилий с участием представителей международного сообщества, в первую очередь ООН, что маловероятно, и эта вероятность оценивается как близкая к нулю. По мнению Ричарда К. Эйкенберга, всё это есть следствие устоявшегося среди американцев стереотипа, связанного с трагическим участием США в Корейской войне 1950—1953 гг., в дальнейшем укреплённого неудачным опытом во Вьетнаме и особенно в ходе объявленной после трагических событий 11 сентября 2001 г. «войны с террором»²⁰.

С другой стороны, возможно, что такая позиция американцев является следствием наличия среди них уверенности в том, что действия Северной Кореи вовсе не направлены на развязывание войны²¹, а связаны, в первую очередь, с необходимостью оказать определённый нажим на международное сообщество с целью получения дополнительной помощи, с чем согласилось более 50% респондентов²².

В свою очередь, то обстоятельство, что американцы, как правило, не очень высоко оценивают действия администрации Дж. Буша-мл.²³, имеет вполне конкретную связь с негативным отношением к Президенту США, что со всей очевидностью проявилось в последние годы. В настоящее время значительная часть американцев и вовсе полагает, что администрация Дж. Буша-мл. несёт вину за подобное развитие ситуации («В целом да» — 72%, «В целом нет» — 25%, «Затрудняюсь ответить» — 3%)²⁴, в том числе, что неудачи в «войне с террором» негативно влияют на политику в отношении Северной Кореи²⁵.

Казалось бы, настрой американцев на исключительную поддержку дипломатических средств в разрешении северокорейской проблемы должен был способствовать росту поддержки с их стороны инициатив, которые периодически выдвигались на уровне переговоров и особенно достигнутых результатов. Однако скепсис в отношении последних, прежде всего реализации их на практике — это, пожалуй, ещё одна характерная черта общественного мнения в США по северокорейской проблеме. Когда 13 февраля 2007 г. в рамках так называемой «шестёрки» было достигнуто соглашение относительно прекращения ядерной программы КНДР, которое СМИ тут же расценили как «историческое», открывающее путь к окончательному урегулированию северокорейской проблемы²⁶, американцы оценили его перспективы иначе. На вопрос «Как Вы считаете, эти договорённости будут иметь воздействие на прекращение программы Северной Кореи по разработке ядерного оружия?» были получены ответы: «Да» — 30%, «Нет» — 62%, «Затруд-

няюсь ответить» — 8%²⁷. Возможно, подобный скептический настрой американцев связан с тем, что ранее Северная Корея своими действиями неоднократно способствовала приостановлению процесса нормализации, а иногда и ухудшению ситуации, что, кстати, частично подтвердилось после 1 февраля 2007 г.

Таким образом, общественное мнение США в отношении северо-корейской проблемы в 2000—2008 гг. достаточно уверенно демонстрировало настрой на использование средств дипломатии как фактически единственный вариант урегулирования. В настоящее время в сочетании с серьёзными неудачами США в рамках «войны с террором» это является одним из факторов, способствующих большей осторожности администрации Дж. Буша-мл. в решении северо-корейской проблемы, чем в начале 2000-х гг.

В *странах Западной Европы* общественное мнение в отношении северо-корейской проблемы демонстрирует большую, чем в США, приверженность мирным методам разрешения кризиса вокруг КНДР. В настоящее время немногие из опрошенных в странах Западной Европы оценивают угрозу со стороны Северной Кореи как реальную, что обусловлено отдалённостью этой страны от Европейского континента²⁸. Одна из особенностей сложившейся в странах Западной Европы конфигурации общественного мнения заключается в том, что здесь оформилась критическая позиция к действиям США в отношении Северной Кореи. Так, например, жители четырёх ведущих стран Западной Европы (Великобритании, Франции, Германии и Италии) критически отнеслись к тому, что руководство США в 2002 г. обозначило так называемую «ось зла», в которую включило Ирак, Иран и Северную Корею²⁹. Кроме того, в этих странах критическим является и отношение к возможному осуществлению против Северной Кореи военно-силовой акции³⁰. Умеренная позиция европейцев в отношении северо-корейской проблемы в целом совпадала с точкой зрения руководителей стран Западной Европы и ЕС в целом.

Что касается стран, соседних с Северной Кореей (Южная Корея, Япония и Китай), то здесь мы можем выделить два направления в развитии общественного мнения по исследуемому вопросу. Одно из них существует применительно к **Южной Корее** и **Японии**. Его самая существенная характеристика — это некоторая схожесть позиции жителей этих стран с позицией американцев, например, стремление жителей Южной Кореи и Японии к решению существующих проблем на Корейском полуострове. Ставка на мирные методы является основополагающей: подавляющее большинство высказывается не только за продолжение контактов между соседями на Корейском полуострове, но и за установление

отсутствующих дипломатических отношений между КНДР и США³¹. Во многом этот положительный отклик был связан с надеждой респондентов, что таким образом появится шанс на урегулирование существующей конфликтной ситуации на Корейском полуострове. В частности, на это указали в США — 58% (против — 28%), Южной Корее — 59% (против — 48%), в Японии — 50% (против — 35%) опрошенных³². Однако, если в США далеко не все считали, что вероятность объединения обоих государственных образований, расположенных на Корейском полуострове, велика — 38% (против — 55%), то в Южной Корее и Японии их было намного больше — 73% (против — 26%) и 50% (против — 36%)³³.

Фактически на общественное мнение и его конфигурацию в Южной Корее и Японии своё воздействие оказывают такие факторы, как непосредственная близость КНДР, союзнические отношения с США, а также политика, связанная со стремлением к объединению государств Корейского полуострова. Кроме того, южнокорейцы и японцы вовсе не считают необходимым ликвидировать эту угрозу путём проведения жестких по своему характеру мероприятий, например в форме военно-силовой акции. Преобладающим среди них является мнение об использовании исключительно дипломатических средств воздействия, пределы которых ограничиваются введением против КНДР режима санкций.

Возможно, эта умеренная позиция южнокорейцев и японцев связана с тем, что, находясь в непосредственной близости от места событий, жители Южной Кореи и Японии осознают всю опасность их развития по конфликтному сценарию. Отсюда не столь решительная настроенность населения к КНДР. К тому же, как известно, руководство Южной Кореи и Японии, несмотря на наличие многочисленных противоречий с КНДР, стремится к нормализации отношений с этим государством, что со всей очевидностью проявилось в 2000-е гг. Преодоление раскола на Корейском полуострове, по их мнению, является важнейшим фактором, способствующим укреплению стабильности в Восточной Азии. Многочисленные кризисы, возникающие вокруг Северной Кореи, как свидетельствуют опросы общественного мнения, не оказывают существенного негативного воздействия на позицию южнокорейцев и японцев относительно процесса объединения на Корейском полуострове. Население в своём большинстве оказывает поддержку руководству Южной Кореи и Японии в этих начинаниях.

Что же касается **Китая**, руководство которого постоянно настаивает на необходимости установления безъядерного статуса Корейского полуострова, то здесь население относится к КНДР в целом негативно (на это 12 февраля 2006 г. указало почти 50% респондентов)³⁴. Количество оценивающих эту страну в положительном ключе, относя её к числу самых

дружественных по отношению к Китаю государств, как правило, не велико (10,81% — элиты и 21,51% — населения). Незначительным согласно опросам общественного мнения является и количество китайцев (9,60% — элиты и 17,59% — населения), рассматривающих КНДР как государство, способное оказать Китаю действенную помощь в области безопасности³⁵. Немногие китайцы (всего 12%) считают необходимым развивать двусторонние отношения с КНДР, что, кстати, очень сильно контрастирует с абсолютно иным отношением по этому вопросу применительно к Южной Корее (48%) и Японии (40%), даже несмотря на в большей степени критическое отношение китайцев к последней, нежели к КНДР³⁶. При этом так же, как в Южной Корее и Японии, китайцы расценивали Северную Корею в качестве государства, от которого исходит угроза. Об этом, например, свидетельствуют результаты опроса общественного мнения 9 декабря 2003 г.³⁷ Правда, но в сравнении с другими странами, угроза со стороны КНДР, по мнению китайцев, вовсе не являлась исключительной. При этом северокорейская проблема, хотя и вызывала тревогу среди китайцев³⁸, в сравнении с другими вопросами международной жизни значительно снижала свою остроту. В результате самая существенная характеристика общественного мнения в отношении северокорейской проблемы в Китае — это рассмотрение её сквозь призму отношения к США, а также в контексте более актуальной, по мнению китайцев, проблемы, связанной с гегемонизмом Соединённых Штатов.

В **России** общественное мнение в этом вопросе имеет совершенно уникальную конфигурацию, в структуре которой мы можем выделить несколько элементов. Даже учитывая близость Северной Кореи к России, россияне вовсе не считают, что угроза со стороны КНДР направлена в первую очередь против РФ³⁹. Между тем осуществлённые в 2006 г. Северной Кореей испытания ракет средней и большой дальности (5 июля 2006 г.), а также ядерного оружия (9 октября 2006 г.) вызвали существенный резонанс в российском обществе (табл. 2).

Особенно критически россияне отнеслись к последней акции КНДР. Именно попытка этой страны оказаться в числе ядерных держав вызвала резкий всплеск негативных оценок среди россиян, тогда как ранее они были не столь отчётливы⁴⁰. С другой стороны, по вопросу, угрожает ли национальным интересам России появление ядерного оружия у Северной Кореи, общего мнения у россиян не сложилось. 41% респондентов заявили, что такая опасность существует и 44% — не существует⁴¹. Невероятным (в январе 2006 г. — 61% против 30%, в октябре 2006 г. — 56% против 34%) россияне считали и нападение иностранных государств на Россию с применением ядерного оружия⁴². В связи

Таблица 2

Реакция россиян на действия Северной Кореи в 2006 г.

Вопросы	15—16.07.06	14—15.10.06
«Знаете ли Вы, что слышали или слышите сейчас впервые о том, что Северная Корея произвела испытания... ракет средней и большой дальности, ядерного оружия?»		
Знаю	35	52
Что-то слышал	29	29
Слышу сейчас впервые	30	17
Затрудняюсь ответить	6	2
«Одни считают, что наличие у Северной Кореи... ракет средней и большой дальности, ядерного оружия может представлять опасность для каких-либо стран. Другие — что не представляет опасности для каких-либо стран. Какое мнение — первое или второе — Вам ближе?»		
Первое	47	66
Второе	26	21
Затрудняюсь ответить	27	13
«А для России, по Вашему мнению, это представляет или не представляет опасность?» (Ответы заявивших, что наличие у Северной Кореи... ракет средней и большой дальности... ядерного оружия может представлять опасность для каких-либо стран.)		
Представляет	30	52
Не представляет	11	14
Затрудняюсь ответить	6	12

Источник: 15—16 июля 2006 г. Доминанты. Поле мнений. Вып. 28 от 20 июля 2006 г.; 14—15 октября 2006 г. Доминанты. Поле мнений. Вып. 41 от 19 октября 2006 г.

с этим, важно подчеркнуть, что в настоящее время россияне рассматривают многие внешнеполитические проблемы, как правило, в контексте своего отношения к США. При этом ставший уже традиционным, а также достаточно устойчивым в российском массовом сознании вследствие его инерционности антиамериканизм фактически определяет отношение россиян к актуальным международным проблемам, в том числе к северокорейской. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в январе и октябре 2006 г. в первую очередь от Соединённых Штатов россияне ощущали угрозу применения России оружия массового уничтожения⁴³.

Тем не менее, даже несмотря на указанные выше обстоятельства, среди россиян достаточно популярной оказалась точка зрения, связанная с необходимостью оказания давления на Северную Корею, чтобы ос-

тановить её от дальнейшей разработки собственной ядерной программы. Высказываясь в пользу того, чтобы к этому процессу подключилась ООН (56% против 17% при 26%, выбравших вариант «Затрудняюсь ответить»), россияне в целом положительно отнеслись к перспективе введения в отношении КНДР режима международных санкций (51% против 25% при 24%, выбравших вариант «Затрудняюсь ответить»)⁴⁴. Более того, почти ½ респондентов тогда заявила, что и ядерные державы должны проводить жёсткую политику в отношении государств, разрабатывающих ядерное оружие: «Нужно изолировать их от мирового сообщества, вводить экономические и другие санкции, чтобы предотвратить новую гонку ядерных вооружений и появление атомной бомбы у всё большего количества государств»⁴⁵.

Таким образом, совершенно очевиден факт, что в течение 2000—2008 гг. мировая общественность демонстрирует в отношении северокорейской проблемы настрой, при котором явное предпочтение отдаётся дипломатии, тогда как количество сторонников проведения в КНДР военно-силовой акции является незначительным. Очень важно, что такая тенденция характерна для общественного мнения в США, странах Западной Европы, а также граничащих с Северной Кореей — Южной Корее, Японии, Китае и России, что позволяет говорить о наличии своеобразного консенсуса. Это, на наш взгляд, может создать серьёзную основу для укрепления аналогичных тенденций и на уровне руководства стран, вовлечённых в процесс разрешения кризиса на Корейском полуострове.

¹ См.: January 29, 2002. President Delivers State of the Union Address. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129/>

² CNN/USA Today/Gallup Poll. February 8—10, 2002.

³ CNN/USA Today/Gallup Poll. February 8—10, 2002.

⁴ См.: Statement of DPRK Government on its withdrawal from NPT (January 10, 2003). http://www.nautilus.org/DPRKBriefingBook/agreements/CanKor_VTK_2003_01_10_dprk_statement_on_withdrawal_from_npt.pdf

⁵ На это 19—21 сентября 2003 г. указало около 2/3. См.: CNN/USA Today/Gallup Poll. September 19—21, 2003.

⁶ ABC News/Washington Post Poll. April 16, 2003.

⁷ CNN Poll conducted by Opinion Research Corporation. October 13—15, 2006.

⁸ Time/CNN Poll conducted by Harris Interactive. January 15—16, 2003.

⁹ См.: The PIPA/Knowledge Networks Poll. The American Public on International Issues. Americans on North Korea I. Dates of Survey: January 21—26, 2003; The PIPA/Knowledge Networks Poll. The American Public on International Issues. Americans on North Korea II. Dates of Survey: February 12—18, 2003.

- ¹⁰ «В целом обеспокоен» — 64%, «В целом не обеспокоен» — 34%, «Затрудняюсь ответить» — 2% (26 июня 2006 г.) и «В целом обеспокоен» — 65%, «В целом не обеспокоен» — 33%, «Затрудняюсь ответить» — 2% (8 июля 2006 г.). См.: Angus Reid Global Monitor: Polls & Research. <http://www.angus-reid.com/polls/index.cfm>
- ¹¹ FOX News/Opinion Dynamics Poll. July 11—12, 2006.
- ¹² The New York Times. July 5, 2006.
- ¹³ USA Today/Gallup Poll. July 6—9, 2006. См. также: FOX News/Opinion Dynamics Poll. July 11—12, 2006.
- ¹⁴ Неоднократно мнение о необходимости использования в отношении Северной Кореи только дипломатических средств получало своё распространение и в авторитетных в США изданиях. См., напр., Laney, James T. and Shaplen, Jason T. How to Deal With North Korea // Foreign Affairs, March/April 2003. Vol. 82, Number 2.
- ¹⁵ Angus Reid Global Monitor: Polls & Research. Americans Split Over North Korea Nukes. August 8, 2006. Source: Bloomberg / Los Angeles Times. Methodology: Telephone interviews with 1,478 American adults, conducted from July 28 to August 1, 2006. <http://www.angus-reid.com/polls/index.cfm>
- ¹⁶ См., напр., DPRK Successfully Conducts Underground Nuclear Test. KCNA (2006-10-10). <http://www.kcna.co.jp/item/2006/200610/>
- ¹⁷ О реакции Белого дома см.: October 9, 2006. President Bush's Statement on North Korea Nuclear Test. — <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/10/20061009.html>
- ¹⁸ См., напр., The Wall Street Journal. October 10, 2006.
- ¹⁹ CNN Poll conducted by Opinion Research Corporation. October 13—15, 2006.
- ²⁰ Eichenberg, Richard C. Victory Has Many Friends: The American Public and the Use of Military Force, 1981—2005 // International Security, Vol. 30, № 1 (Summer 2005). P. 140—177.
- ²¹ При этом, саму вероятность войны США с Северной Кореей американцы оценивают как не очень высокую (26% против 72%). См.: Ipsos-Public Affairs / Associated Press. December 12—14, 2006.
- ²² FOX News/Opinion Dynamics Poll. July 11—12, 2006.
- ²³ Так, например, в течение 2006 г. оценки, которые давали американцы в отношении действий администрации Дж. Буша-мл. и ситуации, развивающейся вокруг Северной Кореи, оказались следующими: 13—17 июля 2006 г.: «Одобряю» — 44%, «Не одобряю» — 39%, «Затрудняюсь ответить» — 17% (См.: SRB/Time. July 13—17, 2006). 21—24 июля 2006 г.: «Одобряю» — 43%, «Не одобряю» — 41%, «Затрудняюсь ответить» — 16% (См.: NBC/WSJ. July 21—24, 2006). 13—15 октября 2006 г.: «Одобряю» — 47%, «Не одобряю» — 41%, «Затрудняюсь ответить» — 12% (См.: CNN Poll conducted by Opinion Research Corporation. October 13—15, 2006).
- ²⁴ CNN Poll conducted by Opinion Research Corporation. October 13—15, 2006.
- ²⁵ Критика в адрес администрации Дж. Буша-мл. звучит и со страниц влиятельных в США периодических изданий, например журнала «Форин Аффэрс». См.: Mazarr, Michael J. The Long Road to Pyongyang // Foreign Affairs, September/October 2007.
- ²⁶ См.: Financial Times. 14 February. 2007.
- ²⁷ NBC News / Wall Street Journal Poll conducted by the polling organizations of Peter Hart (D) and Neil Newhouse (R). March 2—5, 2007. См. также: Angus Reid Global Monitor: Polls & Research. Americans Doubtful About North Korea Plan. March 14,

2007. Source: Hart/Newhouse / The Wall Street Journal / NBC News Methodology: Telephone interviews with 1,007 American adults, conducted from March 2 to March 5, 2007. — <http://www.angus-reid.com/polls/index.cfm>
- ²⁸ Harris Interactive — The Harris Poll — Plurality of Public in Five Major European Countries Continues to See the U.S., Over Five Other Countries, as the Greatest Threat to Global Stability // The Harris Poll # 68, August 30, 2006.
- ²⁹ PEW International poll. Avril 2002. PEW Research Centre.
- ³⁰ Подробнее: Transatlantic Trends. Topline Report 2003. — <http://www.transatlantic-trends.org/>
- ³¹ Korea: North and South. — <http://www.pollingreport.com/>
- ³² Korea: North and South. — <http://www.pollingreport.com/>
- ³³ Korea: North and South. — <http://www.pollingreport.com/>
- ³⁴ Zhu Feng, "Key Findings from 30 Chinese People: North East Asia Trialogue Survey". 12 February, 2006. — <http://www.chinadaily.com.cn/worldnews/comment.html>
- ³⁵ К примеру, на первом месте (69,32% среди элиты и 47,10% населения) находится Россия. См.: The Mansfield Asian Opinion Poll Database. Eyes on the World, Future in Hand — Horizon 2006 Chinese Opinion Polls. Dates Conducted April, August, October and December 2006. — http://www.mansfieldfdn.org/polls/polls_listing.htm
- ³⁶ Zhu Feng, "Key Findings from 30 Chinese People: North East Asia Trialogue Survey". February 12, 2006. — <http://www.chinadaily.com.cn/worldnews/comment.html>
- ³⁷ См. также: Angus Reid Global Monitor: Polls & Research. Chinese Gauge Threats To World Peace. December 9, 2003. China Youth Daily. Methodology: Interviews to 1,694 Chinese adults, conducted in 31 provinces and regions on November 2003. — <http://www.angus-reid.com/polls/index.cfm>
- ³⁸ Шаги, предпринятые КНДР в 2006 г., в Китае были восприняты как прямая угроза безопасности в регионе, однако учитывая сложившиеся ранее связи с этим государством, КНР первой сделала всё возможное для возвращения КНДР к диалогу. Так, например, 10 октября 2006 г. в «Чайна Дэйли» появился довольно сдержанный комментарий, в котором прозвучал призыв возвратиться к переговорному процессу. См.: Return to nuclear talks // China Daily. 2006-10-10. — <http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2006-10/10/>
- ³⁹ Всероссийский центр изучения общественного мнения. 03.11.2006. Пресс-выпуск № 569. — <http://wciom.ru/arkhiv/>
- ⁴⁰ В частности, 15—16 июля 2006 г. на вопрос «У Вас лично сообщения об испытании Северной Кореей ракет вызвали или не вызвали беспокойство?» были получены следующие ответы: «Вызвало» — 41%, «Не вызвало» — 39%, «Затрудняюсь ответить» — 20%. См.: Доминанты. Поле мнений. Выпуск 28 от 20 июля 2006 г.
- ⁴¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения. 03.11.2006. Пресс-выпуск № 569. — <http://wciom.ru/arkhiv/>
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Всероссийский центр изучения общественного мнения. 03.11.2006. Пресс-выпуск № 569. — <http://wciom.ru/arkhiv/>
- ⁴⁴ См.: Доминанты. Поле мнений. Выпуск 28 от 20 июля 2006 г.; Доминанты. Поле мнений. Выпуск 41 от 19 октября 2006 г.
- ⁴⁵ Всероссийский центр изучения общественного мнения. 03.11.2006. Пресс-выпуск № 569. — <http://wciom.ru/arkhiv/>

*D. Kuznetsov**Blagoveschensk***PROBLEM OF NORTH KOREA AND PUBLIC OPINION**

In article the data of the polls 2000—2008 in the USA, the countries of the Western Europe, the countries next to North Korea — South Korea and Japan, China, Russia. The picture of public opinion is submitted concerning a problem of North Korea. Now the world community shows adjust, at which the preference at the decision of a problem of North Korea is given diplomacy. The quantity of supporters of carrying out concerning North Korea the military — power action is insignificant. This tendency is characteristic for public opinion in all specified countries. In a result it allows us to speak about presence of a consensus in this question. The world community shows steady desire to come to the consent within the framework of process on settlement of a problem of North Korea that can create a basis for folding similar tendencies and at a level of a management of the countries involved in crisis on the Korean peninsula.

III РОЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Е.В. Гамерман
Благовещенск

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖАЩИХ ОРГАНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Круг обязанностей общей полиции как городской, так и уездной будучи весьма обширным и сложным излагался в целом ряде законодательных актов. Компетенция органов полиции в основном была зафиксирована в «Общем учреждении губернском» и «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений».

«Общее учреждение губернское» устанавливало следующие функции полиции: 1. Наблюдение за исполнением законов, охранения безопасности и дел общественного благоустройства — обнародование указов и постановлений правительства; объявления, извещения и вызовы по приказанию начальства; охранение спокойного совершения обрядов церкви; охранение общественного спокойствия, благочиния, добрых нравов, порядка и повиновения властям; меры безопасности от воров и разбойников, поимка и истребление их шаек. 2. Исполнение обязанностей по делам казённого управления общественного хозяйства. 3. Исполнение обязанностей по делам судебного ведомства. 4. Исполнение обязанностей по делам военного ведомства¹. Данный перечень функций полиции далеко не исчерпывал всей полноты сферы её деятельности. Тем не менее в XIX в. главной функцией полицейских учреждений была административная деятельность среди сельского и городского населения.

Ещё более разнообразной была деятельность полицейских чинов на Дальнем Востоке Российской империи, единственных представителей администрации в населённом пункте. Полиция вела следствие по преступлениям, осуществляла санитарный надзор, устанавливала карантин в случае эпидемий и эпизоотий.

В сельской местности, особенно в северных округах Амурской и Приморской областей, полицейский исправник с помощником были единственной властью и выполняли абсолютно все административные функции: обеспечение жителей продовольствием, охрану порядка, расследование преступлений, суд по мелким делам, сбор статистических данных для отчётов губернатора, контроль за деятельностью предпринимателей, заведование почтой. Связь с начальством осуществлялась, как правило, один раз в год, всё остальное время исправник был предоставлен самому себе. В большинстве северных округов не было ни больниц, ни учебных заведений.

Наиболее специализированной деятельностью отличалась полиция о-ва Сахалин при малом количестве свободного населения. С 1880 г. должности начальников исполняли начальники тюрем — Тымовской каторжной тюрьмы, Александровской тюрьмы и начальник каторжной команды в Дуэ. Деятельность этой полиции состояла в надзоре за ссыльно-каторжными, предотвращении побегов, поимке беглых, организации каторжных работ, контроле за бытом вышедших на поселение, предотвращении новых преступлений. Число каторжан на Сахалине достигало 8 тыс. чел., и состава администрации не хватало: начальников (3), помощников (3) и секретарей (3) — всего 9 чел. Поэтому набирали служащих на должность тюремных надзирателей из расчёта один старший и два младших надзирателя на 50 каторжных. Набирали их за дополнительное жалованье из нижних чинов местной воинской команды, этот контингент был ближе к уголовным преступникам, чем к представителям администрации. Отсюда происходило взяточничество, многочисленные злоупотребления властью, азартные игры на деньги и даже соучастие в убийствах и грабежах. Были случаи, когда устраивались побег с целью получить награду за поимку беглых. Чиновники не могли регулировать отношения внутри сообщества ссыльно-каторжных, а также оградить от преступников гражданское население. Удавалось только осуществлять внешний надзор, организовывать каторжные работы и обеспечивать собственную безопасность. После убийства в 1882 г. одного из представителей тюремной власти все сахалинские чиновники стали постоянно носить оружие².

На Командорских островах, с 1886 г. выделенных в самостоятельную округу, деятельность местной полиции, которая состояла из начальни-

ка, его помощника и секретаря, подчинялась организации добычи промысловых животных (котиков и каланов) и их охране.

Особым подразделением полиции, действовавшим на российском Дальнем Востоке, была горно-полицейская стража, на которую возлагался надзор за соблюдением порядка на частных промыслах и заводах, исполнением законов, ограничением занятости на приисках женщин, детей, попечением об учреждении школ, соблюдении санитарных норм, техники безопасности, а также за производством и безопасностью горных работ, приобретением, хранением и употреблением взрывчатых веществ, постройкой заводов и других сооружений. Она осуществляла наблюдение за своевременным поступлением податей, принятием мер к взысканию недоимок, сбором и обработкой статистических данных по горному делу. К их служебным обязанностям относились приём копий с заявок на добычу золота, их рассмотрение, распоряжение об отводе площадей, выдача свидетельств на добытое золото³. В каждом горном округе находилось несколько исправников. Они наблюдали за выдачей паспортов, а также занимались учётом приискового населения, запасных нижних чинов и наблюдением за порядком на приисках⁴.

Значительное место в деятельности полиции занимал надзор за неполноправными членами населения. Это прежде всего контроль за китайскими и корейскими мигрантами. Администрация стремилась регулировать их количество и лояльность путём введения системы временных пропусков-паспортов (билетной системы). Выдача билетов производилась пограничным комиссаром на границе и полицейскими управлениями в городах. Такая система приводила к многочисленным злоупотреблениям. Реально законопослушность граждан сопредельного государства могли определить только переводчики (китайцы). Они смотрели на выдачу билетов как на выгодный промысел, не гнушались подобным способом улучшения своего материального положения и русские рядовые полицейские. Задерживались китайцы по подозрениям в совершении различных преступлений, а также за якобы неправильные билеты, которые были далеко не у всех китайских законопослушных рабочих и мелких торговцев, а у хунхузов зачастую документы были в порядке⁵.

Другой неполноправной группой населения были евреи. Контроль за теми из них, которым воспрещалось проживание в Сибири, также входил в круг обязанностей полиции. В конечном итоге на Дальнем Востоке евреи периодически вынуждены были откупаться от полиции.

В деятельности полиции среди многих должностных обязанностей большое место занимала охрана общественного порядка и борьба с преступностью. Одной из главных проблем, с которой сталкивались органы

полиции, была китайская преступность. Постоянное увеличение численности китайского населения сопровождалось ростом числа уголовных преступлений, совершаемых ими. Как правило, выходцы из сопредельного государства проживали в отдельных районах городов и селений, так называемых китайских кварталах, надзор за которыми осуществляла полиция, которая своими силами справиться с ростом китайской преступности не могла из-за незнания языка и нехватки штатов. Для защиты населения от преступной деятельности китайских подданных создавались специальные подразделения китайской полиции при городских полицейских управлениях, которые нельзя выделить в сколько-нибудь самостоятельную инстанцию, так как никакого правового статуса они не имели и рассматривать существование китайской полиции можно только в качестве одной из мер борьбы с преступностью.

В 1900 г. китайская полиция возникла практически одновременно в Хабаровске и Владивостоке, вводились должности полицейских десятников из местного населения по выбору китайских купцов и за их счет⁶. Вопрос о создании китайской полиции ставился и в других городах — Благовещенске, Никольске-Уссурийском, но подобных подразделений создано не было. Русские полицейские сами осуществляли надзор за местами проживания китайского населения и вели борьбу с преступностью. В помощь им выделялось по одному-два переводчика. Эффект от таких мер был весьма низок.

Деятельность же китайской полиции во Владивостоке и Хабаровске приносила свои плоды. Городовые с десятниками вечером ходили по улицам города, посещая притоны, при необходимости задерживали китайцев-преступников, отправляли их в арестантские помещения при полицейских частях города.

Одной из острых проблем, с которой столкнулась полиция в борьбе с китайской преступностью, было хунхузничество. На протяжении десятилетий китайские разбойники совершали многочисленные тяжкие преступления на территории российского Дальнего Востока. Только в 1910 г. власти всерьёз взялись за борьбу с ними. Проблема хунхузничества обсуждалась на особом совещании в Государственном совете, был разработан чрезвычайный план по очищению от хунхузов всей территории Дальнего Востока. Амурская и Приморская области были разделены на оперативные районы, каждый из которых закреплялся за отдельной воинской частью и тщательно ею обследовался. Проверялись все подозрительные лодки на реках и при необходимости задерживались⁷.

Так, Уссурийский край был разделён на 5 оперативных районов, за каждым из которых закреплялась воинская часть, которая обследовала фанзы, уничтожала водочные заводы, арестовывала подозре-

тельных китайцев и уничтожала бандитов. Подобные операции стали проводиться два раза в год — с 1 октября по 1 ноября и с 15 марта по 15 апреля. Военские команды обеспечивались переводчиком. Кроме того, были назначены команды разведчиков (всего 27 команд по 50 чел. в каждой). Тайная агентура должна была выяснять пункты пребывания хунхузов. С началом действий сухопутных войск флотилия миноносцев контролировала морское побережье от залива Ольги до р. Славянки⁸. Несмотря на принятые меры, с китайским бандитизмом справиться не удалось, но количество преступлений, совершаемых хунхузами, сократилось.

Согласно закону Российской империи от 6 июля 1908 г. об организации сыскной части и Правилам расходования чинами полиции кредита сметы МВД на сыскные надобности от 4 октября 1911 г. полиция располагала сетью негласных платных агентов-осведомителей. Они делились на постоянных и временных. Деятельность этих лиц направлялась преимущественно на осуществление наблюдения или сбор надлежащих сведений в местах скопления населения, а также по отдельным поручениям о лицах, совершивших преступления⁹. Они вербовались как из преступной среды, так и обычных граждан.

Важное место в работе полиции занимала борьба с торговлей опиумом и опиекурением. На необходимость борьбы с этим явлением обращали внимание практически все военные губернаторы Амурской и Приморской областей. В начале XX в. военный губернатор Приморской области М.М. Манакин разработал комплекс мер и наказаний за это преступление. В случае обнаружения у китайцев-домовладельцев опиума и приспособлений для опиекурения все причастные к этому лица подвергались взысканиям, вплоть до высылки в пределы Китая. Околоточных надзирателей, на участках которых обнаруживали подобные притоны, увольняли со службы, а на приставов налагали взыскания¹⁰. Эти меры позволили только во Владивостоке за короткий период с мая по октябрь 1910 г. ликвидировать 83 опиекурильни¹¹. Но, несмотря на подобные меры, всё оставалось на своих местах. Главной причиной была огромная прибыль криминального промысла — полицейским давали взятки, а на месте прикрытых притонов возникало несколько новых. Ввозился опиум контрабандно из Китая, а с начала XX в. опиумное производство получило широкое распространение и на российском Дальнем Востоке. Царское правительство, обеспокоенное распространением наркотиков на территории Дальнего Востока, приняло 7 июня 1915 г. специальный закон «О мерах борьбы с опиекурением». Это позволило на некоторое время нейтрализовать широкое распространение наркотиков на территории Дальнего Востока.

В городах Амурской и Приморской областей получил широкое распространение преступный фальшивомонетный промысел. Этим ремеслом промышляли и местные китайцы, и русские (как отдельные кустары-одиночки, так и группы 6—8 чел.). 16 марта 1910 г. Владивостокским сыскным отделением была захвачена шайка фальшивомонетчиков, занимавшаяся подделкой русских ассигнаций. При обыске обнаружено несколько чистых паспортных бланков, небольшая типография, три казначейских печати, штампы, кредитные билеты, краски, кислоты, а также фальшивые деньги 10- и 25-рублёвого достоинства на сумму в 10 000 рублей. Тогда же полиция раскрыла ещё шесть таких шаек¹².

Объём делопроизводства по всему спектру дел, которые были в ведении полиции, в городских полицейских управлениях был очень велик (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика делопроизводства в Хабаровском городском
полицейском управлении в 1883—1885 гг.**

Год	Входящих	Исходящих
1883	4160	4121
1884	3795	5051
1885	4398	6320

Таблица составлена на основании источника: РГИА ДВ.
Ф. 702, оп. 1, д. 6, л. 91.

Такое огромное количество дел было связано и со взысканиями по мелким искам денег с чиновников и офицеров, так как они зачастую не имели собственности, взыскание налагалось на их жалованье и выплачивалось на протяжении нескольких лет¹³.

В Благовещенской полиции ситуация была ещё более тяжёлой. При сохраняющемся в начале 1880-х гг. штате (2 штатные единицы — полицмейстер и секретарь) и канцелярских деньгах в размере 500 руб. количество разбираемых полицией дел было просто огромным. В 1878 г. входящих бумаг — 5033, исходящих — 4043; в 1879 г. входящих — 4086, исходящих — 6088; в 1880 г. входящих — 4447, исходящих — 4372. Кроме бумажной волокиты в производство полиции в 1878 г. поступило 258 дел (из них решено 183), в 1879 г. — 277 (решены все), в 1880 г. — 325 (решены все). Это громадное делопроизводство осуществлялось секретарём, кроме того, он за неимением других полицейских чиновников производил описи имущества, а также следствия в ущерб как прямым своим обязанностям, так и делу.

Обязанности полицмейстера состояли в просмотре докладов секретаря, разбирательстве словесных жалоб жителей и наблюдении за спо-

койствием и порядком в городе. Одни разбирательства словесных жалоб, приносимых жителями в полицию, и просмотр докладов занимали всё его служебное время, а между тем его самой важной обязанностью было всё-таки наблюдение за спокойствием и благочинием в городе, который растянулся более чем на 4 версты в длину и 1 в ширину. Кроме обыкновенного делопроизводства полицейское управление занималось выдачей удостоверений, справок, ведением метрических книг о раскольниках¹⁴.

До образования в Амурской области окружного полицейского управления функции такового в сельской местности исполнял чиновник особых поручений при губернаторе. Он заведовал четырьмя отдельными сельскими обществами, имеющими 30 деревень, 21 выселку, одну зимку с населением более 7 тыс. чел. Число поселений и соответственно жителей с каждым годом увеличивалось. Делопроизводство по сельской местности Амурской области было следующим: входящих бумаг в 1878 г. — 1897, исходящих — 1876; в 1879 г. — 2343, исходящих — 2697; в 1880 г. — 2736, исходящих — 2978. За этот же период в производстве находилось в 1878 г. 62 дела (решено 57), в 1879 г. — 86 (решены все 86), а также 5 с предшествующего года), в 1880 г. — 115 дел (решено 95).

Но эти статистические данные не могут служить показателем количества работы, так как в них не включены ещё многие вопросы, которыми занималась сельская полиция в лице чиновника особых поручений. Не нашло отражения разбирательство по вопросам несоблюдения санитарных и противопожарных мер, решения сельских судов. Кроме того, чиновник, являющийся представителем полиции, занимался производством следствий по всем преступлениям и проступкам, совершаемым в крестьянских селениях. Для производства следствий чиновник на продолжительное время уезжал из города (10—20 дней), оставляя канцелярию с одним наёмным писцом. Все бумаги оставались без движения до его приезда. Многие дела, которые относились к обязанности полиции, чиновником особых поручений не велись. В частности, дела о нарушениях питейного устава, подлежащие судебной полиции, разбирательству, производились в канцелярии гражданского управления, а исковые гражданские дела — без установленного для этих дел порядка¹⁵.

В начале XX в. ситуация стала катастрофической. В 1910-е гг. количество документов, проходивших через Благовещенское городское полицейское управление, за год составило в среднем 190 000¹⁶. В это время население области увеличилось. Ещё два населённых пункта получили в Амурской области статус города — г. Зея-Пристань и г. Алексеевск. Город Зея-Пристань, полицией в которой заведовал горный исправник Зейского горно-полицейского округа, также нельзя было назвать благополучным. При отсутствии полицейского управления делопроизводство

по полицейской части было внушительным: в 1911 г. входящих бумаг — 3463, исходящих — 4013; в 1912 г. — и входящих и исходящих более чем 4000, а в 1913 г. — уже более 4500¹⁷.

Город Алексеевск в полицейском отношении управлялся помощником заведующего переселенческим делом. В делопроизводстве за 1912 г. входящих бумаг было 414, исходящих — 451; а в 1913 г. входящих уже 3887, исходящих — 4194¹⁸.

Во второй половине XIX — начале XX в. полиция Дальнего Востока Российской империи при недостаточном развитии других органов государственной власти и органов местного самоуправления, их слабости и даже иногда полном отсутствии исполняла кроме своих прямых обязанностей многочисленные, несвойственные ей функции. Правительственная политика по управлению краем была направлена на всемерное укрепление местного административно-полицейского аппарата. Деятельность полицейских органов была сопряжена с целым рядом трудностей. Выполнение многочисленных обязанностей, зачастую не свойственных органам полиции, приводило к некачественному исполнению ими своих непосредственных функций по охране законности и порядка, а также к многочисленным злоупотреблениям и коррупции. Кроме того, полиция периодически испытывала недостаток в кадрах, так как увеличение численности штатов не успевало за ростом населения и количеством совершаемых преступлений. Большим недостатком было полное отсутствие до начала XX в. низших полицейских чинов, из-за чего приходилось прибегать к помощи армейских подразделений, незнакомых с полицейской службой.

Проблемой было и повсеместное отсутствие квалифицированных работников, несмотря на меры, предпринимаемые для повышения профессионализма служащих в полиции. Освобождающиеся вакансии восполнялись людьми случайными, из других ведомств, некомпетентными в деле охранения закона и правопорядка. Маленькие оклады содержания с учётом существующей дороговизны в крае также не способствовали решению проблемы улучшения кадрового состава полиции.

Тем не менее именно органы полиции сыграли очень важную роль в развитии региона. Являясь представителями власти (зачастую единственными), находясь на переднем фланге борьбы с преступностью, органы полиции способствовали появлению предпосылок для стабильного экономического развития региона (многочисленные виды преступного промысла наносили огромный ущерб экономике), закладывались основы гражданского общества со стабильно функционирующей правоохранительной системой. Несмотря на многочисленные трудности, полиции удалось справиться с обвальным ростом преступности, которая стала приобретать скрытые формы.

- ¹ Воронцов С.А. Правоохранительные органы РФ: история и современность. Ростов-на-Дону, 2001. С. 108—109.
- ² РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 195, л. 7.
- ³ Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. С. 203.
- ⁴ ГААО. Ф. 46-И, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ⁵ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 745, л. 87 об.
- ⁶ Там же. Ф. 702, оп. 2, д. 204, л. 13.
- ⁷ Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. 1998. С. 208.
- ⁸ ГАПК. Ф. Р-530, оп. 1, д. 96, л. 4—6.
- ⁹ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 4, д. 667, л. 37 об. — 38.
- ¹⁰ Там же. Д. 708, л. 19—19 об.
- ¹¹ Организованная преступность Дальнего Востока. С. 185—187.
- ¹² Там же. С. 182.
- ¹³ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1153, л. 505.
- ¹⁴ Там же. Ф. 701, о. 1, д. 56, л. 81—100.
- ¹⁵ Там же. Л. 81—100.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1, д. 468, л. 12—13.
- ¹⁷ Там же. Л. 15—16.
- ¹⁸ Там же. Л. 16.

E. Gamerman

Blagoveschensk

**THE FUNCTIONAL DUTIES AND ACTIVITIES OF THE SERVANTS
OF THE ORGANS OF COMMON POLICE AT THE RUSSIAN FAR
EAST IN THE SECOND HALF OF 19th CENTURY —
THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

The regional peculiarities of the functional duties of the police authorities in the Russian Far East as well as the difficulties, which the officers and employees of the town's and uyezd's police encountered while fulfilling their police service and duties, are analysed in this article.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ КАВАЛЕРИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1869—1903 гг.)

Роль военных в освоении Дальнего Востока России огромна и неоспорима, они одновременно и охраняли, и осваивали её. В исторической литературе практически отсутствуют исследования, посвящённые истории формирования и развития российских вооружённых сил в дальневосточном регионе. Вопрос этот имеет большое значение для анализа процессов эволюции российской армии во 2-й половине XIX — начале XX в. Особый интерес вызывает история формирования регулярной кавалерии на «восточной окраине империи». Процесс этот был растянут во времени и имел ряд существенных особенностей.

К 1868 г. на территории Приамурского края находились как регулярные войска, представленные в основном Восточно-Сибирскими линейными батальонами и небольшим количеством артиллерии, так и казаками Амурского казачьего войска в составе Амурской конной казачьей бригады (1-й и 2-й Амурские конные казачьи полки), а также Амурского и Уссурийского казачьих пеших батальонов¹. Линейные батальоны были размещены в стратегически важных пунктах нового района освоения. При практически полном отсутствии населения они использовались больше не как военная, а как рабочая сила: помогали строиться переселенцам, прокладывали дороги и телеграф, участвовали в топографических съёмках и т.д.

В 1868 г. в Южно-Уссурийском крае произошёл военный конфликт с выходцами из Китая, получивший впоследствии название «манзовская война». В ходе этого столкновения и проявился достаточно низкий уровень боеспособности Восточно-Сибирских линейных батальонов, не занимавшихся систематической боевой подготовкой, недостаток артиллерии и невозможность быстрой переброски пехотных частей к месту боёв из-за их рассредоточенности и практически полного отсутствия в крае дорог.

Казаки как военные формирования в то время ещё не представляли сколько-нибудь серьёзной силы. Даже в 1912 г. в «Военно-географическом и статистическом обзоре...», составленном офицерами Генерального штаба, говорилось, что «населённые пункты, разобщённые, большей частью, крайне пересечённой или болотистой местностью и бездорожьем, разбросаны... в Уссурийском (войске). — *РА.*) до 11 с лишним вёрст

один от другого... Ввиду этого при малочисленности выставляемых Амурским и Уссурийским войсками строевых частей не *представляется возможным смотреть на них, как на надёжный оплот русской границы с Маньчжурией**².

Сложившаяся ситуация настоятельно требовала наличия в Южно-Уссурийском крае высокоподвижного, находившегося в постоянной боевой готовности конного соединения, в задачи которого входило бы патрулирование границы, особенно в тех местах, где казацкое население вообще отсутствовало или было ещё малочисленным; сопровождение и обеспечение безопасности переселяющихся на новые места жительства казаков и крестьян-переселенцев; оперативная борьба с бандами хунхузов, вторгавшимися на российскую территорию, грабившими и терроризировавшими население.

После Маньчжурской войны 1868 г. генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаков разработал комплекс мер по обеспечению безопасности региона, представленный на рассмотрение в столицу летом 1868 г. Среди них значилось и «...обеспечение границ Южно-Уссурийского края от внешних вторжений, через образование для того особого пограничного конного дивизиона». Эта мера оказалась одной из немногих, дозволенных центральной властью к исполнению до получения результатов работы комиссии под председательством генерал-адъютанта Сколкова, командированной в 1869 г. на два года на Амур для изучения на месте всех потребностей и нужд края³.

Действительно, создание такой воинской части казалось наиболее простым и быстрым, не требующим больших финансовых затрат для выхода из сложившейся ситуации, так как кардинальное изменение дислокации имевшихся на Дальнем Востоке войск было невозможно как по стратегическим соображениям, так и из-за их чрезвычайно малого количества. Улучшить же транспортную инфраструктуру в ближайшие годы, если не десятилетия, имевшимися силами просто не представлялось возможным.

В итоге 24 мая 1869 г. «Государь император... высочайше повелеть соизволил: ...Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать Уссурийскую казачью конную сотню...» Численность сотни согласно временным штатам 1869 г. определялась «...в 4 штаб и обер-офицера, 145 строевых и 18 нестроевых нижних чинов; лошадей: строевых 131, подъёмных — 12. Командира сотни и офицеров предполагалось назначить по представлению командующего войсками округа»⁴.

---

* Здесь и далее выделено автором.

Необходимо отметить, что так как это «Высочайшее повеление» было объявлено в приказе № 203 по военному ведомству только спустя два дня — 26 мая (а Сенату — только 20 октября), то дату рождения Уссурийской казачьей конной сотни указывают по разному: кто 24 мая, кто 26 мая 1869 г. Эта путаница наблюдается даже в «Справочных книжках Императорской главной квартиры»⁵.

В повелении говорилось: «Сформирование сотни произвести по распоряжению командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, предоставив ему вызвать для того охотников из Амурского и Забайкальского казачьих войск, и назначить потребное, по его усмотрению, число строевых и нестроевых чинов из Восточно-Сибирских линейных батальонов». Таким образом, для формирования «казацкой» сотни были привлеченычины не только иррегулярных, но и регулярных войск. Было определено «...оклады жалования всем чинам сотни, согласно приказа по военному ведомству 1865 г., назначить *усиленные, определённые для чинов регулярной армейской кавалерии*».

Обмундирование сотне предполагалось присвоить «сходное с Уссурийским пешим батальоном (Амурского казачьего войска. — *Р.А.*), но с теми различиями, какие существуют в нынешнем обмундировании пеших и конных частей Амурского казачьего войска, и просечкой на погонах лит. У. Примечательно, что «нормальную табель обмундирования и снаряжения предметами интендантского ведомства вновь сформированной Уссурийской казачьей конной сотни», разработанную Главным интендантским управлением, Военный совет утвердил только через четыре года после начала формирования сотни — 21 февраля 1873 г. Отличительной чертой этого подразделения была максимальная адаптация к условиям дальневосточной службы: даже обоз допускалось иметь «не форменный, но приспособленный к местным условиям края, с тем однако же, чтобы число подъёмных лошадей не было увеличиваемо против штата», т.е. не более 10 в мирное время и 12 — в военное. Обращает на себя внимание тот факт, что Уссурийская казачья конная сотня после своего создания, хотя формально и была прикомандирована к Амурскому казачьему войску и подчинялась Главному управлению иррегулярных войск Военного министерства⁶, по своему характеру и составу была максимально приближена к регулярным войскам.

Для того чтобы привлечь на службу в сотню офицеров, которых катастрофически не хватало на Дальнем Востоке, 16 декабря 1875 г. «сокращённый срок службы на пенсию, установленный для офицеров Амурского казачьего войска» был распространён на офицеров Уссурийской казачьей конной сотни, как служащих в ней, так и поступающих

на службу, но они имели возможность пользоваться «...сим правом до тех лишь пор, пока означенная казачья сотня будет состоять на службе в Южно-Уссурийском крае». Не хватало и младшего командного состава, который в Уссурийской казачьей конной сотне старались привлечь на сверхсрочную службу. Так, 4 апреля 1878 г. «Военный совет, рассмотрев представление главного штаба о назначении добавочного жалования за сверхсрочную службу урядникам Уссурийской казачьей конной сотни, положил: разрешить производство добавочного жалования за сверхсрочную службу одному старшему уряднику Уссурийской казачьей конной сотни в размере 84 руб. в год и 4 младшим урядникам той же сотни в размере по 60 руб. в год каждому»⁷.

22 марта 1879 г. было принято решение о переселении части казаков Уссурийского пешего батальона с регулярно затапливаемых мест, где они были расселены по приказу начальства, на новые территории. Одновременно встал вопрос и об обеспечении безопасности этого мероприятия, ведь переселяемые казаки с перевозимым имуществом и перегоняемым скотом могли стать прекрасной мишенью для хунхузов. Для обеспечения безопасности производимого переселения от Уссурийской казачьей конной сотни был назначен «отряд в составе 20 конных казаков, коему и было предписано совершать усиленные разъезды по маньчжурской границе в течение всего 1879 года». Под прикрытием этого отряда в Южно-Уссурийский край переселилось 391 казачье семейство, которые основали 10 поселков⁸.

Долгое время 1-я Уссурийская казачья конная сотня, располагавшаяся в п. Камень-Рыболов, вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном, роты которого были дислоцированы в Камень-Рыболов и с. Никольское, составляли ядро военных сил России, охранявших обширную территорию Южно-Уссурийского края к западу и юго-западу от оз. Ханка.

Условия службы сотни, решаемые ею задачи настоятельно требовали поднять статус её командира, поэтому 29 августа 1880 г. было решено «...командиру Уссурийской казачьей конной сотни присвоить, в дисциплинарном и хозяйственном отношениях, права командира отдельного запасного эскадрона»⁹. Это делало командира сотни более независимым и позволяло решать многие вопросы службы самостоятельно.

К 1880 г. отношения России и Китая из-за Кульджинского вопроса обострились до предела — обе страны стали наращивать вооружение и готовиться к войне. В связи с этим 23 октября 1880 г. было принято решение о формировании «...в помощь Амурскому казачьему войску, из охотников Восточно-Сибирских линейных батальонов» 2-й Уссурийской

казачьей конной сотни, таким образом, она формировалась уже полностью из солдат регулярных войск¹⁰.

6 января 1881 г. «Государь император... высочайше соизволил Уссурийскую конную казачью сотню, комплектуемую нижними чинами по общему Уставу о воинской повинности, впредь именовать «Уссурийской конной сотней» и изъять из ведения Главного управления казачьих войск...», о чём и было сообщено в приказе по военному ведомству от 19 января 1881 г.¹¹ Одновременно и 2-я Уссурийская казачья конная сотня была переименована во «2-ю Уссурийскую конную сотню» и также отчислена от Амурского казачьего войска¹².

Таким образом, в январе 1881 г. 1-я Уссурийская казачья конная сотня не только изменила название, но и *de ure* перестала быть прикомандированной к казачьим войскам, причём аналогичным образом поступили и с только что сформированной 2-й Уссурийской казачьей конной сотней. Примечательно, что при этом было сохранено наименование «сотня», характерное для казачьих частей. Это были первые регулярные кавалерийские подразделения на территории будущего Приамурского военного округа. Необходимо подчеркнуть, что 1-я Уссурийская казачья конная сотня за 12 лет своего существования официально так и не входила в состав ни одного казачьего войска будучи лишь прикомандированной к Амурскому казачьему войску.

14 июля 1884 г. было создано Приамурское генерал-губернаторство, его территория одновременно являлась и территорией нового Приамурского военного округа. При этом обе Уссурийские конные сотни перешли в подчинение генерал-адъютанта барона А.Н. Корфа, Командующего войсками округа и приамурского генерал-губернатора, их содержание обходилось казне ежегодно до 100 000 рублей¹³.

Военная служба конных сотен была неразрывно связана с судьбой края: события на Дальнем Востоке России в 1885—1887 гг., когда российско-китайские отношения обострились из-за «Савёловского инцидента».

Согласно «квартирному росписанию войск Приамурского военного округа к 1 июля 1885 года» официальным местом квартирования «заведующего конными сотнями, расположенными в Южно-Уссурийском крае», было ур. Атамановское, хотя сам он временно находился в пос. Раздольном.

1-я Уссурийская конная сотня была разделена на две полусотни. Местом квартирования первой полусотни было ур. Атамановское. В «росписании» указывалось, что «от 1-й полусотни содержатся караулы Молодецкий и Комиссаровский», а «от 2-й полусотни содержатся пограничные

караулы Утесный, Ушагоуский и Надеждинский», тогда как местом квартирования самой полусотни был «кар. Полтавский».

Ур. Атамановское, расположенное в большом лесном массиве, фактически являлось центром позиции, прикрывавшей границу в районе западнее оз. Ханка. При этом долины рек Сиянь-хэ (ныне р. Комиссаровка) и Мо (р. Мельгуновка) от российско-китайской границы к побережью оз. Ханка и Приханкайская низменность контролировались Комиссаровским и Молодецким постами.

2-я полусотня прикрывала обширную и удобную для наступления долину р. Суйфун (ныне р. Раздольная), по которой через территорию Полтавского караула лежал удобный путь из Китая в с. Никольское (г. Уссурийск), которое в то время было не только одним из важнейших сельскохозяйственных центров Южно-Уссурийского края, но и его основным транспортным узлом.

Стратегическая важность этого направления в том, что кроме 2-й полусотни 1-й Уссурийской конной сотни в кар. Полтавском должна была находиться и 3-я сотня 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, которая согласно «рописанию» на тот момент числилась «временно в с. Никольское».

Такая дислокация 1-й Уссурийской конной сотни позволяла контролировать границу на участке от оз. Ханка до р. Суйфун и частично южнее — вдоль р. Ушагоу (Хубту, ныне р. Гранитная).

Местом квартирования 2-й Уссурийской конной сотни было ур. Новокиевское (ныне пос. Краскино), расположенное на берегу б. Экспедиции зал. Посьет на юге Южно-Уссурийского края. При этом сотня содержала караулы и отряды в «дер. Ханци, Савёловке, Крас[ном] селе, Хунчунском и Фаташинском караулах»¹⁴, контролировала практически все важнейшие пункты в этом районе.

Район зал. Посьет был постоянной проблемой для российского военного командования на Дальнем Востоке, поэтому здесь располагалась одна из наиболее крупных группировок войск в Южно-Уссурийском крае и в Приамурском военном округе. Считалось, что эта территория будучи частично «изолированной» от остальной части края может легко подвергнуться нападению как с суши, так и с моря.

Хунчунский караул, находившийся на расстоянии 21 версты от Новокиевского и 5 вёрст от границы, контролировал дорогу, ведущую от г. Хунчун к б. Экспедиции, и через д. Фаташи (Камышовый) и ур. Новокиевское — на пос. Новгородский (Посьет). Фаташинский караул перекрывал альтернативный путь из долины р. Хунчун-хэ к бухте Экспедиции — через горные перевалы и по долине р. Фаташи.

Отряд в д. Красное Село, находившейся на берегу р. Тумень-дзянь (Туманган, ныне р. Туманная), контролировал старую Приморскую дорогу, которая шла вдоль восточного побережья Кореи и имела продолжение от зал. Гашкевича через Красное село, деревни Подгорная и Ханци (ныне с. Маячное) на Новокиевское. Кроме того, караул в д. Ханци контролировал и ряд других дорог и троп с территории Кореи и Китая.

Отряд в д. Савёловке в 1885 г. не только контролировал дорогу, ведущую от корейского города Кегунфу через Савёловку и Фаташи на Новокиевское, но и вместе с 1-й ротой 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона выполнял миротворческую миссию, так как в 1882 г. в российско-китайских отношениях произошло обострение, связанное с «савёловским вопросом» — спор о части территории в районе зал. Посьет. Кроме контроля границы и противодействия бандам хунхузов эти посты в случае нападения крупных сил неприятеля немедленно должны были сообщать о появлении противника и с боем отступать навстречу главным силам, дислоцировавшимся в ур. Новокиевском и в посту Новгородском.

Несмотря на то, что российско-китайские переговоры о границе завершились подписанием 4 июля 1886 г. в ур. Новокиевском общего протокола и протоколов-описаний границ по участкам (июнь — сентябрь), на границе продолжалось наращивание сил. Согласно «...квартирному росписанию войск... к 1-му сентября 1886 года...» 2-я полусотня 1-й Уссурийской конной сотни была выведена из с. Полтавки, и вся сотня, полностью сосредоточенная в ур. Атамановском, выставляя караулы в посёлках Молодецком и Комиссаровском. В то же время в Полтавку была целиком переброшена 3-я сотня 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска. Из Владивостока в с. Никольское перевели 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон, в срочном порядке сформированный в Харьковском военном округе и спешно переброшенный морем на Дальний Восток¹⁵.

Управление «заведующего конными сотнями» перевели из ур. Атамановского в ур. Барабаш, приблизив к месту квартирования 2-й Уссурийской конной сотни, а саму сотню полностью перебросили из ур. Новокиевского на наиболее угрожаемое направление — в п. Хунчунский. Она по-прежнему выставляла посты в Красном Селе, Фаташи и Ханси¹⁶. В связи с решением «савёловского вопроса» отряд российских войск, дислоцировавшийся в д. Савёловке, был выведен на российскую территорию 1 июля 1886 г. В это время вместе с отрядом от 2-й Уссурийской конной сотни там нес службу отряд от 5-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Весной

1887 г. ситуация всё ещё продолжала оставаться напряжённой. 1-я рота 5-го Восточно-Сибирского линейного батальона дислоцировалась практически на границе: 1-я полурота несла службу в с. Астраханке, а 2-я — в пос. Камень-Рыболове на побережье оз. Ханка. Одновременно с этим 1-я Уссурийская конная сотня стала выставлять пост Тихменёвский (Турый Рог) на границе с Китаем.

Таким образом, Уссурийские конные сотни были важной составной частью единой системы обороны Южно-Уссурийского края и располагались на проблемных участках границы. Мобильная и хорошо обученная кавалерийская часть могла контролировать обширные пограничные территории, противостоять бандам хунхузов в мирное время, а в случае начала военных действий быстро оповещать об этом командование. В связи с образованием в 1890 г. Уссурийских казачьих сотен: «Государь император 30 апреля 1891 г. высочайше повелеть соизволил: переименовать 1-ю и 2-ю Уссурийские конные сотни в 1-ю и 2-ю Приморские таковые же»¹⁷.

С началом японо-китайской войны 1894—1895 гг. ситуация на Дальнем Востоке начала стремительно меняться. 9 августа 1894 г. Особое совещание обсуждало вопрос о позиции, которую следует занять России в сложившейся ситуации. В результате был выработан комплекс мероприятий, среди которых отмечалось «...усиление на случай непредвиденных обстоятельств войск в местностях, прилегающих к корейской границе»¹⁸. Теперь основную опасность для Приморской области представляла Япония. Российское правительство, учитывая это, начало проводить мероприятия, направленные на усиление Приамурского военного округа. «Высочайше утверждённым 24 февраля 1895 г. положением Военного совета определено: 1) Свести расположенные в Южно-Уссурийском отделе две конные Приморские сотни в Приморский конный дивизион и ...содержать его по прилагаемому штату. Время сего сведения представить определению Командующего войсками Приамурского военного округа...» В Приморском конном дивизионе должно быть 12 офицеров, 293 строевых и 26 нестроевых нижних чинов. Полагалось иметь строевых лошадей (10 офицерских), 264 — для нижних чинов, 18 подъемных¹⁹. Согласно «краткому квартирному росписанию войск... к 15 мая 1895 г.» Приморский конный дивизион должен был дислоцироваться в ур. Славянка, где для дивизиона строились казармы, но в этот период штаб дивизиона ещё только формировался, а сотни «переходили из мест прежнего квартирования»²⁰.

Организационно Приморский конный дивизион в 1895 г. входил в состав Уссурийской конной бригады, штаб которой находился

в с. Никольском, командующим с 30 июля 1893 г. был полковник Бернов²¹. Вместе с дивизионом в состав бригады входил и 1-й Забайкальский казачий полк, штаб которого также находился в с. Никольском. Однако в ур. Славянка кавалеристы не задержались. Высочайше утверждённым 24 марта 1897 г. положением Военного Совета было определено в 1898 г. «...образовать из Приморского конного дивизиона четырёхэскадронный драгунский полк, в 1899 г. добавить пятый, а в 1900 г. — шестой эскадроны и ...содержать полк по прилагаемому штату». Он составлял по военному/мирному составу: офицеров — 37 (39), классных чинов (врачи, ветеринары и т.д.) — 7 (7), конных нижних чинов — 859 (859), пеших — 609 (149), нестроевых нижних чинов — 192 (167). Лошадей: офицерских — 35 (33), для нижних чинов — 965 (859), обозных — 184 (100). Кроме того, «...при полку состоит: отделение запаса полка»: офицеров — 3 (3), нижних чинов — 85 (85), нестроевых нижних чинов — 9 (9), лошадей — 103 (103). «Обоз и обозные чины содержатся по нижеследующему расчёту»: командир обоза — 1, нижних чинов — 169 (100), двуколок — 158 (в мирное время запрягается столько повозок, сколько позволит число обозных лошадей), лошадей — 184 (100)²².

2 мая 1898 г. «...дивизион приведён в 4-х эскадронный состав и наименован — Приморский драгунский полк»²³. При этом «полковой штандарт простой, без надписи» был пожалован полку Высочайшим приказом 6 мая 1897 г., но вручён только в 1898 г.

Полк был дислоцирован в с. Раздольном (на половине пути между крепостью Владивосток и с. Никольским). Отсюда шла и дорога в район зал. Посьет, и можно было, обойдя с севера полуостров Муравьёва-Амурского, быстро выйти к бух. Кангауз (Суходол), которая, находясь в непосредственной близости от крепости Владивосток, считалась одной из самых десантоопасных в Южно-Уссурийском крае²⁴.

После приведения в 1899 г. Приморского драгунского полка в 5-ти, а в 1900 г. — в 6-эскадронный состав процесс формирования регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России завершился. До начала Первой мировой войны (полк в составе Уссурийской конной бригады был отправлен на фронт) он продолжал оставаться единственной регулярной кавалерийской частью в Приамурском военном округе. Ярко и подробно характеризовал полк военный министр А.Н. Куропаткин в своём отчёте об инспекционной поездке по Дальнему Востоку в 1903 г., а по итогам двусторонних манёвров под г. Никольском-Уссурийским он «...от души поблагодарил начальников и войска, признав их боевую готовность»²⁵.

Процесс формирования регулярной кавалерии на Дальнем Востоке в большей степени зависел от изменения военно-стратегической си-

туации в регионе, а не от общих тенденций преобразования российской армии во второй половине XIX — начале XX в. Это обуславливалось как спецификой территории (удалённость от центра, слабая заселённость и неразвитая инфраструктура), так и периодическими осложнениями отношений с Англией и Китаем, грозившими перерасти в военный конфликт. Особенностью этого процесса было использование личного состава других родов оружия для формирования кавалерийских частей, например Уссурийской казачьей конной сотни, которая сформировалась в том числе и из солдат Восточно-Сибирских линейных батальонов. В целом, постепенный перевод казачьих частей на регулярную основу, завершившийся формированием драгунского полка, был неординарным явлением в российской военной истории.

¹ Авилов Р.С. Роль регулярных войск в занятии территории Приамурья и Приморья (1850-е гг. — 1884 г.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток: РГИА ДВ, 2007. Т. 10. С. 201—203.

² Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Сев. Манчжурии и Сев. Кореи: Военно-географический и статистический обзоры в 3-х отделах. Хабаровск, 1912. С. 16.

³ Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. С. 127—128.

⁴ Дальний Восток России в материалах законодательства 1862—1870 гг. Владивосток: РГИА ДВ, «Комсомолка ДВ», 2004. С. 176—179.

⁵ Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). Изд. По 1-е июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1914. С. 90; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1-е Апреля 1912 г.: Справочная книжка Императорской Главной квартиры. СПб., 1912. С. 311.

⁶ Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск... С. 311.

⁷ Дальний Восток России в материалах законодательства 1871—1880 гг. Владивосток: РГИА ДВ, «Комсомолка ДВ», 2004. С. 179, 292—293.

⁸ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб.: 1902. С. 26—27.

⁹ Дальний Восток России в материалах законодательства 1871—1880 гг... С. 382.

¹⁰ Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей)... С. 90; Казачьи войска: Краткая хроника казачьих войск... С. 312.

¹¹ Дальний Восток России в материалах законодательства 1881—1889 гг. Владивосток: РГИА ДВ, 2005. С. 5.

¹² Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей)... С. 90; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск... С. 312.

¹³ Материалы, относящиеся до земельного и экономического... С. 28.

- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1, л. 86—86 (об.).
- ¹⁵ Там же. Д. 58, л. 104, 125, 158.
- ¹⁶ Там же. Д. 57, л. 34 (об.).
- ¹⁷ Дальний Восток России в материалах законодательства 1890—1895 гг. Владивосток: РГИА ДВ, 2006. С. 85.
- ¹⁸ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М.: Наука, 1956. С. 643—645.
- ¹⁹ Дальний Восток России в материалах законодательства 1890—1895 гг... С. 237—243.
- ²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 206, л. 6.
- ²¹ Там же. Д. 185, л. 344.
- ²² Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896—1899 гг. Владивосток: РГИА ДВ, 2007. С. 111—127.
- ²³ Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей)... С. 90.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. 1615, оп. 1, д. 4, л. 20.
- ²⁵ Отчёт военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г.: Осмотры войск, военных учреждений и заведений. СПб., 1903. Ч. 1. С. 33—36.

R. Aivilov
Vladivostok

THE HISTORY OF CREATING THE REGULAR CAVALRY ON THE FAR EAST OF RUSSIA (1869—1903)

Army takes a great participation in colonization the Far East of Russia. After the Manza War 1868, the Russian Army required a mobile cavalry on the Far East. On March 24, 1869 there was created Ussuriskaya Cossack Horse Sotnia. On October 23, 1880 there was created the 2nd Ussuriskaya Cossack Horse Sotnia. On January 6, 1881 the both sotnias were renamed to the 1st and 2nd Primorsky Horse Sotnias. These units were the first regular cavalry units on the Far East of Russia. After the Sino-Japanese War 1894—1895 the Russians began the reinforcement of troops on the Far East. On February 24, 1895 the 1st and 2nd Primorsky Horse Sotnias were united to the Primorsky Horse Division. In 1898 it was reorganized to the Primorsky Dragoon Regiment. It was the last regular cavalry unit on the Far East of Russia.

РАЗГРОМ МОРСКОГО ПАРОХОДСТВА ОБЩЕСТВА КВЖД: ЕЩЁ ОДНА ТРАГЕДИЯ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

В 1994 г. в японском городе Китакою было построено здание в честь 15-летия заключения договора о дружбе между городами Китакою и Далянь. Это здание является точной копией главного офиса Морского пароходства Общества Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в китайском городе Даляне. Здание Морского пароходства Общества КВЖД было построено немецким архитектором в 1902 г. и после русско-японской войны использовалось в качестве библиотеки при Южно-Маньчжурской железной дороге. Оно стало одной из туристских достопримечательностей г. Китакою, в нём располагаются библиотека и ресторан. В Даляне было реконструировано здание бывшего офиса Морского пароходства, с 1998 г. оно используется в качестве художественного музея. Но, к сожалению, сейчас в Японии и Китае мало кто помнит трагическую историю Морского пароходства.

Морское пароходство мало известно также и в России. Например, в исследовании торгового мореплавания на Дальнем Востоке А.И. Крушанов описал лишь роль Добровольного флота¹, и только В.П. Бянкин исследовал Морское пароходство в контексте истории торгового мореплавания на Дальнем Востоке², основываясь на работе Нилуса. Но в его книге уделяется много внимания похвалам железной дороге и слишком мало — неудачам Морского пароходства (например, описать его как убыточное предприятие). Кроме того, Бянкин не использовал японские материалы, связанные с этой компанией.

Морское пароходство КВЖД просуществовало всего шесть лет (1898—1904), но оно было важной частью грандиозного плана министра финансов С.Ю. Витте, связанного с дальневосточным морским транспортом. Мы рассмотрим причины создания компании, а также её финансовое состояние.

1. Почему было необходимо Морское пароходство КВЖД?
В 80-е гг. XIX в. морскими перевозками на дальние расстояния занимался Добровольный флот, а Морское пароходство Шевелёва — перевозками в дальневосточном регионе. Первый пароход Добровольного флота прибыл во Владивосток из Одессы 12 апреля 1880 г.³ Министерство финансов 7 ноября 1879 г. предоставило Шевелёву право на осуществление пароходного сообщения между Владивостоком и Ханькоу (ныне Ухань) с заходом в порты Нагасаки и Шанхай сроком на 15 лет и выплатой за

осуществлённые рейсы в течение первых 10 лет по 3 руб. за милю⁴. Пароходное сообщение на этой линии было открыто Шевелёвым 16 апреля 1882 г.⁵ Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф неоднократно свидетельствовал перед Министерством финансов о безукоризненной и в высшей степени полезной для края деятельности Шевелёва по устройству и развитию морского пароходного сообщения⁶.

Но генерал-губернатор С.М. Духовской был недоволен работой Шевелёва: «Пересоздание пароходства Шевелёва тем более желательно, что условия настоящего с ним контракта, по крайне высокому тарифу и праву монопольного пользования указанными линиями, не могут быть желательны в интересах края и казны»⁷. Он был против морского сообщения с иностранными портами: «С каждым днём всё более обнаруживается, что содержащее ныне срочное сообщение с некоторыми иностранными портами Дальнего Востока субсидированным пароходством коммерции советника Шевелёва совершенно уже не удовлетворяет современным требованиям»⁸. 4 марта 1898 г. Духовской подал жалобу министру финансов С.Ю. Витте на неудовлетворительную работу предприятия Шевелёва⁹, выражая недовольство тем, что в условиях увеличения пассажиро- и грузопотока, перевозимого на российских пароходах Дальнего Востока в конце XIX в., компания Шевелёва не справлялась с объёмом перевозок. Увеличение перевозок было заметно на направлениях: Владивосток — Чифу (ныне Янтai) в 1887 г. — 340 руб., а в 1893 г. — 35 043 руб.; Владивосток — Шанхай в 1887 г. — 4980 руб.; в 1893 г. — 33 514 руб.¹⁰ Местные власти осознали опасность ситуации, при которой одна частная судоходная фирма монополизировала всё дальневосточное морское пароходство. Кроме того, японская компания Ниппон Юсэн Кайся открыла новую линию Владивосток — Гензан — Фузан — Чемульпо (ныне Инчхон) — Чифу — Шанхай и продлила линию Владивосток — Нагасаки, Кобэ в 1889 г.¹¹

Министерство финансов ожидало, что проведение Сибирской железной дороги и быстро развивающиеся торговые отношения с соседними странами вызовут необходимость дальнейших мероприятий по расширению пароходного сообщения с портами Кореи, Японии и Китая¹². Поэтому пересмотр контракта с Морским пароходством Шевелёва обсуждали в Министерстве финансов в 1896 г.¹³. В 1893 г. С.Ю. Витте объяснил императору важность связи Сибирской железной дороги с морским транспортом: «Между прочим, важное значение по отношению к торговле с Японией, Кореей и приморской частью Китая будет иметь, когда рельсовый путь пройдёт через всю Сибирь до Владивостока... учреждение срочных пароходных рейсов между Владивостоком и наиболее важными, в интересах русской торговли, иностранными портами Тихого океана»¹⁴.

В 1898 г. по договору с Китаем Россия получила в аренду Квантунскую область, и Витте решил создать в заливе Далянь коммерческий порт — конечный пункт КВЖД, а следовательно и Сибирской железной дороги¹⁵. 11 декабря 1898 г. он предложил Комитету Сибирской железной дороги сделать порт Далянь начальным пунктом главных срочных пароходных линий Общества КВЖД, которые явятся продолжением железнодорожного пути¹⁶. Он утвердил поэтапный план: до весны 1900 г. — до открытия непрерывного парового сообщения с Владивостоком; с весны 1900 г. до начала 1902 г. — до предполагаемого открытия непрерывного железнодорожного сообщения с заливом Далянь; с начала 1902 г. — после открытия непрерывного железнодорожного сообщения с заливом Далянь. В результате Комитет Сибирской железной дороги принял решение создать компанию с капиталом 6 400 000 руб.¹⁷, а в феврале 1899 г. в дополнительной статье были определены следующие положения:

- а) во время постройки Китайской Восточной железной дороги обеспечить срочную доставку необходимых для дороги грузов, материалов и рабочих и тем содействовать успешному ходу дела постройки дороги;
- б) во время эксплуатации Китайской Восточной железной дороги связать пароходными рейсами конечные пункты дороги Владивосток и Да-лян-ван с главнейшими портами Китая, Японии и Кореи и тем обеспечить правильную и скорую передачу пассажиров и грузов, кои будут следовать из России и Западной Европы на Дальний Восток и обратно.

Кроме того, из-за отказа советника Шевелёва от исполнения с 1 января 1900 г. принятых им обязательств по содержанию срочных пароходных сообщений между портами Приморской области (по линиям Татарского пролива и залива Петра Великого), а также между Владивостоком и открытыми портами Кореи, Япония и Китая на Общество Китайской Восточной железной переходит с 1 января 1900 г. означенные обязательства Шевелёва¹⁸.

Шевелёв «отказался» не по своей воле. Министерство финансов заставило его передать обязательства по содержанию срочных пароходных сообщений. Он согласился, за что ему было уплачено Обществом единовременно 150 000 руб.¹⁹ С 1899 г. правительство постепенно приступило к передаче линий, ранее обслуживаемых пароходством «Шевелёв и Ко», недавно созданному Морскому пароходству КВЖД. В 1902 г. последний пароход Шевелёва вместе с обязательствами по контракту был продан Морскому пароходству КВЖД. Шевелёв умер в ноябре 1903 г. во Владивостоке²⁰, став жертвой изменения политики.

2. Морское пароходство КВЖД (1898—1903 гг.). Морское пароходство начало работу в сентябре 1898 г.²¹, Владивосток стал его первым центром. В 1900 г. Морское пароходство КВЖД осуществляло сообщение по следующим срочным линиям:

- 1) Владивосток — Посыет;
- 2) Владивосток — Находка;
- 3) Владивосток — Мангугай — Славянка — Канькоуза — Шкотово — Находка;
- 4) Владивосток — Залив Святой Ольги — Корсаковский пост — Императорская Гавань — Александровский пост — Залив де-Кастри — Николаевск;
- 5) Владивосток — Гензан — Фузан — Нагасаки — Чемульпо — Порт-Артур (ныне Люйшунь) — Чифу — Тзинтау — Шанхай²².

25 ноября 1899 г. Военное ведомство заключило с пароходством особое соглашение на перевозку войск, новобранцев, запасных и военных грузов между Владивостоком и Порт-Артуром²³. Согласно договору, заключённому 29 мая 1901 г. между Департаментом общих дел Министерства внутренних дел и Обществом КВЖД, последнее получало за операции в Охотском и Беринговом морях особое вознаграждение в размере 160 000 руб. в год²⁴. С 1899 г. Камчатку посетили пароходы Морского пароходства «Сунгари», «Нингута», «Мукден» и др.²⁵. Министерство финансов отмечало: «Обслуживая, таким образом, порты Желтого, Японского, Охотского и Берингова морей от Шанхая, расположенного под 310 северной широты, до Анадыря, лежащего под 65° северной широты, т.е. на протяжении 34 по меридиану, Морское пароходство Общества занимает в ряду русских пароходных предприятий совершенно исключительное положение»²⁶.

Между тем Морское пароходство КВЖД продолжало расширять сеть зарубежных линий. В 1902 г. оно осуществляло судоходство по следующим зарубежным линиям:

- 1) Владивосток — Нагасаки — Порт-Артур;
- 2) Владивосток — Шанхай;
- 3) Владивосток — Нагасаки — Шанхай;
- 4) Владивосток — Гензан — Фузан — Нагасаки — Порт-Артур — Шанхай²⁷.

Первая линия (Владивосток — Нагасаки — Порт-Артур) была наиболее прибыльной (63 136,52 руб.), а линия через Татарский пролив приносила большие убытки (36 180,84 руб.)²⁸.

Кроме того, при открытии регулярного движения по КВЖД Морское пароходство планировало создать прямые срочные рейсы из г. Дальнего (ныне Далянь) в Шанхай и Японию²⁹. 23 февраля 1903 г. в Дальний из

Маньчжурии прибыл первый поезд-экспресс, и в тот же день от набережной отчалили прямым рейсом в Шанхай и Нагасаки два быстроходных парохода Общества КВЖД «Маньчжурия» и «Монголия»³⁰. Таким образом Дальний стал новым центром работы Морского пароходства, которое в 1903 г. осуществляло сообщения по следующим срочным линиям:

- 1) Шанхай — Нагасаки — Владивосток (с заходом в Фузан и Гензан);
- 2) Порт-Артур — Дальний — Чифу;
- 3) Дальний — Порт-Артур — Чемульпо — Шанхай;
- 4) Дальний — Шанхай;
- 5) Дальний — Нагасаки;
- 6) Линия Татарского пролива;
- 7) Линия залива Петра Великого;
- 8) Охотско-Камчатские рейсы³¹.

Соответственно первоначальному плану было предусмотрено приобретение 12 пароходов³². В 1899 г. совершали рейсы приобретённые Обществом КВЖД 6 пароходов: 3 — грузовых, 2 — товаро-пассажирских и 1 — пассажирский³³. Позже флотилия Морского пароходства насчитывала уже 20 пароходов, не считая мелких судов: 2 почтово-пассажирских, 1 пассажирский, 15 товаро-пассажирских и 2 буксирных³⁴. Сначала пароходы ходили под китайским флагом, но с 18 марта 1899 г. подняли русский флаг³⁵.

Главный офис Морского пароходства КВЖД находился в Порт-Артуре³⁶, с 1 ноября 1902 г. — в Дальнем³⁷. Были созданы его агентства в Шанхае, Тзинтау, Чифу, Порт-Артуре, Дальнем, Чемульпо, Нагасаки, Фузан, Гензан, Владивостоке, Корсакове, Александровске, Де Кастри, Николаевске и Петропавловске. В Хакодате роль агентства исполняла компания «Семёнов и К°». Российский рыбопромышленник и совладелец фирмы «Семёнов и К°» Г.Ф. Демби заключил агентское соглашение для транспортировки рыбопродуктов с Сахалина³⁸. Из филиалов Морского пароходства Общества КВЖД наибольшую прибыль от поступления грузов в 1902 г. получил филиал в Ханко (181 736 руб.), особенно транзит чая (52 930 руб.); филиал во Владивостоке был на втором месте (176 666 руб.)³⁹.

В период с 1 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. пароходами пройдено 111 000 морских миль и перевезено 1 275 000 пудов грузов, а также пассажиров (служащих и рабочих дороги) 2900 чел., частных пассажиров — 36 000 чел.⁴⁰ В 1902 г. пароходами срочных рейсов пройдено 326 415 морских миль, а в 1903 г. — 284 848 миль⁴¹. Хотя количество пассажирских перевозок увеличивалось, убытки Морского пароходства продолжались (затраты в два раза превышали его доходы) (см. табл. 1). До 1903 г. правительство потратило на пароходство 11 427 000 руб.⁴²

Таблица 1

Доходы и расходы Морского пароходства

	1899	1900	1901	1902	1903
Пассажиры	36 886	62 988	124 578	124 578	92 863
Скот	—	24 34	20 973	20 973	19 536
Грузы, т	22 903,3	62 279,3	145 359,5	145 359,5	180 782,8
Доходы	422 065,35	1 376 277,15	1 722 101,03	1 722 101,03	1 698 240,12
Расходы	595 296,30	1 928 628,23	2 441 029,56	3 165 787,96	2 935 833,89
Итого	-173 230,95	-552 351,08	-820 286,20	-1 433 686,93	-1 237 593,77

Источник: Китайская Восточная железная дорога: Ист. очерк. Канцелярия Правления Общества КВЖД. СПб., 1914. С.300—301.

Как образовался этот дефицит? Источник объясняет: «Совместная деятельность КВЖД только ещё начинала налаживаться... Пароходство не имело в достаточном количестве ни ввозных, ни вывозных грузов, ни транзитных пассажиров»⁴³. Если так, то Министерству финансов не стоило поспешно расширять Морское пароходство.

3. Разгром Морского пароходства КВЖД. Японские дипломаты видели угрозу в расширении линий Морского пароходства. Хаяси Гонсукэ, Чрезвычайный и полномочный посол в Корее, предупредил 1 октября 1901 г. японское Министерство связи, что Морское пароходство КВЖД, очевидно, начнёт конкурентную борьбу с корейскими линиями японских фирм. Поэтому он настаивал на расширении этих линий⁴⁴. 22 марта 1902 г. японский дипломат Симакава Кидзёсабуро сообщил, что Морское пароходство нацелено на гегемонию в морском транспорте на Дальнем Востоке⁴⁵. Кроме того, 26 марта 1902 г. известная японская газета «Йомиури» назвала Морское пароходство «страшным врагом»⁴⁶.

Победа в русско-японской войне представила Японии удобный случай, а пароходство КВЖД постигла трагедия. Перед войной Морское пароходство имело в своём распоряжении в различных портах Тихого океана до 20 крупных судов; пароход «Маньчжурия» находился на ремонте в порту Нагасаки. 24 декабря 1903 г. правление КВЖД доложило по телеграфу наместнику императора на Дальнем Востоке адмиралу Е.И. Алексееву об опасном положении «Маньчжурии» и призвало поступить согласно его указаниям. Однако Алексеев не признал необходимым принятие мер по спасению «Маньчжурии»⁴⁷, в результате пароход был захвачен 17 февраля 1904 г. Тем временем американский делец пытался купить «Маньчжурию», но консул США в Нагасаки остановил его⁴⁸. Министерство иностранных дел Японии использовало «Маньчжурию» для инспекции, проводимой иностранными журналистами во время войны:

американский путешественник Джордж Кеннан, который издал книгу о сибирской ссылке в 1891 г. и другие журналисты в июле 1904 г. осматривали побережье Корейского полуострова на этом пароходе⁴⁹. В это время, правление КВЖД передало дело о захвате «Маньчжурии» в японский суд, поэтому использование парохода являлось очевидным нарушением международного права.

Морское пароходство КВЖД теряло свои суда: 6—7 февраля 1904 г. пароходы «Мукден» в Фузане и «Аргун» на юго-западном побережье Кореи были захвачены Японией. Пароход «Сунгари» стоял на рейде в Чемульпо в день боя крейсера «Варяг». Чтобы «Сунгари» не достался неприятелю, командиры военных судов и русский вице-консул приняли решение затопить пароход⁵⁰. 6 августа 1904 г. императорский флот Японии поднял «Сунгари» и отправил в Нагасаки⁵¹.

Правительство Кореи заявило о нейтралитете в начавшейся войне. Поэтому консул России в Фузане заявил протест Японии: захват, произведённый на территории нейтрального государства, нарушает нормы международного права⁵². На это японский суд ответил, что, поскольку Япония не признаёт нейтралитета Кореи, захват является законным⁵³. Шесть других пароходов Морского пароходства КВЖД находились в Порт-Артуре и десять — в Дальнем. Суда, оставшиеся в Дальнем, перед эвакуацией оттуда Морского пароходства были переведены в Порт-Артур, где вместе с другими судами погибли при осаде крепости⁵⁴. Только пароход «Монголия», зачисленный в Красный Крест во время войны, остался в Порт-Артуре. Когда А.Н. Стессель подписал капитуляцию 2 января 1905 г., русская делегация потребовала возвращения парохода «Монголия», и Япония удовлетворила это требование⁵⁵. Но правление КВЖД продало «Монголию» Русской Восточно-Азиатской пароходной компании⁵⁶. Таким образом, Морское пароходство КВЖД исчезло, оставив только долги.

После войны КВЖД отказалось реконструировать Морское пароходство. Однако сотрудничество с морским транспортом являлось необходимым для железнодорожной компании. Поэтому управляющий Китайской Восточной железной дорогой генерал-лейтенант Д.Л. Хорват заключил контракты с американской фирмой 8 декабря 1905 г. и 24 апреля 1906 г. Но правление КВЖД сделало вывод, что Хорват превысил свои полномочия⁵⁷. В октябре 1906 г. правление заключило особое соглашение с упомянутой выше Русской Восточно-Азиатской пароходной компанией, и это соглашение вступило в силу в апреле 1907 г.⁵⁸ Пароходы Русской Восточно-Азиатской компании перевозили пассажиров во Владивосток, Шанхай и Нагасаки еженедельно по воскресеньям, а в Цуругу — по средам⁵⁹. Линия Владивосток — Цуруга открылась в октябре

1906 г. На ней курсировал пароход «Монголия», принадлежавший ранее Морскому пароходству КВЖД⁶⁰. Конкурирующая японская компания Осака Сёсэн сразу открыла сообщение по линии Владивосток — Цуруга в апреле 1907 г.⁶¹ После русско-японской войны Осака Сёсэн монополизировала морской транспорт Кореи и в ноябре 1908 г. заключила контракт с КВЖД о перевозке пассажиров⁶². В результате разгрома Морского пароходства КВЖД японские компании получили очевидное превосходство на Дальнем Востоке. Русско-японская война нарушила равновесие сил частного морского транспорта.

Япония в полной мере использовала наследие Морского пароходства КВЖД. Его пароходы «Маньчжурия», «Сунгари», «Зея», «Буряя» были зачислены в состав императорского флота Японии, «Мукден» передан в управление генерал-губернатору Тайнаня, а «Аргун» — начальнику управления навигационным оборудованием. Большинство других судов были проданы частным компаниям. Интересны история пароходов «Маньчжурия» и «Аргун». Во время проведения морских манёвров японский император посещал пароход «Маньчжурия» как хорошо оснащённый. В сентябре 1933 г. во время морских учений этот пароход был использован в качестве мишени и потоплен торпедами⁶³. Что касается парохода «Аргун», то он под именем «Расюмару» инспектировал все японские маяки после войны. В марте 1945 г. он прибыл в Осака, где осуществлялись массовые воздушные налёты. Из Осака, транспортируя больных, он наскочил на мель под пулёмётным обстрелом американских истребителей⁶⁴.

Заключение. Отмечены причины, по которым Морское пароходство Общества КВЖД было создано. Во-первых с начала 1890-х гг. количество пассажиров и грузов на морском транспорте Дальнего Востока быстро увеличивалось. Компетентные учреждения и лица — Приамурский генерал-губернатор и Министерство финансов — не считали, что Морское пароходство Шевелёва сможет адаптироваться в новой ситуации. Во-вторых, министр финансов Витте пытался укрепить морской транспорт в связи с постройкой Сибирской железной дороги. Он хотел, чтобы Сибирская железная дорога, порт Дальний и Морское пароходство КВЖД функционально соединились, и это привело бы к коммерческому процветанию империи. Но ждать, когда железная дорога соединится с г. Дальним, пришлось до 1903 г. Поскольку Министерство финансов возлагало надежды на торговлю с Востоком и инвестировало на это слишком большие средства, руководство Морского пароходства пребывало в бедственном положении, к тому же русско-японская война оставила ему огромные долги. В результате Морское пароходство Общества КВЖД прекратило своё функционирование на Дальнем Востоке.

- ¹ Крушанов А.И. О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти XIX — начале XX вв. / отв. ред. В.Г.Щебеньков. Материалы по истории Владивостока. Кн.1. Владивосток, 1960: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.); Он же. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М., 1991.
- ² Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860—1925). Владивосток, 1979; Он же. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981.
- ³ Бянкин. В дальневосточных морях... С.133.
- ⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т.54. СПб., 1879. С.221.
- ⁵ Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб.: Изд. Министерства финансов, 1895. С.368.
- ⁶ Забугин Н.Л. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. СПб., 1896. С.13.
- ⁷ Там же. С.187.
- ⁸ Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Духовского. 1896—1897 годы. СПб., 1898. С.22.
- ⁹ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк / сост. канц. правления Общества КВЖД. СПб., 1914. С.158.
- ¹⁰ Забугин. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. С.18.
- ¹¹ Хара Тэрююки Тайган коро то тайган бозки. Нихонкайю хасаму нитиро кайун-но рэкиси-кара (Судоходная линия на противоположный берег и торговля с противоположным берегом) // Росиа кэнкю. 1997. № 25. С.79.
- ¹² Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий... С.369.
- ¹³ Хохлов А.Н. Михаил Шевелёв и начало морского судоходства России с Китаем // Вопросы истории. 2007. № 9. С.121.
- ¹⁴ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.213.
- ¹⁵ Там же. С.288.
- ¹⁶ Там же С.293—294.
- ¹⁷ Там же. С.308.
- ¹⁸ ПСЗ. Собр. 3-е. Т.19. СПб., 1899. С.109 (№ 6459).
- ¹⁹ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С.159.
- ²⁰ Бянкин. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке... С.48.
- ²¹ Хвостов А.М. Русский Китай: Вата первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. 1902. № 10. С.692.
- ²² Справочная книга г. Владивостока на 1900 год. Владивосток, 1900. С.190—192.
- ²³ Бянкин. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке... С.82.
- ²⁴ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С.160.
- ²⁵ Камчатка: 1740—1940. Изд. «Слово». Шанхай, 1940. С.206.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Расписания и пассажирский тариф по линиям заграничным, Морское пароходство Общества Китайской Восточной железной дороги. Порт-Артур. 1902. С.1—5.
- ²⁸ Отчёт по эксплуатации Морского пароходства Общества Китайской Восточной железной дороги за 1902 год. СПб., 1904. С.8.

- ²⁹ Министерство финансов. 1802—1902: Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. СПб., 1902. Ч. 2. С. 600.
- ³⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Изд. Ф.П. Романов. Томск, 1904. С. 156.
- ³¹ Китайская Восточная железная дорога. Ист. очерк. С. 171.
- ³² Там же. С. 163.
- ³³ Путеводитель по Великой сибирской железной дороге / под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и А.Ф. Здырского. СПб., 1900. С. 564.
- ³⁴ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С. 165.
- ³⁵ Хвостов А.М. Русский Китай. С. 692.
- ³⁶ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. С. 564.
- ³⁷ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск, 1904. С. 156.
- ³⁸ Мэгуми Сими дзу Хакодатэ (Русские страницы в истории японского города Хакодате). 2005. С. 186.
- ³⁹ Отчёт по эксплуатации Морского пароходства Общества Китайской Восточной железной дороги за 1902 год. СПб., 1904. С. 62—63.
- ⁴⁰ О положении работ по сооружению Китайской Восточной железной дороги и постройке коммерческого порта и города Дальнего, а также о положении морского пароходства общества названной дороги в водах Тихого океана / Сост. Министерство финансов. СПб., 1900. С. 46.
- ⁴¹ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С. 171.
- ⁴² Общая строительная стоимость Сибирского транзитного железнодорожного пути и вспомогательных к нему линий / под ред. С.В. Саблер, И.В. Сосновского. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем: ист. очерк к 10-летию Комитета Сибирской железной дороги (1893—1903). СПб., 1903.
- ⁴³ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С. 173.
- ⁴⁴ Кокадзэ Хидэмаса Тэйкоку сюгика-но Нигипон Кайун: Кокусай кёсо-то тайгай дзирицу (Японский морской транспорт при империализме: Международная конкуренция и независимость). Токио, 1995. С. 244.
- ⁴⁵ The Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref 1303050320200.
- ⁴⁶ Тоё кайун-но кёсо (Конкуренция в морском транспорте на Востоке) // Иомиури симбун. 1902. 26 марта. С. 2.
- ⁴⁷ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923. Харбин, 1923. Т. 1. С. 383.
- ⁴⁸ Ниппон гайко бунсё (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Токио, 1958. С. 166.
- ⁴⁹ Мацумура Масааки Нитиро сэно то гайкоку симбун кия (Русско-японская война и иностранные журналисты). 2004. № 2. С. 37.
- ⁵⁰ Нилус. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 384.
- ⁵¹ (JACAR). Ref C05110190200.
- ⁵² Ниппон Гайко Буншо. Русско-японская война. Токио, 1958. С. 267—268.
- ⁵³ (JACAR). Ref C05110190200.
- ⁵⁴ Китайская Восточная железная дорога: ист. очерк. С. 234.
- ⁵⁵ Олма Адзуса Нитиро сэно то бёинсэн (Русско-японская война и госпитальное судно). Хиросима. 1978. № 3—4. С. 7—8.
- ⁵⁶ Нилус. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 386.

- ⁵⁷ Гундэн Ёсио Тоси тэцудо унтин сэйсакуси (История тарифной политики КВЖД)]. Далянь, 1942. С. 106.
- ⁵⁸ Гундзи Тоси тэцудо унтин сэйсакуси. С. 106; Нилус. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 386.
- ⁵⁹ Путеводитель Восточной Китайской железной дороги. СПб., 1907. С. 28.
- ⁶⁰ Бянкин. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке... С. 112; Фукуи Кэн Фукуи Кэнси: (История префектуры Фукуи). Фукуи, 1994. С. 926.
- ⁶¹ Хара Тайган коро то Тайган бозки. С. 82.
- ⁶² Кокадзё Тейкокусюгика-но Ниппон кайун. С. 245, 251.
- ⁶³ Катагири Дай дзи Рэыго кантай мэймэй дэн (Полная история кораблей Японского Соединённого флота). Токио, 1993. С. 57—58.
- ⁶⁴ Береговая охрана Японии Ниппон тодайси: (История маяков Японии). Токио, 1969. С. 212—214.

Masafumi Asada
Sapporo

**THE DESTRUCTION OF CHINESE-EASTERN RAILROAD
SOCIETY'S SHIPPING COMPANY: ANOTHER TRAGEDY
OF RUSSIAN-JAPANESE WAR**

The author researched the becoming of shipping company of Chinese-Eastern railroad society and its destruction during the Russian-Japanese war. He marked that this company had very important significant in connection with the perspective of transport hub construction on Far East. But the war broken Russian plans.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В НАЧАЛЕ XX в. И ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

«Русское дело» было важным лозунгом, под которым Российская империя проводила колонизацию. Хотя историки соглашались, что этот лозунг в чём-то связан с «обрусением» территорий, они не всегда удачно выясняют конкретное содержание лозунга «русское дело» в тех или иных ситуациях. Например, на Дальнем Востоке последний Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти пытался вытеснить китайских рабочих и китайские товары под этим лозунгом. Однако остаётся невыясненным, какое общество для русских он сам и правительство России хотели создать на Дальнем Востоке после изгнания китайцев. Как известно, через три года после вступления Гондатти в должность генерала-губернатора началась Первая мировая война и через шесть лет самодержавие пало. У Гондатти не хватало времени осуществить свою идею. Тем не менее, считаю возможным приблизительно реконструировать курс правительства на колонизацию Дальнего Востока.

С этой целью я обращаю внимание на проблему введения земского самоуправления на Дальнем Востоке в начале XX в. Земское самоуправление, созданное в 1864 г. в Европейской России и осуществлявшее медицинскую, педагогическую деятельность, улучшение путей сообщения, агрономическую помощь и т.д., в целом сыграло огромную роль в развитии российского общества. Хотя в Сибири, включая Приамурье, земства не были введены до 1917 г., её экономическое развитие стимулировало дебаты о том, нужны ли земства на сибирских землях.

К сожалению, эта проблема до сих пор не привлекает внимания историков. Почти единственным трудом по этой теме является книга О.И. Сергеева, С.И. Лазаревой и Г.Я. Тригуба, посвящённая местному самоуправлению Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в.¹ Авторы указывают, что несколько законопроектов о сибирских земствах обсуждались в Государственной думе до 1917 г., и отмечают, что благодаря отсутствию «...заинтересованности в их практическом воплощении со стороны правительства самодержавной России» и также «тайному сомнению», часто вызванному фразой «Сибирь отвалится», земства не были введены². В самом деле, фраза того времени «Сибирь отвалится» произносилась часто. Японский историк Теруюки Хара отмечает, что после

убийства П.А. Столыпина в 1911 г. правительство Российской империи быстро потеряло интерес к колонизации Дальнего Востока³.

Используя в качестве источников современные издания, в данной статье я обращаю внимание на три важных фигуры — П.А. Столыпина, П.Ф. Унтербергера и Н.Л. Гондатти. Они играли ключевую роль в дальневосточной политике России после русско-японской войны, заявляя, что земское самоуправление будет введено в Приамурье в ближайшее время.

Несомненно, Столыпин был недоволен политикой Унтербергера как Приамурского генерал-губернатора из-за отсутствия протекционалистской заботливости для поощрения местной промышленности. Поэтому Гондатти, пользовавшийся доверием Столыпина, руководил Амурской экспедицией с 1910 по 1912 г. и заменил Унтербергера в 1911 г.

В 1908 г. в Государственной думе был принят законопроект «О введении в сибирских губерниях и областях земского самоуправления»⁴, который поддержали 101 депутат. Они думали, что чрезвычайно быстрое экономическое развитие Сибири после строительства великой Сибирской магистрали потребует новую организацию местного хозяйства, а именно земство. Когда Столыпин осматривал Сибирь вместе с А.В. Кривошеиным, тогдашним главноуправляющим земледелием и землеустройством, он заявил: «И когда с укреплением земли в собственность старожилов и переселенцев, появлением там владений на «купленной» земле, развитием городской жизни и более плотным заселением некоторых местностей, период лихорадочного распределения земельного запаса между пришлым людом закончится, а самое население, связанное общими интересами, как бы кристаллизуется и перестанет быть механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы и Могилёва, — тогда настанет пора и для введения сибирского земства. И время это при быстром ходе заселения Сибири, надо думать, недалеко»⁵.

Унтербергер тоже отметил проблему собственности и назвал три причины его несогласия с поспешным введением земства: «...они, во-первых, населены крестьянами и казаками, не владеющими пока землёю на правах собственности, а во-вторых — почти не имеют в своих пределах частных землевладельцев, и в-третьих «в рассматриваемые области идёт ежегодно приток новых переселенцев»⁶. Но в то же время он предложил выработать какую-то переходную организацию, которая могла бы стать архетипом будущих земств⁷.

В своём Всеподданнейшем отчёте за 1911 г. генерал-губернатор Гондатти поддержал В.А. Закревского, автора 9-го выпуска Трудов Амурской экспедиции, посвящённого земскому хозяйству⁸. В.А. Закревский, завоевавший доверие Гондатти, предложил создание новых уездных съездов,

которые «...явились бы отличной подготовительной школой для будущей работы в крае земских учреждений, как конечной формы управления земским хозяйством». Он отметил, что на Дальнем Востоке наблюдались «...разобщённость среди населения, отсутствие интереса к общественному делу и исключительная погоня за личными выгодами»⁹. Одной из целей создания нового учреждения считалось пробуждение интереса к общественной жизни и общественной деятельности. Как уже сказано, Столыпин тоже упоминал об «общественном интересе». Таким образом, можно заключить, что государственные деятели России осознали, что для дальнейшего экономического развития Сибири и Дальнего Востока нужно пробудить общественность.

Унтербергер упоминал в качестве третьей причины невведения земства проблему притока новых переселенцев. Как известно, для поощрения переселения на Дальний Восток царское правительство предоставило переселенцам налоговые льготы. Благодаря закону, изданному в 1861 г., они освобождались от подушной подати навсегда и от рекрутской повинности на 10 лет. Кроме того, «...лицам или целым обществам, желающим получить землю на праве временного пользования, таковая отводилась бесплатно на 20 лет сплошным участком»¹⁰. Хотя закон изменялся несколько раз, однако после русско-японской войны переселенцы заново освобождались от всяких денежных казённых и земских сборов в течение пяти лет¹¹. Это было одной из причин того, что после войны число переселенцев в Приамурье увеличивалось быстро. «Водворено в Приамурье 230 000 душ обоего пола, то есть в 2 раза более, чем за весь предшествовавший период со времени воссоединения Приамурья с Россией»¹². Эти льготы для новых переселенцев неизбежно разрушили бы финансовую основу будущих земств и вызвали среди старожилов чувство несправедливости. В этом случае, вероятно, население Приамурья вряд ли видело «общественный интерес» в нововведённых земствах. Таким образом, сама колониальная политика правительства явилась тормозом для введения земства.

---

¹ Сергеев О.И., Лазарева С.И. и Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2002.

² Там же. С. 281—282.

³ Хара Т. Кйоси но рекиси то биси но рекиси (Труды Амурской экспедиции) (1911—1913) как источник для анализа истории Дальнего Востока с макро- и микроскопических точек зрения) // Росиаси кенкю. 2005. № 76. С. 63.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчёты. Сессия 1. Т. 2. № 412. С. 484—502.

- ⁵ Поездка в Сибирь и Поволжье: Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. М., 2004. С. 141—142.
- ⁶ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 399.
- ⁷ Там же. С. 400.
- ⁸ РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 71—72.
- ⁹ Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях // Труды Амурской экспедиции. Вып. 9. СПб., 1911. С. 333.
- ¹⁰ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 520.
- ¹¹ Закревский. Земское хозяйство... С. 733.
- ¹² Азиатская Россия. С. 524.

S. Yukimura
Sapporo

SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY AND THE PROBLEM OF INTRODUCTION OF ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT

This paper revealed the relations between the large influx of Manchurian grains to the Russian Far East and the economic policy of Priamur governor-generals. Vigorous social and economic development of the Russian Far East at the begging of the twentieth century provoked the debate around zemstvos. Siberia and the Far East did not have zemstvos till the end of tsarism. Nevertheless, the contemporaries perceived the introduction of zemstvos in one or another region as a sign of its de-colonization and, therefore, the debate around the introduction of zemstvos per se deserves attention, irrespective of its feasibility.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ (июнь 1918 г. — октябрь 1922 г.)

С началом Гражданской войны и интервенции в течение лета — осени 1918 г. на Дальнем Востоке России была свергнута советская власть. Возникло несколько политических центров, ставивших своей целью борьбу с большевизмом. Активное участие в конструировании институтов государственности взамен Советов принимали восстановленные органы местного самоуправления.

В июне 1918 г. после чехословацко-белогвардейского переворота в Омске было образовано Сибирское временное правительство во главе с правым эсером П.В. Вологодским. Правительство провозгласило себя верховной властью на всей территории Сибири и Дальнего Востока¹.

В Забайкалье в момент анархии и хаоса бремя создания институтов власти взяли на себя органы Читинского городского самоуправления и Забайкальского областного земства, сохранившие свой состав после их роспуска большевиками. На состоявшемся 25 августа 1918 г. экстренном совместном заседании Читинской городской думы и Забайкальской областной земской управы было решено организовать временную власть в лице Коллегии из общего присутствия областной земской управы, Читинской городской управы, президиумов 1-го областного земского собрания и Читинской городской думы и постановили: выпустить воззвание к населению; освободить из местной тюрьмы всех политических заключённых, восстановить в должности начальника тюрьмы и усилить её охрану; захватить артсклад и через районных и квартальных попечителей снабдить жителей Читы оружием; организовать самоохрану города; временным начальником гарнизона назначить полковника Бабушкина². Через неделю в Читу вошли войска Г.М. Семёнова, и в Забайкалье была установлена военная администрация атамана.

В сентябре 1918 г. после свержения советской власти в Благовещенске на расширенном собрании членов войсковой управы Амурского казачьего войска, Амурской областной земской управы и Благовещенской городской управы было сформировано Временное правительство Амурской области. В его состав вошли: городской го-

лова Благовещенска А.Н. Алексеевский, войсковой атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов, председатель Амурской областной земской управы Н.Н. Родионов, командир Амурского отряда подполковник И.Н. Никитин. Председателем правительства единогласно был избран А.Н. Алексеевский³.

В Приморье после переворота во Владивостоке 29 июня 1918 г. было образовано Временное правительство автономной Сибири во главе с правым эсером П.Я. Дербером, объявившее себя верховной властью на всей территории Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала⁴. Уже 30 июня на первом заседании Владивостокская городская дума постановила «признать и всеми силами поддержать Временное правительство автономной Сибири»⁵. 2 июля его признала Приморская областная земская управа, а вслед за тем — уездные, волостные земства и Никольск-Уссурийская городская дума⁶.

Ввиду отсутствия в тот момент у правительства П.Я. Дербера чиновничьего аппарата, вооружённых сил, милиции всеми делами управления на Дальнем Востоке занималась Приморская областная земская управа. Объявив себя высшим государственным органом в области, временно выполнявшим функции центральной государственной власти, Приморская областная земская управа стремилась распространить свою власть на всю территорию Дальнего Востока. С этой целью в начале августа 1918 г. по инициативе Приморской областной земской управы было созвано региональное совещание представителей земств и городов, на котором избрали Дальневосточное бюро самоуправлений (4 чел.), призванное направлять и координировать деятельность земских и городских учреждений на Дальнем Востоке⁷.

На этом совещании присутствовал представитель Временного правительства автономной Сибири. Его переговоры с председателем Приморской областной земской управы А.С. Медведевым закончились соглашением о новой политической структуре на Дальнем Востоке. На основе специального постановления был создан Временный эмиссариат Приморской области, в состав которого входили: председатель Приморской областной земской управы, Владивостокский городской голова, заведующие отделами, которые избирались городскими и земскими гласными. Списки кандидатов в члены эмиссариата должны были подписываться не менее 50 гласными. Выборы производились на основе прямого, равного избирательного права при тайном голосовании; также восстанавливалась должность правительственного комиссара, обязанности которого по Приморской области возлагались на председателя областной земской управы А.С. Медведева⁸.

Тем временем управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват, опираясь на организацию «Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания», сформировал 9 июля 1918 г. в Харбине ещё одно белогвардейское правительство — так называемый «деловой кабинет Временного правительства России». Объявив себя Верховным правителем, Д.Л. Хорват потребовал, чтобы правительство Д.Я. Дербера ушло в отставку и передало ему всю полноту власти⁹. Амурское областное земство и Временное правительство Амурской области, возглавляемое А.Н. Алексеевским, выразили готовность признать власть Д.Л. Хорвата в качестве верховной. Но Временное правительство автономной Сибири и Приморская областная земская управа не спешили с признанием «делового кабинета».

Приморская областная земская управа 27 июля 1918 г. приняла постановление № 95 «Об отношении к распространяемым в области приказам и распоряжениям генерала Хорвата и членов самочинно организованного им делового министерского кабинета». В нём говорилось «...о недопустимости ведомственных сношений местных правительственных учреждений с какими-либо претендующими на власть организациями, кроме областной земской управы, временно принявшей на себя полномочия центральной государственной власти...»¹⁰ Земские и эсеро-меньшевистские лидеры и газеты Приморья заговорили о наступлении реакции на «земскую демократию» и необходимости сомкнуть свои ряды вокруг земства и Временного правительства автономной Сибири (хотя Д.Л. Хорват, стремясь привлечь дальневосточные земства на свою сторону, напротив, обещал «оберегать» их)¹¹.

Интервенты, при поддержке которых создавались белогвардейские правительства, были заинтересованы в создании «прочной» власти в Сибири и на Дальнем Востоке, способной эффективно бороться с Советами. Они сделали ставку на Сибирское временное правительство П.В. Вологодского. В конце сентября 1918 г. во Владивостоке состоялась встреча глав сибирских и дальневосточных белогвардейских правительств. «Местные» правительства признали власть Сибирского временного правительства и сложили свои полномочия. Впрочем, и Сибирское временное правительство во главе с П.В. Вологодским интервенты вскоре сочли недостаточно авторитетным и способным решительно покончить «со всеми проявлениями большевизма в Сибири». Поэтому 18 ноября 1918 г. в Омске осуществили государственный переворот, в результате которого к востоку от Урала была установлена военная диктатура адмирала А.В. Колчака, провозглашённого Верховным правителем России¹².

Таким образом, органы местного самоуправления с первых дней возобновления своей деятельности оказались вовлечены в политические перипетии. Однако условия, когда земские и городские самоуправления вернулись к практической деятельности, были чрезвычайно сложными. Сибирское временное правительство, а затем администрация А.В. Колчака категорически отказывали самоуправлениям в подобии политической власти, полагали необходимым ограничение самостоятельности и компетенции органов общественного управления, пересмотр избирательной системы в пользу цензовых слоёв населения. В конце 1918 г. был восстановлен административный надзор за органами местного самоуправления в лице комиссаров. Органы земского и городского самоуправления пытались отстаивать свои права посредством координации усилий путём создания союзов, но власти не соглашались с их действиями. Кроме того, в условиях Гражданской войны широкое применение властями чрезвычайного законодательства сопровождалось репрессиями по отношению к органам местного самоуправления в виде арестов, разгона и т.п. Препятствием для худшего, как правило, становились только протесты союзного командования Антанты, особенно представителей Франции и США; самостоятельные контакты с союзниками земствам были запрещены¹³.

Пересмотр законодательства 1917 г., поспание законности властями и репрессии против органов местного самоуправления в конце 1918 — начале 1919 г. вызвали волну протестов в среде земцев. Особенно болезненно они реагировали на новый земский законопроект и упорные отказы правительства А.В. Колчака легализовать Сибземгор и Далькрайземгор. «Умеренная демократия», представленная земствами, развернула кампанию протестов в свою защиту. Земские и эсерово-меньшевистские издания помещали статьи с критикой правительственного курса, сообщения о репрессиях по отношению к деятелям земского и городского самоуправления, обзоры печати, характеризующие положение земства в Сибири и на Дальнем Востоке. Публичная критика «белого» террора приносила свои плоды, особенно апелляция к международной общественности. Например, бесчинствовавшие в Никольске-Уссурийском калмыковцы выведены из города; к осени 1919 г. деятельность всех земских управ была восстановлена¹⁴.

Постепенно сибирские и дальневосточные земства перешли от «словесной» оппозиции колчаковщине и атаманщине к политическому сопротивлению. Первый шаг был сделан сибирским и дальневосточным земством в связи с выборами в Государственное экономическое совещание.

В стремлении найти опору в «организованной общественности» Омское правительство весной 1919 г. пошло на расширение состава и функций Экономического совета, существовавшего при Верховном правителе, до уровня Государственного экономического совещания. Земцы готовы были сотрудничать с правительством в этом органе. Однако правительство считало земства ненадёжными, поскольку они, по словам видного колчаковского деятеля Г.К. Гинса, «находились главным образом в руках той партии, которая бросила призыв к войне с диктатурой»¹⁵. Поэтому власти решили допустить земцев в совещание на особых условиях. Если биржевые комитеты и кооперация избирали своих делегатов сами, то земства выдвигали кандидатов, из числа которых Верховным правителем назначались делегаты (не более 20 делегатов из 60, составлявших Государственное экономическое совещание)¹⁶. Органы земского самоуправления настаивали на том, что земству следовало бы дать право непосредственного делегирования своих представителей, но позиция правительства осталась в этом вопросе неизменной.

Часть земств, не веря в возможность создать в таких условиях фундамент «здоровой экономической политики», решила бойкотировать совещание. Например, в ответ на телеграмму правительства от 4 мая 1919 г. о выборах в Государственное экономическое совещание Владивостокская городская управа, пользовавшаяся правами и исполнявшая обязанности также уездной земской управы, ответила отказом послать кандидатов. Земства, воздержавшиеся от выборов кандидатов, объясняли свою позицию следующим образом: они видят «спасение страны в торжестве начал народовластия» и «больших надежд на „совещание“ не возлагают», рассматривая его лишь как «ещё одно бюрократическое (подчинённое правительству) учреждение...»¹⁷

В бойкоте совещания земства не были едины, как, впрочем, и во всех других своих оппозиционных действиях по отношению к колчаковскому правительству. Часть земств постановила избрать кандидатов для назначения в члены совещания, мотивировав своё решение тем, что участие в его работе необходимо, дабы «оказывать влияние на правительственную политику». Как правило, одновременно с избранием кандидатов земства принимали специальный «Наказ» кандидатам, согласно которому последние обязывались всеми мерами стремиться к демократизации Государственного экономического совещания и содействовать скорейшему созыву Учредительного собрания¹⁸.

Несмотря на тщательный отбор представителей, правительство не встретило в Государственном экономическом совещании поддержки своей тактики. Члены совещания довольно громко высказались за необ-

ходимость коренной переработки положения о составе и компетенции совещания, потребовали права вести всю законодательную работу, права запросов, законодательной инициативы и контроля за исполнительной властью¹⁹.

Неудачей завершилась и следующая попытка опереться на общественность. 16 сентября 1919 г. верховная власть дала обещание создать Государственное земское совещание. Грамотой Верховного правителя и распоряжением на имя председателя Совета министров был возведён созыв совещания, составленного «по преимуществу из представителей крестьянства и казачества», имеющего целью «дальнейшее развитие начатого сотрудничества в деле законодательства власти и народа». Государственное земское совещание тоже являлось законосовещательным органом «...с правом запросов министрам и с правом выражения пожеланий о необходимости законодательных и административных мероприятий»²⁰. Органы местного самоуправления на этот раз могли избирать членов совещания непосредственно. По Приморской области, например, норма представительства была следующей: по одному члену Государственного земского совещания избирали Владивостокская, Хабаровская и Никольск-Уссурийская городские думы (от городского населения) и по одному члену — областное земское собрание и «соединённый съезд Хабаровского, Иманского, Ольгинского и Никольск-Уссурийского уездов» (от сельского населения). Выборы, согласно телеграмме управляющего Приморской областью от 2 декабря 1919 г. за № 189, должны пройти до 15 декабря того же года²¹.

Архивные материалы о выборах членов совещания и кандидатов к ним свидетельствуют, что избрание состоялось только в части самоуправлений и сопровождалось расколом среди гласных. Так, Владивостокская городская дума избрала своим представителем гласного В.В. Солдатова, а кандидатом — отца В. Давыдова. При этом «левый блок» в думе (умеренные социалисты) отказался от участия в баллотировке. Гласные Медведев, Манаев, Жигулин и др. (всего 20 человек из 59 присутствовавших на заседании), считавшие, что созыв Государственного земского совещания — фикция народного представительства, покинули заседание после того, как не удалось заручиться поддержкой большинства думы²².

В целом созыв Государственного земского совещания уже не удовлетворял земцев. По убеждению земской оппозиции, «...предстоящее Государственное земское совещание ни по своему составу, ни по своей компетенции не будет сколько-нибудь заметно отличаться от Государственного экономического совещания, также непродуктивно и бесполезно

даже для власти, его созывающей»²³. Оппозицией была выдвинута идея Земского собора в противовес «суррогату общественности», предложенному правительством. Сибземгор предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, создав в Томске Главный комитет по содействию созыву Земского собора с отделениями в Красноярске, Владивостоке и других городах. Во Владивостоке бывший председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев 5 сентября 1919 г. издал грамоту, где обвинил Колчака в том, что он «загубил дело возрождения государственности, с огромным трудом начатое демократией». Якушев предложил созвать Сибирский Земский собор, который бы создал временное правительство, принял Положение о Всесибирском Учредительном собрании и выработал меры по его созыву, передал местную государственную власть органам самоуправления и т.д.²⁴

Вынашивались и планы восстания для свержения диктатуры А.В. Колчака. Так, один из лидеров земской оппозиции правый эсер А.Н. Алексеевский во время поездки на Дальний Восток в середине августа 1919 г. призывал к подготовке антиколчаковского переворота. С этой же целью в Иркутске на нелегальном Всесибирском совещании земств и городов 12 ноября 1919 г. был создан межпартийный орган — Политический центр, в состав которого входил и представитель Приморской областной земской управы (Б.А. Косминский)²⁵. Земская оппозиция имела тесные связи с иностранным дипломатическим корпусом, заручилась поддержкой со стороны чешских легионеров и согласием генерала Гайды на личное участие в выступлении против Колчака²⁶. В борьбе с колчаковщиной некоторые земства готовы были сотрудничать даже с «красными». В частности, активную помощь партизанам оказывали Ольгинская уездная земская управа и её председатель И.С. Масленников²⁷. Но никаких самостоятельных реальных сил у земцев не было, поскольку их политическая платформа не находила отклика в широких народных массах. Историческая роль и значение земской оппозиции в том, что она способствовала более быстрому разложению колчаковского режима изнутри.

После свержения колчаковского режима на Дальнем Востоке в большинстве областей полномочия государственной власти по соображениям международно-политического характера были временно переданы земствам. По этим же соображениям руководством РСФСР было инициировано создание буферной Дальневосточной республики. К весне 1920 г. возникло два центра строительства буферного государства: один — в Верхнеудинске, другой — во Владивостоке, причём некоторые самоуправления Приморья в той или иной мере препятствовали деятельности «верхнеудинского земского правительства».

Хабаровская городская дума, возглавляемая К.Т. Лихойдовым, летом 1920 г. мешала проведению работы по подготовке выборов в Учредительное собрание ДВР. По требованию чрезвычайной конференции профсоюзов, созданной в городе, Приморская областная земская управа постановила распустить Хабаровскую городскую думу, но та отказалась выполнять это постановление. 22 августа она объявила о независимости Хабаровского уезда и создании «Хабаровской республики». Эта «республика Лихо», как её прозвали в народе, просуществовала одни сутки. 23 августа силами резервного батальона народной милиции в городе была восстановлена законная власть. Гласные Хабаровской городской думы были арестованы, а все дела общественного самоуправления переданы специально созданной особой комиссии, которая вела их до выборов Хабаровского городского собрания уполномоченных²⁸.

Когда в октябре 1920 г. было принято политическое решение о дальнейшем формировании Дальневосточной республики на основе буферного образования, созданного в Прибайкалье, Приморская областная земская управа не сразу ему подчинилась. Лишь 12 декабря 1920 г. она приняла постановление № 487 о сложении с себя полномочий Временного правительства Дальнего Востока и передаче государственной власти на территории области правительству ДВР²⁹.

26 мая 1921 г. во Владивостоке был осуществлён государственный переворот с целью свержения в Приморье власти правительства Дальневосточной республики и установления Приамурского временного правительства во главе с С.Д. Меркуловым³⁰. Одним из членов правительства стал Владивостокский городской голова И.И. Еремеев. В Никольске-Уссурийском активно содействовала принятию меркуловского правительства местная городская управа. Она постановила все важные объекты в городе взять под усиленную охрану до прибытия и распоряжения особоуполномоченного Приамурского временного правительства³¹, в намерения которого входило распространить власть на весь Дальний Восток и заменить «красный» буфер на «белый» при поддержке Японии. Однако фактически эта власть действовала только на юге Приморской области и в течение непродолжительного времени. Предпринятая меркуловским правительством попытка военного наступления на ДВР закончилась сокрушительным поражением в феврале 1922 г. Военные неудачи ускорили вызревание политического кризиса. Попытка С.Д. Меркулова укрепить пошатнувшийся режим, распустив представительный орган (Приамурское Народное собрание) и узурпировав власть, 31 мая 1922 г. также закончилась провалом. В ответ Приамурское Народное собрание объявило правительство низложенным и присвоило всю полноту власти себе³².

В этих событиях активное участие приняло самоуправление г. Владивостока. 1 июня 1922 г. верховная власть временно была возложена на Президиум Приамурского Народного собрания, в состав которого был избран председатель Владивостокской городской думы Н.А. Андрушкевич³³. 3 июня Приамурское Народное собрание сформировало состав нового правительства, куда вошли владивостокский городской голова И.И. Еремеев и бывший председатель Хабаровской городской думы К.Т. Лихойдов. Пост председателя правительства Приамурского Народного собрания предложило генералу М.К. Дитерихсу³⁴. 7 июня гласные Владивостокской городской думы после бурного обсуждения «текущего политического момента» приняли резолюцию в поддержку Приамурского Народного собрания и нового правительства³⁵.

Правительство С.Д. Меркулова отреагировало на эти действия Владивостокского городского самоуправления постановлением № 139 от 19 июня 1922 г. В нём говорилось: «Ввиду преступной деятельности председателя Владивостокской городской думы Н.А. Андрушкевича и [и.о.] городского головы... А.И. Лякера, допустивших с участием бунтовщиков и посторонних лиц обсуждение вопроса о ниспровержении существующего государственного порядка и вынесение резолюции о признании власти бунтовщиков, привлечь Андрушкевича и Лякера к уголовной ответственности за участие в попытке ниспровержения верховной власти, немедленно отстранить их от занимаемых ими общественных должностей и предложить Владивостокской городской думе избрать новых председателя и городского голову...»³⁶

Однако никаких реальных сил, опираясь на которые противоборствующие стороны могли бы добиться выполнения своих постановлений и распоряжений, не было ни у правительства С.Д. Меркулова, ни у Приамурского Народного собрания. Милиция г. Владивостока колебалась, позиция командующего каппелевской армией генерала Молчанова оставалась неопределённой, японское командование сохраняло нейтралитет³⁷. Таким образом, неудачный государственный переворот 31 мая 1922 г. породил безвластие. Ситуация разрешилась в начале августа 1922 г., когда Приамурский Земский собор, созданный во Владивостоке, избрал нового правителя Приамурского земского края — генерала М.К. Дитерихса, наделив его всей полнотой высшей военной и гражданской власти; прежнее Приамурское временное правительство прекратило своё существование³⁸.

В период правления М.К. Дитерихса, как и при предыдущих «белых» правительствах, политическая деятельность органов местного самоуправления считалась недопустимой, тем не менее их участие в полити-

ке дозволялось в той мере, в какой это было выгодно властям. В частности, выборные от земского, городского и поселкового самоуправлений были допущены к участию в Приамурском Земском соборе, призванном разрешить политический кризис. Однако их представительство (28 чел.) несопоставимо с представительством от церкви, вооружённых сил, государственных ведомств, несоциалистических организаций, торгово-промышленного класса, крестьянских и казачьих сословных обществ (221 чел.), на которые стремился опереться Верховный правитель Приамурского земского края³⁹.

Желая упрочить основание деятельности своего правительства, М.К. Дитерихс учредил Приамурский поместный совет в составе четырёх помощников по местному управлению краем. Председателем совета стал управляющий ведомством внутренних дел генерал-майор В.А. Бабушкин, членами совета назначены Владивостокский городской голова, председатель Приморской областной земской управы и атаман Уссурийского казачьего войска. Поместному совету надлежало разработать положения своего управления, стремясь ввести возможно полнее функции ведомства внутренних дел в органы местного самоуправления, совершенно исключая из их работы какой-либо политический характер⁴⁰.

Постановления и распоряжения Поместного совета были обязательны для всех самоуправлений, учреждений, организаций и лиц на территории Приамурского земского края. Однако сам совет являлся лишь законосовещательным органом при председателе Поместного совета и исполнительными функциями не обладал. Решения совета приводились в исполнение его председателем через соответствующие отделы управления по делам Поместного совета (и их подотделы): общераспределительный, местного хозяйства, медицинский, ветеринарный, строительный, межевой, почтово-телеграфный, тюремный, милицейский, труда, общественного призрения⁴¹. Таким образом, члены совета, представлявшие в нём земское, городское и сословное казачье самоуправление, были лишены не только политической власти, но и реальной самостоятельности и значимости.

Очевидно, что поддержка или оппозиция органов местного самоуправления уже не играла существенной роли в судьбе «белого» режима на юге Дальнего Востока России. Политическое долголетие Приамурского земского края как государственного образования и М.К. Дитерихса как его Верховного правителя зависело от присутствия японских войск в Приморье. 15 августа 1922 г. японское командование объявило об эвакуации, которая согласно приказу императора

должна была начаться в 6 часов утра 7 сентября 1922 г. и полностью завершиться в 15 часов 25 октября 1922 г.⁴²

Это решение вызвало смятение в правящих кругах Приморья. Они пытались убедить иностранные державы возобновить интервенцию, но безуспешно. Безрезультатной оказалась поездка делегации Земского собора во главе с Владивостокским городским головой А.И. Андогским в Японию. Передать японскому правительству разработанную на Земском соборе грамоту не удалось, поскольку делегация была принята неофициально как «непризнанного правительства... только что сформировавшегося, жизненность которого совершенно ещё не выяснена»⁴³.

19 октября 1922 г. на последнем заседании Владивостокской городской думы обсуждался вопрос о предстоящей передаче гражданской власти от правителя Дитерихса в связи с его отъездом в действующую армию. Для прояснения этого вопроса была избрана комиссия из гласных во главе с и.о. городского головы А.И. Лякером, встречавшаяся с Верховным правителем Приамурского земского края. Выяснилось, что дума не может, как предлагали гласные-окраинцы, образовать комитет помощи из объединённых общественных организаций. М.К. Дитерихс, ответивший категорическим отказом, пояснил, что Владивостокской городской думе власть не передаётся, ей передаётся только часть гражданского управления. Реальная военная и гражданская власть передавалась адмиралу Старку, начальнику тылового района, в 1922 г. руководившему созданием самообороны г. Владивостока, а с 25 октября город должен был перейти под международную охрану вплоть до установления власти ДВР⁴⁴.

В этой связи гласный Шапошников предложил отказаться от власти, гласный Стариков поддержал его: «...Затронутый гласным Шапошниковым вопрос о принятии или отказе от власти — вопрос очень серьёзный. Мы ширмой-то побывали, слава тебе, Господи. Мы хлопали, хлопали ушами, и пора бы нам выйти из младенческого возраста. Надо подумать об этом серьёзно. Если дают призрачное управление чем-то, значит хотят нас изнасиловать, я бы сказал. С этим управлением, которое нам передают, с нас всё решительно спросят. Я предлагаю очень серьёзно подумать над этим вопросом»⁴⁵.

Принятие окончательного решения было отложено до следующего заседания думы, во-первых, из-за отсутствия текста постановления Верховного правителя о передаче власти во Владивостоке Старку и городской думе; во-вторых, из-за появления в зале заседания вооружённого отряда белых. Председательствующий объявил заседание закрытым.

Стенографический отчёт последнего заседания Владивостокской городской думы ярко характеризует сложившуюся обстановку. Отсутствие стабильности, экономический кризис, паралич власти, ощущение близкого краха — таким предстаёт Владивосток в октябре 1922 г. Одновременно бессилие Владивостокской городской думы, растерянность в речах её гласных иллюстрируют печальный итог политической деятельности местного самоуправления в период Гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке.

- ¹ Благовещенску сто лет (1858—1958 гг.): сб. док. и материалов. Благовещенск, 1959. С.518.
- ² ГАЧО. Ф.94, оп.4, д.78, л.4.
- ³ Шиндялов Н.А. Бюро самоуправлений Амурской области: Благовещенск—Сахалин—Благовещенск (март — сентябрь 1918 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып.6. С.27—28.
- ⁴ Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917—1922). Владивосток, 1987. С.65.
- ⁵ РГИА ДВ. Ф.28, оп.1, д.794, л.51.
- ⁶ Земская жизнь Приморья. 1918. № 1. С.1—2; Отчёт Приморской областной земской управы за шесть месяцев её деятельности // Доклады и материалы комиссий земского собрания. Владивосток, 1919. Т.2. С.9.
- ⁷ Сонин В.В. Великий Октябрь... С.66—67.
- ⁸ Там же. С.67.
- ⁹ Куцый Г.С. Становление советской власти в Приморье (1917—1922 гг.). Владивосток, 1977. С.81—82.
- ¹⁰ Земская жизнь Приморья. 1918. № 2. С.12—13.
- ¹¹ Куцый Г.С. Становление советской власти... С.82.
- ¹² Там же. С.84—85.
- ¹³ См.: Земская жизнь Приморья. 1919. № 5. С.3; Бутенин Н.А. Земства и городские самоуправления Приморья в годы Гражданской войны // VI Арсеньевские чтения: тез. докл. регион. науч. конф. по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992. С.58.
- ¹⁴ Бутенин Н.А. Земства и городские самоуправления Приморья... С.59.
- ¹⁵ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. С.139.
- ¹⁶ Мальцева Т.В. Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг.: сб. ст. Новосибирск, 1985. С.189.
- ¹⁷ Там же. С.189—190.
- ¹⁸ Там же. С.190.
- ¹⁹ Земская жизнь Приморья. 1919. № 24. С.6.
- ²⁰ Там же. С.5—6.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф.28, оп.1, д.925, л.1—4.
- ²² Там же. Л.5—8.
- ²³ Земская жизнь Приморья. 1919. № 24. С.6.

- ²⁴ Мальцева Т.В. Земская «оппозиция» колчаковщине... С. 191.
- ²⁵ Там же. С. 192.
- ²⁶ Там же. С. 191—192.
- ²⁷ Бутенин Н.А. Земства и городские самоуправления Приморья... С. 59.
- ²⁸ Чернышёва В.И. Хабаровск (к 100-летию города). Хабаровск, 1958. С. 47—48.
- ²⁹ Земская жизнь Приморья. 1921. № 1. С. 22—23.
- ³⁰ Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920—1922 гг. Владивосток, 1994. С. 63.
- ³¹ См.: ГАПК. Ф. Р-1495, оп. 1, д. 3, л. 1—2.
- ³² Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция... С. 133.
- ³³ Там же. С. 134.
- ³⁴ Там же. С. 138.
- ³⁵ РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 514, л. 4—5.
- ³⁶ Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 30 июня.
- ³⁷ Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция... С. 135—136.
- ³⁸ Там же. С. 146—147.
- ³⁹ Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 30 июня.
- ⁴⁰ Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция... С. 152.
- ⁴¹ Там же. С. 152—153.
- ⁴² Там же. С. 157.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф. 159, оп. 1, д. 46, л. 573.
- ⁴⁴ «Положение городского самоуправления в буквальном смысле трагическое» (Стенографический отчёт заседания Владивостокской городской думы 19 октября 1922 г.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток, 2000. Т. 5. С. 61—63.
- ⁴⁵ Там же. С. 65.

G. Trigub
Vladivostok

**POLITICAL ACTIVITY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES
IN THE PERIOD OF CIVIL WAR AND ARMED INTERVENTION
IN THE FAR EAST OF RUSSIA (JUNE OF 1918 YEAR —
OCTOBER OF 1922 YEAR)**

The author discussed political activity of local self-government in 1918—1922. This article will be very useful for all who interested in regional political history of Russian Far East during the Civil War.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В конце XX в. происходит резкое снижение количества монографий, посвящённых изучению переселения на Дальний Восток России. Тем не менее в 90-х гг. выходит несколько крупных комплексных монографий, в которых вопросы переселения крестьян на Дальний Восток России являются частью крупного коллективного исследования. Это монография Л.Л. Рыбаковского «Население Дальнего Востока за 150 лет»¹, в которой автор рассмотрел процесс заселения региона как в дореволюционное, так и в советское время. Автор выделил четыре основных концепции заселения Дальнего Востока: поэтапных или волновых переселений; предпочтительных районов выхода; концепция подбора состава переселенцев и своекоштных переселений. В монографии рассмотрены вопросы материального стимулирования переселений, принципы и размеры оказания материальной (ссудной) помощи в зависимости от социально-классовой принадлежности переселенцев.

Особенности колонизации Дальнего Востока России рассмотрены во втором томе коллективной монографии «История Дальнего Востока СССР»², где выделены основные этапы заселения Дальнего Востока и дана краткая характеристика каждого этапа. В 1991 г. вышла монография «Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX—XX вв.»³, где рассмотрены процесс колонизации Дальневосточного края крестьянским и казаческим населением с 1861 г. до 80-х гг. XX в., а также вопросы, касающиеся интенсивности и социального состава миграционного потока крестьянского населения на Дальний Восток России, выделены этапы переселения. В монографии В.Н. Елизарьева исследуется колонизационная политика России на Сахалине во второй половине XIX — начале XX в. и её последствия для освоения и заселения острова⁴.

Результаты исследований переселения на Дальний Восток России представлены в научных статьях (Ю.Н. Осипов, В.Т. Тютюнников, О.П. Федерико и др.)⁵. Определённые положения в изучении переселенческого движения можно считать общепринятыми. Например, деление процесса переселения на четыре этапа: 1861—1881; 1882—1891; 1892—1900 и 1901—1917 гг., а также и утверждение, что именно в первое 40-летие в крае происходило формирование «старожилов-стодесятильников» самого зажиточного слоя сельского населения⁶. С третьего этапа колонизации, по мнению исследователей, началось увеличение ежегодного

притока новосёллов, вызванное широким крестьянским движением в России и голодом, систематически повторявшимся в стране с 1891 г. Исследователи не расходятся во мнении, характеризуя места выселения мигрантов, считая, что основой контингент крестьян-переселенцев был представлен выходцами с Украины, Центрально-земледельческого района и Сибири. Однако вызывают удивление утверждения некоторых авторов, что «к концу 60-х гг. XIX в. Дальний Восток был уже в значительной мере заселён и освоен выходцами из Сибири и Европейской России»⁷. На наш взгляд, вряд ли можно назвать заселённым край, население которого составляло 32 935 чел., тем более, что автор отмечает, что плотность населения на Дальнем Востоке была одной из самых низких в России.

На данном этапе изменилось отношение исследователей к социально-экономическим процессам, протекавшим в дальневосточной деревне. Отмечено, что в конце XIX — начале XX в. происходил постепенный переход от натурального к товарному земледелию, за счёт роста посевных площадей и валовых сборов различных сельскохозяйственных культур, причём рост посевных площадей опережал рост населения в крае. Характерно, что наибольшие темпы роста посевных площадей наблюдались не во вновь осваиваемых переселенцами районах, а в старожильческих обжитых, где развивалось крупное капиталистическое зерновое хозяйство. Главная же особенность аграрных отношений, существовавших на Дальнем Востоке России, наличие захватного способа владения землёй.

Дальневосточным крестьянам приходилось видоизменять и совершенствовать привычные способы и приёмы обработки земли в процессе приспособления к новым для них природно-климатическим условиям. Именно вопросы адаптации наиболее «популярны» у современных исследователей (Л.Е. Фетисова, В.Н. Чернавская, Г.Г. Ермак, Ю.В. Аргудяева и др.)⁸. Появляются статьи, в которых авторы рассматривают, как развитие и складывание транспортной системы отражалось на состоянии переселенческого дела на Дальнем Востоке России⁹.

К сожалению, специальных работ, посвящённых реализации на Дальнем Востоке России столыпинской аграрной реформы нет, но определённую информацию можно найти в исследованиях, посвящённых Сибири (Д.Н. Белянин, В.Г. Тюкавкин)¹⁰. Исследователи пересматривают ранее существовавшие точки зрения и выводы, выделяют два этапа в рамках столыпинской переселенческой политики. На первом этапе (1906—1909 гг.) была поставлена двудеяная задача: путём переселения населения из малоземельной европейской части России снизить остроту аграрного кризиса и одновременно заселить Сибирь и Дальний Восток, тем самым обезопасить данные регионы от возможной агрессии. Во второй период (1910—1914 гг.) главной задачей стало превращение

Сибири в регион по производству товарного хлеба. В качестве недостатков проведения реформы называют отсутствие агрономической и ветеринарной помощи, нерешённость проблемы самовольных переселений. К тому же спрос на свободные участки значительно превышал предложение, но, как отмечают авторы, на Дальнем Востоке России ситуация была иная — здесь сохранялось большое количество свободных земельных наделов¹¹. Большинство крестьян, ехавших изначально на Дальний Восток, до фактического места переселения не добиралось, оседая по дороге чаще всего в Сибири. В целом же исследователи оценивают столыпинскую аграрную реформу как одну из наиболее продуманных. Государство учло прошлый опыт переселения, была разработана система льгот и поощрений с целью привлечения крестьянства в Сибирь, затрачены значительные средства на то, чтобы предоставить крестьянам различную информацию о переселениях и колонизационном фонде Сибири и Дальнего Востока России, а также была создана специальная разветвлённая организация для обслуживания переселенцев.

Тема обратнического движения исследуется с советских времён, и остаётся неизученным вопрос о его причинах и размерах. Современные исследователи считают, что пик обратнического движения приходится на 1919—1911 гг., хотя до и после указанного периода обратничество было невелико. В официальные отчёты, отмечает Д.Н. Белянин, часто не попадали переселенцы, прибывшие в Сибирь по грунтовым дорогам или по «дорогому» (нелегитимному переселенческому) тарифу¹². Число обратных мигрантов может быть уменьшено и за счёт вычета возвращавшихся сезонных рабочих, которые ежегодно отправлялись в Сибирь. Среди основных причин, вызвавших обратное переселение, выделяют бездействие специальных органов, которое приводило к предоставлению некачественных участков, отсутствию заработков и малой состоятельности переселенцев.

Традиционно исследователи занимаются изучением особенностей формирования такой этнической группы, как казачество на Дальнем Востоке России. Так, О.И. Сергеев, длительное время занимающийся изучением казачества, выделяет три этапа в заселении Дальнего Востока этой социальной группой. Первый (1855—1862 гг.): в этот период главными задачами были заселение новых территорий по Амуру и Уссури, обеспечение обороны и хозяйственного освоения, создание ядра нового казачьего войска. Переселение состоялось в 1879 г., когда примерно половина казаков, проживавших на Уссури, переселилась в Южно-Уссурийский район, заняв там территорию вдоль русско-китайской границы. Основная причина казачьего переселения второго этапа — хозяйственное освоение Южного Приморья и обеспечение его пограничной

охраной. Следующее переселение произошло в 1895 г. для организации охраны вдоль строившейся железной дороги¹³. О.И. Сергеев пришёл к выводу, что в системе обороны русского Дальнего Востока во второй половине XIX в. приамурские казацкие войска играли большую роль, чем в целом казачество в системе обороны России¹⁴. Таким образом, следует отметить, что все переселения казаков проводились с интервалом около 15 лет с целью обеспечения безопасности стратегически важных районов региона.

Изучением переселения этой своеобразной социальной группы занимаются и этнографы. В своих исследованиях они рассматривают, как выбор переселенческого контингента отразился в дальнейшем в воспроизведении хозяйственных и поведенческих моделей на новом месте жительства. Так, искусственное внедрение администрацией «сынков» в казацкие семьи привело к резкому падению нравственных устоев, а в конечном итоге к низкому социально-экономическому жизненному уровню в казацких сёлах¹⁵.

В 90-е гг. XX в. учёные начинают рассматривать новые темы, уделяя внимание междисциплинарным исследованиям (на стыке истории, этнографии, культурологии). Появляются статьи, в которых рассматриваются вопросы взаимовлияния крестьян, казаков-переселенцев и местных аборигенных народов (Н.В. Кочешков, В.В. Подмаскин, А.Ф. Старцев, В.В. Гапонов)¹⁶, а также взаимодействие культур местных народов Амура и крестьян-переселенцев. Так, в результате влияния русских переселенцев аборигенные народы расширили ассортимент орудий труда, стали использовать огнестрельное оружие, перешли к более совершенным орудиям рыбной ловли и охоты; изменения произошли и в модели питания, расширился набор потребляемых продуктов, появились новые, ранее неизвестные блюда. Тем не менее существуют две прямо противоположные точки зрения: часть авторов считает, что культурные заимствования имели взаимовыгодный характер, так как были продуктом мирного сосуществования русского и аборигенного народов. Процесс усвоения элементов другой культуры наблюдался не только у аборигенных народов. Русские переселенцы в процессе адаптации к новым для них природно-климатическим условиям много позаимствовали у аборигенных и азиатских народов, проживавших на территории Дальнего Востока России. Процессы осуществлялись в результате взаимного проживания на одной территории разных этносов и имели взаимонаправленный характер¹⁷. Причём, по мнению авторов, заимствования происходили не только в области материальной культуры и технологий, но и в духовной культуре (рациональное бережное отношение к природе). Другие авторы придерживаются прямо противоположной точки зре-

ния, считая, что после переселения на Дальний Восток России русских положение аборигенных народов резко ухудшилось¹⁸. В результате безразличного отношения местной администрации, жестокости китайских и русских зверопромышленников и торговцев дальневосточные народы оказались в тяжёлом экономическом положении. Всё это привело к деградации национальной культуры аборигенных народов и их фактической ассимиляции русским этносом.

Наблюдается увеличение исследований, посвящённых переселению на Дальний Восток России отдельных групп населения, выделенных по религиозному (старообрядцы, молокане) признаку. Большинство исследователей (Ю.В. Аргудяева, В.В. Кобко, В.Ф. Лобанов и др.)¹⁹ пришли к выводу, что конфессиональные группы переселенцев быстрее и лучше адаптировались к новым для них природно-климатическим условиям, несмотря на остававшийся доминирующим экстенсивный способ ведения хозяйства, распространённый среди всех групп дальневосточного населения.

Дальний Восток России стал для некоторых конфессиональных групп регионом, где они могли обрести до известной степени свободу отправления своих религиозных потребностей. Прибыв на новое место, старообрядцы, равно как и крестьяне, представители официального православия, столкнулись с огромными трудностями, связанными с необходимостью освоения территории, приспособлением к новым природно-климатическим условиям. Все переселенцы вначале воспроизводили в новом для них месте жительства способы хозяйствования, усвоенные в местах выхода, но из-за особых климатических, почвенных и других условий механический перенос традиционных форм ведения хозяйства зачастую приводил к негативным результатам (низкие или полное отсутствие урожая, затопление и др.). В зависимости от природно-климатических условий хозяйство старообрядцев имело уклон либо в сторону земледелия (воспроизводить традиционный тип хозяйствования), либо заниматься промысловой деятельностью. Тем не менее этнокультурные стереотипы сохранялись долго и выражались в разработке небольших полей под посевы зерновых. Исследователи отмечают широкое распространение в старообрядческой среде заимно-захватной системы землепользования (с опорой на уже ранее созданные поселения), которая позволяла осваивать территории, создавать на местах первоначально небольших заимок и хуторов новые населённые пункты, а также в отдельных случаях заимки превращались в «хозяйства предпринимательского типа»²⁰.

Исследователи отмечают, что сама возможность трансформации, а главное скорость её протекания, зависели от многих факторов

(конфессиональная принадлежность, места выхода): чем более несхожи условия мест выхода и вселения, тем медленнее шли процессы адаптации и уже был спектр заимствований.

Традиционно исследователи уделяют внимание изучению восточно-азиатского колониционного элемента (корейское, китайское и японское население), присутствовавшего на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в. (А.И. Петров, Н.Г. Нам, Т.З. Позняк и др.). Основными характеристиками иммиграции восточноазиатских народов на Дальний Восток России называют её бесконтрольность и массовый характер.

Корейцы. Значительно проявился интерес учёных к этой нации. Дальневосточным государственным университетом издаётся «Вестник корееведения», увеличилось количество статей. Исследователи, занимающиеся изучением корейской иммиграции, отмечают, что политика местных властей в этом вопросе была различной и зависела от личных взглядов генерал-губернаторов²¹: от умеренных и более объективных (на наш взгляд), оценки действий А.Н. Корфа, П.Ф. Унтербергера в борьбе с нелегальной корейской миграцией как жесткие. С.Г. Нам высказывается гораздо радикальнее: П.Ф. Унтербергер — это «ярый ненавистник корейцев, отъявленный расист»²². Наиболее благоприятной политика администрации по отношению к корейским мигрантам была при генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти.

В отличие от русских крестьян корейцы легко приспосабливались к новому месту, природно-климатические условия которого были во многом схожи с их родными. Трудности наступали, по мнению А.И. Петрова, в социально-политической сфере, связанные с необходимостью изучения русского языка и выражения своего отношения к православию. Тем не менее в процессе адаптации произошли определённые изменения этнокультурных традиций повседневно-бытового уклада корейских переселенцев (переход на европейскую одежду, предметы быта и т.д.)²³.

Китайцы. Некоторые исследователи проводят параллель между состоянием, которое сложилось в XIX в. и современной ситуацией, считая, что в обоих случаях можно говорить о «жёлтой опасности», грозящей от неконтролируемой нелегальной иммиграции китайских граждан на территорию Дальнего Востока России²⁴. По мнению Е.И. Нестеровой, адаптация основной массы китайских мигрантов в Приморье реализовывалась через создание замкнутых этнических общин, воспроизводивших основные этнокультурные и социально-экономические традиции²⁵. Г.Н. Романова рассмотрела области экономики, где наиболее часто использовался труд китайцев. Вопросами применения на Дальнем Востоке китайской рабочей силы занимается А.И. Петров, отметивший, что в конце XIX в. отношение к ним было неоднозначным: с одной стороны, администрация

положительно оценивала использование китайских подданных в различных сферах производства, с другой — всё острее начинал звучать «жёлтый вопрос»²⁶.

Японцы. Исследователи считают, что японская иммиграция на Дальний Восток России являлась частью трудовой миграции, последовавшей в результате так называемой «реставрации Мэйдзи». Главная особенность японской иммиграции — численное преобладание женщин²⁷. Японцы были нацелены на длительное проживание на новом месте, что во многом способствовало их адаптации на Дальнем Востоке России.

Появляются монографии и статьи, посвящённые переселению на Дальний Восток России отдельных групп европейских народов (финнов, поляков, немцев)²⁸. Есть исследования, в которых поставлена задача разработать и опробовать средства описания и анализа процесса адаптации регионального хозяйства к условиям природной среды (Я.А. Барбенко, А.А. Киреев). Они выделяют основные понятия и эмпирические показатели, которые могут быть использованы в изучении формирования механизмов устойчивого сельскохозяйственного освоения региона.

В монографии А.Д. Агеева делаются попытки рассмотреть особенности заселения Сибири и Дальнего Востока с новых методологических позиций — с помощью «теории фронта», а также дать сравнительный анализ процессов заселения Соединённых Штатов Америки и российских Сибири и Дальнего Востока²⁹.

Таким образом, особенностями изучения процесса переселения на Дальний Восток России является резкое сокращение (фактически исчезновение) монографических исследований по этой проблематике. Основной формой реализации научных знаний становятся статьи, которые публикуются в тематических сборниках. Одновременно расширяется круг изучаемых вопросов, один из которых — адаптация как русского, так и восточноазиатского населения. Происходит пересмотр ранее существовавших точек зрения по различным проблемам, связанным с вопросами колонизации Дальнего Востока России.

---

¹ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.

² История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М., 1991.

³ Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX—XX вв. Владивосток, 1991.

⁴ Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Южно-Сахалинск, 2006. Кн. 3.

⁵ Осипов Ю.Н. Крестьянство Дальнего Востока в период капитализма // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3; Он же. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России в 1855—1917 гг.: к постановке проблемы // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён

- до начала XX века). Благовещенск, 2004; Тютюнников В.Т. Колонизационно-переселенческая политика царского правительства на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке... 2004; Федерико О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке...; Кодола И.В. Крестьянская миграция в Амурскую область во второй половине XIX — начале XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке...
- ⁶ Осипов Ю.Н. Крестьянство Дальнего Востока в период капитализма // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. С.81; Кудяков О.А. Некоторые особенности государственной политики освоения русскими Приамурья на рубеже XIX—XX вв. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. С.90; Кодола И.В. Крестьянская миграция в Амурскую область во второй половине XIX — начале XX вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX в.). С.158.
- ⁷ Кудяков О.А. Некоторые особенности государственной политики освоения русскими Приамурья на рубеже XIX—XX вв. С.90.
- ⁸ Чернавская В.Н. Об адаптации традиционного русского земледелия к условиям Сибири и Дальнего Востока России (XVII — первая половина XIX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока; Фетисова Л.Е. Традиционная культура и быт русского старожильского населения Дальнего Востока России // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения). Владивосток, 2001; Барбенко Я.А. Общие замечания к анализу взаимодействия хозяйства крестьян-переселенцев и природной среды юга Дальнего Востока России во второй половине XIX века // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (Вторые Крушановские чтения). Владивосток, 2003; Липинская В.А. Зональные особенности русского населения Сибири и Дальнего Востока // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения). Владивосток, 2006; Ермак Г.Г. Этнокультурная история населения юга Дальнего Востока России // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе...
- ⁹ Василенко Н.А. КВЖД в системе Транссиба: её значение в хозяйственном освоении российского Дальнего Востока // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (Вторые Крушановские чтения); Илларионов А.А. Особенности становления водного транспорта Дальнего Востока в 1860—1880-х годах // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (Вторые Крушановские чтения); Леонтьев Р.Г. Сооружение Транссиба и освоение Дальнего Востока России // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (Вторые Крушановские чтения); Барбенко Я.А. Развитие путей сообщения на юге Приморской области второй половины XIX в. в связи с крестьянской колонизацией // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. (IV Крушановские чтения): материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2005. Т.1. С.87.
- ¹⁰ Белянин Д.Н. Столыпинская аграрная реформа (1906—1914 гг.). Кемерово, 2005; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- ¹¹ Белянин Д.Н. Столыпинская аграрная реформа (1906—1914 гг.). Кемерово, 2005. С.78.
- ¹² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. С.251—253.

- ¹³ Сергеев О.И. Роль и место казачества в заселении и обороне приграничных районов Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. С. 73; он же. Участие казачества в освоении и охране Камчатки в конце XVII — начале XX в. // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения).
- ¹⁴ Сергеев О.И. Роль и место казачества в заселении и обороне приграничных районов Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 78.
- ¹⁵ Ермак Г.Г. Семейный быт дальневосточного казачества // Арсеньевские чтения. Владивосток, 2002. С. 149—150; Коваленко А.И. Жизнь и быт казаков на севере Дальнего Востока в воспоминаниях современников // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX—начале XX века (Вторые Крушановские чтения).
- ¹⁶ Подмаскин В.В. Питание аборигенного и коренного русскоязычного населения Приморья (XIX—XX вв.) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 1; Кочешков Н.В. Русский народ и народы Амура: взаимодействие культур (в конце XIX — начале XX в.) // Исторический опыт освоения восточных районов России; Старцев А.Ф. Взаимоотношения аборигенов Дальнего Востока с органами власти и приписным населением в XIX—XX веках // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток; Гапонов В.В. История таёжного природопользования Южно-Уссурийского региона. Владивосток, 2005.
- ¹⁷ Аргудяева Ю.В. Взаимодействие русских крестьян с аборигенными народами юга Дальнего Востока // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения).
- ¹⁸ Старцев А.Ф. Взаимоотношения аборигенов Дальнего Востока... // Исторический опыт освоения восточных районов России. С. 142.
- ¹⁹ Лобанов В.Ф. Старообрядческие общины в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 2001. Вып. 3(8). Ч. 1. С. 22; он же. Опыт взаимоотношений старообрядчества и светской власти на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения); Аргудяева Ю.В. Роль конфессиональных и вероисповедальных групп русских в освоении Приамурья (вторая половина XIX — начало XX в.) // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века); она же. Старообрядцы на Дальнем Востоке, Сахалине и Хоккайдо (вторая половина XIX—40-е годы XX в.) // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения). С. 137—138; Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук, Владивосток, 1998.
- ²⁰ Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация старообрядцев в Приморье // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 14.
- ²¹ Торопов А.Л. Документы РГИА ДВ о начальном периоде корейской иммиграции на российский Дальний Восток (1860—1880-е гг.) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке. Владивосток, 2001; он же. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1860-е гг. — начало XX в.) // Вестник центра корееведческих исследований. Владивосток, 2004. С. 18—19; Авилова И.К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. (некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке; Анисимов А.Л. Отношение

- администрации Восточной Сибири к «корейскому вопросу» в конце 1850-х — 1860-е гг. // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (Вторые Крушановские чтения); Петров А.И. Землепользование корейцев на Дальнем Востоке России в дореволюционный период // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке; он же. Адаптационные проблемы корейской диаспоры Дальнего Востока России начала XX века // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 50; он же. Иммиграционная политика царского правительства России в отношении корейцев на Дальнем Востоке в начале XX в. // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения). С. 72; Иванова Л.В. Вклад корейских земледельцев в развитие сельского хозяйства Дальнего Востока в конце XIX — начале XX веков // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века); Мурыгина Е.Г. Особенности проживания корейцев на русском Дальнем Востоке: Социально-бытовые структуры повседневности (середина XIX — начало XX в.) // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX в.).
- ²² Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура (1860—1925). М., 1998. С. 33.
- ²³ Сагитова И.О. Этнокультурная и социально-экономическая адаптация корейской диаспоры на территории Приморского края в дореволюционный период // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 66.
- ²⁴ Попешко Т.В. Освоение Дальнего Востока на рубеже XIX—XX вв. и проблема китайской иммиграции // Арсеньевские чтения. Владивосток, 2005. С. 103.
- ²⁵ Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 81.
- ²⁶ Петров А.И. Китайская иммиграция на русский Дальний Восток и колонизация Маньчжурии (конец XIX — начало XX в.) // Арсеньевские чтения. Владивосток, 2005. С. 101—102.
- ²⁷ Позняк Т.З. Социокультурная и экономическая адаптация японцев на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) // Векторы культуры Тихоокеанской России. Владивосток, 2006. С. 31, 34.
- ²⁸ Александровской Л.В. Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX века. Владивосток, 1990; Курбатов В.И. Польская колонизация Владивостока // VII Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1994; Молчанова Е.Г. Социокультурная характеристика немецкой диаспоры на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века).
- ²⁹ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М, 2005.

Zakolodnaya
Vladivostok

THE MODERN STAGE OF STUDYING THE HISTORY OF MIGRATION TO THE FAR EAST OF RUSSIA

Given article represents the historical review of the modern stage of studying the history of migration to the Far East territories of Russia. The author reveals some features of problematics and methodology of works on the specified theme, executed in denoted period.

Г.Ф. МИЛЛЕР О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКА И КРАСНОЯРСКА

В своём фундаментальном труде «История Сибири» Г.Ф. Миллер уделяет значительное внимание истории сибирских городов. Проявляя интерес к широкому кругу вопросов, учёный в том числе затрагивает проблему основания городов в Сибири. Миллер не был первым, кто обратился к этому вопросу. До него к истории сибирских городов проявляли интерес Н.М. Спафарий и Н. Венюков, эта тема поднималась и в городском летописании [13, с.56]. Особо следует отметить роль С.У. Ремезова, который не только составил атлас Сибири и её городов, но и дал их историческое описание в «Чертёжной книге Сибири», а также в статьях «Уподобление Сибирские страны» и «О грани и межах всей Сибири». Однако Миллер был первым историком, научно обосновавшим и подтвердившим фактическим материалом свои взгляды.

Историки неоднократно обращались к исследованию роли Миллера в историографии сибирского города. Следует особо отметить работы Р.М. Кабо [5], С.С. Илизарова [4], Л.К. Минерта [11] и Д.Я. Резуна [12, 13]. Однако в настоящее время ещё остаются неисследованными некоторые области его научной деятельности. В работе ставится цель на примере Енисейска и Красноярска осветить определённые Миллером причины основания первых городов Сибири, а также выделить экономические предпосылки, которые, по мнению историка, оказали решающее влияние на их развитие.

Процесс освоения первых городов Миллер рассматривает в соотношении со своей концепцией колонизации Сибири. В его понимании колонизация носила централизованный и захватнический характер с целью сбора ясака и усмирения коренного населения Сибири. Эта особенность концепции Миллера отмечена многими исследователями. Так, Д.Я. Резун подчёркивает, что «по мнению Миллера первоначальной функцией большинства сибирских городов была военно-ясачная» [12, с.11]. Л.М. Горюшкин и Н.А. Миненко также отмечают, что «возникновение городов Сибири и их последующее развитие связывались дворянским историком прежде всего с активностью царского правительства» [3, с.76]. Эта концепция нашла отражение и в понимании Миллером

причин возникновения городов Сибири. Так, в качестве главной причины основания Красноярска историк называет необходимость удержания ранее покорённых земель и облегчение процесса сбора ясака: «В таком случае можно вполне надеяться, что новый острог принесёт государству значительную пользу, и не только потому, что буряты и киргизы будут принуждены тогда прекратить свои набеги на живущие там народы и требовать от них ясак, но и потому, что сами буряты и киргизы, а также многие другие народы, может быть, станут платить ясак в новый острог» [8, с. 52].

Нельзя отрицать значительную роль административной и военной функций сибирских городов на первых этапах их существования. Но, несмотря на большое значение указанных функций, основание первых сибирских городов не могло осуществляться без учёта перспективы их дальнейшего экономического развития. По мнению историка О.Н. Вилкова, при выборе места освоения первых городов Сибири изначально учитывалась «...вся совокупность факторов, обуславливающих жизнеспособность и функциональную направленность в данных природно-климатических, ландшафтно-гидрографических и демографических условиях закладываемого населённого пункта» [1, с. 115]. К этому мнению склоняется и Миллер. Поэтому, несмотря на существующее мнение о том, что «Миллеру было ещё далеко до понимания социально-экономической сути колонизационных процессов» [12, с. 12], он тем не менее не отрицал влияния экономических факторов на выбор места основания новых городов, что отражено в его работах. В качестве основных предпосылок экономического развития Миллер выделяет благоприятные условия для развития сельского хозяйства, наличие в окрестностях города охотничьих и рыболовных угодий (особенно условий для пушного промысла), близость к торговым путям и возможность торговли с коренным населением, а также наличие полезных ископаемых.

Среди сибирских городов с наиболее благоприятными условиями для экономического развития Миллер выделяет Енисейск. Говоря об этом городе, Миллер особо подчёркивает благоприятные условия местности для развития сельского хозяйства, торговли и пушного промысла. Историк отмечает, что город «расположен в красивой и плодородной долине, на западном берегу реки Енисея, в семи верстах выше реки Кеми» [8, с. 53]. Близость Енисейска к основным путям позволяет автору сделать вывод о наличии условий для успешного развития торговли: «Он имеет то удобство, что кроме водного пути, которым вначале пользовались, из Маковского острога туда можно попасть также сухим путём» [8, с. 52.]. Миллер подчёркивает, что все эти преимущест-

ва «способствовали принятию решения при выборе места для города» [8, 52]. Кроме того, в своём описании Енисейского уезда он сообщает о наличии соляных источников и железной руды в окрестностях города: «На реке Усолке имеется подарок природы в виде двух соляных источников, которые и дали название реке, и с прибылью используются для нужд края. Скалистые горы местами полны прекрасной руды. Хотя надеялись раньше найти в Енисейском уезде также серебряную и медную руду, но до сих пор ещё никаких следов не встретили» [9, с. 38]. Этот факт не мог оказать значительного влияния на выбор места основания Енисейска, поскольку месторождения полезных ископаемых были открыты позже, что в дальнейшем способствовало экономическому развитию города.

Красноярск, по мнению Миллера, обладал менее благоприятными условиями для экономического развития. О том, какое значение придавал учёный торговой функции, говорит его мнение об этом городе: «...город Красноярск никогда не достиг большого развития. Причиной этого была отчасти его удалённость от большой дороги, которая в прежние времена всегда, сухим путём или водою, проходила через Енисейск. Отчасти же то, что тамошние дети боярские и служилые люди не принимали в свою среду настоящих торговых людей» [8, с. 61]. Однако Миллер не отрицает и многочисленных достоинств Красноярска, в частности, условий для развития сельского хозяйства и пушного промысла: «Удобная для земледелия и скотоводства земля является важнейшим преимуществом, которым природа наделила места около Красноярска; имеются там и все возможности для торговли, так как кругом довольно много пушнины» [8, с. 61]. Приводя современные ему сведения в описании Красноярского уезда, Миллер также упоминает о природных богатствах местности: «Степи и чистые поля дают благоприятное земледелие и благополучное скотоводство, а леса и горы — множество прекрасной пушнины и других охотничьих доходов» [10, с. 57]. Однако экономическое развитие города сразу после его основания было замедлено. Как упоминалось выше, основной причиной слабого экономического развития Красноярска на первых этапах его существования Миллер называл отдалённость основных торговых путей. Это ещё раз доказывает, что сибирские города выполняли не только военно-административную, но и экономическую функцию.

Сведения Миллера о вышеупомянутых городах во многом подтверждаются современными исследованиями. Так, О.Н. Вилков, разделяя сибирские населённые пункты на три группы, относит Енисейск к тем из них, которые «довольно быстро стали превращаться в экономически

развитые центры» [2, с. 17]. Основными предпосылками успешного развития этих населённых пунктов было, по мнению историка, расположение на важных путях, «...в районах, пригодных для сельского хозяйства или богатых пушниной, полезными ископаемыми и иным сырьём...» [2, с. 17]. Мнение Миллера о Енисейске подтверждает и историк А.Н. Копылов. Он также считает Енисейск одним из наиболее видных первых сибирских городов и, соглашаясь с Миллером относительно удачного его расположения, сообщает, что «выгодное географическое положение нового острога на подступах к пушным богатствам Восточной Сибири сразу и надолго предопределило ведущую роль Енисейска в её административном управлении и экономической жизни» [6, с. 23].

В отличие от Енисейска Красноярск, по мнению О.Н. Вилкова, относился к тем населённым пунктам, которые «надолго оказались пограничными... и до конца XVII в. оставались в основном городами-крепостями» [2, с. 16]. Так, подтверждая данные Миллера о слабом экономическом развитии Красноярска на первых этапах его существования, О.Н. Вилков выделяет другую причину незначительного экономического потенциала города — постоянную военную угрозу.

Таким образом, несмотря на то, что главными причинами основания первых городов Сибири Миллер считал административную и военную, он не отрицал и влияние экономических факторов на выбор мест расположения новых городов и их дальнейшее развитие. Среди предпосылок успешного экономического развития города Миллер особо выделяет наличие в окрестностях возможностей для развития сельского хозяйства и пушного промысла, близость к торговым путям и наличие полезных ископаемых, что во многом подтверждается современными исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990.
2. Вилков О.Н. Сибирский город конца XVII — первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984. С. 6—35.
3. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984.
4. Илизаров С.С. Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город: Историко-методологический сборник. М., 1976. Вып. 1. С. 139—164.
5. Кабо Р.М. Города западной Сибири: Очерки по историко-экономической географии XVII—XX вв. М., 1949.
6. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.

7. Кочедымов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.
9. Миллер Г.Ф. Описание Енисейского уезда Енисейской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в начале 1735 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 37—53.
10. Миллер Г.Ф. Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в феврале 1735 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 54—74.
11. Минерт Л.К. Источники и литература XVII—XVIII вв. о начальном этапе становления городов Бурятии // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. Новосибирск, 1987. С. 81—145.
12. Резун Д.Я. О составе источников сибирского городоведения XVIII — первой половины XIX вв. Новосибирск, 1987.
13. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.

M. Sergeeva
Moscow

**G.F. MILLER ABOUT PERSPECTIVES OF ECONOMIC
DEVELOPMENT OF FIRST TOWNS OF SIBERIA:
THE CASE OF ENISEISK AND KRASNOYARSK**

The article is devoted to G.F. Miller's conception of first Siberian towns' economic development. Miller conceded that Siberian towns were established for military and administrative reasons, but economic factor played big role too.

Н. МАХНО И МАХНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Украинская национально-демократическая революция 1917—1920 гг. — одна из важных страниц истории Украины: во-первых, — это один из периодов формирования современной украинской нации; во-вторых, — эпоха, давшая не только Украине, но и Европе многих выдающихся государственных, политических и культурных деятелей; в-третьих, — время появления колоритных исторических фигур, умевших повести за собой народные массы и вселявших в них надежду на лучшую жизнь. Одним из таких был Нестор Иванович Махно. Возглавляемое им крестьянское повстанческое движение сыграло немало важную, а в отдельных случаях и роковую роль во время Гражданской войны и революции на Украине.

Исключительной заидеологизированностью исторической науки советского времени объясняется тот факт, что многие участники Гражданской войны, поддержавшие большевиков, были забыты, а их деятельность искажена до неузнаваемости. Так писалась «правильная» и «правдивая» история, но и формировались «её белые пятна». В полной мере это относится к Н. Махно и его революционной деятельности.

Изменение общественно-политической ситуации в СССР в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. отразилось и на развитии исторической науки. Исследователи получили возможность работать с ранее засекреченными архивными материалами. Результатом стал своеобразный информационный бум: массовое появление в периодической прессе, научной литературе публикаций по ранее замалчиваемым проблемам истории. Конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. — это период возрождения национальных историографий в тогда ещё союзных республиках. Процесс их самостоятельного развития связан с образованием на постсоветском пространстве независимых государств. Говоря об этом, нельзя не отметить сложность и неоднозначность такого явления, обусловленного кардинальными изменениями в методологии научно-исторического поиска, содержании истории как науки и т.д.

В. Волковинский и В. Верстюк в украинской исторической науке представили новое осмысление феномена Нестора Махно и возглавляе-

мого им крестьянско-повстанческого движения. На страницах республиканского журнала «Украинский исторический журнал» (далее УИЖ) в рубрике «Документальные рассказы» были опубликованы результаты многолетнего труда В. Волковинского. Историк, оперируя широкой документальной, мемуарной, историографической базой, уделил особое внимание изучению различных аспектов, связанных с жизнедеятельностью Н. Махно: формированию личности будущего «батьки», его политических взглядов, революционной деятельности крестьянского вождя. В частности, В. Волковинский аргументировано и логично определил факторы, повлиявшие на признание в Гуляй-Поле большевистского переворота в Петрограде [1, 116—122]. Не меньший научный интерес вызывает проведённый учёным анализ отношений Н. Махно с разными слоями деревенских жителей. Изучив биографические данные «батьки», он сумел обозначить объективные критерии, обусловившие действия крестьянского вождя. Как справедливо отмечает В. Волковинский, трудности, выпавшие на детство и юность Нестора, воспитали в нём любовь к угнетённым, к бедным слоям крестьянства и такой же силы ненависть к помещикам, колонистам, зажиточным крестьянам. Именно этим объясняется его поведение и принятие тех или иных решений в отношении жителей деревни [2, 122—126]. Учёный не обошёл вниманием и такой ранее замалчиваемой страницы истории махновского движения на Украине, как его сотрудничество с большевиками, например в военной сфере. Ведь именно этот союз позволил Красной Армии, во-первых, значительно увеличить численность личного состава, во-вторых, нанести существенный урон не только тылу Белой армии, но и её регулярным отборным частям, перегруппировать силы и перейти в контрнаступление [3, 130—134]. Автор анализируемых публикаций стремится быть объективным в изложении материала, представляя не только положительные, но и отрицательные стороны революционной деятельности Н. Махно, в частности, когда речь идёт о погромах имений, открытом грабеже богатых в городе [4, 94—95]. Вместе с тем В. Волковинский ещё не сумел полностью отойти от стереотипов, свойственных советской историографии. Например, статья начинается предложением: «Личность Нестора Ивановича Махно — одна из наиболее зловещих и загадочных среди врагов Советской власти, которые в годы Гражданской войны воевали против первого в мире государства диктатуры пролетариата» [1, 112]. Однако, представленный учёным анализ личности и жизнедеятельности легендарного комбрига стал новым словом в изучении махновского движения на Украине.

Он представлял махновскую тематику и на страницах «Вопросов истории» (далее ВИ), в своей публикации «Нестор Иванович Махно» во многом повторил уже изложенные в журнале моменты, но некоторые и дополнил. В первую очередь это относится к террористической деятельности Н. Махно, когда он был членом «Союза» в 1906—1908 гг. [5, 40—41]. Кроме этого, более подробно изложены факты, связанные с конструированием крестьянским вождём особенного социально-экономического и общественно-политического организма — Гуляй-Польской республики. Не без веских на то оснований историк утверждает, что Н. Махно быстро вошёл во вкус правителя, но при этом он отдавал себе отчёт: его власть зависит от крестьянской поддержки [5, 44—45]. Статью отличает и кардинальный отход её автора от довлевших на него в прошлом стереотипов советской историографии. Это же касается и его «Батьки Махно». В. Волковинский сравнивает Н. Махно с С. Разиным, Е. Пугачёвым, называя его «настоящим крестьянским вождём, который последовательно боролся за его интересы» [6, 3]. Такая вступительная часть становится лейтмотивом статьи. Автор уделяет внимание изучению взаимоотношений «батьки» с Директорией, представляет виденье и понимание её лидерами как личности Н. Махно, так и в целом махновского движения [6, 15]. Исследователь по-новому представляет крестьянского вождя в качестве политического деятеля. Он категорически отрицает мнение о том, что последний был предателем, авантюристом. «Просто, пишет историк, он олицетворял противоречивое отношение крестьянства к революционным событиям на Украине» [6, 17]. И в этой позиции учёного, несомненно, есть рациональное зерно, поскольку Н. Махно были близки чаянья и идеалы самого многочисленного слоя украинского общества. Дальнейшее изучение В. Волковинским указанной проблематики нашло отражение в его последующих работах [7; 8; 9].

Вопросам союзнических отношений Н. Махно с большевиками посвящено исследование В. Верстюка, в котором автор, оперируя ранее неизвестными материалами, анализирует истоки махновского движения, его идеологию. Время зарождения этого феномена — осень 1918 г., определяет историк. По его мнению, именно в разгар борьбы украинских повстанцев против немецких и австро-венгерских оккупантов махновское движение чётко оформилось как явление [10, 61]. Аспект сотрудничества «батьки» с большевиками в первой половине 1919 г. представлен исследователем в контексте рассмотрения махновского движения как своеобразного феномена Украинской революции 1917—1920 гг. При этом автором декларированы и реализованы исключительно научные цели

и задачи: переосмысление стереотипов сталинской формулировки революции, её участников. Не вызывают сомнений утверждения автора о том, что командование Красной Армии использовало вооружённые формирования Н. Махно, бросая их на самые опасные и ответственные участки фронта, тем самым обескровливая их. В отличие от «батьки», который в определённый хронологический период видел в большевиках дружественную военно-политическую силу, Советы считали его сиюминутным союзником в конкретно сложившейся обстановке [10, 83—87]. Так же убедительно В. Верстюк развенчивает сложившийся в историографии миф о том, что бригада Н. Махно, входившая в состав РККА, ушла с занимаемого ей участка фронта: новые архивные материалы, введённые историком, — красноречивые свидетельства мужества махновцев, до конца исполнивших свой союзнический долг [10, 92].

Панорамностью, широтой поставленных научных задач и полнотой их решения отличается монография этого исследователя, делавшего первую в современной украинской историографии смелую попытку дать ответ на вопрос: «Что такое махновщина?» При этом он сознаёт, что не все факты, связанные с махновским движением, нашли полное отражение в работе, что предложенный труд — всего лишь одна из версий самой драматической страницы истории Гражданской войны на Украине [11, 89].

Значимым, с научной точки зрения, представляется мнение историка о том, большевистские и махновские повстанческие отряды не имели между собой кардинальных отличий. В. Верстюк весьма аргументированно утверждает, что и большевики-партизаны, и повстанцы-махновцы — форма проявления революционности украинского крестьянства против власти помещиков. Социальный состав их отрядов и цели борьбы имели много общего, что было почвой компромиссов между ними и союзнических отношений [11, 53]. Анализируя социально-экономическую ситуацию конца 1918 — начала 1919 г. на Украине, в частности, положение в аграрной сфере, исследователь делает обоснованные выводы о том, что политика «военного коммунизма» вызвала протест крестьянства. Вследствие этого Н. Махно как один из крестьянских вождей оказался в оппозиции к советской власти и был вынужден разорвать с её представителями на Украине союзнические отношения [11, 115—123, 151—152].

По-новому учёный рассматривает взаимоотношения Н. Махно с Н. Григорьевым (не менее популярным крестьянским вождем). Если мемуаристика, например П. Аршинов, утверждает, что Нестор Махно пошёл на союз с Никифором Григорьевым исключительно для устранения

последнего, то В. Верстюк, изучив малоизвестные материалы, пришёл к выводу о том, что союз двух крестьянских лидеров предполагал, со стороны Н. Махно в первую очередь, только увеличение численности повстанческих сил. Убийство Н. Григорьева — результат непредвиденности логики действий Н. Махно [11, 151—154]. Отвечая на вопрос о сущности махновщины, историк говорит о махновском движении как об одном из проявлений революции и Гражданской войны, свидетельством чему служит бескомпромиссный характер борьбы махновцев за свои идеалы [11, 35].

Подробнее взаимоотношения между Н. Махно и С. Петлюрой (одним из лидеров Директории) изложены в публикации М. Ковальчука. Автор статьи правильно определил мотивы, которыми руководствовался «батька», согласившись на переговоры с представителями штаба армии УНР, — террористическим актом уничтожить Головного атамана войск УНР (С. Петлюру), разложить украинские части и влить их в состав махновских формирований. Только случай спас Симону Петлюре жизнь [12, 139]. Не менее значим вывод историка, что союз между махновцами и петлюровцами был вынужденной мерой для обеих сторон: общий противник Белая армия, примерно одинаковое состояние армий, нуждавшихся в пополнении как личного состава, так и боеприпасов, амуниции. К тому же стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на цели, задачи своей борьбы, их результаты. Для махновцев петлюровцы всегда были «контрреволюцией» [12, 142].

Н. Махно и возглавляемому им движению уделяется должное внимание на страницах украинских энциклопедических изданий и учебных пособий. Так, в одном из них утверждается, что лозунг «свободных анархо-коммун» махновцы понимали как свободу индивидуальных крестьянских хозяйств, демократическое самоуправление сельских общин, их максимальную независимость от центра [13, 1494]. П. Панченко, обобщив наработанный историками материал, делает вполне справедливый вывод, что махновское движение нельзя воспринимать исключительно в светлых тонах, поскольку оно, несомненно, противоречивое явление, как и вся эпоха, в которой оно существовало и действовало [14, 12].

В пособии по истории Украины XX в. под редакцией И. Довжука содержатся данные, относящиеся к революционной деятельности «батьки». В первую очередь речь идёт о его борьбе против Белой армии, с командованием которой ни в 1919 г., ни в 1920 г. он не смог найти общий язык. Причины этого, по мнению историка, кроются в том, что крестьянство не восприняло аграрной политики белогвардейских правительств,

до конца не осознано сущности их содержания. Под воздействием агитации (анархистов, эсеров, большевиков) все мероприятия А. Деникина, П. Врангеля по решению земельного вопроса они воспринимали только как «восстановление помещичьих хозяйств, ущемление крестьянских интересов» [15, 128—130].

Интересные факты, связанные с личным общением Н. Махно и В. Ленина, представлены в исследовании В. Бодрухина, В. Романцова. Именно по приказу В. Ленина, утверждают историки, Затонский выдал будущему «батьке» фальшивые документы, с которыми тот смог вернуться в Гуляй-Поле и возглавить повстанческое движение украинских крестьян [16, 137]. Оригинальной структурой и манерой изложения материала отличается учебник О. Реента, И. Коляды. В нём представлено мнение современных украинских историков относительно Н. Махно и махновского движения, а также документы, подтверждающие отдельные страницы этого феномена, и воспоминания участников тех событий, что позволяет выработать читателю самостоятельный объективно-научный взгляд на проблему. Авторы предлагают и собственную точку зрения. Так, например, они вполне справедливо считают, что по силе и масштабам в 1918—1919 гг. махновскому движению не было равных среди аналогичных явлений революционной украинской действительности [17, 154—159].

Нельзя не отметить и региональных исследований, посвящённых различным аспектам махновского движения. Так, П. Лаврив, исследуя вопросы Гражданской войны на территории Юго-Восточной Украины, не обошёл вниманием и личность Н. Махно, рассмотрев социальный состав его армии, сделав попытку определить политическую принадлежность «батьки». Он точно подметил драматизм, присущий комбригу-политику: «Сам Н. Махно называл себя революционером, а потом анархистом. Для коммунистов он оставался контрреволюционером, а для патриотов — пособником большевиков» [18, 146—150]. «Свободный советский строй» в интерпретации крестьянского вождя — объект анализа В. Туркевича, М. Чубука. Они определили территорию этого своеобразного социально-экономического и общественно-политического организма, структуру законодательной и исполнительной власти. По их мнению, в действиях Н. Махно имеет место парадокс — крестьянский вождь, борющийся против власти за «общество без власти», создаёт крестьянско-махновское государство [19, 202]. Д. Архирейский представил довольно обширную и содержательную публикацию о последнем рейде Н. Махно. Он раскрывает финальные дни и часы махновской эпопеи, когда остатки Революционной повстанческой армии вместе

со своим командиром переправились через р. Днестр, которая была тогда государственной границей между Украиной и Румынией. Этот, на первый взгляд, незначительный эпизод сыграл важную роль в судьбе Н. Махно и его соратников, однако, как справедливо отмечает историк, он не стал предметом самостоятельного научного исследования. Внимательно проработав и проанализировав документы, в частности бюллетень секретно-информационного отдела СНК УССР, Д. Архирейский заполнил очередную брешь в истории махновского движения на Украине. Он обосновал, что «батьку» переправа через р. Днестр удалась благодаря опыту, военной хитрости, отличному знанию как местности, так и тактики боя Красной Армии [20, 111—112].

Подводя итоги краткого историографического обзора, можно утверждать: во-первых, личность Н. Махно и махновское движение на Украине стали объектом самостоятельного научного исследования; во-вторых, современная украинская историография отошла от идеологических штампов советского периода в оценке и освещении революционных событий в целом и их участников, отдав прерогативу исключительно научным подходам и объективности в их интерпретации; в-третьих, уточнены и выяснены спорные моменты биографии легендарного комбрига, должным образом проанализированы этапы становления «батьки» как личности, политика, без внимания не осталась его революционная деятельность (положительные, и отрицательные её моменты), жизнь в эмиграции; в-четвёртых, личность Нестора Махно, сущность махновского движения надлежаще представлены в энциклопедиях и учебной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волковинський В. Нестор Махно: зависті стежки політичного авантюриста // Український історичний журнал (далее УИЖ). 1989. № 7. С. 112—123.
2. Волковинський В. Нестор Махно: зависті стежки політичного авантюриста // УИЖ. 1989. № 9. С. 122—135.
3. Там же. № 10. С. 130—135.
4. Там же. № 11. С. 91—98.
5. Волковинский В. Нестор Иванович Махно // ВИ. 1991. № 9—10. С. 38—58.
6. Волковинський В. Батько Махно. К.: «Знання» України, 1992. 48 с.
7. Волковинський В. Нестор Махно: проти усіх влад і режимів // Сторінки історії України ХХ ст. К.: Освіта, 1994. С. 236—255.
8. Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. К.: «Перліт продакшн» ЛТД, 1994.
9. Волковинський В. Нестор Махно / Історія України в особах: ХІХ—ХХ ст. К.: Україна, 1995. С. 296—305.

10. Верстюк В. Перший союз Н. Махна з радянською владою // *Минуле України: відновлені сторінки*. К.: Наукова думка, 1991. С. 61—95.
11. Верстюк В. Махновщина: селянський повстанський рух на Україні (1918—1921). К.: Наукова думка, 1992.
12. Ковальчук М. Симон Петлюра та Нестор Махно: спроба союзу // *Пам'ять століть*. 2003. № 4. С. 135—146.
13. Голубничий В. Махно і Махнівщина // *Енциклопедія Українознавства*. Львів, 1994. Т. 4. С. 1493—1494.
14. Панченко П. Анархістсько-селянський рух — махновщина — в контексті сучасної вітчизняної історії // *Історія в школі*. 1999. № 6. С. 11—13.
15. Довжук І. Історія України: імена, події, факти (XX століття). Луганськ, 2002.
16. Бодрухин В., Романцов В. Історичні постаті України: проблеми і пошуки. Луганськ, 2003.
17. Реснт О., Коляда І. Україна між світовими війнами (1914—1939). Події. Люди. Документи: Нариси історії. К.: Школа, 2004.
18. Лаврів П. Історія Південно-Східної України. К.: «Українська видавнича спілка», 1996.
19. Туркевич В., Чубук М. Селянський ватаг із Гуляйполя. Історичний календар. К., 1999. С. 200—203.
20. Архірейський Д. Останній рейд Махна // *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*. 2004. Вип. 17. С. 103—112.

S. Kornovenko
Cherkasy

N. MAKHNO AND MAKHNO'S MOVEMENT IN CONTEMPORARY UKRAINE HISTORIOGRAPHY

Contemporary Ukraine historiography has withdrawn from soviet stereotypes about Nestor Makhno's movement toward more objective and less ideological mode of explaining this phenomena. That's the point of view S. Kornovenko, who discussed this matter.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА СТРАНИЦАХ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)»

«Краткий курс истории ВКП(б)» с конца 1930-х до середины 1950-х гг. определял содержание преподавания и изучение истории ВКП(б) и оказывал прямое воздействие на советскую историческую науку. Учебник стал эталоном при освещении отечественной истории конца XIX — первой трети XX в. и при сохранении некоторых, отражавших реальный ход событий, атрибутов, давал крайне искажённую ретроспективу. Предельно упрощённая, чёрно-белая схема исторического процесса была его характерной чертой. Присутствие на страницах издания элементов противостояния сил «добра» и «зла» делает актуальной проблему о концепции политической борьбы, представленной в учебнике, и о структурных элементах образа «политического врага».

Комплекс проблем, связанных с историей написания и идейно-теоретическим содержанием «Краткого курса», доминировал на первом этапе историографического развития темы. В целом для работ 1930-х—1940-х гг. характерны описательность и односторонность. Рассматривая историю создания «Краткого курса», историки, прежде всего, обращали внимание на идейно-теоретическое наследие марксизма-ленинизма и на вопросы морального и политического единства трудящихся, советского патриотизма, дружбы народов СССР и другие аспекты общественной жизни¹. На втором историографическом этапе в 1950-х гг. в связи с общественно-политическими изменениями в жизни страны, развенчанием культа личности, повлёкшим некоторое ослабление контроля над исторической наукой, произошло частичное освобождение от догматизма, связанного с канонами «Краткого курса». При этом практически отсутствовали труды о влиянии «Краткого курса истории ВКП(б)» на общественное сознание, о его роли в развитии историко-партийной науки.

Рубеж 1980-х—1990-х гг. ознаменовал начало нового этапа дискуссий по вопросам влияния «Краткого курса» на отечественную историческую науку. Учёные пришли к выводу, что методы исследования, догмы, заложенные этим учебником, препятствовали объективному изучению истории предреволюционного и советского общества. «Краткий курс» был охарактеризован как канонический учебник, сконцентрировавший в себе «искажение исторической истины»². Оценка роли И.В. Сталина в процессе написания учебника дана в трудах Н.Н. Маслова, который исследовал сохранившиеся фотокопии рукописей И.В. Сталина и отре-

дактированного им макета книги и изложил общие изменения текста учебника³. Ему принадлежит приоритет в анализе и публикации документов, связанных с выходом «Истории ВКП(б)», а именно стенограммы совещания пропагандистов Москвы и Ленинграда, проходившего с участием И.В. Сталина 28 сентября — 1 октября 1938 г., и постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»⁴.

На современном этапе историографический интерес представляет в основном проблема выявления места и роли «Краткого курса» в идеологической системе советского государства⁵. В некоторых исследованиях детально изучается и анализируется стиль, язык, идеологическая составная учебника⁶. Вне исторического анализа осталась концепция политической борьбы, которая во многом являлась остоном сюжетной линии издания. В рамках конкретно-исторического исследования могут представлять интерес две взаимосвязанные проблемы: характеристика основных направлений политической борьбы и формируемые в рамках этого процесса элементы образа политического «врага».

Ключевой тезис, определивший основную историческую ретроспективу политического развития ВКП(б) И.В. Сталин дал в докладе «Ещё раз о социал-демократическом уклоне» 7 декабря 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ⁷: «преодоление внутрипартийных разногласий путём борьбы является законом развития нашей партии». Взгляд на историю ВКП(б) как на историю борьбы большевиков «со всеми врагами марксизма-ленинизма, со всеми врагами трудящихся» был сформулирован И.В. Сталиным в письме (октябрь 1931 г.) в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», где автор выступал против «фальсификации истории большевистской партии» со стороны некоторых «историков из разряда троцкистских контрабандистов»⁸. Высказывания такого рода демонстрировали необходимость создания комплексной интерпретации партийной истории.

14 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О пропагандистской работе в ближайшее время», в котором отмечалось первостепенное значение изучения истории партии⁹. В октябре было проведено совещание преподавателей Института красной профессуры, созванное Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Учёным комитетом ЦИК СССР. На нём обсуждался вопрос о преподавании истории партии и принято решение о создании нового учебника по истории ВКП(б). Это пожелание одобрил ЦК ВКП(б), образовавший специальную комиссию для подготовки учебника во главе с секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым.

В 1935—1937 гг. коллектив авторов под руководством В.Г. Кнорина, П.Н. Поспелова и Е.М. Ярославского создал несколько вариантов макетов

будущего учебного пособия, но все они были признаны не отвечающими предъявляемым требованиям. В начале 1937 г. И.В. Сталин обратился к составителям будущей книги с письмом, в котором существовавшие до этого учебники по истории признавались неудовлетворительными по трём главным причинам: «либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая им необходимого марксистского объяснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий»¹⁰.

Согласно замыслу И.В. Сталина в учебнике предполагалось воплотить базовую телеологическую задачу большевизма — «построить новый мир победившего социализма и социальной справедливости»¹¹. В нём должна существовать единственно верная стратегия — победить всех «врагов», поэтому любой объект в учебнике рассматривался через призму теории «классовой борьбы». В мае 1937 г. И.В. Сталин опубликовал письмо составителям учебника, в котором предложил схему периодизации истории ВКП(б) и потребовал сделать особый акцент на «борьбе большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями»¹².

При работе над текстом и основной идеей «Краткого курса» И.В. Сталин сосредоточил внимание на внутренней структуре книги, отражающей «закон развития пролетарской партии»: борьба за создание рабочей партии «нового типа» — партии большевиков, ключевой задачей которой было противостояние «царизму» и ликвидация «царского самодержавия» — «злейшего врага народа»¹³ (четыре главы); образование партии большевиков и её «борьба за диктатуру пролетариата», когда описывалась борьба за взятие власти и революционные события (три главы); партия большевиков у власти, при перманентной борьбе с «внутрипартийной оппозицией» (пять глав). Внутрипартийное развитие И.В. Сталин обосновал в разделе «О диалектическом и историческом материализме»: переход от одного качественного состояния в другое качественное состояние, которое возможно только «в порядке раскрытия противоречий»¹⁴.

На первом этапе партийного развития большевиков, отмеченного в учебнике, в качестве «политического врага» рассматривался «царизм» и сопутствующие ему образы. Согласно «Краткому курсу» «над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков против трудящихся»¹⁵. «Самодержавие» было представлено как «форма политического господства крепостников — помещиков, их диктатура»¹⁶. В плане обращения к феномену «самодержавия» и «цариз-

ма», «Краткий курс» был стандартом политической риторики большевиков. В учебнике говорилось о том, что «царизм», опираясь на помещиков и бюрократию, стоит на страже деспотических порядков, тормозит развитие страны, обрекая народные массы на нищету, невежество и бесправие. Базовым положением этой теории являлась непримиримость классовых противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Второй уровень политической борьбы характеризовался историей противодействия большевиков альтернативным политическим партиям и группам. И.В. Сталин написал параграф «О диалектическом и историческом материализме», который стал после его публикации единственным и наиболее авторитетным изложением марксистской философии. Философский раздел предваряет вставка, характеризующая положение на «идеологическом фронте», в философской науке в условиях реакции: «Упадничество и неверие коснулось также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твёрдо на позициях марксизма». Он пишет об их «враждебности марксизму» и об их стремлении «подорвать теоретические основы марксизма, хотя на словах они лицемерно отрицали свою враждебность к марксизму и продолжали двурушнически называть себя марксистами»¹⁷. Знаменательно здесь применение таких характеристик, как «стремление подорвать», «лицемерие» и «двурушничество», взятых из обихода 1937 г. «Перед марксистами стояла неотложная задача — дать должную отповедь этим перерожденцам в области теории марксизма, сорвать с них маску. Разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, теоретические основы марксистской партии»¹⁸.

Текст, посвящённый VI конференции РСДРП, содержал критику западноевропейской социал-демократии, которая представляла, по словам автора, «смесь, мешанину из марксистских и оппортунистических элементов, из друзей и противников революции, из сторонников и противников партийности — с постепенным идейным примирением первых с последними, с постепенным фактическим подчинением первых последним... Ясно было, что такие партии не могут быть революционными партиями»¹⁹. Фактически И.В. Сталин отрицал существование до Первой мировой войны в социал-демократических партиях Запада левых, революционных групп и течений, которые впоследствии стали основой формирования коммунистических партий. В политическом плане этот тезис подрывал идею Народного фронта, выдвинутую незадолго до этого VII конгрессом Коминтерна, а в историческом плане — искажал подлинную историю II интернационала, наличие в нём наряду с оппортунистическим крылом боевых революционных сил. Полностью отрицая что-либо ценное в опыте социал-демократии

Запада, И.В. Сталин утверждал идею полного разрыва с международным социалистическим движением.

Третий уровень политической борьбы был сформулирован в контексте описания событий VI Пражской партийной конференции: «Задача VI партийной конференции состояла в том, чтобы увенчать уже готовое дело актом изгнания меньшевиков и оформления новой партии. Партии большевиков»²⁰. Если, подводя итоги конференции, В.И. Ленин говорил о возрождении партии²¹, то И.В. Сталин в «Кратком курсе» подчёркивал её «величайшее значение», потому что она «положила между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию»²². На страницах «Краткого курса» «меньшевизм» характеризовался как главное оппортунистическое течение в российской социал-демократии, разновидность международного оппортунизма. В учебнике говорилось о том, что на II съезде РСДРП оппортунизм меньшевиков проявился в отрицании необходимости создания централизованной марксистской партии, строгой партийной дисциплины, ориентировании на социал-демократические партии Западной Европы.

Для укрепления концепции о несостоятельности меньшевиков как партии И.В. Сталин вопреки В.И. Ленину исключил из периодизации дату II съезда РСДРП и свёл его значение к образованию РСДРП и появлению фракций большевиков и меньшевиков. Образование партии «нового типа» согласно учебнику относится к VI Пражской конференции РСДРП. В связи с этим, И.В. Сталин характеризовал большевиков до 1912 г. не как партию, а как «политическую группу». Данное отклонение от ленинской схемы периодизации сводилось к отрицанию факта образования большевистской партии — партии нового типа на II съезде РСДРП, что противоречило утверждению В.И. Ленина о том, что большевизм существует как политическая партия с 1903 г.

В апреле 1938 г. И.В. Сталин сформулировал добавления к главе X, которые окончательно завершили оформление четвёртого концептуального уровня в истории политической борьбы на страницах учебника. Авторы получили указания по заключению: разоблачить «врагов народа», осуждённых известными процессами 1935—1937 гг. Данная директива определила активное использование в содержании всего «Краткого курса» персонифицированных образов. Самую большую группу составляли жертвы открытых процессов, вся деятельность которых была объявлена «предательской» и «изменнической». «Эти белогвардейские козьявки, — говорилось при упоминании о подсудимых московских процессов, — забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются все-

го лишь — временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам. Эти ничтожные лакеи фашизма забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа. Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу»²³.

Дальнейшее оформление образа «внутрипартийного врага» было возможно только с выделением в нём существенных составляющих, наполненных определённым политическим содержанием. В соответствии с этим концепция политической борьбы была определена упрощённым и отрывочным описанием планомерной ликвидации «внутрипартийной оппозиции», постепенно наполняясь различными производными от фамилий лидеров групп: «троцкисты», «бухаринцы», «зиновьевцы» и т.п. В лексиконе «Краткого курса» активно использовались понятия «правый уклон», «левый уклон», «троцкистско-зиновьевский блок» и т.д. История внутрипартийной борьбы 1920-х гг. концентрировалась на борьбе с «троцкизмом»; противостоянии «новой оппозиции» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым; создании «троцкистско-зиновьевского антипартийного блока» и описании усилий партийного руководства во главе с И.В. Сталиным, направленных на борьбу с «бухаринско-рыковской антипартийной группой».

Согласно учебнику на протяжении всей истории партии происходили определённое развитие борьбы и ротация элементов, находящихся в оппозиции магистральной линии в зависимости от «возрастной стадии» партии. Главный акцент делался не на борьбу с «врагами внешними», а на противостояние «врагам» как «пятой колонне», якобы «изнутри разъедающей партийные основы»²⁴. В этой идеологической формуле образы политических «врагов» партии были очень тесно связаны, но так или иначе продолжали составлять различные структурные элементы, комплектуя составляющие из различных периодов развития большевистской партии, что создавало эффект снежного кома, впитывающего в себя все образы, созданные ранее.

На исходе великой чистки был издан новый идеологический путеводитель, названный И.В. Сталиным «энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма», где ключевыми стали не вопросы марксистской теории, а более доступные массам вопросы истории. Фактически в «Кратком курсе истории ВКП(б)» произошла кодификация исторических мифов, связанных с историей политической борьбы большевистской партии. Функциональная направленность учебника была ориентированна на легитимизацию власти И.В. Сталина, через создание сталинской концепции партийной истории и реабилитацию судебных процессов, направленных на ликвидацию бывших представителей

«внутрипартийной оппозиции». Утверждение новой сталинской идеологии, будучи важнейшим идеологическим процессом 1930-х гг., способствовало формированию культуры членов партии, которые должны были осознавать существование единого непререкаемого авторитета в лице вождя партии, а также проявлять безусловную готовность в деле защиты и проведения политики партии.

- ¹ К изучению истории: сборник. М., 1946; Панкратова А.М. История СССР (1917—1940). М., 1940; Ярославский Ем. Значение «Краткого курса истории ВКП(б)» и задачи пропагандистской работы // Ленинградская правда. 1940. 27 окт.; Он же. Краткая энциклопедия большевизма. К выходу «Краткого курса» истории ВКП(б) под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), одобренного ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. 1938, № 5.
- ² Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 69.
- ³ Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа: учёные и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С.334—352.
- ⁴ Маслов Н.Н. И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1938 г. // Исторический архив. 1994. С.4—31; Он же. Из истории распространения сталинской идеологии (как готовилось постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7.
- ⁵ Гусева А.В. «Краткий курс истории ВКП(б)»: история создания и воздействие на общественное сознание: автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 2003; Зеленев М.В. Сталин как историк и риторик в 1930-е годы // Государственное управление в России: традиции и современность: III науч.-практ. конф. цикла «История и политика» Н. Новгород, 2002; Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина: О материалах его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002; Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20—30-годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С.28—53.
- ⁶ Бухарев В.Н. Идеальный учебник большевизма. Традиция и лингвокультура «Краткого курса истории ВКП(б)» // Новый мир истории. Россия. Форум японских и российских исследователей: К 60-летию профессора Вада Харуки / под ред. Г. Бордюгова, Н. Исии, Т.М. Томита. 2001. С.316—334.; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002; Головинский М. «Не пускать прошлого на самотёк». «Краткий курс ВКП(б)» как мифическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С.142—160.
- ⁷ Сталин И.В. Ещё раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии: Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ // Сталин И.В. Сочинения. Т.9. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С.3—61.
- ⁸ О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И.В. Сочинения. Т.13. С.85.

- ⁹ Большевик. 1936. № 8. С. 33.
- ¹⁰ «Об учебнике истории ВКП(б)» // К изучению истории: сборник. М., 1937. С. 28.
- ¹¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик): Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М., 1946. С. 328.
- ¹² Об учебнике истории ВКП(б). Письмо составителям учебника истории ВКП(б) // Большевик. 1937. № 9. С. 8.
- ¹³ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)... С. 6.
- ¹⁴ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 257.
- ¹⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)... С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁷ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)... С. 97.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 135.
- ²⁰ Там же. С. 136.
- ²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 44.
- ²² Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 360.
- ²³ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)... С. 332.
- ²⁴ История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)... С. 312.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарев В.Н. Идеальный учебник большевизма. Традиция и лингвокультура «Краткого курса истории ВКП(б)» // Новый мир истории. Россия. Форум японских и российских исследователей: К 60-летию профессора Вада Харуки / под ред. Бордюгова Г., Исии Н., Томита Т. М., 2001. С. 316—334.
2. Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002.
3. Гусева А.В. «Краткий курс истории ВКП(б)»: история создания и воздействие на общественное сознание: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
4. Зеленов М.В. Сталин как историк и риторик в 1930-е годы // Государственное управление в России: традиции и современность: III науч.-практ. конф. цикла «История и политика» Н. Новгород, 2002.
5. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина: О материалах его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевик): Краткий курс / под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М., 1946.
7. К истории: сборник. М., 1946.
8. Панкратова А.М. История СССР (1917—1940). М., 1940.
9. Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20—30-годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
10. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Правда. 1938. 15 нояб.
11. Ярославский Ем. Значение «Краткого курса истории ВКП(б)» и задачи пропагандистской работы // Ленинградская правда. 1940. 27 окт.

12. Он же. Краткая энциклопедия большевизма. К выходу «Краткого курса» истории ВКП(б) под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), одобренного ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. 1938, № 5.
13. Об учебнике истории ВКП(б): письмо составителям учебника истории ВКП(б) // Большевик. 1937. № 9.
14. О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. 1954. № 1; 1955. № 3—5; 1956. № 6.
15. Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5.
16. Маслов Н.Н. И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)»: Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1938 г. // Исторический архив. 1994.
17. Он же. Из истории распространения сталинской идеологии (как готовилось постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7.
18. Он же. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа: учёные и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
19. Сталин И.В. Ещё раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии: Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ // Сталин И.В. Сочинения. Т.9. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1948.
20. Он же. О диалектическом и историческом материализме // Сочинения. Т.14. М., 1997.

N. Arnautov
Novosibirsk

POLITICAL STRUGGLE CONCEPTION IN “A BRIEF COURSE OF HISTORY OF AUCP (B)”

Political struggle within the party in “A brief course of history of AUCP(b)” is the main object of article by N. Arnautov. He thinks that J. Stalin used this paper to create new Bolshevism mythology and legitimate his power after “Old Bolshevik guard cleaning” during repressions.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ВОПРОСА О ТРАНЗИТЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ ПО КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В НАЧАЛЕ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Статья посвящена комплексной ситуации, которая сложилась на Дальнем Востоке летом 1918 г. в результате прибытия чехословацких легионеров во Владивосток, и опирается на архивные материалы, прежде всего на официальные китайские документы, а также русские, японские и западные источники и историческую литературу.

После распада восточного фронта части чехословацкого Национального войска бывшей российской армии попытались добраться до Владивостокского порта с намерением переплыть через океан во Францию, на западный фронт, где они хотели продолжать борьбу против Германии. С конца мая во многих местах Трансибирской магистрали произошли сражения между вооружёнными силами местных советов, управляемых большевиками, и частями чехословацкого корпуса. Поэтому чехословацкие добровольцы из передовых отрядов, которые постепенно добивались до Владивостока, вместо того, чтобы отправиться через океан, 29 июня свергли местный Совет, установили свой контроль над городом и начали крупномасштабные военные операции на Дальнем Востоке, чтобы соединиться с главными силами чехословацкого корпуса, который находился в Сибири. Страны Антанты и их союзники в борьбе против центральных держав между тем решили поддержать антибольшевистские действия чехословацкого войска и, воспользовавшись этим, фактически начали войну против Советской России. С середины августа во Владивостоке началась высадка их экспедиционных войск.

Интервенты выдвинули требование отправить владивостокскую группу чехословацкого корпуса по КВЖД, но для этого нужно было решить целый ряд проблем. Несмотря на то, что КВЖД находилась на территории Северо-Восточного Китая, но со времени царской экспансии в Маньчжурии она принадлежала русским. Это обстоятельство вынуждало военных и гражданских представителей владивостокской группы чехословаков начать переговоры при посредничестве союзников с русскими и китайскими представителями на КВЖД. Переговоры происходили в обстановке, когда обострились противоречия внутри русского антибольшевистского лагеря, так как советская власть была уже к этому времени свергнута белочехами. Ситуацию осложняло и то обстоятельство,

что среди местных русских жителей иностранное вмешательство во внутрисоссийскую борьбу не нашло поддержки. Кроме России и Китая, двух крупнейших стран региона, действия чехословацких сил сталкивались с амбициями региональных правителей, а также с интересами отдельных великих держав.

Хотя центральная власть в Пекине заинтересовалась участием в интервенции и вопросом транзита чехословацких войск по их территории, но, как и у русских антибольшевистских сил, у них не было единой и ясной позиции из-за слабой осведомлённости китайцев об истинных целях чехословацких легионеров, а также из-за напряжённой ситуации на КВЖД, где нашли прибежище русские противники большевиков. Несмотря на внутренние разногласия, Китай начал требовать от России пересмотра своих прав на китайскую территорию, отчуждённую под КВЖД. Ослаблением международного положения России в результате большевистского переворота решила воспользоваться Япония, чтобы в свою пользу использовать ситуацию, созданную на Дальнем Востоке чехословацкими силами.

Вследствие вмешательства союзников во внутренние дела России конфликт приобрёл международный характер, что особенно ярко проявилось на Дальнем Востоке, где столкнулись международные интересы и развернулась борьба между различными русскими политическими группировками. События приобрели характер широкой конфронтации, обнажившей различие в позициях всех политических сил, действовавших в регионе. В рамках истории международных отношений присутствие чехословацких войск на Дальнем Востоке было тесно связано с желанием их руководства приобрести поддержку победоносных держав для образования самостоятельного государства. С другой стороны, международные военные операции на российском Дальнем Востоке обнажили противоречивый характер интервенции. В данной ситуации обращает внимание возрастающее национальное самосознание китайцев, а также отклики на русскую революцию и контрреволюцию в качестве важных факторов, повлиявших на позиции и интересы главных акторов в рамках складывавшегося нового мирового порядка.

Цитаты из китайских источников должны помочь понять сложность ситуации на Дальнем Востоке летом 1918 г. *Телеграмма китайского генерального консула Шао Хэнсюня во Владивостоке, направленная министерству иностранных дел в Пекине от 30 июня 1918 г.* (читай ниже).

«Вчера после шести часов вечера бои во Владивостоке стихли. Правительство большевиков было взято атакой и, судя по информации, которая у меня есть, у обеих сторон почти не было ни раненых, ни убитых.

Чехи¹ после атаки пытались схватить большевистских вожаков. Японцы помешали попытке большевистских эсминцев покинуть порт. Чехи контролируют все стратегические точки города. Англичане и японцы разделили город по зонам, которые охраняют. Они повсюду расклеили объявления, извещающие, что в данных зонах запрещается носить оружие или входить... вооружёнными. Японцы смотрели на высадку китайцев с опасениями. Убедить их в том, что сразу после окончания борьбы китайские матросы вернутся на судно, стоило больших усилий. В конце концов, они нам вышли навстречу и мы могли начать сотрудничать с ними в сфере обороны города.

Чехи мне не сообщили о своих действиях. Я их вчера спрашивал, но они на все мои вопросы отвечали уклончиво — врали. До сегодняшнего дня они не извинились и не прислали никакого объяснения. Я предполагал... они уже получили поддержку держав и пренебрегают Китаем из-за его слабости. Более того, центральное правительство мне не доложило о том, что сухопутные войска, пытаясь устроить перемирие², начали сокращать вывоз продуктов через границу. Остальные страны могли подозревать, что у нас близкие отношения с большевиками, и поэтому меня не предупредили о предстоящем перевороте из-за опасений, что их планы будут выданы. Они на меня смотрят пренебрежительно, потому что китайская сторона не может выступить едино. По этому поводу я собираюсь на сегодняшнем собрании дипломатического корпуса заявить, что, если они меня не будут предупреждать, я не смогу обеспечить охрану жизней и имущества китайской общины, которая во время переворота понесла ущерб, его в течение такого короткого времени нельзя пока подсчитать.

Я слышал, что бои шли недалеко от Владивостока. Большинство большевиков сдалось, и вместе с ними было арестовано много их вожаков, так что ситуация уже спокойная. Японский консул мне передал письмо от представителей Временного сибирского правительства³, в котором говорилось об учреждении правительства с резиденцией во Владивостоке, и что городское самоуправление вернулось в руки местных, тех же самых людей, что и до большевистского переворота⁴. Сообщение о действиях чехов я получил от британского консула. Письмо об учреждении нового правительства я получил от японского консула, что означает, что вышеназванные державы пользуются наибольшим влиянием на происходящее на местах. Поэтому китайскому правительству в рамках формулировки собственной политики применительно к России надо следить за позицией Великобритании и Японии. Из местной газеты я узнал, что Китай разоружил Семеновскую армию. Если это правда, потом

надо более тщательно подумать о последствиях. Японский консул меня пригласил вместе с местным командиром морских сил на ужин, во время которого дипломатический корпус будет обсуждать последующие действия. Однако я не смог принять в нём участие из-за кишечной инфекции...»⁵ (8 июля 1918).

Телеграмма китайского генерального консула во Владивостоке Шао Хэнсюня министерству иностранных дел в Пекине от 17 июля 1918.

«Чехи⁶ добрались до самого Сандаохе⁷ и при этом взяли в плен более двух тысяч немецких и австрийских солдат⁸. Враг переместил своё начальство к Йима⁹. Командир чехословацких сил сообщил о том, что большевики насильственно зачислили в новобранцы много местных русских и китайцев, и это усложняет их положение. Иркутск уже находится под контролем чехов, поэтому владивостокские части намерены отконвоировать пленных с вооружённым сопровождением к северу от станции Йима. Командир чехословацких сил также сообщил о том, что больше не собирается атаковать большевиков, находящихся вдоль железной дороги в северном направлении, в Хабаровске¹⁰, вместо этого его солдаты намерены двигаться на запад по КВЖД в направлении Читы для того, чтобы соединиться с остальными частями чехословацкого войска. Местный дипломатический корпус представителей союзников вместе с представителями союзнических морских сил поддерживали военную операцию чехов, а также порекомендовали своим правительствам оказать финансовую поддержку действиям чехов.

У Калмыкова¹¹ есть шесть сотен казаков, которых бы чехи хотели задействовать. У генерала Хорвата¹² возникли разногласия с представителями Временного сибирского правительства, что, по мнению местных представителей союзников, может заблокировать передвижение владивостокской группы по железной дороге. Посол, которого отправили к Хорвату и Калмыкову в роли посредника для заключения договора, вернулся вчера во Владивосток. Хорват заявил о том, что ни в коем случае не будет препятствовать владивостокской группе в их передвижении по КВЖД. Местный дипломатический корпус вместе с владивостокской группой считает данное передвижение необходимым, и их решение нельзя изменить. В таком положении Китаю также следует выразить своё согласие, потому что в противном случае это отразится на его собственном суверенитете.

Хорват располагает поддержкой влиятельных людей, но из-за способа, которым он пытается преуспеть, он попадает в изоляцию. Его собственные вооружённые силы слабы. Из-за этого местный дипломатический совет считает, что у него мало шансов на успех. Японцы

Чехословацкие легионеры во Владивостоке летом 1918 года
(Источник: cs.wikipedia.org).

поддерживают Хорвата и Временное сибирское правительство. Их стратегия напоминает двойственный подход, который они применяют по отношению к разделённому северу и югу Китая¹³. Если Хорват рассчитывает на помощь японцев, то он за это в конечном счёте заплатит. Я вчера дискутировал с британским и американским консулами. По их мнению, у Временного сибирского правительства нет ни одной яркой личности, но её представители были выбраны на основе выборов и пользуются доверием людей. Поэтому в отличие от Хорвата у правительства больше шансов выжить. Я лично считаю, что, даже если внутри сибирского правительства произойдут персональные перестановки, оно и далее будет пользоваться поддержкой граждан. Поэтому китайскому правительству следует обратить внимание на эти события.

Сторонники Временного сибирского правительства меня спрашивали, поддерживает ли китайское правительство Хорвата. Однако я данное предположение отвергнул. Затем они меня спрашивали, почему китайцы вступают в русские боевые отряды. Я ответил, что это преимущественно касается бандитов, которые вербуются на российской территории, и поэтому Китай противодействовать этому не может. Поэтому я им посоветовал, чтобы они обратились к Хорвату и Калмыкову.

Известно, что в последнее время во Владивосток тайно прибывает большое количество японских солдат. Великобритания и Япония скоро высадят свои сухопутные силы. Франция высадит четыре сотни солдат. Соединённые Штаты пока не определились с количеством своих

войск. Местный британский командир морских сил мне советовал, чтобы Китай выслал свои сухопутные силы, потому что этого, дескать, требуют местные обстоятельства. Проблема в том, что у китайских солдат нет опыта участия в международных операциях, что могло бы привести к массе проблем, которые я бы не осмеливался решить. Я говорил об этом с Линем, китайским командиром местных морских сил. Линь предпочитает выслать морскую пехоту вместо сухопутных сил. Линь также мог бы стать командиром экспедиционных сил, что было бы более выгодным вариантом, чем высылка новых войск. Британский командир морских сил был выдвинут на адмирала, в связи с этим я сделал запрос в правительство, возможно ли аналогичное продвижение по службе нашего местного командира.

Без предупреждения 17 июля прибыл во Владивосток командир Као Шибинь¹⁴ в сопровождении десяти человек. Не известно, зачем нужно настолько большое сопровождение. Вчера состоялось чрезвычайное собрание дипломатического корпуса союзнических стран и их командиров морских сил во Владивостоке. За исключением японского консула, британские и американские сторонники ярко выразили своё согласие с проездом чехословацких сил, находящихся на Дальнем Востоке, по КВЖД, к чему я также склоняюсь»¹⁵.

Оценивая операцию в краткосрочной перспективе, боевые действия чехословацких отрядов на Дальнем Востоке нельзя считать успешными. По сравнению с остальными частями чехословацкого корпуса вдоль Транссибирской магистрали военачальникам владивостокской группы чехословацких отрядов даже с помощью местных союзников не удалось победить упорного врага. Проблема заключалась именно в соперничестве союзников, среди которых числились страны Антанты, Япония и США.

Официально интервенционная война оправдывалась помощью чехословацким частям в Сибири в борьбе с немецкими и венгерскими интернационалистами, которые формировались в Красные гвардии и угрожали интересам стран Антанты и их союзникам. Однако данная угроза намеренно преувеличивалась, что стало понятно сразу после капитуляции Германии. Таким образом, после окончания Первой мировой войны официальное основание для международной интервенции в России исчезло.

---

¹ В тексте используется обозначение, которое представляет собой производное выражение китайского слова: «chīha». Оно использовалось в качестве фонетического заимствования из русского Чехо, произносимого как «че — ха», что представляло собой сокращённое выражение для обозначения чехословацких войск.

- ² В тексте не указано, между кем было заключено перемирие, но из контекста видно, что приведённые строки касаются перемирия, заключённого между большевиками и их русскими противниками.
- ³ Временное сибирское правительство возникло в Томске и состояло из членов местной думы. После её роспуска большевиками часть во главе с Петером Дербером переместилась на Дальний Восток, сначала в Харбин, а потом во Владивосток, где продвигала свои политические цели, среди которых было требование независимости для всей Сибири.
- ⁴ Головой городского правительства Владивостока был выбран меньшевик Агарев.
- ⁵ Исторические документы о китайско-русских отношениях. 1917—1920. Т. I—2: Документ. Ч. 391. С. 202.
- ⁶ В китайских текстах данной эпохи для обозначения чехословацкого войска использовался термин «*chīna*», а не последующего 捷克. Командиром владивостокской группы был русский генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, который также вёл переговоры с китайскими представителями на Дальнем Востоке. Во взаимной коммуникации преобладал русский язык.
- ⁷ «*Sandaohé*» — китайское название реки, текущей недалеко от деревни Воскресенской, которая расположена южнее г. Спасска-Дальнего.
- ⁸ В китайском тексте кроме иероглифов 德, 奧, 俘虜, обозначающих немецких и австрийских военнопленных, перечисляются также турецкие военнопленные (土俘虜). Но действия последних, учитывая их ничтожное количество, являются маргинальными.
- ⁹ «*Yima*» (Иман) — китайское название г. Дальнереченска до 1972 г.
- ¹⁰ В подлинных китайских текстах обозначен как Боли (Boli).
- ¹¹ И. П. Калмыков был атаманом уссурийских казаков в районе железнодорожной станции Гродеково недалеко от русско-китайской границы. Во время интервенции союзников он контролировал область вокруг Хабаровска и находился под влиянием японцев, кроме того, имел дурную славу из-за беспощадности.
- ¹² Генерал Д. Л. Хорват был царским военным железнодорожным инженером дворянского происхождения и многолетним высшим русским представителем Восточно-Китайской железной дороги с широкими полномочиями. После большевистского переворота он стал старшим представителем русской антибольшевистской оппозиции на территории железнодорожной зоны, которой управлял. После того как в 29 июня 1918 г. чехословацкая армия установила контроль над Владивостоком, он попытался воспользоваться случаем и установить своё правление на русской территории Дальнего Востока, чем положил начало конфликту владивостокской группы с остальными представителями антибольшевистской оппозиции.
- ¹³ В Китае происходила гражданская война между северной и южной провинциями, которые формально представляли правление Пекина по отношению к оппозиционному правительству в Кантоне.
- ¹⁴ Гао Шибинь был главкомом китайских вооружённых сил в провинции Тилин под управлением военного губернатора Мэн Эньюаня. КВЖД проходила по северной части провинции.
- ¹⁵ Главный штаб японской сухопутной армии: Сибирская экспедиция 1918—1920 г. Документ. Ч. 202. Т. 1. С. 155.

Martin Hošek*Sapporo***INTERNATIONAL ASPECTS REGARDING THE PASSAGE
OF THE CZECHOSLOVAK TROOPS THROUGH
THE CHINESE EASTERN RAILWAY AT THE OUTBREAK
OF THE INTER-ALLIED INTERVENTION**

This article seeks to examine the process in which the Czechoslovak troops became involved in the Inter-allied intervention in Siberia, viewed with the complexity of situation which occurred in the Far East during the summer of 1918 after the arrival of their avant-garde at Vladivostok. In the meantime remaining two-thirds of this force heading eastwards got stuck at many places along the Trans-Siberian Railway, and this resulted in opening of hostilities against the Bolsheviks. In this consequence, the passage of the Czechoslovak troops stationed at Vladivostok through the Eastern Chinese Railway was meant to be a part of broader military planning in order to reunify with the main force of their compatriots in Siberia fighting the Red Guards, but followed by expeditionary forces of the allied powers. Yet, namely due to the character of the Chinese Eastern Railway and local setting the main attention is focused on China and Russia.

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1922—1941 гг.

После окончания Гражданской войны и восстановления советской власти на российском Дальнем Востоке в 1922 г. основная масса белой эмиграции сосредоточилась в Маньчжурии. По данным различных источников, численность её составляла до 200 тыс. чел. Центром дальневосточной белоэмиграции был Харбин, однако немало белоэмигрантов сосредоточилось и в Шанхае. В 20-х гг. XX в. в Маньчжурии русскими эмигрантами было создано свыше 100 различных общественных, политических и профессиональных организаций¹. Первые эмигрантские объединения появились в северо-восточных провинциях Китая в 1918 г. после первой волны русской эмиграции. Но пик активности белоэмиграции приходится на 1922—1923 гг., когда в различных городах Маньчжурии и Китая начали образовываться многочисленные белоэмигрантские организации, партии, союзы, общества и т.д. в обстановке постоянной борьбы за лидирующие позиции среди эмигрантов, раздел сфер влияния². Почти все белоэмигрантские организации занимали антисоветскую позицию и выступали за свержение в России коммунистической власти. Однако непосредственным осуществлением разведывательной и диверсионно-террористической деятельности против Советского Союза занимались лишь некоторые.

В 1923 г. в Маньчжурии возникла организация Союз казаков на Дальнем Востоке. Поскольку забайкальские казачьи формирования были более многочисленными и организованными, объединение происходило под руководством атамана Дальневосточных казачьих войск генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова, а в Маньчжурии — при поддержке японской армии и военной разведки. Начальником Союза казаков являлся генерал-лейтенант Г.М. Семёнов, его заместителем генерал-майор А.П. Бакшеев. Правление находилось в Харбине, отделения имелись почти во всех крупных населённых пунктах Маньчжурии. Союз состоял из станиц и хуторов, со станичными и хуторскими правлениями. На Дальнем Востоке Союз казаков основными задачами считал: а) свержение коммунистической власти в России путём вооружённой борьбы; б) установление в России законности и порядка после свержения коммунистов; в) защиту интересов казачества и закрепление его прав в будущей «национальной России».

Союз казаков в 20-е годы XX в. самостоятельно вёл работу по закордонной разведке, формировал отряды для действий в приграничье, боевые группы для заброски на бывшие территории казачьих войск. Непосредственно руководил комплектованием групп А.П. Бакшеев. Работавший до 1932 г. в правлении Союза казаков и осуществлявший учёт личного состава Е.Д. Таров являлся агентом ОГПУ и передавал сведения в харбинскую резидентуру советской внешней разведки. Поэтому до 1932 г. чекисты имели детальную картину оперативных действий казачьей эмиграции³.

Небезызвестным фактом являлось тесное сотрудничество атамана Г.М. Семёнова с японцами и организация совместного плана по захвату Дальнего Востока с созданием на его территории буфера под протекторатом Японии. Семёнов видел себя будущим правителем российских дальневосточных земель и надеялся в этом на решающую помощь Японии. Поэтому он делал ставку на подготовку широкомасштабных военных действий, а не на организацию диверсионно-террористической деятельности на советской территории.

В начале 20-х годов XX в. на Дальнем Востоке начали действовать отделы диверсионно-террористической организации «Братство русской правды» (БРП), созданной в 1921 г. в Берлине. Ячейки этой организации появились ещё во времена белого режима братьев Меркуловых. В конце 20-х — начале 30-х гг. БРП становится наиболее активной, мощной, хорошо законспирированной организацией, осуществляющей со стороны «никлаевского крыла» монархической белоэмиграции подрывную работу против Советского Союза⁴. Кроме монархистов она охватывала и некоторые другие политические белоэмигрантские направления и группировки. БРП на Дальнем Востоке возглавлял генерал-лейтенант П.Г. Бурлин, который фактически руководил всей работой. Почётными членами Основного круга БРП являлись лидеры белоэмиграции на Дальнем Востоке генерал Д.Л. Хорват и начальник дальневосточного отдела Российского общевоинского союза (РОВС) генерал М.К. Дитерихс. Кроме того, Д.Л. Хорват был председателем дальневосточного отдела «Русской освободительной казны» (РОК) — основного источника финансирования БРП. Отделы БРП находились во многих крупных населённых пунктах Маньчжурии и Китая. Сам П.Г. Бурлин постоянно проживал в Шанхае, где находился Шанхайский отдел БРП, возглавляемый Г.П. Лариным. Работой БРП в Маньчжурии и некоторое время организацией диверсионно-террористических действий на восточном направлении руководил В.Д. Косьмин, пока не ушёл из БРП в Российскую фашистскую партию (РФП). Основная часть подрывной работы против Советского Союза осуществлялась через Харбинский Автономный отдел БРП, который в своё

время возглавляли полковники И.А. Патиешвили, А.Г. Грызлов, и Г.П. Голубев. Непосредственное руководство всей подрывной работой в Маньчжурии против советского Дальнего Востока в конце 20-х гг. XX в. было поручено генералу Н.П. Сахарову⁵.

Подрывная деятельность БРП заключалась в формировании белопартизанских отрядов и диверсионных групп для засылки на советскую территорию с целью проведения разведывательных и диверсионно-террористических действий, формирования новых ячеек, повстанческой и агитационной деятельности. Дальневосточный отдел БРП имел хорошо организованную агентурную сеть на территории СССР, его ячейки находились во всех крупных городах Дальнего Востока и Сибири и даже в Москве⁶.

Засылка агентуры и диверсионных групп осуществлялась на трёх основных направлениях: восточном, северном и западном. Для работы на восточном направлении существовал отдел БРП на ст. Пограничной, возглавлявшийся генерал-майором Д.В. Загоскиным. Отсюда белопартизанские отряды засылались в Приморье. Основной базой были Мулинские копи, где полковник Рудых непосредственно обеспечивал переправу отрядов на советскую территорию. Работой на северном направлении отдела БРП в Сахалине возглавлял небезызвестный генерал Е.Г. Сычёв, он же являлся помощником Бурлина. Из Сахалина белопартизанские отряды засылались в Благовещенск и Амурскую область, где у Сычёва имелаась агентурная сеть. Для ведения подрывной деятельности на западном направлении существовали отделы БРП в г. Хайларе и на ст. Маньчжурия, руководимые генералом И.Ф. Шильниковым. Через ст. Маньчжурия отряды засылались в Забайкалье и Сибирь. Общее руководство работой на трёх направлениях осуществлялось из Харбина. Ячейки дальневосточного отдела БРП находились также на Камчатке, Сахалине и в Якутии, где работой руководил А.А. Пурин⁷.

Попытки засылки белопартизанских отрядов на советскую территорию осуществлялись сторонниками Кирилла Владимировича. Лагерь кирилловцев в Маньчжурии был представлен Союзом легитимистов⁸, возглавлял его генерал В.А. Кислицын, и союзом «Молодая Россия» (младороссы). Организацией отрядов и заброской их на территорию СССР руководил полковник Н.Л. Жадвойн, получивший полномочия от имени в. к. Кирилла Владимировича.

В 1927 г. в Харбине была создана дальневосточная группа Трудовой крестьянской партии (ТКП), центр которой находился в Праге. Руководящим органом ТКП на Дальнем Востоке являлся Комитет группы, который собирался 5—6 раз в год по мере необходимости. Он располагал собственной типографией, в которой издавался журнал «Крестьянская

Россия». Возглавлял Харбинский комитет ТКП бывший эсер Д.И. Поздняков, его заместитель полковник генштаба А.Г. Аргунов был родственником одного из членов пражского ЦК ТКП. Ответственный секретарь дальневосточного комитета ТКП Г.П. Грачёв, пользуясь поддержкой членов ЦК партии А.Г. Аргунова и С.С. Маслова, постепенно оттеснил Д.И. Позднякова от руководства и возглавил организацию в Маньчжурии. Финансирование партии осуществлялось за счёт средств, поступавших из Праги, частных пожертвований предпринимателей-харбинцев, а также проживавшего в США предпринимателя Ф.Н. Колёсова⁹.

За 1928 г. эмиссарами ТКП было совершено в общей сложности 8 поездок в СССР с целью создания подпольных ячеек своей партии и распространения антисоветской литературы. Если по Забайкалью, где работал лично Г.П. Грачёв, удалось создать 9 ячеек, то в Приморье, напротив, ни одной. К тому же один из эмиссаров был задержан приморскими чекистами¹⁰.

С 1927 г. в Маньчжурии действовала Рабоче-крестьянская казачья оппозиция русских фашистов под руководством П.С. Ковгана, более известна как Рабоче-крестьянская казачья партия (РККП), существовала она в основном на средства, получаемые от атамана Семёнова и японцев. Однако эта финансовая помощь в силу малочисленности и небольшого влияния организации Ковгана носила эпизодический характер. В 1930 г. Ковган наладил связь с парижской группой Г.З. Беседовского «Борьба», от которого стал регулярно получать литературу антисоветского содержания. Военным руководителем группировки и одновременно заместителем Ковгана являлся генерал Осипов. Отделения РККП были в Сахалине, Цицикаре и на ст. Маньчжурия¹¹. Дальневосточным чекистам удалось внедрить в центр РККП своего спецagenta, взяв под контроль практически всю работу группировки в Маньчжурии. На территории Приморья был создан «легендированный» облсовет РККП, позднее такой же «подпольный» облсовет создан на территории Амуро-Зейского округа. Таким образом, реальная работа РККП была парализована¹².

В августе 1928 г. по указанию в. к. Николая Николаевича генералом от артиллерии М.В. Ханжиным был создан Дальневосточный отдел Российского общевойскового союза (РОВС), который ставил своей задачей объединение белоэмигрантских воинских формирований, находившихся на территории Маньчжурии и Китая, в единую организацию. Его конечной целью было вооружённое вторжение на территорию СССР и свержение советской власти. Одним из направлений деятельности РОВС на Дальнем Востоке была организация и проведение активной разведывательно-диверсионной деятельности на территории СССР¹³. Однако конкретные факты засылки диверсионных групп Даль-

невосточным отделом РОВС на советскую сторону неизвестны. Вполне очевидно, что их могло и не быть. РОВС создавался с целью сохранения военных кадров в эмиграции на случай боевых действий против СССР. Тем более что всю подрывную работу «никولاевского крыла» монархической белоэмиграции осуществляло БРП, созданное на Дальнем Востоке раньше, чем РОВС. Этим объясняется и отсутствие конкуренции между дальневосточными отделами РОВС и БРП в отличие от их европейских центров. К 1936 г. противодействие РОВС попыткам японского военного командования подчинить себе отдел и его отделения на Дальнем Востоке практически привели к свёртыванию всей работы этой организации в Маньчжурии.

В мае 1931 г. на базе ряда профашистских группировок в Маньчжурии была создана Русская фашистская партия (РФП), переименованная в 1934 г. во Всероссийскую фашистскую партию. Возглавил её К.В. Родзевский. Идеология РФП была построена на идеях Муссолини. Основная цель — свержение в России советской власти и установление фашистской диктатуры¹⁴. Способами достижения поставленной цели были диверсии и террор. РФП сразу пошла на сотрудничество с японцами, что помогло ей стать мощной организацией, конкурирующей с БРП. Отделы РФП были также в Европе и Америке. Наиболее активную работу РФП развернула после захвата Маньчжурии Японией.

В начале 30-х годов XX в. на Дальнем Востоке начал действовать филиал европейской белоэмигрантской организации Народно-трудовой союз нового поколения (НТСНП), самый активный в борьбе с советской властью вплоть до развала СССР. В 1932 г. руководитель одной из ячеек РОВС в Китае Х.В. Попов установил переписку с руководителями Народно-трудового союза нового поколения в Югославии, которые предложили Попову включиться в работу на Дальнем Востоке. Решением Исполнительного бюро Попов был назначен председателем Дальневосточного отдела НТСНП. К тому времени отделения этой организации имелись в Тяньцзине (рук. инженер Алексей Соловьёв) и Харбине. Кроме того, в Японии (г. Кобе) находился представитель НТСНП Н.И. Кузнецов. Отделением в Харбине руководили служащий управления Мулинского углепромышленного товарищества Константин Могильников, потом студент-технолог М.М. Петунов, а с 1935 г. Алексей Алексеев. Дальневосточный отдел НТСНП начал проводить работу по подготовке и засылке на советскую сторону своей агентуры, формированию ячеек на территории СССР, эту деятельность приходилось осуществлять по каналам БРП. Кроме того, необходимо было идти на сотрудничество с японцами¹⁵.

После захвата Маньчжурии Японией и образованием на её территории государства Маньчжоу-Го, вся деятельность белоэмиграции

оказалась под контролем японцев. Этот период характеризуется потерей инициативы белоэмиграцией в подрывной деятельности против советского Дальнего Востока и использованием её японскими спецслужбами в своих интересах, принимая меры к ликвидации организаций, которые не хотели сотрудничать с ними. Тех, кто без санкции японцев пытался осуществлять заброску агентуры на советскую территорию, японцы расстреливали.

Спецслужбы Японии активизировали свою деятельность по переброске через советскую границу агентов, завербованных из числа белоэмигрантов. Совместные группы для заброски обычно формировались из представителей разных организаций, как правило, членов БРП, РФП, НТСНП, ТКП. В группе мог быть также представитель японской военной миссии (ЯВМ). Кроме собственных задач группа получала задание от ЯВМ собрать разведывательную информацию по линии военной разведки. Засылка диверсионных групп с санкции японцев в основном осуществлялась по каналам БРП.

В апреле 1933 г. японское военное командование в Маньчжурии предложило Дальневосточному отделу БРП забросить на советскую территорию диверсионно-террористическую группу с целью захвата одного из командиров частей Красной Армии, которая должна была вывезти захваченного командира за кордон, в г. Чаньчунь, чтобы добиться от него дачи сведений о состоянии забайкальской группы войск ОКДВА. Одновременно прорабатывался план бандитского налёта на одну из советских пограничных застав. В составе группы было пять человек, один из них представитель Российской фашистской партии, а также переводчик Японской военной миссии. Конная группа, вооружённая винтовками и гранатами, имея при себе фашистскую литературу для распространения на территории СССР, 20 июля 1933 г. вышла на советскую территорию в 100 км западнее ст. Маньчжурия. Однако в результате успешно проведённых мероприятий ОГПУ диверсионно-террористическая группа была ликвидирована, о чём заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов доложил лично И.В. Сталину¹⁶.

Весной 1933 г. в Особый отдел ПП ОГПУ по ДВК поступили агентурные донесения, что по заданию японцев Харбинский отдел БРП формирует диверсионную группу (численность 5 чел.), предназначенную к переброске в Приморье в район Никольска-Уссурийского для проведения диверсионных и террористических актов, подготовки восстания, сбора шпионских сведений. Возглавил группу член БРП, японский агент Иван Комиссаренко, имевший широкие связи в Приморье и предполагавший использовать их как явки, которые на советской территории взяты под контроль ОГПУ. В составе диверсионной группы был представитель Трудовой крестьян-

ской партии. 30 мая 1933 г. группа перешла на советскую территорию, направляясь через с. Хороль к г. Никольску-Уссурийскому. 5 июня 1933 г. на одной из явок в Никольске-Уссурийском был ранен и задержан засадой ОГПУ участник группы член ТКП Чумаков. 6 июня 1933 г. на другой явке при задержании чекистами был убит глава группы И. Комиссаренко, который оказал сопротивление. По агентурным данным установили местонахождение остальных трёх участников группы и были приняты меры к их ликвидации, а также арестовано 31 чел. пособников¹⁷.

В 1936 г. Всероссийская фашистская партия (ВФП) по заданию Харбинской японской военной миссии подготовила крупную шпионско-диверсионную акцию. Группа из 32 чел. под руководством Маслакова проникла на участок Транссибирской магистрали Ерофей Павлович — Амазар для совершения диверсионно-террористических актов. Однако благодаря успешно проведённым дальневосточными чекистами оперативным мероприятиям, она была обнаружена и уничтожена. Члены этой группы имели задание ВФП создать на советской территории террористические и диверсионные фашистские ячейки¹⁸.

В 1934 г. руководитель Харбинского отделения НТСНП М.М. Петунов заслал на территорию Приморья студента юридического факультета Харбинского университета Гамова с заданием распространить на советской территории листовки НТСНП, а по линии японской разведки собрать шпионские материалы. Эта акция прошла успешно, и он вернулся в Маньчжурию¹⁹.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. основную подрывную деятельность со стороны белоэмиграции против советского Дальнего Востока осуществлял Дальневосточный отдел Братства русской правды. Но с 30-х гг. вся деятельность белоэмиграции в Маньчжурии осуществлялась под контролем японцев. Работа же органов ОГПУ—НКВД была направлена на пресечение подрывной деятельности белоэмигрантских группировок и иностранных спецслужб.

¹ Сергеев О.И., Лазарева С.И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917—1945 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2000. С.9, 14.

² Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945): сб. документов / сост. Е.Н. Чернолуцкая. Южно-Сахалинск, 1994. С.7.

³ Абеленцев В.Н. Союз казаков на Дальнем Востоке // Земля и люди. 1998. 19 сентября. С.4.

⁴ Под «никлаевским крылом» белоэмиграции понимались группировки, выступавшие за реставрацию монархии Романовых под руководством в. к. Николая Николаевича, а не Кирилла Владимировича.

- ⁵ ЦА ФСБ РФ. ПФ, д. 28650, т. 1, л. 265—267, 414—420.
- ⁶ Там же. Л. 226—229, 253, 419 об.
- ⁷ Там же. Л. 265—267, 414—420.
- ⁸ Центр Союза легитимистов находился в г. Кобурге (Германия).
- ⁹ ОА УФСБ ОО. Ф. 65, оп. 1, д. 355, л. 16, 18.
- ¹⁰ Там же. Л. 16.
- ¹¹ Там же. Д. 455, л. 15, 130.
- ¹² Там же.
- ¹³ Буюков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае 1921—1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток, 2005. С. 84—86.
- ¹⁴ Там же. С. 54—55.
- ¹⁵ ЦА ФСБ РФ. ПФ, д. 28650, т. 1, л. 409—413.
- ¹⁶ Там же. Ф. 2, оп. 11, д. 1497, л. 57—58.
- ¹⁷ Там же. Д. 1501, л. 278—280.
- ¹⁸ Щит и меч Приамурья. Благовещенск, 1988. С. 37—38.
- ¹⁹ ЦА ФСБ РФ. ПФ, д. 28650, т. 1, л. 411.

N. Egorov
Khabarovsk

SUBVERSIVE ACTIVITIES OF THE ORGANIZATIONS OF WHITE EMIGRATION AGAINST THE SOVIET FAR EAST IN 1922—1941

This article tells about subversive activities of white emigration against the Soviet Far East in 1922—1941. In the article the author shows the basic organizations of white emigration in Manchuria, which carried out subversive work against the USSR. Among them The Brotherhood of the Russian Truth, The Labour peasants party, The national-labour union of new generation, Russian fascist party and others. The basic subversive activities against Soviet Union were organized by The Brotherhood of the Russian Truth. After capture of Manchuria by Japan all activity of white emigration became under the Japanese control. The author shows the examples of penetration diversive groups of white emigration on territory of the Soviet Far East.

СОВЕТСКАЯ БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОСТИТУЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922—1929 гг.

Брачная политика советского правительства на Дальнем Востоке не отличалась от основной партийной линии. Большевики считали, что женщина-работница испытывает двойной гнёт — со стороны капитала и буржуазной семьи. Её освобождение тесно связывалось с победой пролетарской революции, которая уничтожит и капитализм, и буржуазную семью. О том, какую форму примут отношения между полами в новом обществе, большевики не сообщали, утверждая только, что они очистятся от экономических интересов и будут основаны на взаимной любви, свободе выбора и полном равенстве.

Реализация советского брачного законодательства на Дальнем Востоке началась с отмены закона ДВР о «...гражданском состоянии лица, актах, его удостоверяющих, семейном и брачном праве» и введения на территории бывшей ДВР кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, опубликованного в Собрании узаконений Рабочего и Крестьянского правительства за 1918 г. Согласно этому кодексу только гражданский (светский) брак, зарегистрированный органами ЗАГСа, признавался законным и подтверждал права и обязанности супругов по отношению друг к другу. В брак могли вступать лица, достигшие брачного возраста (18 лет для мужчин и 16 лет для женщин), находящиеся в здравом уме и не являющиеся родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии. Препятствием для вступления в брак не *могло служить* разное вероисповедание лиц, монашество, наличие духовного сана, обет безбрачия, церковное родство (кум, кума, крёстные родители) или родство по браку (сват, сватья, золовка, деверь и т.д.).

В июле 1922 г. все метрические книги церквей, которые не погибли или не увезены белогвардейцами, были переданы в местные хранилища ЗАГСа. С этого времени духовенство лишалось права вести какую-либо регистрацию по актам гражданского состояния, а все церковные браки, заключённые после 1 июля 1922 г., считались недействительными.

Население отнеслось к закону «Об актах гражданского состояния» отрицательно и враждебно. На гражданскую регистрацию актов смотрели с насмешкой, презрительно. Власти склонны были объяснять такое отношение кулацкой пропагандой и религиозной косностью населения. Но после долгой и упорной работы по разъяснению необходимости новых актов враждебное отношение наблюдалось только со стороны

священнослужителей, и старых людей. Наиболее благожелательно нововведения восприняла молодёжь до 35 лет.

Ранние браки стали восприниматься как явление негативное. Разрешение на вступление в брак ранее достижения брачного возраста могло быть выдано лишь в двух случаях:

- когда по условиям крестьянского хозяйства последнее должно прийти в упадок за смертью или нетрудоспособностью взрослых членов семьи и единственным работником остаётся лицо, не достигшее брачного возраста;
- когда лицо состояло в незарегистрированном браке и последствием этого брака стало рождение ребёнка или беременность¹.

Отступление от брачного возраста допускалось лишь на полгода, т.е. жениху — 17,5 лет, а невесте — 15,5 лет².

Для досрочного вступления в брак необходимо было собрать ряд документов. Во-первых, заключение врача о половой зрелости, подтверждающее, что данный брак не принесёт вреда несовершеннолетнему, во-вторых, удостоверение волисполкома или сельсовета о том, что данному лицу в силу необходимости (из-за упадка хозяйства) разрешается вступить в брак и что этот брак не повлечёт за собой эксплуатации несовершеннолетнего (в основном девушки).

Данный законопроект касался в первую очередь девушек, так как Гражданская война и интервенция привели к сокращению, прежде всего, мужского населения. Поэтому несовершеннолетние парни вынуждены были брать на себя заботы о доме и семье, в которой, как правило, оставалась больная мать и младшие братья и сёстры. Иногда молодую жену брали как работницу в хозяйство при отсутствии женской рабочей силы (тяжёлая болезнь матери или её смерть). Случаев, когда молодая девушка брала в дом мужа-приймака, гораздо меньше, так как приймачество не поощрялось крестьянами.

Советское правительство материально поддерживало рождаемость. В случае рождения ребёнка кроме пособия, предназначенного застрахованным лицам и их жёнам, выплачивалось единовременное пособие на предметы ухода за новорождённым в размере 10 руб. золотом, а также пособие на кормление ребёнка по 5 руб. золотом в течение трёх месяцев со дня родов³. Дети от незарегистрированного брака должны были носить фамилию матери, мать их не могла быть занесена в посемейные списки мужа; муж по закону считался бессемейным и не мог пользоваться льготами по семейному положению при призыве в войска. Кроме того, оба могли вступить в брак с третьими лицами (хотя и незарегистрированный брак должен был обладать всеми правами и обязанностями зарегистрированного).

После введения нового брачного законодательства на Дальнем Востоке не наблюдалось резкого повышения уровня разводов и уменьшения количества браков вплоть до 1925 г. Так, за период со 2 декабря 1922 г. по 1 апреля 1925 г. было заключено 13 634 брака и всего лишь 2119 разводов⁴, т.е. разводы составляли от общего количества браков всего лишь 15,5%.

Число браков, например по Приморской губернии, в первом полугодии 1923 г. оставалось значительным для приморских уездов, число разводов же уменьшалось по мере удаления от Владивостока. Так, в самом Владивостоке в это время было зарегистрировано 614 браков и 153 развода, в Никольск-Уссурийском уезде 649 браков и 96 разводов, в Спасском уезде — 506 браков и 50 разводов, а в Северо-Ольгинском уезде — 28 браков и всего 1 развод⁵. В 1925 г. в городах ДВО наблюдалось уменьшение зарегистрированных браков на 8,7% и увеличение разводов на 14,5%, но в то же время по области на 1000 чел. в первом полугодии 1925 г. приходилось 6,6 браков и 0,8 разводов⁶. Это было связано с тем, что новые веяния доходили до глубинки гораздо медленнее и приживались с большим трудом в силу вековых традиций и малого количества изб-читален, служивших проводниками этих идей. В то же время в Европейской России число разводов стремительно росло, особенно в больших городах. В Ленинграде в 1920 г. на 1000 браков приходилось 66 разводов, в 1921 г. — 114, 1922 г. — 152, 1923 г. — 231, с января по сентябрь 1925 г. — 257⁷.

Новый советский закон о семье означал секуляризацию института брака. Отныне брак считался действительным при условии его регистрации гражданскими органами власти. Церковный брак лишился законной силы, развод становился преимущественно проблемой самих супругов; для расторжения брака им не требовалось обоснование. Да и сама процедура развода значительно упростилась — сильно снижался взнос на административные издержки.

Советская власть заменила церковь загсом, отменила верхний возрастной ценз в 80 лет и «траурный срок», разрешила браки между двоюродными братьями и сёстрами, отчимом и падчерицей, а для регистрации не требовались ни свидетельства, ни паспорта. Проводилась политика ликвидации института семьи. Уже Кодекс о браке и семье 1926 г. наряду с зарегистрированным браком предусматривал так называемый фактический.

Некоторые мужчины, говоря современным языком, просто отрывались. «Иной мужчина имеет 20 жён; с одной пожил неделю, с другой две... а у каждой осталось по ребёнку», — возмущалась крестьянка Пасынкова на 2-й сессии ВЦИК 12-го созыва⁸.

Статистика свидетельствовала: на 100 млн. населения приходилось примерно от 70 до 100 тыс. незарегистрированных фактических браков⁹. Признание таких браков повлекло за собой крайнее осложнение имущественных отношений между супругами. Советская судебная практика признавала право фактической жены наследовать имущество фактического мужа, хотя бы наследодатель и состоял одновременно в зарегистрированном браке. Если же ко дню смерти наследодатель состоял в двух фактических браках, обе жены имели право на его имущество.

Так же легко, как и жениться, стало и разводиться. Для этого одному из супругов надо было обратиться в ближайший загс. Причины развода тоже никого не интересовали. «По вопросу развода мы пришли к заключению, что ни о каких уступках в смысле ограничения свободы развода не может и не должно быть речи. Мы только попутно думаем, что можно зарегистрировать прекращение не только зарегистрированного брака, но и незарегистрированного», — разъяснял политику партии и правительства теоретик семейного права Я. Бранденбургский¹⁰.

Изобретением советской власти можно считать не только фиктивный брак, но и фиктивный развод. Конечно, они были и в царской России, но в исключительном случае, а в Советской России стали массовыми. Ими прикрывались квартирные и паспортные сделки, через загсы проходили целые табуны заведомых двоеженцев и двоемужниц.

Последствия подобного законодательства были просто катастрофическими. Имеется в виду не только всякие попытки создать так называемые «бюро свободной любви», например во Владимире в 1918 г., где всякая девица, достигшая 18 лет, должна была стать на учёт в это бюро, чтобы её выбрали в сожители. Подобная анархия брачных отношений, может быть, наряду с революционной, подрывала у мужчин чувство ответственности за семью и детей. Последствия такого отношения к семье, сознательно насаждавшегося в молодом государстве, сказываются до сих пор: мужчины не желают взваливать на плечи «ненужную» ответственность за ребёнка.

Настоящей проблемой для ДВО стала проституция. По официальным данным, за год (с ноября 1924 г. по декабрь 1925 г.) по ДВО с населением в 1 млн. 600 тыс. чел. было открыто 236 притонов разврата. Для губерний Центральной России, где населения в каждой не меньше, чем на Дальнем Востоке, в среднем в год открывалось по 27—28 притонов. Всего за год за проституцию было задержано 736 (2,8%) женщин и 421 (1,6%) несовершеннолетний подросток (для Европейской России этот показатель составлял 12% и 15,6%)¹¹.

Причины, порождавшие проституцию в ДВО и в Центральной России, были далеко не одинаковыми. В центральных губерниях, например

в Псковской, на 100 мужчин приходилось 121 женщина, а в ДВО на каждые 100 мужчин приходилось в среднем 88 женщин¹². Таким образом, в центральных губерниях проституцию порождало предложение, а на Дальнем Востоке — спрос на неё, особенно со стороны китайских и корейских сезонных мигрантов. Эти особенности отражались и на одежде проститутток: там, где превалировало предложение, она одевалась броско и ярко, а где доминировал спрос, проститутка не выделялась на общем фоне ни фасоном платья, ни его цветом.

По количеству притонов лидировала Приморская губерния (125), второе место занимали Амурская (56) и Забайкальская губернии (55)¹³. На развитие проституции влияло также притоносодержательство — наличие притонов наркомании («морфиниловок» и «опиекурилок»). Только в Приморье в год открывалось около 700 притонов наркомании. Женщины, подсаживающиеся на опиум и морфий, чаще всего вынуждены были продавать себя, чтобы купить дозу. Поэтому борьба с проституцией на Дальнем Востоке состояла, прежде всего, в ликвидации притоносодержательства и условий, способствовавших её развитию и занятиям. В качестве мер по борьбе с проституцией устанавливался строгий надзор за гостиницами, ресторанами и банями и производилась высылка лиц, привлечённых за притоносодержательство, после отбытия срока в местности, где не было возможностей для занятия этим «бизнесом».

Сохранению проституции способствовал, прежде всего, распад многих семей, вызванный войной, экономической разрухой и деструктивной деятельностью новой власти. В годы Гражданской войны и военного коммунизма любовью можно было расплатиться за продуктовые карточки более высокой категории, ордер на жилплощадь, место в вагоне, а иногда и за жизнь близкого человека.

В 1920-х гг. занятие проституцией, согласно действовавшему в то время законодательству, не являлось ни преступлением, ни правонарушением. Уголовный кодекс РСФСР содержал две статьи, устанавливающие уголовную ответственность за деятельность в сфере сексуальной коммерции. Ст. 170 определила в качестве наказания за «принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершённое посредством физического или психического воздействия», лишение свободы на срок не менее 3 лет. Ст. 171 предусматривала аналогичное наказание за «сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции». Уголовный кодекс редакции 1926 г. содержал лишь одну статью 155, предусматривавшую лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией всего или части имущества за «...принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции»¹⁴.

Интересно общественное мнение дальневосточниц относительно проституции, высказывавшихся на женделегатских собраниях. Так, к причинам проституции относили тяжёлое материальное положение женщин и безработицу. На делегатском собрании женщин Первого района г. Владивостока (1924 г.) прозвучали высказывания относительно проституции.

«Проституция — злое преступление, это явление борьбы классов, это есть результат угнетения одного класса другим. Проститутки делают социальные условия. Не есть проституция, когда женщина благодаря темпераменту отдаётся нескольким мужчинам, будет проституция тогда, когда она отдаётся за деньги».

«Если не будет спроса, то не будет и предложения. Борьба с проституцией идёт шаг за шагом в связи с уничтожением безработицы. Проституция переносится в плоскость поднятия производительности труда»¹⁵.

Можно сделать вывод, что делегатки были далеки от осуждения проститутки и аморальности их поведения, признавая наличие объективных причин, толкавших женщин к проституции. В итоге собрание констатировало, что проституция — это социальное зло и борьба с ним возможна лишь общими усилиями рабочего класса, как путём разъяснения вреда её, так и путём моральной поддержки её жертв, а также неопытных и слабо нравственных, вовлекая их в работу и всемерно оказывая помощь по ликвидации безработицы, которая признавалась одной из причин, толкавших на скользкий путь¹⁶.

К реальным мерам борьбы с проституцией можно отнести финансовую и моральную поддержку жертв проституции и притонсодержательства. Например, случай с двумя девушками, которых заманил некий Ярославцев и увёз их в Санчугуо, чтобы продать. Девушкам удалось убежать, и они обратились в женотдел за помощью. По подписному листу были собраны деньги, и девушки смогли вернуться домой¹⁷. Выдвигалось ещё одно средство борьбы с проституцией — открыть дома для женщин, приезжающих в город, чтобы они «не попали в руки проститутки»¹⁸. Но, к сожалению, эти меры были единичны, наряду с ними предлагалось обратиться на биржу труда для устройства жриц любви на работу, так как у комиссии по борьбе с проституцией не было материальных средств¹⁹. Имелась надежда, что «...теперь, когда идёт уравнивание классового неравенства, когда на должный уровень встают права матери и ребёнка... проституция не найдёт для себя благодатной почвы»²⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что реализация нового брачного законодательства первоначально была встречена населением, особенно сельской местности, негативно. Это отмечали работники ЗАГСов, рапортовавшие, что с момента опубликования закона «Об актах гражданского состояния» население отнеслось к нему отрицательно и враждебно²¹.

Но даже после разъяснения брачной политики количество разводов резко не выросло и не составило такой большой процент к количеству браков как в центральных губерниях. Ранние браки не одобрялись советской властью, и каждый случай тщательно проверялся. Детям выплачивалось пособие, признавались незарегистрированные браки. На Дальнем Востоке также велась борьба с проституцией, но меры, которые предпринимались в борьбе с нею, показывают, что основная причина этого явления власти видели в распространении притонов, а не в социальных проблемах.

¹ РГИА ДВ Ф. Р-2422, оп. 1, д. 1076, л. 11.

² Там же.

³ Там же. Д. 133, л. 542.

⁴ Там же. Д. 1083, л. 137.

⁵ Там же. Д. 1102, л. 10—12.

⁶ Статистический бюллетень. Хабаровск, 1925. № 14—15. С. 2—4.

⁷ Максимова Т. На кой чёрт регистрировать брак // Родина. 2004. № 11. С. 85.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ Максимова Т. На кой чёрт регистрировать брак... С. 83—84.

¹⁰ Там же. С. 85.

¹¹ Статистический бюллетень. С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 114.

¹⁵ ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 548, л. 52—53.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 544, л. 22.

¹⁸ Там же. Д. 323, л. 75.

¹⁹ Там же. Л. 64.

²⁰ Там же. Д. 550, л. 158.

²¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2422, оп. 1, д. 1102, л. 12—15.

Savchuk
Vladivostok

THE SOVIET MATRIMONIAL POLICY AND PROSTITUTION ON THE FAR EAST IN 1922—1929

This article is said about the soviet matrimonial policy and prostitution on the Far East in 1922—1929. The main idea of the author is that matrimonial policy on the Far East was the same as in the whole country, but it's results was another than in the European part of our country. The number of divorces was less in the Far East than in the European Russia and it wasn't such a great anarchy of the matrimonial relations. The problem of prostitution also was here, but its reasons were another than in European Russia. Prostitution was perceived as a negative appearance, but really no one could do something real for fight with it.

ГУБЕРНАТОРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ)

География и многовековая история России обусловили горизонты её позиционирования как евроазиатской державы. Геополитическая гармония России невозможна как без Западного мира, давно открытого и хорошо знакомого России, так и Азиатского мира, который служит не только противовесом Западу в российском выборе, но и является неким залогом сдерживания увлечения России Европой¹. Неравномерность освоения громадной территории привела к тому, что азиатская часть России оказалась малообжитой частью страны. Лишь по узенькой полоске Транссибирской магистрали цепочкой выстроились населённые пункты. Тысячи километров этой цепочки ведут от центра страны к самому отдалённому региону — Дальнему Востоку. Именно там тесным образом происходит непосредственное соприкосновение и столкновение России с азиатскими культурно-цивилизационными потоками. Всё это буквально с первых десятилетий освоения этих земель обусловило крайне важную стратегическую значимость дальневосточного региона, которая сохраняется и по сей день.

Удалённость Дальнего Востока от центра, воздействие оборонного фактора при ограниченных людских ресурсах создавали проблему организации эффективной модели управления для решения задач как внутри- так и внешнеполитического свойства. Именно на тихоокеанском пограничье чувствуется стержневая ось властной вертикали, своего рода двуединая константа «центр — регионы».

Залогом построения действенного механизма администрирования на Дальнем Востоке выступают многие факторы. Одним из них является эффективный подбор кадров на губернаторские посты, где требуются не просто управляющие, а фигуры, которые будут смотреть в завтрашний день. Кроме того, центральной власти необходим надёжный инструмент контроля над действиями местного руководства. Шаги, которые предпринимает правительство по разработке упомянутых вопросов сегодня, были актуальны и в XIX столетии, когда задачи, стоящие перед государством, и проблемы дальневосточного региона были весьма схожи.

В досоветское время порядок назначения губернаторов складывался практически². Никакие нормативные критерии не могли обеспечить

учёта всех особенностей управления той или иной административно-территориальной единицей. В XIX в. местное руководство на Дальнем Востоке традиционно назначалось из числа военных. Каждое назначение рождалось в атмосфере межведомственных дискуссий. Военные министры по обыкновению полагали, что необходимо назначать генерал-губернатора из военных, который объединил бы в одних руках гражданскую и военную власть. Вообще «сохранение генерал-губернаторств, территориально совпадавших с военными округами, гарантировало Военному министерству приоритет в управлении на окраинах»³. Министерство внутренних дел, наоборот, считало, что военные не имеют навыков и опыта административной деятельности. Только в 1911 г. был назначен «штатский» приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, чем была прервана традиция назначения в этот регион исключительно военных. Явная и скрытая полемика министров, конечно, отрицательно сказывалась на управлении регионом. Так и не был решён вопрос преемственности дальневосточной политики, конкретная реализация которой зависела от местного руководства.

Организация эффективной системы местного управления является приоритетной задачей продолжающейся сейчас административной реформы. Сегодня мы, по сути, наблюдаем смену векторов её движения. Практика 1990-х гг. убедительно показала малодейственность и даже опасность перераспределения властных полномочий в пользу регионов. В погоне за привнесением на российскую почву западных «демократических» ценностей была сделана ставка на «свободные» выборы как единственно легитимный путь избрания губернаторов. Впрочем, термин «губернатор» официально почти не использовался, уступив место аморфному «глава администрации». Реальность первых лет постсоветской демократии создала условия, в которых руководители субъектов федерации получили возможность прямо или косвенно претворять индивидуальный политический курс, иногда откровенно сепаратистский. Трудно найти регион России, в котором выборы губернатора не оборачивались бы «самыми настоящими вакханалиями», где «...практически открыто использовался административный ресурс, все мало-мальски серьёзные кандидаты тратили на кампании кратно больше денег, чем это разрешал закон, и систематически нарушали правила агитации, применяя в том числе «чёрные» и «серые» избирательные технологии. Избирателей массово обманывали, подкупали, запугивали»⁴. Предвыборная борьба усиливалась с вмешательством в неё представителей предпринимательских кругов, особенно в крупных промышленных регионах. Последствия такой политики приводили к появлению «местных князьков», сосредоточивших в своих руках административные, а через

них и экономические рычаги управления. Подобный сценарий часто повторялся в субъектах, где главами администраций становились бывшие представители местной партийной номенклатуры. Авторитарный стиль правления, которого придерживались большинство подобных губернаторов, создавал внешнюю иллюзию стабильности обстановки на местах.

При втором варианте в избирательную кампанию вмешивался крупный капитал, а нередко и криминальные круги. Борьба между представителями бизнеса создавала крайне тяжёлую ситуацию в регионе. Так, из года в год ареной политических баталий, имеющих коммерческо-криминальную подоплёку, становился Приморский край. Ситуация усугублялась характерным для регионов с неравномерной экономической инфраструктурой противопоставлением края и краевого центра, губернатора и мэра Владивостока.

С начала 2000-х гг. начался поворот от децентрализации управления к централизации. По сути, это совершенно иная модель построения отношений центра и регионов. Одной из ключевых мер стал отказ от прямых выборов губернаторов. Первым субъектом, где на практике был опробован новый порядок назначения губернаторов, стал Приморский край, назначив в 2005 г. губернатором С. Дарькина.

Для таких отдалённых территорий, как Дальний Восток, губернаторская реформа воспринимается по-разному. С одной стороны, Москва получает приоритетное право выдвижения кандидатур. Губернаторы становятся в той или иной степени ставленниками верховной власти. Конечно, в отличие от царских генерал-губернаторов, которые постоянно ожидали смены, современные губернаторы менее стеснены в свободе действий. Однако лишение, например, сенаторских полномочий, серьёзно ударило по их статусу. С другой стороны, при новом порядке формирования Совета Федерации представительство в нём фигур, профессионально и географически оторванных от края, превращает этот конституционный принцип в откровенную декорацию⁵.

Время, когда дальневосточный регион держался лишь на военном присутствии, конечно, прошло, и прямой необходимости в «военных» губернаторах нет. Однако, несмотря на усиление экономического фактора, вопросы обороноспособности останутся неотъемлемой задачей местных властей. В регионе по-прежнему требуется адресность выбора губернаторских кандидатур. Говоря современным языком, наблюдается «крайний дефицит ярких менеджеров высшей квалификации, знающих и понимающих Восток и способных строить тихоокеанскую политику Российского государства»⁶.

Вопросы кадрового обеспечения губернаторского корпуса тесно взаимосвязаны с проблемой контроля над действиями местной власти.

Здесь следует иметь в виду не его репрессивно-карательную составляющую, а действия, направленные на помощь губернатору в решении первоочерёдных задач края. Перспективным инструментом подобного рода может стать ежегодный губернаторский доклад о политическом, социально-экономическом и культурном развитии региона, установленный указом Президента РФ 28 июня 2007 г.

Согласно указу губернатор должен ежегодно представлять доклад «О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти». К нему прилагается перечень «показателей», который состоит из 43 пунктов. Показатели должны информировать верховную власть о политическом, социально-экономическом и культурном развитии региона за отчётный год. Содержание разделов будущего доклада совершенно ясно говорит, что это не ординарный статистический отчёт. Бросается в глаза его социальная направленность. Проблемам материнства и детства, здравоохранения, народного образования, спорта посвящено 18 вопросов (42%). Наряду с этим составителей перечня интересует качество жизни населения, уровень его доходов, обеспеченность жильём и т.п.

Июньский указ президента, безусловно, войдёт в историю как яркая иллюстрация своего времени. Его содержание отражает заботы и мысли верховной власти о современной жизни, которым он обязан своим появлением. Здесь и вопросы жилищно-коммунальной реформы, и оценка эксперимента по внедрению единого государственного экзамена, и контроль за целевым использованием бюджетных средств, а также другие актуальные вопросы сегодняшнего дня. «Социальный» акцент перечня губернаторского доклада явно отражает интерес к процессу реализации в регионе Национальных проектов.

Зрелый пример подобного механизма обратной связи существовал и в царской России. В XIX — начале XX в. ежегодные всеподданнейшие отчёты дальневосточных губернаторов были неплохим подспорьем для правительства, превратившись в постоянно действующий информационный канал. Страницы некоторых из них содержали целые программы преобразований края. Например, восточно-сибирский генерал-губернатор М.С. Корсаков в своём отчёте за 1868 г. рассуждал о целесообразности учреждения отдельного административного центра (генерал-губернаторства) на Дальнем Востоке. Это способствовало бы решению задач укрепления российского присутствия в регионе. Необходимость в отчётах сохранилась и в начале XX в. Материалы отчётов приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов Якутской, Приморской, Амурской областей и о-ва Сахалин определили для правительства круг вопросов первоочерёдного внимания⁷. Схожим проблемам была посвящена

Всепоподданнейшая записка военного губернатора генерал-майора А.М. Валуева о состоянии и нуждах Амурской области за 1911 г.⁸ «Кричащие нужды области подолгу не получали удовлетворения». «Оплот Дальнего Востока в густом заселении». «Нет уверенности в прочности нашего положения на Дальнем Востоке», «Китайский рабочий местами уже вытеснил русского», «Месторождения угля и железа не исследованы и не эксплуатируются» — вот далеко не полный перечень разделов этой записки.

Со второй половины XIX в. отчёты стали важным элементом в системе взаимоотношений центральной и местной власти, одной из связующих линий между ними. Монарху было не столько важно получать сведения о состоянии края из рук губернатора, сколько знать о понимании им местных проблем.

Как можно оценить уровень заинтересованности правительства в укреплении власти на Дальнем Востоке, учитывая исторический опыт. Несомненно, новшества, о которых шла речь, отразятся на характере управления краем. Усилится участие центра в жизни этой части российской территории. Однако существует опасность заклиширования отношений между центральной и местной властью. Очень остро, например, заявляет о себе внешнеполитический фактор. Для дальневосточного региона исключительное значение во внутренней жизни имеет географическая близость с соседними странами, особенно с Китаем. С этим государством нас связывают многовековые противоречивые взаимоотношения. Они строятся не только на географической близости и общности интересов в регионе, обе страны имеют богатый опыт противостояния экономическим и культурным экспансиям Запада, строительства социалистических общественных систем, наконец, во многом схожие подходы к пониманию задач, стоящих перед мировой политикой сегодня⁹. Китайская сторона прозрачно обозначает конкретные интересы к нашей стране. В первую очередь, это стабильный импорт энергоносителей и открытие трудового рынка для своих соотечественников¹⁰. Вместе с тем не следует забывать, что Китай является достаточно жестким партнёром в отношениях с Россией. По мнению ряда учёных, он всё равно в первую очередь ориентирован на США и Запад и не желает конфронтации с ними¹¹.

Практика управления регионом содержит конструктивный потенциал, востребованность которого очевидна, поскольку Дальний Восток остаётся зоной повышенной административной ответственности. Губернатор должен предстать в глазах соседей по АТР не только провинциальным руководством, но и лицом российской власти. Геополитические традиции России не должны пугать наших соседей, которые не меньше, чем мы, заинтересованы в порядке на границах. Никому не хочется иметь слабого соседа и решать в первую очередь его внутривнутриполитические проблемы.

Исторический опыт и перспективы управления Дальним Востоком показывают, что единой модели построения отношений между центром и регионами быть не может. Централизация системы управления, курс на которую был взят правительством, тогда принесёт желаемый эффект, когда будет ориентирована на географию региона. Интересы России в XXI в. требуют усиления внимания правительства к дальневосточному региону. Только при этом условии статус страны как Тихоокеанской державы будет нерушимым.

¹ См.: Левяш И.Я. Россия в XXI веке: Между роком геополитики и императивом глобализации // Россия и современный мир. 2005. № 2. С. 20.

² См.: Минаков А.С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 3—13.

³ Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 261.

⁴ Иванов В. Путин и регионы: Централизация России. М., 2006. С. 206.

⁵ Шинковская Н.В. Шагреневая кожа регионального политического процесса (на примере Приморского края) // Россия и современный мир. 2007. № 2. С. 111.

⁶ Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 151.

⁷ См.: Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока... С. 227, 499.

⁸ РГИА. Ф. Б-ка I отд., оп. 1, д. 3, л. 130—141.

⁹ Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межкультурного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 227—230.

¹⁰ Чень Юн. Китай и Россия в современном мире. Реальности и перспективы сотрудничества // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 48.

¹¹ См.: Галенович Ю.М. К духовному взаимопониманию. О единственной прочной основе добрососедских отношений России и Китая // Свободная мысль. 2006. № 5. С. 53.

*Minakov
Orel*

GOVERNORS IN THE FAR EAST: THE WITH PERSONNEL AND GOVERNMENT CONTROL (THE HISTORICAL EXPERIENCE IN STRATEGICAL PERSPECTIVE)

The remoteness of the Far East from the centre, the influence of the defense factor limited population demands the necessity of effective model of government with right choice of governors and reliable control of their activity. Returning to the appointment of the governors since 2005 firstly used in the Far East and introduction of the annual reports of the governors since 2007 have historical foundations and have constructive potential of government support. It is necessary both for the solving of internal tasks and perspective relations with neighbors from abroad (especially with China), to strengthen the status of Russia as the state of the Pacific Ocean.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН РОССИИ В КОНЦЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье речь пойдёт о некоторых исследовательских задачах, на которые ориентируют теории революции, и о возможностях, которые они открывают для изучения политической истории Дальнего Востока с середины 1980-х гг. до конца 90-х гг.

Необходимо иметь в виду, что общепринятого определения революции на сегодняшний день не существует. Сам термин употребляется по отношению к разным сферам человеческой жизни. Мы живём в мире научных, технологических, сексуальных и прочих революций. Тем не менее можно выделить «твёрдое ядро», присутствующее в определениях именно того вида революции, который нас интересует. При многих вариациях разные по методологическим подходам исследователи С. Хантингтон, Т. Скочпол, Т. Шанин, А.В. Шубин, И. Стародубровская и В. Мау неизменно указывают на революцию как на конфликт по поводу политической власти, отмечая при этом стремительность процесса, фундаментальный характер изменений, трансформацию социальной структуры общества. По мнению одного из авторитетнейших теоретиков Дж. Голдстоуна, чтобы тот или иной государственный кризис мог рассматриваться как революция, он должен включать в себя конфликты по поводу власти, идеологии, а также преобразование институтов¹. В нашем случае не так важно определение революции, как её подготавливающие условия и сопровождающие признаки.

Споры о государственном устройстве не возникают без определённых факторов — чтобы они имели смысл, государство должно столкнуться с рядом фундаментальных проблем. Как установил Р. Коллинз, в первую очередь, такие проблемы возникают в геополитической сфере, требуя больших финансовых затрат. Результатом становится острый бюджетный дефицит, который является одним из ведущих факторов конфликта между различными частями политической и экономической элиты страны. Упрощённая схема данного процесса может быть изображена в следующем виде: геополитическое напряжение → бюджетный дефицит → внутриэлитный конфликт + рост социально-политической активности населения = революция. Явный предвестник последней — это военные, финансовые и управленческие проблемы государства и в конечном счёте — слабость государственной власти.

В целом, можно говорить о том, что понимание череды событий второй половины 80-х — конца 90-х гг. (перестройка, распад СССР, дальнейший почти десятилетний кризис России) как революции уже устоялось². Но с использованием этих теорий в региональных (точнее локальных) исследованиях ситуация противоположная. Она осложняется двумя факторами: во-первых, нет примеров их применения в регионалистике, во всяком случае в отечественной; во-вторых, соотношение макро/микро — одна из проблем самой теории революции³. Эта теория в региональном аспекте — подход новый, очевидно, таящий много проблем, но вместе с ними и возможностей.

Возникает вопрос — чем привлекает такая постановка проблемы и каким образом целесообразно применять эти теории к дальневосточному региону? Самым важным представляется то, что теория революции задаёт определённый угол зрения на проблему, позволяет определить структуру научного поиска, приближает к пониманию, на какие явления следует обратить внимание. Первое, с чего в таком случае следует начать, — это геополитическая ситуация в мире к середине 80-х гг. Она важна не сама по себе, но как один из основных факторов общего положения в стране, что означает принятие тезиса Р. Коллинза о том, что «политика работает извне внутрь, и именно внешние, военные отношения государств являются детерминантом их внутренней политики»⁴. Основной проблемой было то, что Советскому Союзу к 80-м гг. всё тяжелее давалось поддержание своего статуса и более явно обозначался не только экономический, но и военный проигрыш в конкуренции с миром капитализма. В макросоциологии такое явление именуется геополитическим (или фискальным) напряжением⁵, историк А.В. Шубин называет это «кризисом сверхдержавы»⁶.

Советский Дальний Восток в геополитическом контексте выступает как «бремя империи». Здесь кроме того, что через АТР проходил один из фронтов холодной войны, было много нерешённых проблем. Являясь «замороженными» (курильский вопрос, территориальные споры с Китаем), они тем не менее грозили стать актуальными при заметном ослаблении советской мощи. Как малозаселённый пограничный регион с подавляющим преобладанием сырьевой и военной составляющей в социально-экономической сфере Дальний Восток был «геополитически нагружён» и нуждался в масштабных государственных инвестициях. Этот регион всегда сильнее всего зависел от финансового благополучия и геополитической мощи государства. Во второй половине 80-х гг. советский Дальний Восток усиливал геополитическое напряжение СССР. Исходя из этого, объектом исследования с позиции теории

революции должны стать различные варианты «ответа» на этот «вызов» и их социально-политические последствия: от действий высшего руководства на международной арене до различных инвестиционных программ развития региона.

Другой важный объект анализа относится к развитию в стране революционных процессов. Речь идёт о внутриэлитном конфликте, суть которого состоит в следующем: геополитическое напряжение порождает фискальный кризис, и между различными элитными группами разворачивается борьба по вопросу о том, за счёт каких групп этот кризис должен быть преодолен⁷. И. Стародубровская и В. Мау определяют это явление как «разрушение базового консенсуса»⁸.

В региональном исследовании внутриэлитный конфликт может быть рассмотрен в нескольких измерениях: во-первых, в контексте модели «центр — регион» особенно продуктивными представляются два подхода к моделированию таких отношений: инновационный и управленческий. Первый подразумевает центр как источник зарождения и распространения каких-либо (в нашем случае) политических и социальных инноваций⁹, т.е. предполагается наблюдение пространственных изменений, в том числе и революционных импульсов, исходящих из Центра. Второй рассматривает модель «центр — регион» с позиции административного управления. Кроме того, внутриэлитный конфликт должен быть изучен и в рамках противоречий, имеющих место в региональной элите, прежде всего в партийной и хозяйственной.

Иллюстрацией этих конфликтов, как и приближающегося финансового коллапса, является пример выполнения принятой в 1987 г. «Долгосрочной государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года», предполагавшей объём инвестиций около 200 млрд. руб. Уже в 1988 г. оказалось что денег на её реализацию у государства нет¹⁰, а в 1990 г. стало ясно, что программа провалена¹¹.

На примере Приморского края видно, что основные противоречия в ходе выполнения этой программы выявились главным образом между политической и хозяйственной бюрократией. Партия и Советы пытались усилить контроль и мобилизовать ресурсы, а главы всевозможных трестов и снабженческих структур всячески от этого уклонялись и в стенограммах заседаний краевого Совета народных депутатов выступали главными «мальчиками для битья». Директорский корпус был самым проблемным, на примере мы можем констатировать, что именно директора, организовавшись в структуру «ПАКТ», пришли к власти в крае в 1993 г.

Не случайно Р. Туровский, один из крупнейших российских политологов-регионалистов, Приморский, Хабаровский края и Еврейскую автономную область, где в 90-х гг. у власти были выходцы из директорского корпуса, относит к числу политически стабильных регионов. Напротив, этого нельзя сказать об Амурской и Сахалинской областях, где на вершине власти находились представители других групп¹².

Исследование внутриэлитного конфликта на примере Дальнего Востока России предполагает рассмотрение ряда проблем. Во-первых, необходимо исследование специфики элитных расколов по линии центр — регион, учитывая влияние примера дезинтеграции СССР и конфликта в Чечне и приграничное положение региона. Во-вторых, важно рассмотреть интеграционные ресурсы Центра и регионов Дальнего Востока для административного торга. В-третьих, не менее значимо выяснить характер элитных расколов внутри самих дальневосточных субъектов. Кто приходил здесь к власти на протяжении 90-х гг. и можно ли их интересы в торге с Центром называть региональными?

Внутриэлитный конфликт приводит к стремительному и радикальному ослаблению государственной власти. Признавая обвальное сокращение государственного потенциала как одну из неотъемлемых черт революции, нет большого смысла критически разбирать дальневосточную политику Москвы в период 90-х гг., поскольку она, хотя и продекларированная, не могла существовать. Ч. Тилли, знаменитый американский макросоциолог, в своей недавно вышедшей книге указывает, что слабое государство переходит на «непрямое управление страной», когда подчинение региональных элит Центру происходит на условиях широкой автономии последних на местах. Если смотреть «сверху вниз», мы могли видеть рыхлый и слабый режим, в то время как «снизу вверх» по отношению к населению такая слабая центральная власть оборачивалась жёсткими режимами местных правителей¹³. С такой позиции, вопреки мнению некоторых исследователей элиты¹⁴, нет ничего парадоксального в том, что распространение демократических начал на региональный уровень лишь укрепило местные элиты. Здесь мы приближаемся к пониманию такой аномалии новейшей российской революции, как отсутствие (за отдельными исключениями) сколько-нибудь значимых народных движений, так как гражданская активность была задавлена прямо «на местах» и проявлялась лишь как отражение интересов различных властвовавших групп.

Очевидно, что ограничиваться схемой (геополитическое напряжение → бюджетный дефицит → внутриэлитный конфликт) явно недостаточно. Это лишь макрокаркас, каждая часть которого должна содержать

различные переменные и единицы анализа. Применительно к Дальнему Востоку разработка таких единиц анализа и переменных пока остаётся актуальной задачей ближайшего будущего, так как является сложным процессом взаимодействия теории и эмпирического материала и требует уточнения в ходе исследования¹⁵.

-
- ¹ См.: Голдстоун Дж. К теории революции четвёртого поколения // Логос. 2006. № 5.
- ² См.: подробно: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2004; Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: «Вече», 2005; Голдстоун Дж. Теории революции, революции 1989—1991 годов и траектория развития «новой России» // Вопросы экономики. 2000. № 2.
- ³ См.: Голдстоун Дж. К теории революции четвёртого поколения. С. 102—103.
- ⁴ Цит. по: Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002. С. 253.
- ⁵ Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Альманах Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 244—248.
- ⁶ Шубин А.В. Парадоксы перестройки... С. 10.
- ⁷ Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса. С. 246.
- ⁸ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. С. 370.
- ⁹ Туровский Р. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 53.
- ¹⁰ ГАПК. Ф. 26, оп. 37, д. 901, л. 152.
- ¹¹ См.: Минакир П.А. Экономика регионов // Дальний Восток. М., 2006. С. 199.
- ¹² Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 724—725.
- ¹³ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 36.
- ¹⁴ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 133.
- ¹⁵ См.: Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д., де Мёр Ж. Современная политическая наука: новые направления. Доступно: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/ragin1.htm>

A. Savchenko
Vladivostok

THE RUSSIAN FAR-EAST IN CONTEXT OF THEORY OF REVOLUTION

The paper is devoted to some aspects of application theory of revolution for contemporary history of the Russian Far East. This theory helps to analyze political interrelation between Moscow and the Far-Eastern regions in period 1985—2000's year. In particular, it helps us to research such problems as: disintegration of the USSR and growth of "regionalism" in Russia, dynamic of regional elites, any problems of the regional political process, etc.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одно из первых определений термина «культурная политика» было дано на «круглом столе» ЮНЕСКО в 1967 г. в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные соображения» под политикой в сфере культуры было решено понимать «...комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте её реализация представляет собой «...всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определённых культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время».

Вопрос о роли государства в развитии, поддержке и регулировании сферы культуры важен не только концептуально. Именно государство помогает сформировать механизмы реализации культурной политики. Их освоение имеет особое значение для России, где культура признаётся национальным богатством. В статье 44 Конституции Российской Федерации каждому гражданину гарантировано право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Государство гарантирует свободу творчества и охраняет интеллектуальную собственность, обязывает каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Понятие «культурной политики» было раскрыто в «Основах Законодательства РФ о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1-ФЗ, где государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) определяется как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры. Таким образом, в законе 1992 г. сформулировано определение культурной политики предельно общим и не учитывается специфика и тип государственного устройства даже в таких наиболее общих его формах, как демократия или автократия. Принципы управления сферой культуры являются универсальными, не зависящими от специфики политической и идеологической

стратегии и тактики государства, и базируются на признании основополагающей роли культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества, сохранении национальной самобытности народов и утверждении их достоинства.

В РФ были приняты такие законы, регулировавшие ту или иную деятельность в сфере культуры: «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ, «О библиотечном деле» от 23.11.1994 № 78-ФЗ, «О вывозе и ввозе культурных ценностей» и др. К 2004 г. в РФ действовало около 60 федеральных законов и более 100 подзаконных актов, включая и те, которые были приняты в начале 90-х гг. XX в., т.е. фактически в другую эпоху, что обуславливало наличие коллизионных норм, а порой и взаимоисключающих решений по тем или иным вопросам.

В 2004 г. с принятием Федерального закона № 122 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон» «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в государственной политике наметились кардинальные изменения. Новые «Основы законодательства о культуре» пересматривают ряд принципиальных положений закона 1992 г. Так, если раньше основы законодательства о культуре базировались на идее и стремлении государства не только сохранять культурное наследие РФ, но и поддерживать работников сферы культуры, то в законе 2004 г. утратили силу все положения, касающиеся обеспечения для творческих работников льготных условий доступа к соответствующим учреждениям образования, библиотекам, музеям, архивам и другим организациям культуры и предоставления государством налоговых льгот по кредитам для творческих коллективов. Также в соответствии с внесением изменений в закон № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» не будут предоставляться налоговые льготы государственным музеям.

В статье 30 «Основы законодательства о культуре» утратило силу положение об осуществлении бюджетного финансирования государственных организаций культуры и при необходимости принятия долевого участия в финансировании негосударственных организаций культуры. Обеспокоенность вызывает статья 29 «Государственные программы сохранения и развития культуры в Российской Федерации», которая со-

кращена наполовину. В новой редакции она звучит так: «Правительство Российской Федерации разрабатывает федеральные государственные программы сохранения и развития культуры, воплощающие культурную политику государства и пути её реализации». Но уже не говорится о том, что государство «осуществляет целевое финансирование разработки и осуществления таких программ». Утратила силу статья 45 «Финансирование культуры и культурной деятельности», где говорилось о том, что «основой государственных гарантий сохранения и развития культуры в Российской Федерации является государственное финансирование». Известно, что конкретным механизмом осуществления государственной культурной политики в РФ является федеральная целевая программа «Культура России». Первая такая программа, рассчитанная на 5 лет, была принята в 2001 г. Запланированный объём финансирования составлял 6014 млн. руб. Реально программа была профинансирована только на 50%. По сути, изменения в законе вполне адекватно отразили происходящие в культурной политике России перемены и закрепили сокращение ранее взятых на себя государством обязательств по сохранению и развитию культурного потенциала нации.

Процесс формирования нового правопорядка, затрагивающий различные сферы культурной жизни общества, выдвинул в число приоритетных целей современной культурной политики государства адаптацию сферы культуры к рыночным условиям. Сфера культуры, традиционно ориентированная на государственную финансовую поддержку, оказалась наименее подготовленной к рыночной экономике. Поэтому её адаптация к рыночным отношениям представляет одну из самых серьёзных проблем развития культуры на современном этапе.

Учреждения сферы культуры не могут быть полностью рыночными в силу целей и задач, которые им делегировало выполнять государство. Они функционируют с целью сохранять культурное наследие и оказывать социально значимые услуги населению, обеспечивая своей деятельностью конституционный принцип доступа к культурным ценностям. В сфере культуры довольно много видов деятельности, подходить к которым с экономическим измерителем просто опасно. В том же музее — это работа фондовая, хранительская; работа библиотеки. Культурная сфера — это тот случай, когда рынок не всегда оказывается в состоянии обеспечить эффективность использования ресурсов. При этом во 2-й федеральной целевой программе «Культура России (2006—2010 годы)» главным источником финансирования по-прежнему остаются средства федерального бюджета. Из всего объёма предусмотренного финансирования в размере 64 136,4 млн. руб. средства федерального бюджета составляют 54 342 млн. руб., т.е. 85%, из прочих источников — 9794,4 млн. руб.

Программа 2001—2005 гг. запускалась с целью остановить спад в сфере культуры. Цели программы 2006—2010 гг. ориентированы на сохранение культурного наследия Российской Федерации, формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан, создание условий для сохранения и развития культурного потенциала нации, интеграция в мировой культурный процесс, обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям. Возможно ли достижение поставленных целей в перспективе и при каких условиях?

Обратимся к основной идее программы 2006—2010 гг. — уйти от государственного финансирования, привлекая других субъектов в культурную деятельность, создавая условия для развития меценатства и спонсорства. Вполне очевидно, что государство пытается заменить концепцию патернализма на концепцию партнёрства. Массовое сознание обычно делает свой выбор в пользу стратегии патернализма, рассматривающей культурную политику как оправдание и основание для широкой государственной поддержки культуры.

Концепция партнёрства — это инновационный подход для нашей страны в том смысле, что культурная политика рассматривается не только как затратная сфера. Предполагается, что культура может перейти с позиции «просителя» денег у государства на позицию «развития за счёт собственных усилий». В настоящее время обе концепции имеют место, и объясняется это тем, что они обслуживают различные по экономическим возможностям регионы. Иначе говоря, некоторые регионы могут действовать в рамках концепции патернализма, другие — в рамках концепции партнёрства. Первые — регионы-реципиенты — могут быть классифицированы как имеющие весьма низкий собственный ресурс для реализации необходимой культурной политики. Они могут существовать только в условиях широкого патронирования сферы культуры со стороны государства. Другие регионы могут быть рассмотрены как имеющие меньшую степень дефицита ресурсов и способные к интегрированию в социальный «мейнстрим». Если же рассматривать федеральные программы «Культуры России», мы найдём противоречие с этим умозаключением, так как большая часть федеральных денег выделяется Москве и Московским регионам. Отсюда вывод, что Москва имеет весьма низкий собственный ресурс для реализации необходимой культурной политики.

Так, в 2006 г. в разделе I по отобраннным заявкам Владимирской области из 29 млн. руб. федеральный бюджет даёт 24,1 млн. руб.; в Архангельской области из 23 млн. руб. — 8 млн. руб.; в Московской области

из 58 млн. руб. — 28 млн. руб., а в Ленинградской из 13,96 млн. руб. — 13,46 млн. руб., Москве из 77 млн. руб. — 72 млн. руб. Такая тенденция сохранилась в распределении средств и на 2007 г. В 2008 г. на реализацию проектов в сфере культуры в г. Владивостоке было выделено только 400 тыс. руб.

В 2003 г. был принят Федеральный закон РФ № 131 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В главе 3 статьи 14, 15, 16 этого закона обязывают органы местного самоуправления в сфере культуры для поселений, муниципальных районов и городских округов: 1) организацию библиотечного обслуживания населения; 2) создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры; 3) охрану и сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения; 4) формирование архивных фондов.

На наш взгляд, решение проблемы развития культуры на уровне регионов на современном этапе несколько завышено. Закрепление за регионами ведения собственной культурной политики ведёт к проблеме, которая заключается в том, что зачастую регион не может найти денег на реализацию того или иного проекта, а федеральный центр в свою очередь не имеет права их давать. К примеру, желая восполнить несовершенство федеральных законов, органы местного управления во многих регионах сейчас принимают законы о творческих работниках и творческих союзах. Закон «Об организации и поддержке учреждений культуры и искусства в Приморском крае» был принят 22 декабря 2004 г. В статье 10 данного закона «Государственная поддержка учреждений культуры и искусства Приморского края» говорится, что государственная поддержка осуществляется путём обеспечения финансирования учреждений культуры и искусства, а также краевых целевых программ сохранения и развития культуры. Во многих регионах разрабатываются краевые (областные) целевые программы по поддержке творческих работников и сохранению памятников культурного значения. Например, в Амурской области — целевые программы «Развитие и сохранение кадрового потенциала муниципальных организаций культуры на 2006—2011 годы», «Капитальный ремонт объектов социально-культурного назначения на 2006—2010 годы» и др. Однако в Приморье какие-либо дополнительные целевые программы о развитии и поддержке сферы культуры не приняты до сих пор.

Для проведения эффективной государственной политики в сфере культуры Министерство культуры и массовых коммуникаций создало координационный совет по культуре, который собирается два раза в год: в Москве и на выездной сессии для выявления проблем конкретного

региона. 28 апреля 2008 г. координационный совет во главе с министром культуры и массовых коммуникаций А.С. Соколовым прибыл во Владивосток, чтобы 5 мая 2008 г. на заседании в Москве обсудить проблемы в сфере культуры в Приморского края и предложить пути их решения.

В рамках федеральной целевой программы «Культура России (2006—2010 годы)» практически не финансируется развитие материально-технической базы сельских учреждений. Не выделяются средства на строительство жилья для работников культуры и членов их семей, на целевую подготовку и переподготовку кадров для сельских учреждений культуры. Приостановлена реализация многих областных и районных программ развития культуры на селе.

По разделу «Культура села» федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года» предусмотрено выделить на эти цели из федерального бюджета 33,3 млн. руб., что составляет лишь 14 копеек на одного сельского жителя в год. Мероприятия программы «Социальное развитие села до 2010 года» направлены на решение основных задач: активизация культурной деятельности на селе. В результате развития сельских учреждений культуры будет сохранено 8,5 тыс. рабочих мест и ещё создано 3,8 тыс. В 2007 г. Министерством культуры и массовых коммуникаций впервые проведён конкурс на соискание премии Правительства Российской Федерации «Душа России» за вклад в развитие народного творчества. В программу «Культура России, 2006—2010 годы») предусмотрено введение дополнительного мероприятия «Организация мобильной системы обслуживания населённых пунктов, не имеющих библиотек». Реализация данного мероприятия позволит обеспечить не менее 40 муниципальных районов передвижными библиотеками (библиобусами) для обслуживания населения отдалённых местностей, не имеющих стационарных библиотек, а также передвижными киноустановками (автоклубами). Одной из серьёзных проблем на селе является пополнение фондов сельских библиотек. Для её решения запланировано: в 2008 г. — 300 млн., в 2009—450 млн., 2010 — свыше 1 млрд. руб.

В 2005—2006 гг. были приняты законы № 199-ФЗ и № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий», которые включены в Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Изменения затронули статью о полномочиях органов местного самоуправления поселения, муниципального района, городского округа в области культуры. Им дополнительно даны полномочия: комплектование библиотечных фондов, содержание музеев, создание условий для развития местного традиционного народного художественно-

го творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов, сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения.

3 ноября 2006 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», в котором под автономным учреждением признаётся некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта. Автономное учреждение является одной из трёх организационно-правовых форм социальной сферы, предложенных государством, две другие — бюджетное учреждение и государственная (муниципальная) автономная некоммерческая организация. Организации, избравшие форму бюджетного учреждения, останутся на гарантированном финансировании, но будут лишены свободы хозяйственной деятельности. Автономное учреждение является юридическим лицом и от своего имени может приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, вправе открывать счета в кредитных организациях, т.е. свободно в своей хозяйственной деятельности.

Возможность выбора учреждением культуры организационно-правовой формы помогает государству решить задачу «адаптации культуры к рыночным отношениям». С переходом к автономии у целого ряда учреждений культуры будет одна основная цель — зарабатывать деньги для собственного существования, и вполне вероятно, что произойдёт угасание просветительской функции учреждений культуры, тогда граждане не смогут ими воспользоваться в силу высоких цен на предоставляемые услуги. В результате мы можем потерять учреждения культуры и приобретём население «далёкое от культуры».

Законодательство о культуре является существенным исключением из правила, из общей тенденции к унификации и стандартизации правовых норм. Поскольку наряду с лучшими мировыми стандартами именно здесь должны быть закреплены и защищены отличия национальной культуры, принципы бытия, которые и составляют духовную основу не только для культуры, но и для развития всей нации. Чтобы сохранить духовное единство и культурное многообразие как важнейшие факторы

развития России и союзных стран Содружества, необходимо создавать условия для максимального раскрытия творческого потенциала наших людей. Необходимо финансировать из всех источников не только культуру высших достижений, но и всю широкую сеть учреждений культуры и образования, обеспечивающих в соответствии с конституционными гарантиями доступ каждого гражданина к культурному наследию и свободу творчества, участие граждан в культурной жизни. Государство понимает, что необходимо принять новый базовый закон о культуре, но основная проблема — после вступления в силу закона № 122 невозможно вернуться к тому, что он уже исключил, к чему привыкли работники культуры (льготы, преференции), без чего они не мыслят дальнейшего существования.

Новый закон не должен разрушить изменения, которые были внесены, и должен согласовываться с теми, которые имеют непосредственное отношение к основному закону. Необходимо детально прописать процесс распределения средств для регионов на реализацию культурных проектов посредством федеральных целевых программ, чтобы каждый регион заранее знал, сможет он получить финансовую поддержку или нет. Государству в достижении цели по адаптации сферы культуры к рыночным отношениям следует помочь культуре самой зарабатывать деньги. Должна найти отражение в законодательных документах идея по развитию меценатства и спонсорства, так как именно меценаты всегда играли важную роль в развитии культуры. Таким образом, анализ законотворчества в сфере культуры в РФ выявляет несовершенство культурной политики, проводимой государством, необходимо пересмотреть федеральные законы, регулирующие общественные отношения в сфере культуры, а также выстроить новую систему взаимодействия между центром и регионами.

A. Lozhkina

Vladivostok

THE PROBLEMS OF CULTURAL POLICY IN THE LEGISLATIVE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In this paper analyzed are the legislative documents of the Russian Federation, which control activities in the sphere of culture. On the basis of these documents the problems of cultural policy of contemporary Russia are exposed and a conclusion about the imperfection of federal laws is made.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И РЫНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОДЕЖДЫ В РОССИИ

1. Обзор российского рынка одежды. В настоящее время рынок одежды находится в фазе развития, высокие показатели роста которого сохраняются ещё в ближайшие несколько лет. На российском рынке представлена уже половина западных брэндов, международные компании продолжают связи с Россией. Иностранным производителям одежды принадлежит около 80% рынка. Иностранные марки одежды, основными потребителями которых до сих пор были москвичи и петербуржцы, начали продвигаться в российские регионы. Причины выбора иностранных марок одежды заключаются в высоком качестве товаров, в широком ассортименте продукции, в следовании модным тенденциям, в известности и «раскрученности» марок. В настоящее время, по оценкам участников рынка, российские производители одежды преуспевают в основном в средней и низкой ценовой категориях и занимают около 20% рынка. Одна из причин низкой популярности российской одежды состоит в том, что компании пока недостаточно внимания уделяют ассортименту и не умеют развивать несколько линий одежды сразу. По мнению экспертов, доля российских брэндов на рынке одежды в последнее время увеличивается, и в обозримом будущем отечественные производители могут рассчитывать на 30%. Для конкуренции с международными брэндами им необходимы раскрученные марки, очень широкий ассортимент, оперативное реагирование на изменения моды, частота смены коллекций.

Многие российские швейные фабрики начали создавать собственные розничные сети несколько лет назад. Лидерами в этом сегменте являются Sela (21 магазин в Москве и 500 в регионах), «Твое» (29 в Москве и 121 в регионах) и Finn Flare (15 в Москве и 120 в регионах). Большинство из них уже пошло по европейскому пути: оставляют себе интеллектуальную составляющую (дизайн, маркетинг и т.д.), а производство размещают в Китае, Индии или Турции.

Основными игроками рынка одежды выступают западные компании, активно расширяющие своё присутствие на отечественном рынке одежды, где присутствует около 120 недорогих западных сетей. Эксперты рынка сходятся на том, что до насыщения ещё далеко. Поэтому производители, стремясь захватить рынок, активно используют франчайзинговые схемы.

2. Обзор рынка одежды из кожи. Особое место на российском рынке одежды занимают изделия из кожи. Одежда из этого вида сырья, с одной стороны, — продукция, часто относящаяся к товарам класса «люкс»

(предметам роскоши), с другой — для России с её суровым климатом кожаная одежда является жизненно необходимой. На сегодняшний день функционирует 25 заводов. Около 95% ассортимента этих предприятий составляет хром — разной степени готовности кожа, предназначенная для производства верха обуви, галантерейных изделий, мебели. Сегодня среди лидеров кожевенной отрасли называют рязанский завод «Русская кожа», ярославский «Хром», «Кожи-М» из Липецкой области, «Раском» из г. Рассказово Тамбовской области, Осташковский кожзавод. Бесспорный лидер по объёму производства продукции — компания «Русская кожа». Более 70% выпускаемой ею продукции отправляется на экспорт, что обеспечивает компании стабильный сбыт.

Компании предпочитают закупать кожу за рубежом, где производители предлагают выгодные финансовые условия (рассрочки платежа, кредитование и т.д.). Несколько крупнейших поставщиков, например из Италии, поставляют кожу ведущим фирмам мира в области производства готовой одежды, признаны гарантами качества и в России.

Мода России вписалась в ряды потребителей эксклюзивного рынка итальянской кожи, оценив по достоинству качество сырья, позволяющего создавать модели любого стиля. Модную и высококачественную одежду из кожи сегодня предлагают не только известные зарубежные фирмы. В витринах магазинов в России уже можно увидеть замечательные изделия отечественных фирм-производителей, причём качество кожи этих изделий ни в чём не уступает импортным образцам, а также практичность и комфорт, свойственные одежде из кожи, создают для участников рынка поистине безграничные возможности.

Европейские дизайнеры всё больше ориентируются на российский рынок, где кожу по-прежнему носят с удовольствием, и в последнее время одежда из кожи становится очень модной. Теперь это уже не только верхняя одежда, а ещё и лёгкая, праздничная.

3. Тенденции и перспективы рынка одежды в России. На российском рынке одежды начинают проявляться тенденции, характерные для развитых западных рынков. В первую очередь, это ускорение производственного цикла и увеличение объёмов с одновременным снижением издержек. Поскольку не вся продукция реализуется в срок, увеличивается число стоковых центров. По данным компаний, от коллекций остаётся не менее 15% всего завезённого товара, который затем перенаправляется в стоковый магазин.

Самым главным форматом на рынке одежды в столице остаются вещевые: на них приходится около 40% продаж в Москве и до 80% в регионах. С постоянным ростом уровня жизни населения, а также постепенным уменьшением объёма продаж на вещевых ярмарках потребитель всё чаще предпочитает совершать покупки в магазинах. Кроме того, рос-

ту объёма магазинной торговли способствует открытие всё новых и новых торговых центров: стоимость обустройства торговых площадей в них существенно ниже, чем при открытии магазина в отдельно стоящем здании. В настоящее время растёт ориентированность потребителя на конкретные брэнды. Однако, чтобы активно развивать торговлю, мало быть просто брэндом, нужно создать собственную разветвлённую сеть магазинов, где будет продаваться только одежда определённой марки.

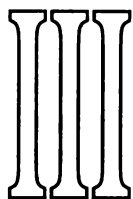
Сегодня в Европе на fast fashion приходится уже 15% всего рынка одежды, и эта доля постоянно растёт. Быстрая модель продаж означает, что наиболее популярные товары могут появиться и исчезнуть в течение недели, создавая у покупателей ощущение дефицита, побуждает их сделать покупку. Если раньше многие выбирались в магазины одежды один—два раза в месяц, то сейчас они вынуждены заходить ежедневно, зная о том, что на полках могут быть новинки, которые долго не пролежат. Практика показывает, что компании, работающие в сегменте fast fashion, развиваются быстро, открывая десятки новых магазинов под своими брэндами. В Европе это компании Inditex, Zara, Massimo Dutti и Bershka, H&M, Mango, Top Shop. В России также начинаются действия этого сегмента: испанская розничная сеть одежды Zara активно наращивает своё присутствие в Москве, где сейчас функционируют 5 магазинов Zara, и в ближайшее время компания намерена увеличить количество торговых точек.

Аналитики прогнозируют также рост интереса западных производителей к российскому сегменту «масс-маркет». Речь пойдёт в первую очередь не о дорогих эксклюзивных образцах одежды, а доступных по цене и модных вещах, что по карману среднему потребителю.

Tao Li
Changchun

ANALYSIS OF CURRENT SITUATION AND MARKET POTENTIAL OF THE FASHION INDUSTRY IN RUSSIA

Some changes have taken place on the dress consumed of Russian apparel with the domestic economic growth. They are fond of comfort and fine quality, especially for the young generation. Presently, Russian are following the international trend and fashion in dressed styles. The programs of the fashion shows of haut dress on Paris and Italy are weekly televised in big cities such as Moscow and St. Petersburg, peoples can catch and match the current styles as well as forecast fashion trend. However, Russian keeps the traditional styles of dressed custom with having got the best of fashion in the world.

ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН АТР

Ж.М. Баженова

Владивосток

МЕНЬШИНСТВА ЯПОНИИ

Анализ японского общества с точки зрения его деления на «большинство» и «меньшинства» — явление крайне редкое в российской историографии. Возможно, причина кроется в том, что Япония относится к тем странам, где соотношение разного рода меньшинств по отношению к большинству является незначительным — 1—2% (согласно официальной статистике) на 130 млн. населения. Однако в последнее время тезис об исключительной гомогенности японского общества подвергается сомнению не только западными специалистами, но и японскими учёными.

Миф о моноэтничности Японии сложился после Второй мировой войны, но идеи этноцентризма начали формироваться ещё в конце XVIII в. школой «кокугаку» как реакция на засилье чжусианства, ставшего основой официальной идеологии сёгуната Токугава с начала XVII в. Основной деятельностью представителей школы стали изучение, комментарии и публикации известных японских мифологических и литературных памятников, таких как «Кодзики», «Нихонсёки», «Манъёсю», «Гэндзи-монogatari» и др. Тем самым учёные стремились показать значимость и весомость национального наследия, глубину японской классической культуры. Историческая концепция кокугаку исходила из «подлинности» мифологической эры как начала японской истории, а также «божественного» сотворения Японских островов и особого «божественного» происхождения японского императора и всей японской нации.

Идея об уникальности японской культуры оказалась востребованной во второй половине XIX в. после «открытия» Японии западным державам. Очевидные достижения западной цивилизации породили сре-

ди японцев чувство неполноценности, компенсировать которое и была призвана идея об исключительности японской нации. Стремление к сохранению национальной самобытности стало противовесом тотальной «вестернизации» (отказ от всего национального, включая язык), к которой призывали активные приверженцы Запада.

Процесс глобальной модернизации страны в период Мэйдзи (1867—1912) потребовал формирования такой организующей идеи, которая могла бы обеспечить мобилизацию всего японского общества. «Представление о примате государства над гражданским обществом подкреплялось сильной идейно-политической традицией об особой природе японской государственности — «кокутай»¹. Япония позиционировалась как *кадзоку кокка*, государство — семья, где император выступал в роли отца, а жители — в роли его детей. Национальная интеграция была гораздо более высокой формой, чем политическая, так как основана на «кровном родстве», а не на социальном контракте и взаимных интересах, поскольку только кровное родство могло обеспечить подчинение, уважение и любовь².

Парадоксально, но идеология кокутай в этот период сосуществовала с учением о мультиэтничности японского общества. С одной стороны, это подтверждалось исследованиями учёных, научными теориями о смешанном происхождении японцев (исследования Ф. Зибольда, Э. Морса, Э. Бельца, С. Цубои, Ё. Каганэи). С другой стороны, Япония стремительно превращалась в колониальную державу: первыми «жертвами» японской экспансионистской политики стали айны Хоккайдо и рюкюсцы — жители архипелага Рюкю, в 1895 г. в состав Японской империи был включён Тайвань, в 1910 г. — аннексирована Корея. Для успешной интеграции колониальных субъектов в имперский дискурс требовалась идеологическая основа. Безусловно, в определённой мере задачи ассимиляции облегчались наличием сходства между Японией и колонизированными народами (схожий фенотип, иероглифическая письменность, религия, философия). Возникают так называемые теории *досорон*, т.е. теории об общем происхождении, которые активно используются в ходе ассимиляционных мероприятий.

Основным вектором японской ассимилятивной политики являлось стремление к максимальной аккультурации, при этом, несмотря на декларативные заявления японского правительства о равных правах и обязанностях всех субъектов империи перед государством и императором, в реальности социального и политического равноправия не было. По мнению японских властей, «сплав» всех народов в рамках единой нации мог осуществиться только в ходе тотальной «японизации».

Оказавшись в роли проигравшей стороны, Япония по итогам Второй мировой войны лишилась не только всех своих колоний, но и островов Рюкю, которые перешли в доверительное управление США. Тысячи корейцев, тайваньцев, китайцев, переправленных в Японию в качестве рабочей силы в довоенные годы и во время войны, лишились статуса подданных Японской империи и были объявлены иностранцами.

Горечь поражения, американская оккупация, Токийский трибунал, когда Япония была осуждена как агрессор, новая Конституция, лишение императора «божественного» статуса — все эти факторы не могли не повлиять на психологию японского общества. Объективная реальность требовала новой идеологии, которая могла бы помочь преодолеть кризис послевоенного времени. Так оформился миф о моноэтничности Японии. Новые лидеры Японии использовали нарратив моноэтничности, с одной стороны, чтобы объединить общество, а с другой, чтобы помочь ему забыть о колониальном прошлом. Появилось много литературы, посвящённой *нихондзинрон* — изучению японского национального характера, природы японской идентичности. *Танъицу кокка* — моноэтническое государство стало той основой, на которую опирались учёные, политики, бизнесмены, журналисты, рассуждавшие о японском обществе, культуре или национальном характере. Существует мнение, что благодаря в том числе и моноэтничности Японии удалось не только восстановить экономику в послевоенный период, но и выбиться в мировые экономические лидеры. Моноэтничность является залогом стабильности общества, чувство всеобщей «одинаковости» порождает спокойствие и уверенность. «Японцам постоянно внушалось, что они особенные, что им повезло жить среди «своих», поэтому у них есть преимущество свободного общения, доверия и понимания, и они лишены тех деструктивных проблем, которые присущи мультиэтничному обществу»³. Немаловажное значение в поддержании данного мифа имел и тот факт, что он позволял скрыть явления дискриминации. Нет меньшинств — нет и дискриминации.

Неадекватность методологии, основанной на изучении только «собственно» («ямато») японцев, повсеместно признаётся специалистами-японоведами. Для получения полной и достоверной картины того, что мы сегодня называем «Япония» и «японцы», требуется признание гетерогенного характера японского общества и японской культуры и поиск новых, более широких подходов в их изучении. Одним из таких подходов может стать исследование меньшинств Японии.

Самую крупную группу японских так называемых «социальных» меньшинств составляют *буракумин* — потомки касты «неприкасаемых»,

сложившейся в эпоху средневековья. Концепции «чистоты» и «скверны», заложенные в синто и буддизме, исключали из общества людей, чья профессия была связана со смертью и убийством животных. Отечественный исследователь японских париев Ханин З.Я. отмечает, что предубеждения, связанные с убоим скота и кожевенным производством, возникли в Японии ещё в добуддийскую эпоху. В качестве примера он приводит ряд *норито*, в одном из которых (Молитвословии Великого очищения) указан ряд прегрешений, называемых Небесными, куда входили «...живодёрство, сдирание шкур от хвоста к голове и т.д.»⁴

В эпоху Хэйан (IX—XII вв.) на заброшенных участках надельной земли *сандзё* владельцы поместий селили бродяг — бывших крестьян и ремесленников, которые должны были выполнять разного рода работы, необходимые для нормального функционирования поместья: захоронение трупов животных, уборка нечистот, производство ремесленных изделий, в первую очередь из кожи, обслуживание местных праздников, мелкая торговля, грузоперевозки, рыболовство, охота.

Кроме *сандзё* существовали и *кавара* — покрытые галькой участки прибрежной полосы рек. Селившиеся здесь бродяги имели настолько ограниченные экономические возможности, что производительный труд для большинства из них был почти недоступен. Поэтому многие жители *кавара* были вынуждены добывать пропитание нищенством, из их среды создавались группы бродячих артистов, нередко женщины становились профессиональными гадалками, проститутками и т.д.

Традиционно историю современных париев принято вести с периода междоусобных войн XV—XVI вв. В процессе войны постоянно росли потребности даймё в оружии и различном военном снаряжении. Употребление огнестрельного оружия, завезённого европейцами, сделало необходимым сооружение каменных стен вокруг замков и городов. Подготовка к военным действиям включала и переселение в удобные места нужных специалистов. Таким образом было положено начало посёлкам нового типа — *хисабэцу бураку*. Жители этих поселений кроме обеспечения военных нужд (в основном изделиями из кожи) по-прежнему несли ряд традиционных повинностей: уборка территорий, захоронение трупов, транспортировка разнообразных грузов, выполняли функции полицейских и палачей. Расширение многих крупнейших городов Японии сопровождалось созданием на окраинах или вблизи них поселений отверженных. В течение XVI—XVII вв. зафиксировано создание около 250—300 *бураку*⁵.

В эпоху Токугава (1603—1868) было введено чёткое деление японского общества на четыре сословия *си-но-ко-сё* (самураи, крестьяне,

ремесленники, торговцы). За пределами этих сословий оказались две основные категории — *эта* и *хинин*, куда были включены и разнообразные группы париев. В *эта* (букв. «много грязи») входили отверженные, занятые физическим трудом: мясники, могильщики, кожевники, красильщики, мусорщики и т.д. Среди *хинин* (букв. «не человек») преобладали странствующие артисты, знахари, гадалки, нищие, бродяги, проститутки и т.д. Изоляция отверженных от «простого народа» закреплялась множеством как юридических, так и бытовых ограничений. Например, им запрещалось менять место жительства и род занятий, вступать в любого рода контакты с «чистыми» японцами, вменялось носить особые знаки на одежде.

В 1871 г. (период Мэйдзи) была отменена прежняя система деления на четыре сословия, всем даровались равные права, разрешались межсословные браки, сняты ограничения на выбор профессии. Однако в положении буракумин мало что изменилось: им по-прежнему разрешалось жить только в гетто, доступ к образованию и свободный выбор профессии были сильно ограничены, браки вне пределов своей группы запрещены. С отменой запретов на некоторые виды деятельности, которые ранее составляли монополию буракумин, их экономическое положение ухудшилось. Кроме того, они были привлечены к выполнению тех обязанностей, которые прежде не несли (выплата денежных налогов, исполнение общинных повинностей, служба в армии). Наряду с «обычными» рабочими буракумин стали нанимать на предприятия, шахты и стройки, разрешили заниматься сельским хозяйством. Однако политика сегрегации и дискриминации париев по-прежнему продолжалась. На предприятиях им официально запрещали пользоваться общими раздевалками, туалетами, умывальниками, столовыми, в сельских районах выдавались самые худшие участки земли, не разрешали пользоваться общинными угодьями и лесами. В школах буракумин помещали отдельно от остальных учеников. Изоляция и дискриминация детей париев приводила к тому, что доля окончивших обязательный курс начального образования среди них была намного ниже, чем в среднем по стране. Так, в 1912—1914 гг. она составляла всего 16% против 50% в «нормальной» среде⁶.

Однако этот период времени характеризуется тем, что и власти, и сами буракумин начали говорить о необходимости перемен в отношении к ним. По мнению властей, улучшение в положении буракумин наступит только тогда, когда они сами встанут на путь «исправления» и нравственного самосовершенствования. Буракумин пытались бороться за свои права путём создания различных объединений. Так, в 1922 г. Дзэн-

коку суйхэйся — общепонская организация буракуминов — основным направлением своей деятельности считала осуждение дискриминации и предрассудков, проявляемых к буракумин.

Реальные перемены в положении буракумин начались в 1960-х гг., в период активного экономического роста. В 1969 г. правительством был принят закон о специальных мерах по ассимиляции. Эти меры предусматривали финансовую помощь для повышения уровня жизни буракумин. В 1976 г. была изменена система регистрации сведений о происхождении (*косэки*). Отныне данные о происхождении гражданина могли быть получены только в особых случаях, предусмотренных законом. Меры, предпринимаемые правительством, привели к значительному улучшению в положении буракумин в таких областях, как жильё, доступ к образованию, сфера занятости.

Постепенно исчезают предрассудки в обществе, однако сила инерции такова, что определённые стереотипы сохраняются. Например, по словам учёного Института истории бураку в Киото Надамото Масахиса, от 60 до 80% браков сегодня заключаются с не буракумин, в то время как среди буракумин в возрасте 60 лет этот показатель составляет всего 10%⁷. Не существует явной дискриминации и при поступлении на работу, однако владельцы фирмы, особенно небольшой, могут выяснить происхождение работника и в той или иной форме отказать ему. По-прежнему бытует мнение о склонности буракумин к противоправным действиям. Считается, что они составляют более половины членов якудза.

По мнению Надамото Масахиса, решение проблем дискриминации зависит от самих буракумин. С одной стороны, им необходимо прекратить практику использования своего социального положения для получения от правительства льгот и финансовой поддержки. С другой стороны, полагает учёный, надо позитивно относиться к себе самому, не культивировать чувство ущербности⁸. В настоящее время нет необходимости тщательно скрывать своё происхождение или открыто позиционировать его.

Этнические группы *айнов* и *рюкюсцев* (*окинавцев*) объединяет то, что в период модернизации Японии в конце XIX — первой половине XX в. на Хоккайдо и Окинаве проводилась активная ассимиляционная политика, направленная на стирание любой этнической отличительности, начиная от языка и религиозных отправлениях до бытовых традиций. Характеристики «малообразованности», «инертности», «малокультурности», «нечистоплотности», предписываемые айнам, и окинавцам, закрывали им доступ к высшему образованию, к престижной и высокооплачиваемой работе, службе в правительственных организациях и почтовом

ведомстве. Явная и скрытая дискриминация, пренебрежительное отношение со стороны японцев наблюдались к представителям обеих этнических групп.

Айны являются наиболее изученной в отечественной историографии группой японского меньшинства⁹. Каково положение айнов в японском обществе? С.А. Арутюнов отмечает, что за последние десятилетия жизнь айнов изменилась неузнаваемо. В целом и уровень доходов, и образ жизни большинства айнов сегодня никак не отличаются от образа жизни японцев с невысокой категорией дохода. Среди них есть и вполне состоятельные люди, занятые своим бизнесом. Резко снизилась доля айнов, занятых в сельском хозяйстве¹⁰.

Молодые айны покидают родные места и ищут работу в городах Хоккайдо или Центральной Японии. За прошедшие годы процент айнов, женатых на японках, существенно возрос. И это не только девушки из беднейших семей, скорее, женщины среднего класса. И если раньше японцы не женились на айнках, то теперь их немало, среди них есть представители среднего класса и интеллигенции.

Появились муниципальные и частные музеи, посвящённые айнской традиционной культуре. Изготовление художественных изделий и сувениров было подсобным занятием айнов ещё в начале XX в. Торговля ими, ранее бывшая в руках японских перекупщиков, ныне взята айнами в свои руки, магазины сувениров можно видеть не только в курортных городах, но и в айнских посёлках, где они броско оформлены с использованием традиционных фольклорных, обрядовых мотивов¹¹.

В результате активной ассимиляции исчезли многие айнские традиции. Буддийская и даже синтоистская обрядности укрепили свои позиции в семьях. Обряды соответствующих культов совершаются регулярно. Айнские алтари с обрядовыми символами *инау* есть во многих домах, но помещаются в задней части дома. Регулярные моления у айнских алтарей уже не проводятся, церемонии совершаются раз в несколько лет.

Активистами, выступающими за возрождение айнской культуры, при поддержке администрации предпринимаются попытки возродить айнский язык. В 12 провинциях губернаторства Хоккайдо существуют вечерние или воскресные школы айнского языка. Более половины учеников не айны, а японцы, интересующиеся айнами. Учебники, буквари, пособия — всё это в вечерних школах есть, но уровень преподавания оставляет желать лучшего¹².

В 1997 г. начала выходить ежемесячная газета «Айну Таймзу» на айнском языке. У газеты несколько сот подписчиков, читают её около 2 тыс. человек.

Быть айном, членом айнской ассоциации «Утари Кёкай» сегодня означает получать существенные льготы. Эти льготы порождают ряд злоупотреблений — фиктивные браки японцев с айнскими женщинами, фиктивное зачисление в штат пожилых айнов, тогда как на деле их работу и многое другое выполняют японцы.

В настоящее время айнскую этническую группу выделяют вновь возникшие черты: современные ценности, политизированное самосознание, чувство дискриминации или виктимизации (иногда надуманное или искусственно культивируемое), наличие льгот и, следовательно, коллективное требование их сохранения и расширения, общественные организации, их символика, культивация некоторых знаковых, символических признаков.

В определённой мере это актуально и для рюкюсцев (окинавцев). На формирование этнического самосознания рюкюсцев в современных условиях воздействуют разные факторы: историческая память о собственном независимом государстве, дискриминационная политика ассимиляции Японского государства, трагедия Битвы за Окинаву, опыт американской оккупации, взаимоотношения с Японией после возвращения в её состав в 1972 г. Американское военное присутствие на Окинаве и связанные с ним проблемы также имплицитно связаны с вопросами идентичности.

Как показывает мировая практика, наличие в историческом «багаже» опыта самостоятельной государственности может послужить весомым аргументом в пользу той или иной формы самоопределения. Однако на Окинаве не существует значительного популярного движения за независимость, нет и истории подобных движений. Оказавшись после включения в состав Японской империи на её «задворках», рюкюсцы видели выход из создавшегося положения в быстрейшей ассимиляции с японцами, этим объяснялась их лояльность к проводимым японскими властями реформам.

Проблема окинавской идентичности неизбежно возникает и при обсуждении Битвы за Окинаву. В ходе сражения за остров тысячи островитян погибли не только во время боевых действий, но и от рук японских военных, которые, идентифицируя местных жителей как «не японцев», приказывали им совершать массовые самоубийства или расстреливали по обвинению в шпионаже.

В период оккупации островов (1945—1972) американцы в стремлении заручиться поддержкой местных жителей прибегли к политике «деассимиляции», конечный смысл которой сводился к мобилизации этнического самосознания рюкюсцев. На помощь была призвана различного рода аргументация: исследования учёных о природе окинавской

идентичности, отличавшейся от японской, возвращение названия островов — Рюкю, прежнего статуса местному диалекту, обращение к независимому прошлому Королевства. Однако, воспринимая американский режим как фактически колониальный, окинавцы почти единым фронтом выступили за возвращение островов Японии, настойчиво демонстрируя свою принадлежность к японскому народу.

В настоящее время окинавцев, требующих полной независимости или полного растворения в японском обществе, немного. Большинство ищет пути утвердить свою отличительность, сохраняя при этом полное японское гражданство, что было невозможно в прошлом в условиях дискриминационной политики¹³. Одним из таких путей является культурное созидание. На Окинаве необычайную популярность имеют фильмы и литературные произведения на окинавскую тематику, выступления традиционных танцевальных и песенных коллективов. У молодого поколения большим успехом пользуются поп-группы, репертуар которых основан на современной аранжировке народных песен. Продолжает функционировать институт жриц норо и шаманок юта. Почти в каждой окинавской деревне можно наблюдать празднества, во время которых жители благодарят местных богов за хороший урожай, долгую жизнь и отсутствие бед. Обсуждая и трансформируя собственную историю, политику, культурные, эстетические ценности, островитяне сегодня «ткут сложный гобелен» «окинавскости».

Японские корейцы — самая многочисленная и «древняя» община иммигрантов в Японии. Первый этап корейской иммиграции в метрополию совпадает с периодом колониальной политики массового захвата земель у корейских крестьян. Корейцы в Японии трудились разнорабочими, подёнщиками, выполняли самую грязную, трудную и низкооплачиваемую работу. Корейцы-иммигранты подвергались неприкрытой дискриминации японских работодателей, как при приёме на работу, так и при оплате труда. За равный с японцами труд они получали 50—70% заработной платы последних.

В 1939 г. вышел закон о всеобщей трудовой повинности, на основе которого в течение шести лет в Японию корейцы отправлялись в насильственном порядке.

Разгром квантунской армии, капитуляция Японии и освобождение Кореи предоставили возможность для репатриации основной массы корейцев. С осени 1946 г. процесс репатриации приостановился, а с началом Корейской войны в 1950 г. совсем прекратился.

После раздела Кореи в июле 1952 г. правительство Японии приняло «Закон о репатриации иностранцев», в соответствии с которым корейцы могли регистрироваться лишь как граждане Южной Кореи. Однако,

встретив сопротивление корейского населения Японии, правительство было вынуждено в феврале 1959 г. принять решение о репатриации в Северную Корею желающих вернуться на родину. За период с декабря 1959 г. по 1966 г. в КНДР выехало свыше 80 тыс. чел., в то же время на Юг репатриировалось всего чуть более 4 тыс. чел.

С середины 1960-х до конца 1980-х гг. наблюдался обратный процесс миграции из Южной Кореи в Японию: многие из ранее проживавших в Японии не смогли на родине устроить жизнь, другие искали политического убежища от преследований южнокорейской хунты.

С установлением в 1965 г. дипломатических отношений между Японией и Южной Кореей вопрос о юридическом статусе корейцев многократно обсуждался между Токио и Сеулом. С ратификацией японским правительством межгосударственных соглашений по гуманитарным правилам и юридическому статусу политических эмигрантов и беженцев корейцы в Японии получили дополнительные права: пособие для детей, общественное жильё и кредиты. С 1982 г. корейцы были включены в государственную пенсионную программу, однако пенсию они могли получить только при наличии 25-летнего трудового стажа. Таким образом, лица старше 35 лет были автоматически исключены из этой программы. Реформа «Закона о пенсиях» 1986 г. уравнила в правах часть корейцев, имевших статус постоянных резидентов Японии. С первого января 1982 г. юридический статус иностранцев с постоянным видом на жительство получили корейцы, поселившиеся в Японии до 1945 г., но не имевшие его по соглашению между Токио и Сеулом в 1965 г.

Несмотря на заметный прогресс, в правовом положении корейцев в Японии остаётся ещё много проблем. К примеру, корейцы обязаны по достижении 16 лет проходить унизирующую процедуру снятия отпечатков пальцев. Им предписано постоянно иметь при себе удостоверение личности. Нарушение этого предписания грозит штрафом и тюремным заключением. Корейцы в Японии не могут рассчитывать на службу в государственных органах, в почтовом ведомстве. Японское правительство не признаёт существования вопроса национального образования корейцев, хотя местные органы власти не препятствуют организации национальных школ корейскими общинами.

Политическое противоборство двух антагонистических корейских государств явилось следствием образования двух противоборствующих организаций в Японии. В 1955 г. создана Генеральная лига корейских граждан в Японии — «Чхонрен» — для защиты их прав и содействия мирному объединению Кореи. В своей деятельности Лига пользовалась поддержкой Северной Кореи. «Чхонрен» издавала 26 газет, журналов, информационных бюллетеней на корейском, японском и английских

языках. С её помощью создана труппа корейских артистов, а также многочисленные коллективы художественной самодеятельности и спортивные организации. Лига организовала самостоятельную систему образования для корейских граждан, включавшую более 500 школ, в том числе 6-летние начальные, 3-летние средние повышенного типа и 4-летний Корейский университет, основанный 22 апреля 1956 г. в Токио¹⁴.

«Южнокорейские» организации в Японии заметно уступают в активности «северокорейским». В настоящее время отмечается некоторая нормализация во взаимоотношениях организаций корейцев. Их лидеры стали понимать, что вражда и распри ослабляют силы в борьбе за свои национальные права. Корейцы Японии, независимо от их принадлежности к той или иной организации, внесли совместный вклад в размере 80 млн. дол. в дело подготовки и проведения Сеульской Олимпиады 1988 г.

Встречаясь с дискриминацией и предубеждением в крупных корпорациях, корейцы, как и прежде, предпочитают быть более свободными и независимыми в своей трудовой деятельности. Большинство работающих корейцев являются либо предпринимателями, либо относятся к «синим воротничкам». Они работают в качестве технического и рабочего, а также управленческого персонала, торговыми работниками, в сфере услуг, в медицинских учреждениях, школах, служащими культа. Много частных предпринимателей в сельском хозяйстве и рыбной промышленности. Японские корейцы занимают сильные позиции в игровом и развлекательном бизнесе: им принадлежит широкая сеть ресторанов, кафе, баров, «патинко» — салонов игровых автоматов.

Многие корейцы Японии, несмотря на дискриминационные меры и неравные с японцами возможности, достигли значительных успехов в таких сферах, как литература, шоу-бизнес, искусство и спорт. Один из корейцев — Араи Шокеи — удостоился быть избранным в нижнюю палату японского парламента.

В настоящее время 9 из 10 корейцев родились и выросли в Японии. Однако и по сей день они страдают не только от дискриминационного законодательства официальных властей, но и шовинистического, презрительного отношения японских обывателей. До сих пор японцы характерными для корейцев чертами считают хитрость, глупость, лживость и нечистоплотность.

Независимо от официальной политики, в рамках которой корейцы по-прежнему остаются иностранцами в Японии со всеми вытекающими последствиями, значительная доля корейской молодёжи готова к натурализации. Молодые корейцы желают сделать карьеру, а это возможно лишь при наличии хорошего образования, что, в свою очередь, подра-

зумекает отличное знание японского языка. Учить родной язык только ради того, чтобы знать его, многим молодым корейцам представляется трудоёмким и не приносящим выгоды занятием. Другой путь к естественному растворению корейского меньшинства в Японии лежит через межнациональные браки. Количество эндогамных браков между корейцами сократилось до 16,6%¹⁵. Согласно реформированному Закону о гражданстве от 1985 г. дети от смешанных браков вправе получить национальность одного из родителей. Таким образом, в перспективе будет наблюдаться дальнейшее снижение численности корейского населения в Японии.

Либерализация в политике национальных меньшинств во многом началась после того, как на существование проблем в ней в 1980-х гг. было обращено внимание мирового общественного мнения. Политика либерализации в Японии имеет свои особенности. Японское общество с его культурой стыда, обязательностью сохранения лица, не склонно выставлять свои проблемы напоказ. Общественные организации, выступающие за улучшение прав меньшинств, делают это с соблюдением норм приличий. Правительство, не каясь за прошлые грехи, с неизменной эффективностью предпринимает все положенные меры. Тем не менее общий результат достаточно заметен и может быть отнесён к числу наиболее успешных в этой области мероприятий в мире.

---

¹ Совастеев В.В. Политическая культура Японии во второй половине XIX—XX вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 16.

² Kazuko Suzuki. The State and Racialization: The case of Koreans in Japan. Center for Comparative Immigration Studies. Paper 69. February, 2003. [Electronic resource]: <http://www.ccis-ucsd.org>

³ Stephen Murphy-Shigematsu. Multiethnic Japan and the monoethnic myth. Asian Perspectives, MELUS, Winter, 1993. [Electronic resource]: <http://www.thefreelibrary.com>

⁴ Ханин З.Я. Социальные группы японских париев. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. С. 36.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Ханин З.Я. Буракумины — дискриминируемое меньшинство Японии. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. С. 26.

⁷ Discrimination from both sides of the skin. An interview with buraku abolitionist Nadamoto Masahisa. [Electronic resource]: <http://www.nancho.net/kyoto/nadamoto.html>

⁸ Ibid.

⁹ См. историографию, вопросы происхождения, традиции в кн.: Арутюнов С.А., Щербеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Наука, «Восточная литература», 1992.

¹⁰ Арутюнов С.А. Этнос без этничности: айны сегодня // ЭО. 2007. № 2. С. 133—134.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 136.

¹³ Hein Laura, Selden Mark. Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford. Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 3.

¹⁴ Ким Герман. Корейцы в Японии // Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее. Алматы: Гылым, 1995. [Электронный ресурс]: <http://world.lib.ru>

¹⁵ Kazuko Suzuki. Op. cit. [Electronic resource]: <http://www.ccis-ucsd.org>

Zh. Bazhenova

Vladivostok

MINORITIES IN JAPAN

The popular image of Japan is not that of a multiethnic society. But Japan's monoethnicity and social homogeneity is neither more than myth. The largest social minority group in Japan, the burakumin, are physically and linguistically indistinguishable from majority Japanese but exhibit the political and cultural traits of an ethnic group. They are the descendants of the eta and hinin, a subclasses legally distinguished during the Tokugawa period (1600—1868) and until their emancipation in 1871. In addition to at least twenty-four thousand Ainu and a million Okinawans, ethnic minorities holding citizenship include recently naturalized persons from various ethnic backgrounds, particularly Korean. And each of the groups has its own heritage of cultural and physical features that raised barriers of discrimination in interaction with the patterns of social acceptability found in the majority community.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ЗАТВОРНИЧЕСТВА СРЕДИ ЯПОНСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Слово «затворник» — *хикикомори* — указывает на человека, добровольно прекратившего какую-либо связь с внешним миром и ограничившего себя исключительно стенами собственного жилища. В современной Японии оно знакомо буквально каждому.

Проблема «самозаточения», имевшая ранее место в единичных случаях, в 1990-е гг. приобрела такую массовость, что обратила на себя внимание японской общественности. В последнее время она широко обсуждается СМИ. Известный японский психолог Хироси Сэкигути¹, целенаправленно изучающий затворничество более десяти лет, в своей работе «Проблемы затворничества и непосещения школы» изложил итоги исследования. Согласно данным статистики наиболее ярко оно проявляется среди образованных молодых людей, столкнувшихся с проблемами по устройству на работу или на работе.

Одним из этапов, предшествующих добровольному отходу от социальной жизни в Японии, считаются прогулы школьных занятий. В конце прошлого века они приняли такие масштабы и систематичность, что в 1998 г. министерство просвещения и науки Японии обозначило их официальным термином «непосещение школы» — «футо:ко:». Главной причиной нежелания ходить в школу являются издевательства — «ид-зимэ», зачастую направленные на одного — двух детей в классе.

По мнению Хироси Сэкигути, проблема не в том: «Ходить или не ходить в школу?», а «Как идти по жизни самостоятельно?», т.е. покинув родной дом. «Автономия» отличается от «независимости», поскольку последняя подразумевает экономическую самостоятельность человека. Под «автономией» понимается сознательное оценочное суждение, собственное мнение, принятие самостоятельных действий.

Многие японцы имеют семью, детей, работу, однако у них отсутствует «автономия». В то же время среди тех, кто по причине душевных или физических недостатков не в состоянии трудиться и находится на попечении семьи, есть множество, обладающих «автономией».

Согласно «Докладу об исследовании реальной ситуации в отношении «общественных затворников»² министерства здравоохранения, труда и благосостояния к 2001 г. в Японии насчитывалось свыше 14 тыс. чел. старше 19 лет, обратившихся за помощью в лечебные учреждения страны в связи с проблемой затворничества; 50% из них более пяти лет не покидали стен собственного жилища. Газета «Асахи симбун»³

подтверждает приведённые официальные данные. Однако психиатр Тамаки Сайто⁴ считает, что, затворников свыше 1 млн. чел., причём они — психически здоровые люди. Для доказательства своего заявления психиатр использовал данные публициста Наоки Оги, проанкетировавшего посещавших его лекции (около 3 тыс. чел.). Оказалось, что 95% опрошенных слышали о проблеме затворничества, 30% близко знакомы с молодёжью, относимой к категории затворников, и у 3% они проживают в семьях. Что же явилось причиной столь массового явления?

Известно, что во второй половине 1960-х гг. среди молодёжи было популярным слово «самоотрицание». Под ним подразумевалось отрицание в себе мелкобуржуазных наклонностей и пробуждение чуткости к различным проблемам и противоречиям мирового масштаба. В 1980-х гг., по мнению японских исследователей Хироо Ямагата, Дзиро Сайто, Дзюнко Сиота и других, оно устарело, но до сих пор употребимо по отношению к затворникам: в них сила самоотрицания достигает угрожающих размеров. Для возвращения к общественной жизни им необходимо отречься от старого «я», ограниченного людской шкалой ценностей, «обнаружить» нового себя.

В этой связи представляется небезынтересным отметить, что среди социальных затворников преобладает молодёжь, следовательно нужно обратиться к её возрастным особенностям.

Молодёжный период, как известно⁵, есть промежуточное состояние, необходимое для превращения ребёнка во взрослого. Ранее в племенных обществах, население которых составляли коренные жители, занимавшиеся охотой и собирательством (в Японии — до периода Дзёмон 13 тыс. лет до н.э. — III век до н.э.), повсеместно осуществлялся обряд инициации (посвящения)⁶. Этот термин изначально появился в разделах культурной антропологии и этнографии и обозначал обряд, закреплявший какое-либо изменение в жизни человека. К ним относятся праздник мальчиков (девочек), отмечаемый на первом году жизни («хацу дзэчку»), церемония по случаю достижения детьми трёх, пяти и семи лет («сити-го-сан»), а также совершеннолетия («сэйдзин-сики»). В узком смысле, инициацией является широко распространённый в американской и европейской научной литературе обряд перехода из детского состояния во взрослое — посвящение в брачноспособное состояние ("puberty initiation"). Прежде он присутствовал во всех племенных обществах в период, когда дети достигали 12—14 лет; в Японии — 14—15 лет (при рождении ребёнка его возраст приравнивали к одному году согласно системе «кадзэодоси»). Обряд, называемый «гэнпуку», осуществляли взрослые «эбоси-оя», от слова «эбоси» — шляпа с чёрными вороньими перьями, надевавшаяся на ребёнка и символизировавшая

его новое состояние. Изменялись причёска, одежда ребёнка, его имя приносилось на взрослый манер (например, Усивакамару становился Ёсичунэ или Нобунага)⁷.

Обряд инициации был поломан, и юношеский период, включавшийся в него, перестал быть скрытым. В ранних сообществах становление ребёнка взрослым занимало несколько дней или недель. В настоящее время окончание молодёжного периода, как считает Хироси Сэкигути и ряд других специалистов⁸, происходит в возрасте примерно 30 лет. Получается, что человеку требуется целых 15 лет для того, чтобы стать взрослым.

Инициация включала в себя три стадии: отделение (отлучение ребёнка от родителей), переход (перевод его в отдельное помещение) и синтез (становление взрослым при возвращении в племя). Порою подобные испытания заканчивались для ребёнка смертью, так как он должен был самостоятельно добывать себе еду.

В племени человек не мог превратиться во взрослого самостоятельно, в этот сложный процесс обязательно вкладывался спиритический (духовный) смысл. Современному же человеку приходится совершать его в одиночку.

Внезапный отход от общества, прохождение через духовные скитания и вновь возвращение — такое поведение представляется характерным для молодёжного возраста и обозначается термином «психосоциальный мораторий» («синритэки мораториуму»), который использовал американец Эрик Эриксон⁹, введший также определения «идентификации» и «жизненного цикла». Изначально «мораторий» — экономический термин, означающий «приказ отсрочки платежа», законная мера, позволявшая банку на грани банкротства из-за неблагоприятной ситуации на рынке приостановить выплату депозитов. В переносном смысле под «психосоциальным мораторием» учёный понимал некоторый период отстранения молодёжи от общества до завершения у неё процесса собственной идентификации.

В 1970-е гг. японский психотерапевт Кэйго Оконоги¹⁰ образовал от термина Эриксона выражение «человек-мораторий» («мораториуму нингэн»), указывавший на молодых людей, не желающих взрослеть и выходить в общество. Оно использовалось СМИ и стало очень модным.

Однако ещё раньше, в 1961 г., американец П. Уолтерз называл подобное явление «студенческой апатией»¹¹, подразумевая ничем не интересующихся молодых людей. Его имя можно связать с истоками исследований о затворниках.

Проблема непосещения школы в Японии заявила о себе в 1980-х гг., и её нельзя рассматривать отдельно от общества, достигшего пика экономического процветания.

Середина 1970-х гг., по мнению Х.Сэкигути¹², является временем размышления над молодёжными вопросами и системой послевоенного школьного образования. Именно с этого периода началось увеличение числа прогулов занятий, а также введение в обязательном порядке школ присмотра¹³. В школах регистрировались частые случаи применения насилия в среде учеников.

В любую эпоху взрослые пытаются негативно судить о молодых. В середине 1970-х гг. о них отзывались как о неинтересующемся поколении («сиракэнэсэдай»), или о поколении «без трёх принципов» («санмусюги») — бездеятельны, нелюбознательны и невпечатлительны.

Это было поколение, следовавшее сразу за отбушевавшими «бэби-бумерами»¹⁴, участниками всеобщей ассамблеи и студенческих бунтов 1968—1969 гг., уход которых сравнивался с «выкорчёвыванием последних сорняков».

Как указывалось выше, в этот период Япония находилась в экономическом расцвете. Вместе с тем достаточно остро встала проблема окружающей среды¹⁵. Назревал кризис общественного масштаба — разбилась иллюзия построения светлого будущего на основе научного прогресса. Большой популярностью пользовалось «великое предсказание Нострадамуса», «исчезновение человечества с лица земли» стало наиболее частой фразой в разговорах молодёжи.

С другой стороны, происходившие повсеместно движение хиппи и студенческие волнения второй половины 1960-х гг. постепенно стали сходиться на «нет», мир склонялся к консерватизму — происходил переход от эпохи тревоги к периоду подавления. Мощное послевоенное движение студентов в Японии начало приостанавливаться в связи с инцидентом с Объединёнными войсками Красной Армии¹⁶ и антигосударственными выступлениями.

Молодёжь, вплоть до второго поколения «бэби-бумеров», слушала и пела революционные песни («Интернационал»). На неразрешимые вопросы по поводу устройства мира она находила ответы в марксизме, независимо от того, соглашалась с его идеями или была против. В университетских городках образовывались различные политические кружки студентов, которые чутко реагировали на высказывания сотоварищей и преподавателей и освистывали некорректные речи.

Со второй половины 1970-х на смену политическому культу пришёл религиозный с унифицированными положениями. Он связан с течением «Аум синрикё». Его представители заманивали молодёжь, испытывавшую чувство одиночества, обещая дружеские взаимоотношения: «Придешь сюда — найдешь единомышленника!» Прежняя молодёжь,

чье душевное состояние было таким же, как и у нынешних затворников, увлекалась политикой или религией.

Вполне понятно, что в сложившейся ситуации общественная функция молодёжи стала неясной, а ведь она была чётко определена ещё до середины 1970-х гг. До войны молодые были ответственны за праздники и противопожарную деятельность, после неё они начали проявлять недовольство существующим порядком и оно находило отражение в студенческих волнениях. Однако с приходом 1980-х гг. роль молодого поколения значительно уменьшилась, она как будто растворилась в достатке общества. В настоящее время многие молодые люди нашли себя в области искусства или спорта, но всё же это — сфера деятельности одного конкретного человека.

Для более глубокого понимания современной проблемы затворничества обозначим подробнее культурные и общественные явления с 1960-х гг.

На конец 1960-х гг. пришёлся расцвет общественного движения и контркультуры. Это время можно назвать идеологическим, культурным «мыльным пузырём»¹⁷. С наступлением 1970-х возбуждение спало. Футболки с символикой мира, из-за кричащих расцветок относимые к галлюциногенной моде, сменили простые джинсы и рубашки спокойных тонов. Тогда же не стало джаз-баров и кафе популярных мелодий — мест скопления молодёжи с литературными и философскими наклонностями. 1980-е гг. стали необычной эпохой «на виду у всех». Люди, получившие презрительную кличку отщепенцев — «нэкура»¹⁸, постепенно исчезли. Но раньше именно они были движущей силой молодёжной культуры. В единый ряд со словами «молодёжь» и «юность» ставились «одинокчество» и «смерть». Молодые люди были серьёзны, с юностью ассоциировались бесконечные сложные споры, которые рассматривались как содержащие идеологию. Образ светлой молодёжи существовал, но он, скорее, был презираем.

К началу 1970-х гг. относится песня Ёсуи Иноуэ, которая заставляла молодых прислушиваться к её словам: «Растёт число молодых, совершающих самоубийство в городах». А далее шла строка: «Однако проблема — сегодняшний дождь. Нет зонта». В них молодёжь разочаровывалась из-за отсутствия идеологии.

Таким образом, в ценностях той эпохи главной была забота о государстве, а не проблема частного характера (говорить о любви при окружающих считалось постыдным). Песня Иноуэ, воспринимавшаяся вначале как бессмыслица, в 1980-е гг. стала точно соответствовать духу времени — восприятие автора на 10 лет опережало эпоху.

Вероятно, явление затворничества не возникло бы, если бы главенствующее место не заняли индивидуальные проблемы в сравнении

с общественными. Оно было вызвано приоритетом личной стороны жизни человека и чрезвычайным разнообразием ценностей.

В вышеупомянутой песне есть слово «самоубийство»; если выражать изменения в послевоенной молодёжной среде при помощи цифр¹⁹, то число случаев самоубийств и тяжких преступлений уменьшилось: Япония стала богатой.

В музыке наблюдался переход от мрачного тяжёлого рока к жизне-радостным, светлым композициям, а в 1975 г. нашумевшим хитом стала песня «Хочу вернуться в тот день» («Анохине каэритай») Юми Арай²⁰.

Тогда же многие ученики перестали посещать школу. До этого причиной была бедность семьи или необходимость помогать в домашней работе, т.е. дети вынуждены оставаться дома. Однако были введены ужесточённое администрирование, обязательное посещение школ-приютов, чтобы и здоровые, и больные дети получали соответствующее образование. В обучении теперь приветствовались скорость и эффективность.

Ученики разделились на два лагеря: прилежные и буйные. Среди последних начались драки, хулиганство. Насилие в школе прекратилось в связи с усилением контроля школьной системы, чтобы затем смениться проблемой издевательств. Они иногда случались и ранее, однако на этот раз вылились в массовое явление в ответ на ужесточение администрирования.

Прежде в японских школах не было случаев, чтобы предметом насмешек становился один ребёнок в классе. Стремление избежать унижения являлось наиболее частой причиной прогулов.

По мнению авторитетных японских учёных Тидзуко Уэно, Эйдзи Ооцука²¹ и многих других, проблема затворничества в Японии стоит намного острее, чем непосещение школы главным образом из-за прессинга на предмет: чем кормиться? Сейчас, когда общество стало достаточно богатым, трудно представить, чтобы кто-то умирал от голода, и всё же тема еды является остроугольным камнем при упоминании о неработающих.

«Богатая эпоха» («ютакасао дзидай»), по данным учёных-экономистов²², берёт отсчёт с 1980-х гг. Новыми атрибутами времени стали круглосуточные магазины по продаже в основном продуктов питания («конбини»), сети питейных заведений («идзакая»), лавки аксессуаров и изящных предметов интерьера («фанси: сёппу»). Их появление и рост основаны на изменении качества городского пространства, с этим же связан упадок старых частных торговых точек на фоне крупных супермаркетов. Активно шёл процесс распада старого территориального общества, происходили изменения стиля жизни городских жителей. На месте частных магазинов и торговых кварталов выстраивались жилые здания, новый город («ню: таун») расширялся за счёт пригорода. Со-

седи перестали поддерживать общение друг с другом. Только ночные огни круглосуточно работающих магазинов скрашивали унылую картину; постепенно пришла в упадок культура торговой части города.

Прежде у молодёжи не было традиции заходить в кафе для взрослых. К тому же помещения были полутёмными, находиться там считалось признаком бедности. С появлением светлых, современных и дешёвых «идзакая» распитие стало занятием «полезным», сродни хождению в спортзал. Посещать кафе вошло в обычаи молодых, а не взрослых.

Ещё одно новшество, о котором возвестили 1980-е гг., открытие лавок аксессуаров и маленьких вещей для молодых («фанси: сёппу»). Среди особо запоминающихся элегантных товаров были зеркала с логотипом производителей пива, висевшие в любом кафе-баре, необычная лампа в виде фламинго или украшение — кокосовая пальма, навевающая мечтания о тропиках. Во всём чувствовалось влияние экономики «мыльного пузыря», люди были легкомысленны, как во время отдыха на южном курорте. Положение общества 1980-х гг. характеризовалось словами: «лёгкий, тонкий, короткий, маленький». Этими прилагательными можно описать продукцию фирмы «Сони» (плееры). Данные качества также распространялись на человеческие отношения: они стали натянутыми, отстранёнными, что видно на примере появления «отаку»²³.

В пустовавших пригородах были отстроены дома, усовершенствована система водопровода. Не только в городах — на полях и в садах исчез запах природы и человека. С распространением телевидения и компьютерных игр у людей развивалось виртуальное воображение, задействовавшее пять органов чувств, и даже в отношении тела как природного организма поощрялось применение антибактериальных и дезодорирующих средств. Во всём приветствовалась «яркость».

С этого периода молодёжь стала приобретать интровертность²⁴. В общении приветствовались радость, весёлость, а глубоких отношений, «ведущих к мрачности», старались избегать.

Общеизвестно, что в 1990-е гг., когда «мыльный пузырь» лопнул, былая необременительная «яркость» пропала, на смену ей пришла «свежесть». В новом веке возросло число красивых, модных молодых людей, как будто только что сошедших с обложки журнала. Девушки стали очень привлекательными. На крашенные волосы, на наряд, неряшливый на первый взгляд, тратятся изрядные деньги. Сейчас не в моде быть «обычным молодым человеком», сильно ощущается высота установленной планки в отношении того, как выглядеть в духе времени. Все японцы, и это касается не только молодёжи, встречаются друг с другом на открытом пространстве, что создаёт ощущение праздничного светского

мира. Однако на оборотной его стороне все как будто замкнута в своих личных комнатах, куда доступ чужим закрыт.

Излишне острое реагирование японского общества на проблему затворничества в действительности отражает безысходное его положение — нестабильную экономическую ситуацию, трудности по устройству на работу и др.

Анализ работы «Проблемы затворничества и непосещения школы» Хироси Сэкигути позволяет с уверенностью судить о том, что автор затронул актуальную для японского общества проблему. В Японии многие испытывают трудности в общении и, как следствие, неуверенность в себе. Издевательства можно считать одной из основных причин непосещения школы, что ведёт к изоляции индивида и затворничеству. Этому также способствует специфика экономически развитого японского социума с высоким образовательным цензом и жёсткой конкурентной борьбой. Получается, что работе молодой человек предпочитает уединение в стенах собственного дома, где в его распоряжении компьютер, подключённый к Интернет-сети, и опекающие, обеспеченные родители.

Кроме того, как убедительно доказывает Х. Сэкигути, в современном обществе отсутствуют определённые ценности, общность поколения. Кто-то становится затворником, так как не терпит издевательства и бросает ходить в школу, кто-то попросту сходит с элитарного пути по причине усталости. Один готов вернуться к обычной жизни уже через полгода самоизоляции, другой же добровольно остаётся в ней на десятилетия.

Однако неоспорим и тот факт, что проблемы непосещения школы и затворничества чрезвычайно беспокоят общественность. Методом проведения реформ, в том числе образовательных, японское правительство пытается смягчить прессинг, оказываемый обществом на индивида. Это позволяет предположить, что поднятые в данной статье проблемы вполне преодолимы.

---

¹ Родился в префектуре Канагава в 1957 г. В 1987 г. окончил медицинский институт Сага. Психиатр, имеет психологическую практику. Член детского и юношеского медицинского психиатрического общества. В 2001 г. открыл консультационную комнату по вопросам комплексного физико-психического здоровья. Является инициатором создания Интернет-сети для горожан по размышлению над проблемой затворничества «Хикки: нэтто»; осуществляет районную деятельность по охране психического здоровья.

² «Доклад об исследовании действительной ситуации, оказании поддержки и консультаций в отношении общественных затворников. Открытое письмо». См.: <http://www.mhlw.go.jp/topics/2003/07/tp0728-1f.html>

- ³ См.: Асахи симбун. 2001. 9 мая.
- ⁴ См.: Сайто: Тамаки. Культурный взгляд на «затворников». Токио: Кинокунья сё-тэн. С.56—58.
- ⁵ Ариес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. Гл. 1. Возрасты жизни; Выготский Л.С. Проблема возраста. Собр. соч. в 6 т. Т.4. М.: Педагогика, 1984; Щеглова С.Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к зрелости // Молодёжь 97: надежды и разочарования. М.: НИЦ ИМ, 1997.
- ⁶ Элиаде Мирча. Обряды инициации и посвящения. Пер. с франц. Г.А. Гельфанд. М.: СПб., 1999.
- ⁷ Sekiguchi Hiroshi... С.42.
- ⁸ Gillis John R. Youth an History — Tradition and Change in European Age Relations, 1770 — Present (Молодёжь и история — традиция и изменения в отношениях возрастных групп в Европе с 1770 г. по настоящее время). Tokyo: Academic Press, Inc., 1981; Miyadai Shinji, Hayami Yukiko. Saifa kakuseiseyo! Sekano shinkaidoku baiburu (Очнись — отыщи ключ к разгадке! Новая мировая библия с дешифровкой). Tokyo: Chikumashobou, 2000.
- ⁹ В США и других технологически развитых странах психосоциальный мораторий закреплён в системе высшего образования, что даёт возможность молодым людям опробовать определённое количество различных социальных и профессиональных ролей до того, как они решат, что им нужно на самом деле. Есть и другие примеры: многие молодые люди бродяжничают, обращаются к религиозным сектам или пробуют альтернативные формы брака и семьи до того, как найдут своё место в обществе. См.: Erikson E.H. Identity: Youth and crisis. New York: Norton, 1968. (Эриксон Э. Самотождественность: кризис юности).
- ¹⁰ Оконоги К. Мораториаму нингэнно дзидай (Эпоха человека-моратория). Tokyo: Chuou kouronshinnsha, 1978.
- ¹¹ П. Уолтерз, психиатр лечебного центра при Гарвардском университете, впервые использовал данную терминологию при описании аналогичных признаков болезни четырёх студентов. Наиболее ярким симптомом «студенческой апатии» является отсутствие интереса к учёбе // <http://ds.cc.yamaguchi-u.ac.jp/~hoken/03healthmente/hirano-dr/hirano-5.html>
- ¹² Sekiguchi Hiroshi... С.70.
- ¹³ В 1970-е гг. был принят и вступил в силу закон об отделении физически и психически неполноценных детей от здоровых и принудительном их распределении в специальных учебных заведениях.
- ¹⁴ Появление этого поколения исторически связано с окончанием Второй мировой войны 1939—1945 гг. и последовавшим демографическим взрывом. Сегодня к «бэби-бумерам» относятся люди в возрасте от 45 до 60 лет, которые составляют значительную часть потребителей и оказывают влияние на экономику. Например, по данным журнала «MediaGuardian», в Великобритании «baby boomers» владеют более чем 466 млрд. фунтов персональных сбережений в стране и совсем не прочь израсходовать их. Исследования, касавшиеся людей этого возраста, показали, что у них много общего с молодёжью, например, они так же часто посещают питательные заведения и рестораны, однако могут позволить себе потратить больше // <http://www.advesti.ru/glossary/desk/1866>
- ¹⁵ Sekiguchi Hiroshi... С.71.

- ¹⁶ Речь идёт о событии 1972 г., когда членами ультралевой организации «Красная Армия» был захвачен пансионат в курортном городе Каруидзава и взята в заложницы супруга его смотрителя. Благодаря усилиям полиции она была освобождена, инициаторы инцидента арестованы.
- ¹⁷ «Мыльный пузырь» — общепринятый термин для описания японской экономики второй половины 1980-х гг., когда произошёл стремительный рост рыночной стоимости финансовых активов, в которые вкладывались свободные денежные средства ради извлечения спекулятивной прибыли. Это привело в начале 1990-х гг. к резкому спаду цен на корпоративные акции и земли более чем на 1000 трлн. иен, что соответствовало величине внутреннего валового продукта более чем за два года. В результате экономика Японии вошла в полосу длительного застоя и из-забавлялась от последствий лопнувшего «мыльного пузыря» в течение 1990-х гг. // http://www.cultline.ru/archiv/e_-e_glossarij/ekonomika_myl'nogo_puzyrja/
- ¹⁸ Sekiguchi Hiroshi... С. 73.
- ¹⁹ По данным центрального полицейского управления Японии, со второй половины 1970-х гг. число самоубийств внутри страны уменьшалось в сравнении с послевоенным временем и не превышало ежегодно 20—25 тыс. чел. Для сравнения, в 1998 г. этот показатель неожиданно вырос более чем на 8 тыс., превысив 30 тыс. чел. и продержался на этом уровне 8 лет. Основной причиной для счётов с жизнью у мужчин являются экономические трудности, у женщин — проблемы со здоровьем. // <http://plaza.rakuten.co.jp/wellness21jp/diary/200705230000/>
- ²⁰ Sekiguchi Hiroshi... С. 75.
- ²¹ Ueno Ch., Ootsuka E. Hyouryuu suru sekushuarithi = Дрейфующая сексуальность // Kikan Toshi II. Tokushuu «Seiteki toshi» = Серийный ежеквартальный сборник «Мераполис II». Раздел «Сексуальный город». Tokyo: Kawade shoboushinsha, Toshi dezain kenkyuujo, Nov, 30, 1989. P. 112—127.
- ²² William J. Bernstein. "Yutaka" no tanjou (Рождение «богатства»). Tokyo: Nihon keizai shinbunsha, 2006.
- ²³ Под «отаку» принято понимать человека, маниакально увлечённого мультфильмами, комиксами / Miyadai Sh. Toumeina sonzaino futoumeina akui (Непрозрачный злой умысел прозрачного существования). Tokyo: Shunjuusha, 1998. P. 148; Ueno Ch., Ootsuka E. Hyouryuu suru sekushuarithi (Дрейфующая сексуальность)... P. 119.
- ²⁴ Интроверт — человек, живущий преимущественно в автономном мире, созданном его воображением. Для него внешний мир и его собственные впечатления от него — не более чем первичное сырьё для последующей внутренней обработки, которой он занимается с увлечением, забывая про всё на свете и, в первую очередь, про принцип реальности // <http://www.podvodny.ru/Archepsych/Lec4.htm>

E. Chertushkina

Vladivostok

THE PROBLEM OF POOR SCHOOL ATTENDANCE "FUTO:KO:", ETC. IN MODERN SOCIETY OF JAPAN

This paper deals with the problems of poor school attendance "futo:ko:", etc. in Japan. The author analyses the problems of modern society, particularly of the youth generation which have deep roots in old history of Japan.

**МОРИОРИ —
ОХОТНИКИ НА МОРСКОГО ЗВЕРЯ
И ЛИННУЮ ПТИЦУ В ПОЛИНЕЗИИ:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ АДАПТИВНОЙ
ВАРИАТИВНОСТИ В КУЛЬТУРЕ**

*Светлой памяти
Александра Шанда*

Ko ro patu, ko ro kei tangatā me tapu toake.

«А что касается убивания, а что касается поедания людей, надлежит этому быть запретным вечно».

Слова **Нунуку** — легендарного
предка мориори

В своей работе «Социальная стратификация в Полинезии» выдающийся американский антрополог Маршалл Салинз (Sahlins, 1958) поставил перед собой задачу проследить, каким образом и в какой мере природное окружение предопределяет развитие социальной структуры, в частности социальной стратификации. В качестве примера для рассмотрения им были отобраны четырнадцать полинезийских обществ, различавшихся как уровнем социальной стратификации, так и экологией островов, на которых они расположены, иными словами, доступом к естественным ресурсам.

Полинезийские народы являются потомками протополинезийцев, которые расселились на огромной территории южной части Тихого океана в течение последних трёх тысяч лет и развивались в значительной культурной изоляции. Важно отметить, что жители разных архипелагов и островов Полинезии весьма различны по культуре и языку. Поэтому Полинезия представляет собой прекрасную возможность для проведения антропологических исследований, своего рода «естественную лабораторию» для антрополога. В результате М. Салинзу удалось показать, что социальная стратификация в традиционном полинезийском обществе тем выше (при прочих равных факторах), чем выше экономическая продуктивность хозяйственно-экологической системы острова, на котором оно расположено. Он предположил, что чем больше продуктивность, тем больше различие между распределителями благ — вождями и производителями благ — простыми общинниками (там же: 249).

Заключительный вывод его работы состоит в том, что адаптация является крупнейшим ориентирующим фактором в эволюции культуры, и это можно надёжно показать на полинезийском материале (там же: 253). Значение этого вывода особенно доказательной силы аргументов, на основании которых вывод построен, трудно переоценить.

Один из самых интересных и ярких, на мой взгляд, случаев трансформации протополинезийской культуры под влиянием природного окружения остался за пределами работы М. Салинза. Речь идёт о мориори — культуре о-вов Чатем. М. Салинз специально объясняет свой отказ от рассмотрения данных по жителям Новой Зеландии тем, что новозеландские маори сильно отличались друг от друга культурными традициями, однако в источниках представлены как нечто однородное. Это наблюдение совершенно справедливо. Быстрая аккультурация маори о-ва Северный, а также полное истребление маори о-ва Южный, делает это упущение ранних этнографов, работавших в Новой Зеландии, невосполнимым. Однако мориори относительно хорошо описаны главным образом в работах Александра Шанда, прожившего на о-вах Чатем 30 лет и изучавшего язык и фольклор их обитателей (Shand 1892—1893, 1894—1898, 1904, 1911, см. также Mair 1904, Skinner 1923, Skinner & Baucke 1928, Travers 1868, 1871, 1876, Williams 1898). Некоторые материалы по мориори до сих пор продолжают оставаться неопубликованными (Grey MS). Необходимо отметить, что мориори в целом оказались вне поля зрения специалистов (см. такие обобщающие работы, как Бутинов, 1985, Biggs & Clark 2000, Kirch 1984, Kirch & Green, 2001), исключение составляет работа Питера Беллвуда (1986: 450). Во второй половине XX в. появилась всего одна работа, специально посвящённая языку мориори (Clark 1994), и одна книга скорее публицистического и постмодернистского толка (King 1989). История, по всей видимости, состоит в том, что для антропологов, занимающихся изучением полинезийских культур, мориори выглядят непривычно и чуждо, будучи более недоступными для непосредственного этнографического наблюдения и являясь охотниками-собираателями.

Мориори — жители о-вов Чатем. О-ва Чатем расположены на 44° южной широты и 76° западной долготы на расстоянии 860 км к востоку от г. Крайстчёрч (Новая Зеландия, о-в Южный). Общая площадь архипелага составляет 96,5 км². Он состоит приблизительно из 40 островов, из них только два были обитаемы: о-в Чатем (90 км²) и о-в Питт (6,2 км²). Природное окружение этих двух островов представлено торфяниками, реками, озёрами, лагунами, гористыми областями и песчаными пляжами. Климат — прохладный, влажный и ветреный. Средняя температура летом 22°С, зимой — 5—8°С. На о-вах Чатем проживает

большое число эндемичных видов птиц (примерно 2 вида нелетающих птиц вымерли), устраивают лежбища морские котики.

О-ва Чатем представляют собой самый южный форпост полинезийцев (не считая соответствующей оконечности о-ва Южный Новой Зеландии — 47° южной широты). Согласно археологическим данным они были заселены в 11—12 вв., если не раньше, т.е. практически одновременно с Новой Зеландией. Анализ генеалогий мориори даёт приблизительно такие же даты колонизации островов. Обнаружены тёсла типа 2В и орудия из обсидиана с о-ва Мэр, которые указывают на контакты с маори Новой Зеландии в далёком прошлом (Leach, 1973), однако эти контакты, очевидно, быстро прекратились, поскольку мориори не умели строить настоящие полинезийские каноэ, необходимые для плаваний в открытом море. Отдельные лексические сближения указывают на специфическое родство мориори с маори (Harlow, 1979, Clark, 1994), но не с маркизскими языками, как думали раньше (Green, 1966). Однако язык мориори настолько своеобразен, что, несомненно, заслуживает статуса независимого языка в общевосточно-полинезийском диалектном континууме (исключение составляет только язык о-ва Пасхи, который стоит особняком среди восточно-полинезийских языков). Данное наблюдение справедливо и в отношении культуры мориори. Например, только на о-вах Чатем в Полинезии известны дендроглифы — вырезанные на коре живых деревьев изображения человеко-птицы (Richards, 2004). Поэтому справедливо будет сказать, что культура о-вов Чатем развивалась независимо до их открытия европейцами в 1791 г.

19 ноября 1835 г. на о-ва Чатем вторглись маори нгати-мутунга и нгати-тама из области Таранаки на о-ве Северный. 500 маори, вооружённых ружьями, палицами и топорами, приплыли на специально зафрахтованном европейском судне «Родни». 5 декабря 1835 г. прибыл ещё один корабль с 400 воинами. Захватчики в буквальном смысле съели миролюбивых мориори. Записаны рассказы о том, как маори заставляли мориори собирать хворост и рыть яму для земляной печи, в которой они сами же будут приготовлены. Лишь немногие местные жители были обращены в рабство или ассимилированы. В 1862 г. оставались в живых только 101 человек, а в 1933 г. умер последний чистокровный мориори.

Хозяйство и материальная культура. Природа о-в Чатем не позволяла их жителям практиковать традиционные полинезийские способы добывания пищи, которыми являются земледелие (возделывание богатых крахмалом клубней, хлебного дерева, кокосовой пальмы), ловля рыбы в открытом море, а также рифовое собирательство и рыболовство. Ни одно из полинезийских растений не может приспособиться

к холодному климату островов, даже тыква-горлянка здесь не произрастала, поэтому мориори делали сосуды-кубки из зелёных листьев новозеландского льна. Традиции изготовления костяных крючков и строительства каноэ, необходимых для ловли рыбы в открытом море, были утрачены. По всей видимости, это было связано с отсутствием пригодных для строительства каноэ пород деревьев. А. Шанд различает четыре разных вида судов, которые изготавливались из цветущих стеблей *Phormium tenax* и морских водорослей и, по сути, скорее представляли собой плоты. При плавании морские водоросли быстро набухали, их нужно было вынимать из плотов и сушить на берегу. Рифовое собирательство было невозможным потому, что рифы, для которых необходимы тёплые течения, на о-вах Чатем отсутствуют.

Основными источниками пищи были морские котики и тюлени (которых били на лежбищах), ныне вымершие нелетающие птицы **мехорики** и **мехонуи** (ловили руками в гнёздах и сворачивали им шею), линные утки и ещё не умеющие летать птенцы морских птиц (за птенцами альбатросов устраивали специальные экспедиции на небольшие необитаемые острова), угри (их били гарпуном и добывали вершами), прибрежная рыба (добывали сетью), морские моллюски (в первую очередь, морское ушко *Haliotis sp.*) и выброшенные на берег киты. В качестве пищи использовались корневища папоротника и заготавливаемые в большом количестве плоды дерева **карака** (*Corynocarpus laevigata*). Плоды ядовиты, перед употреблением в пищу их обжигали в земляной печи и отмачивали в течение трёх недель в воде. В отличие от других полинезийцев мориори не ели изобилующих на островах крыс. Рыбу и мясо иногда консервировали, приготавливая в земляной печи, а затем зарывая в землю.

Мориори не прокалывали уши и не татуировали тело, отличаясь в этом отношении от других полинезийцев. Возможно, это связано с исчезновением традиции изготовления соответствующих инструментов, однако свою роль могла сыграть потеря того значения, которое придаётся инсигниям и знакам отличия в традиционных полинезийских обществах. Искусство плетения циновок из выскобленного новозеландского льна, которые маори употребляли для изготовления одежды, было утрачено, циновки заменили шкуры тюленей, которые носили мехом вовнутрь.

Дома представляли собой шалаши продолговатой формы с Л-образной крышей, крытой травой или тростником, без стен. Их обкладывали корой, чтобы сохранить тепло. В то же время есть указания на то, что мориори, как правило, не строили хижин, даже зимой довольствуясь защищающими от ветра скальными навесами, под которыми они собирались

на ночь. Заготовка топлива была трудоёмкой, на растопку использовались также торф и богатые жиром кости тюленей. Топливо часто воровали. Известны специальные заклинания, использовавшиеся для того, чтобы отомстить такому вору.

Социальная организация. Засвидетельствованы названия девяти так называемых «племён» мориори, которые прибыли на о-ва Чатем с легендарной прародины *Gavauku* (*Tch Etchi-ao, Tch Etchi-tara, Whetzina, Hērua, Makao-a-uhā, Makao-a-tā, Matangā, Poutama* и *Rauru*). Исходя из общей оценки населения о-вов Чатем на момент прихода завоевателей-маори в две тысячи человек (Shand, 1892: 161), можно предположить, что одно «племя» включало в свой состав 200—250 человек. Каждая такая группа имела свою территорию и обладала исключительными правами на пользование её ресурсами. Известно о существовании специальных межевых знаков, обозначающих границы территорий, а также о специальных «владельческих» метках на деревьях карака, плоды которых играли важную роль в рационе. В то же время Гилберт Мейер (Mair, 1904: 161—171) даёт список из 12 **каинга** «деревень» с указанием имён жителей в каждой из них на момент вторжения маори. При этом названия «деревень» не совпадают с названиями «племён» по А. Шанду. Согласно данным Мейера в **Waikeri** проживало 359 человек, в **Wharekauri** и **Tupuangi** — 192, в **Otonga** и **Waiteki** — 408, в **Karewa** и **Whangaroa** — 388, в **Ouenga** и **Patiki** — 217, в **Otonga, Waiteki** и **Rangiauria** — 109, а всего на о-вах Чатем жило 1673 мориори. По всей видимости, «племена» представляли собой социальные объединения на основании генеалогического принципа, а каинга — на основании территориального.

В главе «племени» стоял так называемый «вождь» **арики** (он был старший в главной семье), который имел право первенства во всём. Арики и в целом все пожилые мужчины были **тапу**, т.е. священными или неприкосновенными, например, никто не мог пройти у них за спиной. Отрезанные волосы вождя хоронили в тайном месте. Существовали ритуальные специалисты **тохунга**. В обязанности тохунга входило, в частности, проведение специальных ритуалов в тех случаях, когда на берег выбрасывало рыбу или китов. До тех пор, пока такой ритуал не был совершён, никто не мог прикоснуться к желанной пище. Арики часто выполнял функции тохунга, он играл очень важную роль в так называемом «обряде крещения новорождённых» **тохи**. Согласно отдельным свидетельствам некоторые украшения носили только вожди. В отличие от простых людей вожди хоронили в лодках, хотя есть указания на то, что способ погребения мог зависеть от пожелания умершего или от рода деятельности, в котором он был особенно искусен (например, великих рыбаков также хоронили в лодках). Дома людей «высшего класса»

(именно так у А. Шанда [Shand, 1894: 79]) были украшены своего рода резьбой. Среди мориори не существовало женщин-лидеров, как, например, у маори Новой Зеландии.

Судя по описаниям, постоянных посёлков не было, или, по крайней мере, люди всё время передвигались от одних сезонных стоянок к другим большую часть года. Так называемые посёлки состояли из нескольких жилищ. Они располагались в укрытых от ветра местах, как правило, на границе леса и недалеко от берега моря. В одной хижине могло жить до 20—30 человек. Для приготовления пищи использовались специальные дома-кухни, куда мужчины не могли входить. Женщины ели отдельно от мужчин.

Рабство на о-вах Чатем не было известно. На каннибализм, войны, убийство и кровопролитие был наложен запрет, который мориори возводили к легендарному предку **Нунуку**, жившему 27 поколений назад (данные на 1868 г.). Ритуальные поединки, использовавшиеся для разрешения конфликтов (например, из-за неверных жён), прекращались при первом появлении крови. Укреплений наподобие маорийских па также не было. А. Шанд описывает мориори как людей миролюбивых и неагрессивных, хотя и коварных.

Исключительную роль в столкновениях между отдельными людьми и социальными группами играло колдовство. Описаны ритуальные поединки как между отдельными людьми, так и между отдельными племенами, которые случались из-за неверности жён, умыкания женщин, кражи топлива или выброшенных на берег китов или рыбы. Суть этих ритуальных поединков сводилась к чтению заклинаний, т.е. к состязанию в колдовстве. По всей видимости, именно колдовство, точнее манипуляция представлениями о колдовстве, представляло собой основной властный ресурс в обществе мориори. Среди опубликованных А. Шандом традиционных текстов очень много заклинаний, по крайней мере, в сравнении с другими известными нам полинезийскими фольклорными традициями. Примечательно также, что у А. Шанда значительную часть параграфа о социальной структуре мориори занимают рассуждения о колдовстве.

Культурная адаптация на о-вах Чатем. Сопоставление мориори с другими близкими к ним в генетическом отношении полинезийскими культурами позволяет сделать следующие наблюдения. В условиях нехватки пищевых ресурсов мориори развили культуру **узкоспециализированных** охотников-собирателей, ориентированных на особые пищевые стратегии. Примечательно, что при охоте на котиков и тюленей у мориори существовал запрет на убийство щенков и самок. На лежбищах убивали только половозрелых самцов, причём трупы сразу уносили,

чтобы тюлени не ушли с лежбища. Специальные экспедиции к необитаемым островам совершались для охоты за неоперившимися птенцами альбатросов, но не для сбора яиц. Ловля нелетающих птиц **мехорики** и **мехонуи** была разрешена только в определённое время года, а сбор их яиц запрещён. Об особо неблагоприятных экологических условиях свидетельствует также традиция мориори кастрировать часть рождающихся мальчиков, что находит параллели в широко известном среди охотников-собирателей обычае инфантицида. Описаны также и случаи настоящего инфантицида — якобы ребёнка убивали в том случае, если он (много?) кричал после рождения, думая, что родился дух **кико-кико** (Travers, 1876: 25).

Развитие специализированных стратегий должно было привести к потере многих известных полинезийским народам технологических достижений, например, к исчезновению рыболовных крючков. С другой стороны, оно обусловило проживание в виде небольших сезонно-перемещающихся локальных групп, поскольку в такой форме легче эксплуатировать бедные природные ресурсы.

Понятно, почему мориори не ели крыс, активно употреблявшихся в пищу по всей Полинезии. У других полинезийских народов основу рациона составляли богатые крахмалом сельскохозяйственные культуры, поэтому наблюдался недостаток белка в пище, который пополнялся за счёт употребления в пищу мяса крыс. Диета мориори, напротив, указывает на недостаток углеводов, а не на белковое голодание. Примечательно, что бог **Ронго**, являвшийся у маори богом сельскохозяйственных растений и в первую очередь сладкого картофеля, превратился у мориори в **Ронго-моана** — бога-касатку (англ. *blackfish*). Выброшенные на берег киты составляли для мориори настолько важную часть рациона, насколько для маори о-ва Северный был сладкий картофель.

Запрет на ведение войны и каннибализм хорошо согласуется с тем фактом, что у охотников-собирателей в целом наблюдается гораздо более низкий уровень агрессии, чем у земледельцев, и известны специальные механизмы её подавления. Случаи институализированного каннибализма среди койсанских народов Африки, хадза, австралийцев, андаманцев, арктических культур двух полушарий и огнеземельцев — наиболее типичных охотников-собирателей — неизвестны.

Уровень социальной стратификации у мориори — минимальный среди описанных полинезийских обществ: вождь и все остальные, причём число людей, относящихся в обществе к первому страту, очень невелико. По некоторым показателям старейшины (т.е. старшие мужчины) сближались с вождём, противопоставляясь другим членам общества. Специализация в хозяйстве отсутствовала. По крайней мере, для вождей особое

значение имел генеалогический принцип и судебная, точнее регулятивная, функция. Знаки статусности выражены слабо, хотя и присутствуют. Наблюдается всего один уровень поселенческой иерархии (территориальная община). Базовой единицей являлась не нуклеарная, а большая семья. Все указанные параметры вплоть до среднего числа людей в общине (около 250 чел.), которая представляла собой наиболее крупную социальную группу, идеально соответствуют описанным (в частности у М. Салинза) культурам небольших атолловых островов с характерной низкой экологической продуктивностью — Пукапука, Отонг Джава, Токелау, Тонгарева (Sahlins, 1958: 92—106, 218—246).

Общество мориори, однако, ни в коем случае нельзя назвать эгалитарным, что можно объяснить наследием общеполинезийских идей о власти и социальных отношениях. Развитое колдовство, т.е. стратификация членов общества согласно доступу к специальному знанию, находят известные параллели среди австралийских аборигенов.

Вместо заключения. Как показывает приведённый выше анализ, многие особенности культуры мориори, в том числе их социальной структуры, могут быть проинтерпретированы как результат адаптации к экологической системе о-вов Чатем. Можно видеть также, что этот процесс был предопределён исключительной бедностью пищевых ресурсов. Таковы результаты антропологического подхода, который направлен на формальное вневременное моделирование. Исторический подход позволяет предложить дополнительные аргументы в пользу сделанных выводов. Археологические исследования выделяют две фазы в истории о-вов Чатем. К первой фазе относятся богатые погребения и посёлки, напоминающие своей материальной культурой Новую Зеландию архаического периода (например, цельные и составные крючки, классические тёсла). Во второй фазе наблюдается упрощение материальной культуры и обеднение погребального инвентаря (Беллвуд, 1986: 468—469).

В то же время исторический подход позволяет сформулировать важные вопросы. Во-первых, как следует понимать сходство в социальной организации мориори и жителей бедных пищевыми ресурсами коралловых островов? Возможно, что это сходство представляет собой не специфическую адаптацию к экологически малопродуктивным системам, а, наоборот, сохранение архаического протополинезийского состояния. В связи с этим интересно, что протополинезийский «вождь» *aliki, по всей видимости, был главой *kainanga «территориальной общины, состоявшей из нескольких больших семей» (Kirch & Green, 2001: 211—215, 218, 222, 227—231). Во-вторых, следует отметить, что многие специфические черты культуры мориори находят параллели в культуре маори Новой Зеландии, особенно близкие сходжения наблюдаются с культу-

рой маори о-ва Южный (ныне вымерших) — низкий уровень социальной стратификации, колдовство как основной властный ресурс и т.д. Подобные параллели могут быть объяснены как результат ареального, т.е. генетического, единства, если допустить, что о-ва Чатем были заселены из Новой Зеландии уже после того, как сложились отдельные элементы культуры маори. С другой стороны, маори о-ва Южный жили в сходных природных условиях и также были охотниками-собираателями. Полагаю, однако, что решение этих вопросов возможно с помощью новых опубликованных и архивных материалов по маори о-ва Южный Новой Зеландии.

Постскриптум или за гранью невероятного. Отдельно мне хотелось бы остановиться на одном наблюдении, которому я до сих пор не могу найти объяснения. Дело в том, что для полинезийских языков характерен запрет на сочетание согласных или появление согласных в конце слога. Все фонетические изменения в полинезийских языках соответствуют передвижению согласных по месту артикуляции назад (от губ к глотке) и их постепенному исчезновению. В результате этих изменений доля гласных всегда растёт, а доля согласных падает. Исключения из этого правила составляют лишь некоторые внешнеполинезийские языки, развивавшиеся в контакте с меланезийскими или микронезийскими языками (Крупа, 1975: 22—25, 32—33). Мориори — единственный язык Восточной Полинезии, в котором нарушены общие тенденции развития полинезийских языков, — наблюдается редукция гласных, вследствие которой оказываются возможными сочетания согласных и закрытые слоги, развивается альвеолярная аффриката (аффрикаты вообще неизвестны в полинезийских языках). Иными словами, наблюдается следующая ситуация: культура мориори представляет собой в некотором смысле возврат к архаическому состоянию (переход от земледелия назад к охоте и собирательству, упрощение социальной структуры), то же самое происходит и с языком — из типичного восточно-полинезийского вдруг развивается язык, в некотором смысле напоминающий его далёкую предковую форму, — протоокеанийский. Этот факт может представлять собой просто случайность, поскольку теоретически любой язык может развиваться в любом направлении. В то же время он поразителен, принимая во внимание, что из нескольких десятков полинезийских языков и диалектов только один вдруг стал развиваться в противоположном направлении. На данный момент я не способен предложить какой-то механизм, который смог бы объяснить связь между этими двумя явлениями или указать на другой подобный пример, и полагаю, что до тех пор, пока не будет сделано первое или второе, этот факт следует рассматривать как случайность.

Мне хотелось бы выразить свою искреннюю признательность тем людям, чья помощь оказалась в прямом смысле слова инструментальной для проведения этого исследования, — А.С. Архиповой, В.И. Беликову, Д.Д. Беляеву, А.В. Козьмину, А.В. Коротаеву и Ю.В. Латушко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артёмов О.Ю. 2004. Охотники/собиратели и теория первобытности. М.
2. Беллвуд П. 1986. Покорение человеком Тихого океана. М. (см. Bellwood, 1978).
3. Бутинов Н.А. 1985. Социальная организация полинезийцев. М.
4. Крадин Н.Н. 2004. Политическая антропология. М.
5. Крупа В. 1975. Полинезийские языки. М.
6. Bellwood. P. 1978. Man's conquest of the Pacific: The prehistory of South-East Asia and Oceania. Auckland—Sydney—London.
7. Biggs B. and Clark R. 2000. POLLEX (Polynesian Comparative Lexical Files). University of Auckland.
8. Clark R. 1994. Moriori and Maori: The linguistic evidence // D.G. Sutton (ed.), The origins of the first New Zealanders, 123—135. Auckland.
9. Deighton S. 1889. A Moriori vocabulary // Appendix to the Journal of the New Zealand House of Representatives 1889 G5: 1—7.
10. Dendy A. 1901. On some relics of the Moriori race // Transactions of the New Zealand Institute 34: 123—134.
11. Dictionary of New Zealand Biography. 1990. Vol. 1. Wellington.
12. Там же. 1993. Vol. 2. Wellington.
13. Там же. 1996. Vol. 3. Wellington.
14. Green R.C. 1966. Linguistic subgrouping within Polynesia: The implication for prehistoric settlement // Journal of the Polynesian Society 75: 6—38.
15. Grey G. MS. New Zealand Manuscripts 144 (after Harlow 1979).
16. Hamilton, A. 1903. Moriori carving, Chatham Islands // Transactions of the New Zealand Institute 36: 11—13.
17. Harlow R.B. 1979. Regional variation in Maori // New Zealand Journal of Archaeology 1: 123—138.
18. Islands of the Southern Ocean. 2006. Hobart.
19. King M. 1989. Moriori: A people rediscovered. Auckland.
20. Kirch P.V. 1984. The evolution of the Polynesian chiefdoms. Cambridge.
21. Kirch P.V. and R.C. Green. 2001. Hawaiki. Ancestral Polynesia: an essay in historical anthropology. Cambridge.
22. Leach B.F. 1973. Obsidian in the Chatham Islands // New Zealand Archaeological Association Newsletter 16.
23. Mair G. 1904. The early history of the Morioris: with an abstract of a Moriori narrative // Transactions of the New Zealand Institute 37: 156—171.
24. Richards R. 1972. A population map of the Morioris of the Chatham Islands, circa 1790 // Journal of the Polynesian Society 81.
25. Richards R. 2004. Manu Moriori: human and bird carvings on live kopi trees on the Chatham Islands. Wellington.

26. Sahlins M.D. 1958. Social stratification in Polynesia. Monograph of the American Ethnological Society. Seattle.
27. Shand A. 1892—1893. The occupation of the Chatham Islands by the Maoris in 1835: Parts I—IV // *Journal of the Polynesian Society* 1: 83—94, 154—163, 202—211, 2: 74—86.
28. Shand A. 1894—1898. The Moriori people of the Chatham Islands: their traditions and history. Chapters I—XIV // *Journal of the Polynesian Society* 3: 76—92, 121—133, 187—198, 4: 33—46, 89—98, 161—176, 209—225, 5: 13—32, 73—91, 105—211, 6: 11—18, 161—168, 145—151, 7: 73—88.
29. Shand A. 1904. The early history of the Morioris // *Transactions of the New Zealand Institute* 37: 144—156.
30. Shand A. 1911. The Moriori people of the Chatham Islands, the history and traditions. *Memoirs of the Polynesian Society*, Vol. 2. Wellington.
31. Shirres P.W. 1977. The relationship of the Moriori language to the Maori language. Research Paper, University of Auckland.
32. Skinner H.D. 1921. Culture areas in New Zealand // *Journal of the Polynesian Society* 30: 70—78.
33. Skinner H.D. 1923. The Morioris of the Chatham Islands. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum* 9(1). Honolulu.
34. Skinner H.D. and W. Baucke. 1928. The Morioris. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum* 9(5). Honolulu.
35. Travers, H.H. 1868. On the Chatham Islands // *Transactions of the New Zealand Institute* 1: 173—180.
36. Travers W. 1871. Notes on the Chatham Islands, extracted from Letters from Mr. H.H. Travers // *Transactions of the New Zealand Institute* 4: 63—66.
37. Travers W. 1876. Notes of the traditions and manners and customs of the Mori-oris // *Transactions of the New Zealand Institute* 9: 15—27.
38. Tregear, E. 1889. The Moriori // *Transactions of the New Zealand Institute* 22: 75—79.
39. Williams H.W. 1919. Some notes on the language of the Chatham Islands // *Transactions of the New Zealand Institute* 51: 415—422.
40. Williams J.W. 1898. Notes on the Chatham Islands // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 27: 343—345.

A. Davletshin

Moscow

MORIORI HUNTER-GATHERERS OF POLYNESIA: A CASE STUDY OF ADAPTIVE VARIATION IN CULTURE

Originally Polynesian, the Moriori people of the Chatham Islands developed a distinct culture of specialized hunter-gatherers as they adapted to local non-productive ecological conditions. The most significant features cross-culturally are a simple social and political organization, prominent role of sorcery, low aggression, ban against war and cannibalism. This is a unique and clear case of cultural adaptation to the ecologically poor environments in complete isolation.

ПОЛИТИКА РОДСТВА: МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

КЭмори полагал, что океанские переходы за сотни и тысячи миль должны организовываться вождями, отсюда их особое значение в полинезийских обществах, но также очевидно, что степень экономической и политической свободы, какой пользовались вожди различных полинезийских обществ, была неодинаковой. В чём причина этого?

Чтобы оценить специфику гавайской социальной организации, кратко остановимся на двух типологиях полинезийских обществ — М. Салинза¹ и И. Голдмана².

В основе типологии М. Салинза лежит уровень стратификации того или иного полинезийского общества³. Согласно своей концепции общей и специфической эволюции⁴ М. Салинз считал вариативность полинезийских культур проявлением специфической эволюции, которая рассматривалась им как филогенетическая трансформация культурных форм в результате адаптации к естественной (суперорганической) среде⁵. Исходя из экологической базы среды обитания и уровня технологии, который зависел от этой среды, у тех или иных вождей сосредоточивались большие или меньшие полномочия по распределению и перераспределению (редистрибуции) продуктов и материальных ресурсов. Чем больше были масштабы перераспределения, чем регулярнее оно осуществлялось, тем выше была социальная стратификация общества. Кроме того, она зависела от наличия большего или меньшего количества излишков — чем больше их производилось, тем выше положение элиты в обществе.

М. Салинз выделял следующие группы полинезийских обществ (по степени стратификации):

- максимально стратифицированные (Тонга, Гавайи и др.);
- минимально стратифицированные (Токелау, Пукапука);
- переходные общества (Мангаиа, о-в Пасхи и др.).

И. Голдман предложил другую типологию, исходя из гипотезы о существовании острой борьбы за статус и ранг среди вождей⁶. В тех или иных полинезийских обществах положение и объём управленческих функций вождей зависел от соотношения приобретённого личными заслугами или наследуемого статуса. Таким образом, функции по управ-

лению могли реализовываться либо родовой знатью, либо могли быть поделены поровну на основе статусного родства (термин предложен И. Голдманом) между коллективом и отдельным человеком.

И. Голдман также выделял три группы полинезийских обществ.

1. *Традиционные общества.* В них положение индивида определялось статусом, приписываемым ему генеалогией, а сама генеалогия учитывала передачу этого статуса по мужской линии с внутренним ранжированием по примогенитуре (праву первородства). К этой группе Голдман относил Новую Зеландию, Тонгарева и др.

2. *Открытые общества.* По сравнению с традиционными обществами удельный вес личных заслуг в приобретении власти здесь был выше. Наследственные вожди сохраняли свой сакральный статус, однако часто реальная власть и право перераспределения материальных ресурсов могло сосредоточиваться в руках удачливых военачальников из среды лидеров территориальных общин. К таким обществам можно причислить общества Мангаиа, Пасхи, Ниуэ, Ротума.

3. *Стратифицированные общества.* В условиях формирования так называемой сословно-кастовой структуры (или «квазикастовой» в терминах Н.А. Бутинова⁷) статусное родство играло дифференцирующую роль, благодаря чему на таких островах, как Тонга и Гавайи, к моменту первых контактов с европейцами оформились сложные вождества.

М. Салинз и И. Голдман подходили к проблеме факторов общественного развития полинезийцев с разных точек зрения. Первый делал акцент на условиях природной среды, второй — на условиях среды социальной (борьба за статус). Эти две точки зрения не противоречат друг другу. С одной стороны, корреляция между средой обитания и сложностью социальной организации в Полинезии прослеживается достаточно чётко. Самыми сложными были общества «высоких» вулканических островов. И, наоборот, социальная организация атолловых обществ отличалась своей простотой.

Сразу отметим, что «простота» в данном случае связывалась со степенью стратификации и иерархичности того или иного общества, так что данная концепция, если так можно выразиться, была априорно «вождецентричной». Рассматривалась степень участия или неучастия вождей в процессе непосредственного производства средств существования или, другими словами, их место и роль в системе жизнеобеспечения. На «высоких» островах считалось обычным неучастие верховных вождей в процессе непосредственного сельскохозяйственного и отчасти ремесленного производства. «Настоящий вождь» должен был обладать

тучной комплекцией (полнота как признак более высокого социального положения)⁸ и осуществлять посредническую функцию между людьми и богами. Например, на Гавайях (и не только) медиативная функция верховных вождей приводила к формированию теократических форм правления в последующие периоды перехода от простой системы социальных рангов к сложной⁹ (от простых к сложным вождествам). Между тем социальные системы ряда полинезийских островов никак нельзя признать «более простыми» по отношению к другим, беря за основу лишь критерий иерархичности их социальной структуры или степени централизации.

Примером здесь может служить общество Самоа, прародина восточно-полинезийских культур, где централизации управления и обособлению вождей в замкнутый социальный слой препятствовала сложная система «сдержек и противовесов», при которой механизм принятия решений распределялся между *фоно* (советами) домохозяйств или деревень (редко районов). Вожди конкурировали между собой за обладание тем или иными престижными титулами, четыре из которых составляли «контрольный пакет», *папа*, дававший право на получение титула «короля» Самоа — *туну*. Однако реальная власть туну распространялась только на его собственный линидж. Речь шла не об иерархии вождей, а об иерархии отдельных семейств и фоно различных уровней, ибо даже матаи (вожди) самых знатных семейств — Салафай, Самали-этоа, Сатупуа и Салеваласи — были, прежде всего, членами своих родственных групп, поэтому на фоно в зависимости от его уровня вождь всегда отстаивал интересы своего домохозяйства или деревни. На Самоа каждый человек старше сорока лет был владельцем одного или более семейных титулов. Чем больше и престижнее они были, тем выше личный ранг этого человека. Своеобразие социальной системы Самоа во многом являлось следствием равномерного, но достаточно скудного распределения природных ресурсов архипелага, в силу чего надобщинная организация развивалась не по централизованному пути, а по пути развития межобщинных консенсуальных форм управления. Собственность на землю и другие средства производства передавалась в рамках отдельного домохозяйства. В его же пределах регулировалось и само производство. На более высоких уровнях обсуждались межобщинные дела (взаимопомощи, войны и мира, общественных работ). Именно на этих уровнях наиболее полно действовала система контроля и выравнивания разных общественных сил и влияний, препятствовавшая усилению отдельных семейств и их лидеров¹⁰. Но была ли такая система

«проще» той, что мы обнаруживаем в более централизованных и иерархических обществах, к каковым относят Гавайи?

Гавайскую социальную структуру часто представляют как ранжированную социополитическую организацию. «Ранжирование базировалось на дистанции по отношению к старшей линии, при которой высшим рангом обладал старший сын в главной линии старших сыновей»¹¹. М. Салинз замечает по этому поводу: «Теоретически, каждый индивид имел уникальный ранг в точной пропорции к его дистанции по отношению к старшей линии родственников»¹².

Н.А. Бутинов предлагал условно выделять два основных типа родоплеменной организации у полинезийцев — «тонганский» и «ирокезский»¹³. В первом случае общественная иерархия основывалась на вертикальных связях, а родовые горизонтальные связи были ослаблены. Лидер здесь становился таковым не благодаря решениям родовых органов управления, а в силу того, что он относился к старшему семейству, которое по представлениям остальных являлось наиболее близким потомком по отношению к легендарным первопредкам. Основой такой структуры, как отмечал С.А. Токарев¹⁴, был принцип генеалогического старшинства, регулирующий личный состав сословий (социальных страт). Подобная организация общества была названа Р. Ферсом «рэמידжем», П. Киршоф предложил называть её коническим кланом¹⁵.

Во втором случае социальная структура определялась характером в основном горизонтальных взаимодействий по линии отдельных родовых сегментов коллектива — советов домохозяйств, общинных старейшин. На таких советах выбирали вождя, решались хозяйственные проблемы, вопросы отправления культа, войны и мира и т.п. В общем, классическая «военная демократия» по Л.Г. Моргану. (Не случайно и предложенное название данного типа организации — «ирокезский»). Н.А. Бутинов относил к таким обществам Маркизские острова, Мангаиа и ряд других. Любая типология условна, ибо на практике существовали общества, сочетавшие в той или иной степени и те, и другие признаки. Особенно показательны в этом плане общества, обладавшие формальными чертами стратифицированных обществ (номенклатура терминов родства, символы и атрибуты власти правителей и т.п.), но на деле к таковым не относившиеся (о-в Ротума, например)¹⁶. Гавайским островам был свойственен «тонганский» тип «племенной» организации.

Очевидно, что концепт «племени» не вполне подходит для обозначения политических форм социальной жизни гавайцев и полинезийцев в целом¹⁷. Логика поисков «полинезийских племён» нам понятна —

концепции племени уделялось большое внимание в теоретических разработках исследователей-марксистов. Представление о незыблемости племенного уровня организации как универсального этапа социальной эволюции приобрело дискуссионный характер благодаря работам М. Фрида¹⁸. Позднее высказывались мнения о вторичности племён, само появление которых было следствием европейской колонизации. Н.М. Гиренко предлагал рассматривать концепт племени как эвристическую модель поиска эгалитарных общностей, в которых отсутствует централизованная организация политической власти¹⁹. При таком подходе в большинстве полинезийских обществ «высоких» островов племенная организация не обнаруживается.

То, что Н.А. Бутинов называл «тонганским» и «ирокезским» типами племени, фактически было двумя основными путями интеграции семейно-родственной организации в политические формы. В подтверждение этой мысли сошлёмся на мнение М. Салинза, указывавшего на существование двух основных типов родственных (десцентных) объединений на вулканических («высоких») островах Полинезии, которые «...равным образом интегрируются в политические институты различной формы»²⁰, — рэмиджей и «усечённых десцентных линий». В случае с Гавайскими островами нас будет интересовать первый из двух типов.

Рэмидж²¹ представляет собой внутренне ранжированную (по приморденетуре или первородству) десцентную группу²², причём базовой характеристикой рэмиджа является его экстерриториальность. Такая структура может охватывать часть острова, целый остров или даже группу островов, оставаясь при этом одной таксономической единицей²³. Сегменты рэмиджа (отдельные домохозяйства) могут образовывать различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Таким образом, один или несколько максимальных рэмиджей могут становиться готовой формой для образования отдельной политической единицы, как это и было во время образования сначала простых, а затем и сложных вожеств на Гавайях (начиная примерно с 600—800 гг. н.э.)²⁴. В ходе процесса политогенеза «верхушка» рэмиджа часто превращалась в особый сегмент общества (условно назовём её «политической элитой»), структурированный в правящий линидж, который образовывал управленческую подсистему общества. Со временем правящий линидж («верхушечный рэмидж») экономически и идеологически обособлялся от таковых других. Верховный вождь и члены его семейства переставали принимать непосредственное участие в процессе производства средств существования и реализовывали по преимуще-

ству лишь судебно-медиативную, управленческую и церемониальную функции, что подкреплялось комплексом религиозных привилегий и запретов (концепция мана-табу).

На базе ранговой иерархии, которая являлась структурообразующим принципом рэмиджевой организации, формировался прообраз «штаба управления» или, другими словами, подобие бюрократического аппарата, где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимального рэмиджа становились правителями «на местах»²⁵. Так из родственных объединений вырастали объединения политические.

Рэмиджевые структуры возникали в определённых хозяйственно-экологических условиях. Под ними подразумевается наличие достаточного количества разнообразных ресурсов, когда существует несколько экологических ниш — прибрежная, горная, зона речных долин и т.д., что предполагает целый спектр разнообразных занятий — от прибрежного и морского рыболовства до возделывания таро (орошаемого или нет), заготовок дикоросов и т.п. Благодаря этому происходила специализация отдельных домохозяйств на производстве продуктов питания или ремесла соразмерно доступным ресурсам конкретной экологической ниши. Дисперсное распределение ресурсов обуславливало и дисперсный тип поселений (хуторного типа).

И, наоборот, концентрация пищи и сырья в пределах ограниченной зоны коррелировала (по М. Салинзу) не с рэмиджем, а с усечённым десцентом. В одном поселении, например на Самоа, могли находиться несколько десятков неродственных (отношения свойства тем не менее не исключались) групп или *са*. Отсутствие производственной специализации не требовало экономической кооперации, а, значит, приводило к самодостаточности этих групп, чего не было на Гавайях, где жители побережья вступали в обмен с жителями внутренних районов. Следовательно, внутреннее ранжирование рэмиджей давало механизм для распределения продуктов разных экологических зон по вертикали и горизонтали. Такое распределение (в форме реципрокации и редистрибуции) было возможно благодаря родственной иерархии отдельных сегментов рэмиджа. Младшие вожди осуществляли сбор подношений с нижестоящих «ответвлений» максимального рэмиджа в пользу старших вождей. По мере территориального расширения подобного рода структур (в ходе хозяйственного освоения архипелага, а впоследствии посредством войн и браков) количество уровней редистрибуции увеличивалось. Высшие и низшие рэмиджи превращались в закрытые, эндогамные по отношению друг к другу, группы (при этом внутренняя агамия сохранялась)²⁶.

- ¹ Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1958.
- ² Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago, 1970.
- ³ Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. P. 150.
- ⁴ Sahlins M.D. Evolution: Specific and General // Evolution and Culture / Ed. by M.D. Sahlins, E.R. Service. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1960. P. 12—44.
- ⁵ Sahlins M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 3. P. 291—301.
- ⁶ Goldman I. Cultural evolution in Polynesia: a reply to criticism // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 2. P. 156—165; Goldman I. Variations in Polynesian Social Organization // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 4. P. 374—392; Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- ⁷ Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.
- ⁸ Крадин Н.Н. Символика власти в археологии и этнологии: Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 440.
- ⁹ В терминах Р. Корди — Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. 9. № 2. P. 89—107.
- ¹⁰ Sahlins M.D. That's Not What I Said: A Reply to Derek Freeman // American Anthropologist. 1964. Vol. 66. № 3. Part I. P. 616—620.
- ¹¹ Earle T. Hawaiian Islands (AD 800—1824). Moscow, 2000. P. 79.
- ¹² Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. P. 141.
- ¹³ Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.
- ¹⁴ Токарев С.А. Происхождение общественных классов на островах Тонга // Советская этнография. 1958. № 1. С. 131.
- ¹⁵ Кожановская И.Ж. Что мы знаем о социальной организации полинезийцев? // Этнографическое обозрение. 1993. № 2; Бутинов Н.А. К вопросу о социальной организации полинезийцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
- ¹⁶ Латушко Ю.В. Некоторые особенности социальной организации полинезийцев: Институт сау на острове Ротума // Шестая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 2001. С. 254—259.
- ¹⁷ О соотношении понятий «племя» и «вождество» // Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения: Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Наука, 1995. С. 20—22.
- ¹⁸ Fried M. The Notion of Tribe. Menlo Park, CA: Cummings Publishing Company, 1975.
- ¹⁹ Цит. по: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 78.
- ²⁰ Sahlins M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 3. P. 299.
- ²¹ В работах советских авторов рэмиджевые структуры часто называли «сегментированными семейными общинами». См., например: Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М.: Наука, 1971. С. 10.
- ²² Под десцентом обычно понимается способ отслеживания происхождения индивидов от общих предков по линиям родства (мужской, женской, либо по обеим сразу). Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 76.

- ²³ Двигаясь по шкале от минимального до максимального рэмиджа. Нетрудно заметить, что так мыслилась охана в широком смысле этого слова (см. выше).
- ²⁴ Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. 9. № 2. P.91.
- ²⁵ Sahlins M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 3. P.299.
- ²⁶ На Гавайях при господстве патрилинейного десцента возможно было также прослеживание родства по линии женских предков, соответственно варьировалась и локальность брачного поселения — от патрилокального до постматримониального, когда молодой человек «отрабатывал» долг за невесту в семье её родственников, а впоследствии переселялся к родственникам по отцу. Таким образом, сегменты рэмиджа были взаимно агамны, а правила афiliation (зачисления в родственную группу) амбилинейны.

Yu. Latushko

Vladivostok

THE KINSHIP POLITICS: THE MODELS OF TRANSFORMATION OF SOCIO-POLITICAL SYSTEMS IN POLYNESIA

In paper the problem of kinship politics in Polynesia is analyzed. We point that the models of transformation of Polynesian socio-political systems close connected not only with the environmental characteristics but with the impact of inner region contacts and out regional European influence. We also consider that hierarchy can not be the only criterion of social organization complicity. In this respect we have good examples — Hawaiian and Samoan societies. Finally, most of theoretical controversy is the direct consequence of different thinking peoples. That is why we pay attention to kinship terms as the product of different thinking peoples with different politic strategies to wide extent.

«ОСТРОВ ДУХОВ» В МИКРОНЕЗИЙСКОМ НАВИГАЦИОННОМ ИСКУССТВЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Американский антрополог С. Райзенберг в 1967 г. во время полевых исследований на атолле Пулуват (Каролинские острова) обратил внимание, что три острова, называемые островитянами Пик, Пикелот и Файю* (с востока на запад) на европейских картах обозначены соответственно Пикелот, Файю и Гаферут, т.е. каждое название сдвинуто к соседнему острову на востоке. Подобная «аномалия» характерна не только для Пулувата, она фиксируется на Каролинах от Трука до Япа — микронезийские варианты названий островов, не считая диалектологических различий, в целом сходны между собой и отличаются от европейских. Райзенберг отмечает, что он не первый, кто обратил на это внимание. В 1952 г. Ф. Смит, проводя филологические исследования на островной группе Волеаи, констатировал, что островитяне называют Гаферут *Fayaew*, Файю — *Pigailoe*, а Пикелот — *Pihg*. Вильям Элкайр тоже заметил аналогичное несоответствие, работая в 1963 г. на атолле Ламотрек.

Заинтересованный этим фактом, Райзенберг провёл скрупулёзное исследование карт и источников, а также предложил свою реконструкцию явления микронезийской культуры, которое отчасти и послужило причиной изменения названий.

Важным практическим следствием этого исследования стал вывод: при рассмотрении источников, в которых содержатся предоставленные островитянами данные по межостровной навигации в этом районе с упоминанием названных островов, необходимо учитывать именно автохтонный вариант названий. Только в этом случае маршруты, встречающиеся в описаниях и взятых в достаточно широком временном диапазоне, совпадают с картой.

Историю самой ошибки, исключая множество деталей, можно свести к следующим фактам. На документах XVII—XVIII вв. в разнообразных транскрипциях и сочетаниях встречаются три названия из четырёх, а именно те, которые используются микронезийцами. Впервые все три названия вместе возникают на одной карте, датируемой 1787 г. Примечательно, что эта карта составлена со слов микронезийцев, прибывших на Гуам (Марианские острова) с Каролинских островов (атолл Ламот-

---

* Имеется в виду West Fayu, восточнее расположен остров с названием Est Fayu.

рек). Она включает ряд названий островов Каролинского архипелага, среди которых есть Pig, Piguela и Fayao — так эти названия записаны в испанской транскрипции.

В 1804 г. испанское правительство Гуама, заинтересованное в том числе и этими сведениями, отправляет экспедицию на восток. Согласно карте, составленной в ходе этой экспедиции, именно тогда и произошло первое недоразумение: название Fayao перешло к острову Piguela (Пикелот), а его название в свою очередь переместилось далее на восток. Трудно назвать конкретную причину такой неточности, но, учитывая плохое знание европейцами региона, обилие атоллов, сложную для европейского уха фонетику местных наречий (кстати, названия Пик и Пикелот однокоренные и восходят к понятию «остров»), в этом нет ничего удивительного.

Следующая составляющая ошибки — появление на карте названия Гаферут — возникает уже спустя столетие. В 1905 г. представитель немецкой администрации на о-ве Яп А. Сенффт расспрашивал вождя Ламотрека об окружающих островах. Именно в его записях наряду с названиями Pikola, Pikolot и Westfayu впервые появляется Gaferut, упомянутое жителем Ламотрека. Райзенберг возводит это название к пулуватскому слову Kaafigor. На Пулувате под этим именем выступает легендарный остров, который находился к северо-востоку от Япа, он погрузился под воду, чтобы избежать испанского завоевания. Похожие тексты зафиксированы и на самом Япе, где фигурирует мифологический остров Sepin*. Согласно различным версиям он считается также исчезнувшим под водой вследствие применения магии или описывается как одинокий остров, населённый духами.

По мнению Райзенберга, название Гаферут могло оказаться в перечне микронезийского вождя в связи с тем, что в навигационной практике мореходов Каролин наравне с реальными объектами фигурирует понятие «остров духов». Поскольку и мифологический Гаферут (Kaafigor), и остров, называемый микронезийцами Файю (чьё название на европейских картах уже перешло к соседнему Пикелоту), находились от Ламотрека в одном направлении — к северо-западу, представитель европейских колониальных властей, не подозревая об этом, утвердил за «безымянным» Файю название мифологического места.

Один из основных принципов, на котором построено искусство ориентирования микронезийского морехода, заключается в том, что он должен знать взаиморасположение всех атоллов архипелага в привязке к астрономическим ориентирам. На достижение этого направлено множество различных тренингов, которые используются в процессе

* Райзенберг полагает созвучие с названием острова Сайпан (Марианские острова) случайным.

обучения навигаторов. Одна из таких техник, также зафиксированная Райзенбергом на атолле Пулуват, носит название, которое можно перевести как «Очерчивание шестом для сбора плодов хлебного дерева» (в английском варианте «The Lashing of the Breadfruit Picker»). Навигатор представляет себя стоящим на каком-либо острове; поворачиваясь вокруг своей оси, он как будто бы протягивает шест поочерёдно в направлении всех других известных островов. Таким образом он заучивает направления на все острова с любого из них. Помимо общего названия упражнения каждый вариант в зависимости от того, на каком острове представляет себя навигатор, может иметь и своё собственное — одно из них звучит как «Шест вождя Кааферора», очевидно подразумевая, что комплекс направлений на различные острова берётся из точки, в которой позиционируется мифологический остров Кааферор.

Зафиксировав эти направления, Райзенберг среди всех объектов, к которым они вели, смог идентифицировать 23, включая астрономические ориентиры. Он проложил на карте обратные пеленги, которые образовали при своём пересечении некоторый достаточно ограниченный район. В 40 милях от этого района* оказалась локальная отмель, характеризующаяся значительным уменьшением глубины. Прекрасные знатоки океана, микронезийские мореходы умели различать отдельные его участки в зависимости от проходивших здесь течений, районов обитания животных и пр. Они не могли не знать о существовании подъёмов рельефа дна, влияющих на характер волнообразования, цвет воды, состав морской фауны.

Сопоставив данные, Райзенберг пришёл к выводу, что сюжет о Гаферу-те — острове, который погрузился под воду, и в то же время может быть соотнесён с встречающимся в традиционной микронезийской навигации «островом духов», имеет в своей основе конкретное природное явление.

В связи с результатами этого интересного исследования хочется особо остановиться на одном моменте. Тот факт, что название мифологического места могло оказаться на европейской карте, не вызывает сомнений. Убедительными кажутся и выводы, касавшиеся причин этого. По результатам реконструкции, привязывающих существование острова духов к конкретному природному объекту (явлению), видно, что здесь, по нашему мнению, всё обстоит несколько сложнее. Несмотря на связь природного окружения с фольклором и мифологией, с одной стороны, и невозможность отделить последнюю от традиционной системы знаний — с другой, данный конкретный природный объект, вероятно, и любой другой, едва ли можно жёстко связывать с островом духов,

* Перенос традиционных данных на европейскую картографическую проекцию теоретически мог дать высокий процент погрешности.

когда мы рассматриваем последний как часть навигационной системы. Представляется, что в этом качестве его «существование» обусловлено более специфическими причинами.

Фольклорные тексты об острове, ушедшем под воду (расположенном под водой), широко распространены на Каролинах. Но отнюдь не всегда они снабжены указанием на название острова и его местоположение. Если учесть, что подобные данные содержатся и в японском варианте легенды, причём частично (местоположение) совпадают, и это при заметных различиях в мифологии Восточных и Западных Каролин, можно предположить относительно позднее происхождение данного конкретного сюжета. Обращает внимание и отсутствие на карте 1787 г., данные которой, как и данные Сенффта, получены от микронезийских мореплавателей, названия мифологического места, что, впрочем, не является прямым доказательством того, что на тот момент сюжета не существовало. Более показательным кажется тот факт, что мотив исчезновения острова связан с испанцами, следовательно, появляется не ранее XVII в., на востоке Каролин возможно позднее. Это значит, что навигационная система в регионе со всеми ориентирами, включая и остров духов, сформировалась независимо от сюжета значительно раньше.

Нужно отметить, что «остров духов» в микронезийской мифологии это не только и не столько затонувший остров. В традиционной картине мира остров духов, как место обитания существ нечеловеческой природы, в первую очередь характеризуется отдалённостью, труднодоступностью, затерянностью. Небесный мир — *ланг* — мыслится как океан с островами, которые населяют божества. Согласно загробным представлениям далеко на западе располагается остров духов мёртвых. Различные божества и духи могут также жить на одиноких, необитаемых островах — как вымышленных, так и настоящих. «Остров обитаем слепым богом и двумя его сыновьями... дикари выдумали называть себя во время пребывания на острове по именам обоих его сыновей, так что слепец, вводимый в заблуждение, ни в чём им не препятствует. Доброе расположение сыновей они стараются завоевать уже в пути, исполняя песни, исполненными лесть; из этого можно видеть, что они, подобно грекам и римлянам, приписывают своим богам человеческие слабости» [Коцебу, 1948: 201].

Наконец, «остров духов» не просто часть мифологической картины мира, он является полноценным и чрезвычайно специфическим элементом навигационной практики мореходов Каролинского архипелага. И если, как мы отмечали, такой остров *упоминается* наряду с остальными, это связано с тем, что он *используется* как самостоятельный ориентир.

Суть этого метода состоит в следующем: при движении в океане навигатор помимо определения направления при помощи звёзд применяет

технику контроля над своим перемещением — это особенно необходимо при лавировке против ветра, когда важно точно рассчитать длину каждого галса. Для этого в качестве ориентира выступает ещё один остров, находившийся в стороне от линии курса. По мере продвижения по курсу вспомогательный остров и каноэ будут последовательно смещаться относительно друг друга. При этом в определённых точках на своём пути каноэ будет оказываться на одной прямой с этим островом и какой-либо звездой, или, как говорят сами островитяне, остров оказывается *под* звездой. Фиксируя эти моменты, навигатор определяет, насколько он продвинулся вперёд.

Система основана не на визуальном наблюдении за объектами. Упомянутый вспомогательный остров, по сути, являясь основным «инструментом» ориентирования, находится вне зоны видимости, обычно в нескольких десятках миль от линии курса. С точки зрения европейской навигации вполне «законные» приёмы, сочетаемые в данном случае — использование створа и пеленгование — теряют свой смысл, если объекты невозможно наблюдать. Микронезийский навигатор осуществляет контроль над изменением положения каноэ по отношению к окружающим объектам благодаря комплексу мнемонических приёмов, способствующих приведению в определённое соответствие таких параметров, как расстояние пути, время, скорость движения и расположение астрономических ориентиров. Именно благодаря такому умозрительному характеру всей системы оказывается возможным включение в неё «острова духов» как равноценного элемента — воображаемого (несуществующего) среди воображаемых (невидимых).

Этот остров появляется в системе тогда, когда в месте, удобном для расположения ориентира, отсутствует реальный объект. Это своего рода виртуальная вежа, которая «выставляется» в удобной точке. Поскольку мы не видим эту точку, нам, в сущности всё равно, обозначена она материально или нет. Таким образом, «остров духов» вводится как дополнительное построение в геометрии, цель которого создать (сохранить) определённое отношение между элементами всей системы, что является необходимым условием успешности рассмотренного навигационного приёма. Остров духов является как бы идеальным, сконструированным объектом, а его «локализация» связана не с созданием мифологической «надстройки» над тем или иным природным явлением, а в первую очередь отвечает потребностям ориентирования. Поэтому роль несуществующего острова в процессе ориентирования оказывается более рациональна, чем его «объяснительная» функция в случае соответствия какому-либо физическому явлению. По этой же причине для микронезийского навигатора «остров духов» реален именно как навигационный объект.

Использование в микронезийской навигации понятий, отвечающих традиционной картине мира, не мешает этой системе обладать высокой степенью рациональности, напротив, последняя, равно как и успешность всей системы, базируется именно на цельности традиционного мировоззрения. Но это не означает, что рациональность заключается в том, что за каждым «мифологическим» стоит нечто осязаемое. Эта связь обладает значительной гибкостью, означаемое и означающее «дрейфуют» относительно друг друга, что также характерно для традиционного сознания. Поэтому, попытка Райзенберга соединить, свести воедино конкретный природный объект, некий остров из фольклорного текста и «остров духов» как элемент микронезийской системы навигации, привязав их к определённой точке пространства, в некотором смысле есть развитие той самой ситуации, в результате которой название мифологического острова и оказалось на карте. В то же время, не умаляя значения исследования, можно отметить, что его подход в целом хорошо иллюстрирует саму проблематику изучения традиционных навигационных методов народов Океании, построенных на специфических и во многом чуждых европейцу принципах пространственного мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глэдвин Т. Навигаторы Тихого океана: навигация и логика на атолле Пулуват. СПб., 1995.
2. Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света. М., 1948.
3. Riesenbergs S.H. The Ghost Islands of the Carolines // Micronesia. 1975. Vol. 11 (1). P. 7—33.
4. Gladwin T. East is a big bird // Natural history. 1970. Vol. 79. N 4. P. 24—35.
5. Там же. № 5. P. 58—69.
6. Kramer A. Truk. Ergebnisse der Sudsee-expedition 1908—1910. Bd. 5. Hamburg, 1932.
7. Kramer A. Zentralkarolinen. Ergebnisse der Sudsee-expedition 1908—1910. Bd. 10. Hamburg, 1937.

A. Lebedeva
St. Petersburg

THE GHOST ISLAND IN THE NAVIGATION SKILL OF MICRONESIANS (HISTORIOGRAPHIC AND ETHNOGRAPHIC ASPECTS)

The problem of "the Ghost Island" in the navigation skill of Micronesians is analyzed in article. It has historiographic and ethnographic aspects. "The Ghost Island" is a perfect example of traditional navigation knowledge that allowed Micronesians to be very skillfully seafarers.

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИГРАХ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ И НИВХОВ (XIX—XX вв.)

Народы Сибири и Дальнего Востока России выработали собственную систему военно-прикладного воспитания, напрямую обусловленную основным содержанием их промыслово-хозяйственной деятельности. Было сформировано два принципа воспитания. Первый: не должно быть дела без цели. Любое действие человека подчинено конкретной цели. Игра и спортивные состязания — не исключение. Второй: ребёнок не должен стремиться получать информацию, пока не решит поставленную задачу уже известными методами. Старший ни в коем случае не должен отвечать на вопрос ребёнка: «Что делать?» Надо вообще уклоняться от ответа, если видно, что он ещё не исчерпал в попытках свои силы. В крайнем случае можно ответить на вопрос: «Как делать?» Если сегодня не развивать мышление ребёнка, ограничившись загрузкой памяти, то завтра это сделать будет намного сложнее¹.

Единой для всех была также связь воинской и игровой культуры: понятия «играть» и «сражаться» неотделимы. Например, у тунгусо-маньчжурских народов для действий «плясать», «играть», «состязаться» и «упражняться в воинской практике» существовал один и тот же термин «эви», или «икэ». От него образованы эвенкийское «эвикит», эвенское «эвикиттэй», негидальское «эвикэкун», орочское «эвинки», обозначающие всю совокупность воинских искусств и физических упражнений. Этот же термин обозначал специальную площадку для воинских упражнений и для проведения народных игр.

В прошлом традиционной формулой для вызова на единоборство было: «Давай поиграем!», а когда решали, каким способом или оружием будут сражаться, говорили: «В какую игру будем играть?» Заметим также, что небольшие по численности народы имеют огромное количество игр. Обучение начиналось с 5—7 лет, но первичные навыки ребёнок получал ещё раньше. Процесс воспитания воина продолжался до 13—18 лет и заканчивался обрядом инициации. С этой целью устраивались различные испытания, в ходе которых юноши демонстрировали свою выучку². В наиболее простых вариантах испытания сводились к демонстрации умений и навыков в традиционных видах деятельности или успешной охоте³.

Помимо непосредственно прикладных навыков существовало множество подвижных игр, направленных на развитие силы и ловкости у молодых людей. Чрезвычайно популярны были поднятие и метание камней и различного рода прыжки. В нивхском состязании «настхмардь» игроки пытаются прикоснуться носками обеих ступней к жерди либо к верёвке, которую держат два человека: «Сначала её держат на уровне пояса, затем поднимают до груди, до шеи, до подбородка, рта, носа, глаз, до бровей, до края волос, над лбом. После этого верёвку поднимают на уровень макушки. Задача участников состязаний — допрыгнуть до верёвки и коснуться её носками ног. Прыгун выполняет прыжок с места, отталкиваясь двумя ногами. При этом он стоит лицом к верёвке на таком расстоянии от неё, чтобы ему было удобно во время прыжка поднимать сомкнутые прямые ноги (именно, сомкнутые и прямые) и коснуться их носками верёвки. Далее высота прибавляется на один палец до тех пор, пока верёвка не будет поднята над головой на высоту ладони, поставленной ребром. Это предельная высота, выше которой верёвка не поднимается»⁴.

У нижеамурских нивхов подобные соревнования имеют некоторые отличия. Прыгун выполняет прыжок не с места, а с разбега произвольной длины, отталкиваясь обязательно двумя ногами от земли. Он должен перепрыгнуть через верёвку, не задев её, и приземлиться на две ноги. По рассказам старых нивхов — очевидцев таких состязаний, на Нижнем Амуре были прыгуны, которые могли перепрыгнуть верёвку на высоте около двух метров⁵.

Важными особенностями высоких прыжков являлись: а) способность изменять траекторию полёта, находясь в воздухе и б) использование оружия в прыжке. Например, у эвенков была распространена игра с прыжками и одновременной стрельбой из лука: «Двое тунгусов держат верёвку и вертят её, но так, чтобы она не касалась земли. В это время третий тунгус прыгает через верёвку, поднимает лук и стрелу. Смелые тунгусы даже подставляют ноги острию меча, которым изо всей силы машет лежащий на земле тунгус»⁶.

В настоящее время во время праздников устраиваются соревнования по прыжкам в длину с разбега и с места, с отталкиванием двумя ногами, с поочерёдным толчком левой или правой ногой. Весьма популярны прыжки через нарты толчком обеих ног. Некоторые участники преодолевают таким способом до 600 нарт подряд.

Важное место в системе подготовки воина играло умение обращаться с копьём. По свидетельству В.Г. Богораза, во время межплеменных войн на Севере сражение на копьях было самым распространённым

видом боя⁷. У народов Сибири и Дальнего Востока существовали специальные комплексы упражнений с копьём, несколько напоминающие японские ката, но в отличие от последних они не были систематизированы. Набор движений зависел от индивидуальной манеры владения копьём. Но при тренировке в паре последовательность движений заранее оговаривалась, а ритм движений ускорялся постепенно. Именно так и в наше время происходит фехтование на палках у нанайцев, ульчей и других народов⁸.

В процессе тренинга с копьём некоторые воины привязывали к кистям небольшие мешочки с камешками. Различные упражнения с копьём они выполняли на бегу: тычки в разные стороны; тычком в землю поднимали на остриё пучки травы, сучья и другие предметы. Практиковали также метание копья в цель. Учились уклоняться от брошенного копья, перехватывать его на лету и тут же бросать обратно. Большое практическое значение в овладении техники работы копьём имели различные игры «в охоту», например, у удэгейцев: «Игра в медвежью охоту» («мафагасинзи гусити»). Вместо копья игрок колет «медведя» деревянной рогатиной. А медведь, мальчик покрепче, надевал медвежью шкуру. Два мальчика, схватив рогатины, вызывают «медведя» из берлоги с криком: «Хо-хо-хо-хо-хо!». Сердят «медведя», пихая спящего «медведя» копьями. Один мальчик колет копьём, а другой стоит с копьём наготове. «Медведь» просыпается и, рассердившись, бросается на охотников. Один из мальчиков «колет» его копьём: засовывает свою рогатину ему за пояс. И другой мальчик «колет». Толкают друг друга, кто кого сильнее. «Медведь» сильней окажется, он толкает, мальчики сильней окажутся — они «медведя» толкают. «Медведь» пытается сломать у них копья. Если они начнут одолевать «медведя», то придавят его к земле. Если «медведь» одолеет, он будет царапать людей когтями и валить на землю. Играя в медвежью охоту, мерились силами. Играя в охоту на кабана, мальчики колют «кабана» копьями. Человек-кабан должен очень быстро бежать за охотником. А охотник, как только тот станет на него нападать, должен ударить копьём, он должен быстро реагировать. Если не успеет, человек-кабан схватит охотника руками за ноги и с силой потянет, чтобы свалить охотника. Если охотник окажется сильнее, то ударит «кабана» копьём и повалит его на землю». Навыки, выработанные на тренировках, затем проверялись во время учебных и состязательных поединков⁹.

Подобные состязания с копьём происходили ещё в середине XIX в., но затем постепенно исчезли. Ещё одной разновидностью копья можно считать пальму. О том, насколько ловко умели использовать пальму эвенки, в 60-е гг. XIX века писал известный охотник А. Черкасов: «Оро-

чоны так ловко действуют пальмой, что, срубив ею небольшое деревцо с одного раза, успевают перерубить его пополам во время падения, не допустив коснуться земли»¹⁰.

Для техники работы «пальмой» характерны круговые сметающие удары, рубящие и режущие удары с захватом древка рукой почти возле самого лезвия, а также различные варианты подрезаний. Существует следующее описание игры с пальмой: «...после игры эти два человека стали шутя сражаться на пальмах. Один ложится на землю. Другой рубит ему ногу пальмой. Тот оттягивает ногу, и пальма рубит мимо. Потом по голове рубит один другого пальмой. И тоже голову отводит лежащий, промахивается ударяющий. Ещё и так играли: один на голову становится, другой рубит пальмой по шее; тот вскакивает на ноги, и пальма рубит пустое место под ним, пока он в воздухе»¹¹.

Одной из воинских дисциплин народов Севера и Дальнего Востока, сохранившейся до наших дней, является искусство боя палками и шестами. Палка, шест или посох иногда применялись и во время сражений между племенами, но в основном они служили оружием в драках, поединках и спортивных состязаниях. Для многих народов поединки на палках являлся самой распространённой формой выяснения отношений внутри общины или рода. Бывали случаи, когда живущие рядом народы решали споры в палочном бою «стенка на стенку», что позволяло избежать серьёзного кровопролития, кровной мести и дальнейшей вражды¹². У нивхов дуэльный поединок выглядел так: «Противники становились друг против друга. Правую ногу они отставляли назад, а носки левой ноги упирали друг в друга. Передвижение ног во время дуэли не допускалось, они должны были быть неподвижны. Двигались только торсы и руки, державшие в руках дубинку. При дуэли разрешается нанести только один удар, обычно в голову, после чего дуэль прекращается. Удар, говорят, иногда был столь силен, что противник падал без сознания и долго болел»¹³. Украшением многих народных праздников являлись соревновательные поединки на фехтовальных палках, специально изготовленных для таких случаев. Например, у народов Приамурья («думэчику» — нанайцы, «мукочан» — негидальцы; «чингэ» — удэгейцы; «мукэчэ» — ульчи) палки были двух типов — короткие (обычно служили парным оружием) и длинные. Длина первых составляла 40—80 см, вторых — 150—200 см, а толщиной в 3—5 см. Палки делали из тальника, их обкуривали и хорошо высушивали, чтобы при ударах издавали звон. Удэгейцы вместо палки часто применяли лодочный шест или вырванную с корнем лесину, которую также называли «чинга» — боевая палка.

Существовало два вида фехтования на палках. В первом случае удары наносились произвольно, во втором — порядок ударов и парирования заранее оговаривался. В произвольном фехтовании использовались две короткие палки либо одна длинная. Короткие палки держали за концы, длинную палку — посередине, примерно на ширине плеч. Удары наносились в голову, туловище и по ногам. Во втором варианте фехтования перед началом поединка противники определяли последовательность нанесения ударов и положение тела (например, на коленях).

Схватка проходила на большой скорости, она включала вращение корпуса, наклоны, приседания, прыжки и подскоки. Для победы необходимо было заставить соперника ошибиться, превзойти его в чёткости и красоте выполнения движений, сохранив при этом ритм постоянно нарастающего темпа. У народов Приамурья подобные соревнования по фехтованию на палках проводятся и в настоящее время. Победителям присваивают звание «думэчису» (нанайское «человек, мастерски владеющий палкой»)¹⁴.

В нивхском фехтовании «тёскирвадь» использовалась специальная палка («зар-тяр», «мунч'о») длиной в человеческий рост, один конец которой был изогнут, а другой — заострён, её хватали одной рукой снизу, а другой — сверху, и начинали схватку:

«Соперники подходили с палками друг к другу, останавливались на расстоянии возможного нанесения удара и начинали поединок, т.е. наносили концами и серединой палки удары друг другу. «Фехтовальщики» пытались наносить удары в область туловища, головы и ног... Поединок заканчивался в том случае, если один из соперников «выдохся», т.е. начал пропускать удары. Этому искусству гилияки обучаются с детства»¹⁵.

Надо отметить, что борьба на палках характерна для многих народностей Приамурья — нивхов, ульчей, удэгейцев. Со слов нанайских стариков, в старину бои на палках или шестах проводились в виде драк с обидчиками, принадлежавшими к другим нанайским родам. Нанайцы заранее готовились к таким сражениям. В поединках обычно участвовало всё мужское население рода или стойбища. Постепенно драки на палках стали уходить в прошлое, но традиции фехтования не забылись, превратившись в игры-состязания между соперниками, и даже стали основой одного из оригинальных ритмических танцевальных номеров в репертуаре многих нанайских ансамблей¹⁶. Достаточно подробно и интересно описывает фехтование на палках у нанайцев С. Глязер. Состязались два игрока, несколько пар или команды. У каждого из участников было по две палки длиной примерно 1 м, фехтовали они одновременно правой и левой рукой. Порядок нанесения ударов и их отражения огова-

ривался заранее. Судьи внимательно следили за соблюдением игроками правил соревнования. В случае неправильного нанесения удара они прекращали поединок. Победителем становился тот, кто трижды касался палкой туловища противника¹⁷.

Состязания на палках способствовали, прежде всего, выработке точного удара и его отражения, развивали глазомер, силу и ловкость рук. Обычно победителем становился тот, кто нанёс больше неотражённых ударов, и тогда его называли мастером фехтования — *думэчису*. Нанесение ударов чаще всё-таки было произвольным, что усложняло состязание в связи с непредсказуемостью их направления. В таких состязаниях очень высок был накал страстей. При фехтовании с произвольным нанесением ударов использовались две короткие палки или одна длинная. Длина коротких палок была примерно 1 м, толщина — не более 5 см, длинная палка до 2 м длиной, толщина её была такой же, как и у коротких. Короткие палки игроки держали за концы, а длинную — посередине, удары наносились как одним концом, так и другим. Палки чаще всего делали из веток тальника, которые предварительно высушивали в тени под навесом, затем с них снимали кору, концы закругляли.

Как уже было отмечено, нанайцы фехтовали и копьями (*тахтахари*), нанося колотые, рубленые и др. удары. Побеждал тот, кто меньше пропустил ударов. Фехтование на палках и копьях довольно часто было не таким уж безобидным. Иногда участники в пылу борьбы и ярости от пропущенных ударов, которые были болезненными, забывали, что происходило не сражение, а игра. В таких случаях зрители растаскивали фехтовальщиков в разные стороны.

В настоящее время поединки на палках и копьях не проводятся, например, фехтование на палках можно увидеть только в выступлениях нанайских фольклорно-танцевальных коллективов. Естественно, в этом случае все движения партнёров заучены, выполняются ритмично под музыкальное сопровождение. Иными словами, на сцене игра-состязание воспроизводится с показом всевозможных синхронных позиций нанесения ударов и их отражения. Несмотря на это, исполнителям приходится показывать не меньшую, чем при настоящем поединке, точность движений, быстроту, ловкость и высокую общую физическую подготовку.

Среди нанайцев огромный интерес вызывали состязания сильных людей, по-нанайски *мэргэнов*, или *баторов*. В сказках, легендах и преданиях этого народа воспевались люди с большой физической силой и благородной душой. Людей, от природы наделённых недюжинной силой или приобретших её путём систематической тренировки, всегда знали

в стойбищах, о них складывались легенды, а молодёжь хотела быть похожей на этих богатырей, потому что сила и ловкость — незаменимые качества охотника и рыбака. Для воспитания силы, смелости и настойчивости у нанайцев были специальные игры-соревнования. Одно из таких состязаний — подъём тяжести «Хуйгэчи». Как отмечает Ю.А. Сем, тяжестью служили большие камни, *хуйгэдело*, значительно позже — наковальня, *дирэн*. Соревнования проходили между двумя группами молодёжи. Эти поединки имели три степени трудности: надо было оторвать тяжесть от земли, затем поднять её до груди и, наконец, поднять над головой. Побеждал тот, кто выполнял все три приёма. Другой разновидностью состязаний в силе, ловкости, быстроте реакции у нанайцев было метание тяжести (камня) на дальность — «Делова нангалаори». В этих состязаниях участвовали только взрослые. Подбирался увесистый камень. По сведениям информаторов, в каждом нанайском стойбище или селе камни имели разный вес¹⁸. Камень для метания обычно надёжно обматывали пеньковой (чаще) или тальниковой верёвкой (у джаринцев она была из конопли); к ней привязывали другую верёвку длиной 30—40 см, на конце которой делали большой узел, чтобы во время размахивания и броска было удобно держать тяжесть и рука метателя не срывалась.

Народы, обладавшие богатой историей спортивных состязаний и развитыми системами воинской подготовки, естественно, имели специальные места для тренировок, поединков, ритуальных игрищ. Ими могли быть открытые площадки (иногда огороженные забором либо камнями) и крытые помещения¹⁹.

---

¹ Мандзяк А.С. Воинские традиции народов Евразии. М., 2002. С. 246.

² Фролова А.Н. Этнопедагогика детства коренных народов Северо-Востока России. Магадан, 2001.

³ Подобед С.Я. Игры чукчей и эскимосов // Человеческий фактор в ускорении социального и научно-технического прогресса: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1985. С. 67—71.

⁴ Прокопенко В.И. Самобытные игры нанайцев: пособие для учителей / Хабар. краев. Ин-т усовершенствования учителей. Хабаровск, 1988. С. 85.

⁵ Прокопенко В.И. Игры нивхов // Физическая культура в школе. Хабаровск, 1989. № 10. С. 49—50.

⁶ Василевич Г.М. Эвенки: (Историко-этнографические очерки XVIII — начала XX в.). Л., 1969.

⁷ Богораз В.Г. Игры малых народов Севера // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11.

⁸ Бельды В.Ч. Нанайские игры: учеб.-метод. пособие. Хабаровск, 1989.

⁹ Мандзяк А.С. Воинские традиции народов Евразии...

- ¹⁰ Василевич Г.М. Эвенки...
- ¹¹ Василевич Г.М. Эвенки // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- ¹² Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М.; Л., 1966.
- ¹³ Прокопенко В.И. Игры и национальные виды спорта народностей Севера — нивхов: науч.-метод. рекомендации. М., 1988. С. 10—24.
- ¹⁴ Прокопенко В.И. Самобытные игры нанайцев...
- ¹⁵ Ушницкий В.В. Система воспитания воина в традициях северных и восточных народов // Здоровый образ жизни: обычаи и традиции народов Якутии. Якутск, 2001. С. 23.
- ¹⁶ Бельды В.Ч. Нанайские игры...
- ¹⁷ Мандзяк А.С. Воинские традиции народов Евразии...
- ¹⁸ Бельды В.Ч. Нанайские игры...
- ¹⁹ Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1957. Вып. 2.

R. Gvozdev
Vladivostok

THE ELEMENTS OF MILITARY KNOWLEDGE IN TUNGUS-MANCHURIAN AND NIVKHS TRADITIONAL GAMES IN THE XIX—XXth CENTURIES

Native peoples of Siberia and Russian Far East developed own system of military education. Such system depended on traditional economical activity and included two main principles: 1. Any activity ought to consider the aim, 2. The child ought not be helped till he would solve the problem himself.

ЖЕНЩИНЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—XX в.)

В 1860 г. согласно Пекинскому договору территория юга Дальнего Востока и всё население Приамурья и Приморья вошли в состав России. С этого времени на юге Дальнего Востока стали появляться первые переселенцы, которые селились рядом со стойбищами удэгейцев, орочей и других народностей.

Коренное население сохраняло архаическую материальную и духовную культуру, общественные отношения и идеологию. Политика царизма способствовала консервации этой культуры, обрекая коренных жителей на жестокую эксплуатацию со стороны торговцев и скупщиков пушнины. Так, в 1882 г. был принят «Устав об инородцах», по которому «бродячих» инородцев лишали избирательных прав, для проживания отводили им специальные места и строго запрещали переселяться. В соответствии со статьёй 13 устава был введён институт территориальных старшин, избиравшихся на общем собрании инородцев, связанных общностью проживания на одной территории. Женщины были лишены права участвовать в выборах старшины.

В XVII—XVIII вв., в период первого знакомства русских с коренными народами Нижнего Амура, были ситуации, когда воеводы, чиновники, казаки во время разъездов по стойбищам вступали в связь с женщинами из среды инородцев, нередко увозили их с собою, пользовались ими сами или передавали другим¹.

Сложно складывались отношения коренного населения с китайскими отходниками. В.К. Арсеньев отмечал жестокое обращение китайцев с местными жителями и попустительство царской администрации в этом вопросе. Вначале удэгеец или нанайец нанимал на полевую и огородную работу китайца, который из-за постоянного отсутствия хозяина незаметно становился главным в доме. Эта власть распространялась не только на скarb и угодыя нанайца, но и на его семью. Не имея своей жены (китайским отходникам согласно китайскому законодательству не разрешалось брать с собой женщин), работник всеми силами добивался внимания от жены или дочери хозяина. Они забирали в жёны тазок силой или же сманивали различными подарками. Судьба таких женщин была трагична. Молодую тазку с детьми обычно передавали друг другу, старую бросали вместе с детьми на произвол судьбы. Раньше мужчины пытались протестовать и мстить насильникам, но китайцы сурово

расправлялись с ними, заставляя женщин и детей присутствовать при их погребении. Тяжела была участь и тазских вдов. Со смертью кормильца в семье являлись кредиторы, которые начисто обирали вдову. Душевные страдания женщины усугублялись страхом перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы продавали как рабов на сторону. Женщин китайцы отбирали за долги, деля их затем между собой как имущество².

Постепенно положение китайца укреплялось и он, собираясь уйти от работодателя, начинал требовать полной платы за проделанную работу. Тут-то и выяснялось, что хозяин должен работнику намного больше, чем у него есть, и попадал в кабалу к китайцу. За неуплату долга китаец подвергал должника жестоким телесным наказаниям, его жену брал себе в наложницы, а дочерей продавал, не спрашивая на это согласия родителей и не обращая внимания на их возраст. Зачастую пытки несчастного либо изнасилование его жены происходили на глазах у всей семьи³.

Соседство с китайцами влияло и на быт местных народов. У них появились фанзы китайского типа, одевались они наполовину по-китайски, наполовину по традиции. Говорили по-манзовски, и только в том случае, если хотели посекретничать, — на родном языке. Костюм женщины более сохранял национальный характер, чем мужской, поскольку женщины являлись хранительницами народных традиций. Нивхинки для шитья и вышивания в конце XIX в. употребляли стальные иглы, которые доставляли им сначала китайцы, позднее — русские. От нивхов игольник переняли ульчи и негидальцы. Ножницы — хаза тоже были знакомы женщинам, хотя пользовались ими достаточно редко⁴.

С середины XIX в. широкое распространение получили различные ткани, из которых шили одежду, рукавицы, одеяла и т.д. В начале XX в. в стойбищах, находившихся вблизи русских городов и селений, стали появляться швейные машинки, значительно облегчившие труд женщин. Нанайки на швейной машинке шили всю одежду, вследствие чего рыба кожа как материал отошла на второй план, уступая место бумажным и шерстяным тканям. Если раньше вдоль всего края вручную делали шов гладью, затрачивая на это массу времени, то с помощью машинки пришивали узенькую полоску материи в виде канта. Идея и стиль одежды были прежние, но впечатление другое. Таким образом, нововведение в технике привело к нововведениям в орнаменте⁵.

Социально-экономическое развитие на Нижнем Амуре в конце XIX — начале XX в. оказало большое влияние на перемены в семейных взаимоотношениях, в экономике семьи. Во второй половине XIX в. появляются новые занятия — заготовка дров для пароходов, перевозка грузов, почты и т.п. Стали возникать и новые ярмарки (на р. Кукане, р. Урми, в Кондоне

на р. Горин и др.), на которых нанайцы обменивались товарами с эвенками, удэгейцами, русскими. Общение нанайцев с русскими не было очень интенсивным и равномерным из-за расселённости последних на большой территории, в глухих местах по притокам Амура, Тумнина, Уссури. Женщины-нанайки встречались с русскими крайне редко, поскольку в местах их обитания не создавались рыбозаводы и засольные участки, а, значит, не было и большого наплыва приезжих людей. В связи с этим они в конце XIX в. по-русски почти не говорили⁶.

В начале XX в. общение с русскими стало более многосторонним. Женщины и молодёжь получили возможность зарабатывать деньги, что позволяло им быть независимыми от отцов и мужей. Это увеличивало их самостоятельность в семье и возвышало в глазах общества⁷. Молодые люди приезжали наниматься на рыбозаводы в качестве рыбаков на 2—3 месяца, чтобы накопить денег на покупку жён. Женщины — нивхки, ульчанки, негидалки — обрабатывали рыбу на специальных засольных пунктах. Однако рыбопромышленники считали труд женщин, молодёжи до 18 лет и стариков, выполнявших в путину работу на берегу по мойке и чистке рыбы, не производительным и платили им от 2 до 5 руб. в день, тогда как взрослые члены артели получали от 10 до 26 руб. Кроме того, труд женщины всегда ценился дешевле труда мужчины: за одну и ту же работу мужчина, например, получал 20 коп., тогда как женщина — лишь 15 коп.⁸ По данным Левассера, заработная плата работающих женщин в конце XIX — начале XX в. редко поднималась до двух третей мужской и гораздо чаще равнялась только половине⁹.

Капитализм, сохранив традиционную заинтересованность в зависимом положении женщины, порождает и другую, противоположную ей заинтересованность, которой не существовало прежде: нуждаясь в дешёвых рабочих руках, крупная промышленность широко открывала двери перед женщинами и всё энергичнее вовлекала их в общественное производство. Работа на капиталистическом предприятии превращала женщину в объект эксплуатации со стороны хозяина, но она давала ей экономическую независимость по отношению к отцу, мужу, ко всей мужской «элите» внутри семьи¹⁰.

Среди ульчей были широко известны мастерицы из рода Росугбу из селения Аури, славившиеся выделкой циновок, за которыми приезжали из соседних сёл. Характерно, что если в начале XX в. за выполненный заказ брали «вещами», то позднее с ними стали расплачиваться деньгами. Ульчские *кальмадя* — искусные вышивальщицы — постоянно работали на заказ. Отцы не выдавали их замуж, присваивая себе заработки¹¹.

Нанайцы занимались выделкой звериных кож и шкур, которые им, за неимением других кожевников, отдавали на обработку русские кре-

стьяне. По подсчётам И.А. Лопатина, русские крестьяне Нижнего Амура ежегодно отдавали не менее 300 кож и шкур. За выделку кожи нанайские мастерицы получали по 2 руб., следовательно, весь кожевенный промысел оценивался в 600 руб. за год¹².

С конца XIX в. в результате интенсивных контактов коренных народов со славянским населением появились изменения не только в материальном быте, но и юридической системе. Были введены штрафы, кровная месть заменилась выкупом, что упростило разрешение внутрисемейных конфликтов. Страх перед русским правосудием ослабил действие кровавого обычая убивать соблазнителя на «месте преступления», а жену избивать до полусмерти. В таких случаях всё ограничивалось простым избиением. Смягчились наказания женщин, ужесточились санкции против насильников, мужей-пьяниц и дебоширов. Например, у В.П. Маргаритова находим сведения, когда по делу о прелюбодеянии суд старейшин, поддержанный русским старшиной, постановил высечь провинившегося 100 ударами розог, но его спас преклонный возраст. Поэтому его посадили на двое суток в карцер, а жену-старуху, малолетнего мужа и взрослую жену отправили к отцу снохи, предписав зорко следить за её целомудренностью. При этом суд не принял во внимание факт неспособности старой жены обвиняемого к выполнению супружеских обязанностей, на что надеялся мужчина, оправдывая свою связь с молодой снохой. В другом казусном случае ответчица смогла выиграть дело о возвращении сына и калыма в свою пользу, сославшись на то, что была повенчана с погибшим мужем русским священником и судить её теперь можно только по русским обычаям¹³. Нанайцы и орочи отмечали, что под влиянием русских в последнее время участились случаи бегства жён от своих мужей¹⁴.

Значительно сократилось число похищенных женщин, поскольку какими бы усилиями не сопровождалось похищение, вмешательство администрации влекло за собой беспрекословное их возвращение. Поэтому господствующим способом приобретения жён стала покупка или калым. Зажиточные семьи могли теперь брать в жёны лучших девушек, нарушая нормы группового брака между родом брата и родом, куда выходила замуж сестра. В таких случаях мужчина, приобретая жену, рассматривал её как свою личную собственность, что приводило к возникновению конфликтов между мужем и женой, а также между отцом и дочерью.

В конце XIX — начале XX в. благодаря общению с русскими поселенцами и деятельности Православной церкви сокращается количество ранних браков. Самым распространённым для вступления в брак становится возраст 17—20 лет. Бр. Пилсудский отмечал, что это способствовало улучшению положения местных женщин. Пришлые мужчины, добиваясь

внимания прекрасного пола, преувеличивали значение женщин в глазах мужчин своего племени, что приводило ко многим уступкам в семье. Воздействие церкви сказалось и на большей свободе девочек и девушек. Исчезающая старая, прежняя классификация родства всё меньше была помехой к тому, чтобы девочки лет 8—10 лет играли со своими родными и двоюродными (со стороны отца) братьями. Женщине нельзя было целовать в щёки мужа, отца, мать и всех родственников старше себя. Однако под влиянием русских молодожёны, не стесняясь посторонних, могли целоваться, а мужу разрешалось взять жену на руки, чего раньше делать было нельзя.¹⁵ К интересным влияниям русских соседей и образующимся новым обычаям следует причислить и такие — у замужней женщины голова всегда была покрыта платком, а незамужняя ходила без платка. Если бы кто-то сорвал шутя или со злости платок с головы женщины, то тому грозила расплата и уплата штрафа за обиду¹⁶.

Несмотря на то, что венчание в церкви среди народов Нижнего Амура встречалось редко, в их обиход вошли отдельные элементы русской свадебной обрядности (обсыпание зерном, причитания, частично — свадебный женский костюм) при сохранении традиционных обрядов (перешагивание через котлы и пр.)¹⁷. Таким образом, произошло как бы сращивание традиционной свадебной обрядности с русской при частичном заимствовании церковной. Православная Церковь боролась и против полигамии, что облегчало жизнь женщин¹⁸.

В то же время догматы христианской религии значительно усложняли процедуры заключения брака и бракоразводных процессов, отличавшихся у коренных народов относительной простотой. По этой причине последние предпочитали традиционный брак и уклонялись от крещения, желая избежать церковного брака. В начале XX в. в результате дальнейшего сближения коренных этносов с пришлым славянским населением наблюдался процесс увеличения роли крёстных из числа русских, которые не только выполняли воспитательную функцию, но и в какой-то мере влияли на культурные традиции.

Развитие имущественной дифференциации, появление крупных торговцев в среде инородцев способствовали более интенсивному развитию патриархального рабства. Владение хотя бы одним рабом придавало богачам вес в обществе, поэтому, как писал Л.И. Шренк, они стремились перекупать рабов друг у друга, и даже приобретение жены им обходилось дешевле, чем покупка рабыни¹⁹, что не могло не сказаться на положении женщины в такой семье. Иногда нивхи и ульчи брали жён — айнок, получавших в приданое одного-двух рабов. Всё это свидетельствует о том, что родовые связи у народов Нижнего Амура начали терять своё былое значение, происходило изменение мировоззрения населения.

Процесс проникновения в родовую общину товарно-денежных отношений и, как следствие этого, имущественное расслоение родового общества оказали влияние и на морально-нравственные характеристики коренных этносов региона. Теперь при определении "хорошего" человека наряду с личными качествами всё большее значение приобретает его богатство. Богатому соплеменнику прощались многие проступки, за которые раньше его обязательно бы наказали. Невесте, имеющей богатое приданое и рабов, стало не обязательным быть трудолюбивой и хозяйственной, но всё же следовало оставаться красивой и послушной²⁰. Вера в возможность достижения совершенства через собственные усилия в немалой степени опиралась на христианство.

В начале XX в. наблюдается постепенная трансформация статуса и роли женщины, которая, с одной стороны, была связана с увеличением числа малых нуклеарных семей на фоне уменьшения количества больших и неразделённых, в результате главами женской части дома становились ещё достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. С другой стороны, знакомство с законами Российской империи дало женщинам большую правовую защищённость на государственном уровне. Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура конца XIX — начала XX в. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) увеличило экономическую независимость женщины, изменило отношение к ней в обществе. Новый характер экономики способствовал не только распаду больших семей, но и повлиял на положение женщины в моногамных и полигамных семьях. Если в прошлом жена приобретала авторитет благодаря своему имуществу — приданому, то теперь её положение часто определялось участием в работе вне дома. Женщины стали играть основную роль в новых отраслях хозяйства — земледелии и огородничестве, являясь тем самым проводниками инноваций в традиционном обществе. Однако, как и прежде, она не имела права на долю в общесемейном имуществе: при его разделе учитывался, в первую очередь, мужской состав по нисходящей линии родства. Женщины могли лишь участвовать в коллективном использовании его наравне с другими членами семьи и в некоторых случаях распоряжаться семейным имуществом (например, вдова)²¹.

Проникновение торгового капитала в регион повлияло практически на все стороны жизни коренных народов, в том числе на семейно-брачные отношения, в целом и на положение женщины, в частности. С одной стороны, роль женщин в семье стала постепенно меняться в лучшую сторону, они могли теперь зарабатывать деньги независимо от отцов

и мужей. Кроме того, женщина получала в собственное владение деньги, вырученные за продажу одежды, предметов рукоделия, ягод и пр.

С другой стороны, институт калыма ещё больше сковывал их личную свободу. Улучшились пищевой рацион, бытовые условия, медицинское обслуживание и пр., но в то же время увеличилось распространение спиртных напитков, наркотиков и, как следствие, отмечалось падение морального облика не только мужчин, но и женщин, что не способствовало появлению полноценного потомства.

Таким образом, историческая роль присоединения Сибири к России неоднозначна. Обложение населения Севера тяжёлым ясаком (подати, взимаемые мехами, а впоследствии деньгами), насилие, злоупотребления, произвольные поборы администрации тяжело сказывались на положении коренного населения, бесправных бродячих и полуоседлых «инородцев». В то же время русские привнесли в Сибирь более производительные формы хозяйства и более высокую культуру. Благодаря торговле с русскими в Сибири и на Дальнем Востоке появились новые орудия труда, разрушались первобытные основы экономики. На народы Севера стали распространяться законы Российского государства. Многие традиционные обычаи и обряды оказались под запретом из-за христианизации части местного населения. Развитие капитализма в России оказывало большое влияние не только на хозяйство, но и на общественный строй коренных народов.

Прогрессивное значение имело сближение народов Севера с русским населением, в результате которого в основном и происходило заимствование многих черт русской культуры.

---

¹ Цит. по: Белиловский К.А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк) // Сборник работ по акушерским и женским болезням, посвящённый проф. К.Ф. Славянскому в 25-летие его врачебно-учёной деятельности. СПб., 1894. С. 545.

² Арсеньев В.К. Лесные люди — удэгейцы. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 149.

³ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК Владивосток. отд-ния ПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. С. 143—144, 196—197.

⁴ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2. С. 91—92; ПМА за 2001 г., записано от Казаровой А.В.

⁵ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. С. 339.

⁶ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975. С. 176, 182; Аргудяева Ю.В. Взаимовлияние культур русских и аборигенов юга Дальнего Востока (50-е годы XIX — начало XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 4. С. 55; Она же. Взаимодействие и взаимовлияние аборигенных, восточнославянских и восточноазиатских наро-

- дов в условиях Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века: междунар. науч. конф.: материалы докл. Хабаровск, 2002. Вып. 3. С. 21.
- ⁷ Смоляк А.В. Изменения семейного строя у народов Нижнего Амура с конца XIX в. до конца 1970-х годов // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. С. 184.
- ⁸ Филиал ГАХК г. Николаевска-на-Амуре. Ф. 12. Фонд Исполнительного комитета Нижнеамурского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917—1934 гг.), оп. 3, д. 10. Акты обследования работы сельского совета Николаевского района (1929 г.), л. 11.
- ⁹ Цит.: Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 276.
- ¹⁰ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. С. 94.
- ¹¹ Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. С. 64.
- ¹² Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. С. 147.
- ¹³ Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888. С. 31—32.
- ¹⁴ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 10, л. 107.
- ¹⁵ Ходжер Г.А. Конец большого дома. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. С. 193—194.
- ¹⁶ Пилсудский Б.О. Из поездки к орочам о. Сахалина в 1904 г. Сахалинск, 1908. С. 71.
- ¹⁷ Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 311; Сем Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1979. С. 220; Аргудяева Ю.В. Взаимовлияние культур русских и аборигенов... С. 48.
- ¹⁸ Соколова З.П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX в. // Советская этнография. 1982. № 2. С. 68; Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 203, 284.
- ¹⁹ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. С. 96.
- ²⁰ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908. Т. 1, ч. 1. С. 51.
- ²¹ Крюкова С.С. Имущественно-правовое положение женщины в русской крестьянской семье (на материалах южнорусского региона России) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы междунар. конф., 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 252.

E. Fadeeva
Vladivostok

NATIVE WOMEN OF LOW AMUR RIVER IN TRANSITION PERIOD (second half of XIX—XX cc.)

The article is concern the problem of Russian cultural impact upon traditional women life of native peoples of the Far East during the contact period. Such impact was positive in whole. But many of native traditions were forbidden during this process.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА АЛЕУТОВ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ В РАМКАХ ПРОЕКТА PSP О ТРАДИЦИОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДВУСТВОРЧАТЫХ МОЛЛЮСКОВ

О ПРОЕКТЕ PSP

В августе 2006 г. на острове Беринга Командорского архипелага вступил в действие проект Алеутской Международной ассоциации «Тестирование и мониторинг двустворчатых моллюсков на наличие токсинов в Алеутском регионе», финансируемый грантовой программой Совета по исследованию севера Тихого океана (США). Главной задачей программы было проведение научных исследований и сопоставление их с традиционными знаниями алеутов в целях повышения безопасности употребления моллюсков местным населением. В течение первого года проводилось экспресс-тестирование применяемых в пищу двустворчатых моллюсков на наличие высокотоксичного естественного яда сакситоксина, иначе называемого PSP (Paralytic Shellfish Poisoning), по экспресс-методу Jellet Bioteck. Токсин вырабатывается одноклеточной водорослью *Alexandrium*, на Камчатке — *Alexandrium tamarense* f. *excastrate* [19 интернет-версия].

За счёт фильтрации двустворчатые моллюски способны накапливать токсин в мягких тканях, преимущественно в органах пищеварения. Алеутам восточных островов и жителям Аляски сакситоксин был известен с незапамятных времён. Существовали различные способы его распознавания, самый распространённый из которых — по вкусу и запаху моллюсков. Если отравление всё-таки наступало, пострадавшие старались незамедлительно вызвать рвоту любыми подручными средствами, к примеру, во времена Российско-Американской компании была в ходу адская смесь из пороха и табака, использовали также тухлую корюшку [3, с. 43]. Несмотря на многовековой опыт, случаи отравления всё же имели место. Так, в июле 1799 г. в проливе Перил (Погиблый) отравилась группа алеутов-служащих РАК,

возвращавшихся с о-ва Ситха на Кадьяк, погибло около 100 человек [6, с.110—111; 5, с.26—27]. С 1973 г. на Алеутских островах было зарегистрировано свыше 150 вспышек отравлений, последний известный автору случай произошёл с 20-летней девушкой 12 июля 2007 г. на о-ве Уналашка. В 1994 г. отравление унесло жизни двух человек [1, с.16, 17], случай с летальным исходом отмечен в 2002 на о-ве Кадьяк. Камчатка также знакома с этим неприятным явлением: в 1945 г. в бухте Святого Павла отравились мидиями 6 членов экипажа шхуны «Алеут», двое из них скончались, другой подобный случай имел место в Авачинской губе в 1973 г., умерло двое из 12 отравившихся [20 интернет-версия].

Коренное население на порядок выше других подвержено риску отравления, так как его в его рацион питания традиционно входят морепродукты. Прежде проверка на содержание токсина в моллюсках проводилась в основном в районах их коммерческого сбора на южном и южно-центральной побережье Аляски. На Камчатке также изучались случаи отравления и выявлялись места максимальной возможной концентрации. Восточные острова Алеутской дуги и Командоры оставались вне поля зрения исследователей, что отчасти понятно, так как достаточно сильные местные течения, отсутствие закрытых прогреваемых бухт и слишком низкая летняя температура морской воды препятствуют массовому размножению *Alexandrium* и накоплению токсичного вещества. Однако, если принять во внимание происходящие перемены в состоянии окружающей среды, рассказы местных жителей о неоднократных случаях подхода «красного планктона», многолетние наблюдения и неопубликованные гипотезы первого директора заповедника «Командорский» К.С.Сидорова, то очевидно, что без соответствующих исследований полностью исключать возможность такого явления было бы некорректно.

Чтобы разрешить эту проблему, с августа 2006 г. в течение года ежемесячно отбирались пробы двустворчатых моллюсков (преимущественно мидий) на Входном Рифе и мысе Гаупта (бухта Китовая) о-ва Беринга. Последняя проба была отобрана в августе 2007 г. в бухте Перешеек, в советский период планировалось создать мидиевую плантацию. Во всех случаях результат оказался отрицательным — не было даже намёка на наличие распознаваемых данной методикой количеств токсина. Таким образом, первая часть проекта, связанная с отбором и обработкой проб, была завершена. Следующим этапом стало проведение анкетирования населения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

С конца 1960-х гг. село Никольское на о-ве Беринга является единственным местом компактного проживания алеутов на территории России. Современная численность жителей около 800 чел., из них примерно 300 — алеуты. Первые группы были завезены на Командоры в (1819)1821—1828 гг. [30, с. 230] с Ближних и Андреяновских островов Алеутской гряды для ведения промысла каланов. На протяжении 78 лет здесь промышляли русские промысловые компании, в состав которых на правах рабочих могли входить алеуты и «креолы» (так со времён Российско-Американской компании называли себя потомки от смешанных браков). Далее население пополнялось за счёт служащих РАК [13, с. 34], а с первой половины XX в. — за счёт приезжих русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей.

Взаимопроникновение культур происходило с момента первых контактов. Однако, несмотря на малочисленность и сильную степень ассимиляции со славяноязычным населением, командорские алеуты сохранили навыки традиционного природопользования и национальной кухни. Этому способствовала изолированность островов, особенно в 20-х гг. XX в., в годы Великой Отечественной войны и экономического кризиса 1990-х. Интерес к традиционной кухне, стремительно угасавший в 1970—1980 гг., значительно возрос в конце XX в. С распадом социалистической системы правления оборвались отлаженные экономические связи, прекратился централизованный завоз продуктов питания, а то немногое, что всё-таки завозилось, имело баснословные цены и крайне низкое качество. Островитяне, брошенные на произвол судьбы, были вынуждены выживать, как могли. Основным источником питания стали море и тундра.

Профессор Е.К. Суворов, посещавший острова в 1910 и 1911 гг., писал, что регулярное употребление в пищу морепродуктов в конце XIX в. спасло население от вымирания [29, с. 110]. Сто лет спустя ситуация была не столь драматична, но морепродукты вновь сыграли свою роль в выживании и поддержании здоровья населения.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

За последние двадцать лет произошли столь разительные перемены в видовом составе и облике литоральной зоны, что жители поневоле были вынуждены изменить спектр питания. Ещё жива в памяти среднего поколения картина, описанная Гурьяновой в 1930 г.: «Вся литораль,

начиная от верхней границы и до нуля глубин, густо заселена, богатство и разнообразие форм в верхних частях литорали немногим уступают её средней части; только в нижних частях, у нижней границы отлива, количество форм и густота населения редко увеличиваются, так как сюда поднимаются в изобилии формы более глубокой сублиторальной зоны» [14, с. 70]: «Животные иногда сидят друг на друге в несколько слоёв, образуя сплошной толстый живой покров на скалах» [14, с. 69]. Описанные ею выбросные «валы» из живых *Mactromeris* и *Seliqa* имели место вплоть до середины 1970-х гг. В качестве иллюстрации стоит вспомнить, как 12 января 1931 г. после землетрясения в бухте Лисинской (Лисенковой) волна выбросила на берег такую массу живых крупных моллюсков, что они образовали вал высотой около 60 см и длиной около километра [14, с. 69]. Жители рассказывали, что настоящие валы, хотя и меньших размеров, в некоторые годы образовывались и на Никольско-Ладыгинской лайде (так командорцы до сих пор называют в совокупности литораль и супралитораль). Однако в скором времени первый вид полностью исчез из супралиторальных выбросов, второй жители ещё собирали до конца 70-х — начала 80-х гг. [26, с. 177]. В настоящее время молодые особи *Seliqa* (возраст до 3—5 лет) изредка встречаются в нижнем горизонте песчаной литорали. Молодых *Mactromeris* крайне редко можно найти в штормовых выбросах. Лишь регулярно выбрасываемые штормами крупные потёртые раковины обоих видов, количество которых из года в год уменьшается, говорят о недавнем изобилии.

Одновременно с *Mactromeris* пропали крупные брюхоногие — *Argobuccinum* и *Cryptonatica* (молодые особи *Cryptonatica* жители вновь стали находить на противоположной от посёлка стороне с 2005 г.). Приблизительно в то же время исчезли ранее употребляемые в пищу *Cryptochiton stelleri* [14, с. 72], *Cucumaria japonica* [13, с. 31; 26 с. 177] и сложные асцидии. *Mytilus trossulus*, ранее заселявшая средний горизонт литорали наряду с *Testudinalia*, *Semibalanus cariosus*, *Alaria angusta*, красными водорослями и др. [14, с. 70], в 1970-х гг. сместилась в нижний, её численность резко сократилась, снизились скорость роста и продолжительность жизни.

В конце 1980-х гг. из нижнего горизонта литорали и верхнего уровня сублиторали стремительно исчез морской ёж *Strongylocentrotus polyacanthus* [17, с. 168] (последние 2—3 года стали изредка попадаться молодые особи). Средний и верхний горизонты заселили фукоиды [14, с. 70]. Таким образом, описанное Гурьяновой и более поздними авторами командорское вертикальное смещение видов в направлении верхних горизонтов [17, с. 167] стало сходить на нет, а жители оказались очевидцами стремительного исчезновения большинства пищевых видов.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ АНКЕТИРОВАНИЯ

Опрос населения проводился с октября 2007 по февраль 2008 г. В связи с сокращением численности и исчезновением из зоны литорали пищевых видов следовало провести сбор информации не только о современном использовании моллюсков, но рассмотреть проблему в ретроспективе.

Подбор опрашиваемых проводился следующим образом: охватывались основные семейные кланы; все опрашиваемые хорошо разбирались в моллюсках и водорослях, так как являлись в прошлом и настоящем либо только в прошлом активными сборщиками (в основном женщины); были вовлечены возрастные группы от 85 до 25 лет.

Опрашиваемым предлагалось рассмотреть пронумерованные створки двустворчатых моллюсков и раковины брюхоногих, опознать и назвать так, как их называют или называли раньше в данной семье, а также ответить на предлагаемые вопросы. Были предложены следующие виды двустворчатых: *Clinocardium nutallii*, *Mactromeris polynyma*, *Meganulus luteus*, *Mya uzensis*, *Prothotaca staminea*, *Seliqua alta*, *Mytilus trossulus*, к сожалению, створки *Modiolus kurilensis* отсутствовали, но описание позволяло его точно идентифицировать наравне с упоминаемыми *Monia macrochisma*, *Penitella penita*, *Astarte* sp. и *Macoma* sp. В качестве вспомогательных выставлялись брюхоногие: *Argobuccinum oregonensis*, *Buccinum percrassum*, *Colisella cassis*, *Cryptonatica* sp. (предположительно *janthostoma*), *Litorina sitkana*, *Nucella lima*, *Testudinalia scutum*, *Turritoluptosius stejnegeri*.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При отборе респондентов не учитывалось место рождения, однако при обработке данных обратил на себя внимание следующий факт: из 24 опрошенных в возрасте старше 45 лет, т.е. рождённых в период, когда ещё существовало два села — Преображенское на о-ве Медном и Никольское на о-ве Беринга, и способных воспроизвести детские воспоминания, 16 были уроженцами Медного или происходили из семей переселенцев. Жители подтвердили, что медновская субкультура в силу своей изолированности и специфики условий проживания долгое время сохраняла больше черт традиционного природопользования, нежели более ассимилированная беринговская.

Наиболее полную информацию предоставили жители в возрасте от 60 до 85 лет и более молодые дочери С.С. Григорьева. Представители

самой старшей возрастной группы (80 лет и более) помнили употреблявшееся ранее алеутское название чалах (чалан), чалас (мн. ч.), обозначающее преимущественно *Mactromeris polynuma*. Глагол «чалас» означает «выбросить на берег», «прибить к берегу» [11, с. 142], это название распространялось на выбрасываемых морем двустворчатых моллюсков-«зарывашек», но так как *Mactromeris* доминировал, то название в первую очередь ассоциировалось именно с ним. Большинство респондентов этой возрастной группы делили выбрасываемых моллюсков на «мамаев» и «устриц», в то время как представители средней и молодой возрастных групп в подавляющем большинстве называли все виды «мамаями». Аналогичная дифференциация наблюдалась и в случае с брюхоногими семейства *Acmaeoidae* — старшее поколение делило их на «чикичи» — *Collisella cassis* (*Lottia pelta*) и «как'уках'» («как'уких'», «какуки») — *Testudinalia scutum*, в то время как более молодые сборщики всех называли «чикичами» («шляпками», «кокардами»). Старшее поколение помнило алеутское название зелёной водоросли ик'лух' (икла), указывая на *Ulva fenestrata*, *Ulvaria splendens* и (или) *Porphyra* sp. Они рассказывали о давно вышедших из употребления блюдах, таких как толкуши и «заболтушный» суп (заболтушка, забулташка, болтушка — разведённая в воде мукка) из моллюсков, заправленный жиром-чекна (кислым жиром). Всё это указывает на то, что в первой половине и середине XX в. на Командорских островах значительную роль в питании населения играли морские беспозвоночные и водоросли, собранные в зоне отлива.

Из предложенных двустворчатых моллюсков были узнаны все, а вот собственными именами названы только несколько видов. Все без исключения назвали *Mactromeris polynuma* «мамаями», однако 7 из 11 сельян, условно отнесённых к группе «молодых», никогда не употребляли *Mactromeris* в пищу, потому что не имели такой возможности. Примечательно, что никто не смог объяснить данного моллюскам странного названия. Единственная версия — «мамаи — потому что (их собирают) в мае». Из таблицы видно, что в первой половине XX в. *Mactromeris* собирали в марте и даже в конце февраля, крайний указанный срок — апрель, в мае моллюсков уже не выбрасывало, а название, судя по всему, уже существовало. Слово считается «русским».

Одиннадцать анкетировемых назвали *Seliqua alta* устрицами и указали, что их выбрасывало в то же время и в том же месте, что и «настоящих мамаев». Собирали обычно оба вида, хотя предпочтение отдавалось *Mactromeris*, так как моллюски отличались по вкусу. Понятие «устрица» вошло в лексикон давно, иногда «устрицами» называли не только *Seliqua*, но и мидий. Таким образом, под «устрицей» жители подразумевали

некого продолговатого моллюска с перламутровым отливом раковины, пригодного в пищу. Любопытно, что Гребницкий сравнивает с устрицей не *Seliqua*, а *Monia macrochisma*, «не идущую в пищу из-за привкуса меди» [13, с. 28], к сожалению, местных названий моллюсков бывший управляющий островами не приводит.

Помимо *Seliqua* к числу «мамаев» были отнесены *Prothotaca staminea* — 9 отвечающих отметили их как съедобных, пятеро назвали «мамайчиками» или «молодыми мамаями». Многие расценивали *Prothotaca* как не заслуживающих большого внимания, потому что им «следует подрасти». Трое указали на *Megangulus luteus* как на редко встречающуюся разновидность «мамаев». *Megangulus* (*Tellina*) был многочисленным видом, по крайней мере, до конца XIX в. [13, с. 28], и, вероятно, встречался в выбросах вплоть до середины XX в.

Абсолютно все опознали мидий и назвали их мидиями («миди», «меди»), трое вспомнили «других мидий» — *Modiolus kurilensis*. Мидии и модиолусы в значительном количестве собирались местным населением в 1950—1960 гг. на о-ве Медном, в то время как на о-ве Беринга они «не выдерживали конкуренции» с более крупными и сладкими «мамаями». Гребницкий указывал митилид как самых массовых для обоих островов, отмечая, что это «хорошая пища для туземцев (в сыром виде)» [13, с. 27].

Все остальные виды были распознаны и определены как редко встречавшиеся и по этой причине не употреблявшиеся в пищу. Так, по свидетельству В.Т. Тимошенко, живых *Clinocardium* находили только в 1930-х гг., и это были единичные случаи. Её сведения полностью согласуются с наблюдениями Гребницкого об исчезновении «2-х видов *Cardium*» [13, с. 27]. Однако никто не вспомнил о сборе (или единичных находках) *Mya* — этот вид Гребницкий отмечал как встречающийся в небольших количествах; по американскому побережью *Mya truncata* заготавливали для консервирования [13, с. 28]. Жители также вспоминали и описали не применявшиеся в пищу *Monia macrochisma*, *Penitella penita*, *Astarte* sp., *Macoma* sp. Все перечисленные виды можно обнаружить в штормовых выбросах, они немногочисленны и редко бывают наполненными.

Следующей ступенью стало определение степени использования моллюсков местной кухней. На первое место по рейтингу вышли блюда из мяса котика, сивуча и нерпы — 24 из 62 ответов. Старшее и среднее поколения единодушно отдавали предпочтение блюдам, приготовленным из мяса сивуча и нерпы, молодое поколение их практически не знает, поэтому называли котика. Оставшиеся 38 ответов распре-

лились следующим образом: блюда из морской капусты — 11; блюда из рыбы (от солёной и юколы до фаршированных желудочков трески) — 5; толкуши (называло только старшее поколение; в состав толкуш традиционно входит рыба) — 4; алеутский рыбный пирог — 3; икра морских ежей — 4 (ностальгию по сырой икре морских ежей испытывало большинство опрошенных, но как отдельное блюдо выделили только четверо — те, кто не очень любит готовить); «заболтушный» суп из ракушек — 3; суп из топориков — 3; осьминог отварной — 2; морские огурцы (трепанги) — 1; салат из свежих тукал (молодые цветоносы борщевика шерстистого) — 1. И только один человек назвал пирожки с мидиями. Важно отметить, что все перечисленные блюда (кроме вышедших из употребления толкуш, исчезнувших трепангов и ежей и нечасто встречающихся осьминогов) на Командорах регулярно появляются на столе практически в каждой алеутской и не только в алеутской семье, все они вкусны и желанны. Получившееся распределение демонстрирует не столько кулинарные предпочтения островитян, сколько степень доступности продукта.

Только 8 человек из 31 назвали рецепты любимых блюд из морских беспозвоночных (двустворчатых моллюсков): 5 — «мамаев» (*Mastrimeris*) и 3 — мидий; двадцать — сложные блюда из брюхоногих и трое — блюда не из моллюсков. В приватной беседе жители дополняли анкету самыми разнообразными рецептами. До 1960-х гг. «мамаев» варили, тушили, пекли из них пирожки, мариновали, солили на лето в японских бамбуковых бочонках «таберу» и даже заготавливали впрок в свежем виде — в бочках, с регулярно обновляемой морской водой (этот способ, по свидетельству В.Т. Тимошенко, бытовал до 1940-х гг.). Мидий запекали и запекают до сих пор на костре и в духовке, тушат, готовят сложные солянки, плов и даже пельмени. Разнообразие и сложность описанных блюд, среди которых были даже оладушки из икры ежей, говорит о высокой степени интереса к морепродуктам, собранным в зоне отлива, а малое число рецептов из двустворчатых — о их недостаточном для сбора количестве.

По свидетельству старожилов, в весенние месяцы после штормов во время сильного отлива вся песчаная лайда от села Никольского до речки Ладыгинской и далее на север до мыса Забияки была усеяна «мамаями». Этот покров не был сплошным и носил мозаичный характер, и всё же количество моллюсков было настолько велико, что жители редко ходили или ездили севернее «Ладыжки». Береговой участок длиной в 4 км мог спокойно прокормить село. Вероятно, к «мамаям» на Медном, так же, как к мидиям на Беринга, был не слишком высокий интерес — литоральные

ванны напротив села Преображенского изобиловали крупными мидиями и модиолусами (их размер по общему свидетельству в 4—5 раз превышал современные крупные экземпляры из б. Китовой). Об обилии мидиевых на Медном можно судить по следующему свидетельству: двое жителей рассказали, что их семьи собирали мидий круглый год, даже зимние ночные отливы были тому не помехой.

Если мидий на Медном собирали главным образом напротив села Преображенского, то на Беринга — в разных частях острова. До 1952 г. существовала система островного звероводства: за промысловиками закреплялись ухожи, расположенные вдоль всей береговой линии, где жили (часто с семьями) большую часть года и занимались наблюдением за песцом, подкормкой, отловом и сопутствующими видами работ. Продукты завозил каюр на собачьей упряжке примерно раз в месяц. Летом семьи питались тем, что давало море и тундра, в том числе мидиями, собранными рядом с жилищем. В окрестностях села в небольшом количестве их можно было найти на Входном Рифе. Последние десятилетия в этом месте мидий мало, особенно моллюсков, они находятся в откровенно угнетённом состоянии: очень мелкие и часто деформированные, возрастом от 5 до 13 лет при длине менее 5 см. Тем не менее 11 из 31 отвечающих отметили этот участок как место сбора. В середине 1990-х гг. была «открыта» мидиевая банка в бухте Китовой приблизительно в 8 км к северу от села, для подавляющего большинства любителей мидий она стала основным местом сбора — 19 из 31 указали на неё.

Интерес к сбору мидий на острове достаточно велик, но реально за ними ездит небольшое количество людей — кому-то не хватает времени, но большинство считает, что «овчинка выделки не стоит», так как банка невелика. Из 31-го опрошенного в настоящее время двустворчатых не собирают 13 человек (в основном это люди старшего поколения), 18 собирают в весенне-летний период, при этом 2 семьи делают по 6—10 поездок за сезон, 3 выезжают 3—6 раз, 8 отвечающих собирают 2—3 раза и 5 — один раз за сезон. Объём собранных за одну поездку мидий в пределах от 1 до 3 кг.

Главными лимитирующими факторами во время сбора мидий являются погодные условия и наличие сильного отлива, так как мидии растут в основном в нижнем горизонте литорали. На вопрос, влияет ли температура воды на решение идти собирать моллюсков, 24 человека ответили, что не влияет, 3 — сомневались, 4 — сказали, что влияет и пояснили: низкие температуры бывают ранней весной, в это время моллюски ещё мелкие и «худые», неполные, кроме того, мало брюхоногих и недостаточно выросла морская капуста. Никто из опрошиваемых не опасался,

что тёплая вода может таить в себе угрозу отравления. Единственный факт систематического наблюдения за морем описал С.И. Сушков, вспоминая о годах своего детства: на Медном специально ставили «дежурного», следившего за изменением температуры воды. Считалось, что перед сильным землетрясением, несущим угрозу цунами, вода в море начинает теплеть (в начале XX в. село Преображенское дважды уходило под воду). С токсичностью моллюсков температура воды не связывалась.

Температура воздуха оказалась немногим важнее. Большинство жителей собирали и собирают моллюсков при любой погоде, лишь бы не было сильного ветра и штормовых волн.

Отсутствие опасения отравиться моллюсками получило отражение и в ответах на вопрос, с какого возраста их могут собирать дети: 8 человек сказали, что с самого раннего, как только начнут ходить и «понимать», т.е. с трёх лет; 16 человек указали на дошкольный возраст, проводя аналогию со своим детством; 5 — следует собирать с 7—10-летнего возраста, подразумевая, что с этого момента дети могут выходить на берег самостоятельно, без сопровождения взрослых. Никакой специальной подготовки дети не проходят. В прежние годы в селе Никольском дети зачастую «учились сами», гуляя по берегу «гуртом», они делились друг с другом опытом — вот почему семеро из 19 не смогли вспомнить конкретных наставников. Зато медновцы все указали на то, что родители, дяди, старшие братья и сёстры обучали сбору специально. Это объясняется тем, что гористый остров Медный таит больше угрозы для жизни и здоровья, нежели равнинная северная часть о-ва Беринга.

Единственное, чего опасаются современные сборщики, — быть интоксичированными нечистотами антропогенного происхождения. Жители стараются не собирать моллюсков в черте посёлка, особенно в местах стоков поселковой канализации. Ответы на вопрос, каких моллюсков не стоит брать в пищу, распределились следующим образом: мелкого размера — 13, собран в грязном месте, в месте поселковых стоков (двое жителей к загрязнённым водам отнесли ещё «цветущую» воду в прогреваемых литоральных ваннах и послештормовую вспененную воду) — 12, повреждённый, поклёванный или несвежий — 10, необычного (зеленоватого) цвета — 5, собран не весной — 3, в период «нереста» — 1, неизвестный вид — 1, новое место — 1. Из данного распределения видно, что посезонный запрет на сбор моллюсков на Командорах не выражен. Однако трое всё-таки отметили этот момент. Рассмотрим поподробнее: одна из отвечающих сказала: нельзя собирать, «если в названии месяца не присутствует буква «р»» — эта фраза взята из презентации Брюса Райта, проведённой в августе 2006 г. в рамках проекта PSP. Жительница

запомнила правило, действующее на Аляске, но не могла вспомнить, откуда она его знает, и объяснить смысл. Второй отвечающий исключил весенние месяцы, так как вспомнил существовавший в годы его детства неясный запрет, в то же время сам он собирал и собирает мидий как весной, так и летом. И только одна жительница, Тимошенко В.Т., рассказала, что во время её детства, в 1930-х гг., существовал запрет на сбор в летние месяцы: «старики говорили, что можно отравиться». Об это запрете вспомнили также Сушков С.И. и Кияйкина В.М., все трое принадлежат к самой старшей возрастной группе — 80 лет и выше. Запрет мог быть отголоском знаний их предков, прибывших с Алеутских островов и Аляски, либо результатом контактов с камчадалами.

В приведённых таблицах указаны сроки сбора моллюсков — отдельно «мамаев» — *Macromeris* и *Seliqua*, отдельно — мидий. Сбор «мамаев» был жёстко привязан к сезону весенних штормов, собирали только свежевыброшенных моллюсков, при этом не всякий шторм и не всякий сильный отлив в весенние месяцы приводил к массовому выбросу. По свидетельству Яковлева Г.М., в эти дни и дни, предшествовавшие сбору, должен был дуть отжимной ветер (с суши), перемешивающий прибрежные воды. Продолжительность сезона сбора невелика — несколько недель, потом моллюски исчезали. Искать и выкапывать «зарывашек» жители никогда не пытались, и сильно удивились, узнав, что молодых *Seliqua* можно и сейчас найти в устье реки Гаванской. Но обращает на себя внимание другой момент — очевидный сдвиг сроков сбора. Вероятно, мы являемся свидетелями некоего сложного циклического процесса, объяснить который старожилы могли только возможным изменением течений или температурного режима воды, именно в этом старейшие жители видят причину исчезновения моллюсков и ежей.

В случае со сбором мидий таких жестких сезонных рамок нет, теоретически их можно собирать круглый год. Получается довольно большой разброс, выделяется только один месяц — май, которому большинство отдало предпочтение. Объясняется это тем, что, во-первых, учитывается сезонный цикл развития и размножения моллюска: в марте и начале апреля мидии «худые», ненаполненные, а с мая они «наливаются», становятся «жирными». Во-вторых, все указывали на цикличность островного природопользования. Жизнь алеутов всегда тесно связана с морем, сроки подхода рыбы, прилёта птиц и миграции морских млекопитающих по сей день определяют сезонные особенности быта. В конце февраля — марте происходит оживление в литоральной зоне: начинаются отливы в световое время суток, появляется молодая морская ка-

пуста (*Ulvaria* sl). Уже можно найти моллюсков и перезимовавшие ламинариевые водоросли, в то время как земля ещё под глубоким слоем снега, птицы не прилетели, а рыба только готовится к нерестовому ходу. В этот период население может восполнить созданный за зиму дефицит витаминов и микроэлементов за счёт морепродуктов. Многие объясняли, что их «просто тянет» на берег, «организм требует». Но собирать ещё почти нечего, эти месяцы всегда считались «голодными». Другое дело — май, когда наливаются гонады у моллюсков, вырастает молодая капуста, начинается основное время сбора, со второй половины апреля под камнями ловят рыбу-лягушку *Aptocyclus ventricosus*, по-местному аюхашку (айух'ах'), и осьминогов. Дальше подходят мойва, нерка и т.д. Спектр питания меняется посезонно и подчинён жёсткому ритму, задаваемому самой природой.

Кроме практической информации о сборе и приготовлении моллюсков интересны сказки, истории, наблюдения. Был специально введён вопрос о красных приливах. Опрос дал интересные результаты.

Сказку про чалакаках рассказала В.Т.Тимошенко, ранее сказку про «мамаев с головой» записал с её слов Г.А.Меновщиков [8]: «...чалакаках, похожие на «мамаев» (*Megangulus luteus*) в шляпах, — это маленькие человечки. Они живут под камнями, в трещинах и расщелинах скал. Когда чалакаках видят людей, прячутся, а когда людей нет, выходят. Очень пакостливые. Раньше жители замачивали рыбу и солёное котиковое мясо в речке, мясо завязывали в сеть и опускали в воду. Чалакаках, как только люди уйдут, забирались в сеть и выбирали самые лучшие кусочки, на утро оставались одни кости. Люди удивлялись: неужели это маленькие птички склевали? — нет-нет, это чалакаках, они шкодливые. Увидят из-за мыса, что люди идут, и прячутся. Но иногда чалакаках сами приходили туда, где живут люди — ночью, когда все спят. Приходили с гармошками и шумели, баловались: люди выставляют на улицу обувь и одежду просушиться, а они — кто торбаса наденет на голову, кто что. Такой шум подымали, что даже хозяева просыпались и вместе с ними веселились. Но не все чалакаках были такие добрые. Некоторые, когда уходили, натягивали нити, чтобы человек, если за ними пойдёт, запутался. Чалакаках были везде: и на Беринга, и на Медном». Все бытующие на острове истории о чалакаках интересны и дополняют одна другую, но эта наиболее архаична и отражает тесные взаимоотношения человека и природы. В роли чалакаках легко распознать бокоплавов, в частности, фоновый вид *Orchestia ditmari* семейства *Talitridae* хорошо подходит под описание обитателей расщелин. В качестве маленьких «воришек» следует рассматривать этих и других представителей амфипод. Моллюски

в данном случае создают лишь внешний образ как наиболее распространённые обитатели и «хозяева» прибрежной полосы.

О случаях отравления моллюсками на острове не слышал никто, в том числе старожилы. А вот о явлении, напоминающем «красные приливы», засвидетельствовали четверо: очень редко к берегу островов в первой половине лета течением приносило красноватую из-за миллионов маленьких полупрозрачных «моллюсков-рачков» воду. В 1966—1968 гг. к устью реки Гаванской и лежащую напротив селения бухту течением принесло много «планктона красного цвета». При этом вода имела обычный оттенок, но на прибрежном песке оставалась красная полоса. Селяне не обратили бы на неё внимания, если бы не слетевшиеся в бухту голыши, обычно в этих местах не появлявшиеся. Похожий случай произошёл в 1985—1986 гг. на Медном. Подобные явления не расценивались, как несущие опасность, и быстро забывались. Жители больше обеспокоены новыми формами желудочно-кишечных заболеваний, связывают это с употреблением морепродуктов: «...раньше питались морепродуктами и были здоровее, а сейчас задумаешься — рак стал прогрессировать. Не от красной ли это рыбы или икры? На красную рыбу у многих детей аллергия — сыпь, на свежую икру — рвота или понос».

И всё же, несмотря на все опасения, островитяне по-прежнему питаются морепродуктами и считают, что это даёт им силы и здоровье. Такого мнения придерживаются 16 из 31 опрошенного. Однако 27 из 31 признаются, что покупных продуктов они употребляют всё же больше, чем традиционных, трое оценили соотношение как 50 × 50, и только один отдал предпочтение традиционным. Все опрошенные любят и кушают рыбу, котиковое мясо, делают заготовки из грибов и ягод, так что процент традиционной пищи достаточно велик, хотя едва ли превышает половину. Только семеро отметили, что к привозным продуктам привыкли, их легче и быстрее готовить, больше и разнообразнее выбор, но при этом никто не хотел отказываться от традиционной пищи. 20 анкетированных сетовали, что традиционных продуктов просто не хватает из-за сокращения лимитов на вылов рыбы и забой котиков. Все хотели хотя бы раз в году приготовить мясо сивуча и нерпы, но так как эти виды внесены в Красную Книгу, закон запрещает охоту на них. Для многих ежи были не просто лакомством, но панацеей от многих болезней.

Таким образом, основная причина снижения потребления гидробионтов не в угасании интереса к традиционному природопользованию, а в их недоступности. В то же время установлено, что случаев отравления моллюсками на острове зафиксировано не было, поэтому качество морепродуктов, по крайней мере в этом аспекте, не вызывает опасения.

ТАБЛИЦЫ

Месяцы сбора «мамаев» (*Mactromeris polynuma* и *Seliqua alta*)
на Командорах

год рождения	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
1924	Б	Б							
1927		Б	Б						
1928	Б	Б							
1936		Б. М — редко	Б. М — редко	Б. М — редко					
1940		Б. М — редко							
1940				Б					
1942	Б	Б	Б						
1944			Б	Б					
1945			Б						
1946		Б							
1946		Б	Б						
1951		?Б	?Б	?Б					
1952		Б	Б	Б					
1952		Б	Б	Б					
1952				Б					
1952		Б	Б	Б					
1953				Б					
1955				Б					
1956				Б.М	Б.М				
1958		?Б	?Б	?Б					
1959			Б	Б					
1960				Б. Siliqua	Б. Siliqua				
1960				Б	Б				
1963									
1964			Б	Б					

год рождения	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
1966			Б. Siliqua	Б. Siliqua					
1967				Б. Siliqua	Б. Siliqua				
1970			?Б. Siliqua	?Б. Siliqua					
1973									
1973				Б					
1978									

Условные обозначения:

В колонке «год рождения»: жирным шрифтом выделены уроженцы о. Медный, курсивом — члены семей переселенцев с о. Медный (дифференцирование проведено только между лицами старше 45 лет).

В колонках «месяцы сбора» буквами обозначены острова, на которых осуществлялся сбор: Б — Беринга, М — Медный. Siliqua — осуществлялся сбор только Siliqua; дополнительной подписи нет — осуществлялся сбор Mactromeris и Siliqua. Также в колонках «месяцы сбора»: жирным шрифтом обозначены старожилы, обычным — старшее, курсивом — среднее, подчеркнуто чертой — младшее поколение; «?» перед буквой обозначает неуверенность в ответе; серый тон без обозначений — отвечающий никогда не собирал и (или) не готовил данный вид.

Месяцы сбора мидий (*Mytilus trossulus*) на Командорах

год рождения	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
1922	М	М							
1924		?Б	?Б						
1927									
1928									
1935			М	М	М	Б.М	Б.М		
1940		М	М	М					
1940				Б.М	Б.М	Б.М	Б.М		
1942									
1944	М	М	М	М	М	М	М	М	М
1945				М					

год рождения	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
1946									
1946			Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б
1951		?Б	?Б	?Б			Б	Б	
1952									
1952			Б.М	Б.М	Б.М				
1952				Б	Б				
1952				Б	Б				
1954		Б.М		Б.М	Б.М	Б.М	Б.М	Б.М	
1955					Б				
1958				?Б.М					
1958		Б.М	Б.М	Б.М					
1959	М	М	Б.М	М	М	М	М	М	М
1960				Б	Б				
1960			Б	Б					
1963			Б						
1964				Б	Б				
1966					Б	Б	Б	Б	
1967				Б	Б	Б	Б	Б	
1970									
1973				Б	Б	Б	Б		
1973				Б	Б	Б	Б		
1978				Б	Б	Б	Б		

Условные обозначения:

В колонке «год рождения»: жирным шрифтом выделены уроженцы о. Медный, курсивом — члены семей переселенцев с о. Медный (дифференцирование проведено только между лицами старше 45 лет).

В колонках «месяцы сбора» буквами обозначены острова, на которых осуществлялся сбор: Б — Беринга, М — Медный. Также в колонках «месяцы сбора»: жирным шрифтом обозначены старожилы, обычным — старшее, курсивом — среднее, подчеркнуто чертой — младшее поколение; «?» перед буквой обозначает неуверенность в ответе; серый тон без обозначений — отвечающий никогда не собирал и (или) не готовил данный вид.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alaska's Marine Resources. vol.8. number 2. October. 1996.
2. Davydov G.I. Two voyages to Russian America. 1802—1807. Kingston. Ontario. 1977.
3. Fortune R. Paralytic shellfish poisoning in the North Pacific: Two historical accounts and implications today // Alaska Medicine 17(5). 1975b. P.71—76.
4. Holmberg H. Holmberg's ethnographic sketches. ed. Marvin W. Falk // The Rasmuson Library Historical Translation Series. vol. 1. Fairbanks: University of Alaska Press, 1985.
5. Khlebnikov K.T. Baranov: Chief Manager of the Russian colonies in American. ed. R.A. Pierce. Kingston. Ontario, 1973.
6. Tikhmenev P.A. A history of the Russian American Company. Volume 2 documents. Period 1783—1807. ed. R.A. Pierce and A.S. Donnelly. Kingston. Ontario, 1979.
7. Veniaminov I. Notes on the islands of the Unalaska District. ed. R.A. Pierce. Kingston. Ontario, 1984.
8. Архив МАЭ РАН. ФК 1, оп.2, № 1305 (записи Р.Г. Ляпуновой).
9. Барабаш-Никифоров И.И. В стране ветров и туманов: (Два года на Командорах). М.; Л., 1934.
10. Буйновский А.И. К фауне и экологии двустворчатых моллюсков мелководной зоны шельфа Командорских островов // Донная флора и фауна шельфа Командорский островов. Владивосток, 1997. С.242—254.
11. Головкин Е.В. Словарь алеутско-русский, русско-алеутский. СПб., 1994.
12. Гребницкий Н.А. Записка о Командорских островах // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1882. Т.3. Вып.2.
13. Гребницкий Н.А. Командорские острова. СПб., 1902.
14. Гурьянова Е.Ф. Командорские острова и их морская прибрежная фауна и флора // Природа. 1935. № 11. С.64—72.
15. Забродина Л.В., Сазонова О.М. 1985. Рукопись АКМ ГИ 920 (Основной фонд Алеутского краевед. музея).
16. Зинова В.С. Морские водоросли Командорских островов // Тр. Тихоокеан. комитета, 1940. Т.5. С.165—243.
17. Иванюшина Е.А., Ржавский А.В., Селиванова О.Н., Ошурков В.В. Структура и распределение сообществ бентоса мелководий Командорских островов // Природные ресурсы Командорских островов. М., 1991. С.155—171.
18. Кардакова-Преженцова Е.А. Водорослевая растительность Командорских островов // Изв. ТИНРО. 1938. Т.14. С.77—108.
19. Коновалова Г.В. Планктонная флора прибрежных вод Восточной Камчатки. Жгутиковые водоросли // Тр. КФ ТИГ ДВО РАН. Петропавловск-Камчатский, 2006. Вып.5.
20. Коновалова Г.В. «Красные приливы» у Восточной Камчатки: (Атлас-справочник). Петропавловск-Камчатский, 1995.
21. Ляпунова Р.Г. К этнической истории Командорских алеутов // Краеведческие записки, 1989.
22. Меновщиков Г.А. Алеутско-русский словарь Л., 1967. (ИЭ Л 66651).
23. Мокиевский В.О. Морские беспозвоночные и хозяйственное освоение прибрежной зоны Командорских островов // Рациональное природопользование на Командорских островах. М., 1987. С.108—113.

24. Морские и солоноватоводные брюхоногие моллюски России. М., 2006.
25. Ошурков В.В. Сукцессии и динамика эпибентосных сообществ верхней сублиторали бореальных вод. Владивосток, 2000.
26. Ошурков В.В., Бажин А.Г., Лукин В.И. Изменение структуры бентоса Командорских островов под влиянием хищничества калана // Природные ресурсы Командорских островов. М., 1991. С.171—185.
27. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л., 1979.
28. Селиванова О.Н., Жигадлова Г.Г. Макрофиты Командорский островов // Донная флора и фауна шельфа Командорских островов. Владивосток, 1997. С.11—59.
29. Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912.
30. Татаренкова Н.А. К вопросу о возможной дате празднования юбилея села Никольского, административного центра Алеутского района (Командорские о-ва) // О Камчатской земле написано... Крашенинниковские чтения. № 23. Петропавловск-Камчатский, 2006.

N. Tatarenkova

s. Nikolskoye, Bering Island

**THE RESULTS OF QUESTIONING ABOUT COMMAND
ISLAND'S ALEUTS TRADITIONAL USING OF MOLLUSKS.
PROJECT "TESTING AND MONITORING FOR PARALYTIC
SHELLFISH POISONING IN ALEUT REGION"**

The problem of aboriginal people adaptation to Commander Islands environment is discussed in article by N. Tatarenkova. From 2006 author worked in the network of PSP-project. The main goal of this program was implementation of scientific researches and the comparison of its results with the traditional knowledge of Aleutian. The aim of this work was to increase safety of mollusks usage by the local population.

ЛЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ НАРОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ У СОВРЕМЕННОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В отечественной науке медицинская антропология, как правило, не выделялась из общего контекста этнографических исследований, однако изучение медицинских традиций отдельных народностей не охватывает всего спектра проблем медицинской антропологии. Так, почти совершенно отсутствуют этнографические исследования по медицинским аспектам культуры городских сообществ¹. В связи с этим одной из открытых антропологических проблем остаётся существование традиционной медицины в урбанистической среде.

Рассмотрим традиционные приёмы врачевания детей у восточных славян, проживающих в городах южной части Дальнего Востока России. В народной медицине накоплен большой опыт по врачеванию детей, так как маленькие дети более других членов человеческого сообщества нуждаются в заботе. Традиционное лечение детей включает костоправство, траволечение, магические приёмы и др. На наш взгляд, необходимо провести анализ народных методов лечения детей, определить факторы, способствующие сохранению традиционной педиатрии в современном городе, что позволит нам выявить сохранившиеся у городского населения компоненты этнического мировоззрения, а также ряд аспектов жизнеобеспечения этноса в городской среде.

У восточных славян, как и у большинства народов, издревле существует комплекс мер по охране здоровья детей с первых дней их жизни. На Дальнем Востоке России переселенцы из центральных губерний, сохраняя знания, накопленные на «материнских» территориях, приобретали медицинский опыт в новых условиях проживания и передавали его следующим поколениям. В настоящее время в городе, несмотря на популярность семей без детей (так называемые *child-free* семьи), дети воспринимаются как важный, необходимый компонент семьи. В то же время у горожан больше возможностей лечить ребёнка современными средствами, чем в сельской местности. Тем не менее в городе сохраняются и народные способы лечения, нередко именно им отдаётся предпочтение при выборе лечебного воздействия на ребёнка.

Нам удалось выявить достаточно устойчивые традиционные методы лечения детских болезней. Среди них можно выделить два типа: ма-

гические и позитивно-рациональные. Применение магических способов лечения обусловлено, прежде всего, представлениями о неких заболеваниях типа испуга, сглаза и др.², а также об особой подверженности маленьких детей этим болезням. Для профилактики таких заболеваний носят булавку, прикрепляют яркую брошь или значок на одежду ребёнка. При подозрении на «сглаз» или после встречи с людьми с «дурным глазом» ребёнка умывают холодной проточной водой и вытирают изнаночной стороной юбки или рубашки, поят водой, в которой лежали девять вилок и т.п. Магическое воздействие применяется и для избежания последствий ушиба: нередко читают молитвы или заговоры над ушибленным местом. Существует достаточно большое количество процедур, направленных на обеспечение крепкого сна. Так, ребёнка, который плохо спит по ночам, рекомендуется умыть водой, набранной рано утром (так называемой «чистой», «непитой»), и сбрызнуть ею постель. Попытки избавления от бессонницы при помощи простейших магических приёмов характерны для бытовой народной медицины и коренятся, по-видимому, в представлениях о бессоннице как некой субстанции, которую можно изгнать из организма человека или помещения³.

Нередко церковные атрибуты применяются в утилитарных оздоровительных целях как магическое средство. Так, святой, а лучше крещенской водой умывают ребёнка при подозрении на сглаз и для крепкого сна — «чтобы не кричал по ночам». Для этой же цели в комнате, где спит ребёнок, зажигаются церковные свечи, производится воскурение ладана. Некоторые случаи крещения выполняются родителями с целью лечения ребёнка или для профилактики, что можно расценивать как магическую процедуру: совершая церковный обряд, родители полагают, что этим они «покупают» здоровье ребёнку, что, на наш взгляд, обусловлено мистико-магическими аспектами мировоззрения, присущими восточнославянским народам⁴.

К магическим методам также относится обращение к знахарям. По убеждению информантов, болезни типа «сглаза» и «испуга» не всегда можно вылечить без помощи «специалиста-лекаря». Отмеченные заболевания всегда были предметом лекарской практики для знахарей. У городских знахарей одними из самых распространённых способов являются лечение «выливанием» растопленного воска в холодную воду над головой пациента или «выкатыванием» «испуга» или «сглаза» на куриное яйцо.

С другой стороны, знахарские способы лечения иногда выступают в качестве альтернативы научно-медицинских методам. Так, хотя современная медицина и решает проблему грыжи оперативным путём, желание вылечить ребёнка наименее травматичным способом вынуждает

родителей обращаться к знахарям, многие из которых занимаются лечением этих заболеваний. По-видимому, лечение грыжи, а точнее её профилактика, раньше была прерогативой деятельности деревенских повитух. Отметим, что на Дальнем Востоке России ещё в первой трети XX в. ребёнку сразу после рождения осматривала повитуха, «правила» ему ручки, ножки, голову, подтягивала пупок к центру живота (проводила манипуляции как знахарь-костоправ), а также совершала ряд действий бережного характера (в том числе и от «сглаза»)⁵. В настоящее время городские знахари костоправством практически не занимаются, тем более не осматривают новорождённых детей в специализированных медицинских учреждениях. Однако потребность в подобных процедурах существует, поэтому родители пользуются услугами центров мануальной терапии, где оказывают необходимую помощь детям любого возраста с первых дней жизни. Таким образом, можно сказать, что в современных городах функция родовспоможения и костоправства знахарями утрачена, однако традиция магических методов лечения ими сохранена и пользуется спросом.

Среди позитивно-рациональных выделяются две большие группы методов: первая — рецепты, заимствованные из официальной медицины и ставшие фактически традиционными. Так, лечение насморка рекомендуется проводить смесью лекарств, применяемых в медицине для других целей (например, в составе этого «сбора» используют препарат мирамистин — мощное антисептическое средство). Также советуют капать интерферон⁶ в ультразвуковой ингалятор для лечения острых респираторно-вирусных инфекций. Для снижения повышенной температуры применяют смесь аспирина и парацетамола и т.д. Приведённые примеры — это терапевтические рецепты, данные однажды врачом кому-либо и впоследствии распространившиеся среди родителей.

Вторая группа — традиционные «бабушкины» рецепты (обёртывания, ингаляции, прогревания, лечение водой, мёдом). Мы выделили следующие группы заболеваний и способов лечебного воздействия:

- кожные болезни — ванны с добавлением отваров лекарственных трав;
- нервные болезни — настои лекарственных трав, лечебные ванны;
- респираторно-вирусные инфекции, необходимость укрепления иммунитета (травяные отвары и настои, ингаляции);
- кашель (мёд в виде обёртываний, внутрь с добавлением растительных компонентов, натираия, горячие ванны для ног, прогревания при помощи горчицы);
- желудочно-кишечные заболевания (овощи и соки из них, траволечение);

- насморк, повышенная температура — лечение водой (слабый водный раствор соли при насморке; обливание холодной водой для снижения высокой температуры);
- ушибы — прикладывание холодного предмета (например, ложки);
- острые респираторно-вирусные инфекции, нервные заболевания — лечебно-профилактические действия с помощью ароматической лампы — в традиционной медицине это одно из новшеств. Так, масло эвкалипта, кедра применяют для профилактики респираторных инфекций, масла хвойных деревьев, мяты — как успокоительное средство при нервных болезнях.

Перечисленные средства используются не по рекомендации терапевта, а с учётом народных представлений о болезни. Так появляются рецепты «от горла», «от кашля», «от простуды», «от синяка», «от температуры» и т.п. Значительную часть лечебных средств составляют траволечение, прогревания и ванны, которые, как известно, издревле были основой бытовой народной медицины у восточных славян⁷. И сейчас у родителей-горожан особой популярностью пользуются такие травы, как календула, череда, ромашка, душица, семя укропа, плоды шиповника, ягоды брусники и др., которые приобретаются в аптеке или у частных лиц.

Таким образом, лечение детей народными способами в городских условиях остаётся востребованным пластом традиционной медицины. Сохранению народных методов лечения детей в городе, на наш взгляд, способствуют многие факторы.

1. Традиционное лечение нередко выступает как опора в трудной ситуации, когда обращение к современным лекарственным средствам становится невозможным. Это происходит из-за дороговизны фармпрепаратов, которые не по карману молодой семье, либо лекарства не дают ожидаемого результата, и средства народной медицины используются в качестве альтернативных.

2. Большое влияние на выбор лечебных средств оказывает отношение к детям как к одной из базовых ценностей в жизни. В связи с этим считается, что лечить детей нужно только «проверенными» методами, каковыми являются, например, традиционные «бабушкины» рецепты или проверенные многими знакомыми фармпрепараты, хотя народные критерии «проверенности» не совпадают с научными. Так, с научной точки зрения кашель может иметь разный характер и лечить его нужно в каждом случае по-особому. В народной среде обычно не выясняются тонкости протекания заболевания. Народные средства лечения для родителей, переживающих за состояние ребёнка, являются возможностью реализации поисковой активности, направленной на изменение

ситуации или отношения к ней без определённого прогноза результатов⁸. Например, при ушибе, когда неясно, будет ли удар иметь какое-либо отрицательное влияние на здоровье ребёнка, научная медицина не предлагает никаких действий родителям, пока не появятся явные симптомы. Традиционные методы рекомендуют осторожно погладить ушибленное место, перекрестить его и прочитать над ним православную молитву, обычно «Отче наш» или любую другую, «какую знаешь». Отметим, что для реализации поисковой активности неважно, работает средство или нет, главное, что это осмысленное действие удовлетворяет потребность в поисковой активности у человека в стрессовой ситуации и «сам процесс... независимо от результата повышает резистентность и стрессоустойчивость организма»⁹. Кроме того, представления о том, что рукой можно снять боль, обусловлены традиционными соматическими воззрениями, согласно которым: «Тело взаимодействует с миром через дистальные точки, а также через естественные отверстия (глаза, рот, нос, уши и др.) и различные выступы»¹⁰. Молитва также считается способной помочь в трудной ситуации, причём прибегают к её помощи не только верующие родители, но и «православно ориентированные», и неверующие, что также связано с представлениями о целительной силе молитвы.

3. Как показал Р. Барт¹¹, общественное сознание управляется различными мифами. Среди таковых — миф о вредоносности лекарств. Боязнь негативных побочных эффектов («таблетки одно лечат, другое калечат»), недоверие к аптечным средствам, часто неодобрительно называемым «химией», обусловили обращение к народным способам лечения. Многолетняя история применения лекарств показывает, что почти все препараты имеют побочное действие, появление которого может быть отложено во времени, но практически неизбежно. Кроме того, состав и действие таблеток не всегда полностью понятны потребителю, таким образом создаётся ощущение возможной опасности. Подобная непредсказуемость воздействия фармпрепаратов нередко вызывает недоверие к лекарствам.

4. Существует своеобразная «мода» на те или иные способы самолечения. К таковым мы относим различные биологически активные добавки, поливитаминные препараты, применение ароматических ламп. Эти средства родители нередко используют без консультации врача по рекомендации знакомых или рекламы. Появление такой «моды» связано, на наш взгляд, также с необходимостью проявления поисковой активности человека, когда, например, требуется поддержать иммунитет часто болеющего ребёнка.

5. Народная медицина является живой традицией, что делает возможным её существование параллельно с научной медициной, перенимая доступную часть её опыта. Как мы отмечали выше, рецепт, однажды рекомендованный медицинским работником и простой в применении, может иметь широкое распространение среди родителей. Однако врач приходит к решению о применении лекарства, руководствуясь научным подходом, а родители ребёнка ориентируются на удачный опыт других родителей, таким образом, формируется традиция приёма тех или иных препаратов. Это тесно переплетается с предыдущим фактором «моды», так как, несмотря на известную консервативность, народная медицина существует в современных условиях не обособленно, а взаимодействуя с другими пластами культуры, впитывая новые способы врачевания и сохраняя уже имеющиеся, откристаллизованные формы народного опыта. Всё это позволяет ей быть именно живой, т.е. востребованной, традицией и сочетать в себе традиционные и «модные» средства, а также лекарственные фармпрепараты.

Рассматривая способы традиционного врачевания детей у восточных славян юга Дальнего Востока России, можно выделить некоторые компоненты этнического мировоззрения, характерные для этих народов. Мистико-магические компоненты, присущие мировоззрению этноса, проявляются в применении магических способов лечения (как бытовых, так и «профессиональных» — знахарских), обращении к церковно-религиозным обрядам и играют важную адаптивную роль в сложных социальных условиях вне зависимости от их способности приводить к достижению конкретных результатов.

Как мы отмечали, для русских, украинцев и белорусов характерно отношение к детям как одной из больших жизненных ценностей, недаром рождение детей отмечено «печатью сакральности, богоданное. Эта «отмеченность» нашла своё выражение в формировании такого высокого «аксиологического» пространства, которое образует, в частности, народная лексика: «Бог дитя дал», «Божья прибыль», «как родит — Бог простит», «счастливое время», «счастливое место» и т.п.»¹². В семьях славян-дальневосточников это обусловлено, возможно, и исторически сложившимися причинами: в условиях нехватки женщин в начале освоения Дальнего Востока приветствовалось рождение ребёнка любого пола¹³.

Очевидно, нередкий взгляд на лекарственные препараты как на «химию», которой лучше остерегаться ввиду непредсказуемости последствий от её приёма, также связан с традиционным отношением к детям, требующим особого внимания и заботы. Таким образом, осторожность в выборе средства лечения играет важную охранительную функцию,

снижает риск побочных эффектов и неоправданного применения лекарств, а значит, способствует сохранению здоровья ребёнка.

В то же время появление новых рецептов и даже «модных» лекарственных средств в арсенале народной медицины связано с традиционным типом экологического сознания и соответствующей ему моделью поведения, предусматривающими постоянный взаимообмен, своего рода диалог с природой, который приобретает особую напряжённость в переломные, кризисные для природы и социума периоды¹⁴. Сходным образом формулирует принципы экологического мышления Мич Резник, характеризуя его как триаду «пробуй — оценивай — выбирай»¹⁵, и которое позволяет приспосабливаться к меняющимся условиям. Благодаря этому традиционное врачевание не только обогащается методами и средствами, заимствованными, например, из научной медицины, но и становится способным к конкуренции, выживанию, продолжению функционирования в городской среде. Примечательно, что такая экологическая стратегия максимально совпадает с принципами поисковой активности.

Указанные выше компоненты этнического мировоззрения, проявляющиеся в формах традиционного врачевания детей, являются важными аспектами жизнеобеспечения этноса, так как реализуют фундаментальные потребности в использовании поисковой активности в стрессовой ситуации, защите и обеспечении благополучия потомства, способствуют лучшей приспособляемости в меняющихся условиях. Живучесть феномена народной медицины обусловлена не только сохраняющейся потребностью в альтернативе официальной медицине в связи, например, с социальной неустойчивостью и другими факторами, но и отмеченными аспектами мировоззрения восточных славян, а также особенностями самой традиции врачевания с её консерватизмом, благодаря чему большой корпус средств лечения передаётся неизменным многим поколениям. В то же время открытость, гибкость народной медицины позволяет ей быть востребованной и вносить в своё бытование коррективы, обусловленные требованиями времени, что делает её современной традиционной медициной.

---

¹ Подробнее см.: Михель Д.В. Медицинская антропология: что это такое? // <http://www.countries.ru/library/anthropology/medant.htm>.

² Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. С.236—265.

- ³ О традиционных способах избавления от бессонницы см.: Фетисова Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России. Владивосток, 1994. С. 61; Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой: сборник. Владивосток, 1986. С. 101—102.
- ⁴ Поповкин А.В., Поповкина Г.С. Мистико-магические компоненты в мировоззрении восточных славян Дальнего Востока России в постсоветский период // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 133—134.
- ⁵ Поповкина Г.С. «Повитуха», «повивалка», «бабка» у восточных славян юга Дальнего Востока России: функции, статус, бытование // Народная культура: личность, творчество, досуг: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. Омск, 2003. С. 262—265.
- ⁶ Интерферон лейкоцитарный человеческий — противовирусный и иммуномодулирующий препарат. Интраназально (капли в нос) применяется для профилактики и лечения гриппа и других острых респираторных вирусных инфекций (ОРВИ).
- ⁷ Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- ⁸ Ротенберг В. Образ «Я» и поведение // http://rjews.net/_rotenberg/bok.htm. Дата посещения: 11.07.04.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 23.
- ¹¹ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- ¹² Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 9—30.
- ¹³ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М. 1997.
- ¹⁴ Любимова Г.В. Основные типы экологического сознания и модели экологического поведения русских сибиряков в исторической ретроспективе // Народы и культуры Сибири: Взаимодействие как фактор развития. Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 113—123.
- ¹⁵ Резник М. Думать как дерево // http://vio.fio.ru/vio_25/cd_site/Articles/art_1_7.htm. Дата посещения: 9.05.08.

G. Popovkina
Vladivostok

FOLK TREATMENT OF CHILDREN AMONG THE EASTERN SLAVS IN THE MODERN CITY OF THE SOUTH AREA OF THE RUSSIAN FAR EAST

In spotlight of medical anthropology are different medicinal systems of various societies. It is interesting to discuss the folk treatment of children among the Eastern Slavs in the modern city of the South area of the Russian Far East. Traditional ways of therapy are not substitute for official medicine. The traditional medicine vitality is base on special aspects of Eastern Slavs world-view.

ГРУППА МОТИВОВ ОСОБЫХ ТЕЛЕСНЫХ СОСТОЯНИЙ: ТИПЫ И ФУНКЦИИ (на материале регионального сказочного фольклора)*

Мотивы особых телесных состояний входят в группу мотивов состояний человека наряду с телесными признаками, изменениями внешнего облика, экстерорецептивными и органическими ощущениями, а также физиологическими потребностями. Анализируемая группа мотивов включает в себя мотивы физической силы и слабости; болезни, болезненного состояния и исцеления, а также телесного повреждения и исцеления, смерти и оживления; особенного сна; опьянения, похмельного синдрома и отрезвления.

Мотиву силы в волшебной сказке уделено значительное внимание. Физическая сила — одна из характеристик конкретного типа героя — богатыря. Богатырская сила может быть у героя от рождения (если он зачат чудесным образом от съеденной рыбы, яблока и т.д.) или же он получает её с помощью других персонажей. Богатырская сила может быть врождённой или появиться у взрослого героя после выполнения особого действия (от прикосновения к тотему или принятия внутрь особой воды или пищи). Способы получения силы те же, что и при оборотничестве. Наиболее разработан в волшебной сказке мотив получения героем необыкновенной физической силы. Таким образом увеличивает свою силу герой, зачатый чудесным образом, готовясь к битве со змеем. Сила может быть не только дана, но и отнята лишняя (помощником, который богатырю силу дал) или антагонистом (отнимается тайно).

Если герой силён от рождения, то в сказке проявляется следующая закономерность: в родном локусе, в детстве (до отправления в дорогу) сила богатыря направлена на разрушение: он, не умея контролировать свои способности, во время игры с другими детьми калечит их. Сила, неумело направленная, становится причиной того, почему герой отправляется в дорогу: родители покалеченных детей просят царя изгнать богатыря из царства. Но в чужом пространстве герой своей чрезмерной физической силой не причиняет людям зла. Только в чужом пространстве его сила находит единственно оправданное применение — совершение подвигов. В сказке может появляться и следующий мотив: дитя-богатырь применяет силу для того, чтобы прокормить свою мать и прокормиться самому.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке «Фонда содействия отечественной науке» (грант в номинации «Кандидаты наук РАН», 2008г.).

Сила применяется героем для борьбы с врагом. Богатырь проявляет силу во время боя или соревнования, а также через разрушение предметов, окружающих его. Проявляется она и в том, что богатырь быстро растёт, много ест и пьёт, его сон длится несколько дней, а физическая сила превосходит физическую силу обыкновенных людей-персонажей.

В сказке большее внимание уделяется физической силе, чем слабости, которая, скорее, служит фоном для описания силы. Сравнение силы и слабости имеет следующие модели.

1. Сравнение силы и слабости одного персонажа: герой сам изначально слаб — получает силу — становится силён.
2. Сравнение силы богатырей: герой оказывается сильнее своих братьев, побратимов. Происходит установление старшинства с помощью соревнования: старшим признаётся сильнейший из братьев.
3. Сравнение силы мужчины и женщины (богатырка сильнее простого человека, но слабее героя, герой побеждает многих богатырей, претендовавших на её руку). Царь-девица выходит замуж только за того, кто превосходит её в силе.
4. Сравнение силы героя и противника, принадлежащего иному миру.
5. Сравнение силы богатыря и обыкновенных людей (они не в состоянии сделать то, что делает богатырь).

Мотивы болезни, болезненного состояния и исцеления, а также телесного повреждения и исцеления образуют особые звенья. Цепочка, состоящая из четырёх звеньев: насылание болезни — заболевание — болезненное состояние — исцеление — встречается крайне редко. У русских было широко распространено представление, согласно которому болезни насылаются демоническими персонажами. В русской народной волшебной сказке Сибири и Дальнего Востока это представление как сюжетообразующий мотив нашло своё отражение лишь в одном сюжете — 735A**** *Три лихорадки*.

В русской сказке болезненное состояние как один из мотивов группы телесных состояний и соответственно цепочка — заболевание — болезненное состояние — исцеление используются довольно часто. Для этой цепочки характерны причины заболевания, как правило, далёкие от мифологических представлений и отражающие реальные человеческие болезни.

В сказке представлено несколько видов болезней и связанных с ними болезненных состояний. Прежде всего, болезни и болезненные состояния в сказке подразделяются на настоящие и мнимые. Настоящая болезнь может приводить к смерти или не приводить.

В медицине существует термин болезни, которая заканчивается смертью пациента, — это так называемая «последняя болезнь». Этот тип болезни нашёл своё отражение и в сказке. Сказка может не объяснять

причину болезни. Как правило, болезнь приводит к смерти стариков или родителей героя (т.е. представителей старшего поколения). Видимо, это связано, во-первых, с тем, что родители героя не всегда играют сколько-нибудь значимую роль в сказке. Вероятно, их функция сводится к тому, чтобы обозначить происхождение героя и вывести его на первый план (так, герой получает от отца чудесных коней и, следовательно, возможность совершить подвиги и жениться на царевне). Во-вторых, связано с представлением русского народа, о котором говорит Н.Е. Мазалова, выделяя у старости и болезни общие признаки: «Прежде всего и старики, и больные слабы, хилы»¹.

Значительное внимание среди болезненных состояний в волшебной сказке уделяется обмороку, в народном сознании связанному со смертью. Он может возникнуть по нескольким причинам, чаще всего — из-за нервного потрясения, которое испытывает персонаж в критической ситуации. Как правило, в обморок из-за сильного волнения падают героини. А причиной, его вызвавшей, называется похищение девушки или же битва героя с антагонистом, свидетельницей которой становится царевна.

Сказка выделяет две основные составляющие обморока, характерные и для человеческой физиологии. Первая из них: в обморок падают, когда происходит утрата контроля над своим телом. С этим связана вторая составляющая: в сказке часто употребляется мотив потери сознания, а слабость, дурнота и головокружение для обморока в сказке не характерны.

Сказка иногда отмечает и значительную продолжительность обморока. Пока героиня находится в обмороке, другие персонажи успевают совершить ряд действий. В обморок в сказке падают не только женщины, но и мужчины. Причиной обморока героя могут быть погодные явления, его может вызвать не только сильное волнение, но и острая боль. Слова дворецкого рассердили королевича, и *«он стегнул дворецкого своей нагайкой, который остался без памяти <...>»*² (707 I Бова-королевич). Иногда в сказке встречается мотив парного обморока, в который падают и герой, и героиня.

Обморок, вызванный сердечно-сосудистыми заболеваниями, для традиционной сказки не характерен. Видимо, это связано с тем, что в сказке редко уточняется, чем именно болеет персонаж. Обморок, возникший из-за сильной кровопотери, для традиционной сказки тоже не характерен. Наоборот, кровопотеря не вызывает никакого изменения в состоянии персонажа: герой, которому отрубили ноги, подбирает отрубленные конечности и ползком отправляется за средством, способным прирастить ноги. Сказка даже не сообщает, что герой как-то пытался остановить кровь. Часто упоминается мотив кровопотери, которая тоже не вы-

зывает обморока, когда речь идёт о битве между богатырём и змеем. Царевна перевязывает рану, и герой бьётся дальше в полную силу.

Врождёнными физическими недугами в волшебной сказке обладает небольшое количество персонажей — Илья Муромец, Кривая уточка. Мотив парализованного тела в сказке закреплён за конкретным типом богатыря — Ильёй Муромцем. Герой неподвижен с детства. Сказка отмечает продолжительность болезненного состояния, в котором пребывает герой (**650С*** *Илья Муромец*). Исцеление происходит с помощью живой воды (или её аналога), которую герою дают калики перехожие. Исцеление живой водой — весьма распространённый в волшебной сказке способ исцеления. Живая вода является тем универсальным лекарством, которое излечивает от всех болезней.

Сказка также отражает и ещё одну из реальных причин болезни — поветрие. Особенность этого мотива в сказках на сюжет **566** *Рога* заключается в том, что во внешнем виде царицы из-за съеденного яблока происходят изменения — вырастают рога и шерсть. Но герой объясняет её состояние, ссылаясь на болезнь, не имеющую к состоянию больной никакого отношения.

В русской народной волшебной сказке встречается мотив болезни от сильных эмоциональных переживаний. Женские персонажи, как и мужские, заболевают от пережитых эмоций, но у них они вызваны чувствами и не связаны с утратой материальных ценностей, как у персонажей-мужчин. Болезни, вызванные эмоциональными переживаниями, всегда настоящие.

Связь мотивов нарушения запрета и болезни как следствия этого нарушения в сказках встречается редко.

Среди мотивов заболевания широко распространён мотив покалеченных конечностей. Если калеки — положительные персонажи сказки — излечиваются, у них прирастают отрубленные руки или ноги, исцеляются глаза от слепоты, то калеки-антагонисты в традиционной сказке не исцеляются вообще или исцеляются после того, как их болезненное состояние послужило доказательством совершения всех подвигов героем. Этот тип калек встречается в сказках на сюжеты **530** *Сивко-Бурко*, **530А** *Свинка золотая щетинка* и **532** *Незнайка* (зятя, купившие за свои отрубленные пальцы чудесных животных). Телесное повреждение, как правило, не сопровождается болезненным состоянием: оно само по себе значимо.

Мотив мнимой болезни в сказке менее разработан, чем мотив настоящей болезни. Мнимая болезнь является одним из способов обмана оппонента: якобы болящий персонаж, сообщая о болезни, преследует ту или иную цель, которая находится в прямой зависимости от типа персонажа.

Антагонист использует её, чтобы навредить герою, а герой — чтобы защититься от противника. Персонажи не прибегают к мнимой болезни, якобы вызванной эмоциями.

Мотив болезни в сказке служит для дальнейшего развития сюжета: богатырь исцеляется и отправляется совершать подвиги, герой учит непокорную жену и т.д. Сказочные герои испытывают боль. Исцеление в сказке всегда настоящее: герои излечиваются от болезни, повторного или хронического заболевания персонажей традиционная сказка не знает.

В волшебной сказке отражено два типа смерти — естественная и насильственная. Причём первый тип представлен незначительным числом вариантов, а второй имеет великое их множество, что говорит о его особой значимости для волшебной сказки. Следует отметить, что мотив насильственной смерти в сказке возникает ранее, чем мотив смерти естественной.

Как правило, в традиционной сказке естественной смертью умирают второстепенные персонажи, но никогда герой или антагонисты. Так, в начале сказки говорится о родителях героя или героини, которые умерли. Сказка в одних случаях сводит причину смерти к болезни, в других же случаях, называя этих персонажей стариками, к престарелому возрасту. Но значимо то, что с момента смерти родителей, если таковой присутствует, начинают развиваться события, в которых участвует их дитя — герой или героиня сказки.

Мотив насильственной смерти исторически восходит к обряду посвящения, доказательством чего служит монография В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Если классифицировать насильственную смерть по шкале преднамеренности — непреднамеренности, то она, как правило, преднамеренна. Традиционная сказка не знает смерти персонажей от непредумышленного убийства.

Можно выделить несколько типов насильственной смерти. Первый из них связан со смертью героя и его последующим расчленением и оживлением. В традиционной сказке герой, как правило, никогда не гибнет во время боя: если он бьётся со змеем, т.е. имеет возможность нападать и защищаться, то это богатырь уничтожает противника. Но если битвы нет, если змей или другой противник, принадлежащий иному миру и претендующий на руку героини, нападает внезапно, а царевич не имеет возможности защититься, то герой гибнет. Смерть в сказке наступает моментально, персонажи не испытывают физических мучений, связанных с нею. Умирения как длительного процесса в сказке нет, смерть в сказке — скорее факт, а не событие.

Наблюдается следующая закономерность: героя убивает антагонист или группа антагонистов. Их принадлежность нашему или иному миру

для сказки не важна (они могут быть и людьми, и демоническими персонажами). Для сказки важнее другое — их функция, сводящаяся к противостоянию герою. Интересно, что чаще всего героя убивают в поле, т.е. в пути, вдали от своего локуса, но как будто и не в ином мире.

Сказочные герои (именно герои, а не другие типы персонажей, особенно антагонисты) легко убивают, муки совести не испытывают. Но их действия оправдываются языческой моралью, лежащей в основе сказки: они убивают, защищая или защищаясь. Никогда под их меч не попадает положительный персонаж.

От руки антагонистов в сказке могут пасть не только герои, но и героини или другие положительные персонажи женского пола. Если антагонист принадлежит иному миру, то убийство мотивируется нарушением запрета (**311 Медведь** (*леший, чародей, разбойник*) и *три сестры*). Если же антагонисты, убивающие героиню, принадлежат нашему миру, то преступление может мотивироваться завистью.

Второй тип рассматриваемого мотива — уничтожение антагониста. Для этого типа характерно, что убивает и оживляет (или может оживить) одно и то же лицо — герой. Он за предательство отрывает братьям головы. Смерть (расчленение) в данной ситуации — наказание, но после того как братья наказаны смертью, герой их оживляет.

В группу мотивов особенного сна входят мотивы богатырского сна, а также сна вещего, наваянного с помощью колдовства и вызванного употреблением особых напитков. Наиболее разработанным в сказке является богатырский сон, другим видам сна уделяется меньше внимания. Первые три типа генетически связаны с мифологическими представлениями, согласно которым сон — это временная смерть: пока человек спит, он как будто мёртв. К группе мотивов особенного сна примыкает мотив, не имеющий в своей основе мифологических истоков. Это сон, вызванный сонными каплями или возникший как результат опьянения.

Мотивы сна и смерти в сказке имеют ряд общих характеристик. Одна из них заключается в следующем: чтобы вывести героев из состояний сна (особенного) и смерти, нужны активные действия других персонажей. Сон героя временно как бы исключает его из ряда действующих лиц сказки.

Как только спящий просыпается, он вновь включается в событие, происходящее в сказке. Сон героя служит толчком к тому, чтобы в сказке активно начали действовать другие персонажи. Их активность — средство возвращения к действию героя сказки. Так, приготовленная на съедение змею царевна становится на время сна героя главным действующим лицом: она действует (пытается разбудить героя), а герой в это время бездействует (спит).

Основным критерием особенного сна является то, что он — специфическая черта героя или же возникает не из-за естественного желания героя выспаться, а спровоцирован (заколдованными предметами или сонными каплями).

Для других типов персонажей богатырский сон не характерен. В волшебной сказке он представлен двумя основными типами: сон до битвы со змеем и после битвы (или после выполнения другого, по сути, свадебного задания). Богатырский сон выполняет две основные функции. Во-первых, он сам по себе — одна из характеристик силы героя. Во-вторых, он отличается от сна обычных героев сказки. Так, во время сна богатырь обладает иной чувствительностью.

Для богатырского сна характерна иная чувствительность: спящий воспринимает слёзы цариц, падающие на его лицо, как кипяток: «— Ох, люди добрые! Как она обожгла!»³ (300А *Победитель змея*). Иное чувство у богатыря во время сна проявляется и в изменённом восприятии удара, которым героя пытаются разбудить, когда он спит после совершения подвига (героя бьют поленом по голове, а он воспринимает удары как укусы мухи). Третья черта изменённой чувствительности героя сводится к тому, что он во время сна вообще может не чувствовать того, что с ним происходит.

Другая черта богатырского сна — богатырский храп. Иван Зорькин храпит так, что «*всё кругом трешит*»⁴ (301А *Три царств*). Третьей чертой богатырского сна является его продолжительность: герой спит дольше, чем обыкновенный человек. Этот сон наступает у героя после боя со змеем и служит для восстановления сил. Сон продолжается несколько дней подряд (от трёх до двенадцати дней).

Мотив вещего сна более подвижен: его видят разные типы персонажей, если в нём есть необходимость для развития сюжета. О мнимом вещем сне рассказывают герои или антагонисты. Рассказ о мнимом вещем сне может быть уловкой, подсказанной невестой жениху, чтобы получить возможность прибегнуть к помощи невесты при выполнении свадебного задания. К рассказу о мнимом вещем сне прибегают антагонисты, чтобы получить возможность убить чудесного помощника героя, а затем и самого героя (532 *Незнайка*).

Если вещий сон видят (или будто видят) положительные персонажи, то он идёт им на пользу, а если его видят (или как будто видят) антагонисты, то это приносит или должно принести вред герою. Этот тип сна в сказке выполняет функцию получения информации, которая затем активно используется персонажами. Вещий сон может быть настоящим или мнимым. Настоящий вещий сон видят положительные персонажи. Сказочные персонажи верят в вещие сны безоговорочно.

Сном от колдовства спят герои, ставшие жертвами антагонистов. Сон от колдовства выходит за рамки тождества сна смерти, которое прослеживается у богатырского и вещего сна. Он выполняет ещё одну функцию, не характерную для богатырского и вещего сна: временно изымает героя из происходящих событий, в то время как богатырский подчёркивает инаковость героя (меняет героя, его принадлежность роду, избавляет от усталости и т.д.) или вещий сон дополняет событийное пространство сказки. Если сон напускают герои, то это не приносит вреда персонажам, попавшим под его воздействие.

Славяне верили в то, что колдуны способны не только наслать болезни на человека, но и навести беспробудный сон. Сон, вызванный заколдованной иглой, которую противник воткнул в шинель царевича, не даёт царевне и её жениху встретиться. Герой, спящий сном от колдовства, от слёз не пробуждается, от физического воздействия — качания — тоже. Сказка подчёркивает, как долго пытается героиня разбудить царевича. Жертвами сна, напущенного с помощью колдовства в сказке может стать не только один человек, но и группа персонажей. Сон от колдовства не только причиняет герою вред, но и служит на пользу, если герой получает возможность сам напускать такой сон.

Кроме того, сказочные персонажи засыпают сном, который вызван употреблением особых напитков — сонных капель или вина. Сон, наступивший от сонных капель, помогает герою добыть невесту. Иван заманивает на корабль царевну: *«Стал он её угощать всякими напитками и подливать спящих капель; она и уснула <...>»*⁵ (531 Конёк-горбунок и 513В Летучий корабль).

Мотивы опьянения, похмельного синдрома и отрезвления проникают в сказку примерно в одно время с мотивами неритуального винопития. Поскольку опьянение не является исконным сказочным мотивом, то за ним не закреплено собственной, характерной только для него, функции. Этот мотив иногда выполняет функции, закреплённые за другими мотивами. В большинстве вариантов мотив опьянения заменяет собою мотив сна. Опьянение может быть мнимым (когда герой притворяется пьяным) и настоящим (когда персонажи пьянеют на самом деле). В сказке происходит замена одного мотива другим, но при этом остаётся общий для них признак: мнимый сон заменяется мнимым опьянением (306 Ночные пляски).

Героя или второстепенных положительных персонажей пытаются опить (или пользуются моментом, когда они пьяны), чтобы получить желаемое: жена таким образом сбегает от мужа, колдун забирает себе ученика, антагонист топит героиню. В сказке представлено в основном мужское опьянение, потому что персонажи женского пола, за редким исключением, в сказке не пьют. Если и пьют, то в мужской компании, причём инициатором винопития, как правило, является мужчина.

Сказка отражает характерные для опьянения признаки: пьяный сон или неадекватное поведение. Но мотив отрезвления в сказке используется реже, чем мотив опьянения. Это связано с тем, что он не является сюжетообразующим. Иногда сказка отмечает быстрое протрезвление, вызванное сильными эмоциями, например, опьяневший персонаж сделал что-то запретное и от этого протрезвел. Так, отец сына колдуну *«продал да отрезвился сразу. Побежал на пустолесок, ждёт там, ждёт Митьку, нет Митьки»*⁶ (325 *Хитрая наука*). Для традиционной сказки характерно сильное опьянение, о лёгком опьянении, как правило, не говорится. В сказке описывается и похмельный синдром. Интересно, что мотив похмельного синдрома связан с мотивом опохмеления. Опохмеляются пьяницы алкогольными напитками.

Таким образом, группа мотивов особых телесных состояний представлена широким спектром мотивов. В большинстве своём они значимы для развития сюжета волшебной сказки или же являются важной характеристикой того или иного типа персонажа. Проанализированная группа мотивов показала зависимость не только от мифологических представлений русского народа, но и от реалий окружающей действительности.

¹ Мазалов Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2001. (Etnographica Perfolitana, VII). С. 133.

² Сказки и предания Магая (Е.И. Сорокиной) / записи Е.Л. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 210.

³ Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. С. 143.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. С. 166.

⁶ Русские сказки Восточной Сибири / сост. Е.И. Шастина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 224.

T. Krayushkina
Vladivostok

GROUP OF MOTIVES OF SPECIAL BODILY CONDITIONS: TYPES AND FUNCTIONS (ON THE MATERIAL OF REGIONAL FAIRYTALE FOLKLORE)

The group of motives of special bodily conditions is represented by a wide spectrum of motives. In its majority they are significant for the development of a plot of magic fairy tale or are important characteristic of one or another type of the character. The analyzed group of motives has shown dependence not only upon mythological representations of Russian people, but also upon realities of the surrounding reality.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМ ОСМЫСЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА ЧЕЛОВЕКА В ХРИСТИАНСКОЙ И НЕХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТУРАХ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ЛИЧНОСТНО-ЦЕНТРИРОВАННОГО ПОДХОДА

К. Клакхон в своём знаменитом труде «Зеркало для человека» характеризует антропологию как науку «о сходствах и различиях между людьми»¹. Одна из фундаментальных проблем, связанных со «сходствами и различиями», — это характерные для того или иного общества типы личности. Акцент на ней привёл к становлению личностно-центрированного подхода. Однако по мере развития исследований в этом русле первичная задача — выявить «модальные» типы личности для каждой культуры — стала вызывать всё больший пессимизм.

Одна из причин такого положения в том, что хотя личностно-центрированный подход задумывался его основателями А. Инкельсом и Д. Левенсоном именно как описательный, для чего был заранее выделен ряд параметров, тем не менее как раз в случае с вопросом о личности и её типах невозможно «чистое» наблюдение. Согласно русским философам-персоналистам личность может быть обнаружена лишь в общении с другой личностью. Дело в том, что личность, по сути, выступает одной из базовых категорий европейской культуры, а ведь практически все этнографы будучи людьми науки мыслят по-европейски, поскольку само научное мышление европейское по духу. В силу этого концепция личности несёт весьма существенную и часто не осознаваемую исследователем смысловую нагрузку. Практически любой представитель христианско-европейской культуры полагает себя личностью и считает себя способным определять, кто и насколько ею является. И в то же время пестрота определений личности, даваемых не только рядовыми членами общества, но и психологами, деятелями культуры и т.п., наводит на мысль, что мало кто в точности представляет, что же такое личность. (Напомним, что А. Инкельс и Д. Левенсон попытались дать собственное определение этого понятия, исходя из целей своего исследования, и не особо вдаваясь в историю вопроса о личности). В такой ситуации антропологу необходимо, говоря словами П. Бурдьё, «объективировать объективацию», т.е. отрефлексировать исходные установки жизненного мира самого наблюдателя.

Для решения такого рода задач более всего подходят методы философской антропологии. В этом случае сама возможность применения личностно-центрированного подхода ко всем культурам может и должна быть поставлена под вопрос, поскольку категория личности, укоренённая в европейской и российской ментальности, исторически получила своё развитие в рамках христианско-платонической школы мысли.

Обратимся к истории проблемы. Термин «личность» обычно сопоставляется латинское слово *персона* или греческое *просопон*. Изначально эти термины означали в античной культуре театральную маску. В этом отношении античность находится в русле общечеловеческих особенностей культуры. Как отмечает А. Гуревич, «то, что у самых разных народов мира в наиболее важные моменты индивидуальной и общественной жизни или даже постоянно лицо прячется за личиной (надеваемой, татуируемой, рисуемой), имеет прямое отношение к пониманию этими народами человеческой индивидуальности»². Позднее в римском праве *persona* получает смысл юридического лица, но это ещё не личность в современном смысле слова, поскольку, к примеру, «...раб, не владеющий своим телом и не имеющий других признаков свободного, не имел персоны»³. Таким образом, античный мир ещё не знает понятия личности. Однако, как пишет А.Ф. Лосев, исследуя неоплатонические аспекты в учении бл. Августина: «Наивно было бы предполагать, что античность вообще не знала об индивидуально-личном начале в каждом человеке и даже в боге; вопрос не в этом, а в том, как античность оценивала важность личностного подхода к миру. А оценивала античность такой личный подход достаточно низко, и вот здесь-то и кроется причина глубочайшего отличия, даже пропасти, между античным и христианским... пониманием личности...»⁴

Переходя к христианскому пониманию личности, отметим, что оно восходит не только и не столько к терминам *персона* или *просопон*, сколько к понятию *ипостась*, которому христианство придало совершенно новый смысл. Хотя в дохристианской философии *ипостась* была синонимом термина *усия* — сущность, отцы Церкви в изложении догматов христианства, утверждая единосущность Бога, употребили термин *усия*, а в учении о трёх Лицах божественной Троицы они использовали термин *ипостась*, говоря о Боге как о триипостасном. Не вдаваясь в богословско-философские нюансы этого вопроса, отметим, что в результате такого осмысления Личность, по крайней мере божественная, получила совершенно иной онтологический статус нежели маска — *рсуэтрпн*. В целом честь философского открытия категории личности принадлежит бл. Августину, а благодаря каппадокийцам Личность получила фундаментальное онтологическое значение.

Здесь важно, что речь шла, в первую очередь, о божественной Личности. Примечательно высказывание такого весьма эрудированного богослова первой половины XX в. В.Н. Лосского: «...должен признаться в том, что до сих пор не встречал в святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человеческой, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно чётко»⁵. Тем не менее автор, опираясь на учение Церкви о единстве Личности и двух природах Христа (Божественной и человеческой), показывает, что «в человеческих существах мы также должны различать личность, или ипостась, и природу, или индивидуальную субстанцию»⁶.

Такое же различие в человеке природного существа и личности мы можем обнаружить и у многих философов Нового времени, хотя, конечно, и не столь отчётливо. Например, Р. Декарт в своём «*cogito ergo sum*» объявляет субстанциальность мышления, а по существу, утверждает автономию внутреннего мира субъекта от природы, которая у него обозначена как протяжённая субстанция. Далее, И. Кант, как отмечает А.В. Гулыга, употребляет два разных термина, которые русские переводчики не совсем верно переводят одним словом «личность», а именно *Person* и *Persönlichkeit*. «Превый термин означает „лицо“ и лишь второй „личность“. Лицом для Канта является человеческий индивид, отличающий себя от других, олицетворение принципа „я мыслю“; личность же есть нечто большее, чем носитель сознания, последнее в личности становится самосознанием. Быть личностью — значит быть свободным, реализовывать своё самосознание в поведении...»⁷

Наиболее же глубокое философское рассмотрение вопрос о личности получил в русской философии. Приведём определение личности В.Н. Лосского, к которому он приходит на основании глубокого, вдумчивого анализа. Понимая под природой человека его дух (греч. *нпхт*, ум), душу и тело, он утверждает, что мы не сможем найти качеств, которые были бы присущи исключительно личности и не встречались в природе человека, в то же время христианское учение явно указывает, что Личность есть нечто иное* и потому мы вынуждены довольствоваться апофатическим, по сути, определением: «...личность есть несводимость человека к природе»⁸. Можно, конечно, не согласиться с утверждением В.Н. Лосского, тем более, что оно не является официальной позицией Церкви по данному вопросу, однако размышления В.Н. Лосского хорошо иллюстрируют степень проблематичности построения концепта личности.

* Это утверждение можно обосновать и без отсылки к христианским догматам: в самом деле, ведь наше Я не есть наши мысли, наши чувства или наше тело, поскольку они меняются, но наше Я остается самим собой. Например, перестав писать эту статью и задумавшись, скажем об ужине, я все еще буду собой и т.д.

Сделанных нами набросков достаточно, чтобы утверждать, что христианское осмысление индивидуально-личностного начала в человеке является совершенно уникальным культурным феноменом. С другой стороны, именно христианство полагает личность универсальным свойством (или как минимум потенцией) любого человека, независимо от его культуры и религии. Возможно, именно этот момент *христианской* культуры и побудил антропологов к созданию личностно-центрированного подхода как универсального метода. Примечательно, что у нас нет оснований говорить об ошибочности такой экстраполяции, хотя ясно, что личность, точнее, индивидуально-личностное начало, будет осмыслено в нехристианских культурах иначе.

Размышляя об этой проблеме, нельзя не заметить, что в подавляющем большинстве нехристианских культур основные события в жизни человека сопровождается маска. Именно об этом говорил и А. Гуревич⁹ и таково же исходное значение слова *персона*. Это даёт нам основания предположить, что в отсутствии христианской концепции личности, культуры осмысливают жизнь индивидуально-личностного начала в терминах масок.

В этой связи представляет интерес идея рассмотреть маски как способ индивидуализации. Реализацию этой идеи мы находим в статье Л.И. Кирсановой и О.А. Коротинной «Масочность как способ индивидуализации»¹⁰. Роль масок в становлении индивидуально-личностного начала человека, по мнению авторов, состоит в том, что они открывают человеческому Я возможность бытия в качестве Другого. Эта возможность полагается одним из фундаментальных условий, поскольку «без бытия Другого Я вязнет в самом себе»¹¹. Маска, с одной стороны, устанавливает пределы внутреннему миру Я*, не давая ему ограничить своё переживание мира только своими чувствами, мыслями, эмоциями и т.п., но с другой стороны, маска — это связь Я и Другого, «когда этот Другой позволяет встретить в мире кого-то ещё, кроме себя»¹².

Примечательно, что авторы понимают маску в расширительном смысле, включая сюда и социальные роли, когда человек как бы надевает маску, например, Строгого Начальника или Доброго Дядюшки и т.п. Таким образом, масочность как средство индивидуализации становится атрибутом не только культур так называемых этнографических народов, но и массовой европейской культуры. Тот факт, что маски и типичные социальные роли актуальны в ней до сих пор, давно подмечен психологами. В качестве примера можно назвать книгу Э. Бёрна «Игры, в которые играют люди...»¹³ И уж, конечно, нелепо подозревать

---

* Примером отсутствия таких пределов является философия солипсизма.

массовую культуру в следовании христианским образцам, в том числе и в становлении личностного начала в человеке.

Итак, маски через особую форму отношения Я и Другого выстраивают отношения Я с миром и тем самым определённым образом формируют индивидуально-личностное начало в человеке. Однако авторы дают в целом негативную оценку масочному способу формирования этого начала: «Маска не есть субъект сам по себе, но она не есть Другой во всей его инаковости, потому, что он как бы принят в Я, а потому в масочности скрыто или стёрто личное отношение с Другим, это бегство от себя и от Другого, бесконечное ускользание, примеров чего так много даёт постмодерн»¹⁴.

Очевидно, что здесь исследователи противопоставляют личностное становление масочному. Попытаемся раскрыть содержательно это противопоставление. Прежде всего, отметим, что в становлении личности Другой и отношение с ним столь же фундаментально. Даже божественные Ипостаси находятся в постоянном общении. Вот как формулирует богословскую позицию по этому вопросу С.С. Хоружий: «В персоналистической парадигме, которая наиболее отчётливо артикулирована в христианской догматике, Абсолют репрезентирован как Пресвятая Троица Божественных Лиц-Ипостасей, способ бытия которых есть личное общение. Он обладает собственной внетемпоральной динамикой порождения и исхождения, которая наиболее адекватно передаётся византийским понятием *перихорезис* (лат. *Circumincessio*), буквальный смысл которого — «обходить по кругу», а смысл богословский — полный и совершенный, непрестанный, хотя и вневременной, взаимный обмен бытием между Лицами-Ипостасями: совершенное кругообращение бытия. Такой совершенный обмен бытием интерпретируется как любовь, связующая Ипостаси, и как их общение»¹⁵. Таким образом, очевидно, что личностное общение имеет иную природу, нежели общение через посредство маски. И иное оно потому, что субъект общения выступает в нём совершенно иначе.

В качестве образца осмысления личностного отношения Я и мира рассмотрим русскую философию, которая предлагает символизм в качестве альтернативы масочности. Пожалуй, наиболее ярко этот момент представлен в работах А.Ф. Лосева. Он предлагает понимать личность как энергему, которая есть «смысловая изваянность выражения»¹⁶. Автор настаивает на том, что природа личности есть «осуществлённый символ»¹⁷ и как таковой обязательно содержит два плана: внешний, чувственно воспринимаемый, телесный, и внутренний — смысловой. Однако внутренний план дан нам через внешний, что «нисколько не мешает непосредственности... созерцания»¹⁸. А.Ф. Лосев иллюстрирует свои выводы на примере человеческого лица, которое, по сути, материальный объект, но в нём мы самым непосредственным образом видим идеальное содержание — другое Я.

В контексте нашего исследования весьма любопытно рассмотреть предложенное С.Л. Франком понимание личности как динамического (времяобъемлющего) единства. В своём феноменологическом исследовании душевной жизни он приходит к почти аристотелевскому или, скорее, даже к неоплатоническому её пониманию. В душе он выделяет своего рода материю, «стихию душевной жизни», нечто смутное, неоформленное, неотличенное субъектом от самого себя, точнее, — до-субъектное переживание. В этой первичной стихии С.Л. Франк обнаруживает некое формирующее ядро, своего рода энтелехию души*. Первичное единство стихии душевной жизни содержит потенцию своего отрицания в виде самосознания и его необходимой пары — предметного знания. По мнению С.Л. Франка, формирование ядра самосознания прямо связано с конституированием предмета знания, который в работе «Душа человека»¹⁹ им в первом приближении понимается почти в точном согласии с гуссерлевской *ноэмой*. Однако важно, что то начало, вокруг которого формируется ядро самосознания существует до личностного формирования души. В итоге в его работе «Реальность и человек...»²⁰ прямо утверждается, что это начало непосредственно укоренено в Абсолюте.

Выявленная С.Л. Франком взаимосвязь личностного ядра и предметного знания может быть рассмотрена с несколько иных позиций. Так, основываясь на православной доктрине *перихорезиса*, С.Е. Ячин утверждает что «Общение есть дарение и есть способ бытия Личности»²¹. Причём поскольку этот дар есть дар Другому, можно предполагать, что он должен быть в некотором смысле объективным или объективируемым, особенно, если в качестве такого дара выступает продукт творческого таланта. Этой позиции не противоречит и лосевское понимание Личности. Действительно, Личность, будучи смысловой явленностью, должна выявлять смысл в окружающей действительности и в материальном мире, как бы подсвечивая его.

Но если мы обратимся к феноменологии душевной жизни С.Л. Франка, то станет ясно, что первой материей, с которой сталкивается (оформляется) личность как энергема, есть собственно «стихия душевной жизни». Можно предположить, что будучи первично оформленной и ограниченной от «объективной действительности», эта стихия становится субъективностью, той самой, автономии которой открыл Р. Декарт. Эта субъективность образует внутренний мир Личности.

Отметим, что в таком личностном бытии не нужен посредник в виде маски. Такая личность способна к пребыванию лицом к лицу без по-

* Примечательно, что он делает это открытие как феноменологически, так и диалектически, перекликаясь с идеями А.Ф. Лосева о создании диалектико-феноменологического метода.

средников и это есть «...идеальный акт свободы, где отстояние удерживается не маской, что всегда прилипает, прирастает, но никогда не есть лицо, а личным внутренним усилием»²².

Итак, на основании вышеизложенного мы можем сформулировать гипотезу о том, что в христианской культуре индивидуально-личностное начало осмысливается в специфической категории личности, и это осмысление носит преимущественно символический характер — личность как воплощённый символ. Альтернативой этому выступает осмысление индивидуально-личностного начала в терминах палитры масок. Маски позволяют индивиду не только осмысливать свои отношения с Другим и миром, но и проживать в этих терминах события своего внутреннего (как сказали бы представители европейско-христианской культуры) бытия.

Заметим, что «маска в отличие от личностной идентификации, совершающейся скрытно, незаметно, в тайне от взгляда, всегда находится на свету, на арене»²³. Действительно, в европейско-христианском менталитете смысловое проявление индивидуально-личностного начала разворачивается главным образом во внутреннем, психическом «пространстве» человека, образуя потенциально бесконечный внутренний мир личности. Альтернативой этому будет смысловое проявление индивидуально-личностного начала во «внешнее» пространство в нехристианских культурах. В качестве такового выступает, прежде всего, человеческое тело, причём как непосредственно, так и в опосредованной форме в виде орнамента национально-родовой одежды, татуировок и т.п. Здесь замечательным примером выступает исследование Д. Фрэзера («Каинова печать»²⁴), показывающее, что даже такое, казалось бы, личностное переживание как убийство Другого, реализуется в нехристианских культурах посредством масок.

Однако, говоря о «внешности» реализации индивидуально-личностного начала, мы отнюдь не имеем в виду, что представители нехристианских культур неспособны к внутренним переживаниям. Напротив, мы полагаем, что всякий человек может состояться как личность, но не всякая культура в равной степени предоставляет ему для этого необходимые средства и образцы. Более того, мы готовы признать, что в ряде случаев масочная культура способна более эффективно удовлетворять душевные (но не духовные) запросы индивидов.

В заключение отметим, что всё вышеизложенное представлено как теоретически обоснованная гипотеза, что, несомненно, требует проверки разнообразным историко-этнографическим и полевым материалом. Кроме того, любому этнографу ясно, что культуры, употребляющие маски, весьма разнородны и классификация их как «масочных» требует дальнейшей конкретизации.

- ¹ Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 23.
- ² Гуревич А. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 230.
- ³ Там же.
- ⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 8. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/jose008/txt07.htm#3> Дата посещения 10.05.2008.
- ⁵ Лосский В.Н. По образу и подобию // Боговидение. М., 2003. С. 645.
- ⁶ Там же. С. 652.
- ⁷ Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 2001. С. 77.
- ⁸ Лосский В.Н. Указ. соч. С. 654.
- ⁹ Гуревич А. Избранные тр. Т. 2. Средневековой мир. С. 230.
- ¹⁰ Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Масочность, как способ индивидуализации / маска сквозь призму психологии и культуры: материалы Дальневост. науч.-практ. конф. Владвосток, 2000. С. 34—37.
- ¹¹ Там же. С. 34.
- ¹² Там же. С. 35.
- ¹³ Бёрн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М., 2000. 480 с.
- ¹⁴ Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Масочность как способ индивидуализации... С. 35.
- ¹⁵ Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 82.
- ¹⁶ Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: сочинения. М., 1999. С. 68.
- ¹⁷ Лосев А.Ф. Диалектия мифа // Там же. М., 1999. С. 271.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Франк С.Л. Душа человека // Предмет знания. Душа человека. Минск; М., 2000.
- ²⁰ Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия // С нами Бог. М., 2003.
- ²¹ Ячин С.Е. Личность, общение, дар и миссия русской православной культуры // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: Духовно-нравственная культура как фактор безопасности российского государства: (материалы Покровских чтений 2006—2007 гг.). СПб., 2007. С. 209.
- ²² Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Масочность как способ индивидуальности... С. 36.
- ²³ Там же. С. 37.
- ²⁴ Фрэнсер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.

A. Popovkin
Vladivostok

COMPARATIVE INVESTIGATION OF UNDERSTANDING OF PERSONALITY IN CHRISTENDOM WITH NON-CHRISTIAN CULTURE: ON THE PROBLEM OF FUTURE TRENDS OF PERSON-CENTERED APPROACH

The main question of this article is the comparative investigation of understanding of personality in Christendom with non-Christian culture: on the problem of future trends of person-centered approach. Such terms and phenomenon as personality, mythology mind, Russian philosophy, Christian, culture are in our spotlight.

IV ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Л.Е. Васильева

Владивосток

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ КЛЕРК-5 В БУХТЕ БОЙСМАНА

Памятник Клерк-5 открыт В.Г. Квашиным в 1989 г. на перешейке полуострова Клерк, или на северном берегу бухты Бойсмана в заливе Петра Великого. В 2003—2006 гг. обследован Ю.Е. Вострецовым. В ходе полевых исследований были раскопаны все отложения, представленные четырьмя культурно-хронологическими горизонтами, сформировавшимися в интервале 5500—2000 лет назад в результате деятельности населения разных этапов зайсановской культурной традиции и янковской археологической культуры. Внутри каждого из этапов после проведения всего комплекса анализов возможно более детальное хронологическое деление.

Основной культурный слой составляют многочисленные пласты раковин мощностью 5—7 см, которые отнесены к периоду раннего железного века, или к янковской культуре (VIII—III вв. до н.э.). На этом этапе население янковской культуры оставило три слоя раковинных отложений на глубине 25—70 см, разделённых слоями грунта с артефактами. Ниже них находился слой из костей и раковин, относящийся к неолиту (3—4 тыс. л. н.).

Отложения раскапывались тонкими пластами. В раковинных слоях были видны разовые выбросы моллюсков. Все отложения флотировались для получения лёгких экофактов (семена, чешуйки наземных гастропод и др.) и промывались через сито с размером ячеек 2 мм. Полученный материал сортировался, после чего проводилась идентификация остатков животных.

В раковинных кучах поселения Клерк-5 обнаружены остатки не менее 70 видов водных животных из 10 таксономических групп. Самыми

многочисленными являются брюхоногие и двустворчатые моллюски — не менее 53 видов (В.А. Раков, 2003—2005). Значительно меньше собрано остатков рыб и ракообразных. Остальные таксономические группы (морские ежи, брахиоподы, панцирные моллюски, полихеты, губки) представлены 1—2 видами. Раковины моллюсков составляют доминирующую массу остатков фауны (не менее 99,7—99,9% от общей массы остатков животных). Несмотря на большой видовой состав малакофауны, основу раковинных куч поселения Клерк-5 составляют несколько видов промысловых двустворчатых и в меньшей степени — брюхоногих моллюсков. Большое число видов моллюсков встречается не в каждом слое раковин и среди них не все относятся к промысловым. Наряду с представителями других таксономических групп они могут лучше характеризовать экологические условия в водоёмах в районе поселения Клерк-5, а также изменения этих условий за период существования памятника.

Большинство видов обнаруженных двустворчатых моллюсков имеют низкобореальное (43%), субтропическое (28%) и субтропическо-низкобореальное (14%) происхождение. Найден также один вид (*Hiatella arctica*) бореально-арктического происхождения. Все виды двустворчатых моллюсков обитают в бухте Бойсмана и в настоящее время. Повсеместно (т.е. во всех слоях и разовых выбросах) встречаются только три вида двустворчатых моллюсков: мидия Грея (*Crenomytilus grayanus*), спизула сахалинская (*Spisula sachalinensis*) и тихоокеанская устрица (*Crassostrea gigas*). Во всех слоях (за исключением нескольких разовых выбросов) найдены раковины песчаной ракушки — мии (*Mya arenaria*), корбикулы японской (*Corbicula japonica*) и перонидии жилковатой (*Peronidia venulosa*). Значительно реже встречались раковины глицимериса (*Glycymeris yessoensis*), дозинии (*Dosinia japonica*), приморского гребешка (*Mizuhopecten yessoensis*), анадары Броутона (*Anadara broughtonii*) и тихоокеанского петушка (*Ruditapes philippinarum*).

Единственный вид солоноватоводных двустворчатых моллюсков представлен часто встречающейся корбикулой, масса раковин которой в разовых выбросах достигала 28 г (до 12—15 особей) в слое 3. Обычно масса раковин корбикулы не превышала 5—7 г, или 1—2% от общей массы. Однако стабильное нахождение их во всех слоях и в большинстве разовых выбросов свидетельствует о регулярности промысла корбикулы. Эти моллюски обитают на расстоянии около 2 км от поселения Клерк-5 в озере Рязановском и в протоке, связывающей озеро с бухтой Бойсмана. Жители поселения Клерк-5 подтверждают, что занимались промыслом моллюсков не только вблизи жилищ, но и на расстоянии нескольких километров. Поэтому не исключено, что большая часть моллюсков обрабатывалась вблизи места лова. В составе фауны преоб-

ладают низкобореальные (55%) и бореальные (23%) виды брюхоногих моллюсков. Остальные представлены субтропическо-низкобореальными и субтропическими видами. Все обнаруженные виды в настоящее время обитают в бухте Бойсмана. Некоторые из них (представители рода *Neptunea*), как правило, встречаются на относительно большой глубине — более 20 м. К промысловым видам брюхоногих моллюсков можно отнести не более 7—8 видов. При добыче моллюсков предпочтение отдавалось трём видам: нептунеге луковичной (*Neptunea bulbacea*), нуцелле Хейзеана (*Nucella heyseana*) и криптонатика (*Cryptonatica janthostoma*), остатки раковин которых встречаются во всех слоях и в большинстве разовых выбросов.

Раковинные отложения янковской культуры содержали кости, отолиты и чешую рыб, кости наземных и морских млекопитающих (включая китообразных), птиц, амфибий и рептилий.

Для археологических памятников характерна сильная фрагментированность костей, обусловленная деятельностью человека. Поскольку материал на данном памятнике отбирался очень тщательно (весь грунт промывался на мелкочаеистых ситах), то процент определимых костных остатков очень низкий.

По данным, полученным в 2003 г. для данного памятника, не идентифицировано ни одного домашнего животного. Поскольку количество определённых до вида костных остатков не очень большое (меньше десятка для каждого вида), то проводить количественное сравнение довольно трудно.

В культурном слое из копытных были идентифицированы благородный олень и косуля, причём в нижнем слое преобладали костные остатки благородного оленя, в верхнем — косули, в среднем их было почти поровну. В нижнем слое раскопов 3 и 4 обнаружен только благородный олень.

Почти во всех слоях культурного слоя и в обоих раковинных кучах найдены единичные костные остатки грызунов. Исключение составляет нижний слой раскопа 4, где насчитывалось 90 костных остатков грызунов. В основном это были элементы посткраниального скелета, поэтому не удалось определить их видовую принадлежность (кроме 2 фрагментов черепа серой крысы). В результате раскопов выявлены следующие виды: дальневосточная и красно-серая полёвки, серая крыса.

Основное количество костей птиц (видовая идентификация не проводилась) отмечено в нижней части культурного слоя, небольшое содержание их в среднем слое раскопа 4, одна — в верхнем раскопе 3. Единичные позвонки змей обнаружены в верхней части раскопа 3, в верхней и нижней раскопа 4. Находки костей амфибий тоже были единичными — в нижней части культурного слоя, верхних частях раскопов 4 и 3.

Это даёт возможность представить, как человек использовал морские ресурсы, составить летопись событий, а также сделать палеоэкологические реконструкции.

По данным, полученным после обработки материала органических остатков, собранного в 2006 г., отмечены следующие результаты.

Охота на млекопитающих в условиях поселения Клерк не очень зависела от изменения ландшафта, потому как в клерковской раковинной куче раннего железного века и неолита мы наблюдаем примерно одинаковое количество костных остатков млекопитающих. Очевидно, что в янковское время по сравнению с неолитическим увеличивается интенсивность охоты на птиц, с другой стороны, в период существования клерковской раковинной кучи мы находим почти такое же количество костных остатков птиц, что и в янковское, в самых нижних слоях наблюдается увеличение остатков рептилий и грызунов. Это связано с палеоклиматическими событиями, во время которых отмечено снижение уровня моря, в следствии чего произошло расширение косы и формирование устойчивой лагуны у поселения и Рязановского озера. В то же время наблюдается уменьшение количества костных остатков рыб, что, вероятно, связано с прекращением охоты во время похолодания, с ухудшением штормовой ситуации.

Получены уникальные и разнообразные материалы, позволяющие реконструировать состояние окружающей среды и динамику её изменения, человеческую деятельность в процессе её эксплуатации. Эти междисциплинарные данные после соответствующей обработки могут лечь в основу реконструкции истории рыболовства и эксплуатации других гидробионтов в заливе Петра Великого в среднем и позднем голоцене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раков В.А. Малакофауна неолитических «раковинных куч» побережья залива Петра Великого // Комплексное изучение голоценовых отложений побережья залива Петра Великого (Японское море). Владивосток, 1995. С. 38—44.
2. Раков В.А., Бродянский Д.Л. Каталог фауны из археологических памятников Приморья. Владивосток, 2004.

L.E. Vasilieva
Vladivostok

RESEARCH OF ANCIENT SETTLEMENT KLERK-5 IN BOISMAN BAY

In this paper the data, allowing to reconatruct a condition of the environment and dynamic of change during the operation by the man.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В АНУЧИНСКОМ РАЙОНЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 2007 г.

Анучинский район — одно из тех мест в Приморье, где люди селились на протяжении нескольких веков. Это подтверждают археологические исследования — на территории района выявлены памятники и объекты, относящиеся к разным историческим эпохам¹.

Представитель отдела культуры при администрации Приморского края в Анучинском районе В.В. Василенко, который на протяжении многих лет сотрудничает с археологами Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, сообщил, что им обнаружены ранее неизвестные поселения, предварительно датируемые по собранному на поверхности керамическому материалу VIII—XIII вв. Учитывая тот факт, что средневековые поселения относятся к практически неизученной категории археологических объектов, их фиксация и изучение представляют огромный научный интерес для исследователей. Осенью 2007 г. в окрестностях пос. Анучино была проведена археологическая разведка с целью выявления, учёта археологических памятников данного района и осмотра их состояния.

В ходе разведки были обследованы долины рек Арсеньевка, Тихая, Муравейка, зафиксированы шесть новых археологических памятников* и проведён мониторинг уже известных, но активно разрушающихся археологических объектов (рис. 1).

Старогордеевское поселение (Старогордеевка-14) (рис. 1:2). Поселение расположено с правой стороны государственной трассы Осиновка — Арсеньев, в одном километре к юго-западу от с. Старогордеевки, в пяти метрах к западу от левого берега старицы р. Арсеньевки. В настоящее время территория памятника распахана, что позволило собрать керамический материал. Судя по его распространению, площадь поселения составляет не менее 200 кв. м.

Вся керамика изготовлена на быстром круге из глины с мелко- и среднезернистыми примесями песка (рис. 2). Поверхность сосудов подвергалась заглаживанию или горизонтальному лощению с блеском. Сосуды в основном толстостенные, толщина стенок 7—8 мм. Реконструирована верхняя часть шаровидного сосуда, орнаментированного по плечикам прочерченной горизонтальной линией. Ещё два венчика принадлежали

* Место расположения всех обследованных памятников указал В.В. Василенко.

Рис. 1. Место расположения археологических памятников, обследованных в Ануцинском районе Приморского края в 2007 г.: 1 — Рисовое-3, 2 — Старогордеевка-14, 3 — Старогордеевка-21, 4 — Анучино-31, 5 — Анучино-34, 6 — Анучино-37.

массивным сосудам типа корчаг. Наряду с преобладающими изделиями, обожжёнными в восстановительном режиме, присутствуют и ёмкости, подвергшиеся обжигу с доступом кислорода. Ближайшие аналогии керамики поселения Старогордеевка-14 находят на памятниках чжурчжэньской культуры государства Восточное Ся. Таким образом, поселение Старогордеевка-14 предварительно было датировано началом XIII в.

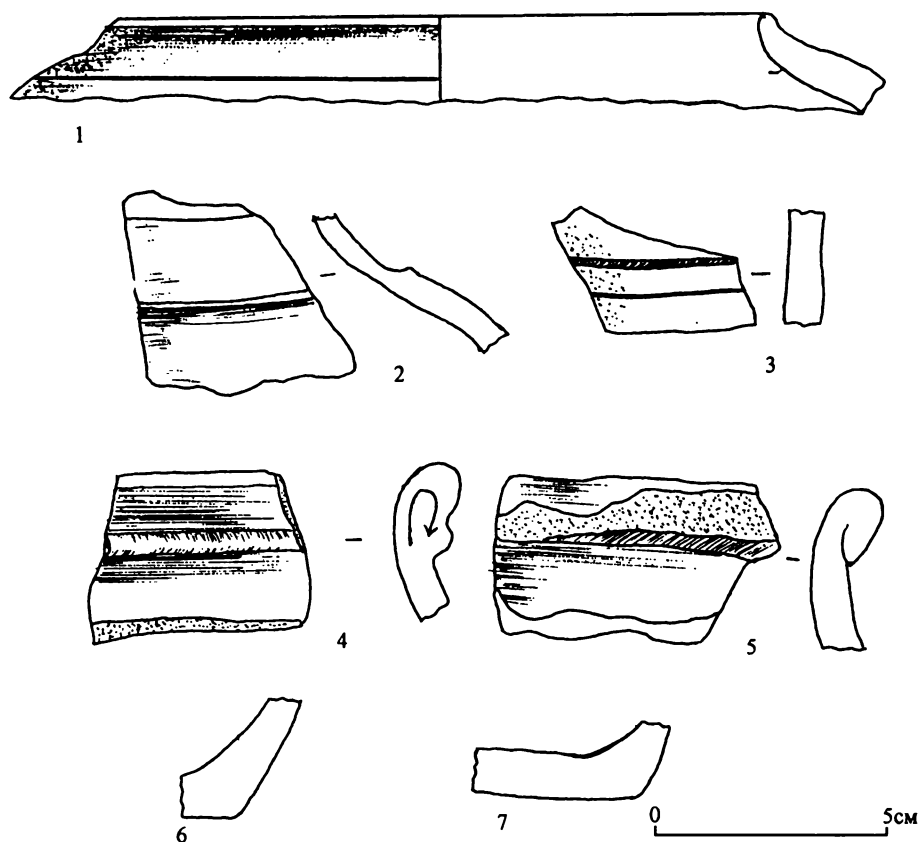

Рис. 2. Керамический материал с поселения Старогордеевка-14.

Старогордеевка-21 (рис. 1:3). Поселение расположено в двух километрах к юго-западу от с. Старогордеевки в пойме правого берега р. Арсеньевки. Государственная трасса Осиновка—Арсеньев делит поселение на две части. В настоящее время поселение распаханно, одна его половина засеяна озимыми, вторая — частный огород. Была обследована площадь около 400 кв. м. Поселение Старогордеевка-21 расположено рядом с археологическим памятником Старогордеевка-3, которое впервые было обследовано сотрудниками Института истории ДВО РАН В.И. Болдыным и А.Л. Ивлиевым. Предположительно памятник датируется средневековым периодом (VII—XIII вв.). Количество керамики с поселения Старогордеевка-21, переданной В.В. Василенко и собранной нами во время обследования, достигало более сотни фрагментов. Часть керамики, найденной на городище в ходе разведки, относится к кроуновской культуре раннего железного века, остальные изделия изготовлены на круге быстрого вращения и находят ближайшие аналогии на памятниках эпохи Восточного Ся.

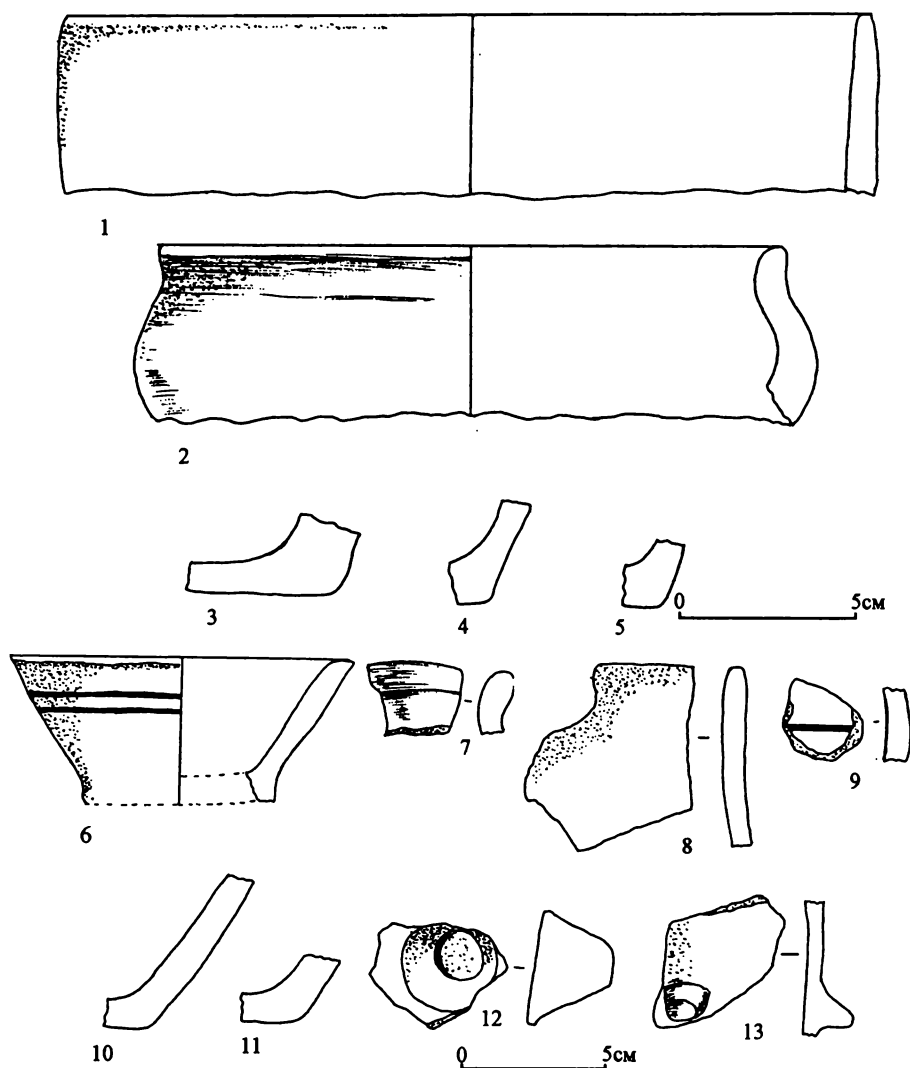

Рис. 3. Керамический материал с поселения Старогор'dеевка-21.

Кроуновская керамика. Сосуды кроуновской археологической культуры (АК) изготовлены вручную, способом кольцевого ленточного налёпа (рис. 3:1—6, 3:8, 9, 12, 13). В составе формовочной массы, использовавшейся для изготовления керамики, присутствуют в основном крупнозернистые минеральные примеси. Поверхность сосудов сильно окатана, тем не менее на некоторых из них присутствуют следы заглаживания и тусклого лощения. Сохранилось всего три венчика кроуновских сосудов, два из них принадлежали ёмкостям с прямыми стенками

и слегка уплощённым краем венечной части, третий сосуд хорошо профилирован, у него округлое тулово, зауженная горловина. Все изделия толстостенные, неорнаментированные. Обжиг окислительный.

Чжурчжэньская керамика. Чжурчжэньская керамика представлена фрагментами стенок круговых сосудов, одним фрагментом венчика и четырьмя обломками донышек (рис. 3:7, 10, 11). Все сосуды изготовлены из глины с мелкозернистыми примесями, поверхность сосудов заглаживалась или лощилась. Лощение встречается реже, как правило, оно хорошего качества, блестящее. Обжиг большинства сосудов производился в окислительном режиме.

Помимо керамического материала на территории поселения обнаружены три железных гвоздя, черешок наконечника стрелы и, предположительно, фрагмент ножа.

Анучино-31 (рис.1:4). Поселение находится в одном километре на юго-запад от слияния рек Арсеньевки и Муравейки, на надпойменной террасе высотой 1—1,5 м. В настоящее время здесь расположены огороды. С распаханной части поселения, которая составляет около 100—150 кв.м, собран археологический материал. Вся керамика изготовлена на круге (рис.4). В глине, использовавшейся для изготовления изделий, присутствуют разнотекстурированные минеральные примеси. Преимущественно это мелко- и среднетекстурированный песок. Поверхность ёмкостей лощёная. Лощение горизонтальное, сплошное или полосчатое. Венечные части принадлежали крупным изделиям с округлым в сечении трубчатым венчиком. Орнаментированных стенок сосудов немного — 8% от общего количества найденных фрагментов, орнамент представлен прочерченными горизонтальными и короткими вертикальными линиями, нанесёнными при помощи роликового штампа. Обжиг изделий в основном восстановительный, но цветовые характеристики около 20% фрагментов свидетельствуют об окислительном режиме обжига.

Технологические характеристики керамики, орнамент, форма венчиков позволяют отнести её к культуре чжурчжэней государства Восточное Ся.

Анучино-34 (курган) (рис.1:5; 5). Курган расположен в 3 км к юго-западу от с. Анучино, на пологом склоне сопки, спускающейся на восток в долину левого берега р. Арсеньевки. От восточного подножия кургана до начала долины около 30—40 м. Курган имеет почти правильную форму круга, слегка вытянутого по линии восток—запад. Высота его варьируется от 80 см до 1 м. Протяжённость кургана по линии север—юг — 8 м, по линии запад—восток — 9 м.

В центре кургана имеется округлой формы западина диаметром 3 м 10 см, глубиной около 70 см. Определить культурную принадлежность

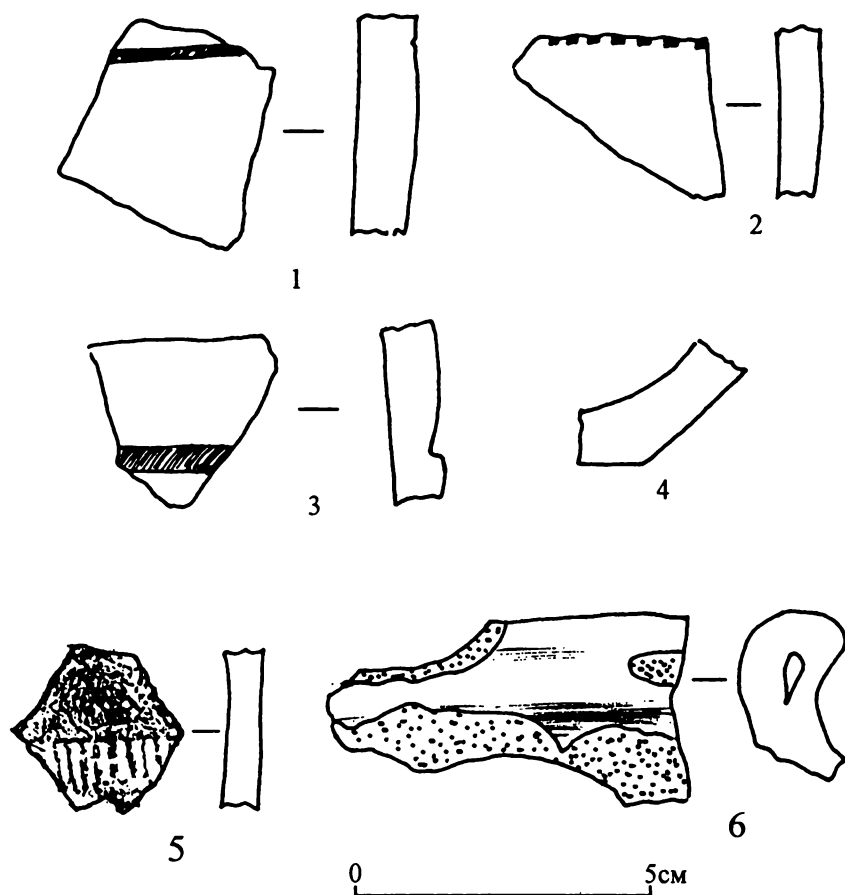

Рис. 4. Керамический материал с поселения Анучино-31.

кургана не представляется возможным, поскольку подъёмного материала не обнаружено.

Анучино-37 (рис. 1:6). Место поселения обследовано по рекомендации В.В. Василенко. Расположено в 2,5 км на юго-запад от с. Анучино на огородах восточнее дороги Анучино-Муравейка, на левом берегу р. Муравейки. Площадь распространения подъёмного материала составила около 200 кв. м.

В ходе обследования территории памятника обнаружено более 200 фрагментов керамических сосудов. Предварительно всю керамику можно разделить на две категории: керамика чжурчжэней эпохи Восточного Ся и керамика кроуновской АК. Кроме того, в коллекции присутствуют фрагменты стенок лепной тонкостенной керамики, также предположительно относящиеся к эпохе палеометалла.

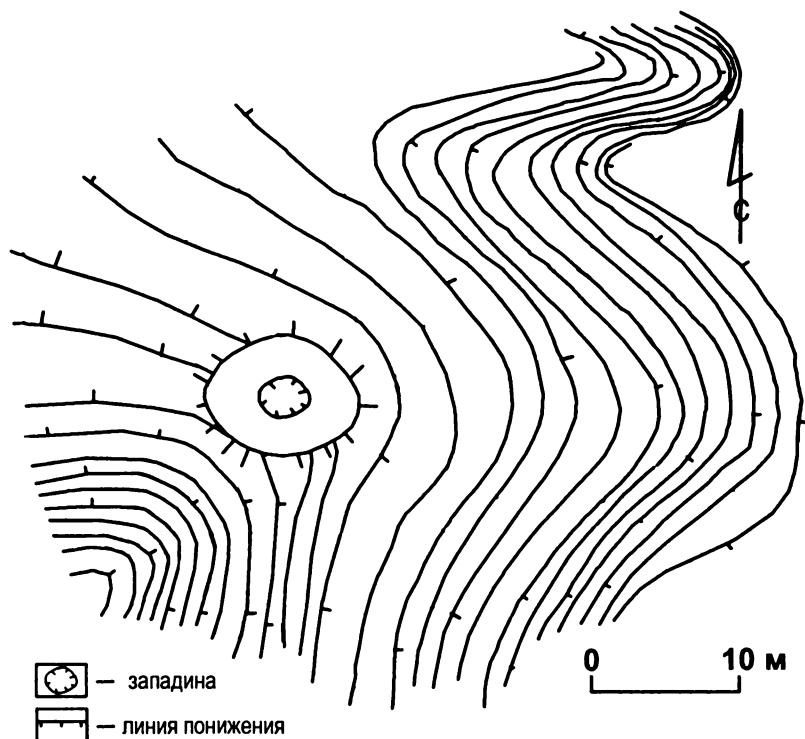

Рис. 5. План кургана Анучино-34.

Керамика кроуновской АК. К этой категории относятся более 20 фрагментов не менее чем от 11 лепных толстостенных сосудов (рис. 6:11—14). У всех изделий прямой венчик с округлым краем. Сосуды изготовлены кольцевым ленточным налепом из глины с большим количеством минеральных крупнозернистых примесей. Все изделия как в изломе, так и на поверхности коричневого или оранжевого цвета. Обжиг сосудов окислительный.

Керамика чжурчжэней эпохи Восточного Ся. Чжурчжэньская керамика представлена фрагментами не менее чем от 12 сосудов (рис. 6:1—10). Все изделия изготовлены на круге. В сырьё для изготовления сосудов добавлялся минеральный отощитель — мелкозернистый песок. Поверхность большинства изделий заглаживалась.

Венчики сосудов в основном прямые или слабо отогнутые, четыре из них относятся к типу «трёхгубых», остальные венчики гладкие или раздвоенные. Формы сосудов реконструировать не удалось, можно лишь отметить, что четыре фрагмента венчиков принадлежали массивным толстостенным изделиям типа корчаг, у одного сосуда восстановлена венечная часть диаметром 26 см.

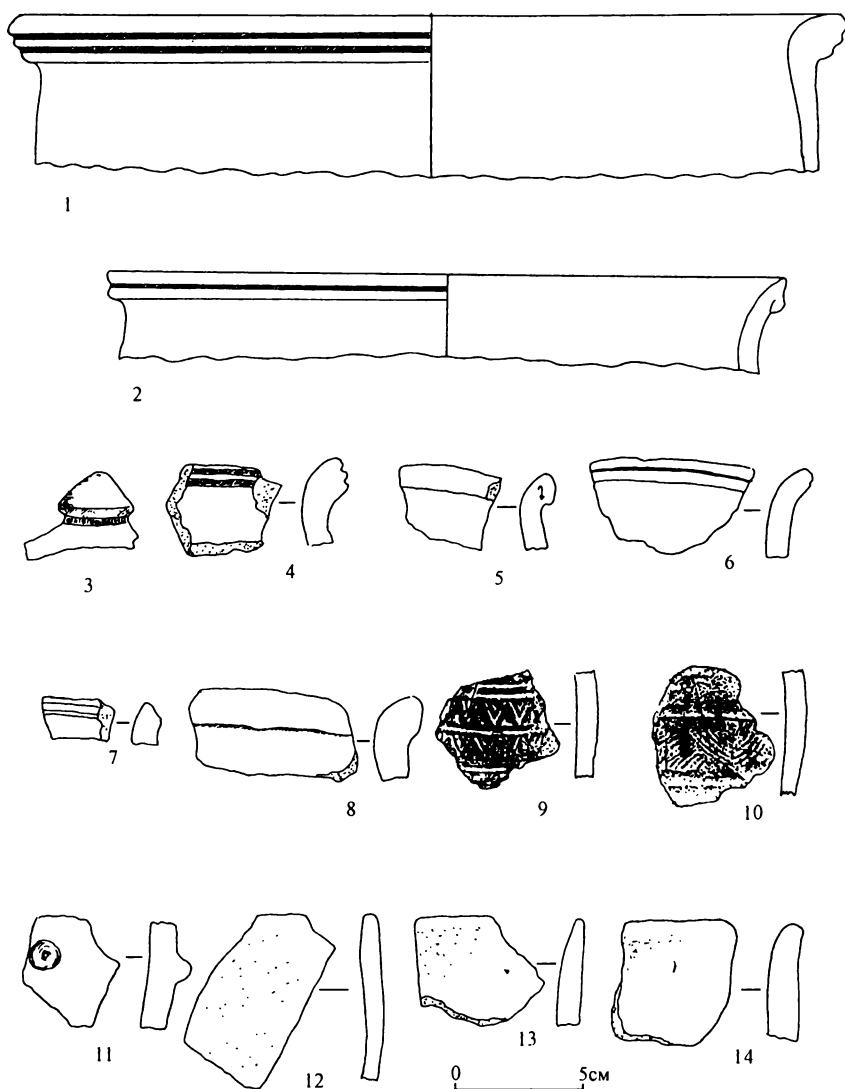

Рис. 6. Керамический материал с поселения Анутино-37.

Орнаментированные фрагменты составляют 7% от общего количества сосудов этой категории. Орнамент, как правило, представлен прочерченными горизонтальными концентрическими линиями, расположенными группами по 2—3 на тулове или на основании горловины ёмкости. На двух фрагментах сосудов орнамент штампованный. В первом случае — это оттиски в виде сочетания дуг и вертикальных линий, а во втором — сочетание прочерченных горизонтальных линий и оттисков штампа в виде вписанных треугольников.

Большинство керамики обжигалось в окислительном режиме — при доступе кислорода, о чём свидетельствуют тёплые тона поверхности и излома сосудов.

Керамический материал, собранный на территории поселения, свидетельствует о наличии не менее двух культурных горизонтов, наиболее ранний из которых относится к эпохе раннего железного века (кроуновская АК), а поздний — к культуре чжурчжэней государства Восточное Ся.

Рисовое-3 (рис. 1:1). Сопка расположена в 300—350 м к югу от с. Рисовое и примерно в 100 км на восток от археологического памятника Рисовое-1. Местные жители называют данный объект «Бугор». Сопка вытянута с юго-востока на северо-запад между р. Телянзой (ныне р. Тихая) и озером-старицей. Восточный край сопки крутой, западный — более пологий, вершина уплощена. Длина сопки около 150 м, она возвышается над долиной на 6—8 м. Середина сопки свободна от растительности и лишь по её краям редко растут дубки, осины и орешник.

В ходе разведочных работ на поселении найден немногочисленный подъёмный материал, представленный в основном мелкофрагментированной керамикой. Преимущественно это стенки лепных сосудов оранжевого или оранжево-коричневого цвета. Большинство обломков принадлежат, вероятно, одному сосуду, изготовленному из глины с большим количеством (до 40%) крупнозернистых примесей способом кольцевого ленточного налёпа (рис. 7). Поверхность изделия сильно окатана, тем не менее можно заключить, что внешняя сторона явно подвергалась заглаживанию. Обжиг окислительный. Предварительно найденную на поселении керамику можно отнести к кроуновской АК эпохи палеометалла.

Безусловно, памятники, обследованные в ходе данной разведки и зарегистрированные ранее, представляют значительный научный интерес. Но состояние, в котором они находятся в настоящее время, плачевное. Памятники подвергаются активному разрушению как природного, так и антропогенного характера. Местные жители активно распахивают удобно расположенные территории, устраивая на них огороды. Ежегодные сельскохозяйственные работы отрицательно сказываются на сохранности археологических объектов. Так, культурный слой, датируемый чжурчжэньским временем, как правило, располагается сразу

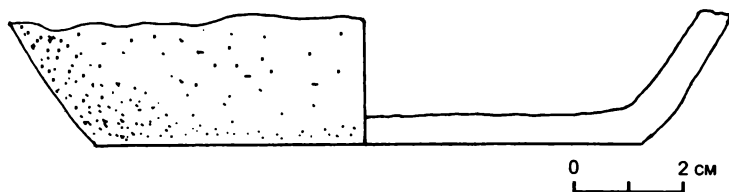

Рис. 7. Рисовое-3.

под дёрном. Таким образом, можно предположить, что многие памятники этой эпохи уже уничтожены. Уникальный памятник, план которого в своё время сделал Ф.Ф. Буссе (Анучинское городище), расположен в пределах пос. Анучино. К сожалению, территорию городища постепенно занимает местное кладбище.

Свою лепту в разрушение археологических памятников вносит и природа. В результате подъёма воды в реках, сильных ливней, эрозии почв нарушается целостность археологических объектов, утрачиваются многие артефакты, безвозвратно исчезают следы жизнедеятельности человека в прошлом. Например, многослойный памятник Анучино-11, обследованный и зафиксированный Е.И. Гельман, постепенно подмывает р. Уссурка (Даубихэ). И таких примеров негативного влияния антропогенных и природных факторов можно приводить ещё много. А ведь археологические памятники, обследованные в ходе данной разведки и зарегистрированные ранее, представляют значительный научный интерес. К настоящему времени наиболее изученной категорией чжурчжэньских объектов являются укрепленные городища. Безусловно, их исследование даёт массу интересной и значимой информации о фортификации, торговых связях, развитии ремесел, торговли и т.д. Но поселения — это не менее важный объект, поскольку именно их изучение даёт представление о том, на основании чего строилась система жизнеобеспечения населения.

В ходе многолетних сельскохозяйственных работ чжурчжэньский культурный слой на многих археологических объектах, скорее всего, уже утрачен. Например, хозяин двух огородов, на которых обнаружены следы поселений, С.Н. Пулинец утверждает, что ежегодно (а он владеет землёй уже более 15 лет) они расчищают территорию, вынося «вёдрами» керамику и камни (скорее всего, остатки каких-то конструкций). Но тем не менее даже фиксация памятников позволит, на наш взгляд, решить определённые проблемы, стоявшие перед археологами. Например, составить карту расселения, представить плотность заселения района в определённые периоды времени и т.д.

Помимо научных проблем, которые можно и нужно решать, в рамках нашей конференции хотелось бы поднять ещё один вопрос организационного порядка. На наш взгляд, необходимо как-то упорядочить работу археологических отрядов, выезжавших в археологические разведки. К сожалению, в Институте истории пока не сложилась традиция знакомить коллег с результатами археологических исследований. И если о «стационарных» памятниках мы имеем определённое представление, то информация о результатах разведок труднодоступна. Не всегда предоставляется возможность получить на руки отчёт (если он есть) и уточнить информацию о памятнике. Таких проблем было бы меньше,

если бы результаты ежегодных разведок фиксировались не только в отчётах, но и в каком-то специальном издании, пусть и институтского масштаба. Впоследствии это облегчило бы создание сводок памятников по районам дальневосточного региона.

В заключение хотелось бы высказать искреннюю признательность Виталию Владимировичу Василенко. Благодаря его деятельности фиксируются многие археологические памятники, собранный с их территории подъёмный материал передаётся в руки специалистов. Местные жители взяли за правило отдавать В.В. Василенко все найденные на полях и огородах артефакты. Сам он с большим удовольствием помогает археологам в организации работ на месте. В.В. Василенко был одним из инициаторов принятия районного постановления об охране и использовании памятников археологии, благодаря его активной деятельности было подготовлено принятие решения «О мерах по усилению охраны историко-культурного наследия на территории муниципального образования Анучинский район Приморского края»².

В настоящее время проблема сохранения культурного наследия прошлого стоит как никогда остро и крайне важно не опоздать с её решением.

¹ Ключев Н.А. Основные итоги археологических исследований в Анучинском районе Приморского края в 1997—1999 гг. // Культурно-историческое наследие в XXI веке: перспективы сохранения и использования: сб. докл. конф., посвящ. Международному дню охраны памятников. Владивосток, 2000. С. 47—48; Анучинский район Приморского края в древности и средневековье. Владивосток, 2006. С. 5.

² Мялк А.В., Попов А.Н., Василенко В.В. Опыт использования законодательства о местном самоуправлении // Культурно-историческое наследие в XXI веке. С. 94—97.

E.V. Astashenkova,

Y.E. Piskareva

Vladivostok

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION IN 2007 IN ANUCHINSKIY DISTRICT OF RUSSIAN PRIMORSKY REGION

In the article E.V. Astashenkova and Y.E. Piskareva gives the description of archaeological sites which were founded in Anuchinskiy district in 2007. There were fixed six new sites during investigation: Starogodeevka-14, Starogodeevka-21, Anuchino-31, Anuchino-34, Anuchino-37, Risovoe-3. The analysis of ceramics displays that it belong to Krounovskaya archaeological cultural and to Churchen cultural. The authors point at the destruction of the site which connected with natural and anthropogenic factors. E.V. Astashenkova and Y.E. Piskareva emphasize the impotence of archaeological investigation such kind of sites as Churchen settlements because their study let us to know the life-support system of Churchen population in the territory of Russian Maritime region.

МОРФОЛОГИЯ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ ЧЕРЕПИЦЫ: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ

Впервые датирующие свойства кровельной черепицы были отмечены в статье Э.В. Шавкунова¹. Исходя из морфологических данных черепицы для двух археологических культур — бохайской и чжурчжэньской, исследователем выделены следующие характерные её признаки:

- наличие отогнутого под углом бортика-отлива у нижних карнизных черепиц, обнаруженных на чжурчжэньских памятниках;
- концевые диски верхних карнизных черепиц обоих исторических периодов отличаются технически разным оформлением (бохайская черепица имеет кольцевую рамку), а также разными орнаментальными композициями;
- наличие подтреугольных завершений верхних карнизных черепиц;
- некоторые виды орнаментации верхних карнизных черепиц.

Основываясь на исследованных орнаментальных композициях, кровельная черепица «...может стать одним из основных датирующих материалов при археологических исследованиях тех или иных средневековых археологических памятников...»²

В 1987 г. метод датирования на примере изучения морфологических особенностей черепицы был применён А.Л. Ивлиевым. Основанием для этого послужила точка зрения китайского исследователя Цзя Чжоуцзе, по мнению которого за увеличением крутизны скатов крыш зданий в XII—XIII вв. последовало изменение угла отгиба отливов нижней карнизной черепицы. Таким образом, существенным датирующим признаком в данном случае является угол отгиба отлива относительно самой черепицы. За основу был принят внешний угол отгиба отлива. Так, для X — начала XII в. он равен 88—106°, а для периода второй половины XII — начала XIII в. — 118—140°. Изучив нижнюю карнизную черепицу с орнаментированным отливом Майского городища, А.Л. Ивлиев пришёл к выводу, что памятник датируется X — первой половиной XII в.

Исследователем были привлечены данные других приморских памятников, относительно которых на основе анализа показателей внешних углов отгибов сделано заключение, что Западно-Уссурийское, Красноярское городища, а также Суйфунский памятник относятся к начальному периоду существования чжурчжэньской империи, т.е. к первой половине XII в., а Николаевское и Шайгинское городища датируются более поздним отрезком времени (второй половиной XII—XIII в.)⁴.

После публикации находок черепицы чжурчжэньского городища Кэдун, расположенного на территории современного Китая (пров. Хэйлунцзян), близкой черепице Майского городища, датировка была пересмотрена, и памятник датирован серединой XII — началом XIII в.⁵ Таким образом, предложенная датировка памятника на основе данных угла отгиба отливов черепицы не подтвердилась.

Располагая в настоящее время значительно бóльшей источниковой базой, предпримем попытку решить вопрос о возможности применения данного признака в качестве датирующего. В частности, проанализируем вышеуказанные показатели черепицы с отливами, обнаруженной на чжурчжэньских памятниках в Приморье. Однако в нашей работе ограничимся лишь показателями черепицы, чётко привязанной в стратиграфическом отношении.

Отметим, что внешний угол отгиба отлива — это тот, что находится между внешней поверхностью отлива и внутренней поверхностью черепицы. По орнаменту на отливе вся черепица была распределена по группам.

На сегодняшний день есть только один чжурчжэньский памятник, имеющий строительные горизонты с кровельной черепицей. На Красноярском городище, как известно, обнаружено два горизонта, в обоих из них найдена кровельная черепица с орнаментированным отливом. В верхнем горизонте раскопаны остатки нескольких построек под черепичной крышей, в нижнем — яма и канавка, заполненные кровельной черепицей. Черепица обоих горизонтов содержит идентичную нижнюю карнизную черепицу (табл. 1, рис. 1, 2, 3), представленную группами орнамента (1, 2, 5, 6) и с теми же показателями угла отгиба отливов.

Таблица 1

**Красноярское городище.
Распространение нижней карнизной черепицы
с орнаментированным отливом по строительным горизонтам**

Орнамент нижней карнизной черепицы	Верхний горизонт	Нижний горизонт
Группа 1. Растительный	+	+
Группа 2. «Косая сетка»	+	+
Группа 3. Ромбовидно-точечный	+	—
Группа 4. «Ёлочка»	+	—
Группа 5. Линейно-полосчатый	+	+
Группа 6. Квадратно-точечный	+	+
Группа 7. Х-образный	+	—
Группа 8. Волнистый	+	—

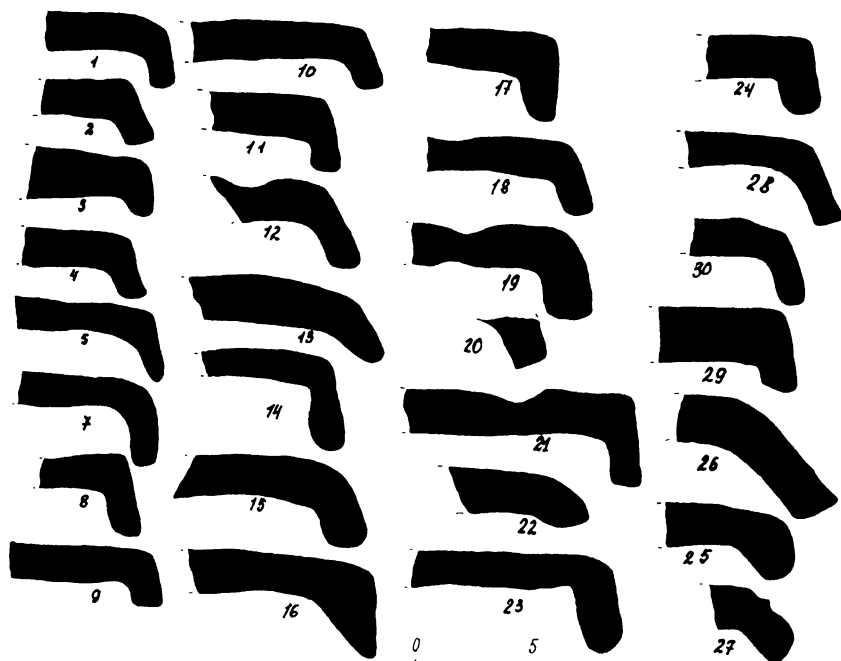

Рис. 1. Краснаяровское городище. Верхний горизонт. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц: 1—12 — орнамент группы 1 (растительный); 13—24 — орнамент группы 2 (косая сетка); 25 — орнамент группы 4в (ёлочка); 28 — орнамент группы 3 (ромбовидно-точечный); 29—30 — орнамент группы 4б (ёлочка — косые полосы).

Большинство черепицы, найденной во Внутреннем городе памятника, представлено данными, укладываемыми в более раннюю датировку, т.е. X — начало XII в. (88—106°) (угол отгиба близок к прямому), либо несколько выходящими за её рамки (табл. 2), хотя в каждой из групп имеются образцы, визуально принадлежащие одной партии по своим технико-технологическим характеристикам, но с сильно различающимися показателями угла отгиба отлива. Следует отметить, что в кровлях всех строений стабильно употребляется черепица, принадлежащая, судя по всему, ко второму периоду — вторая половина XII — начало XIII в. (118—140°) (угол отгиба близок к тупому), но количество её слишком незначительно. Можно предположить, что черепица бережно сохранялась и использовалась при ремонтах и перестройках зданий.

Черепица нижнего горизонта также имеет различные показатели угла отгиба, варьирующие от 101 до 124° (рис. 3). Исходя из этих данных, у черепицы групп 1, 2 и 5 угол отгиба близок к прямому, т.е. относится к первому периоду, а группы 4а и 6 — тупой угол, хотя вся черепица

Рис. 2. Красноярское городище. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц: 1, 3, 4, 6, 7, 9, 20, 24, 26, 27 — орнамент группы 5 (линейно-полосчатый); 30—31 — орнамент группы 6 (квадратно-точечный).

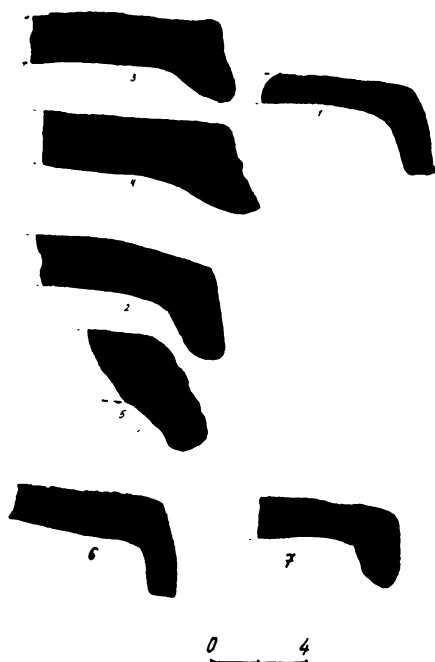

Рис. 3. Красноярское городище. Черепица нижнего горизонта. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц: 1 — орнамент группы 1 (растительный); 2 — орнамент группы 2 (косая сетка); 3—4 — орнамент группы 5 (линейно-полосчатый); 5 — орнамент группы 6 — квадратно-точечный.

применялась в одних и тех же кровлях. По остальным группам нижней карнизной черепицы делать вывод не представляется возможным, поскольку их общее количество слишком невелико.

При исследовании здания Николаевского городища было обнаружено 7 групп нижней карнизной черепицы (рис. 4, 5). Все они имели разные показатели угла отгиба отливов, сильно различавшиеся даже внутри каждой из групп. К первому периоду, исходя из показателей угла отгиба отливов, с уверенностью можно отнести только черепицу 7-й группы (87—94°). По статистике, черепиц с тупым углом отгиба на памятнике больше, чем с прямым (табл. 3). Черепица, собранная на разных строительных объектах Шайгинского городища, в подавляющем большинстве также представлена тупым углом отгиба (рис. 6; табл. 4).

Таблица 2

Красноярское городище. Верхний горизонт.
Данные угла отгиба отливов нижних карнизных черепиц

Группа орнамента	Строительные объекты									
	1997—2003 гг.					1955 г.				
	Зд. № 1	Зд. № 2	Зд. № 3, № 4	Зд. № 5, ЖП № 2	Зд. № 6	Зд. № 7	Зд. № 1	Зд. № 2		
Группа 1. Растительный	12/10/106,8** 98°–119***	1/1/88°	2/2/106,5° 101°, 112°	9/9/103,2° 90°–115°	8/8/108,6° 100°–122°	9/8/100,1° 94°–108°	1/1/104°	1/1/101°		
Группа 2. «Косая сетка»	12/11/107,7° 93°–145°	1/1/90°	10/9/107,8° 83°–120°	22/20/101,9° 74°–128°	15/15/100,5° 90°–131°	4/4/103,2° 90°–121°	—	—		
Группа 3. Ромбовидно-точечный	1/1/114°	—	—	—	—	2/2/101° 95°, 107°	—	—		
Группа 4а. «Елочка»	2/2/137,5° 131°, 144°	—	—	2/2/124,5° 123°, 126°	—	2/1/119°	—	—		
Группа 4б. «Елочка, косые полоски»	2/2/103,5° 97°, 110°	—	—	2/1/114°	—	—	—	—		
Группа 4в	1/1/100°	—	1/1/118°	1/1/100°	—	—	—	—		
Группа 5. Линейно-полосчатый	—	—	—	—	85/66/101,6° 87°–125°	—	73/69/98,8° 85°–115°	—		
Группа 6. Квадратно-точечный	—	—	—	—	12/11/127,8° 120°–145°	—	—	—		
Группа 7. «Х-образный»	—	—	—	1/1/106°	—	—	—	—		
Группа 8. Волнистый	—	—	—	—	—	4/4/114,5° 102°–126°	—	—		
Группа 9. Сетчато-ёлочный	—	—	—	—	—	—	—	1/1/137°		

Примечание: * первая цифра в данной графе означает общее количество нижних карнизных черепиц с орнаментированным отливом, у которых в той или иной степени сохранились параметры и подвергшиеся учёту / вторая — количество черепиц, у которых можно установить величину внешнего угла отгиба отлива / третья — среднее число показателей. ***Крайние (наибольшие и наименьшие) величины углов отгибов отливов в каждой группе орнаментов.

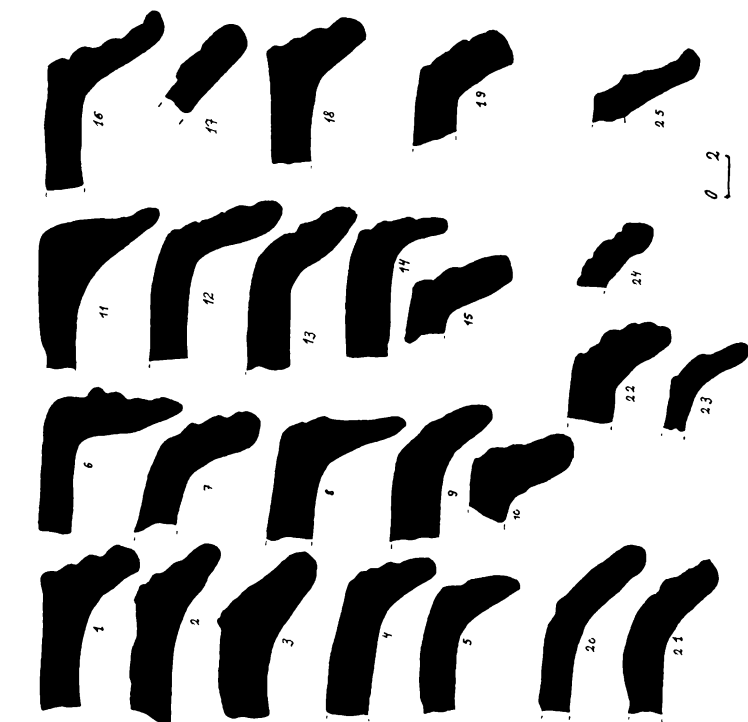

Рис. 4. Николаевское городище. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц: 1—18 орнамент двойной трёхточечный (группа 1); 19—25 — орнамент квадратно-точечный (группа 2).

Рис. 5. Николаевское городище. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц: 26 — орнамент двойной, квадратный (группа 3); 27—40 — орнамент кругово-точечный (группа 4); 42 — орнамент точечно-квадратный (группа 5); 43—47 — орнамент трёхточечный (группа 7).

Таблица 3

Николаевское городище. Здание № 1.
Данные угла отгиба отливов нижних карнизных черепиц

Группа орнамента	Показатели*	Крайние величины**
Группа 1. Двойной трёхточечный	20/17/111,2°	95°–132°
Группа 2. Квадратно-точечный	25/5/123,8°	114°–134°
Группа 3. Двойной квадратный	3/1/101°	101°
Группа 4. Кружково-точечный	18/13/124,2°	97°–145°
Группа 5. Точечно-квадратный	6/1/105°	105°
Группа 6. Точечно-кружковый	5/0/–	–
Группа 7. Трёхточечный	5/5/91,2°	87°–94°

Примечание:

* первая цифра в данной графе означает общее количество нижних карнизных черепиц с орнаментированным отливом, у которых в той или иной степени сохранились параметры и подвергшиеся учёту / вторая — количество черепиц, у которых можно установить величину внешнего угла отгиба отлива / третья — среднее число показателей в группе.

** Крайние (наибольшие и наименьшие) величины углов отгибов в каждой группе орнаментов.

Таблица 4

Шайгинское городище.
Данные угла отгиба отливов нижних карнизных черепиц

Название строительного объекта	Группа орнамента	Показатели *	Крайние величины**
Здание № 1	Квадратно-точечный, точечный	7/7/126,1°	113°–145°
Мастерская № 3	Вертикально-ёлочный	2/2/118°	109°, 127°
Парадная арка	Квадратно-точечный	55/18/120,8°	100°–153°

Примечание:

* первая цифра в данной графе означает общее количество нижних карнизных черепиц с орнаментированным отливом, у которых в той или иной степени сохранились параметры и подвергшиеся учёту / вторая — количество черепиц, у которых можно установить величину внешнего угла отгиба отлива / третья — среднее число показателей в группе.

** Крайние (наибольшие и наименьшие) величины углов отгибов в каждой группе орнаментов.

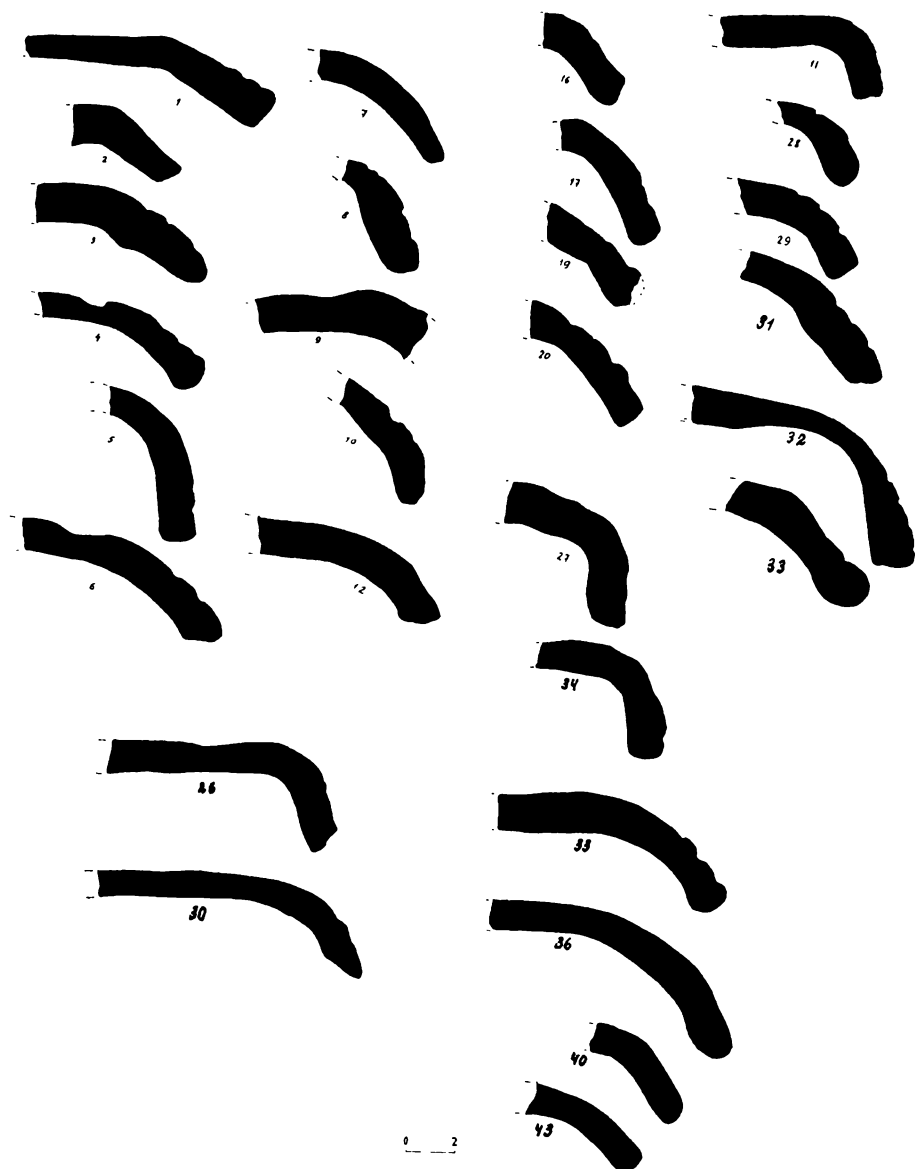

Рис. 6. Шайгинское городище. Продольные профили отгиба отливов некоторых нижних карнизных черепиц. Орнамент квадратно-точечный.

Таким образом, применение метода датирования на примере показателей угла отгиба отливов нижних карнизных черепиц пока не может быть подтверждено, так как и в верхнем, и в нижнем горизонтах Красноярского городища встречается черепица, принадлежавшая к разным периодам, т.е. к X — началу XII в. и ко второй половине XII — началу XIII в. Кроме того, необходимо учитывать возможность сохранения старой черепицы и применения её при ремонте или постройке нового здания. Вероятно, что при обнаружении строительных объектов нижнего строительного горизонта с черепицей можно будет подтвердить или опровергнуть данное утверждение. Пока же нельзя считать вопрос однозначно решённым. По нашему мнению, датировать памятники по этому признаку, скорее всего, недопустимо. В лучшем случае, если датировать, то только конкретные постройки, а точнее не датировать, а устанавливать время их возведения.

-
- ¹ Шавкунов Э.В. К вопросу о датировке средневековых памятников в Приморье // Труды / АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 191—192.
  - ² Аргудяева Ю.В. Чжурчжэньская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.) // Материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь. Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск: АН СССР, 1964. Вып. 1. С. 113.
  - ³ Ивлиев А.Л. Черепица Майского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР: сб. науч. тр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 117—119.
  - ⁴ Там же.
  - ⁵ Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Ивлиев А.Л., 1996. Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // Археология Северной Пасифики: материалы междунар. симпоз., 12—15 апр. 1993 г. Владивосток: ДВО РАН, 1996. С. 161.

S. Sarantseva
Vladivostok

MORPHOLOGY OF THE CHZURCHZENIAN TILE: THE DATING PROBLEM

In the article analyses the morphology of the chzurchzenian eaves tile and possibility index use as the date indication.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОМЕТРИИ И ГЕОРАДИОЛОКАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Изучение культурного слоя Краскинского городища дистанционными методами зондирования начато в 2004 г. в связи с отсутствием каких-либо следов сооружений на поверхности памятника, невозможностью восстановления архитектурной планировки городища и определения расположения наиболее информативных археологических объектов без раскопок всей площади.

В 2005 г. по результатам микромагнитного картирования была восстановлена внутренняя топография археологического памятника. В частности, в северо-восточной части Краскинского городища предположено наличие на глубине около двух метров каменного вала, ограничивающего меньшее по площади поселение. Такое поселение, скорее всего, относится к самому раннему этапу существования городища. Многослойная структура культурного слоя ограничивает возможности магнитометрии. Для восстановления отдельных элементов архитектурного плана археологического памятника на нижних строительных горизонтах и подтверждения существования каменного вала в 2006 г. были проведены геофизические исследования методами электрометрии: вертикальное электрическое зондирование (ВЭЗ), электропрофилирование и георадарное зондирование. По сравнению с магнитометрией методы электрометрии требуют больших затрат времени, за исключением георадиолокации, которая достаточно мобильна и информативна.

Результаты исследования ВЭЗ показали, что культурный слой Краскинского городища представлен песчаными отложениями, мощность которых выборочно оценена по глубине до глинистых пород, полученных с геоэлектрического разреза, и составляет от 2,7 до 4,2 м.

Электропрофилирование выполнено на экспериментальных полигонах в северо-восточной части средневекового поселения. На глубине 2 м был сделан горизонтальный срез и результаты работы подтвердили не только наличие погребённого вала внутреннего города, но и выявили археологические объекты, являвшиеся элементами застройки нижних строительных горизонтов. Такая глубина свидетельствует о том, что культурный слой городища накапливался в течение гораздо большего

времени, чем предполагалось изначально. Электрическое профилирование показало, что удельное электрическое сопротивление верхней части разреза на исследованных участках достаточно высокое, что в сочетании с выровненным рельефом является благоприятным условием для применения георадара.

Георадиолокация — один из высокочастотных методов зондирования, основанный на излучении коротких импульсов (<10 мкс). Возможность исследования строения геологического разреза с применением георадара обусловлена способностью радиоволн отражаться от различных неоднородностей и возвращаться обратно к поверхности. Такими границами раздела в исследуемых средах служат контакты между породами различного литологического состава, между породой и материалом искусственного сооружения и т.д.

Чтобы обнаружить археологические объекты методом георадиолокации, необходимо определить критерий выделения археологических объектов в этом методе. В связи с чем проведены опытно-методические работы на эталонном объекте в раскопе XXXI (камера с черепичными стенками). В результате георадиолокационного зондирования получена радарограмма, на которой отчётливо прослеживаются стены и дно черепичной камеры. По данным необработанной радарограммы уже можно было определить глубину залегания фундамента и ширину черепичной камеры. Однако точно измерить толщину стенок и фундамента без дальнейшей обработки с использованием критериев обнаружения искомого объекта не представляется возможным. Обработка с помощью пакета программ GeoScan-32 позволила путём распределения зон высоких и низких амплитуд отражённого электромагнитного сигнала определить критерии выделения археологического объекта на радарограммах. Выделенный при помощи георадиолокации археологический объект в точности совпадает с данными археологических раскопок. В дальнейшем при применении георадиолокации критерием выделения искомого археологического объекта можно считать зону максимальных амплитуд отражённого электромагнитного сигнала, показанную на радарограммах чёрным цветом, а границей между объектом и вмещающей средой — самый высокий градиент перехода отражённого сигнала от максимума к минимуму.

На экспериментальном полигоне № 1 размером 50 на 20 м было проведено георадиолокационное профилирование по профилям длиной 20 м, расположенных на расстоянии 5 м друг от друга. По резуль-

татам электропрофилирования на территории полигона было прослежено чередование субмеридианально вытянутых «положительных» и «отрицательных» аномалий удельного электрического сопротивления (рк). Отмечена корреляция выделенной аномалии рк и положительной аномалии магнитного поля, отражающей влияние аномалообразующего археологического объекта, по ранее выдвинутому предположению являвшегося валом внутреннего города. Повышенные значения рк 120—150 Ом.м. характерны для каменного материала (обломков горных пород, сцементированных глиной), пониженные значения параметра (60—80 Ом.м) характерны для влажных песков. По результатам георадарного профилирования на исследуемом участке выделена вытянутая в субмеридианальном направлении зона максимальных амплитуд отражённого электромагнитного сигнала, которая обусловлена наличием, по всей вероятности, стен или валов, сложенных из крупных обломков скальных пород магматического и осадочного происхождения. Пониженные значения отражённого георадарного сигнала на участках, прилегающих к валу с запада и востока, соответствуют понижениям рельефа, заполненным песком.

При сопоставлении результатов магнитометрии, электропрофилирования и георадиолокации выделяется протяжённая аномалия, проходящая практически по длине всех представленных планшетов с севера на юг, что свидетельствует о нахождении на исследуемом участке городского вала (стены) шириной от 2,5 до 3 м. По результатам георадарного профилирования отчётливо выявлена точная форма искомого археологического объекта.

На экспериментальном полигоне № 2 размером 35 на 30 м по такой же сети, как и на первом экспериментальном полигоне, выполнено семь георадарных профилей длиной 35 м с расстоянием между ними 5 м.

Экспериментальный полигон № 2 расположен в северной части Краскинского городища, для которой характерны положительные превышения рельефа. Значения рк выше, чем на полигоне № 1 (80—220 Ом.м), что характерно для необводнённого геоэлектрического разреза. Результаты электропрофилирования, представленные в виде карты распределения рк, позволили выявить пять аномальных зон повышенного сопротивления в западной и северо-восточной частях полигона, также выделена зона пониженных значений удельного сопротивления, вытянутая в диагональном направлении с юго-запада до северо-востока на протяжении всего планшета.

Обнаружена очевидная связь распределения геоэлектрического параметра по глубине 2 м, аномального магнитного поля и результатов георадарного профилирования. Необходимо отметить, что глубины до аномалообразующих объектов, рассчитанные по аномальному магнитному полю на исследуемом участке, составляют около 150 см. Подтверждение нахождения на данной глубине археологических объектов отмечено на всех планшетах, однако на карте распределения амплитуды отражённого сигнала видны точные формы фундаментов зданий. Посредством интерпретационной программы GeoScan-32 можно оконтурить искомые объекты (как бы собрать вместе все фрагменты) и выявить расположение фундаментов жилищ.

При решении задачи выделения отдельных строений и определения их точных форм методы электропрофилирования и магниторазведки не позволяют проследить изменения исследуемых параметров с необходимой детальностью. Тем не менее на картах распределения ρ_k и магнитного поля характер чередования повышенных и пониженных значений исследуемого параметра даёт возможность предположить наличие археологических объектов, являвшихся элементами застройки нижних строительных горизонтов культурного слоя. Георадиолокацией магнитные аномалии заверяются успешнее.

Таким образом проведёнными исследованиями показана эффективность применения метода георадиолокации для изучения культурного слоя Краскинского городища. В результате выделены нарушения структуры вмещающих пород культурного слоя, погребённые горизонтальные и наклонные границы сред. Очевидно, что для целей археогеофизических исследований на Краскинском городище и примыкающей к нему территории чрезвычайно перспективно использование георадиолокации.

Преимуществом использования георадара для решения археологических задач является, прежде всего, высокая скорость измерений и большая производительность съёмки.

Данные электроразведки и георадара хорошо дополняют друг друга. Для уменьшения времени и затрат на археогеофизические работы целесообразно применять микромагнитную съёмку в комплексе с георадаром, который идеально дополняет магниторазведку.

Представленные исследования выполнены впервые, их результаты будут использованы в дальнейшем при решении археогеофизических задач с целью поиска и локализации археологических объектов в Приморье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л. Результаты применения магниторазведки для решения археологических задач на Краскинском городище // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5. С. 92—101.
2. Бессонова Е.А., Залищак В.Б., Ивлиев А.Л. Геофизические исследования на Краскинском городище в 2006 году // Отчёт об археологических исследованиях на Краскинском городище Приморского края России в 2006 г. Сеул: Northeast Asian History Foundation, 2007. С. 173—195, 335—338.

S.A. Zverev,
T.V. Polischuk
Vladivostok

**APPLICATION ELECTRICAL RESISTIVITY
AND GROUND-PENETRATING RADAR FOR RESEARCH
OF CULTURAL LAYER**

The article presents research results of Kraskino ancient settlement cultural layer, produced with archaeogeophysical investigation, containing vertical electrical sounding, ground-penetrating radar. The complex of shallow geophysical investigations for restoration elements of architectural plan in low construction layers were produced in north-east part of Kraskino site. Authors conclude availability of such methods to investigation of this site.

ГОСУДАРСТВО БОХАЙ КАК ЧАСТЬ МИР-СИСТЕМЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Государство Бохай (698—926) является одним из самых первых государственных образований на пространстве современной России. Его изучением много лет занимаются учёные из России, Китая, Японии и Кореи. Начало систематическому изучению Бохая было положено китайскими историками в первой половине XIX столетия, позже продолжено русскими востоковедами и японскими археологами (в начале XX в.). Во второй половине XX в. изучение государства Бохай переходит на новый этап, ведутся систематические раскопки археологических памятников бохайской эпохи, создаются первые хронологические системы периодизации археологических памятников. Эти исследования осуществляются преимущественно китайскими и советскими историками и археологами. Территория Приморского края частично входила в состав бохайского государства (приблизительно со второй половины VIII в. н.э.), поэтому изучение бохайских археологических памятников в Приморье имеет важное значение для общего понимания бохайской культуры и места Бохая в мировой истории.

Археологические исследования и изучение письменных источников дают общее представление о истории и культуре Бохая, его взаимоотношениях с соседними государствами и народами. Немаловажное значение имеют и работы по систематизации политической истории этого периода, изучение предпосылок к образованию государства, геополитической обстановки и внутренних тенденций, способствовавших возникновению государственности у мохэских племён, образовавших Бохай. Для подобных исследований применяются различные подходы: сравнительно исторический, мир-системный и др. Использование мир-системного подхода позволяет создать некую модель геополитической обстановки, которая бы помогла понять сложные и многогранные взаимоотношения обществ и культур, находившихся в определённом месте в определённое время, проследить динамику их развития и взаимное влияние.

В рамках данной статьи автор рассматривает обстановку на Северо-Востоке Китая и в Маньчжурии с точки зрения мир-системного подхода в период образования государства Бохай, формирование бохайского государства и бохайской культуры, влияние других государств и культур на этот процесс. Для этого необходимо также рассмотреть процесс политической интеграции и институализации власти у мохэсцев.

ГОСУДАРСТВО И МИР-СИСТЕМА

Все ранние государства можно условно разделить на две группы: «первичные» и «вторичные» (например, Carneiro, 1970, 1978). К «первичным» государствам относятся те, которые образовались раньше других и имели высокий уровень развития культуры, став цивилизационными центрами, в то время как на периферии складывались «вторичные» государства, испытывавшие сильное культурное, экономическое и политическое влияние таких центров. Подобные отношения «центр — периферия» составляют основу миросистемы (К. Чейз-Данн, Т.Д. Холл, 2001: 426). Внутри миросистемы присутствует иерархия, которая может быть сложной и многоуровневой, существует множество видов взаимодействия между центром и периферией. Взаимодействия могут проявляться в торговле, войнах, обмене престижными товарами, данничестве, культурных заимствованиях и др. «Вторичные» государства на периферии миросистемы часто образуются в результате прямого или косвенного влияния «центра». Чем интенсивнее проходят процессы взаимодействия между «центром» и «периферией», тем более ускоряется процесс складывания вторичных государств. Примерами подобных отношений «центр — периферия» с последующим образованием «вторичных» государств под влиянием «первичных» могут служить такие миросистемы, как Китай, Месопотамия, Европа, Мезоамерика. Что же необходимо для создания «вторичного» государства? Чтобы ответить на этот вопрос, следует пояснить, что такое государство и как оно возникает.

Существует множество определений понятия государства. Согласно Джонсону и Эрлу государство (Johnson and Earle, 1987, p. 246) — это регионально организованное общество со специализированными институтами, военными и бюрократическими, которые выполняют задачи контроля и управления.

Классен и Скальник (Classen, Skalnik, 1991) государство представляют как «...централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, в котором отношения между управителями и управляемыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность таких отношений освещена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами». Иными словами, государства основываются на узаконивании права одних управлять и обязанностей других — подчиняться. Они образуются разнообразными способами и по множеству причин (Adams, 1988:37; Cohen 1978:8). Согласно гипотезе стеснённости (circumscription) интенсификация производства продуктов естественно ведёт

к росту населения и увеличивает давление на местные ресурсы. Если население имеет возможность наладить привычные для них процессы производства в других регионах, то они будут мигрировать. Образование государства происходит в тот период, когда возможности эмиграции (условие стеснённости) ограничены, поэтому дальнейшее давление населения создаёт возрастающую конкуренцию за скудные ресурсы. Этот вид конкуренции ведёт к конфликту и локальной войне. Конфликт может быть ослаблен посредством создания иерархических структур (государств), которые укрепляют социальный мир и регулируют использование ресурсов (К. Чейз-Данн, Т.Д. Холл 2001: 429).

Задолго до образования первых государств есть свидетельства о появлении индивидуумов среди лидеров, иерархически организованных и использующих исторические аспекты через символические последовательности, чтобы или укреплять или опровергать притязания на власть. Эти явления происходят при использовании традиционного подтекста, включая пересказ значимых мифических событий, генеалогическое отношение к известным предкам, ассоциацию с некими конкретными регионами и другими источниками для притязаний на положение и привилегии в обществе (Rogers, 2007). Общеизвестно, что монополизация контроля над значимыми ресурсами и их перераспределение (redistribution) являются главным инструментом лидеров (элиты) для поддержания своих позиций в обществе. В качестве ресурсов используются земля, природные ресурсы, продовольствие, орудия труда, оружие, предметы роскоши и др. На территориях, периферийных по отношению к «центру», элита стремилась контролировать обмен с более высокоразвитыми соседями с целью получения от них товаров, которые здесь не производились (например, товары ремесленного производства, предметы роскоши). Даже до формирования государств импортные (экзотические) товары могли символизировать власть, привилегию (Helms, 1988). Предметы роскоши (престижные товары) были необходимы элите, чтобы усилить свой статус в обществе, их поступление способствовало укреплению иерархии внутри самих элит, что в итоге приводило к институализации власти, т.е. появлению одного из основных признаков государства. Для обществ, находившихся на периферии крупных цивилизационных центров, источником таких престижных товаров становились высокоразвитые «центры». Таким образом, элита стремилась, прежде всего, монополизировать торговые контакты с «центром». Дальнейшее развитие и интенсификация торговых контактов также ведёт к расширению и усложнению иерархических систем в обществе (например, Wright, 1977, 1978; Johnson, 1973).

Таким образом, можно заключить, что возникновение «вторичных» государств на периферии цивилизационных центров обусловлено влиянием самих центров на периферию. И чем могущественнее и более культурно развит «центр», тем интенсивнее влияет на «периферию», и это влияние распространяется на большее расстояние. В ряде случаев такое влияние опосредовано уже сформировавшимися «вторичными» государствами. Тогда они в свою очередь становятся «центром» и имеют собственную «периферию», где может проходить новый виток политической консолидации и формирование новых периферийных государственных образований. Многие полупериферийные регионы сыграли важную роль в крупномасштабных социальных изменениях. Причина этого — организационные возможности, имеющиеся у групп, которые находятся «в середине» центр-периферийных иерархий. Полупериферийные регионы являются необычайно благоприятными зонами для социальных инноваций, потому что они могут сочетать элементы «периферии» и «центра», используя новые способы (К. Чейз-Данн, Т.Д. Холл 2001: 429).

МИР-СИСТЕМА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ

Регион Восточной Азии широко известен как один из наиболее древних и крупных цивилизационных центров в мире. «Первичный центр», или мир-империя здесь представлена китайской цивилизацией, «периферия» — народами, окружающими Китай. Северо-Восточная часть Китая (Дунбэй), Дальний Восток России, Корея и Япония не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности. Все без исключения дальневосточные государства были «вторичными» и испытывали в той или иной степени влияние китайской цивилизации. Территории Приморья и Приамурья оказались в качестве внешней периферии по отношению к центрам сформировавшейся «вторичной» дальневосточной государственности. Они были затронуты политогенетическими процессами лишь в VIII в. н.э. (бохайское время), с которого в Приморье начинают фиксироваться археологические критерии государственного общества (Крадин Н.Н., 2005). Однако территория Приморья не являлась центром образования «вторичной» государственности, она была лишь периферией, включённой в процесс политической интеграции.

Примерно с середины I тысячелетия н.э. появляются упоминания о народах, обитавших на территории центральной и северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья. В VI—VII вв. они стали известны в Китае под общим названием *мохэ*, или *уцзи*. Согласно китайской летописи эпохи Тан («Цзю тан шу») насчитывалось несколько десятков племён *мохэ*,

среди них выделялись семь наиболее значительных мохэских объединений, являвшихся, по всей видимости, вождествами (там же). Самыми известными были *сумо*, *хэйшуй* и *аньцзюйгу*, ареал обитания которых простирался от юго-западной Маньчжурии до северо-восточного Приамурья, в долинах рек Сунгари, Амура и Уссури. Достоверно известно, что мохэсцы, находясь на периферии цивилизации, имели плотные контакты с соседями (уже сложившимися «вторичными» государствами Когурё, Силла, Пэкчэ) и цивилизационным центром — Китаем. Посредством таких контактов мохэсцы знакомились с передовыми для того времени производствами, социально-политическим устройством, идеологическими и религиозными учениями (Ивлиев А.Л., 1997:55).

Одной из важнейших разновидностей подобных контактов был международный торговый обмен, который у мохэ приобретает форму данничества, когда в обмен на привозимую «дань» прибывавшие ко двору империи (Суй, Тан и др.) посольства племенных группировок получали эквивалентное количество подарков. Такие даннические отношения с соседними государствами вели к тому, что вожди племенных группировок сосредоточивали в своих руках собираемые со всех племён товары для отправки в качестве дани и получаемые в обмен на них «дары» (Ивлиев А.Л., 1997:53—60). Подобное накопление богатств давало элите возможность их перераспределения, что приводило к усложнению социально-политической иерархии среди мохэской знати. Это являлось важным показателем на пути к становлению государственности. Империя Тан пыталась сохранить определённый экономический и политический баланс в варварской периферии на северо-востоке империи, используя подкуп и торговый обмен в виде «даннических отношений». С одной стороны, такие отношения, казалось бы, выгодны китайцам и экономически, и политически. Но всё же это была политика с определённым риском. Подобным примером может служить история возникновения не только самого государства Бохай, но и государств Ляо и Цзинь (Никитин Ю.Г., 2005).

Находясь на северо-восточной периферии Китая и государств Корейского полуострова (Когурё, Пэкче и Силла), гранича со степными кочевниками на западе, мохэ не могли не участвовать в международных отношениях и военных конфликтах. Выступая на стороне разных участников военных конфликтов, племенные объединения мохэ оказывались активно втянутыми в социально-политические изменения. «Военные действия могли стимулировать социальные процессы в подвергавшихся военному давлению синполитейных обществах, вплоть до форсирования классово- и государствообразования. Так, потребности отпора могли вести к укрупнению высших звеньев социальной организации, возник-

новению племенных объединений, усилению власти военных вождей и родоплеменной знати, появлению обособленной военной прослойки и т.д.» (Первобытная периферия... 1978:252—257).

Таким образом, к середине — концу VII в. н.э. южные мохэсцы в своём социально-политическом развитии уже были близки к тому уровню организации, на котором возникает государство. Они образовали мощные племенные объединения, имели развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство, вековой опыт военно-политического, экономического и культурного общения с «центрами» цивилизации — Китаем и Когурё. Начало же процессу практического сложения первого мохэского государства, которое впоследствии стало известно как Бохай, положила вернувшаяся на свои земли группа мохэ и когурёсцев, некогда переселённых в Инчжоу (Ивлиев А.Л., 1997:56).

Бохайское государство, образованное в 698 г., очень многое заимствовало из устройства империи Тан. В частности, была заимствована система административно-территориального деления страны на области, округа и уезды. Согласно имевшимся в летописи данным страна делилась на 15 областей и 62 округа. Устройство государственного аппарата было также на основе китайского, который включал три управления (*шэн*), несколько министерств (*бу*) и палат (*сы*). Министерства подразделялись на левые и правые (Шавкунов Э.В. 1968:167). Кроме того, из империи Тан была заимствована система 5-ти столиц, что было реальной необходимостью, поскольку Бохай, как и многие ранние государства, не имел хорошо развитой инфраструктуры (Крадин Н.Н., 2005). Значительные заимствования сделаны в архитектуре и искусстве. Все столичные города Бохая были построены по сложившимся в Китае градостроительным канонам, с чёткой планировкой улиц, системой городских ворот и внутренним городом в центре. Архитектурный стиль был заимствован с минимальными изменениями. Административные здания и храмы строились по китайским канонам, с колоннами и черепичными кровлями, увенчанными концевыми черепичными дисками с изображением лотоса.

Отдельно стоит отметить распространение буддизма в Бохае, о чём свидетельствуют найденные и исследованные буддийские храмы, в том числе и на территории Приморского края (Шавкунов Э.В., 1968; Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994.).

Все заимствования прекрасно вписываются в упомянутую модель отношений «центр — периферия». Надо отметить и то, что после образования государства Бохай оно стало распространять своё культурное влияние на сопредельные территории, в том числе и на юго-западное Приморье, которое вошло в состав Бохая в VIII в. н.э. Таким образом,

Бохай, являясь «периферией» для Китая, стал «центром» для окружающих его мохэских племенных объединений (таких, как *хэйшуй*, *шуайбинь*), некоторые из которых были впоследствии включены в состав государства (*шуайбинь*). Что же касается остальной когда-либо входившей в состав Бохая части территории современного Приморья, то, очевидно, это были периферийные, окраинные районы государства, возникшие в его составе намного позже в результате завоевательной политики бохайских ванов. В отличие от центральных районов Бохая население периферийных областей находилось на более низком уровне экономического развития и нет оснований сомневаться в том, что связи этих территорий Приморья с центральными регионами государства так и остались слаборазвитыми до самой гибели Бохая. Вероятно, именно поэтому исторической информации об этих территориях (относительно кратковременных в составе Бохая) не сохранилось (Никитин Ю.Г., 2005). Хотя культурное влияние в удалённых от центра районах несколько ослабевало, смешиваясь с местными культурными традициями, городские центры и храмы строились здесь согласно тем же самым канонам, что и в центральных областях государства. Это подтверждается многочисленными археологическими исследованиями (например, Болдин В.И. и др., 2001). Конечно же, по мере удаления от «центра» к «периферии» действовали многие факторы (недостаток населения, низкий уровень социально-политической организации и развития производительных сил), не позволявшие в полной мере придерживаться всех принятых в столичных областях градостроительных и архитектурных канонов. Несмотря на это, основные принципы, принятые в градостроительстве, всё же соблюдались. Для примера можно рассмотреть план Краскинского городища в Хасанском районе Приморского края, сравнив его с планом одного из столичных городов Бохая. Краскинское городище являлось центром округа Яньчжоу, важным административным центром, откуда, как предполагается, мог пролегать морской путь в Японию (Ивлиев А.Л., 1997). При ближайшем рассмотрении можно заметить, что присутствуют все основные элементы, принятые в бохайской системе градостроительства (заимствованной у Тан): система ворот, храмовый комплекс, окружённый стеной, с ведущей к нему главной улицей, и даже оборонительная система башен (*матюу*). Техника, использованная при сооружении городской стены, также является типичной для бохайских городов (Болдин В.И. и др., 1998). Вместе с тем чётко видно, что город, несомненно провинциальный, об этом можно судить по неправильной в плане форме городища, недостаточному уровню развития инфраструктуры, по археологическому материалу, обнаруженному во время раскопок, и по другим факторам.

При рассмотрении большинства археологических памятников бохайской эпохи в Приморье можно сделать вывод о значительном смешении бохайских культурных традиций, попавших на эту территорию вместе с распространением влияния Бохая, и местных мохэских традиций. Эти две традиции сосуществовали длительное время, что прослеживается на многих археологических памятниках, таких как городище Синельниково-1, могильник Чернятино-5, селище Чернятино-2. Например, при раскопках горной крепости Синельниково-1 в Октябрьском районе Приморского края выяснилось, что присутствует два строительных горизонта: более ранний относился к мохэской эпохе, а более поздний — к бохайскому периоду, когда защитные сооружения городища были укреплены и перестроены (Болдин В.И., 1996).

Неподалёку от городища Синельниково-1 находится погребальный комплекс Чернятино-5, датируемый эпохой Мохэ — Бохай, т.е. от VI в. и, возможно, до X в. н.э. Первые захоронения могильника можно связать с племенем *шуайбинь мохэ*, а затем, после включения этой территории в состав государства Бохай, он использовался бохайцами. Наиболее ранние погребения можно совершенно точно отнести к мохэской эпохе, по большей части они представляют собой погребения, сделанные в простых земляных ямах с сопутствующим инвентарём и керамикой мохэского типа (Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., 2002). Принадлежность самых поздних погребений, выполненных в каменных склепах и относящихся к X в. н.э., также не вызывает сомнений (Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, 2005). Однако большинство из раскопанных погребений, судя по всему, относится к позднему мохэскому либо к раннему бохайскому периоду, точную культурную принадлежность таких погребений определить не представляется возможным. Неподалёку находится многослойное поселение Чернятино-2, на котором прослеживается аналогичная ситуация со смешением мохэских и бохайских культурных чёрт (Никитин Ю.Г., 2000).

На примере изучения археологических памятников в долине реки Суйфун можно наблюдать значительное смешение черт бохайской культуры с чертами культуры местного, преимущественно мохэского населения, что заметно в материальной культуре (особенности керамики, погребальных сооружений и др.). Могильник Чернятино-5 является хорошим примером такого смешения культурных традиций. Несмотря на этот факт, многие черты, присущие бохайской культуре, являются подавляющими в поздний период существования Бохая в Приморье. Этот факт отмечался при раскопках каменных склепов позднего бохайского периода. Прямые аналогии таким типам конструкции погребений и погребального инвентаря можно найти и на других бохайских

могильниках, например Людиншань и Чалиба на северо-востоке Китая. Тем временем ранние погребения можно определить как «типично мохэские», аналогии которым находят в мохэских могильниках на территории Приморья и Приамурья (например, Рощинский могильник в Приморье, Корсаковский могильник в Приамурье). Кроме того, ряд погребений содержит в себе как бохайские, так и мохэские черты.

Таким образом, государство Бохай являлось «периферией» китайской империи «Тан», испытывая сильное её влияние (политическое, экономическое и культурное), в свою очередь это был «центр», оказывавший влияние на северных и северо-восточных соседей. В эпоху государства Бохай во внешних периферийных районах мохэские синполитейные общества постепенно развивались в слабо стратифицированные, но централизованные политические структуры. Во многом это было вызвано влиянием бохайского государства. В миросистеме, сложившейся на северо-востоке Китая в эпоху существования Бохая (VII—IX вв.), таким образом, присутствовала как минимум трёхуровневая иерархия:

«Центр» — Империя Тан, которая являлась основным цивилизационным центром, источником, влияние которого распространялось на сопредельные территории, с находившимися на них «вторичными» государствами и другими политиями.

«Полупериферия» — «вторичные» государства, такие как Бохай, государства Корейского полуострова (Силла, а ранее — Когурё, Пэкчэ), Япония. Сюда же можно отнести империи кочевников* (тюрки и кидани), которые своим присутствием оказывали влияние на регион (кидани захватили его, разрушив Бохай). Полупериферийные политии испытывали влияние танской империи, нередко привнося в него собственные элементы, транслировали его далее на народы и общества, находившиеся на их «внешней периферии».

«Внешняя периферия» — догосударственные народы, племенные объединения, не входившие в состав «вторичных» государств, но испытывавшие их культурное и политическое влияние. К таким обществам можно отнести народы, проживавшие на севере от Бохая (*хэйшуй*, *шивэй* и др.).

Очевидно, внутри такого элемента иерархии, как «полупериферия», также должно быть некое подразделение на более ранние и более поздние «вторичные» государства, которые оказывали влияние друг на дру-

* Ввиду специфических особенностей организации и существования империй кочевников, их нельзя в полной мере отнести к «полупериферии». Хотя они и являются «вторичными» государствами по отношению к империи Тан, но взаимоотношения Китая и кочевых империй имеет совсем другую специфику (см., например, Barfield 2004, Rodgers, 2007, Крадин, 2002).

га. Подтверждением этому может служить, например, тот факт, что погибшее в 668 г. государство Когурё оказало значительное влияние на бохайскую культуру. Часть населения разгромленного государства вошло в состав Бохая, привнеся множество культурных элементов, ставших частью бохайской культуры (например, традиция строить жилища с системой отопления, называемой «кан»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Carneiro Robert L.**, 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol.169 (August).
2. **Carneiro, Robert L.**, 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution I* Ed. by Ronald Cohen and Elman R. Service. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, P.205—223.
3. **К. Чейз-Данн, Т.Д. Холл.** Две, три, много миросистем // *Время мира: Альманах*. 2001.
4. **Johnson and Earle**, 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press, 1987. P.246.
5. **Classen, Skalnik**, 1981. Study of the State. The Hague: Mouton.
6. **Adams, Rohert M.** 1988, Contexts of civilizational collapse: A Mесopotamian view, in *The Collapse of Aneirnl Statesand Civilizations*: 20—43, ed. N. Yoffee and G.L. Cowgill. Tucson: University of Arizona Press.
7. **Cohen, Ronald**, 1978. Introduction, in *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*: 1—20, ed. R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
8. **Rodgers, J. Daniel**, 2007. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia // *Asian Perspectives*.
9. **Helms, Mary W** 1988, *Ulysses' Sail: An Ethnographic Odyssey of Power, Knowledge, and ideographical Distance*. Princeton: Princeton University Press.
10. **Крадин Н.Н.** 2005. Становление и эволюция средневековой государственности на Дальнем Востоке // *Российский Дальний Восток в древности и средневековье*. Владивосток. С.439—448.
11. **Ивлиев А.Л.**, 1997. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // *Вестник ДВО РАН*. Владивосток. № 1.
12. **Никитин Ю.Г.**, 2005. Тан, Бохай и «восточные варвары» (изучение восточной периферии Бохая) // *Российский Дальний Восток в древности и средневековье*. Владивосток. С.517—541.
13. *Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий*. М.: Наука, 1978.
14. **Шавкунов Э.В.**, 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Ленинград.
15. **Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г.**, 1998. Новые сведения о фортификации бохайских городищ // *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*, Владивосток.

16. Болдин В.И., 1996. К вопросу о датировке бохайских памятников в Приморья // Археология Северной Пацифики. Владивосток. С. 76—81.
17. Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., 2002. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне реки Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН. С. 195—215.
18. Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, 2005. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003—2004 годах. Сеул.

E.Y. Nikitin
Vladivostok

THE BOHAI STATE AS A PART OF EAST ASIA WORLD-SYSTEM

Studying of process of state genesis, from world-system point of view, plays very important role in understanding of whole historic process, understanding of why did some states had similar cultural traditions and how did this appear. The center of world-empire in Eastern Asia was represented by Chinese civilization, which had spread its cultural and political influence to surrounding regions and people. The result of that influence was the genesis of "secondary states". Bohai state is a good example of such kind of "secondary" state-polity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авилов Р.С., студент Института истории, философии и культуры ДВГУ,
Владивосток

Арнаутов Н.Б., аспирант ИИ СО РАН, Новосибирск

Асада Масафуми, докторант Центра славянских исследований университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Асташенкова Е.В., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Баженова Ж.М., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Ван Чао, научный сотрудник АОН пров. Хэйлунцзян, Харбин

Васильева Л.Е., инженер-исследователь ТОИ ДВО РАН, Владивосток

Гамерман Е.В., кандидат исторических наук, доцент АмГУ, Благовещенск

Гвоздев Р.В., аспирант Отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Головачёв В.Ц., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва

Давлетшин И.Д., кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ, Москва

Егоров Н.А., адъюнкт ХПИ ФСБ РФ, Хабаровск

Задерей Н.В., аспирантка Российского университета дружбы народов, научный сотрудник Центра изучения ШОС ИДВ РАН, Москва

Заколотная А.С., аспирантка ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Зверев С.А., младший научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток

Зыков А.А., аспирант Института международных отношений и социальных технологий ВГУЭС, Владивосток

Иванов С.А., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

- Като М.**, докторант Центра славянских исследований Хоккайдского университета, Саппоро, Япония
- Козлов Л.Е.**, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения ВГУЭС, Владивосток
- Кондратенко Г.В.**, аспирант Отдела востоковедения ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Корновенко С.В.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Черкасского национального университета, Черкассы, Украина
- Краюшкина Т.В.**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Кудинова Е.В.**, ст. лаборант-исследователь ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Кузнецов Д.В.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ, Благовещенск
- Лебедева А.А.**, главный специалист Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург
- Латушко Ю.В.**, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Лю Сю**, докторант Центра славянских исследований Хоккайдского университета, Саппоро, Япония
- Лю Сяньжун**, PhD, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР, Пекин, КНР
- Макитрюк Е.В.**, аспирант кафедры китаеведения БГПУ, Благовещенск
- Минаков А.С.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета, Орёл
- Мун А.В.**, аспирант кафедры всеобщей истории УГПИ, Уссурийск
- Никитин Е.Ю.**, студент 5 курса кафедры социальной антропологии ДВГТУ, Владивосток
- Олейников И.В.**, аспирант кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, Иркутск
- Пасмурцев В.А.**, аспирант Отдела востоковедения ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Пискарёва Я.Е.**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Полищук Т.В.**, ТОИ ДВО РАН, Владивосток
- Поповкин А.В.**, кандидат философских наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Поповкина Г.С.**, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

- Савченко А.Е.**, аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Савчук А.С.**, студентка Института истории, философии и культуры ДВГУ, Владивосток
- Саранцева С.В.**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Сергеева М.**, аспирант МПГУ, Москва
- Симоненко Е.С.**, ассистент кафедры всеобщей истории УГПИ, Уссурийск
- Ставров И.В.**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела востоковедения ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Стапран Н.В.**, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ, Москва
- Тао Ли**, ведущий научный сотрудник Института России АОН пров. Цзилинь, Чанчунь, КНР
- Татаренкова Н.А.**, эксперт по мониторингу PSP в с. Никольском, Алеутский краеведческий музей, о-в Беринга
- Тригуб Г.Я.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии ВГУЭС, Владивосток
- Фадеева Е.В.**, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Филиппов М.В.**, аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
- Фролова Е.А.**, адъюнкт ХПИ ФСБ РФ, Хабаровск
- Хосек М.**, докторант Центра славянских исследований Хоккайдского университета, Саппоро, Япония
- Цзян Фэн**, старший научный сотрудник Института России АОН пров. Цзилинь, Чанчунь, КНР
- Цун Ляньли**, старший научный сотрудник Института России АОН пров. Цзилинь, Чанчунь, КНР
- Чертушкина Е.**, аспирантка ДВГУ, Владивосток
- Ши Чуньян**, научный сотрудник АОН пров. Ляонин, Шэньян, КНР
- Юкимура С.**, докторант Центра славянских исследований Хоккайдского университета, Саппоро, Япония
- Юрченко Е.С.**, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории ДВГГУ, Хабаровск

Научное издание

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ И СТРАНЫ АТР
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сборник статей

Редакторы-корректоры *Г.И. Суббот, В.К. Форостовская*
Редактор электронной вёрстки *А.С. Иванов*
Электронная правка *Л.М. Шуркаева*

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
690950, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г.
Подписано к печати 01.12.2008 г.
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
38,7 усл. печ. л.; 29,4 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ 125.

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, Владивосток, ул. Радио, 7.